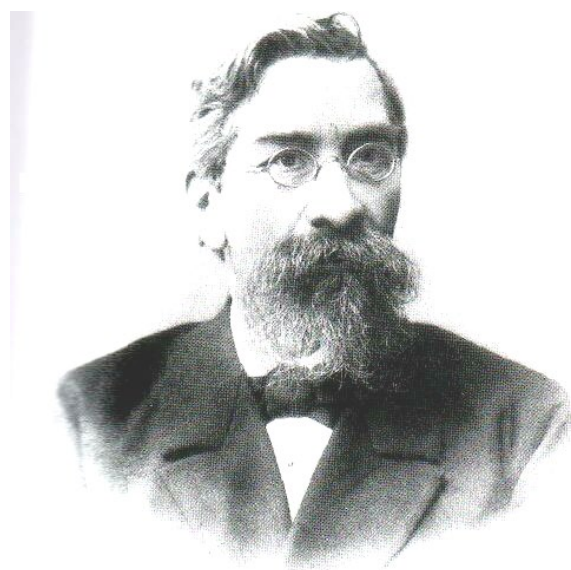

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – VII
АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ

МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Белгород 2022

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3
К 64

Ответственный редактор-составитель:

д.и.н. Н.Н. Болгов.

Рецензенты:

д.и.н. *А.Н. Мошкин* (НИУ «БелГУ»)

к.и.н. *А.В. Кобзева* (МОУ «Лицей № 32» г. Белгорода)

Публикуется в соответствии с планом управления проектом «Византийское древо, корни православной духовности и нравственности».

К 64 **Кондаковские чтения – VII. Античность – Византия – Древняя Русь.** Материалы VII международной научной конференции / отв.-ред.сост: Н.Н. Болгов.– Белгород, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-6049008-3-3

В настоящее издание вошли материалы VII международной научной конференции, проведенной 14 октября 2022 г. в Белгороде. В центре внимания авторов публикуемых материалов – научные проблемы, находившиеся в сфере интересов академика Н.П. Кондакова (1844-1925), одного из творцов византиноведения в России, уроженца современной Белгородчины. Материалы сборника полностью соответствуют задачам проекта «Византийское древо» программы «Приоритет-2030» НИУ «БелГУ» и призваны актуализировать наследие ученого на его родине и на всем научном пространстве, сложившемся на протяжении XIX-XXI вв. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы археологии и истории искусства православного мира, краеведения, интересуется истоками отечественной цивилизационной традиции.

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-6049008-3-3

© Болгов Н.Н., отв. ред., 2022

Содержание

Кондаковские чтения 2022 г.	5
----------------------------------	---

Доклады и сообщения

Кочергин С.С. (Тула). Металлы и сплавы в ветхозаветных представлениях древних евреев о святости	6
Писаревский Н.П. (Воронеж). В поисках античной Гипербореи. I. Щит Ахилла	14
Клейменов А.А. (Тула). Разложение армии Александра Македонского в Вавилоне 331 г. до н.э.: между исторической реальностью и литературным вымыслом	25
Анисимов К.А. (Тула – Белгород). Междуречье Нижнего Гебра и Нижнего Неста (430–359 гг. до н.э.)	33
Бобин Р.М. (Тула). Локализации этнического образования гениохов на северо-восточном побережье Понта	41
Малинин М.А. (Тула). Особенности взаимоотношений Римской империи с племенами вандалов в первых веках н.э.	50
Абдулманова И.В. (Белгород). Община филопонов в контексте христианизации интеллектуальной традиции Александрии конца V в.	54
Стржалковская А.Д., Бутримова Е.Д. (Белгород). Еретические моменты в учении Оригена по описанию Леонтия Византийского.....	59
Литовченко Е.В. (Белгород). «Риторические игры» Авсония в контексте функционирования позднеантичных «эпистолярных сетей» (по письмам к Аксию Павлу)	62
Манохин Я.В. (Борисоглебск). Экзегетическая традиция свт. Епифания Кипрского	71
Радченко М.Л. (Белгород). Монографические исследования наследия Либания (Р. Крибиоре, П. Пети)	75
Грацианский М.В. (Москва). К вопросу о «гражданском обществе» в Римской империи эпохи Поздней античности	84
Прокопенко С.Н. (Белгород). Особенности жилой застройки в позднеантичном Сиде	91
Внуков А.А., Ярцев С.В. (Тула). Гуннские вождества в Северном Причерноморье в середине IV – начале V вв.	95
Сапожникова М.Г. (Белгород). К вопросу о влиянии партий цирка на политику византийских императоров V в.	104
Лихошерстов В.А. (Белгород). Взаимоотношения монофизитских патриархов Александрии и монашества в V в.	109
Елисеева А.Ю. (Белгород). К вопросу об историографии культурных центров ранневизантийского Египта (Панополь и др.) ...	111
Пашкова А.Ю. (Белгород). Специфика историографии ранневизантийской Писидии (Антиохия)	117

Шелудченко Ю.В. (<i>Белгород</i>). Лавра св. Евфимия в Иудейской пустыне в VI в.	122
Маркова К.О. (<i>Тула</i>). Амфоры позднеантичного и ранневизантийского времени из раскопок городища Белинское в Восточном Крыму	128
Синица М.М. (<i>Белгород</i>). К истории изучения наследия Прокопия Кесарийского	140
Могаричев Ю.М. (<i>Симферополь</i>), Ергина А.С. (<i>Санкт-Петербург</i>). Св. Георгий или три воина: к проблеме интерпретации росписей храма «Трех всадников» (Эски-Кермен, Юго-Западный Крым)	170

Проблемы источниковедения

Болгов Н.Н., Болгова А.М. (<i>Белгород</i>). «Анакреонтики» Иоанна Газского (VI в.): аллегорическая поэзия Газской школы	184
Радченко М.Л. (<i>Белгород</i>). Декламации Либания	197
Синица М.М. (<i>Белгород</i>). «Хроника» Иоанна, епископа из Никиу	203
Болгов Н.Н. (<i>Белгород</i>). Завершение латинского эпоса: Корипп. «Иоаннида» VI-VIII	213
Синица М.М. (<i>Белгород</i>). Ранневизантийский эпистолограф Прокопий Газский. Письма 1-6	255
Логвинова А.А. (<i>Белгород</i>). «Мириобиблион» патриарха Фотия (cod. 1-83)	283

Хроника. Рецензии

Болгов Н.Н., Болгова А.М. (<i>Белгород</i>). Археологическое путешествие в Скифополь (римско-византийская Палестина)	407
Болгов Н.Н. (<i>Белгород</i>). Рецензия: Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Часть III. Нижний Новгород: ННГУ, 2022. 454 с.	421

Кондаковские чтения 2022 г.

VII международная научная конференция «Кондаковские чтения: античность – Византия – Древняя Русь» объединила на площадке НИУ «БелГУ» исследователей из России, Армении и Болгарии.

«Кондаковские чтения» проводятся один раз в три года. Тематический и хронологический диапазон конференции охватил временной период от ветхозаветного Древнего Востока до Древней Руси, но основная тематика сосредоточилась вокруг классической античности и Ранней Византии.

В этом году чтения состоялись при поддержке проекта программы «Приоритет-2030» «Византийское древо: корни православной духовности и нравственности» под руководством профессора кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгова.

Этот проект существует с 2004 года. Чтения призваны актуализировать тематику научных исследований академика Никодима Павловича Кондакова – уроженца нашего края, крупнейшего византолога, историка искусства, археолога.

Тематика конференции совпадает с работой научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция», которое, по сути, продолжает данные исследования.

Наибольшая делегация докладчиков представляла кафедру всеобщей истории НИУ «БелГУ». Особенно важным было участие аспирантов и молодых учёных, делающих первые шаги во «взрослой» науке в сотрудничестве с ведущими учеными.

Слушателями конференции стали студенты и молодые исследователи проблемной группы и студенческого клуба НИУ «БелГУ» «Византийское древо».

В целом участие в «Кондаковских чтениях» приняли более 40 представителей вузов Москвы, Тулы, Воронежа, Симферополя, Севастополя, Санкт-Петербурга, Владикавказа, Белгорода, Борисоглебска, а также Еревана (Армения) и Велико Тырново (Болгария).

Помимо докладов и сообщений в сборнике публикуются материалы, связанные с изучением позднеантичных и ранневизантийских письменных источников, а также хроника и рецензии.

М.А. Руднева, В.А. Лихошерстов

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

МЕТАЛЛЫ И СПЛАВЫ В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ЕВРЕЕВ О СВЯТОСТИ

С.С. Кочергин (Тула)

Автор статьи, опираясь на концепцию градуированной святости в ветхозаветных текстах, анализирует, каким образом в представлениях древних евреев с ней соотносятся чистое золото, золотой сплав, серебро и медь. В работе последовательно выстраивается схема, согласно которой на первом месте стоит чистое золото, связанное исключительно с Яхве. Затем следует медно-золотой сплав, обладающий свойствами, защищающими высший источник святости от осквернения и заклания, а также являющийся признаком божественно-человеческого взаимодействия. На третьем месте находится серебро с его ограждающими функциями. И на четвертом – медь, тоже оберегающая более высокие уровни святости, но соотносящаяся с человеком. В целом использование металлов в скинии выстроено так, чтобы защитить святость Яхве от осквернения.

Ключевые слова: градуированная святость, осквернение, скиния, золото, серебро, медь, древние евреи, Ветхий Завет, Исход.

Исследуя библейские тексты¹ Пятикнижия и связанные источники для изучения проблемы происхождения и развития древнееврейских представлений о святости², не может остаться в стороне вопрос о роли и особом обращении с некоторыми металлами, такими как золото, серебро и медь. Заметим также, что в отечественном востоковедении и библеистике эта тема, как и ее более широкий историко-культурный контекст, не представлена сколько-нибудь значимыми работами, в то время как их возможные результаты могли бы глубже прояснить причины тех или иных явлений и событий.

В первую очередь, надо отметить, что ветхозаветные упоминания о металлах связаны с распространенной в научной среде концепцией градации святости. Согласно ей, перечисление различных зон, предметов и явлений в тексте источника градуируется, т.е. происходит в особом порядке: от наиболее

¹ По умолчанию транслитерация древнееврейского дается на основе *Botterweck G.J. et al (eds.). Theological Dictionary of the Old Testament. Vol. XII. Grand Rapids, 2003. P. XXI*, с опорой на конкорданцию Стронга (далее STR). В качестве оригинального библейского текста используется *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, в качестве цитируемого текста – Синодальный перевод ветхозаветных книг.

² В рамках нашей работы под святостью мы предлагаем понимать нижеследующее. Яхве обладает некоторым свойством божественной святости. В доступном древним израильтянам физическом мире святость являет собой состояние живого или неживого объекта, делающее возможным его принадлежность Яхве, или его контакт с Яхве. Условия достижения состояния святости различны и многочисленны, попытки контакта с божественным без их выполнения ведут к уничтожению физического субъекта или объекта, божественная святость смертельна.

святого до наименее святого, от изготовления ковчега до священства, которое служит святилищу¹.

В наиболее святой области, – в Скинии (*'ōhel/miškān mō'ēdh*) (STR 168/STR 4908 + STR 4150), – располагался целый ряд предметов, изготовленных из золота. При этом терминологически упоминается чистое золото (*zâhab tâhôr*) (STR 2889+STR 2091) и золото (*zâhab*) (STR 2091) без упоминания чистоты.

Чистым золотом был обложен изнутри и снаружи ковчег (*'ārôn*) (STR 727) из дерева², находящийся в Святая-Святых (*qōdeš (haq)qodāšîm*) переносного святилища. Ковчег закрывался крышкой (*kapporet*) (STR 3727) из чистого золота с чеканными херувимами (*k'rûb*) (STR 3742) из золота на ее краях, покрывающими ее своими крыльями (Исх. 25:16-21). Божественное присутствие Яхве явлено и скрыто в облаке благовоний на *kapporet* под ними (Лев. 16:2, 13). Господь обещал открываться Моисею и говорить с ним над крышкой между этими херувимами (Исх. 25:22), и поэтому это есть место предельной ритуальной чистоты.

Также должен был быть изготовлен обложенный чистым золотом деревянный стол для хлебов предложения (хлебов «пред лицом» Господним (Исх. 25:30) или «священных хлебов» (1 Цар. 21:4-6)). К нему прилагались кадиланицы, блюда, чашки и кружки из чистого золота (Исх. 25:23-30).

По образцу, показанному Моисею на горе, Яхве повелел отчеканить из чистого золота семисвечный светильник (менора) (*m'nôrâh*) (STR 4501) на основании из трех ног или монолитном цоколе³, к нему прилагались щипцы и лотки (также из чистого золота) (Исх. 25:31–40), а общий вес комплекта составлял один талант (Исх. 25:39), т.е. 34 кг⁴. При переносе на носилках все это покрывалось шерстью и кожей (Чис. 4:9-10).

Также в стихах 30:1-10 Яхве повелевает сделать жертвенник с рогами для приношения исключительно курений (Исх. 30:9). Он должен быть

¹ *Jenson P.P.* Graded Holiness. A Key to the Priestly Conception of the World (JSOT 106). Sheffield, 1992. P. 89-93; *Meyers C.* Exodus (NCBC). New York: Cambridge University Press, 2005. P. 154; *Coogan M.D.* The New Oxford Annotated Bible. New Revised Standard Version with The Apocrypha. New York: Oxford University Press, 2010. P. 109; *Milgrom J.* Studies in Levitical Terminology: The Encroacher and the Levite the Term 'Aboda. Eugene: Wipf & Stock, 2016. P. 44-45; *Johnstone W.* Smyth & Helwys Bible Commentary: Exodus 20–40, Macon, 2014. P. 240-241.

² Ковчег обладал высочайшим уровнем святости, поэтому теоретически он должен был быть сделан полностью из чистого золота, а не отделан им. Вероятно, использование дерева повышало мобильность переносимой святыни.

³ Подробнее о меноре: *Meyers C.L.* The Tabernacle Menorah: A Synthetic Study of a Symbol from the Biblical Cult. Missoula, 1976; *Hachlili R.* The menorah, the ancient seven-armed candelabrum. Origin, Form and Significance. Leiden-Boston-Koln: Brill, 2001; *Propp W.H.C.* Exodus 19-40. A New Translation with Introduction and Commentary (The Anchor Bible). New York: Doubleday, 2006. P. 398-405. Сложная конструкция светильника могла подразумевать материал более крепкий, чем чистое золото.

⁴ *Элуэлл У., Камфорт Ф.* Большой библейский словарь. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 1229.

изготовлен из дерева ситтим длиной и шириной в локоть и высотой в два локтя¹ и обложен чистым золотом сверху и по бокам. Алтарь называется «святыней (qōdeš) великой» (Исх. 30:10). Благовонный алтарь устанавливался перед завесой, закрывавшей ковчег, и Аарон каждым утром и вечером должен был возжигать курение.

К головному убору первосвященника (кидару) прикреплялась резная дощечка (šīyṣ) (STR 6731) из чистого золота (Исх. 28:36), по описанию Иосифа Флавия – это некая корона из золота в виде декоративного цветочного украшения² с плоской поверхностью, характерная для ближневосточных богов и царей³, с надписью «Святыня Господня» (qōdeš YHWH), символизирующая царский венец, власть, ответственность и напоминающая об особой роли священнослужителя⁴. Элементы чистого золота присутствовали также в ефодe (’ēpōd) (STR 646) (Исх. 28:14) и наперснике (ḥšen) (STR 2833) (Исх. 28:22).

Ознакомившись кратко с предметами, изготовленными из чистого золота, можно наблюдать, что все они находятся в скинии, расположены близко к Святой-Святых, ковчегу и являют собой предметы высочайшей святости. При этом золото без упоминания чистоты упоминается в сходных, но несколько отличающихся случаях.

Кольца для переноса ковчега и венец были просто золотыми, тем же материалом были покрыты деревянные шесты для переноса святыни. Стол для хлебов предложения имел вокруг золотой венец и был дополнительно оборудован бортиками с золотым венцом и золотыми кольцами в углах с обложенными золотом деревянными шестами для переноса (Исх. 25:24-28). Таким же образом и жертвенник для курений был окружен золотым венцом (Исх. 30:3), под которым к нему прикреплялись четыре (или два⁵) кольца для переноски. В кольца вставлялись деревянные шесты, также обложенные золотом (Исх. 30:4-5). Покрывала внутренней части святилища соединялись между собой золотыми крючками (wāw) (STR 2053) (Исх. 26:6) (напоминавшими звезды в небесах), а брусья скинии (в отличие от брусьев двора (27:17)) были обложены золотом (Исх. 26:29).

Помимо прочего, ефод, являвшийся предметом с высокой степенью святости, был сделан преимущественно из золота (Исх. 28:5-6)⁶, наперсник был частично из золота (Исх. 28:15, 20-27), как и риза к ефоду (Исх. 28:33-34). В этой одежде Аарон входил в скинию.

Как видим, за небольшими исключениями, ковчег и прочие предметы в святилище почти полностью изготовлены из золота и чистого золота. При этом

¹ Примерно 0,44x0,44x0,88м. Там же, с. 1172.

² JA III, 172-178.

³ Например: *Oppenheim A.L., Reiner E. (eds). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. IV. Chicago, 1958. P. 182-183. Fig. 1, 11.*

⁴ *Walton H.J. et al. The IVP Bible Background Commentary. Old Testament. Downers Grove, 2000. P. 110.*

⁵ *Propp W.H.C. Op. cit. P. 474.*

⁶ *Haran M. The Ephod According to Biblical Sources // Tarbiz, 24. 1955. P. 383-384, 390.*

назначение золотых венцов и шестов у ковчега, стола и жертвенника для курений могло иметь особый смысл – это должно было изолировать служителей, несущих ковчег, от соприкосновения со святыней, чтобы они не погибли¹, а святыню предохранить от возможного осквернения.

Предполагается, что термин *ṭâhôr* без эпитетов, скорее всего, указывает на легированное золото. С большой вероятностью, речь идет о широко распространенных в естественной среде сплавах с медью². Заметим, что здесь можно предположить, что именно сплавы с медью выступают посредником между человеком и святыней. При ранней датировке Р (конец VIII – нач. VII вв. до н.э.)³, к которому относятся рассматриваемые тексты, предполагается, что чистое (24-каратное) золото (а значит наиболее мягкое и удобное в обработке) могло быть естественного происхождения, что указывает на его редкость и высокую ценность. Также, по некоторым утверждениям, специфические металлургические технологии очистки золота более или менее массово появляются только после VI в. до н.э.⁴ Очистка золота от примесей в более раннее время, скорее всего, носила исключительный характер, и *zâhab ṭâhôr* предназначалось божеству.

Продолжая развивать тему работы, рассмотрим, что нам известно о назначении других металлов. В отличие от золотых крючков внутренних покрывал скинии, наружные соединения покрывал из козьей шерсти были медными (*nḥšet*) (STR 5178) (Исх. 26:11)⁵.

Скиния была окружена завесами, составляющими двор (~100x50x2,5м) (Исх. 27:9–13, 18), на котором был расположен переносной деревянный жертвенник из акации, обшитый медью (Исх. 27:1), с рогами (~2,5x2,5x1,5м)⁶. Согласно Исх. 27:17, «все столбы вокруг двора должны быть соединены связями из серебра (*kesep*) (STR 3701); крючки у них из серебра...». Подножия для брусьев, обложенных золотом, были сделаны из серебра (Исх. 26:19, 21, 25, 32) или меди (Исх. 26:37; 27:17). Это указывает на то, что земля, подверженная загрязнению, не должна была соприкасаться со священным металлом⁷.

Сказано было также Моисею сделать медный умывальник, наполнить водой и установить его между жертвенником и скинией, чтобы Аарон и сыны

¹ *Jacob B., Jacob W.* The second book of the bible: Exodus. Hoboken: KTAV Publishing House, 1992. P. 772-773; *Sarna N.M.* Exploring Exodus: The Origins of Biblical Israel. New York: Schocken Books, 2011. P. 211.

² *Amzallag N.* Beyond Idolatry — The Transgression of the Golden Calf Revisited // Old Testament Essays 33/2. 2020. P. 207–231.

³ *Friedman R.E.* Who Wrote the Bible? New York: Simon & Schuster, 2019.

⁴ *Propp W.H.C.* Op. cit. P. 379-380; см. также *Haran M.* Temple and Temple-Services in Ancient Israel. Winona Lake: Eisenbrauns, 1985. P. 163-164; *Meyers C.L.* Op. cit. P. 28-31, 41-43.

⁵ *Cassuto U.* A Commentary on the Book of Exodus. Jerusalem: The Hebrew University Magnes Press, 1997. P. 349-351.

⁶ Жертвенник мог быть обшит медью по той же причине, что и ковчег золотом, т.е. для уменьшения веса.

⁷ *Propp W.H.C.* Op. cit. P. 412.

его под страхом смерти омывали руки и ноги (вероятно, без погружения¹) каждый раз перед входом в скинию (в связи с переходом на другой уровень святости места) и служением у жертвенника (Исх. 30:17-21)².

Двор был пространством менее священным, чем само святилище, в его конструкции использовались серебро и медь, в отличие от золота в самой скинии. Градация священного пространства имеет назначение, аналогичное запретной черте вокруг горы Синай – только тот, кто свят, может приблизиться к Яхве, иначе он должен быть заклят и уничтожен. Двор скинии может представляться в качестве промежуточной зоны, обеспечивающей безопасность для израильтян в отношении близости к Богу³.

Таким образом, мы видим что материалы, а именно интересующие нас металлы (чистое золото, золотой сплав, серебро и медь), используемые в скинии, коррелируются с областями, в которых они используются.

Важный вопрос вызывает то обстоятельство, что градация материалов по святости в связи с расположением и назначением различных предметов в скинии предполагает, что на крышке ковчега, изготовленной из чистого золота (являющегося маркером теофании Яхве), должны располагаться херувимы из того же материала, однако терминология подразумевает сплав. Объяснение этого несоответствия доступно в свете новейших исследований, открывающих новые факторы в структуре градации святости. В источнике эту возможность расширения интерпретации дает известный эпизод с золотым тельцом (Исх. 32).

Нарушив первейшие заповеди, изготовив золотого тельца (*'ēgel*) (STR 5695), евреи ушли с пути святости. Разбив скрижали, Моисей сжег тельца в огне и стер его в прах⁴, который рассыпал по воде и дал выпить ее израильтянам (Исх. 32:20; Втор. 9:21). Эта процедура имеет огромное сходство с законами, предусмотренными D и P для ситуаций обвинения, осквернения и очищения (Втор. 21:1-9; Чис. 5:11-31; 19)⁵. Также по приказу Моисея левиты убили около 3000 идолопоклонников (Исх. 32:28). Проблемой является соответствие действий Моисея реальности.

¹ Ibid. P. 480.

² Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 10 т. Т.1. СПб., 1904. С. 380.

³ Carson R.T. et al. New Bible Commentary: 21st century edition. Leicester: Inter-Varsity Press, 1994. P. 113.

⁴ Возможно, что этот пассаж призван противостоять политике Иеровоама (~930-931 гг. до н.э.) (3 Цар. 12:28), а соответствующий сюжет этиологически спроецирован на период Моисея (см. Childs B.S. The Book of Exodus. A Critical, Theological Commentary. Philadelphia: The Westminster Press, 1974. P. 560; Propp W.H.C. Op. cit. P. 576). Израильский царь Ииуй изгнал Ваала и умертвил дом Ахава, за что Яхве отблагодарил его последующим царствованием его потомков, но Ииуй не трогал тельцов Вефиля и Дана, не отступая от этих грехов Иеровоама [4 Цар. 17]. В связи с этим, например, упоминаемые далее по тексту технологии работы с золотом должны были быть известны уже в этот период (См. Briceño T.G. et al. The destruction of the golden calf (Ex 32:20): A materials science perspective // Verbum et Ecclesia 42(1). 2021. P. 1).

⁵ Johnstone W. Op. cit. P. 357-360.

С культурно-географической точки зрения, древняя Палестина находилась под сильным влиянием цивилизаций, обладающих большим опытом работы с золотом, поскольку этот регион был естественным транзитным маршрутом между Египтом¹ и Месопотамией. Сжигание статуи тельца в прах представляется возможным, если предположить, что для его изготовления было использовано сусальное золото, наложенное на деревянную основу². Практика наложения золота использовалась, как мы, например, видели, при изготовлении ковчега (Исх. 25:10-11), или в отношении идолов (Ис. 30:22; Втор. 7:25). Если покрывной слой был достаточно тонким, то он мог быть расщеплен при сжигании до очень мелких фракций и смешаться с золой. Текст книги Второзакония прямо описывает сходные действия Моисея «...тельца я взял, сожег его в огне, разбил его и всего истер до того, что он стал мелок, как прах...» (Втор. 9:21). Однако, это не единственное объяснение.

Египтяне во II тысячелетии до н.э. уже практиковали высокотемпературную плавку золотой руды, измельчая ее и загружая в печь слоями вместе с древесным углем³. По мнению группы колумбийских ученых⁴, основанному на естественнонаучном эксперименте, расплавить тельца можно было в печи, используя уголь и меха. Полученное углеродсодержащее золотое вещество могло быть легко расколото и затем измельчено с помощью рудиментарной ручной мельницы до состояния порошка и далее поглощено с водой внутрь без вреда. По замечанию Рамбана⁵, истертое золото, оставшееся от тельца, будучи употребленным внутрь, оставалось в телах убитых левитами вероотступников или выходило с испражнениями. Для повторного использования его надо было искать на кладбище или в отхожем месте, что, по сути, указывает на его полное уничтожение.

Статуя золотого тельца была сделана из золотых сережек (*nezem*) (STR 5141), «...которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей...» (Исх. 32:2). Основываясь на древних технологиях в металлургии сплавов, этот материал мог представлять собой удобное в обработке соединение с медью, что, как и в случае с херувимами на крышке ковчега, изготовленными из того же материала, может говорить о том, что телец был предназначен для прямого

¹ О египетских достижениях в области обработки золота и, вообще, химии см. *Loyson P. Chemistry in the time of the pharaohs // Journal of Chemical Education 88(2). 2010. P. 146–150.*

² *Propp W.H.C. Op. cit. P. 559; Altman J. Gold in ancient Palestine: Methods of fabrication in successive cultures // Gold Bulletin 12(2). 1979. P. 75-77.* Золотые артефакты ханаанского происхождения, датируемые XVI-XV вв. до н.э., обнаруженные в Гезере и Тель эль Аджуль (близ Газы), в Бет-Шеане демонстрируют наличие у ханаанских мастеров навыков необходимых для изготовления сусального золота и золотой фольги.

³ *Loyson P. Op. cit. P. 146-147.*

⁴ *Briceño et al. Op. cit. P. 1.*

⁵ *Ramban. Комментарий к Исх. 32. По изданию Ramban (Moshe ben Nachman (Nachmanides)). Commentary to the Pentateuch. In 2 vol. Jerusalem: Makor Publishing LTD, 1969.*

(без посредников) контакта человека с божеством (вместилищем для которого и являлась статуя)¹, что и происходило в общении между Моисеем и Яхве².

Уничтожение Моисеем тельца через сжигание, вероятно, описывает практику древней технологии цементации, используемой для очистки легированных металлов, когда при нагреве огнем куска сплава, обмазанного цементным составом, впитавшиеся в него примеси могли быть действительно впоследствии измельчены в прах и смешаны с водой. Вопрос же о том, куда делось очищенное золото, просто замалчивался, и, видимо, по аналогии с другими местами Ветхого Завета, драгоценный металл отдавался в посвящение Яхве (ср. Чис. 31:50-54; 1 Пар. 18:10-11; Нав. 6:23)³.

Уничтожение золотого тельца, понимаемого как пустой трон невидимого божества⁴, символизирует прекращение запланированного Яхве проекта божественного присутствия среди израильтян (скинии), медно-золотое (телец и херувимы) становится чистым золотом, подчеркивая обособленность божественной святости. Об этом же свидетельствует требование Яхве к израильтянам снять их украшения (сплав) (Исх. 33:5). Происходит восстановление дистанции Яхве от человечества и утверждение промежуточной божественной фигуры (ангел (Исх. 33:2)) между Яхве и израильтянами⁵.

Все вышесказанное позволяет сделать любопытные выводы. Золото – это металл с теологическим свойством, это признак присутствия Яхве среди израильтян, чистое золото одним своим наличием в святилище указывает на деятельность Бога, который его производит и пропитывает своей святостью⁶. Связь с Яхве может утверждаться сплавом золота и меди. Некоторые элементы скинии являются медными, как, например, жертвенник и умывальник во дворе. Вероятно, сплавы меди и золота символизируют взаимную ассоциацию двух металлургий, человеческой и божественной. Производство предметов из меди (жертвенник), земного аналога золота, являлось параллельной деятельностью, с помощью которой можно было приблизиться к святости Яхве⁷.

¹ *Amzallag N. Beyond Idolatry...*

² Утверждения автора (*Amzallag N. Beyond Idolatry...* P. 222), объясняющие этот факт, предлагаются в качестве основы для отрицания концепции градации материалов по святости, однако они игнорируют другие примеры такого разделения, поэтому принимаются нами лишь частично.

³ *Amzallag N. Beyond Idolatry...* P. 222; *Propp W.H.C. Op. cit.* P. 281. Скорее всего, золото использовалось повторно.

⁴ *Тантлевский И.Р. История Израиля и Иудеи до 70 г. до н.э.* СПб.: РХГА, 2013. С. 57-58. «Как могли люди поверить, что теленок, сотворенный на их глазах, освободил их из Египта? Очевидно, они понимали это как символ какого-то бога...». См. также *Propp W.H.C. Op. cit.* P. 552.

⁵ *Amzallag N. Beyond Idolatry...* P. 223.

⁶ *Ibid.* P. 215, 224; *Amzallag N. Beyond Prestige and Magnificence — The Theological Significance of Gold in the Israelite Tabernacle // Harvard Theological Review.* 112/3. 2019. P. 296-318.

⁷ *Amzallag N. Beyond Idolatry...* P. 224-227. Эта металлургическая символика может указывать на соответствующий фон древнего яхвизма и его происхождения.

Таким образом, в представлениях древних евреев о святости в отношении металлов можно наблюдать градацию, где на первом, наиболее святом месте стоит золото без примесей, ассоциируемое с исключительно с самим Яхве и используемое в наиболее близких к нему областях или предметах. На самой последней позиции выстраиваемой схемы находятся серебро и медь. О серебре мы можем сказать, что оно предназначалось, по всей видимости, для применения в качестве материала, изолирующего брусью скинии от осквернения при соприкосновении с землей, и, видимо, в каких-то похожих случаях, а также для связи брусьев двора. Зонально серебро обладает более высокой степенью приближенности к святым местам и предметам. Что касается меди, то она используется только в области двора скинии, а также в качестве изолирующего материала и в предметах, предназначенных для очищения от греха (медный жертвенник) или иной подготовки (медный умывальник) для перехода в зону святости более высокого уровня. Медь является материалом, предназначенным человеку, и, вообще, маркирующим человеческую деятельность. Легированное золото (без указания чистоты), скорее всего, представляющее собой сплав с медью, является пограничным материалом, используемым в лиминальных зонах контакта божественной святости Яхве и человека. Это, в первую очередь, место общения Яхве и Моисея между херувимами на крышке ковчега, и это медно-золотая статуя тельца, по мнению израильтян-вероотступников, дающая возможность прямого контакта с Богом. Сплав играл и взаимную защитную для божественной святости и человека функцию.

Ввиду написанного выше, предлагается слегка декатегоризировать предлагаемую схему, исключив утверждения, что в зонах максимальной святости возможно применение только чистого золота, хотя отрицать общего стремления к такой градации не стоит. Все это было одним из элементов защиты находящегося в скинии высшего источника святости, который был последовательно изолирован от возможного осквернения и защищал человека или предмет от заклятости.

METALS AND ALLOYS IN THE OLD TESTAMENT IDEAS OF THE ANCIENT JEWS ABOUT HOLINESS

S.S. Kochergin (Tula)

The article is devoted to the ideas of the Old Testament Jews about the place of gold, gold alloys, silver and copper in the structure of ideas about holiness. The author ranks metals by value, shows their protective role, as well as the value of the copper-gold alloy, which testifies to the divine-human interaction.

Keywords: graded holiness, desecration, tabernacle, gold, silver, copper, ancient Jews, Old Testament, Exodus.

В ПОИСКАХ АНТИЧНОЙ ГИПЕРБОРЕИ. I. ЩИТ АХИЛЛА

Н.П. Писаревский (Воронеж)

В работе проделан анализ данных, закодированных в изобразительных рядах щита Ахилла и их зрительно-образном, художественном описании Гомером. Для времени создания поэм для греков интерес первостепенной важности представляло само изменение образа их жизни, развитие мореплавания, формирование полиса, а не отошедшие на второй план их мифопоэтического сознания Гипербореи. Мировоззрение греков эпохи архаики отображено в поэмах Гомера. Наиболее древнейший пласт его отложился в «Илиаде». Круг земель, который изобразил поэт на щите Ахилла – его прогностическая карта.

Ключевые слова: греки, архаика, Гомер, щит Ахилла.

Мировоззрение греков эпохи архаики отображено в поэмах Гомера. Наиболее древнейший пласт его отложился в «Илиаде». Круг земель, который изобразил поэт на щите Ахилла – его прогностическая карта. Она свидетельствует о сложности, неоднозначности, противоречивости и срачивании архетипических, уходящих в глубокое прошлое, и действительных, продиктованных реалиями исторического развития греческого общества, представлений на уровне мифопоэтического сознания.

Впрочем, против такого понимания высказываются и противоположные точки зрения. Одним из первых негативную оценку историческому прошлому греков дал Э. Курциус, который следуя афинскому историку Фукидиду, считал, что у греков не было предания о том, что они пришли откуда-либо в свою землю, как это было с говорившими на санскрите арийцами¹.

В настоящее время такое представление о древнейшем прошлом древних греков и процессе их этногенеза ставится под большое сомнение. Главной причиной становится количество постоянно увеличивающихся данных в пользу наличия общих черт языка, культуры, идеологии, образа жизни древнейших греков и ведических ариев. Они заявляют о себе, начиная от сходств содержания эпических поэм двух народов, до отражённого в них и в памятниках археологии общности образа жизни. Они прослеживаются в упоминаниях о ведении войн как древнейшими греками, так и ведическими ариями за скот. На наличие общего прошлого двух родственных между собой народов указывают данные об одинаковых способах ведения войны (колесницы и типы оружия ахейских греков и ведических ариев), не говоря уже о множестве других параллелей в именах богов, религиозных представлениях, культовой практике и погребальном обряде.

Указанные сходства заставили выявить в пластах античной традиции, начиная с мифологии, множество важнейших представлений, восходящих своим содержанием к эпохе индоевропейской, а в её рамках, греко-арийской общности.

¹ Курциус Э. История Древней Греции. Т. 1. Минск, 2002. С. 31.

Впервые они прослеживаются в поэмах Гомера. В описании щита Ахилла, изготавливаемого эпическому герою богом Гефестом по заказу Фетиды проявляется тот пласт представлений (т.н. пространственный модус)¹, который впоследствии определяет историко-географические представления первых греческих историков до Фукидида²,

«Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще Колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана».

(Илиада. XVIII, 482-489, пер. Н. Гнедича).

Данный фрагмент эпической поэмы, включая сюда свидетельство о географической карте, как и «Илиада» в целом, получил самые противоречивые и продолжающиеся дискутироваться оценки не только в связи с пониманием отложившихся в нём смыслов и их интерпретации, но и, главным образом, в отношении историчности своего содержания.³

¹ Пространственно-временной континуум, который открыл А. Эйнштейн. Именно он, обнаружив связи между пространством и временем, определил, что эти два понятия нужно рассматривать нераздельно друг с другом. Союз пространства и времени он назвал пространственно-временным континуумом. Это открытие подтолкнуло его к гипотезе, что разница между настоящим, прошлым и будущим – это иллюзия. Время стоит рассматривать как поток «снимков» реальности, сделанных в разные моменты. Сложив квинтиллионы этих снимков, мы получим то, что называется пространственно-временным континуумом или пространством-временем как модусом пространства. Спорность (иллюзорность) проблемы отмечена специалистами. См.: *Гуц А.К.* Формализация новой космогонии Лема // Математические структуры и моделирование. 2014. № 3(31). С. 48–56; *Гуц А.К.* Сто лет абсолютного мира событий Минковского // Математические структуры и моделирование. 2017. № 4 (44). С. 13, 51; *Ferraro R.* Einstein's Space-Time: An introduction to special and general relativity. New York, 2007. P. 48, 107; *Жмурко Д.Ю.* Современный взгляд на пространственно-временной континуум // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 89. С. 14-15.

² *Суриков И.Е.* Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский. «Европа» // ПИФК. 2019. Вып. 3. С. 53-71.

³ О.М. Фрейденберг рассматривает в ней наличную множественность противоречивых и порой противоположных тенденций: очевидные свидетельства, перечисление известного по памяти, вставки каталогов кораблей и списков участников, детальность и необобщенность описания, отсутствие иерархии и отбора, кумулятивное повествование, *praesens historicum*, ретардацию, сравнение и экфразу. Дефекты» древних описаний – это первые шаги реализма и натурализма, появляющихся в эпосе, в котором представления об устройстве мира, боги, герои и сюжет всё ещё мифичны. А человеческий мир появляется в показе, сравнивающей части сравнений, экфразах вещей. Эпос подкрепляет миф реальностью, а архаическая лирика сравнивает с богами людей, подкрепляя реальность мифом. Эпическое мирозерцание, в корне антиреалистическое, одевает в бытовое платье свои космические образы, а греческая лирика, реализмом рожденная, опирается на религию и миф. По мнению Н.В. Брагинской, экфрасис у О.М. Фрейденберг имеет особенный смысл: это описания вещей, того, что сделано руками. В то же время, и сами изделия ремёсел выступают в качестве материальных источников, или

Ученых, которые занимались вопросом повествовательности или дескриптивности сцен или изображений XVIII песни «Илиады», можно разделить на три группы:

- 1) тех, кто придерживается точки зрения её описательности¹ (как Джулиани);
- 2) тех, кто утверждает, что она носит повествовательный характер²;
- 3) тех, кто видит в ней комбинацию повествования и описания (большинство ученых)³.

Среди существующих взглядов можно выделить те, которые, принимая филологическую природу текста и законы эпического жанра, пытаются дать объяснение историческому содержанию повествования о щите Ахилла в поэме Гомера. Так, например, В. Петерс полагает, что оно отображает мировоззрение греков в такой же степени как описание Вергилием щита Энея – мировоззрение римлян⁴. В указанном отношении щит Ахилла, по её мнению, представляет собой микрокосмос, определение которого с использованием законов вокала и дикции производится *способом переноса внимания слушателя из одного места в пространстве и времени в другое*⁵. Но самое

дословесных «описаний» предметно-чувственного восприятия сложившегося в общественном сознании архетипа восприятия, как эпического героя, так и парадигмы совершаемых им подвигов с использованием рецепций, почерпнутых из мифа, который таким же образом определял смысл используемых человеком вещей. С этой точки зрения, представление о мифичности семантики древних вещей должно восприниматься весьма осторожно. Технология, процесс изготовления вещи, в нашем случае щита Ахилла Гефестом, отображая действительность, содержит информацию о конкретных производствах (ковке, обработке, покрытии щита листами меди и т.п.), которые, имея косвенное отношение к герою, содержат дополнительные его характеристики. В этом смысле трудно согласиться как с О.М. Фрейденберг, так и с Н.В. Брагинской в том, что сокрытые в экфрасисе, эти описания есть доказательство семантической мифичности вещей, отражённой в предшествующих экфразе «описаниях»ковки и выполнения других операций, изображающих миф в фазе его рождения и гибели. См.: *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1998. С. 21; *Фрейденберг О.* Происхождение литературного описания (публикация и примечания Натальи Костенко при участии Нины Брагинской) // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Коллективная монография под научной редакцией Татьяны Автухович при участии Романа Мниха и Татьяны Бовсуновской. Siedlce, 2018. С. 28-76; *Брагинская Н.* Показ, каталог, сравнение, экфразе: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018. P. 14, 19.

¹ *Giuliani L.* Bild und Mythos: Geschichte der Bilderzählung in der griechischen Kunst. München, 2003. S. 41-46, 326-327.

² *Heffernan J.A.W.* Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashberry. Chicago, 1993. P. 12.

³ *Koopman N.* The Shield of Achilles (Il. 18.478–608) // Ancient Greek Ekphrasis: Between Description and Narration. Five Linguistic and Narratological Case Studies. Amsterdam, 2014. P. 88-94.

⁴ *Peters V.* The Shields of Achilles and Aeneas: The Worlds Portrayed by Homer and Vergil // *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies.* 2008-2009. Vol. 7. Montreal, 2009. P. 95.

⁵ *Ibid.* P. 96.

важное наблюдение исследовательницы состоит в определении содержания XVIII песни «Илиады» Гомера как рассказа о микрокосме уже во многом утраченного к началу Троянской войны пастушеского мира.¹

Ещё более показательны в указанном отношении определения Г. Надя. Пожалуй, он одним из первых высказался о сущности представлений древних греков, отложившихся в описании щита Ахилла. По его мнению, микрокосм Ахилла – это греческий полис в состоянии войны и мира.² Приводя доказательства, сохранившиеся в текстах табличек линейного письма В, Надя выводит заключение, согласно которому изображения на щите Ахилла оставляют проход из прошлого в виртуальное настоящее, тем самым, раскрывая замысел «Илиады»³. Мир, изображённый в поэме, представляет собой соотнесение между собой законченной истории прошлого времени и продолжающегося, связанного с генезисом полиса, настоящего. На изобразительных кругах щита Ахилла, как считает учёный, поэт в противовес изменениям и метаморфозам, происходящим с персонажами, демонстрирует закрытый и неизменный мир, противопоставленный миру «Илиады» в целом, характеризующему его открытость⁴.

Такую же концепцию отстаивает и колумбийский учёный А.Ф. Флорес, который сопоставление космоса и полиса рассматривает в качестве инструмента введения в повествование реалий как прошлой (древней), так и современной Гомеру истории⁵. Выступающий эталоном поэтической конструкции, щит Ахилла, по его мнению, есть связующее звено повествования, соединяющего воедино космос и мир греческого полиса⁶. При этом космология полиса приобретает зримые «географические» границы, отображённые в порядке повествования о его изобразительных рядах, которое демонстрирует ни больше, ни меньше, повествование о пространственно-временной связи и границах между миром космоса и миром людей⁷. Примечателен с нашей точки зрения и другой вывод автора: щит Ахилла не является ни теогонией, ни, тем более, космогонией, но его можно понимать как описание мира человека, предназначенное для понимания им самого себя⁸.

Реконструкции щита и различным историческим событиям, изображенным на нем, посвящена интересная монография К. Вэйль. Весьма

¹ Ibid. P. 99.

² Nagy G. The Shield of Achilles. Ends of the Iliad and Beginnings of the Polis // *New Light on a Dark Age: Exploring the Culture of Geometric Greece* / Ed. Susan Langdon. Missouri, Columbia, 1997. P. 194-207.

³ Ibid. P. 195.

⁴ Ibid. P. 199.

⁵ Flórez A.F. Kosmos y polis en el escudo de Aquiles // *Universitas Philosophica*. Bogota, 2011. Vol. 56. A. 28. P. 23-59.

⁶ Ibid. P. 34.

⁷ Ibid. P. 35-36.

⁸ Ibid. P. 56.

существенные аспекты затронуты в публикации А. Юнга и специальной статье Н. Купмана.

А. Юнг пошёл дальше своих коллег. Он высказал соображение, что щит Ахилла – это не просто соединение двух миров – космического и мирского, мира прошлого и настоящего. По его мнению, его описание тесно связано с сюжетом «Илиады» в самом конкретном эпико-историческом смысле: Ахилл, как один из главных героев поэмы, изображён между двумя мирами – между своей родиной Фтией и полем битвы под Троей.¹ Один из исторических пластов поэмы исследователь обнаруживает в необходимости понимания щита Ахилла как своего рода компаса, в пользу чего свидетельствует изображение Гефестом звезды Арктос (Полярной), которая, как всё созвездие, выполняло функцию определения координат морских плаваний.² С учётом жанра эпической поэмы и её тематики, автор приходит к весьма важному заключению. Щит Ахилла, по мнению А. Юнга, – «зеркало как поэмы, так и судьбы Ахилла, известных греческому слушателю эпохи архаики»³.

С точки зрения выяснения повествовательности или описательности экфрасиса щита Ахилла в поэме подошёл датский исследователь Н. Купман⁴. Опираясь на филологические разработки проблемы соотношения повествовательности и нарративности в «Илиаде» вообще, и в XVIII песне, посвящённой рассказу об изготовлении Гефестом щита Ахилла по заказу Фетиды, в частности, он выводит наблюдение, согласно которому здесь мы сталкиваемся с парадоксом соединения описательности и повествовательности (т.е., перечисление элементов и деталей изображения и последовательности повествования поэта о них). «В то время, как текст в основном организован описательно, – указывает он, – изображения носят повествовательный характер. Тот факт, что описательный текст может ссылаться на повествовательный образ, в основном, объясняется использованием глаголов несовершенного вида. Последнее может обозначать не только (статическое – *Н.П.*) состояние (как в XVIII, 491), но также и продолжающееся событие⁵. Определяя щит Ахилла, как состоящий из смешения нескольких фризов-изображений разного типа, отмечая непоследовательность, прерывность, незаконченность как повествований, так и описаний, учёный подводит к мысли, согласно которой созданный богом щит Ахилла, рассматриваемый как поэтический экфрасис, помогает понять сущность эпического изложения⁶.

¹ Jung A. Shield of Achilles // ARAS Connections. ARAS Connections: Image and Archetype. 2017. Issue 2 (<https://aras.org/newsletters/aras-connections-image-and-archetype-2017-issue-2>) (дата обращения 1. 10. 2022).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Koopman N. The Shield of Achilles (Il. 18.478–608) // Ancient Greek Ekphrasis: Between Description and Narration. Five Linguistic and Narratological Case Studies. Amsterdam, 2014.

⁵ Ibid. P. 103.

⁶ Ibid. P. 166.

Целостно, с учётом исторической перспективы и полихромности аспектов, соединённых в сюжете об изготовлении Гефестом щита Ахилла, в сочетании с пониманием дуалистического, отображающего уровень развития общественного сознания греков эпохи архаики, подошли к осмыслению XVIII песни «Илиады» греческие учёные Г. Каллигеропулос и С. Василиду¹.

По их мнению, щит представляет собой целостность, более широкую, чем сам эпос. Его значение состоит в том, что в его представлении, как описательном, так и изобразительном, в поэтической форме дана информация об уровне теоретических и практических (технично-технологических) знаний населения гомеровского полиса². Более того, как полагают эти исследователи, «Илиада», отображая сохраняемые ценности и представления греков, обобщает тогдашние исторические знания в форме всеобщей истории, предлагая её авторскую концепцию³. Но и этим не исчерпывается место и значение рассказа о щите главного героя поэмы. Щит Ахилла – это универсальная модель мира, человеческого и природного, передаваемая самым рациональным образом, модель его устройства, которая предвосхищает как моделирование социальной структуры греческих полисов в трудах Аристотеля, так и, имея форму небольшого введения, закладывает основы диалектического философского метода с его дихотомией и цифровым анализом мира по категориям⁴.

Греческие специалисты, как нам представляется, ближе всего подошли к пониманию ценности той информации, которая содержится в описании щита Ахилла Гомером. В развитие предложенной ими трактовки можно добавить, что, с точки зрения затронутых в нём событий, эпос, как эпопея, охватывает сразу и одновременно множество самых разных планов: прошлое, настоящее и будущее. Если данное наблюдение верно, то щит Ахилла надо рассматривать и как фокус рассмотрения, и как результат концептуально сформулированных обобщений, и как виртуальное зеркало, довольно точно отображающее исторические реалии, отдельные из которых ещё предстоит понять.

Необходимо отметить, что в историографии своё место заняли труды, в которых исследовалась эмпирическая природа щита Ахилла. Одной из рядовых попыток такого типа является перевод XVIII песни «Илиады», предложенный Н. Свифтом, снабжённый авторским комментарием относительно отображения в ней, окружавшей время жизни поэта,

¹ *Kalligeropoulos D., Vasileiadou S. Interpreting the Representations on the Shield of Achilles // Science and Technology in Homeric Epics / Ed. S.A. Paipetis. Springer, 2008. P. 443–450.*

² *Ibid.* P. 443.

³ *Ibid.* P. 444

⁴ *Ibid.* P. 443. В этом смысле греческие специалисты возвращаются к концепции Г. Штрасбургера, по мнению которого Гомер влиял на греческих историков не только в области языка и стиля, но и в том, что мы называем научной основой греческой историографии. См.: *Немировский А.И.* Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 18; *Strasburger H.* Homer und Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972. S. 24.

действительности¹. Это нашло, по его мнению, конкретное выражение в формулировке мысли о щите как необходимом Ахиллу инструменте завоевания в бою Kleidos (вечной славы). А то, что сам щит находил материальные аналоги среди распространённых в годы жизни поэта вооружений и защитных доспехов, по мысли Н. Свифта, выступало конкретизацией точности свидетельств эпического поэта².

Таким образом, имевшие место в историографии проблемы, особенно, на современном этапе, поиски, развивались по многим направлениям, неизбежно выходя на поиск исторического объяснения поэтических образов и эпических сюжетов, которые производились на самых разных уровнях исследовательского поиска и в его различных аспектах и, в конце концов, вышли на проблему отображённости пространства и времени в эпических поэмах вообще, эпического и исторического времени в поэмах Гомера, в частности³.

Как можно было убедиться, особенно часто учёные исходили из отображённости в сюжете XVIII песни «Илиады» представлений о щите Ахилла как о проявлении поэтического экфрасиса (текстового описания визуально наблюдаемого произведения искусства)⁴. Другие пытались интерпретировать свидетельство с точки зрения географических представлений эпохи архаики.⁵ Третьи – с точки зрения специфики античных

¹ Swift N. The Shield of Achilles Iliad 18.478-608 // <https://yandex.ru/search/?text=Swift+N.+The+Shield+of+Achilles+Iliad+18.478-608+%2F%2F&lr=193&clid=2323969-40> (дата обращения 30.09. 2022).

² Ibid.

³ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (Гомеровский период). Л., 1976; Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; Андреев Ю.В. Гомеровское общество: Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н.э. СПб., 2004; Андреев Ю.В. История и миф. СПб., 2018; Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998; Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010; Клейн Л.С. Расшифрованная «Илиада». СПб., 2014; Becker A. Sp. The Shield of Achilles and the Poetics of Ekphrasis. London, 1995. P. 79-86; Bobbitt Ph. The shield of Achilles: war, peace, and the course of history. New York, 2002; Stockdale El. The Shield of Achilles // The Cambridge Guide to Homer / Ed. S. Lupack, C. Pache. Cambridge, 2020.

⁴ Фрейденберг О. Происхождение литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018; Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010. С. 66; Hulea L. Ecphrasis and Reversed Ekphrasis as Adaptation Processes // International Romanian Literare Studies. 2015. Vol. 6. P. 939; Житенёв А.А. Современные концепции экфрасиса и гносеологическая модель экфрасического текста // Вестник ВГУ. Серия Филология, журналистика. 2021. № 2. С. 28.

⁵ Суриков И.Е. Очерки об историописании в Классической Греции. М., 2011. С. 14; Суриков И.Е. Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский. «Европа» // ПИФК. 2019. Вып. 3. С. 53-71; Подосинов А.В. Где жили гипербореи Геродота – «у моря» или «за морем» // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Синицына. М., 2016. С. 416-420; Матвейчев О.А. Древние греки о самих себе. К проблеме генезиса греческой философии // Философия и

представлений вообще, об окружающем человека микро-и макрокосмосе. В частности, О.М. Фрейденберг полагала, что античной художественной мыслью управляла конкретность и конкретные смыслы. «Вся суть заключается в том, – указывала она, – что мы имеем дело не с рудиментами, а со специфическим для античности познавательным процессом, в котором старая система мысли играла творческую роль»¹. Иными словами, постановка проблемы и её решение исходили из известного определения, согласно которому миф даже в отображении пространственно-временных представлений представлял собой арсенал и почву античной культуры, а следовательно, утверждали постулат о реалистически бытовом колорите эпической картины мира.

Однако среди специалистов, в особенности, работающих в области физики, математики и компьютерных технологий, тоже затрагивалась проблема, имеющая прямое отношение к восприятию пространства-времени человеком вообще, в особенности, о сущности самого содержания данного понятия, введённого в научный оборот А. Эйнштейном и развивавшимся в естественных науках и философии на протяжении всего XX в.

Составной частью указанных представлений является отношение отдельных лингвистов, филологов-классиков и историков-античников к фантастической природе мифа – той, весьма примечательной, но абсолютизируемой одними (и оспариваемой другими) его сущности, которую усматривают в нём придерживающиеся традиционных взглядов специалисты.

Альтернативный подход к её определению, разработанный учёными-физиками, гласит: фантазия – это отображение существующей реальности (дословно: реальности, которая есть)². Более того, на каждом шаге своей «эволюции» она представляет собой сцеплённое квантовое состояние бытия как гигантской квантовой системы³. Установлена и причина такого явления. По мнению Г. Вейля, сценой действия реальности является не трёхмерное евклидово пространство, а четырёхмерный мир, в котором пространство и время взаимосвязаны⁴. Они наполнены материей⁵. А это в восприятии информации о щите Ахилла должно ориентировать на отложенность в этой эпической поэме исторических представлений эпохи греческой архаики, а

культура. 2018. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-greki-o-samih-sebe-k-probleme-genezisa-grecheskoy-filosofii> (дата обращения: 20.09.2022).

¹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 10. Исследовательница конкретизировала свою мысль указанием на то, что «героический мир, мир сверхъестественный, постоянно подкрепляется ссылкой на нечто реальное. Гомеровские сравнения, как и экфразы, всегда имеют реалистическую наружность». См. также: Фрейденберг О. Происхождение литературного описания. Р. 66.

² Гуц А.К. Сто лет абсолютного мира событий Минковского // Математические структуры и моделирование. 2017. № 4 (44). С. 51.

³ Там же.

⁴ Вейль Г. Относительность // Эйнштейновский сборник 1978-1979. М., 1983. С. 92–108; Успенский П.Д. Tertium organum / Четвёртое измерение. Минск, 1998 (1-е изд. Пг., 1916).

⁵ Жмурко Д.Ю. Современный взгляд. С. 13.

стало быть, на то, чтобы понять историчность свидетельств эпоса как древнейшей формы обобщения действительных знаний, имевших место в прошлом¹.

Особенно важно, что устанавливаемая математиками и физиками закономерность проявляется и в оценке мифопоэтического сознания древних греков. Свойственная мифологическому мышлению связь пространства и времени прослеживается в мировосприятии гомеровских греков².

Собственно, это даёт основания для качественно иного, чем ранее, понимания данных Гомера. Анализ конкретных свидетельств позволяет выстроить иерархическую цепочку имеющихся в тексте поэмы определений. Гомер дает подробное описание изображений, демонстрирующих соединение самых разных пространственно-временных, астрономических и обыденных, личных (или известных по пересказам очевидцев) экфрастических по своей сути впечатлений.

Они подразделяются (и это хорошо заметно), как на представления в общественном сознании, используемые поэтом. К ним относятся описание Земли как круга, границей которой является размещённая по её краю река Океан (Ном., II, XVIII, 607-609). Такой же тип представлений просматривается в повествовании эпического поэта о Земле на фоне неба, моря, солнца, луны и созвездий (Ном., II, XVIII, 484-489). А вот рассказы поэта о земледелии и скотоводстве (Ном., II, XVIII, 541-549; 550-560; 561-572; 573-586; 587-589), о сельских празднествах с танцами юношей и девушек, демонстрирующие авторское знакомство с сюжетами фресок Минойского Крита и Микенской Греции, напротив, свидетельствуют об авторском знании их сюжетов (Ном., II, XVIII, 590-606). Поскольку грекам эпохи архаики был свойственен эллиоцентрический тип устройства Вселенной³, надо думать, что повествование ведётся от центра щита, представляющего собой пуп Земли в Дельфах, к его краям, концентрические круги которого демонстрируют соединённую поэтом воедино информацию, как о давно пережитом прошлом, так и о современной поэту, украшающей щит, исторической действительности (упоминания о двух городах, в первом из которых им отмечено народное

¹ Со времени Ю.В. Андреева и Л.С. Клейна такая оценка неоднократно высказывается в специальной литературе. См.: *Лебедева Ю.И.* Представления древних греков о пространстве и времени» по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 216-222.

² Там же. С. 220-221.

³ В пользу такого понимания указывает присутствие в тексте поэмы упоминаний о звезде Арктос и Созвездии Орион. См.: *Рабинович Е.Г.* «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры. ВДИ. 1976. № 3. С. 92-108; *Рабинович Е.Г.* Незримое пространство // *Евразийское пространство: Звук, слово, образ / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов.* М., 2003. С. 66, 72; *Кулишова О.В.* Дельфийский омпал: представления о географическом и сакральном центре у древних греков // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова.* Вып. 3. СПб., 2004. С. 364, 140 и сл.; *Рабинович Е.Г.* Мифотворчество классической древности: *Hymni Homericí.* Мифологические очерки. СПб., 2007.

гулянье, связанное со свадьбой, а второй упоминается в связи с его осадой противником, засадой и битвой) (Ном., II., XVIII, 490-508; 509-540).

Данные наблюдения неоднократно высказывались по результатам анализа как описания Гомером изобразительных рядов щита Ахилла в целом, так и в интерпретации их отдельных сюжетов.

Щит Ахилла может быть прочитан (точнее: изображения на нём могут быть дешифрованы) самыми разными способами. Одна из интерпретаций состоит в том, что он представляет собой микрокосм цивилизации со всеми её аспектами жизни. Гомер изображает на нём весь мир – природный и человеческий, землю, небо, небесные тела и неподвижные звезды, человеческие социальные отношения, города и занятия, а также внешнюю границу мира – Океан. Причём, если судить с современной точки зрения, даёт классификацию иерархии его составных частей по типам, категориям и видам.

Описание начинается с физического мира. Земля, в полном соответствии с геоцентрической концепцией вселенной, помещается в его середину. Вокруг Земли расположены окружающие её и воспринимаемые человеком элементы мира – Небо, Солнце, Луна, небесный свод с неподвижными звездами (Полярной, Большой Медведицей, Орионом, Плеядами и Гиадами). В эту схему вставлена жизнь греческого полиса, а точнее, связанные с войной и миром картины истории его формирования. Стереоскопичность представления греческого полиса в поэме вообще, в описании щита Ахилла Гомером, в частности, проявляется в передаче текстом трёх хронологических пластов информации (восходящей к XIV-XIII, XI-IX вв. и VIII в. до н.э.) об этапах истории греческого общества, включая сюда оседлый образ жизни, экономику, политику, войну и культуру.

Все они – не что иное, как отложившиеся в общественном сознании (и соотносимые между собой) представления о мироустройстве Вселенной с отложившейся в них информацией об образе жизни населённой людьми ойкумены. Её границей выступает, разделяющая макро-и микрокосмос, обтекающая Землю река Океан.

С учётом округлости щита Ахилла, как и концентрических на нём кругов, это позволяет считать принимаемый специалистами за линейный по своему типу рассказ эпического поэта циклической по своему типу формой изложения. Следовательно, отображая уровень мифопоэтического сознания, он фиксирует скрытые в ней соотношения и переходы от общего к частному и от сложного к простому. *Nostos*, как идея возвращения, цикличность, как мировоззренческий и формирующий знание (и основанное на нём убеждение) инструмент – вот что определяет его повествование.¹ Оно выходит за рамки

¹ *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1960. С. 180; *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С. 24; *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. С. 88-103; *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. Часть 1. Геродот. Н.-Новгород, 2010. С. 37; *Герасимова Г.И.* Публичные коммуникации античности как ресурс связей с общественностью // Теория и практика общественного развития. 2011. №2. С. 100-101; *Брянник Н.В.* История науки доклассического периода: философский анализ. Екатеринбург, 2016. С. 73-74; *Шевцов С.П.*

законов простой беллетристики и соединяет в себе соединение двух техник передачи смыслов. Характер изложения указывает, что за визуальными оценками изображений щита скрываются выраженные в языке поэмы определения, которые поэт использует с целью передачи своему слушателю исторической информации, т.е. производит фактическую передачу знаний, недоступных средствами изобразительного искусства, выступающего у него в качестве иллюстративного аргумента.

Констатация такого факта приводит нас к заключению, что сам экфрасис выступает той реалией описательно-повествовательного, художественно орнаментированного рассказа, которая сама по себе является продуктом формирования исторически конкретного типа мировоззрения. В нём предметно-чувственные восприятия дополнялись ассоциациями, почерпнутыми из постоянно растущих знаний об окружающем мире и из результатов расширения кругозора древних греков, обратившихся на базе античного способа производства к освоению морских пространств и расселению в пределах Средиземноморья.

Понимание сущности экфрасиса, нацеленного на стереоскопическое восприятие, отражение и воспроизведение исторических реалий прошлого с опорой на знания слушателей современников из разных областей Греции позволяет вывести наблюдение о твёрдых исторических (историко-эпических) основах содержания поэм.

Главное в анализе данных, закодированных в изобразительных рядах щита Ахилла и их зрительно-образном, художественном описании Гомером заключается в том, что для времени создания поэм для греков интерес первостепенной важности представляло само изменение образа их жизни, развитие мореплавания, формирование полиса, а не отошедшие на второй план их мифопоэтического сознания Гипербореи.

Что обращает на себя внимание в описании щита Ахилла:

1. отсутствие упоминания о море. Есть Океан. Но это либо огромный, уподобляемый бескрайнему водному пространству, водоём, воспринимаемый на уровне мифопоэтического сознания как Большая река, либо, сохранённый в общественном сознании гомеровских греков (и переосмысленный ими применительно к новым историческим реалиям), индоевропейский конструкт – аналог Океана – *Samudra* эпических поэм Древней Индии;

2. акцент на пастушеско-земледельческом ХКТ, быте и его идеализация, включая передачу возможных войн за скот как воспоминание о прошлом¹;

Парадокс «Илиады»: взгляд на философские основания Гомера // *Scolh.* 2020. Vol. 14. № 1. С. 122 и др.; *Dowden R.* Homer's sense of text: Homeric "Text", Cyclic "Text" // *The Journal of Hellenic Studies.* 1996. Vol. 116, November 1996. P. 47-61; *Smith A.M.* Homeric Constructions: The Reception of Homeric Authority. PhD thesis. Missouri, 2014. P. 90; *Lambrow Io.* Homer and the Epic Cycle: Dialogue and Challenge. PhD thesis. London, 2015.

¹ *Koopman N.* The Shield of Achilles (Il. 18.478–608) // *Ancient Greek Ekphrasis: Between Description and Narration. Five Linguistic and Narratological Case Studies.* Amsterdam, 2014. P. 101; *Peters V.* The Shields of Achilles and Aeneas: The Worlds Portrayed by Homer and Vergil // *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies.* 2008-2009. Vol. 7. Montreal, 2009. P. 99.

3. сочетание эпического и исторического времени объясняет парадокс описательности и повествовательности изобразительных сюжетов в тексте;

4. экфрасис – это способ вербальной репрезентации визуального представления, воплощающего в себе два её уровня: первичный вербальный слой – текст, и вторичный визуальный слой – изобразительный ряд.

Вывод. Формирование в обществе эпохи архаики рационалистического сознания, охватывавшего перспективы прошлого и настоящего в представлениях об историческом развитии, заставляло греков обращать внимание на важнейшие события «ближнего круга», в какую бы мифо-эпическую оболочку не были обёрнуты их знания о своих ближних и дальних соседях.

IN SEARCH OF ANCIENT HYPERBOREA. I. SHIELD OF ACHILLES

N.P. Pisarevsky (Voronezh)

The paper analyzes the data encoded in the pictorial rows of the Achilles shield and their visual-figurative, artistic description by Homer. The main thing here is that for the time of the creation of the poems for the Greeks, the interest of paramount importance was the very change in their way of life, the development of navigation, the formation of the policy, and not Hyperborea, which had faded into the background of their mythopoetic consciousness. The worldview of the Greeks of the archaic era is reflected in the poems of Homer. Its most ancient layer was deposited in the Iliad. The circle of lands that the poet depicted on the shield of Achilles is his prognostic map.

Key words: Greeks, archaic, Homer, Achilles shield.

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ВАВИЛОНЕ 331 Г. ДО Н.Э.: МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ЛИТЕРАТУРНЫМ ВЫМЫСЛОМ

А.А. Клейменов (Тула)

Статья посвящена проблеме достоверности сообщения Курция Руфа о разложении македонской армии в период ее первого пребывания в Вавилоне. Определяется, что рассказ римского автора имеет следы значительной литературной обработки, вызванной характерным для всего сочинения стремлением показать моральное падение Александра и порочность восточных нравов, а также сделать повествование более понятным для римских читателей. Тем не менее, сравнительный анализ материалов античной письменной традиции позволяет утверждать, что в основе сообщения лежат данные более ранних источников. Описываемого в сочинении Курция Руфа полного разложения армии, якобы утратившей боеспособность, в реальности не было, однако долгое нахождение в Вавилоне действительно привело к снижению уровня воинской дисциплины и побудило Александра уже после ухода войска из этого города осуществить соответствующие ситуации мероприятия.

Ключевые слова: Александр Македонский, Курций Руф, Вавилон, воинская дисциплина.

Современный исследователь может выделить различные аспекты осуществленного Александром Македонским масштабного завоевательного проекта, обернувшегося кардинальным перекраиванием карты античной Ойкумены и созданием основы для формирования эллинистического мира. Тем не менее, по своей сути азиатская эпопея знаменитого полководца, прежде всего, являлась беспрецедентным военным предприятием. Его успех зависел от многих факторов: выбранной командованием стратегии, возможности обеспечить тактическое превосходство, логистических решений, а также способности поддерживать боеготовность личного состава, оказавшегося на долгие годы оторванного от родных земель. Для определения особенностей последнего компонента большое значение имеет анализ эпизодов, в рамках которых представители македонской армии испытывали проблемы с соблюдением установленных для них норм и правил, вынуждая командование искать пути выхода из сложившейся ситуации.

Один из упомянутых в письменной традиции случаев подобного рода стоит особняком, так как относится не к финальным этапам полководческой деятельности Александра, когда фиксируются наиболее хорошо освещенные в источниках примеры неповиновения македонской армии, а к 331 г. до н.э., ознаменованному разгромом персидского войска в знаменитой битве при Гавгамелах и проникновением завоевателей в центральные районы гбнущей державы Ахеменидов. Известен он по любопытному, но неоднозначному рассказу Курция Руфа о пребывании армии Александра в Вавилоне.

В рамках этого раздела своей «*Historiae Alexandri Magni Macedonis*» римский автор весьма подробно описывает особенности расположения и обустройства Вавилона, после чего замечает, что Александр оставался здесь дольше, чем в иных местах и причинил вред воинской дисциплине (*disciplinae militari*) более чем где-либо. Курций Руф характеризует Вавилон как город, по распутности нравов превосходящий прочие, упоминает особую тягу жителей к пьянству и склонность вавилонянок к разврату, причем, подчеркнуто прося прощения у читателей, сообщает о готовности местных женщин танцевать на пирах полностью обнаженными.

Как указывается, войско, покорившее Азию, пробыло среди «подобных мерзостей» 34 дня (*XXXIII dies*), в результате став слишком слабым для встречи с врагом. В конце отрывка писатель сообщает, что для снижения этого ущерба состав армии неоднократно пополнялся (*identidem incremento renovabatur*), после чего описывает приведенное Аминтой подкрепление, включавшее македонские, фракийские и греческие подразделения, а также 50 взрослых сыновей македонских аристократов для службы при персоне царя (см. Curt., V, 1, 36-42).

Определяя достоверность информации Курция Руфа, прежде всего, следует обратить внимание на отсутствие в античной письменной традиции других прямых указаний на плачевное состояние пребывавшего в Вавилоне македонского войска. Тем не менее, некоторые детали повествования римского автора в той или иной степени совпадают с данными иных источников. Диодор в своем более лаконичном сообщении упоминает, что

армия Александра пробыла в Вавилоне более 30 дней и быстро избавилась от усталости благодаря гостеприимству местных жителей (XVII, 64, 4). Юстин, как и Курций Руф, сообщает о продолжавшемся 34 дня отдыхе македонян (XI, 14, 8). Благодаря наличию этих совпадений, констатируется, что рассказы всех трех авторов, представляющих традицию «вульгаты», восходят к общему первоисточнику, коим, видимо, было сочинение Клитарха¹.

Впрочем, считать последний труд единственным источником, которым пользовался Курций Руф при составлении своего «вавилонского очерка», нельзя. Приведенное автором описание облика Вавилона имеет наибольшее количество точек пересечения с обзором города, представленным в сочинении Диодора, ссылающегося на данные Ктесия и Клитарха (II, 7-12), менее совпадает с информацией Страбона (XVI, 1, 5) и Геродота (I, 178-187). Сам Курций Руф упоминает наличие многочисленных греческих преданий о «Висячих садах», позволяя полагать, что в его распоряжении было несколько различающихся рассказов о данном легендарном сооружении². Все эти обстоятельства дают возможность признать излишне упрощенным мнение, согласно которому римский автор при повествовании о вавилонском этапе похода Александра опирался лишь на информацию Клитарха³, и согласиться с выводом о комбинировании сведений, полученных из нескольких источников⁴.

Тем не менее, видеть в сообщении Курция Руфа о произошедшем в Вавилоне разложении македонской армии результат близкого пересказа сведений ранней традиции не приходится. Как уверенно определяется в историографии, его сочинение представляет собой не исторический, а дидактический труд, призванный показать моральную деградацию Александра под воздействием излишней удачливости, из-за чего автор отдавал предпочтение источникам, повествующим об ошибках и жестоких поступках македонского царя⁵. Не ограничиваясь этим, Курций Руф весьма вольно обращался с фактами, в том числе подвергал имевшиеся сведения значительной риторико-литературной обработке, искусственно и не всегда

¹ *Hammond N.G.L.* Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 68.

² *Reade J.* Alexander the Great and the Hanging Gardens of Babylon // Iraq. Vol. 62. 2000. P. 201.

³ *Pearson L.* The Lost Historians of Alexander the Great. New York: American Philological Association, 1960. P. 229-230.

⁴ См. *Atkinson J.E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 5 to 7.2. Amsterdam: Adolf Hakkert, 1994. P. 39-46.

⁵ Подробнее: *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 42-43; *Baynham E.* Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 68; *Thomas C.G.* Alexander the Great in his World. Oxford: Blackwell, 2007. P. 10.

аккуратно совмещал различные версии, сознательно изменял последовательность событий¹.

Для понимания воздействия этих особенностей произведения на характер рассматриваемого фрагмента, прежде всего, следует учесть, что описание проблем, возникновение которых автор объясняет опрометчивым решением Александра провести в городе слишком долгое время, идеально соответствует общему замыслу «*Historiae Alexandri Magni Macedonis*», по которому именно после победы в битве при Гавгамелах, произошедшей незадолго до вступления македонян в Вавилон, началось стремительное нравственное падение полководца².

Прослеживается в нарративе влияние и иных литературных установок писателя. Как справедливо отметил Дж. Аткинсон, сейчас не представляется возможным выявить источниковую основу сообщения Курция Руфа о разлагавшей армию Александра порочности вавилонян, однако здесь явно присутствует влияние свойственных для античной литературы представлений о восточной распущенности³. Следует добавить, что при описании вавилонских нравов римский писатель не просто следовал за неким источником или, как полагал У. Тарн, предавался не связанному с повествованием морализаторству⁴. Нелицеприятная характеристика жителей Вавилона вполне соответствует духу всего сочинения, где часто присутствуют откровенно шовинистические комментарии в адрес различных чужеземных народов⁵. О привнесении Курцием Руфом в данный фрагмент «авторского материала» свидетельствует прямое обращение к читателям, с помощью которого писатель подчеркнул личную приверженность нормам римской морали⁶.

Здесь будет уместно затронуть еще один аспект, обладающий большим значением для правильного понимания анализируемого нарратива: как

¹ См. *Bosworth A.B.* History and Rhetoric in Curtius Rufus // *Classical Philology*. Vol. 78. 1983. №. 2. P. 157-158; *Atkinson J.E.* Op. cit. P. 24-25, 67-73; *Bichler R.* Die Bewährung der Soldaten in den Unbildern der Natur. Ein Beitrag zu Curtius' Erzählkunst // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 251; *Bridges V.* Medieval Narratives of Alexander the Great: Transnational Texts in England and France. Cambridge: D.S. Brewer, 2018. P. 48.

² *Müller S.* Alexander, Dareios und Hephaistion. Fallhöhen bei Curtius Rufus // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 43.

³ *Atkinson J.E.* Op. cit. P. 47.

⁴ *Tarn W.W.* Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 93.

⁵ *Heckel W.* Introduction // *Quintus Curtius Rufus. The History of Alexander* / J. Yardley, W. Heckel. London: Penguin Books, 1984. P. 10.

⁶ *Kuhlmann P.* Der Erzähler in Curtius Rufus' *Alexandergeschichte* zwischen Geschichtsschreibung und Romans // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 57-58.

справедливо отметила Э. Бейнхем, «*Historiae Alexandri Magni Macedonis*» рассказывала о жившем много лет назад иноземном царе, но написан труд был римлянином для римлян¹. При учете особенностей собственно римской исторической традиции нетрудно обнаружить, что в рассматриваемом фрагменте Александр явно уподоблялся Ганнибалу – негативно воспринимаемому в римской литературе военачальнику, чья армия, как считалось, была разложена вольготной зимовкой в Капуе². Образ, к которому Курций Руф отсылал своих соотечественников, являлся для них хорошо понятным: начиная с Тита Ливия, упоминания непобежденного в бою, но утратившего доблесть из-за продолжительного пребывания в роскоши и безделье войска Ганнибала в произведениях римских прозаиков и поэтов встречаются достаточно часто³. Явные следы «творческого подхода» присутствуют и в рассказе Курция Руфа о приведенном Аминтой в Вавилон пополнении, якобы возвратившем боеспособность ослабленному войску. Так, Диодор (см. XVII, 64, 1) передает очень близкие данные о составе подкрепления, однако в его версии новые силы прибыли уже после ухода Александра из Вавилона. Арриан, в свою очередь, упоминает приход Аминты в контексте рассказа о пребывании македонского царя в Сузах (см. *Anab.*, III, 16, 10). Сопоставление данных письменной традиции показывает, что Курций Руф использует общий с Диодором источник⁴, однако подвергает его материал значительной переработке и, исходя из собственных соображений, знакомит читателей с македонским институтом пажей-эфебов, а также относит прибытие подкрепления к более раннему времени, стремясь связать с ним прекращение разложения войска⁵.

Как не удивительно, но обозначенные выше нюансы, свидетельствующее о значительном вкладе самого Курция Руфа в содержание его «вавилонского рассказа», отнюдь не позволяют присоединиться к категоричному выводу А.Р. Барна, назвавшего сообщение о негативных последствиях пребывания армии Александра в Вавилоне «глупостью»⁶. Определяя степень достоверности рассматриваемого блока информации, следует обратить внимание на события, имевшие место в Ситтакене, куда

¹ Baynham E. Op. cit. P. 15-16.

² Spencer D. “You Should Never Meet Your Heroes...”: Growing Up with Alexander, the Valerius Maximus Way // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / Ed. E. Carney, D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 182.

³ Pyu E., Keur M. van der. The Many Faces of Capua: Its Narrative and Programmatic // Campania in the Flavian Poetic Imagination / Ed. A. Augoustakis, R.J. Littlewood. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 265, Not. 59.

⁴ По мнению Н. Хэммонда, общим источником Курция Руфа и Диодора в данном случае могло выступать сочинение Диила Афинского. См. Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great... P. 129-130; contra Badian E. Three Historians of Alexander the Great by N.G.L. Hammond (review) // Echos du Monde Classique: Classical views. n. s. Vol. 29. 1985. №. 4. P. 461-463.

⁵ Atkinson J.E. Op. cit. P. 48-49.

⁶ Burn A.R. Notes on Alexander's Campaigns, 332-330 // Journal of Hellenic Studies. Vol. 72. 1952. P. 90.

войско завоевателей направилось после ухода из Вавилона. Согласно тому же Курцию Руфу, македонский царь, расположившись лагерем в этой богатой продовольствием области, организовал воинские соревнования, чтобы во время продолжительной стоянки у представителей войска из-за праздности не ослабел дух (*ne desides otio demitterent animos*). В дальнейшем автор описывает реформы, подразумевавшие разделение армии на отряды, возглавляемые набранными из победителей состязаний хилиархами; введение нового принципа зачисления воинов в конные подразделения; ввод в македонский военный обиход другой системы сигналов (см. Curt., V, 2, 1-7).

Об этих событиях также пишет Диодор (XVII, 65, 2-4), упоминающий и продвижение некоторых командиров на более высокие должности, и то, что предпринятые Александром меры сделали войско дисциплинированным (ς).

Сообщения обоих авторов о мероприятиях Александра в Ситтакене достаточно близки и, видимо, полнее и достовернее данных Арриана (см. Anab., III, 16, 10-11), относящего проведение преобразований в македонской армии ко времени пребывания полководца в Сузах¹. Среди исследователей при наличии разных мнений о сути реформ факт проведения в Ситтакене важных для войска Александра мероприятий, как правило, не вызывает сомнений². Соответственно, переданные Курцием Руфом и Диодором сообщения о желании царя улучшить морально-психологическое состояние своих людей следует оценить как вполне достоверные, тем более, что они соответствуют общему стремлению Александра использовать состязания для укрепления боевого духа войска³.

Причиной применения подобных мер должны были стать очевидные для командования проблемы с воинской дисциплиной и боеготовностью личного состава, которые могли приобрести значимый характер именно из-за длившегося более месяца пребывания македонян в атмосфере, которую Диодор называет «гостеприимством», а Курций Руф изображает царством пьянства и разврата. Весьма интересным выглядит замечание М. Ольбрыхта о том, что столкнувшийся в Вавилоне с разложением армии Александр не стал прибегать к жестким мерам из-за желания добиться расположения местного населения⁴. Последнее обстоятельство должно было являться весьма важным,

¹ *Olbrycht M.J.* Alexander the Great in Sittakene and the Reorganization of his Army (331 B.C.) // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 9. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 81. Близкие выводы: *Atkinson J.E.* Op. cit. P. 56.

² *Milns R.D.* The Hypaspists of Alexander III – Some Problems // *Historia*. Bd. 20. 1971. Hf. 2. P. 192-193; *Hammond N.G.L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980. P. 164-165; *Bosworth A.B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 268; *Noguera Borel A.* Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // *Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine* / Ed. A.-M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athens: De Boccard, 2006. P. 233.

³ См. *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 2006. С. 308-309.

⁴ *Olbrycht M.J.* Op. cit. P. 81

учитывая усилия, которые прилагал завоеватель для того, чтобы продемонстрировать уважительное отношение к вавилонянам, склонить на свою сторону светскую и религиозную элиту города и, соответственно, обеспечить возможность контролировать оставляемый в тылу Вавилон с помощью небольшого гарнизона¹.

Создаваемому имиджу великодушного победителя и милостивого правителя, конечно, могли помешать применяемые на глазах вавилонян меры дисциплинарного воздействия, носившие в македонской армии публичный и весьма жесткий характер, предусматривая долгое неподвижное стояние в полном снаряжении, бичевание и даже казни (см. Arr. Anab., IV, 13, 2; IV, 14, 3; VI, 27, 4; VII, 8, 3; Curt, VIII, 6, 7; X, 4, 2; Plut. Alex., 22; 57; 69; Ael. Var. hist., 14, 48). Кроме того, в городе было невозможно организовать проведение строевых учений, которые Александр, в частности, уже на начальной стадии своего правления применял для укрепления дисциплины (см. Diod., XVII, 2, 3), да и сама муштра вряд ли являлась уместной в период, когда македоняне приходили в себя после недавнего масштабного сражения у Гавгамел. В том, что воины Александра, как и любые другие участники боевых действий, были подвержены посттравматическому стрессовому расстройству, помимо прочего, усиливающему тягу к алкоголю, сомневаться не приходится².

Тем не менее, констатируя наличие некоторых проблем, было бы ошибкой полностью доверять сообщению Курция Руфа, который, следуя своему писательскому замыслу, явно преувеличил степень падения дисциплины среди македонян в период их пребывания в Вавилоне. Сделать подобный вывод позволяют не только следы значительной литературной обработки материала, но и два других важных обстоятельства.

Первое из них связано с молчанием авторов иных античных сочинений, вместе с трудом Курция Руфа относящихся к традиции «вульгаты», причем наиболее показательным, что о разложении армии ничего не сказано в составленной Юстином эпитоме сочинения Помпея Трога, где Александр и его люди весьма часто выставляются в невыгодном свете³. Подобная ситуация могла возникнуть только в случае присутствия в первоисточниках относительно кратких и не столь мрачных сообщений о возникших в Вавилоне проблемах.

Вторым обстоятельством является достаточно быстрое восстановление боеспособности македонского войска, различные подразделения которого уже

¹ Brandes M.A. Alexander der Grosse in Babylon // Antike Kunst. Bd. 22. 1979. Hf. 2. S. 91-94.

² См. Tritle L.A. From Melos to My Lai: War and Survival. London; New York: Routledge, 2000. P. 77-78.

³ Об этом, к примеру: Маринович Л.П. Ук. соч. С. 39-40; Tarn W.W. Op. cit. P. 122-123; Bartlett B. Justin's Epitome: The Unlikely Adaptation of Trogus' World History // Histos. Vol. 8. 2014. P. 258; Frank R. Legitimate and illegitimate rule in the Alexander-Caesar pairing // Ancient Historiography on War and Empire / Ed. T. Howe, S. Müller, R. Stoneman. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2017. P. 216. Иное мнение см. Therasse J. Le moralisme de Justin (Trogue-Pompée) contre Alexandre le Grand: son influence sur de Quinte-Curce // L'antiquité classique. T. 37. 1969. f. 2. P. 588.

зимой 331-330 гг. до н.э. хорошо проявили себя при проведении военных операций против уксиев (см. Arr. Anab., III, 17, 1-6; Curt., V, 3, 1-15; Diod., XVII, 67, 3-5) и у «Персидских ворот» (см. Arr. Anab., III, 18, 1-10; Curt., V, 3, 16 – 5, 4; Polyæn., IV, 3, 27; Diod., XVII, 68, 1-7). Подобный результат, несомненно, мог стать достижимым лишь при наличии незначительных проблем дисциплинарного характера, успешно решенных в результате проведенных в Ситтакене мероприятий.

Подытоживая рассмотрение особенностей сообщения Курция Руфа о разложении македонской армии в период ее нахождения в Вавилоне в 331 г. до н.э., следует заметить, что в данном тексте, безусловно, отражены результаты творческих усилий самого автора, обусловленных стремлением вписать происходящее в общий контекст произведения, посвященного нравственному падению Александра, желанием подчеркнуть порочность восточных обычаев и сделать повествование более понятным для римских читателей. Однако, в основе нарратива лежала вполне достоверная информация первичной исторической традиции о пагубном влиянии долгого пребывания в Вавилоне на морально-психологическое состояние представителей македонской армии. Конечно, рисуемого Курцием Руфом полного разложения, приведшего к утрате боеспособности, в реальности не было, но определенные проблемы с уровнем воинской дисциплины личного состава были вполне очевидны и побудили Александра уже после выхода войска из Вавилона осуществить специальные мероприятия, направленные на исправление возникшей ситуации.

DEGRADATION OF ALEXANDER THE GREAT'S ARMY IN BABYLON IN 331 BC: BETWEEN HISTORICAL REALITY AND LITERARY FICTION

A.A. Kleymeonov (Tula)

The reliability of the Curtius Rufus report from the degradation of the Macedonian army during its first presence in Babylon is under consideration in this article. It is defined that the narrative of the Roman author had traces of significant literary processing, which was caused by the desire, characteristic of the whole work, to show the moral fall of Alexander, the depravity of Asian customs, as well as to make the narrative more understandable for Roman readers. Nevertheless, a comparison of information from ancient works suggest that the narrative is based on information from earlier sources. The complete degradation of the army described in the Curtius' work, which allegedly lost its combat capability, did not happen in reality, but a long presence in Babylon really turned into a decrease in the level of military discipline and it prompted Alexander, after the withdrawal of the troops from this city, to take appropriate action.

Key words: Alexander the Great, Curtius Rufus, Babylon, military discipline.

МЕЖДУРЕЧЬЕ НИЖНЕГО ГЕБРА И НИЖНЕГО НЕСТА (430-359 ГГ. ДО Н.Э.)

К.А. Анисимов (Тула – Белгород)

Предлагаемая статья представляет собой опыт реконструкции краткого отрезка политической истории (между 431 и 359 гг. до н.э.) относительно небольшого микрорегиона Фракии, которому была уготована роль моста между миром морской цивилизации эллинов и континентальным миром фракийских племен, между Европой и Ближним Востоком. Этот микрорегион, ограниченный с севера Родопами, с востока рекой Гебр, а с запада – рекой Нест, служил дорогой завоевателям, купцам и дипломатам с древнейших времен. За контроль над ним боролись персы, афиняне, одрисы, македоняне. Но, парадоксальным образом, о его собственной истории мы почти ничего не знаем. На основании письменных и нумизматических источников автор попытался реконструировать историю фракийских племен, населяющих междуречье Нижнего Неста и Нижнего Гебра.

Ключевые слова: киконы, бистоны, фракийцы, Гебр, Нест, одрисы, травсы, сапеи, Фракия.

История отдельных микрорегионов Фракии представляет особую проблему ввиду крайней скудости источников. Одним из наиболее значимых микрорегионов, в силу своего стратегического расположения, является область северного побережья Эгейского моря (совр. болг. Беломорие, греч. периферия Восточная Македония и Фракия), ограниченная с востока нижним течением реки Гебр (болг. Марица, греч. Эврос), а с запада нижним течением реки Нест (болг. Места). С севера над этой относительно узкой полосой возвышаются южные склоны Родопских гор. Несмотря на то, что на этой территории находились три крупных полиса (Абдеры, Маронея и Энос), а также множество мелких городков и эмпориев, тесно связанных с Афинами, главным центром историописания Древней Греции, мы весьма смутно представляем себе историю местных фракийских племен за исключением отдельных эпизодов. В данной работе предпринимается попытка осветить политическую историю региона на основании преимущественно отрывочных известий письменных источников между 431 и 359 гг. до н.э.

Из трудов античных писателей мы знаем, что в VI–V вв. до н.э. интересующую нас территорию населяли племена киконов и бистонов, упоминаемые еще древнегреческими мифами и поэмами Гомера (Hom. II. 2.844-850; 17, 70-74; Od. 9.39-66, 196-211), что говорит об их древности и славе¹. Киконы занимали территорию от Гебра до Бистонского озера (Strabo 7. fr. 44, fr. 58; Ovid. metam. 15.313; Plin. n. h. 4.43; Mela 2.28; Solin. 10.7; Mart. Cap. 6.656; Eust. ad Hom. II. 2.847; Steph. Byz. s. v. Zone). «Страна Кикония» была устойчивым географическим понятием уже в эпоху Великой Греческой колонизации, о чем свидетельствует определение Маронеи, как «города в Киконии» (Hecat. fr. 159). Соответственно, бистоны жили далее на запад до реки Нест. Последним по времени (и единственным) упоминанием их в контексте

¹ Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н.е. София, 1983. С. 78-81; Delev P. Les Odryses et les Kikones: problimes de geographie historique // Pulpudeva, 4, 1983. P. 220-226; Делев П. История на племената в Югозападна Тракия през I хил. пр. Хр. София, 2014. С. 210-214; Делев П. Надгробните могили при Симеоновград, Одриското царство и тракийските племена в долината на Хеброс // Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив-Свиленград през 2005 г. Велико Търново, 2008. С. 211-232.

реальных исторических событий служит описание похода царя Ксеркса на Элладу в 480-478 гг. до н.э.¹ В последующие века эти этнонимы всплывают разве что в поэтических оборотах, как синоним «фракийцев» вообще.

Рядом с киконами и бистонами Геродот называет сапеев (Hdt. VII, 110). Их локализация остается предметом дискуссии. Нам представляется, что сапеев нужно помещать на южных склонах Родоп, к северу от приморских племен². Как и их соседи, сапеи исчезают на длительный период времени со страниц истории, но во II в. до н.э. они вновь объявляются, чтобы начать длительную борьбу за гегемонию во Фракии (Liv. XLII. 13. 6). Косвенно это молчание указывает на какие-то важные изменения в этнополитической ситуации в междуречье Неста и Гебра. Именно решение этой проблемы послужило мотивом к написанию данной работы.

Важнейшим источником по истории Фракии последней трети V в. до н.э. является «История» Фукидида. Этот афинский историк, много лет проживший на фракийском побережье, имевший связи с влиятельными представителями местной элиты, оставил нам подробное описание Одрисского царства на пике его могущества (Thuc. II, 96). Из этого описания следует, что к 431 г. до н.э. всё фракийское побережье от устья Неста и города Абдеры до устья Дуная находилось под властью одрисского царя Ситалка. В то же время, греческие поселения входили в состав Первого Афинского морского союза, составляя часть Фракийского податного округа. По всей видимости, господство афинян и одрисов над морским побережьем регулировалось каким-то не известными нам соглашениями³. Трудность вызывает двусмысленность описания державы одрисов во II книге Фукидида. Рассказывая о мобилизации подвластных Ситалку племен, афинский историк выделяет 4 группы: 1) загемские племена Добруджи и Нижнедунайской низменности; 2) племена Верхнего Стримона, Софийской равнины и, возможно, северо-западной границы по реке Искыр; 3) племена бассейна реки Марицы, живущие между Родопой, Гемом, Черным и Мраморным морем; 4) независимые племена Родопских гор. Из этого перечня выпадают интересующие нас области к югу от Родоп между Нестом и Гебром⁴.

Есть три возможных варианта решения этой проблемы. Во-первых, Фукидид просто мог забыть бистонов и киконов, которых нужно включать в группу №3. Во-вторых, историк не упомянул бистонов и киконов потому, что они не принимали участия в походе Ситалка на Македонию. В-третьих,

¹ О персах во Фракии: *Vasilev M.I. The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia*, Leiden, 2015; *Анисимов К.А.* Внутренние и внешние аспекты образования Одрисского царства и проблема локализации первоначальной племенной территории одрисов // Исторический формат. №4. 2020. С. 98-114.

² Аналогичного мнения придерживается П. Делев: *Делев П.* История на племената в Югозападна Тракия през I хил. пр. Хр. С. 416-430. Иные мнения: *Фол А., Спиридонов Т.* Указ. соч. С. 52, 77-78.

³ *Порожанов К.С.* Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г. пр. Хр. Благоевград: Неофит Рильски, 2011. С. 162, 166.

⁴ *Анисимов К.А.* Система управления в Одрисском царстве // Тульский исторический вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 3 (7). 2021. С. 6-18.

Фукидида нужно понимать буквально: одрисы контролировали побережье, обеспечивая сюзеренитет над греческими полисами и эмпориями, а фракийские племена жили на горных склонах, сохраняя независимость. То есть их нужно включать в группу № 4.

Понимание этнополитической ситуации на этом участке побережья осложняется тем, что источники перестают упоминать бистонов и киконов уже после 481 г. до н.э., а сапеи вновь появляются в источниках только во II в. до н.э. На первый взгляд, последнему варианту противоречит то, что киконы и бистоны, как правило, ассоциируются с равнинами (Дориск (Hdt. VII, 59), Приантийское поле / Бриантика (Hdt. VII, 108; Liv. XXXVIII. 41, 8; Strabo. VII fr. 43), тогда как горы к северу от них занимают в более позднее время, по крайней мере, сапеи, а также, как мы увидим ниже, травсы (App. B. Civ. IV. 11. 87 – 17. 138). П. Делев предположил, что киконы контролировали также значительные территории на юго-восточных склонах Родоп, вплоть до Кырджалийской области и реки Арды. Он связывал с ними две специфические группы памятников раннего железного века в Восточных Родопах – скальные ниши и скальные гробницы¹. Мы сомневаемся в возможности столь широкой локализации территории Киконии, однако более чем вероятно, что ее границы не ограничивались лишь приморскими равнинами. Справедливо это и в отношении соседних бистонов. Кроме того, по мере усиления эллинских полисов, захватывающих пригодные для земледелия равнинные территории (о конфликте бистонов с эллинами: Hdt. I. 168²), местные фракийцы должны были отступать в горные районы³. Таким образом, как нам представляется, решается противоречие – бистоны и киконы не упоминаются Фукидидом, поскольку они входили в сообщество независимых от одрисов племен Родопских гор.

Последующая история междуречья Неста и Гебра была связана так или иначе с судьбой Одрисского царства. В 424 г. до н.э. погиб Ситалк. Его наследником стал Севт I, сын Спарадока (Thuc. IV, 101, 5). Фукидид отмечает, что при новом царе доходы одрисов от дани и даров с греческих полисов и фракийских племен возросли до рекордных размеров (Thuc. II, 97, 3). Однако, вскоре держава одрисов пережила некий кризис, подробности которого и точная дата нам не известны⁴. В результате одрисы утратили значительные

¹ Delev P. Les Odryses et les Kikones: problèmes de géographie historique. P. 224-225.

² В переводе Г.А. Стратановского вместо «фракийцев» ошибочно указаны «фокейцы».

³ Loukopoulou L. Thrace from Nestos to Hebros // An inventory of archaic and classical Poleis – an investigation conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford, 2004. P. 873.

⁴ Анисимов К.А. Кризис Одрисского царства: проблемы датировки // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» «Тульское Образовательное Пространство». 2017. №1. С. 109-112; Анисимов К.А. Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна // Древний мир: История и археология. Труды Международной научной конференции «Дьяковские чтения», Москва, МПГУ, 7 декабря 2019 г. М., 2020. С. 179-187.

территории на севере, западе и юго-востоке. Судя по всему, не стала исключением и прибрежная полоса между Нестом и Гебром.

До конца столетия у нас нет никакой информации о событиях, происходивших в этом регионе, если не считать распад Афинской морской державы, в которую входили Абдеры, Маронея и другие греческие поселения.

Больше информации о судьбах местных фракийских племен нам дает IV в. до н.э., но, вместе с тем, больше становится и вопросов. В начале столетия в этом регионе определенно наблюдается активность фракийцев, пытавшихся заполнить вакуум власти, появившегося после краха Одрисской и Афинской держав.

В 394 г. до н.э. по фракийскому побережью вел свою армию из Азии спартанский царь Агесилай (14, Ages. XVI). Он шел тем же путем, что Ксеркс веком ранее (и тем же путем, где римляне построят *via Ignatia*). Агесилай предварительно разослал письма фракийским правителям, угрожая последствиями, если они попытаются преградить ему дорогу. Одрисский правитель Юго-восточной Фракии («Приморской области», населенной племенами финов) Севт II и его «сюзерен» – царь одрисов (в это время либо Медок, либо сменивший его Амадок I¹) были союзниками Спарты накануне этих событий (Xen. Anab., VII, 8, 4; Xen. Hell., III, 2, 2 – 2, 10). Поэтому, письма скорее всего предназначались независимым племенам.

Как известно, маршрут царя Ксеркса в 480 г. до н.э. проходил через Херсонес Фракийский – область петов – реку Гебр – земли киконов, бистонов и сапеев – Нест – Пангейскую область и далее (Hdt. VII, 58–59, 108–114). Петика находилась между полуостровом, рекой Гебром и рекой Мелас, что подтверждается описанием маршрута Александра Великого в 335 г. до н.э. (Arr. Anab. I. 11, 5). Таким образом, можно уверенно предполагать, что эти территории были независимы от одрисов в 394 г. до н.э.

Одно из независимых фракийских племен проигнорировало предупреждение спартанского царя. Согласно Плутарху, путь Агесилаю преградили некие «трохалы». По пути следования армии было 2-3 места, пригодных для засады: перешеек, соединяющий Херсонес Фракийский с материком²; ущелье у г. Кипсела, где находилась переправа через Гебр (здесь в 188 г. до н.э. племена астов, кенов и корпилов устроили засаду римскому полководцу Гнею Манлию Вульсону (Liv. XXXVIII. 40, 4–15)); ущелье у г. Маронея, называвшееся до II в. до н.э. Темпирами (здесь Вульсона поджидали травсы – Liv. XXXVIII. 41, 1–8). Сравнение событий 394 и 188 гг. до н.э. говорит скорее о том, что Агесилая поджидали именно у Маронеи. Загадочные «трохалы» таким образом, это травсы. Судя по всему, они были одним из южнородопских племен (сравните: река Травос, впадающая в озеро

¹ Распространенно мнение о том, что это один и тот же человек, однако две формы имени встречаются на монетах разных типов, а кроме того, Ксенофонт знает «царя Медока» в «Анабазисе», а «царя Амадока» – в «Греческой истории». Это указывает на то, что Амадок был преемником Медока: Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София, 2006. С. 107–110.

² Порожанов К. Указ. соч. С. 202–203.

Бистонида – Hdt. VII, 109), которым удалось подчинить соседних сапеев, бистонов и киконов (после 188 г. до н.э. травсов сменяют сапеи).

Ок. 375-360 гг. до н.э. датируются монеты Спока, фракийского правителя, чеканенные в Абдерах. На монете Спока имеется аббревиатура ВА, что понимают, как сокращённое «басилевс». Это не типично для одрисов, которые вплоть до эпохи эллинизма не указывали титул на монетах¹. Таким образом, надпись демонстрирует претензии Спока, а также сближает его чеканку с монетами эдонского царя Геты, который впервые, уже в конце VI – начале V в. до н.э., начал использовать этот греческий титул (причем, в совершенно не типичном для эллинов того времени смысле)². Эдоны давно пришли в упадок, проиграв Афинам и Македонии³. Уже в 424 г. до н.э. в войне за Амфиполь на стороне Афин принимает участие царь одомантов Пол (Thuc. V. 6, 2). Вероятно, с этого времени начинается возвышение этого племени. К IV в. до н.э. одоманты, как нам кажется, становятся сильнейшим племенем Пангейской области⁴. На рубеже V-IV вв. до н.э. между Стримоном и Нестом чеканит монету Бергей⁵. Позднее, в первой половине IV в. до н.э., здесь будут править Берисад (обратите внимание на сходство имен Бергея и Берисада) и его сыновья во главе с Кетрипором.

Из сказанного выше об одомантах следует, что Спок должен был возглавлять какое-то объединение в окрестностях Абдер. С учетом сказанного выше о травсах, именно с этой мощной силой логично связывать этого царя. То, что интересы травсов распространялись на все побережье, свидетельствуют монеты Эноса. Их символика указывает на то, что городу приходилось вести войны, судя по всему успешные, с каким-то противником ок. 390-370-х гг. до н.э.⁶ Противником этим могли быть только фракийцы. Ближайшими соседями Эноса были племена апсинтиев (позднее известных под именем корпиллов: Strabo. VII fr. 57). В 398 г. до н.э. местные фракийцы, действуя, судя по всему, независимо от одрисов, совершили вторжение на

¹ Первая монета с титулом «басилевс» принадлежала царю Спартоку (ок. 281-277 гг. до н.э.): *Топалов С.* Приноси към проучване монетосеченето и историята в земите на Източна Тракия от края на IV в. пр. н.е. до края на III в. пр. н.е. София: Самиздат, 2001. С. 60-61.

² О монетах Спока и их связи с эдонскими традициями: *Юркова Й.* Монетите на тракийските племена и владетели. Т. I. София, 1992. С. 71; *Delev P.* The Edonians // *Thracia 17 (In honorem annorum LX Cirili Yordanov)*, 2007. P. 85-106. О титуле царя Геты: *Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев VII-VI вв. до н.э. М., 1971. С. 197-203.

³ *Delev P.* The Edonians. P. 85-106.

⁴ *Делев П.* Тракийското племе на одомантиде // *Mediaevalia.* Специално издание. Сборник в памет на доц. д-р Георги Сотиров (1946-1998). София, 2011. С. 171-191.

⁵ *Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София, 2014. С. 519 след.; *Psoma S.* Le tresor de Gazoros (CH IX 61) et les monnaies aux legendes ΒΕΡΓ, ΒΕΡΓΑΙΥ // *Bulletin de correspondance hellenique.* 2002. Vol. 126. №1. P. 205-229.

⁶ *Тачева М.* Указ. соч. С. 153 (по мнению автора, Энос сопротивлялся одрисскому царю Котису I).

Херсонес Фракийский (Хен. Нелл., III, 2, 6), но уже в 380-х гг., как свидетельствует нумизматический материал, эта область вновь находилась под контролем одрисских династов.

Восстановление одрисского господства уместнее всего датировать около 393–390 гг. до н.э., когда одрисский царь Амадок I (Амадок Старый) начал враждовать с правителем Юго-восточной Приморской области Севтом (Хен. Нелл. III, 8.25-8.28)¹. Исократ также упоминает какие-то благодеяния «старого Амадока» афинянам на Херсонесе в начале 380-х гг. до н.э. (Isoc. V, 6). У одрисов с греческими полисами традиционно складывались хорошие отношения, поскольку одрисы обеспечивали безопасность их хоры. Поэтому, наиболее вероятным противником Эноса представляются именно травсы.

Усилению влияния фракийцев в Абдерах во второй четверти IV в. до н.э. способствовали события 376 г. до н.э. В этом году Абдеры подверглись нападению трибаллов (Diod. XV, 36), могущественного племенного союза, объединяющего фракийские и иллирийские племена в бассейнах рек Моравы, Савы, Дравы к западу от реки Искыр². Союзником Абдер выступал некий «маронейский царь», который предал абдеритов и переметнулся к трибаллам (Ael. Arist. anath. I, 172; Schol. in Ael. Arist. ad 172, p. 275-282, 1, 8). Традиционно, загадочного «маронейского царя» отождествляют с кем-то из одрисских царей (высказывались предположения, что это Котис I³, Амадок I⁴ или Сараток⁵). Ввиду того, что травсы в 394-188 гг. до н.э. контролировали проходы у Маронеи, более вероятным представляется, что именно они перешли на сторону трибаллов, а наиболее подходящим кандидатом на роль «маронейского царя» является все тот же Спок. Абдеры тогда спасло от разорения только вмешательство афинского флота, в городе был расположен афинский гарнизон, а сам полис вошел в состав Второго Афинского морского союза. Однако, выпуск монет с именем Спока явно указывает, что абдеритам, потерявшим в этой войне цвет своего ополчения, пришлось пойти на компромисс с фракийцами.

Последующее десятилетие характеризуется возрождением могущества одрисов. Связан этот процесс с деятельностью царя Котиса I. Он пришел к власти ок. 384 г. до н.э., по всей видимости, на юго-востоке Фракии⁶. На основании нумизматических данных можно предполагать, что в этот момент Одрисское царство было в очередной раз разделено на две части⁷.

¹ Обострение отношений логично связывать с тем, что одрисский царь подчинил соседние с владениями Севта территории:

² *Papazoglu F. Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba.* Sarajevo, 1969. S. 11-68.

³ *Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975. С. 151; *Порожанов К.* Указ. соч. С. 222.

⁴ *Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. С. 491.

⁵ *Тачева М.* Указ. соч. С. 148-149.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ *Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. С. 490.

«Внутреннее царство» в верхнем течении Марицы и Тунджи контролировались царем Амадоком I, а Юго-восточная (Приморская) Фракия – Гебридзельмом. Правление, отмеченное выпуском нескольких типов монет, краткой надписью из Эдирне и афинским декретом 386 г. до н.э., было, кажется, непродолжительным. Ядро его владений составляло среднее течение Марицы и Нижней Тунджи, судя по выпадению его монет, то есть, земли апсинтиев и петов¹. Позднее, судя по всему, он присоединил Приморскую область Севта II. Котис I, как нам представляется, был преемником Гебридзельма и объединил оба одрисских царства под своей властью. При этом Амадок II, наследник Амадока I², сохранил власть в качестве «архонта» или «парадинаста».

До 370-х гг. до н.э. Котис, судя по всему, не предпринимал никаких действий по расширению своей державы. Однако, события 376 г. до н.э., когда афинское войско нанесло поражение вероломному «маронейскому царю» и трибаллам, несомненно, открывали для одрисского царя новые возможности. С одной стороны, местные племена были ослаблены, а с другой – крупные и мелкие полисы на побережье нуждались в защите. Наступление Котиса осталось вне внимания древних авторов. У нас есть сведения о его конфликте с Перинфом, относительно подробно освещена его война с Афинами за Херсонес Фракийский (363-360 гг. до н.э.)³. Но нам известно и кое-что еще.

О том, что Котис взял под свой контроль Киконию до вторжения на Херсонес, свидетельствует факт дарения им греческого городка Дрис на киконском побережье, в окрестностях Маронеи, своему зятю Ификрату около 363-360 гг. до н.э. (Theop. Fr. 175; Dem. XIII. 132). В момент своего триумфа в 360 г. до н.э. Котис заявил афинскому командующему, что фактически под его протекторатом находятся Маронея и даже о. Фасос (Dem. XXIII. 115). Этот невероятный успех одрисов на юго-западном направлении подтверждается событиями 359-357 гг. до н.э.

После убийства Котиса на рубеже 360-359 гг. до н.э. подвластные ему «архонты» восстали против нового царя Керсоблепта. Это привело к распаду державы на три части. Керсоблепт сохранил за собой восток страны. Берисад – земли к западу от Неста, на границе с Македонией⁴. Амадок II контролировал

¹ Юркова Й. Указ. соч. С. 56 след.; Peter U. Die Münzen der thrakischen Dynasten (5.-3. Jahrhundert v. Chr.). Hintergründe ihrer Prägung. Berlin: Akademie verlag, 1997. P. 106-112; Тачева М. Указ. соч. С. 125-133; Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. С. 451 и след.

² Этот факт подтверждается как распространением и символикой на монетах двух Амадоков, так и прямым указанием письменных источников (Theop. Fr. 109)

³ О хронологии Херсонесской войны: Цветкова Ю. История на Тракийския Херсонес (от Троянската война до времето на римското завоевание). В. Търново, 2008. С. 192 и след.; Heskell J. The North Aegean Wars 371–360 BC. Stuttgart, 1997. P. 138-153.

⁴ Йорданов К. Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359-281 пр. Хр.). София, 2000. С. 18. Уточнить расположение последнего из 3-х царств помогают Аристотель и нумизматика. Берисад умер вскоре после 358 г. до н.э. Уже в 357-356 гг. до н.э. его сменил Кетрипор. Аристотель упоминает область Кедриполис, название которой связывают с именем Кетрипора (Arist. Mir. ausc. 18). Ту же область, судя по

«Внутреннее царство», а также бистонско-киконское побережье. Около 354-353 г. до н.э. он препятствовал продвижению войск Филиппа II через Маронею к Херсонесу Фракийскому (Dem. XXIII. 183). Однако, расколотому и разобщенному Одрисскому царству не удалось сдержать наступление Македонии. К 340 г. до н.э. Филипп подчинил сначала «царство Берисада», а затем «царство Амадока» и «царство Керсоблепта», установив контроль над полисами на побережье¹. Эти события уже выходят за рамки нашего исследования.

Подводя итоги, следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют осветить историю междуречья Нижнего Неста и Нижнего Гебра лишь в общих чертах. Наиболее вероятным нам представляется, что при царях Ситалке и Севте I одрисы контролировали лишь узкую прибрежную полосу, прикрывая греческие полисы от соседних независимых фракийских племен, живущих на южных склонах Родоп. Киконы и бистоны, доминирующие в этом регионе в ранний период, сходят со сцены, будучи вытесненными эллинами в горные районы. Там они исчезают со страниц истории, войдя в новые племенные союзы. В результате кризиса, охватившего Одрисское царство после смерти Ситалка, побережье между Нестом и Гебром, скорее всего, было потеряно для одрисов. Образовавшийся вакуум заполнила новая сила – травсы, которые объединили племена южных склонов Родопских гор. В 394 г. до н.э. они выступили против спартанского царя Агесилая. Травсы контролировали проходы у Маронеи, возможно, также угрожали Эносу около 390 г. до н.э. В 376 г. до н.э. они заключили союз с трибаллами против Абдер. Несмотря на поражение, понесенное от афинского полководца Хабрия, фракийцы добились перехода Абдер под их контроль – около 375-360 гг. до н.э. абдериты чеканили монету их царя Спока. Однако, травсам пришлось уступить лидирующее положение на побережье. Усиление одрисов при царе Котисе I позволило одрисам восстановить протекторат над греческими полисами. Котис к 360 г. до н.э., несмотря на сопротивление Афин, распространил свою власть от Геллеспонта до Пангейской области и о. Фасоса. Закрепить успех одрисам не позволило убийство этого выдающегося царя. После гибели Котиса его держава распалась на три части. Пангейскую область получили Берисад и его сын Кетрипор, «Внутренняя область» и земли между Нестом и Гебром – Амадок

описанию, называет Одомантикой. Находки его монет также маркируют область исключительно между Стримоном и Нестом. Таким образом, можно смело утверждать, что Кетрипор и его отец Берисад были правителями одмантов и Пангейской области, лежащей напротив Фасоса. При этом Берисад представлен в источниках как одрисский династ (Strabo. VII fr. 47). Думаю, что противоречие устраняется, если предположить, что Берисад либо был одрисом, поставленным над пангейскими фракийцами, либо, что вероятнее, местным династом, признавшим верховную власть Котиса: *Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. С. 515-517, 525-528.*

¹ *Йорданов К. Указ. соч. С. 45 след.; Делев П. Филип II и залезът на „Голямото“ Одриско царство в Тракия // Шуменски университет “Епископ Константин Преславски”. Трудове на катедрите по история и богословие 1, 1997. С. 7-40.*

II. Сыну Котиса Керсоблепту досталась Фракия к востоку от Гебра. Распад Одрисского царства совпал по времени с возвышением Македонии, царь которой Филипп II сумел за короткий срок разгромить все три фракийских царства и взять под контроль междуречье Нижнего Неста и Нижнего Гебра.

INTERFLUVE OF THE LOWER HEBROS TO LOWER NESTOS (431-359 BC)

К.А. Anisimov (Tula – Belgorod)

This article is the reconstruction of a short period of political history (between 431 and 359 B.C.) of a relatively small micro-region of Thrace, which was destined to be a bridge between the Hellenes' world of maritime civilization and the continental world of Thracian tribes, between Europe and the Near East. This micro-region, bounded to the north by the Rhodopes, to the east by the Gebrus River, and to the west by the Nest River, has served as a road for conquerors, merchants and diplomats since ancient times. The Persians, the Athenians, the Odrians, and the Macedonians fought for control of it. But, paradoxically, we know almost nothing about its own history.

Keywords: Cycons, Bistonians, Thracians, Gebras, Nest, Odrisians, Thrausians, Sapeians, Thrace.

ЛОКАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЕНИОХОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПОНТА

Р.М. Бобин (Тула)

Развитие крупного племенного образования, известного под именем гениохов, населявших прибрежные территории Понта в период ранней античности, происходило достаточно динамично. Согласно письменным свидетельствам древних авторов, дошедших до нас, места их локализации на Понте были достаточно рассредоточены. При этом свою широкомасштабную активность и значительность они сохраняли довольно длительное время. Однако на рубеже эр наблюдается спад активности гениохов и распад их на отдельные группы. Вместе с тем, на территории Восточного Причерноморья они смогли сохранить свою самобытность и культурную общность, выраженную в культуре современных представителей кавказских народов.

Ключевые слова: гениохи, Восточное Причерноморье, Кобанская культура, Колхидская культура, Цебельдинская культура.

Древняя история автохтонных народов Восточного Причерноморья и Кавказа остается одной из самых малоисследованных. Нет, в частности, сколько-нибудь ясного представления о происхождении, истории и культурной динамике не только гениохов, но и многих других племенных образований античности. Локализации этнического образования гениохов обусловлена сложностью определения их точного места локализации. Для более ясного представления о местонахождении данного этноса необходимо будет проанализировать большую часть территории Причерноморья.

О поселениях Черноморского побережья в разное время, начиная с греческого периода и заканчивая римским, было написано большое количество трудов древних исследователей, достаточное количество которых дошло и до наших дней, найдя свое отражение в научных публикациях современных авторов.

В свое время Юрий Николаевич Воронов высказал мнение о том, что «Северо-Восточное Причерноморье было заселено родственными племенами, известными под собирательным термином «гениохи»¹».

Позднее Г.К. Шамба отмечал, что некогда крупные объединения гениохов уже в середине I тысячелетия до н.э., т.е. тогда, когда их застают греческие писатели, постепенно распадаются на отдельные племена, а со 2-й половины I тысячелетия до н.э. гениохские племена в Восточном Причерноморье выглядят как отдельные островки² – это находит подтверждение у Плиния (VI, 14) – «народ гениохов», и у Страбона (Strabo. XI, II, 12) – четыре объединения с четырьмя царями.

Несколько позже Вера Павловна Буданова в своей монографии отметила, что гениохи (греч. Ἐνίοχοι)³ являлись племенным союзом с входящими в него схожими по культурному развитию этносами. Так же по ее информации, на кавказском побережье Понта Эвксинского обитают на севере зиги, ахай, на юге санеги. Основной район локализации – область Питиунта (совр. Пицунда). Часть гениохов этой группы продвинулась в Малую Азию, в область Трапезунта⁴. Другая часть этого же кавказского племени находилась в горах к северо-западу от албанов (т.е. в предгорьях Северного Кавказа)⁵.

Примечательно, что упоминание Плинием гениохов в районе Апсара и Трапезунта может также свидетельствовать о сохранении здесь связанных с этим этнонимом племенных групп, а именно, что они являлись отдельными ветвями гениохского объединения, в свое время растворившими племена кораксов и колов⁶.

Также по данному факту миграции существует мнение⁷, что их переселение в область Трапезунта было обусловлено неким давлением другого, более сильного племенного образования, а именно среднеазиатских кочевников алан под руководством римских инструкторов из созданного Нероном I Италийского легиона (Suet., Nero, 19; Dio Cass., LV, XXIV, 2) о чем может также свидетельствовать находка фрагмента римского штандарта –

¹ Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. С. 61.

² Шамба Г.К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н.э. Автореф. дисс. ... д. ист. н. Сухуми, 1987. С. 22.

³ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 194.

⁴ Там же. С.194.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.22.

⁷ Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бобин Р.М. Восточный поход Нерона: новое решение старой проблемы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 273-285.

головы кабана в захоронениях на правом берегу Кубани (богатых погребений I–III вв. «Золотого кладбища»)¹. Целью Рима в данной специальной операции был полный контроль над территорией Понта.

Страбон, наряду с прикубанскими меотами, керкетами, ахеями и многими другими прибрежными племенами в районе Боспора Киммерийского вдоль северо-восточного кавказского побережья также отмечает сосредоточение гениохов (Strabo. II, 4,31; XI, 2,1,12,13,14), которых по мнению Б.Х. Бгажнокова, вероятно, следует ассоциировать с названием живших в этом районе племен «иганиехи», упоминаемых в урартских источниках. «Страна Игани, как мы убеждаемся», пишет он, «предстает в источниках как крупное, многоэтническое политическое образование, способное противостоять урартским правителям, действовать независимо от страны колхов, но в союзе с ней. Никакому сомнению не подлежит и то, что Игани урартских надписей это Гениохия античных авторов, а иганиехи – те же самые гениохи»².

В свою очередь, римский легат Арриан (по прозвищу «Новый Ксенофонт»), в своём письме императору Адриану, освежая в его памяти ряд греческих мифов – «об Аргонавах», «о Прометее», и «об Ахилле» – сообщает нам очень интересную информацию о народах Восточного Причерноморья и легитимности власти их правителей (Arr., PPE, 15, 27). Про гениохов Арриан описывает следующее: «Они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев, и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам» (Arr. PPE, 15). Однако мы также знаем, что Страбон указывает на четырех царей гениохов (Strabo.XI, II, 12). Учитывая, что Арриан побывал в этих местах намного позже Страбона, вполне возможно, что к тому времени ситуация могла поменяться. Чуть позже в ходе Восточного похода император Траян, «прибыв в Саталы (город в Малой Армении – совр. деревня Садак в Турции) наградил дарами Анхила, царя гениохов и махелонов», возможно, за их участие в очередной специальной операции римлян против Парфии (Cass. Dio., LXVIII, 19(2)).

Далее в разных вариантах, в том числе, совпадая с Картлис Цховреба (История Грузии), свидетельства о гениохах еще не раз повторяются в источниках античного времени на протяжении целого тысячелетия, вплоть до V в.

Рассматривая гениохов как племенной союз, либо как группу родственных племен, необходимо выделить схожие по культуре народы, которые, возможно, могли бы входить в это объединение. Их обозначение и количество сильно варьируются, поэтому следует отметить основные.

Саниги (греч. Σανίται) – племя гениохов³, локализуемое на кавказском побережье Понта в районе греческого города Диоскуриады, где

¹ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 40.

² Бгажноков Б.Х. К культурной истории майкопско-анатолийских племен (гениохи и Гениохия) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017. № 7. С. 54.

³ Буданова, В.П. Ук. соч. С.341.

некогда проживали «лаконцы (жители Спарты), которые поселились в Гениохии, предводителями которых были Крекас и Амфистрат – возницы Диоскуров. По всей вероятности, гениохи получили свое имя от них» (Strabo. XI, II, 12).

Далее со входом римских регулярных сил в акваторию Понта город получил название Себастополис, в честь римского императора Гая Октавиана Августа, носившего вместе с титулом Августа и титул «Себастос» (Σεβαστός) – буквально Уважаемый (почитаемый) (совр. Сухум).

В свою очередь, Плиний Старший отмечает, что они же санны-гениохи (Plin. NH, VI, 15) есть племенное объединение, «соответствующее, скорее всего, предкам современных сванов»¹. Известно, что сваны в древности населяли территорию в верхнем течении реки Ингури (территория Западной Грузии, включающая восточное черноморское побережье и прилегающие земли южного Приэльбрусья и часть Главного Кавказского хребта) и, соответственно, вполне могли входить в интересующую нас этническую структуру (Ингури-Рионскую группу, выступающую в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности)².

Другая группа интересующих нас племенных образований, локализуется юго-западнее устья Апсара (совр. Чорохи (Tas. Ann., XIII, 37). Позже это место, согласно Перипла Арриана, а именно крепость Апсар, входило в фортификационное сооружение Кавказского лимеса³.

Кораксы (греч. Κοραξες, Κοραξοί) – горное племя, которое обычно локализуют там же, на побережье, в районе того же совр. Сухума. Данное племя было идентифицировано еще греками (как «вороны»). Возможно, что это название народ получил за свои аулы, лепящиеся по утёсам, как гнёзда воронов⁴. Примечательно то, что сами кораксы могли и не знать, как они числились в греческих источниках. Таким образом, кораксы жили где-то в районе Диоскурии, но в горах, так как побережье было занято другими племенами. Об этом свидетельствуют многочисленные косвенные указания. Так, Помпоний Мела (Mel. I.13, 108, 109) сообщает, что часть Кавказских гор называлась Кораксийскими горами, поскольку они принадлежали кораксам. Плиний Секунд упоминает Гениохийские горы, «которые другие называют кораксийскими (Plin NH, V, 99)». Новое название гор (Гениохийские) уже в это время (I в. н. э.) заменило прежнее название (Кораксийские), «устаревшее в связи с исчезновением племени кораксов»⁵.

¹ Воронов, Ю.Н. Древняя Апислия. Источники. Историография. Археология / отв. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Алашара, 1998. С. 31, 32.

² Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Евразия: Механизмы культурных перемен. М., 2009. Вып. 223. С. 143–172.

³ Первалов С.М. Легионы Кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра Владикавказа. 2007. Т.7. № 4. С. 2–11.

⁴ Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.

⁵ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй. Сухум, 2009. С.114.

Примечательно, что расположение жилищ кораксов подпадает под второстепенный признак идентификации представителей кобанской культуры, отмеченной у А.Д. Сухова¹, где он утверждает, что «кобанцы обычно не укрепляли свои поселения, так как старались располагать их в труднодоступных местах: на скалах, возвышенностях, в долинах рек, а также выбирали для проживания высокие плато или плоские отроги ущелий. Дома строились глинобитными, иногда на булыжном фундаменте. Обычно дома строились группами, стенами к друг другу, также встречались и значительные поселения с целыми кварталами построек, разделенными улицами».

После входа Рима в Причерноморье и переименования Дискуриады в Себастиополис кораксы на рубеже эр постепенно переименовались в апсилы².

Абсилы (или апсилы – Ἀψίλαι) По происхождению апсилы обычно связывают с кораксами, локализуют в окрестностях той же Диоскуриады, о чем сведения можно найти у Плиния (Plin. NH, VI, 15). Имя апсилы стало самоназванием абхазской народности – «апсуа»³. Необходимо также отметить об имеющемся подтверждении участия абсилы в войне с Парфией на стороне римлян, а также получением царём апсилы Юлианом римского гражданства⁴. Известны они как наследники культуры древних апсилы в римское и раннесредневековое время, получившей название Цебельдинской по одноимённой древней крепости Цебельде и ее окрестностям.

Мосхи (греч. Μοσχῶν), некогда занимавшие территорию на северо-западе Армении, входили в могущественный союз племен и размещались в южной горной области Колхиды. Впервые встречаются еще у Геродота (Herod. III, 94; IV, 78). Народ под названием мосхи известны еще по ассирийским источникам как «мушки», которые входили в XIX сатрапию Персидского царства (Herod. III, 94). Далее есть упоминания у Ксенофонта в «Анабазисе» в V в. до н.э. (Xen. Anab., V, 4, 32), и у Гелланика Митиленского.

Керкетов (греч. Κερκέται) и соседствующих с ними **торетов** (греч. Τορέται) есть смысл отождествить их с друг с другом. Помпоний Мела (I, 110) в числе диких племен Побережья Кавказа не упоминает **торетов**. Однако Плиний старший (Plin. NH, VI, 16), наоборот, при описании племен той же локализации повествует, что местом жительства **торетов** является возвышенность у южной границы Синдского государства. (Strab. XI.2.14). На рубеже 60-х – 80-х годов прошлого столетия на данной территории проводились археологические мероприятия по отождествлению Синдской гавани с поселением рубежа второй половины VI в – первой половины IV в до н.э.,

¹ Сухов А.Д. Кобанский могильник как часть археологической культуры народов Северного Кавказа // Ученые записки Орловского гос. университета. 2016. № 4(73). С. 68–71.

² Воронов Ю.Н. Ук. соч. С. 20.

³ Анчабадзе Г.З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта. Сухум [Электронный ресурс] Режим доступа http://apsnyteka.org/1210-anchabadze_g_stati.html, свободный. Загл. с экрана.

⁴ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Сухум, 2004. Вып. III. С. 159, 160.

именуемым Горгиппией¹. Л.И. Лавров в своих суждениях о происхождении народов Северо-западного Кавказа² и идентификации собирательного понятия для обозначения позднейших адыгов и кабардинцев³ определил территорию **керкетов** между современным Новороссийском и рекой Нечепсухо. Далее во время исследования берега Геленджикской бухты было открыто раннегреческое поселение, которое впоследствии отождествили с упоминаемым Псевдо-Скилаком (Рег. 72–76) эллинским городом Ториком⁴. По мнению Н.А. Онайко⁵, **тореты** населяли район современного Геленджика, а название города Торик произошло от этнонима **тореты**⁶. Вместе с тем, как уже упоминалось про «**кораксов**», локализуемые в этом месте племена получили свое название от уже имеющего свое имя города⁷.

Хариматы (греч. Χαριμάται). О них, локализуемых ниже реки Парфений, впадающей в Черное море, и живших по соседству с племенами керкетов, гениохов и мосхов⁸, мы узнаем из отрывка Стефана Византийского⁹ «Тρωικά», где некий Палефат повествует: «Κερκετέων ἔχονται Μόσχοι καὶ Χαριμάται τοῦ Παρθενίου χρατέουσιν εἰς τὸν Εὐξείνῳ πόντῳ» – что означает: «к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского понта». Там же Гелланик в «Основаниях народов и городов» отмечает: «Κερκετέων δ' ἄνω οἰκέουσι Μόσχοι καὶ Χαριμάται, κάτω δ' Ἠνίοχοι, ἄνω δὲ Καραξοί»: «выше керкетов живут мосхи и хариматы, ниже гениохи, а выше кораксы»¹⁰.

Вместе с тем, возьму на себя смелость отказаться от данной гипотезы локализации гениохов на этом участке побережья Понта. Подтверждений повествованиям Палефата, который в некотором роде является собирательным образом¹¹, более не отмечено ни у одного из античных авторов. Примечательно, что там же, у Стефана Византийского (44 F 3: S. Byz. s. Χαριμάται) повествование Гелланика Митиленского идет как следующее предложение после точки. Следовательно, ничего общего с цепочкой

¹ *Завойкин А.А.* Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134–145.

² *Лавров Л.И.* О происхождении народов Северо-западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. С. 193–207.

³ Там же. С. 193–207.

⁴ *Завойкин А.А.* Ук. соч. С. 134–145.

⁵ *Онайко Н.А.* Архаический Торик – Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 179.

⁶ *Мальшев А.А.* Древние греки и аборигенное население (архаический Торик) // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М., 2005. С. 13–18.

⁷ *Суриков, И.Г.* Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла. // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.

⁸ *Буданова В.П.* Ук. соч. С. 398.

⁹ *Латышев В.В.* Стефан Византийский, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Приложение к запискам Императорского Русского археологического общества Типография Императорской Академии наук. СПб., 1890. С. 270.

¹⁰ Там же. С. 270.

¹¹ *Ярхо В.Н.* Палефат. О невероятном // ВДИ. 1988. № 3. С. 216–237.

«керкеты – мосхи – хариматы» – Палефат не имеет. Следовательно, мы не имеем точных сведений для того, чтобы действительно локализовать гениохов близ реки Παρθένιου (известной, как совр. Фуртуна¹).

Вместе с тем, становится понятно, что для реальной локализации гениохов, а вместе с ними хариматов, мосхов и керкетов, остается только восточная часть побережья Черного моря. Однако, «касаемо хариматов, сама форма этнонима позволяет сблизать их с племенами Приазовья, имеющими в своих названиях формант -μάται (Ἰαζαμάται, Σαυρομάται)»². А кто из них в итоге располагался «(άνω) выше, а кто (κάτω) ниже, сейчас не так принципиально, потому что возможный первоначальный ареал расселения гениохов (предположительно в качестве союза племен) мог включать в себя как Колхиду, так и прилегающие к ней с севера, востока и юга территории»³. Все остальные так называемые «островки»⁴ – лишь результат их возможных «политических» миграций в разное время существования до момента «растворения».

Все эти обширные территории от северо-западного побережья Азовского моря до нынешнего Абхазского побережья, а также в глубь Кавказских гор, и далее по всей береговой линии до границы Грузии с современной Турцией, входили в регион, где выделяются археологические культуры, такие как Меотская, Бзыбская и Ингури-Рионская, входящие в Кобано-колхидскую культурно-историческую общность⁵.

Также необходимо отметить преемственность Цебельдской (Апсильской) культуры, которая по праву может считаться завершающим этапом культурного развития племенных образований Поздней античности и раннего средневековья на территории Восточного Причерноморья.

¹ Примечательно, что вместо реки Фуртуна следует указывать реку Бартын, которая располагается на Северо-Западе Турции и впадает в Черное море, именно в том месте, где Вифиния граничила с Пафлагонией. Река Парфения (Παρθένιον) и ее «потоки» (отмечаются у Гомера в Илиаде (песнь II: Сон Беотия или Перечень кораблей ст. 850) указывается в окрестностях Пафлагонии. Страбон (Strab. VII. 4. 3) локализует там пафлагонцев (греч. Παφλαγόνες), которые населяли окрестности Амастриды (совр. Амасра). «Перед Таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон (совр. Аю-Даг). Против него – мыс пафлагонцев – Карамбис, который делит Эвксинский Понт на два моря сжатым с обеих сторон проливом». Помпоний Мела в своей «Хорографии» также отмечает, что «Почти посередине береговой линии Пафлагонии расположен мыс Карамбис» (Mel. I.104).

² Мусбахова В.Т. Кораксийская накидка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22/2. С. 887–919.

³ Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья / отв. ред. А.Ю. Скаков. М., 2013. Т. I. С. 23.

⁴ Шамба Г.К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н.э. Автореф. дисс. ... д.ист.н. Сухуми, 1987. С. 22.

⁵ Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. I Всероссийские Миллеровские чтения. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 28–29.

Однако Бзыбскую, Меотскую и Ингури-Рионскую культуры следует разделять по различным локальным признакам. Для бзыбской керамики, например, характерен более богатый желобчатый дуговой орнамент в виде шевронов, что нельзя сказать про керамику поселений древней Абхазии, отнесенной к Ингури-Рионской культуре, у которых декор в целом кажется более бедным, упрощенным и несколько небрежным¹.

Что же касается металлообработки, то здесь лидировала Колхида, что подтверждают археологические источники времен поздней бронзы и раннего железа. Однако, принимая во внимание надкультурные феномены и первоначальный ареал расселения генихов, необходимо отметить идентичные находки по обе стороны реки Бзыбь, а именно бронзовые топоры колхидского типа, происходящие из различных мест Сочи-Адлерского района. Все это подтверждает, что колхидская культура широко распространялась к северо-западу. «Скорее всего, – писал Г.К. Шамба², – создателями этой культуры могли быть также гениохи.

Далее, для полноты картины, необходимо рассмотреть погребальные обряды, которые также имеют значение для полной идентификации, однако здесь не обойдется без надкультурных признаков и присутствия импорта. Начнем с того, что все зависело от места поселения. Если это высокогорье, то это были каменные ящики с перекрытием мощной плиты, трупоположение, хотя известны случаи кремации. Предгорье, как правило – обычные грунтовые ямы или ямы, обложенные камнем, булыжниками. В мужских погребениях обязательным атрибутом было оружие, известны также погребения мужчин с взнузданным конем. Также клали орудия труда, сосуды, уздечку и напутственную пищу. Курганы насыпались только в случае, если в определенной племенной группе имело место влияние культуры степных кочевников³. Также широко использовались обряды выставления и «уничтожения», «экскаранация» тела умершего. У абхазов присутствовал характерный вид захоронения в выдолбленных деревьях под шкурой быка и многое другое. Также была распространена «дигорская культура» захоронений, которую сравнивают с хеттско-царским погребальным обрядом, имеющим протокобанские корни.

По другую сторону реки Бзыбь были характерны индивидуальные захоронения с трупоположением, вытянутым на спине, кремация в каменных склепах («домиках мертвых»), кремация в грунтовых ямах крупного размера, захоронение в урне. Особенно интересно элитное женское захоронение римского времени, меотской культуры, найденное в поселке Мезмай Апшеронского района Краснодарского края, где наряду со множеством захоронений более раннего периода была погребена пожилая женщина с двумя взнузданными конями со множеством золотых украшений. Все

¹ Там же.

² Гунба М.М., Шамба Г.К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. Сухум, 2001. С. 31.

³ Сухов А.Д. Ук. соч. С. 68–71.

признаки захоронения указывают на ее благородный статус. Подвески с парными конскими головками, найденные в захоронении, известны в произведениях колхидской торевики, которая сыграла определенную роль в генезисе ювелирного стиля Прикубанья¹. Также примечателен набор из шести нашивных штампованных бляшек с изображением лежащего горного барана. бляхи, которых были зафиксированы залипшими вокруг черепа на уровне лба и, вероятно, были нашиты на головной убор или перевязь из ткани или кожи. На Кавказе с кобанского времени фигурки, протомы, головки барана, воспроизведенные на разных изделиях, очень популярны, однако подобное полное изображение лежащего животного с подогнутыми ногами не известно².

Скорее всего, на всем протяжении Восточного Причерноморья в то время проживало этнически довольно однородное общество, состоявшее из союза больших племен³. Преобладание в металлических изделиях черт колхидской культуры, а также наличие поселения с «текстильной» керамикой позволяют допускать этническое единство обладателей этих изделий с населением более южных районов, т.е. предполагать их принадлежность к древнеабхазским племенам, известными позже под именем генихов.

В качестве культурной преемственности на территории Восточного Причерноморья, согласно заключениям М.М. Трапша⁴ и Г.К. Шамба⁵, данных на основе археологических материалов, выступила Цебельдинская (Апсильская) культура. Становится очевидным, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры, по существу, есть почти повторение (реплика) местных изделий более раннего периода, т.е. эпохи поздней бронзы – раннего железа⁶. Вместе с тем, при изучении керамической посуды и железных топоров выделяется самостоятельный характер, который указывают на локальную особенность цебельдинской культуры, что, в свою очередь, «позволяет отделить ее от других одновременных ей соседних культур Кавказа I–V вв. н.э.»⁷

Учитывая глубокую преемственность, необходимо отметить автохтонность цебельдинской культуры, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых признаков, нехарактерных для любой другой области. Цебельдинская культура, как весьма самобытная, просуществовала вплоть до VIII в.

¹ Шевченко Н.Ф. Элитное женское погребенье в могильнике Мезмай-1 // Историко-археологический альманах. Армавир-Краснодар-М., 2020. Вып. 15. С. 66–81.

² Там же. С. 66–81.

³ Гунба М.М., Шамба Г.К. Ук. соч. С. 30.

⁴ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Трапш М.М. Труды. Тбилиси, 1971. Т. 3. С. 213.

⁵ Шамба Г.К. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум, 2005. С. 41.

⁶ Джопуа А.И., Ньюшков В.А. О генезисе апсильской культуры в трудах Г.К. Шамба // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. Сухум, 2013. С. 51–55.

⁷ Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. // Тр. АБИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1963. Т. 3. С. 258.

LOCALIZATION OF THE ETHNIC FORMATION OF THE GENIOKHI ON THE NORTH-EAST COAST OF PONT

R.M. Bobin (Tula)

The development of a large tribal formation known as the Heniochs, who inhabited the coastal territories of Pontus in the period of early antiquity, was quite dynamic. According to the written testimonies of ancient authors who have come down to us, their localization on Pontus was quite extensive. They were able to maintain their large-scale activity and significance with the introduction of Greek culture and Roman time. However, at the turn of the eras, an extremely critical decline in activity and decomposition into separate groups is observed. At the same time, on the territory of the Eastern Black Sea region, they were able to preserve their identity and cultural community, expressed in the culture of modern representatives of the Caucasian people.

Key words: Geniokhi, Eastern Black Sea region, Koban culture, Colchis culture, Tsebelda culture.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ПЛЕМЕНАМИ ВАНДАЛОВ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н.Э.

М.А. Малинин (Тула)

Статья посвящена взаимоотношениям вандалов с Римской империей в первых веках н.э. На основании свидетельств письменных источников автор пришел к выводу о том, что характер взаимоотношений вандалов и Римской империи был весьма противоречив. С одной стороны, мы наблюдаем мирную торговлю, с другой – череду войн, которые наносили большой урон обоим сторонам. Конечно, в подобных конфликтах виновниками были не только неугомонные варвары, но и римляне, стремившиеся создать на своих границах буферную зону, где бы проживали зависимые германские племена. Институт заложничества был явно связан с романизацией этих народов. Но представляется, что внутренняя нестабильность в самой Римской империи не позволила правительству средиземноморского гегемона предвидеть натиск новых варваров к границам империи. В связи с этим племена, находившиеся в союзнических отношениях с Римом, под давлением новых народов стали сами разграблять пределы империи и требовать территории для расселения, следуя своим интересам. Безусловно, вандалы, на протяжении всего времени действовали в рамках своих интересов, и торговля занимала в них не последнее место.

Ключевые слова: вандалы, Римская империя, торговля, война, взаимоотношения, Маркоманнские войны, готские войны.

В первых веках н.э. племена вандалов и Римскую империю связывали отношения, которые выражались не только в торговой сфере, но и в военной. Взаимоотношениям вандалов с Римской империей практически не посвящено отдельных крупных исследований. Однако в некоторых работах отечественных и зарубежных историков эта тема иногда затрагивается¹. Хотя

¹ Буданова В.П. Горский А.А. Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С. 28-29, 33-38, 40-41, 43-44; Диснер Г-И. Королевство вандалов. СПб., 2002. С. 21-23; Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 230-231; Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 143; Ранние вандалы. Германия—Сарматия, 2. 2010. С. 26-27.

стоит признать, что данная проблема в них не раскрыта полностью. К примеру, не совсем ясно, на что рассчитывало правительство Рима в контактах с этими племенами. Характер этих взаимоотношений непрерывно менялся на протяжении нескольких столетий.

В сферу внешней политики Римской империи, если верить письменным источникам, вандалы попали во 2-й половине I в. (Pl. St., IV, 99; Tac., Germ., 2)¹, во многом благодаря усилению экономической экспансии Рима на варварские территории, связанной с поисками янтаря (Pl. St., XXXVI, 45). Однако не только янтарь могли предложить вандалы расширяющему свои границы государству. Германцы, продавали и обменивали римским торговцам зерно, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (Dio Cass. LXXI., 11, 2; 16, 1-2; SHA. Prob., XXVIII, 14, 3). Вовлечённые в торговые отношения с Римом вандалы экспортировали изделия из бронзы, керамики, стекла, а также золотые и серебряные украшения². В основном торговля проходила в пограничных провинциях империи на ярмарках³.

Тем не менее, в наших источниках нет сведений о существовании торговых соглашений между Римом и вандалами. Но, исходя из анализа сочинений античной литературной традиции, можно утверждать, что такая торговля строго регулировалась имперскими властями. До современных исследователей дошла информация об организации специальных мест на дунайской границе, для торговли с варварами. С III века, в связи с событиями периода готских войн, торговля с германцами на территории Рима была запрещена, но политики не препятствовали римским купцам переходить границу⁴. Однако под запрет попали некоторые виды товаров. Табуированными товарами были железо, оружие, зерно и соль⁵.

Ко II веку у северо-западной границы Дакии появились асинги и синлинги⁶. В сочинении Диона встречается отрывок, повествующий о том, что во время Маркоманнских войн (166–180 гг.) в 171 г. племя асингов, под предводительством вождей Рая и Рапта, попросило у Секста Корнелия Клементя, наместника Дакии, разрешения расселиться на территории провинции (Dio Cass. LXXI., 11-12, 3)⁷. Имперский чиновник не планировал расселять вандалов на вверенной ему территории провинции и отказал вождю германского племени. Далее, как следует из источника, асинги, прежде чем завладеть областью, населёмой племенем костобоков, оставили на попечение

¹ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 35-36.

² Gabler D. Zu Fragen der Handelsbeziehungen zwischen den Römern und den «Barbaren» im Gebiet östlich von Pannonien. Römer und Germanen in Mitteleuropa. В., 1975. P. 87-108. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 44.

³ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 43.

⁴ Колосовская Ю.К. Ук. соч. С. 230-231.

⁵ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 44.

⁶ Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 40.

⁷ Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 40.

наместника Дакии своих жён и детей, что, вероятно, может говорить о союзнических отношениях между двумя сторонами. Вероятно, империя в данном случае брала на себя обязательства по защите территории вандалов, пока те были заняты войной с костобоками.

Через некоторое время после своей победы вандалы начали причинять беспокойства самой Дакии. А расселявшиеся по соседству лакринги неожиданно напали на асдингов, побоявшись того, что римские власти поселят их на территории, занятые племенем лакрингов. Древний автор уточняет, что внезапное нападение лакрингов нанесло такой удар асдингам, после которого они не смогли восстановиться и продолжать свои набеги на Дакию¹.

Из описания противостояния астингов и лакрингов у Диона Кассия достаточно заметной становится роль Римской империи в этом конфликте. Империя не только расселяла варваров около своих границ и на своей территории, но и стремилась их использовать в качестве военной силы при столкновении с врагами. Это становится очевидным при рассмотрении данной проблемы при сопоставлении с другими подобными примерами.

Использование империей политики столкновения варваров между собой для решения своих оборонительных проблем достаточно заметно в конфликте, вспыхнувшем через восемь лет после столкновения асдингов и лакрингов. В 179/180 г. между квадами и маркоманнами произошёл конфликт (Dio Cass. LXXII. 2, 1-4; SHA. Commod. 3, 5; Herodian. I, 6, 4-9). Но провинции Римской империи он не затронул, так как конфликт происходил на территории враждующих племён. Тем не менее, император Коммод (177–193 гг.) вмешался и разрешил конфликт. В результате успешных действий имперских войск с маркоманнами был заключен мирный договор². По его условиям маркоманны были обязаны предоставлять воинов для вспомогательных войск римской армии (Dio Cass LXXII. 2). Впоследствии военнопленные из числа маркоманнов были расселены в качестве колонов на территории империи³. Это достаточно интересное сообщение, если мы будем учитывать, что до Маркоманнских войн (166–180 гг.) империя и квады находились в дружеских, и даже зависимых отношениях, а в 170 г. между ними было заключен союз (Dio Cass. LXXI., 11 – 12, 3). По нашему мнению, в конфликте 179/180 г. имперское правительство преследовало цели окончательно сломить своего противника (маркоманнов).

Помимо этого у Диона Кассия имеются и другие примеры подобной политики. В 215 г. императором Каракаллой (211–217 гг.) были рассорены находившиеся в союзе вандалы и маркоманны (Dio Cass. LXXVII., 20, 3). Античный автор не упоминает, каким образом август смог это сделать, но в указанном фрагменте прослеживается попытка империи нейтрализовать

¹ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 264.

² Колосовская Ю. К. Ук. соч. С. 225.

³ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Ук. соч. 29-30.

усиливающегося противника – вандалов, с помощью своего союзника, находящегося в зависимости – маркоманнов (Veil. II. 108, 2.).

Таким образом, на основе письменных источников можно сделать вывод о том, что разгром асдингов лакрингами был нарочито спровоцирован Римской империей. В данном случае власти империи стремились решить проблемы с нападениями вандалов с помощью союзного племени лакрингов. После указанного конфликта терзавшие ранее Дакию варвары были нейтрализованы и не могли более продолжать свои набеги. Итогом такой политики стало переселение асдингов в Дакию¹. Хотя у исследователей имеется другая точка зрения. К примеру, Диснер считает, что асдингов власти средиземноморского гегемона расселили в верховьях Тисы, откуда их дружина не предпринимала больше походов на территории империи². Так или иначе, но Марк Аврелий и его легионеры достигли своей цели в привычной для Рима политике «разделяй и властвуй».

Подобный характер взаимоотношений можно увидеть и в III в. В этот период племена вандалов участвовали в военных походах вместе с другими варварскими племенами на территорию Римской империи. Согласно Иордану, в 248 г. асдинги совместно с готами, певкинами тайфалами и карпами предприняли опустошительный поход, в Мёзию (Iord., Get., 92). В 270 г. вандалы совместно с сарматами разоряли Паннонию (Zos. I, 48; 49). Однако император Аврелиан нанес германцам урон, после которого они были вынуждены договариваться о мире. Согласно заключённому договору вандалы должны были предоставлять вспомогательные войска. Для обеспечения условий мирного соглашения вандальские вожди предоставили римлянам в заложники своих детей³. В 277 г., согласно сообщениям Зосима (Zos., I, 68) и Флавия Вописка (SHA. Prob., XXVIII, 16, 2; 18, 2), император Проб в верховьях Дуная (276–282 гг.) разбил ряд германских племён, в число которых входили и вандалы. Захваченные в ходе успешных действий римской армии варвары были переселены в Британию, где участвовали в подавлении мятежей против правительства (Zos., I, 68, 2).

Таким образом, характер взаимоотношений вандалов и Римской империи был весьма противоречив. С одной стороны, мы наблюдаем мирную торговлю, с другой – череду войн, которые наносили большой урон обеим сторонам. Конечно, в подобных конфликтах виновниками были не только неугомонные варвары, но и римляне, стремившиеся создать на своих границах буферную зону⁴. Но представляется, что внутренняя нестабильность в самой империи не позволила правительству средиземноморского гегемона предвидеть натиск новых варваров к границам государства. В связи с этим, племена, находившиеся в союзнических отношениях с Римом, под давлением

¹ Колосовская Ю.К. Дунайские племена и их войны с Римом // История Европы. I. М., 1988. С. 610.

² Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22.

³ Ременников А.М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. С. 22; Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22.

⁴ Колосовская Ю.К. Ук. соч. С. 227.

новых народов стали сами грабить пределы империи и требовать территории для расселения. Безусловно, вандалы, на протяжении всего времени действовали в рамках своих интересов, и торговля занимала в них не последнее место.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP OF THE ROMAN EMPIRE WITH THE TRIBES OF VANDALS IN THE FIRST CENTURIES OF A.D.

M.A. Malinin (Tula)

The article is devoted to the relationship of the Vandals with the Roman Empire in the first centuries AD. Based on the evidence of written sources, the author came to the conclusions that the nature of the relationship between the Vandals and the Roman Empire was very contradictory. On the one hand, we are seeing peaceful trade, on the other, a series of wars that have caused great damage to both sides. Of course, in such conflicts, the culprits were not only restless barbarians, but also the Romans, who sought to create a buffer zone on their borders. Where would the dependent Germanic tribes live. The institution of hostage was clearly associated with the Romanization of these peoples. But it seems that internal instability in the Roman empire itself did not allow the government of the Mediterranean hegemon to foresee the onslaught of new barbarians to the borders of the empire. Therefore, the tribes that were in allied relations with Rome under pressure from the new peoples themselves began to plunder the borders of the empire and demand territory for resettlement, following their interests.

Keywords: vandals, Roman Empire, trade, war, relationships, marcomannic wars, gothic wars.

ОБЩИНА ФИЛОПОНОВ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ АЛЕКСАНДРИИ КОНЦА V В.

И.В. Абдулманова (Белгород)

Община филопонов, с точки зрения исследования интеллектуальной традиции Александрии, представляет собой интересный феномен. С одной стороны, это христианская община, со всеми вытекающими отсюда атрибутами христианской жизни и мировоззрения. С другой, это вновь отмечаемый автором образец александрийской интеллектуальной эклектики в Восточном Средиземноморье. Именно в этом ключе автор статьи намечает основные направления интеллектуальной деятельности общины филопонов в конце V века. Основной вывод статьи состоит в том, что филопоны не только пытались укрепить интеллектуальные позиции христиан, но и способствовали снижению уровня языческой религиозности в Александрии.

Ключевые слова: Александрия, филопоны, Паралий, Горapolлон, Петр Монг.

Современное изучение процесса медиализации интеллектуального знания в позднеантичный период представляет собой наиболее актуальное направление отечественной исторической науки. Это обстоятельство определяется несколькими особенностями: во-первых, самым исследовательским интересом к лакунам в изучении процессов развития ментальности в сложные периоды «слома эпох»; во-вторых, потребностью в расширении границ понимания того факта, что медиализация

интеллектуального знания – это не только процесс изменения, но и, прежде всего, процесс упрощения этого знания, а значит «упрощение ментальности людей», живущих на «сломе эпох».

В этом смысле, интересной, с точки зрения исследовательской плоскости, выступает Александрия V века, представляющая собой город, в котором процесс христианизации развивался параллельно языческой интеллектуальной традиции. В рассматриваемый период александрийское общество пребывало в ситуации религиозно-философской напряженности, снижение которой стало возможным благодаря соглашению, заключенному схоластом Александрийской школы неоплатонизма Аммонием Гермием с христианским патриархом Александрии Петром Монгом. Расширение границ для взаимодействия язычников и христиан во многом определялось и деятельностью христианской общины филопонов¹.

Община филопонов представляла собой группу образованных (и обучающихся) христиан, выходцев из высшей знати александрийского общества, основной задачей которых было оказание «посреднических услуг» между епископом и паствой² во 2-й пол. V – 1-й пол. VI в.³ К числу ключевых направлений деятельности филопонов также относилось: выстраивание отношений между александрийской церковью и монастырями Египта⁴, участие в крестных ходах в период проведения крупных христианских праздников⁵, проповедническая деятельность, направленная против язычества, формирование и обоснование христианской интеллектуальной традиции с той целью, чтобы христиане могли противостоять нападкам язычников.

Сфера научных интересов филопонов, в основном, затрагивала неоплатоническую философию, которую они пытались христианизировать. В этом смысле представители общины выступали в качестве синтезаторов язычества и христианства, полагая, что христианство строится на античном

¹ Под «филопонами» («трудюлюбам») понимались участники своеобразного движения образованных христиан в Египте во второй половине V в. – первой половине VI в. в Александрии.

² Захария Схоластик (Vit. Sev. 24) указывает, что другие христианские группы выполняли аналогичную функцию в других городах империи.

³ *Wipszycka E. Les confreries clans la vie religieuse de l'Egypte chretienne // Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology / ed. R. Samuel. Toronto, 1970. P. 511-525; Petrides S. Spoudaei et Philopones // Echoes d'Orient. 1904. №7. P. 341-348; Sijpesteijn P.J. New Light on the Philoponi // Aegyptus. 69. 1989. P. 95-99.*

⁴ *Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2006. P. 214.* Обмен представлялся взаимовыгодным: филопоны оказывали финансовую поддержку монастырям и в некоторых случаях могли представлять интересы отдельных монастырских лидеров, а монастыри, в свою очередь, допускали пожилых и наиболее набожных представителей общины в число монастырского клира. В результате отношения стали настолько близкими, что термины «филопонион», или «место встречи филопонов», стали относиться к монастырю, населенному или финансируемому филопонами.

⁵ *Wipszycka E. Les confreries clans la vie religieuse de l'Egypte chretienne // Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology. Toronto, 1970. P. 514.*

наследии. К V веку сфера влияния филопонов распространилась на различные научные кружки, которые выступали подготовительным этапом к изучению христианской веры¹.

Центром интеллектуальной жизни филопонов был монастырь Энатон². Он состоял из небольших монашеских групп (койнобионов³) во главе которых стоял руководитель. Койнобионы обладали значительной долей суверенитета: имели свою церковь, настоятелей и даже собственных святых⁴. Интересы койнобионов также могли различаться, в том числе, и в отношении философско-богословских вопросов. В Энатоне служили такие влиятельные христиане, как архиепископ Дамиан, Фома Аркел, Павел Телльский⁵.

Захария в «Жизни Севера» упоминает о развитом школьном образовании в Энатоне, которое заключалось в том, что обучающихся поощряли принимать христианство на интеллектуальной основе, а после подключалось дополнительное религиозное руководство⁶. Программа обучения в общине филопонов также описывается Захарией (в той части, где он сообщает о решении Севера узнать больше о христианстве): вначале Север попросил Захарию поговорить с ним о христианстве, в ответ на что тот рассказал Северу о Писании и познакомил с текстами Василия и Григория (Zachar. Vit. Sev. 48). После этого Север присоединился к группе читателей, которая была создана филопонами, чтобы помочь студентам освоить философию, риторику, науку и теологию (Zachar. Vit. Sev. 52-55). Эта группа работала по субботам и воскресеньям. Последовательность чтения была такова, что сначала студенты изучали антиязыческие тексты Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова и Кирилла Александрийского, а после читали Шестоднев Василия и богословские труды Григория⁷ (Zachar. Vit. Sev. 53).

¹ В них студенты занимались как изучением «античных» наук (риторики, философии, естествознания), так и христианских догматов, посредством анализа Священного писания и Священного предания.

² Находился в 9 милях от Александрии.

³ Киновии. Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горapolлон младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 155.

⁴ Van Cauwenbergh P. Etude sur les moines d'Egypte: depuis le Concile de Chalcedoine, jusqu'à l'invasion arabe. Paris-Louvain, 1914. P. 64-72.

⁵ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горapolлон младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе. С. 155.

⁶ Захария, который сам был филопоном в 480 г., показывает, как это происходило, описывая свою первую встречу с Севером. В то время Север был некрещеным катехуменом, учившимся в Александрии. Захария посещал те же занятия, что и Север, и начал говорить с ним о своих интеллектуальных интересах. В ходе этого разговора Захария встревожился любовью Севера к сочинениям Либания и посоветовал ему уравновесить языческие тексты чтением христианских сочинений Василия Кесарийского и Григория Назианина.

⁷ Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. P. 214-215. Антиязыческие тексты христианских авторов выбирались с большой тщательностью для того, чтобы опровергнуть мнение, которое разделяли некоторые студенты о том, что христианская литература стилистически значительно уступала произведениям классических языческих авторов. Кроме того, подобная литература давала возможность

Программа, которую разработали филопоны, была направлена на предотвращение религиозных экспериментов, которые в V в. были крайне популярны в студенческой среде. Кроме того, филопоны оказывали активную поддержку тем христианам, которые приезжали в Александрию, чтобы в языческой схоластической культуре они чувствовали себя более уверенными.

После прихода в Александрию яввлиховского неоплатонизма, привнесенного афинскими интеллектуалами, ситуация в языческих школах стала более напряженной, однако носила скрытый характер. В 486 г. ситуация изменилась, когда к крупному языческому интеллектуалу Горуполлону на обучение прибыл ученик Паралий. Паралий происходил из языческой семьи и сам был убежденным язычником. Один из его братьев (Афанасий) обратился в христианство после того, как познакомился с христианским учителем из Энатона Стефаном. Чтобы младший брат не повторил судьбу Афанасия, семья отправила его на обучение к признанному язычнику Горуполлону¹. В один из визитов Паралия к Афанасию в Энатон, он познакомился со Стефаном и тот посоветовал Паралию обсудить с его языческими учителями те религиозные проблемы, о которых они спорили. Паралий получил ответы, но Стефан счел их неубедительными. «Кризис веры» Паралия случился тогда, когда он, убежденный, что ребенок философа Асклепиодота был рожден с помощью богини Исиды (*Zachar. Vit. Sev.* 18-19), посетил храм богини и убедился в ложности своего представления. По возвращению в Александрию, Паралий стал прилюдно насмехаться над язычеством и языческими учителями. В пятницу² языческие студенты напали на него. Захария спас Паралия и увез в Энатон к настоятелю койнобиона Соломону³.

Соломон, в сопровождении Паралия и группы монахов, отправился на аудиенцию к Петру Монгу⁴. Подобное решение было обусловлено высокой должностью Петра, поскольку личные отношения между Энатонем и александрийским патриархом складывались напряженно.

христианским студентам читать произведения, которые рационально опровергали многие языческие влияния, обнаруженные в их непосредственном окружении. Поступая таким образом, филопоны создали в академическом мире субкультуру, которая бросала вызов тонким религиозным посланиям, посылаемым иерархией языческих школ города.

¹ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горуполлон младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе. С. 152-162; *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. P. 216-217. Захария так описывал учебу Паралия у Горуполлона: «в его отношениях с Горуполлоном процветало язычество Паралия; он был бдителен, принося жертвы идолам вместе со своим учителем» (*Zachar. Vit. Sev.* 15).

² В этот день недели большинство христианских студентов не присутствовало в школе.

³ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горуполлон младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе. С. 152-162.

⁴ Отношения между Петром и антихалкидонскими монахами Энатона были напряженными из-за принятия патриархом Энотикона — документа о церковном союзе, предложенного императором Зеноном, чтобы положить конец фракционности в восточных церквях. На этом фоне становится любопытно, что монахи из койнобиона Соломона решили сблизиться с Петром после избиения Паралия.

Несмотря на серьезные разногласия, Петр находился на крупной административной должности, и в его руках была сосредоточена политическая власть. Филопоны нуждались в его согласии, чтобы предпринять активные действия против язычников.

У Петра также были свои интересы помогать филопонам. Во-первых, это способствовало сближению патриарха с монастырем, который был сосредоточием не только христиан-интеллектуалов, но и христиан, имеющих высокий социальный статус в обществе. Во-вторых, эта ситуация смогла позволить Петру Монгу объединить враждующие христианские фракции города. Петр отправил помощника сопровождать толпу ко двору префекта Энтрехия. К префекту были допущены только Паралий, Захария и три филопона, чьи имена нам неизвестны. Паралий, в присутствии Энтрехия, написал обвинение и представил документ, в котором утверждалось, что язычники совершали жертвоприношения и напали на него. Энтрехий встал на сторону христиан. Вскоре после окончания этого процесса Горapolлон и другие язычники, упомянутые в обвинительном акте Паралия, бежали. Энтрехий, желая, чтобы спор быстро прекратился, не стал преследовать беглецов¹ (*Zachar.Vit. Sev. 26-27*).

Подобная ситуация создала прецедент для александрийских христиан: они стали нападать на Аммония, его учеников и других языческих студентов города². Горapolлон, который считался причиной инцидента, получил прозвище «Психаполлон» или «Разрушитель душ» за свою склонность к обращению студентов³. Соломон и Петр Монг организовали налет на святилище Исиды. Для Петра это был центральный момент в его правлении. Все христианское население объединилось против языческих учителей⁴.

Для языческих интеллектуалов города ситуация обострилась еще и тем, что, в отличие от аналогичного инцидента с Гипатией, язычников больше не считали невинными участниками конфликта.

Этот инцидент стал предпосылкой к заключению соглашения между Аммонием и Петром и формированию новой парадигмы во взаимоотношениях между язычниками и христианами.

В заключение следует отметить, что филопоны V века работали на укрепление христианской веры, однако использовали старые модели христианских кружков. Одновременно филопоны были частью синкретичной интеллектуальной среды Александрии, которая не стремилась опровергнуть культурные основы язычников, по крайней мере, в той части, в которой это было выгодно самим христианам.

¹ *Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. P. 219.*

² Не имеется в виду физическое насилие.

³ *Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горapolлон младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе. С. 152-162.*

⁴ Дошло даже до того, что группа антихалкидонских монахов из Энатоны и их халкидонские противники из Пахомиева монастыря в Канопе объединились против язычников и вместе прошли строем, демонстрируя трофеи из храма Исиды: *Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. P. 220.*

Усилия филопонов в итоге привели к значимому для позднеантичной Александрии событию: религиозное образование «в афинском стиле», имевшее место в александрийских школах неоплатонизма в 460-470-е годы, было приостановлено, и явная языческая религиозность школ вместе с религиозными практиками ушла в прошлое.

COMMUNITY OF PHILOPONS IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIANIZATION OF THE INTELLECTUAL TRADITION OF ALEXANDRIA IN THE END OF 5th CENTURY AD

I.V. Abdulmanova (Belgorod)

In the context of the study of the intellectual tradition of Alexandria, the Philoponean community is an interesting phenomenon. On the one hand, it is a Christian community, with all the attributes of a Christian life and worldview that follow from it. On the other hand, the author, an example of Alexandrian intellectual eclecticism in the Eastern Mediterranean, again notes it. It is in this vein that the author outlines the main directions of the intellectual activity of the Philoponean community at the end of the V century. The main conclusion of the article is that the Philopones not only tried to strengthen the intellectual position of Christians, but also contributed to the decline in the level of pagan religiosity in Alexandria.

Keywords: Alexandria, philopones, Paralia, Horapollon, Peter Mong.

ЕРЕТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ В УЧЕНИИ ОРИГЕНА ПО ОПИСАНИЮ ЛЕОНТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО

А.Д. Стржалковская
Е.А. Бутримова (Белгород)

В статье приводятся самые главные заблуждения Оригена. Данные заблуждения подробно описывает и опровергает Леонтий Византийский. Первое заблуждение Оригена это – учение «о предсуществовании душ». Самые безгрешные становятся ангелами, самые грешные – демонами, а согрешившие незначительно становятся человеческой душой и им определяется жизнь по их существованию до рождения. Следующее заблуждение – это «Апокатарсис»; его суть в мучениях душ не вечно, через какое-то время душа может очиститься. И последнее заблуждение Оригена – это «сотворение мира».

Ключевые слова: Ориген, ереси, учитель, ортодоксия.

Ориген, общепризнанный учитель христианской Церкви, был философом, ученым, и благодаря своим трудам оказал огромное влияние на развитие богословия и философии. Впоследствии некоторые его выводы относительно христианской догматики были осуждены на V Вселенском соборе¹. Какие именно догматические вопросы Оригена получили осуждение, мы попытаемся осветить.

¹ *Карташев А.В.* Вселенские соборы. Минск: Белорусский экзархат, 2008.

Как известно, Ориген написал основной труд «О началах»¹, в котором он попытался систематизировать учение христиан, и это стал чуть ли не первый опыт систематизировать христианскую догматику. Исследователи датируют время написания данного труда лишь приблизительно. Это время окончания пребывания Оригена в Александрии – 228-230 гг.²

Данное произведение получило огласку без согласия и вопреки желанию Оригена, благодаря его другу Амвросию. В оригинале текст до наших дней не дошел. Сохранилось два варианта – это переработка Руфина (IV век) на латинском языке (цель переработки – смягчение осужденного учения Оригена), а также два обширных отрывка из III и IV книг в хрестоматии, составленной Василием Великим и Григорием Назианзином, под названием *Φιλοκαλία* (Добротолюбие)³.

Изучив древних отцов и учителей Церкви, выступавших противниками оригенизма, получилось вывести следующие еретические моменты в учении Оригена:

- «Предсуществование душ»;
- «Апокатарсис»;
- «Учение о сотворении мира».

Рассмотрим каждое из этих понятий в отдельности, опираясь на некоторые выдержки из опровержений яркого критика оригенистических взглядов Леонтия Византийского.

Являясь, как мы уже сказали, одним из самых известных противников учения Оригена, Леонтий Византийский отзываясь о нем так: «Следует сказать и об Оригене и его учении. Так вот Ориген – древний муж, еще из тех, что до Константина, и был он велик, знаток Священного Писания и грамматик. Его отец был мучеником, да и его самого вели на мученичество. Однако он был вынужден принести жертву.... Учение же его было таково. Заявлял о субординации (ὕποβασις) Сына, за что затем ариане его защищали, говоря, что древние отцы не заботились о точности, ибо, пока еще не было ересей, они проще пользовались словами. Когда же они появились, тогда каждый из отцов стал заботиться о своей безопасности. Мы же скажем, что он заявлял о субординации не потому, что пользовался словами проще, но действительно твердо придерживался сего учения. Ведь, кажется, в своем послании он стойко защищает сие, говоря: «Сын или более Отца, или менее, или равен. Ежели я покажу, что Он не больше, и не равен, очевидно, что Он меньше». Он же явно учит, и нет ему оправдания»⁴.

Т.е., из этого описания явно видно, что Леонтий резко критически настроен и уже даже осуждает некоторые поступки Оригена при его жизни,

¹ Творения Оригена, учителя Александрийского. О началах. Казань: Типография императорского университета, 1899. 253 с.

² *McGuckin J.A.* The Westminster Handbook to Origen. Westminster: John Knox Press, 2004. 228 p.

³ Творения Оригена, учителя Александрийского. О началах. С. 1-2.

⁴ Леонтий Византийский. Схолии. Деяние второе.
https://azbyka.ru/otechnik/Leontij_Vizantijskij/o-sektah/#0_1

хотя, как нам известно, Церковь осудила только некоторые моменты учения Оригена, но не его самого.

Первое заблуждение в учении Оригена – это теория о «Предсуществовании душ»; разберемся, что это такое, приведя слова Леонтия Византийского: «Другое же его (Оригена) [учение] о предсуществовании. В те времена о предсуществовании он учил, что прежде веков и демоны, и души, и ангелы – все были чистыми умами, служившими Богу и выполнявшими его заповеди. Дьявол же, один из них, захотел восстать против Бога..., а вместе с дьяволом восстали и все другие силы. И те, что весьма согрешили, стали демонами, те же, что меньше – ангелами, те же, что еще меньше – архангелами. И таким образом каждому воздалось в зависимости от своего греха. И остались души, кои не согрешили так, чтобы стать демонами. И в то же время не так незначительно, чтобы стать ангелами. И тогда Бог создал сей мир, и заключил души в качестве наказания в тела... Однако очевидным образом, что Он покарал каждого в зависимости от прегрешения, и одного соделал демоном, другого – душой, третьего – ангелом. Ведь если бы было не так, и предсуществовали бы души, почему тогда мы обнаруживаем иных из только что родившихся слепыми, хоть они и ни в чем не грешны, а других родившихся без изъяна? Вот и очевидно, что у душ предсуществуют некие грехи, в зависимости от коих и воздается каждой»¹.

Исходя из этого «предсуществования душ», Леонтий Византийский объясняет, что Ориген считает абсолютно все души неким образом существующими до своего воплощения. Самые безгрешные становятся ангелами, самые грешные – демонами, ну а согрешившие незначительно становятся человеческой душой и им определяется жизнь по их существованию до рождения. И вот это утверждение в учении Оригена признано еретическим.

Не останавливаясь более подробно на первом заблуждении Оригена, переходим к следующему – это учение «Об апокатастасисе» (восстановлении). Описывая это учение, Леонтий готовит, что Ориген учит так: «Есть воскресение мертвых, и есть наказание, однако оно не вечно. Ибо, после того, как тело предается мукам на небольшой промежуток времени, душа очищается, и таким образом восстанавливается в свое древнее состояние. И демоны, и ангелы также, мол, восстанавливаются»².

И в заключении опишем третье заблуждение в учении Оригена – это «О сотворении мира». В системе Оригена акт творения происходит в вечности, и творение есть проявление самой сущности Бога. Бог по природе своей не может не творить, и поэтому Он творит всегда, вечно. Творимые Им разумные твари находятся в вечном общении с Творцом: именно в этом отрицании времени – главная слабость учения Оригена. Поскольку Бог творит мир не свободно, а в силу своей «сущности», постольку тварный мир не имеет реального независимого существования, разумные твари лишены истинной

¹ Там же.

² Там же.

свободы, они как бы привязаны к своему Создателю, то отпадая, то снова неизбежно возвращаясь к созерцанию Его Божественной сущности. В такой системе наша жизнь, наша человеческая история не имеют реального смысла: возвращение падшей твари к Творцу предопределено от века, и в этом круговращении нет места истинной свободе – ни Божественной, ни тварной¹.

Леонтий Византийский вполне конкретно и понятно толкует все осуждаемые Церковью моменты в учении Оригена, но возникает вопрос достаточно философского смысла – каковы опровержения учения Оригена. Данные опровержения на описанные нами тонкости богословского содержания заслуживают отдельного внимания.

HERETIC MOMENTS IN ORIGEN'S DOCTRINE ACCORDING TO THE DESCRIPTION OF LEONTIUS OF BYZANTINE

**A.D. Strzhalkovskaya
E.A. Butrimova (Belgorod)**

The article presents the most important misconceptions of Origen. These misconceptions are described in detail and refuted by Leontius of Byzantium. Origen's first error is the doctrine of «the preexistence of souls». The most sinless become angels, the most sinful become demons, but those who have sinned do not significantly become a human soul and their life is determined by their existence before birth. The next misconception is «Apocatastasis» and its essence in the torment of souls is not eternal, but after some time the soul can be cleansed. And Origen's last delusion is «the creation of the world».

Key words: Origen, heresies, teacher, orthodoxy.

«РИТОРИЧЕСКИЕ ИГРЫ» АВСОНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ «ЭПИСТОЛЯРНЫХ СЕТЕЙ» (ПО ПИСЬМАМ К АКСИЮ ПАВЛУ)

Е.В. Литовченко (Белгород)

Каждая эпоха располагает определенным набором форм и средств для поддержания коммуникации между членами общества. В период Поздней античности в качестве основной формы контакта на расстоянии использовалась эпистолярная практика, выработавшая за столетия функционирования собственные приемы и средства ее реализации. Представители образованной элиты, активно обмениваясь письмами друг с другом, составляли особые замкнутые «литературные кружки» или «сети», членами которых могли выступать только нобили, получившие риторическое образование, позволявшее им применять в корреспонденции свои навыки. Общие темы для переписки, ключевой из которых рассматривалась литературная деятельность, а также риторические приемы (метафоры, антитезы, параллелизмы и т.п.) и формы коммуникации (топос скромности (*captatio benevolentiae*), ночная работа (*lucubratio*), лаудативный дискурс служили гарантией получения ответных писем и соблюдались позднеантичными литераторами, в числе которых был и Авсоний, поэт и ритор IV в. В данной статье

¹ Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Изд. 4+е, испр. и доп. К.: храм прп. Агапита Печерского, 2002. С. 115-116.

анализируется переписка Авсония с другом Аксием Павлом, осуществляя которую Авсоний активно пользовался совокупностью риторических средств как с целью поддержания коммуникации, так и для самопрезентации – создания имиджа талантливого литератора и ритора.

Ключевые слова: Поздний Рим, риторика, эпистолография.

Основу любого общественного организма составляют социальные сети, коммуникация, так или иначе, объединяющая субъектов общественных отношений. Способы, с помощью которых осуществляется коммуникация, свидетельствуют о специфике культуры конкретной цивилизации. Как правило, в переходные периоды традиционно сложившиеся отношения ослабевают, либо разрушаются, поэтому любой исторический опыт их интеграции и сплочения максимально актуален. В этом смысле особенно показательным является позднеантичное общество, основным средством коммуникации в котором являлась переписка, эволюционировавшая в структурированное целое, «эпистолярную сеть».

Сборники, или коллекции писем IV-VI вв., авторами которых выступают представители интеллектуальной элиты латинского Запада, являлись самым востребованным способом связи, а также формой литературы в период между концом IV и VI вв. Данный отрезок времени отмечен корреспонденцией Симмаха, Сидония Аполлинария, «Вариями» Кассиодора и др., а самыми характерными были сборники писем, связанные с проявлениями дружбы (*amicitia*, *caritas* или *dulcedo*), как доктринальными направляющими.

Авсоний (ок. 310 – ок. 395) – позднеантичный ритор – известен, прежде всего, как один из крупнейших талантливых поэтов IV века. Как эпистолограф Авсоний привлекает меньшее внимание исследователей, в силу того, что его послания редко играют самостоятельную роль, являясь, по большей части, сопроводительными для его стихотворений. Самыми популярными письмами Авсония можно считать те, которые адресованы его ученику Павлину Ноланскому (всего восемь посланий). Эта часть корреспонденции Авсония иллюстрирует конфликт между учителем, остававшимся верным языческому прошлому, несмотря на принятие христианства, и учеником, чье христианское рвение, на взгляд Авсония, отвратило Павлина, как от светской карьеры, так и от поэтического творчества. По словам С.С. Аверинцева, этот конфликт обрел значение историко-культурного символа¹, отражая тенденции переходного времени, когда представители высшего социального слоя выбирали для себя прямо противоположные пути для служения и самореализации. Также известна переписка с аристократом и сенатором Симмахом, с которым Авсония объединяла государственная служба и хороший литературный вкус.

¹ Аверинцев С.С. Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 13. Подробнее об этом см.: Amherdt D. La fonction de la poesie et le role du poete chez Ausone et Paulin de Nole // Museum Helveticum. 2004. No 61. P. 72-82; также: Highet G. The Classical Tradition. Greek and Roman Influences on Western Literature. New York, 1957. 808 p.

Если говорить о корреспонденции Авсония в целом, то она невелика и составляет всего 25 посланий, скомпонованных в *Epistolarum liber*, включающих отдельные послания, ответы его корреспондентов и письма-предисловия к различным стихотворениям. Безусловно, его коллекция уникальна в своем роде, т.к. содержит в равной степени письма в прозе и в стихах. Существует достаточно большое количество изданий сочинений Авсония, включающих его письма, в нумерации посланий мы будем опираться на издание Р. Пайпера¹.

Профессия ритора, безусловно наложила отпечаток на стиль и содержание корреспонденции Авсония. Свою профессиональную карьеру Авсоний начал около 334 г. в качестве грамматика в риторической школе Бордо (Praef. I. 20). Общеизвестно, что риторика играла в интеллектуальной жизни Поздней античности определяющую роль. Многие представители позднеантичной элиты, так или иначе, выражали себя на литературном поприще при помощи риторических средств.

Настоящее исследование посвящено выявлению коммуникативного потенциала эпистол, составленных на основе риторических канонов, поскольку «эпистолярные сети», которые включали большинство единомышленников-интеллектуалов, охватывали всю территорию Средиземноморья, связывая воедино образованных людей позднеантичного мира, служа, как источником информации, так и инструментом трансляции общественного мнения, правда, для ограниченного круга лиц.

Самому создавать произведения литературы или приобщаться к творениям друзей посредством конструктивной критики их труда, в равной степени считалось почетным в кругу интеллектуалов Поздней античности. Исходя из этой сентенции, вполне объясним гнев Симмаха, который через третьи руки получает уже «опубликованную» «Мозеллу» Авсония.

Коллекция Авсония представляет его образ, прежде всего, как преподавателя и литератора. Хотя он, несомненно, имел личные и профессиональные дружеские отношения за пределами его читательского сообщества, в его посланиях и предисловиях преобладают литературные друзья. Авсоний просит редакторскую помощь только у своих близких знакомых и иногда выражает беспокойство, когда воображает свою поэзию в руках неизвестных читателей, другими словами, истинными ценителями являлись только те люди, которых сам автор выбрал и наделил соответствующими полномочиями. Авсоний приглашает своих друзей участвовать в создании, редактировании и распространении его стихов. Для него идеальный литературный *amicus* был, прежде всего, доверенным соратником-поэтом, а обмен письмами – проявлением «шутливой дружбы» (*amicitia iocosa*), по меткому выражению британской исследовательницы Джиллиан Найт².

¹ Decimi Magni Ausonii. Opuscula / Rec. R. Peiper. Leipzig, 1886. CXXVIII+556 p.

² Knight G. Ausonius to Axius Paulus: Metapoetics and the Bissula // Rheinisches Museum für Philologie. 2006. No 149. P. 375.

Действительно, в письмах Авсония мы не найдем сатирической остроты, но многие из них проникнуты легким юмором и содержат остроумную игру слов. Так, например, он ассоциирует имя Проба (одного из видных деятелей того времени) со значением слова *probus* (т.е. «честный»), а имя одного из своих друзей, Феона, образует от греческого слова «божественный» (θεος) или переводит как причастие от греческого глагола «бежать», намекая на жизнь Феона, полную приключений. Дружески подтрунивая над Феоном и над его деревенскими вкусами, Авсоний острит по поводу его поэзии и, сопоставляя «золотые яблоки и свинцовые стихи» (*aurea mala, Theon, sed plumbea carmina*), обыгрывает значение слов *māla* – яблоки с долгим «а» и *mala*, – «дурное» (с кратким «а»)¹.

Блестящее владение риторикой иногда играет злую шутку с Авсонием, который увлекается настолько, что запутанные речевые формы, которые он сам сочинил, не понятны до конца ему самому. Эту слабость он осознает и высмеивает, когда, посылая некоторые из своих стихов своему ученику Павлину, говорит: «*Nescis, puto, quid velim tot versibus dicere. Medius fidius neque bene ipse intellego*²» (Ер. XIX).

Самыми насыщенными риторической нагрузкой посланиями можно считать семь текстов, адресованных Аксию Павлу, другу и коллеге Авсония по риторической школе Бурдигалы. В лице Аксию Павла, ритора из Бигерры в Аквитании, где он владел поместьем (Aus. Ер. XI. 26; XII. 23; XIV. 19), Авсоний, кажется, обрел своего самого близкого соратника, равного ему апологета литературной жизни, в том виде, в каком ее понимали в Галлии IV века.

В предисловии к «Биссуле» Авсоний описывает Аксию Павла как человека, давно и хорошо знакомого с его трудами. Все письма в этой дружбе принадлежат Авсонию, послания Аксию Павла не сохранились, большая часть из них содержит приглашения Павлу посетить виллу Авсония в Сентонже (не из-за каких-то территориальных преимуществ, но из-за прелести и удобства загородной виллы (Ер. XI, 35), а, возможно и в силу того, что Павел испытывал финансовые трудности (Ер. XII, 36)). Тонкость их шуток, взаимное знание греческого языка и умение различать разнообразные типы риторических конструкций, указывают на счастливую встречу умов, плодами взаимодействия которых друзья пользовались в течение многих лет.

Доказательство их «литературной близости» можно увидеть в некоторых намеках на используемый друзьями секретный язык. Симмах говорил о неких «тайнах» (*arcana*, I. 14, 2) Мозеллы, возможно, ссылаясь на метафору из предисловия к «Биссуле», адресованного именно Павлу, где последний рассматривается как посвященный в некоторые секреты Авсония.

¹ Беркова Е.А. Поздняя римская эпистолография (IV-V вв. н.э.) // Античная эпистолография / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967. С. 273-274.

² «Полагаю, ты не понимаешь, что я пытаюсь сказать всеми этими стихами, да, я и не уверен, что знаю это сам» (*пер. авт.*).

Поэт характеризует Павла, как «ворвавшегося в дальний приют его Муз, который был скрыт потемками тайнств»¹.

«Литературный код» двух друзей основывался на владении ими греческим языком и выражался в умелом сочетании латыни и греческого. Самое показательное в этом плане письмо VIII – билингвальное, где чередуются латинские и греческие строки; послание, которым Авсоний призывает товарища по литературным играм к состязанию в двуязычном диалоге (*sermone adludo bilingue*). При всем своем макароническом стиле, по содержанию и структуре оно представляет собой простую сентенцию о том, что два замерзающих поэта наслаждаются зимой, вместе со своими музами, вином и хорошей едой².

Письмо VII, по сути, – прокламация характера дружбы между Авсонием и Аксием Павлом; речь в нем идет об обмене сочинениями и принятой в кругу близких друзей-литераторов «редактуре» произведений. Как коллега-поэт, Павел, видимо, являлся идеальным получателем стихов Авсония, отчасти потому, что он мог выполнять обязанности литературного *amicus*, включающие в себя регулярную переписку с другими поэтами-*amici*, обмен черновиками и чистовыми копиями своей поэзии, критическое чтение и редактирование работ других людей и обмен итоговыми копиями стихов товарища с более широким кругом друзей. Для Авсония и его окружения подобная практика циркулирующей поэзии означала передачу литературного контроля от автора к друзьям, которые могли внести существенные текстовые изменения и повлиять на последующую популярность стихотворения³.

Здесь в полной мере проявляется классическая ориентация на внешнюю оценку, свойственная античной культуре в целом. После того, как автор получит отзыв от своих друзей и внесет исправления, он распространяет итоговую версию, которой можно будет поделиться уже за пределами своего ближайшего круга. Подобный литературный этикет был традиционным, сложившись еще во времена Плиния Старшего и Плиния Младшего (Plin. Sec. Nat. hist. VI; Plin. Caes. Ep. III. 15, 1; IV. 14; V. III; VII. 20, 3; VIII. 21), главным в нем было негласное правило – произведения никогда не отправлялись людям, не охваченным «пайдейей», т.к. те попросту не могли оценить усилий автора.

Например, Авсоний говорит о «Безумном» (*Delirus*), сочинении, присланном ему Павлом⁴ (Ep. VII). Восхищенный мастерством коллеги, Авсоний пишет, что от демонстрации его собственных уродливых усилий его удерживают «венерианские» красоты (*Venus pulchritudinus*) текста Павла, и он

¹ Цит. по: Авсоний. Стихотворения / Пер. М.Л. Гаспаров, отв. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. С. 106.

² McGill S. Ausonius at Night // American Journal of Philology. 2014. 135(1). P. 139.

³ Sowers B.P. Amicitia and Late Antique Nugae: Reading Ausonius' Reading Community // American Journal of Philology. 2016. 137(3). P. 522.

⁴ Комедия, вероятно, похожая на «Горшок» (*Querolus*), – единственное позднеантичное драматическое произведение, до открытия корпуса комедий Плавта, приписываемое именно ему.

слишком впечатлён, чтобы применить *pisonem* (Ер. VII, 19). Здесь целесообразно разобраться в значении данного слова, учитывая контекст всего письма и фрагмента, в котором оно встречается.

Согласно предположению Р. Грина, *pisonem* – это *pilum Graccum*, буквально, «греческий пестик»¹. Рискнем сделать предположение, основываясь на функциональном предназначении пестика, что «применять пестик», значит, придирчиво редактировать, шлифовать произведение, наводить риторический глянец. При этом, не совсем логичным, на первый взгляд, выглядит упоминание Авсонием в одном предложении двух понятий «*pisonem*» и «*tolleno*» (подъемный рычаг, кран, также осадное орудие) без всякой видимой связи, если иметь в виду указанные значения этих слов: «*Denique pisonem, quem tollenonem existimo proprie a philologis appellatum, adhibere, ut jubebas, recenti versuum tuorum lectione non ausus, ea que tibi jam cursim fuerant recitata, transmisi*»² (Ер. VII, 19-22).

Ряд зарубежных авторов придерживается «редакторской» трактовки данного пассажа Авсония. Так, Б. Дзуккелли находит, что Авсоний использовал термин *tolleno* в значении механического устройства, используемого для поднятия воды из скважины в качестве сравнения с *pisonem* – пестиком. Исследователь предполагает, что речь, в действительности, идет о каком-то сложном, может быть, механическом, пестике, который работал по принципу подъемника (*tolleno*)³. Дж. Найт считает, что с учетом различных функций упомянутых Авсонием в связке предметов (измельчение зерна/поднятие воды) может показаться более вероятным, что данный фрагмент переписки следует интерпретировать как сравнение с точки зрения взаимности, требуемой дружбой⁴ (как для приготовления муки требуется пестик, так для поднятия воды из колодца необходим рычаг или подъемник, также для поддержания дружбы необходима постоянная циркуляция корреспонденции).

Слово «*tolleno*» также использовалось в античности в значении осадного орудия, в этом качестве оно встречается, например, у Тита Ливия (Liv., 24. 34, 10; 38. 5, 4), и Дзуккелли рассматривает военные коннотации этой лексемы, но, в конце концов, отмечает такой смысл относительно письма Авсония. Отечественный филолог-классик М.Л. Гаспаров ориентировался именно на военный оттенок фразы поэта, что видно из перевода и комментария к нему: «Посему я не смею в ответ на прочитанные твои стихи подступаться к тебе

¹ Green R.P.H. The Correspondence of Ausonius // L'Antiquité Classique. 1980. Vol. 49. P. 202. См. также: *pilum* – пестик, однокоренное с *pinso* (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1976. С. 770).

² «В конце концов, не осмеливаясь применять пестик, который нашими учеными правильно называется подъемник, как ты приказал, в отношении нового чтения твоих стихов, я отправил тебе те, которые уже были прочитаны на бегу» (*пер. авт.*).

³ Zucchelli B. L'epistola 3 Mond. di Ausonio come preludio alla Bissula // Maia-Rivista di letteratura classiche. 2000. No 52. P. 280–281.

⁴ Knight G. Ausonius to Axius Paulus: Metapoetics and the Bissula // Rheinisches Museum für Philologie. 2006. No149. P. 373-374.

сразу с полновесным «журавлем» (а вернее, как писали старые словесники, с «подъемником»), хотя ты того и требуешь, – а пошлю только то, что мимоходом успел тебе прочитать¹ («Журавль» – подъемный кран (слово «кран» – от греческого *geranos*, «журавль», брус – рычаг, поднимающий клеть с нападающими воинами на высоту вражеской стены. Авсоний хочет сказать, что послать все свои стихи – это все равно, что применить градобойные машины))².

С учетом контекста письма, в котором речь идет об обмене литературными сочинениями для их оценки и редакции, нам кажется более подходящей пара «пестик/подъемник», нежели «журавль/подъемник», и предлагаемая нами трактовка выражения Авсония как приглашения его соратника по литературному цеху к редактированию его стихов. Другими словами, возвращаясь к контексту письма, отказываясь применять пестик, Авсоний считает для себя неприемлемым корректировать или улучшать творение своего друга.

Еще одним доказательством постулируемой нами интерпретации указанного фрагмента письма можно расценивать следующий пассаж: «*tegat oportet auditor doctrinam suam, qui volet ad dicendum sollicitare trepidantem, nec emerita adversum tirunculos arma concutiat veteran calliditas*³» (Ер. VII, 5-8). Именно себя Авсоний называет «новобранцем», а Аксия Павла «ветераном», имея в виду риторические умения. Подобная гиперболизация образованности и таланта товарища по переписке в противовес собственной неуклюжести в словесности является стандартной формой топоса скромности в риторике вообще и в позднеантичной риторике, в частности. Это также своего рода игривость, названная А. Ла Пенной в отношении текстов Авсония «*modestia nugatoria*»⁴ (дурашливая или нарочитая скромность). Последняя, в свою очередь, органично вписывается в один из распространенных риторических канонов «*captatio benevolentiae*» – снискание благосклонности или расположения – термин риторической теории, введенный Квинтилианом (Inst. orat. IV, 1, 5). Проявляя литературную скромность, сознательно принижая свои способности и уровень образованности, авторы заставляли читателя страстно опровергать такого рода речи и, аргументируя, хвалить красноречие друга. Это была, еще раз подчеркнем, своеобразная игра, правила которой хорошо известны участникам и соблюдаются ко взаимному удовольствию. *Captatio benevolentiae* буквально принуждал адресата к диалогу, тем самым, гарантируя ответ и продолжение переписки.

Прием антитезы, противопоставление своей «поэтической недостаточности» и заслуг адресата, также был необходимым элементом

¹ Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 168.

² Там же. С. 328.

³ «Слушатель, желающий побудить того, кто боится говорить, должен скрывать свою ученость, а хитрый ветеран не должен размахивать закаленным оружием перед новобранцем» (*пер. авт.*).

⁴ *La Penna A. Il 'lusus' poetico nella tarda antichità. Il caso di Ausonio // Storia di Roma III 2, Turin, 1993. P. 745.*

«*modestia nugatoria*». В этом смысле, как мы уже отмечали выше, свои литературные усилия Авсоний называет уродливыми, а строки Аксия Павла «венерианскими» по своей красоте. Усиливают эффект вспомогательные лингвистические связи: связь «стыда», «скромности» (*conscio... pudore; pudenter; erubescerem*) и «дерзости» (*audaciam; audacior; non ausus*)¹. Авсоний рад тому, что ему придется краснеть от стыда за свои вирши только один раз, но, все же, дерзает отправить их на суд друга.

«Редакторский» нюанс литературной дружбы хорошо прослеживается также по весьма интересному пассажиру Авсония, содержащемуся в предисловии к «Биссуле», которое автор адресовал Аксию Павлу: «Что ж! владей этими стихами, как своими, с тем же правом...»². Разберемся, что могла означать эта фраза в период Поздней античности, поскольку современный человек непременно связал бы данное высказывание с авторским правом. Поскольку литературный круг друзей был четко определяемым самим автором, и в нем не было случайных людей, это, действительно, означало высшую степень доверия, которое проявлялось, прежде всего, в побуждении единомышленника к совершенствованию текста. Таким образом, приглашаемые в качестве редакторов и критиков друзья, как бы становились соавторами произведения, хотя, безусловно, не указывались нигде в этом качестве. И еще одно соображение: литературный кружок был сетью для дальнейшего распространения плодов творчества (публикации) и своего рода рекламой, что сами авторы отлично сознавали, отсюда и подобное отношение, ведь, если стихи никто не читает, то и поэта, по сути, нет. Следовательно, сотоварищ по литературному цеху воспринимался как промоутер, выражаясь современным языком, как человек, продвигающий в посвященные массы очередную риторическую новинку.

Письмо VI объединяет темы обязательства Павла видеть своего друга и радости Авсония от возможности покинуть город. Послание содержит инструкции о путешествии, но они касаются только видов животных, которых надобно использовать, а не маршрута, который Павел прекрасно знал, и, по крайней мере, один раз речь идет о несчастном случае на дороге.

Багаж, который рекомендуется Павлу привезти на встречу (букв. *symposia*), поразителен: дактили, элегии, хориямбы, эподы и метры комедии и трагедии (*Dactylicos, elegos, choriambum carmen, epodos, / Socci et coturni musicam* (Ep. VI. 37)) – вероятно, те, которые были написаны самим Павлом и литераторами-классиками. Из письма IX мы можем добавить к этому багажу сочинения грамматиков и риторов, сотадовы³ и ионийские метры⁴, метры Пиндара, «хромые» (неритмичные) стихи и триметр, Фукидида и Геродота, и

¹ Knight G. Op. cit. P. 376.

² Цит. по: Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 106.

³ Сотадовы метры названы по имени древнегреческого поэта Сотада, который писал непристойные стихи, используя ионийский диалект древнегреческого языка.

⁴ Ионийские метры – четырехсложная метрическая единица (*Halporn J., et al. The Meters of Greek and Latin Poetry. Hackett, 1994. P. 29–31*).

«ослепительный свет ораторов и знатных племен философов»¹. Все это многообразие приемов риторической поэзии перечисляется по-гречески: два друга, изучавшие в свое время язык в Бордо, а Аксиий Павел, вероятно, преподавал греческую риторiku, видимо, желали поддерживать свои знания на определенном уровне, и развлекались такими упражнениями.

Таким образом, виртуозное владение словом, которым отличался Авсоний, выступало средством самопрезентации автора, поскольку и непосредственно послания, и те стихи или поэтические фрагменты, которые они содержали, демонстрировали высшую степень его образованности и литературного таланта, в чем могла убедиться и более широкая аудитория, которой, в конечном итоге, становилась доступной эпистолярная продукция.

Подразумевая под «риторическими играми» все богатство приемов словесности, использовавшихся Авсонием в переписке с одним из лучших друзей, мы приходим к заключению о том, что выявленный комплекс риторических средств выступал в качестве ключевого мотиватора эпистолярной дружбы. Прежде всего, риторические приемы – общие для позднеантичной интеллектуальной элиты – объединяли ее представителей в сплоченную группу литераторов-эпистографов, обладавших навыками применения особого эпистолярного кода, связанного с написанием, редактированием и дальнейшим распространением поэтических и прозаических образцов. Вследствие этого, в литературном кружке Авсония четко различается общественная (политическая) и частная (литературная) жизнь, хотя и не во всех случаях (с Симмахом его сближали как политические, так и литературные интересы). Однако в случае с Аксием Павлом такое разделение особенно заметно, поскольку письма, обращенные к нему, никоим образом, не затрагивают сферу «*negotium*».

Рассмотренный нами эпизод эпистолярной дружбы Авсония весьма показателен, и сделанные относительно него выводы могут быть экстраполированы как на коллекцию писем самого Авсония, так и на позднеантичную литературную корреспонденцию в целом.

**“RHETORICAL GAMES” OF AUSONIUS IN THE CONTEXT OF THE
FUNCTIONING OF LATE ANTIQUE “EPISTOLARY NETWORKS”
(BASED ON LETTERS TO AXIUS PAULUS)**

E.V. Litovchenko (Belgorod)

Each historical period has a certain set of forms and means to maintain communication between members of society. Epistolary practice as the main form of contact at a distance was used in the Late Antiquity. Epistolography developed its own methods and means of its implementation over the centuries of functioning. Representatives of the educated elite, actively exchanging letters with each other, formed special closed “literary circles” or “networks”. The nobles who got a rhetorical education allowed them to use their skills in correspondence were the members of these “networks”. General topics for correspondence, the key of which was literary activity, as well as rhetorical tools (metaphors, chiasms, parallelisms, etc.) and forms of communication (topos of modesty (*captatio benevolentiae*), night work (*lucubratio*), laudative

¹ Green R.P.H. Op. cit. P. 204.

discourse (laudatio)) served as a guarantee for receiving response letters. Late antique writers, among whom was Ausonius, a poet and rhetorician of the 4th century, observed the majority of rhetorical rules. This article analyzes the correspondence of Ausonius with his friend Axius Paulus, in which Ausonius actively used a combination of rhetorical means both to maintain communication and for self-presentation – creating the image of a talented writer and rhetor.

Key words: Late Rome, rhetoric, epistolography.

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ СВТ. ЕПИФАНИЯ КИПРСКОГО

Я.В. Манохин (Борисоглебск)

В статье рассматривается экзегетика свт. Епифания Саламинского, как уникальная в своем роде форма толкования Библии, которая является отражением кипрской письменной христианской теологической традиции IV в.

Ключевые слова: экзегетика, Кипр, Византия, традиция.

Святитель Епифаний Кипрский оставил богатое письменное богословское наследие, корпус которого большей своей частью сохранился до нашего времени. Именно произведения предстоятеля Кипрской Церкви дает возможность исследователям составить общее представление о письменной теологической традиции Кипра IV в.¹

Как христианский богословский писатель свт. Епифаний затрагивает различные сферы, формирующейся (формулирующейся и систематизирующейся) в ранневизантийский период христианской догматики. Богословская мысль святителя расположена в русле ортодоксальной христианской традиции² и имеет элементы палестино-египетской теологической идейной концепции. Однако, эклектическая составляющая сочинений свт. Епифания не является показателем полной идейной зависимости его теологической мысли, поскольку она отражена исключительно в формулировании ключевых догматических постулатов христианства, а обоснование и толкование их является уникальной составляющей письменного наследия кипрского архиепископа³.

Особый исследовательский интерес вызывают и формы изложения мысли в трудах свт. Епифания, а особенно структура его произведений. Отличительная особенность его сочинений – четкая систематизация излагаемого материала⁴. Сохранившиеся сочинения представляют собой

¹ *Αμαντος Κ.* Σύντομος ἱστορία τῆς Κύπρου. Ἀθήναι, 1956; *Νικολαΐδης Ν.* Ἡ τριαδολογία τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου Κύπρου. Θεσσαλονίκη. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Π.Σ. Πουρναρά, 1999; *Асмус В., прот.* Святитель Епифаний Кипрский (к 1600-летию преставления) // Журнал Московской Патриархии. М.: Издательство Московской Патриархии, 2003. № 5. С. 68-76.

² См.: *Dechow J.F.* Dogma and Mysticism in Early Christianity: Epiphanius of Cyprus and the Legacy of Origen. Macon: Mercer University Press, 1988.

³ См.: *Riggi C.* La figura di Epifanio nel IV secolo // *Studia Patristica VII.* Berlin: Akademie-Verlag, 1966. P. 86-107.

⁴ См.: *Schneemelcher W.* Epiphanius von Salamis // *Reallexikon für Antike und Christentum.* Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 1962. Bd. 5. Lfg. 38. S. 909-927.

своего рода «справочники», в которых материал составлен по четкой структуре, согласно которой приводится сначала рассматриваемый предмет, затем краткая справка (историческая, биографическая и пр.), потом уже приводятся существующие умозаключения по рассматриваемому вопросу, а уже потом идет подробный анализ и умозаключение самого автора. Данная лаконичная и содержательная форма изложения материала делает весьма удобным работу по текстологическому исследованию того или иного вопроса, в отличие от пространных трактатов христианских богословов, составленных в форме диалогов, декламаций, монодий и прочих, в которых используются внушительный объем риторических оборотов и софистических приемов, затрудняющих понимание смысла текста.

Сочинения свт. Епифания Кипрского делятся, как правило по жанрам: догматико-полемические, экзегетические и эпистолярные. К первым следует отнести «Слово якорное», или «Анкорат» (Ἀγκυρωτός), где содержится осуждение ереси пневматомахов¹, основанное на идеях Оригена² и «Панарий», или «Ковчег» (Πανάριον), представлявший своего рода справочник о 80-ти существовавших в то время ересь с их опровержением. К эпистолярному жанру относятся фрагментарно сохранившиеся восемь писем, в которых автор методично, в своем традиционном стиле, излагает оппонентам свою позицию по рассматриваемому вопросу.

Перечисленные выше сочинения, являются, непосредственно, памятниками именно экзегетической письменной традиции, поскольку в данных сочинениях автор постоянно приводит ссылки на тексты Священного Писания и раскрывает содержательную составляющую приводимых библейских фрагментов. Именно на основе данных сочинений выделяется и формулируется богословско-догматическое представление свт. Епифания, основанное исключительно на толковании библейских текстовых фрагментов³.

В «Панарионе» фактически весь текст наполнен цитатами из Библии, причем как из Ветхого, так и Нового Завета. Например, в главе, посвященной ереси «кайянов», свт. Епифаний приводит толкование фрагментов библейских текстов о Каине и Иуде Искаротском, на основании которых он делает вывод, что их «отцом» является дьявол, рассуждая над цитатой из Нового завета: «ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44): «Поэтому Господь говорит: «вы сыны отца вашего дьявола», потому что вместо Христа послушались Иуды подобно тому, как вначале Ева, отклонившись от Бога,

¹ См.: *Wilamowitz-Möllendorff U., von.* Ein Stück aus dem Ancoratus des Epiphanius // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Berlin: Reichsdruckere, 1911. Bd. 2. S. 759-772.

² См.: *Gueraud O., Nautin P.* Origene. Sur la Paque. Traite inedit publie d'apres un papyrus de Toura / Christianisme Antique 2. Paris: Éditions Beauchesne, 1979.

³ См.: *Schultze B.* Das Filioque bei Epiphanius von Cypern // Ostkirchliche Studien. Delbrück, 1986. Bd. 35. S. 105-134.

послушалась змея. Потом Господь говорит, что Иуда был не только лжец, но и тать, как сказано в Евангелии; по тому и вверил ему ковчежец (Ин.12:6), чтобы он не имел извинения, предав своего Владыку в руки человеческие по сребролюбию. Кто же отец его, бывший прежде него лжецом, как не Каин, которого Иуда подражатель? Ибо тот, солгав брату, обманул его как бы братскою любовью и уговорил ложью, и выведши его на поле, поднял руку и убил его. Так и Иуда говорит: «что вы дадите мне, и я вам предам Его?» (Мф.26:15). И: «Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф.26:48), и пришедши предатель, «устаи чтят, сердце же их далеко отстоит от Бога» (Пс.29:13), сказал: «радуйся, Равви» (Мф.26:49)» (Eriph. Adv. haer. 18/30: 4). Данный фрагмент показывает, что содержательная экзегетическая традиция в трудах свт. Епифания содержится в его богословско-полемических сочинениях в контексте литературной полемики с различными ересями и религиозными течениями.

Сочинения, определяемые как экзегетические, по факту являются своего рода справочниками по конкретным сферам или темам Библии. Это «О мерах и весах» (Περ μέτρων κα σταθμῶν) и краткое руководство (словарь) для изучающих Священное Писание. Данная форма экзегетического произведения ранее не встречается. Библейский «гlossарий» свт. Епифания является первым узкоспециализированным словарем, заменяющим такие формы гlossариев, как заметки на полях или текстовые дополнения в самом тексте Библии. Трактат «О мерах и весах» не является полноценным библейским гlossарием в полном смысле слова, он отражает только конкретную узкоспециальную измерительную терминологию, однако, данное произведение является единственным библейским справочником своего времени. Схожим произведением, составленным на основе латинского перевода Библии Вульгаты в VII в., будет являться сочинение Исидора Севильского (ок. 560 – 636) «Originum sive Etymologiarum libri XX» (PG: P. L., LXXXII), но оно не является полноценным библейским словарем. Константинопольский патриарх Фотий (ок. 810/820 – 893) опубликует в IX в. сборник иудейских гlossариев (исключительно ветхозаветных)¹, а такие гlossарии, как «λεξικά Σούδα» (ή Σουίδα), анонимный «Ἐτυμολογικὸν Μέγα» X в., «Synagoge lexicon» монаха Зонары (ок. 1070 – ок. 1140), «Benedictus Varius Phavorinus Dictionarium» XVI в. Но все перечисленные словари, кроме собранных свт. Фотием иудейских гlossариев и словаря Исидора Севильского, носят общий характер и специфическая библейская терминология приводится в них совместно с терминами из других сфер человеческой культуры.

Трактат «О двенадцати камнях» (Περ τῶν δώδεκα λίθων) имеет своего адресата – епископа Тарсийского Диодора (330-390). Но по содержанию, кроме нескольких предложений вступления, сам трактат представляет собой такой же справочник, в котором автор подробно перечисляет и описывает значение атрибута ветхозаветного облачения иудейского первосвященника, а

¹ Иванов И.А. «Мириобиблион» Фотия как источник по истории философии // Вестник ИНЖЭКОНА. Вып. 4 (55). СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 93-99.

именно наперсника (нагрудника), на котором размещались двенадцать камней. Форма изложения подобна трактату «О мерах и весах»: при перечислении камней свт. Епифаний дает общую краткую справку каждому из них, основываясь на ранее известных экзегетических произведениях.

Сохранились и фрагменты толкований в катенах, среди которых комментарии на Октотевх, Псалмы и Притчи Соломона. Сохранился и ряд фрагментов толкования Евангелий от Матфея и Марка. В меньшей степени – толкования на Евангелия от Луки и Иоанна Богослова, Деяний апостолов и Посланий ап. Павла. Большинство схолий являются цитатами из сочинений «Панарий» и «О мерах и весах». Данные фрагменты не позволяют оценить в полной мере саму идейную составляющую толкования, поскольку они связаны с исключительно терминологическими пояснениями, нежели чем со смысловым значением библейских текстов.

Экзегетическая традиция письменного наследия свт. Епифания представляет собой исключительно справочный терминологический материал, что сближает его сочинения с палестинской письменной экзегетической традицией, представленной, в частности, катенами Прокопия Газского. Ключевым элементом данного сходства – стремление к лаконичности и систематизации материала. Содержательная же составляющая экзегетики свт. Епифания отражена в его богословско-полемиических сочинениях и письмах, поскольку именно в них он приводит толкование фрагментов библейских текстов, на которые делает ссылки при обосновании своей позиции, как правило по отношению к описываемым им еретическим и иным религиозным учениям.

EXEGETICAL TRADITION OF ST. EPIPHANI OF CYPRUS

Ya. V. Manokhin (Borisoglebsk)

The article deals with the exegesis of St. Epiphanius of Salamis as a unique form of interpretation of the Bible, which is reflection of the Cypriot written Christian theological tradition of the 4th century A.D.

Key words: exegesis, Cyprus, Byzantium, tradition.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ ЛИБАНИЯ (Р. КРИБИОРЕ, П. ПЕТИ)

М.Л. Радченко (Белгород)

В статье дается краткий обзор базисных монографий по изучению наследия Либания, его риторической школы и окружения. Представлены работы западных исследователей – Рафаэлле Крибиоре (США) и Поля Пети (Франция). Обозначена значимость монографий для историков, занимающихся изучением софиста Либания.

Ключевые слова: Либаний, риторика, историография.

Говоря сегодня о наследии Либания, нам приходится отмечать тот факт, что в отечественной историографии представлено не так много трудов, как того заслуживает этот софист, оставивший огромную коллекцию писем, Автобиографию, речи, прогимназмы и декламации. Иначе обстоит дело с зарубежными исследованиями. Как мы уже отмечали ранее, западные ученые весьма активно обращаются к наследию Либания, рассматривая его с возможных сторон. Одни из наиболее значимых трудов в этой сфере принадлежат специалисту Нью-Йоркского университета Рафаэлле Крибиоре. Ее работы «Школа Либания в поздней античной Антиохии» и «Либаний Софист: риторика, реальность и религия в IV веке»¹ внесли существенный вклад в изучение школы Либания, развития риторического образования на Римском Востоке и в целом самого Либания, как крупной, но весьма эксцентричной личности.

Первое исследование Крибиоре, на которое хотелось бы обратить внимание – это «Школа Либания в позднеантичной Антиохии», вышедшее в США в 2007 г. Это довольно обширная монография, состоящая из 7 глав и приложений, вызывающих определенный интерес.

Но, разбирая по порядку, начать следует с первых глав работы – «Libanius and Rhetoric in Antioch», «Schools and Sophists in the Roman East» («Либаний и риторика в Антиохии», «Школы и софисты на Римском Востоке»). Данные главы носят теоретический характер и направлены на формирование представления о Либании как риторе и его личности в общем. Крибиоре не дает в этой главе мельчайших деталей из жизни Либания, справедливо полагая, что об этом в западной историографии имеется и так достаточно материалов. Однако при этом она указывает, что в попытках реконструировать жизненный путь Либания, прежде всего, по его Автобиографии и письмам, о риторе сложилось довольно неблагоприятное впечатление. Эта неблагоприятная характеристика, по мнению Крибиоре, не совсем верна и сложилась в большей степени вследствие того, что значительная часть писем Либания все еще не переведена, сама Автобиография довольно противоречива, а греческий язык Либания часто запутан и понять его не всегда просто. В подтверждение Крибиоре приводит

¹ *Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton: Princeton University Press, 2007; Cribiore R. Libanius the Sophist. Rhetoric, Reality, and Religion in the Fourth Century. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2013.*

в главе цитату из классической работы Э. Гиббона, в которой говорится, что в письмах Либания «вы чувствуете пустоту и безжизненность, будто вы разговариваете с неким мечтающим педантом, с локтями на столе»¹, да и сам Гиббон считал Либания «отшельником, чей ум, независимо от его современников, был непрерывно зафиксирован на Троянской войне»². Такое резкое суждение оказало существенное влияние на последующее восприятие Либания, сведя положительные оценки его деятельности в Антиохийской общине, актуальность и политическую составляющую его прозы практически к нулю. Что, по мнению Крибиоре, следует отметить еще раз, было не совсем верно.

Не вдаваясь в частные детали жизни Либания, Крибиоре, вместе с тем, дает общий обзор жизни и деятельности ратора от начала его обучения софистике в Афинах до образования его собственной риторической школы в Антиохии. Стоит отметить здесь и краткий обзор Антиохии, как «храма муз», который предоставляет исследователь в данной главе. Антиохия, наряду с Римом, Константинополем и Александрией являлась одним из крупнейших городов римского мира и славилась своими риторическими школами, соперничая в этом только с Афинами. Учитывая то обстоятельство, что сам Либаний был родом из этого региона, в дальнейшем здесь была организована его собственная школа, и поэтому подробный анализ истории города, который предоставляет нам Рафаэлла Крибиоре, кажется вполне логичным и обоснованным.

Завершается первая глава описанием деятельности в Антиохии «других» софистов, таких как Евнапий, Акакий, Зенобий, упоминаемых в речах Либания и его письмах³. Здесь же Крибиоре делает плавный переход ко второй главе, носящей также в большей степени теоретический характер.

Во второй главе Крибиоре вновь обращается к вопросу о функционировании риторических школ на Римском Востоке и о деятельности софистов в представленном регионе. Основным источником по этому вопросу является непосредственно Либаний. Его переписка довольно обширна, охватывает несколько десятилетий, что позволяет представить общую перспективу развития риторики в регионе. Но, вместе с тем, детали, предоставляемые Либанием, не всегда возможно проверить на достоверность информации.

Отличным источником в дополнение к Либанию выступает беспристрастная проза Евнапия. Его многоречивость и тенденциозность делают его сообщения яркими и красочными, однако, их правдивость необходимо корректировать с помощью других источников. Но, так же как и в случае с Либанием, практически невозможно. Тем не менее, Либаний и Евнапий обеспечивают исследователям богатство деталей, позволяя сделать

¹ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. I. С. 704-705.

² Criboire R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. P. 14.

³ Ibid. P. 37.

известную им картину развития риторики на Римском Востоке обманчиво завершённой¹.

Во второй главе Крибиоре также предоставляет нам описание общего фона и окружения школы Либания. Опираясь на данные археологических находок и литературные источники, Крибиоре дает нам «план местности», где обучал Либаний, после того, как стал официальным ритором Антиохии. Уделяет внимание Р. Крибиоре и способу организации преподавания другими софистами. Так, по предположениям, софисты часто могли использовать для обучения собственные дома, особенно, когда они были в состоянии позволить себе просторные помещения. Либаний же, напротив, с момента назначения его официальным ритором Антиохии, никогда не обучал в собственном доме, который был им нанят в тот период, когда он имел мало студентов.

Отдельной заслугой Крибиоре является характеристика основных школ и риторов, данная во второй главе. Здесь представлены Афинская школа и ее роль в судьбе Либания, деятельность Прозерсия, Гимерия, а также софистов в Константинополе (Фемистий), Лидии, Карию, Ликию, Памфилию, Киликию, Каппадокию, Вифинию, Армении, Финикию, Сирию, Палестине и Египте. Деятельность софистов в названных регионах представлена в основном по обширной переписке Либания, которую он вел не одно десятилетие.

Представленная Рафаэлой Крибиоре сравнительно-описывающая характеристика развития риторического образования на Римском Востоке дает нам возможность точнее представить общий фон, на котором развивалась школа Либания, оценить его деятельность наравне с деятельностью других риторов.

Но наиболее практический интерес для исследователей, занимающихся организацией школы Либания представляют главы «The Network», «Admission and Evaluation» и «Teaching and Logoi» («Сеть», «Прием и оценка», «Обучение логиям»).

Глава третья «Сеть» дает исследователям детальную информацию, насколько это возможно, о непосредственной организации школы Либания, наборе студентов, проверке способностей, территориальной принадлежности студентов и о выпускниках школы.

Довольно интересно представляет Крибиоре в своей книге информацию о проверке способностей риторов – докимасии. Как известно, практикующий ритор в принципе должен был доказывать свое мастерство на протяжении всей карьеры. Но значительную роль играло так называемое последнее, решающее испытание, которое их ждало по возвращении домой. Студенты, будущие риторы, возвращаясь из отдаленных мест, где проходило их обучение, должны были получить помимо прочего и одобрение своего города, доказать, что обучение ими было усвоено на высшем уровне, продемонстрировав ослепительные риторические способности. По сути, это являлось полным экзаменом, как для студента, так и для учителя, и, не смотря на то, что преподаватели поощряли докимасию, многие ученики воспринимали ее с

¹ Ibid. P. 42.

трепетом, стараясь оттянуть возвращение домой и, следовательно, само испытание¹. Примечательно, что сам Либаний, по завершении своего обучения в Афинах, также не спешил возвратиться обратно в Антиохию, где его ожидало публичное выступление перед согражданами. Вместо этого Либаний предпочел сопровождать студента из Понта, Криспиана, которому также необходимо было по возвращении в родной город продемонстрировать искусство в декламации. И вот как передает Либаний состояние студента: «Будучи осторожным молодым человеком, который никогда не испытывал таких испытаний, Криспин был просто встревожен, потому что он собирался продемонстрировать искусство в декламации, полученное в Афинах, людям, которые были умны и посвятили себя культуре» (Orat. 1.27). Исходя из этого, мы вправе предполагать, что и большинство начинающих риториков испытывали подобные чувства и опасения перед публичной демонстрацией своего искусства.

Другим, не менее интересным аспектом данной главы является информация о вербовке Либанием студентов. В качестве основных факторов, определяющих успешность набора студентов, Крибиоре отмечает размер школы и географические районы, из которых прибывали будущие ученики². И хотя наибольшую часть студентов Либания представляли выходцы из Антиохии и близлежащих районов, все же известность Либания проникала и в отдаленные регионы, что привлекало в его школу студентов из Фракии, Вифинии, Карики и других регионов. Крибиоре отмечает, что классическим местом для проверки происхождения учеников Либания является отрывок из Orat. 62, написанный им в 382 г.³ Также многочисленная корреспонденция Либания, которую он вел на протяжении десятилетий, дает исследователям представление о географической принадлежности его учеников и, с учетом наличия представителей отдаленных регионов, о его популярности в империи и таланте вербовщика.

Глава четвертая «Прием и оценка» книги Рафаэлла Крибиоре позволяет исследователям как бы «поступить» в школу Либания наравне с его учениками. Интересным моментом здесь является то, что Крибиоре при изучении данного вопроса несколько отходит от Речей и изложенных в них упоминаний о школе. В качестве основного источника Крибиоре использует «досье» писем, а также некоторые комментарии из них, на первый взгляд, не столь примечательные, но на самом деле освещающие многие интересные аспекты риторического образования на Римском Востоке. Именно письма представляли основной коммуникативный канал между семьями студентов и школой Либания, особенно это было актуально в тех случаях, когда студенты происходили не из окрестностей Антиохии.

Посредством привлечения значительной части корреспонденции, Крибиоре имеет возможность представить нам данные, повествующие о

¹ Ibid. P. 85.

² Ibid. P. 95.

³ Ibid. P. 99.

наборе в школу, который начинался с заявления о приеме. Заявление на поступление обычно составлялось в письменной форме, а частные рекомендательные письма родственников или друзей студента значительно облегчали путь к поступлению. Крибиоре тщательно исследует переписку Либания с семьями студентов, что дает ей возможность значительно обогатить свою работу частными примерами и сведениями о количественном составе школы ритора и о географическом происхождении обучающихся в ней студентов. Дальнейшая переписка Либания с семьями его учеников, связанная с их прибытием в школу, первыми испытаниями и дальнейшими их успехами (или неудачами) представляют своеобразный отчет родителям. Эти отчеты велись Либанием на протяжении всего обучения у него того или иного студента. Хотя эти отчеты и являются краткими, тем не менее, Либаний все же вводит хотя бы один личный комментарий и оценку о деятельности студента. Однако практически всегда эти отчеты фильтруются через точку зрения самого софиста, вследствие чего, мы не имеем возможности «слышать» голоса самих родителей¹.

Наконец, в пятой главе – «Обучение логиям» – лежит ключевая проблема всей работы Крибиоре. Как показывает исследователь, Либаний рассматривал физические и умственные характеристики своих студентов как врожденные. Родители передавали своим детям не только личностные черты, но, в том числе, и склонность к риторике. Наследование родительских черт не было изначально полным от рождения, оно продолжалось через привитие менталитета и культурных ценностей, и в этом процессе учитель также не являлся посторонним лицом.

Крибиоре начинает свою главу с рассмотрения нескончаемой веры Либания в ту значительную роль, которую играет учитель в жизни и образовании своего подопечного. Либаний много писал, чтобы направлять своих студентов, составляя тексты и образцы предварительных риторических упражнений (прогимнасм), а также полных декламаций. Однако эта информация по общему признанию была не достаточно информативна и часто игнорировалась². Крибиоре же, напротив, обращает на это пристальное внимание, с целью увидеть практическое применение преподавания этого искусства, найти причины для волнения, которые студенты испытывали, находясь на данном уровне образования. Как Либаний общался со своими учениками во время обучения, так же и в дальнейшем, с этими студентами он поддерживал связь всю оставшуюся жизнь. Разобраться в этом, используя письма студентов и Либания, есть основная задача Крибиоре в этой главе.

Отвечают этой цели и последующие главы «The Long and Short Paths to Rhetoric», «After Rhetoric» («Длинные и короткие пути к риторике», «После риторики»).

И самым, наверное, значимым компонентом в работе Р. Крибиоре являются, приложения: «Досье студентов» и «Продолжительность

¹ Ibid. P. 124.

² Ibid. P. 137.

студенческого обучения». Приведенные в них данные позволяют нам не только воссоздать географический фон вокруг школы Либания, но и представить более наглядно обучающийся в ней контингент. Приложение, составленное Рафаэлкой Крибиоре, содержит около 200 писем Либания (из 1544 дошедших). Но и эта сравнительно небольшая часть дает несравненно ценный материал для исследователей, как в целом, и для дальнейшей работы самой Рафаэллы Крибиоре.

Не менее важным является и другая работа Рафаэллы Крибиоре «Либаний Софист: риторика, реальность и религия в IV веке», вышедшая в свет спустя шесть лет после «Школы Либания...». Как и предыдущая монография, этот труд базируется в большей части на обширной корреспонденции Либания, его Речах и Автобиографии. Однако, в отличие от предыдущей работы, здесь Крибиоре уделяет основное внимание не столько организации риторической школы Либания, а ему самому, рассматривая становление его как софиста в перспективе развития риторики в рассматриваемый период.

Монография включает четыре главы «Rhetoric and the Distortion of Reality», «A Rhetor and His Audience: The Role of Invective», «A Man and His Gods» и «God and the Gods» («Риторика и искажение реальности», «Ритор и его аудитория: роль инвективы», «Человек и его Боги», «Бог и Боги»).

В первой главе «Риторика и искажение реальности Крибиоре отмечает неоспоримый, в принципе, факт, что создавая себя, автор презентует себя именно таким, каким он хочет продемонстрировать своим читателям, проецируя ту часть себя, которую он хочет, чтобы другие считали подлинной в определенный момент времени. Поэтому решающее значение имеет и то, как автор воспринимает потребности своих читателей в этот конкретный момент. По некоторым мнениям, присущие тексту возможные противоречия и несоответствия могут быть объяснены намерением автора принять на себя определенный образ, чтобы способствовать определенному прочтению его работ.

Анализируя наследие Либания, Крибиоре приходит к выводу, что имеющиеся в распоряжении ученых письма Либания, а также его Речи – дают нам две разные фигуры, два разных представления о риторе. Несомненно, любовь к риторике наблюдается у Либания во всех его проявлениях, однако, в частной переписке возникает образ заинтересованного, заботливого учителя, поддерживающего своих учеников и учитывающих их потребности¹. Речи же Либания представляют нам скорее учителя, испытывающего неприязнь к начинающим риторам, убежденного в их заинтересованности в быстром денежном обогащении и отдающих предпочтение другим дисциплинам, а не риторике.

Своей целью в первой и последующих главах Рафаэлла Крибиоре считает попытку понять Либания, определить его отношения с современным

¹ *Cribiore R. Libanius the Sophist. Rhetoric, Reality, and Religion in the Fourth Century.* P. 26.

ему миром и природу его поклонения богам, определить те силы, которые вдохновляли софиста, помогли донести смысл его деятельности до современников.

Мы не будем заострять внимание на деталях биографии Либания, Крибиоре предоставляет эти данные, используя в качестве основной повествовательной линии сведения из его Автобиографии, да и сведений о жизни Либания имеется в достаточном количестве. Но отличительной чертой этой монографии Крибиоре является ее акцент на роли богов в биографии Либания, а конкретно – богини удачи и судьбы Тюхе. В конце первой части Автобиографии Либаний пишет о «заверениях» богини Тюхе в том, что его речи стали образцом для студентов и других софистов (Or. I, 155). Немалая роль в этом отведена и самому «чудесному» вмешательству богини. Позже, как показывает нам Крибиоре, упоминания об этих чудесных влияниях нередко встречаются у Либания, как, впрочем и у других.

Либаний приводит в своих речах и Автобиографии как личные, так исторические подробности, вводя все же некую степень искусственности, то есть, представляя факты своей жизни и деятельности в философском и религиозном контексте, вероятно, с целью привлечения широкой публики. Разбираясь во всех этих аспектах, Крибиоре указывает на определенную напряженность, незримо присутствующую на заднем плане. Либаний, представитель языческой традиции, был подвержен в то же время и влиянию христианских идей¹.

В этой главе, так же как и в главах «Человек и его Боги», «Бог и Боги», Р. Крибиоре ставит целью показать, насколько проницаемой может быть граница между язычеством и христианством, и насколько современные ученые должны быть готовы признать, что языческая и христианская традиции не только не игнорировали друг друга, но и сознательно использовали элементы, общие для обеих традиций.

Основные аспекты восприятия Либанием языческих и христианских основ Крибиоре рассматривает непосредственно в главе 4 «Бог и Боги». В главе 3 «Человек и его Боги», исследователь, основываясь на своей первоначальной цели, сосредотачивается на богах людей, представителей позднеантичной элиты, упоминая в контексте общего повествования и Либания.

Наконец, глава вторая, несколько выбивающаяся из общего потока – «Ритор и его аудитория: роль инвективы». В данной главе Р. Крибиоре обращается к речам Либания, предпринимая попытку оценить вопрос о том, как Либаний произносил и распространял свои речи. Представлял ли он все свои Речи свету или были некоторые, которые он предпочитал утаить? Была ли польза гражданам города от его речей, или риторика Либания «шла в никуда»? Этими вопросами задается Рафаэлла Крибиоре, изучая литературное наследие софиста. Как отмечает Крибиоре, возникла эта глава как реакция на предположения современных исследователей, что оскорбления и личные

¹ Ibid. P. 54.

выпады в некоторых речах Либания должны быть подвержены сомнению, что произносились они открыто, публично. То есть, согласно этой точке зрения, когда софист в своих речах давал волю яростному негодованию, то эти речи оставались полностью частными. На взгляд Крибиоре, эта точка зрения несостоятельна. Все работы Либания, включая письма и речи, показывают, что он высоко ценил риторику и практиковал ее различные формы с неизменной страстью¹.

Главная же цель Р. Крибиоре в этой главе состоит в том, чтобы показать, что современные исследователи должны проявлять большую осторожность при оценке доказательств, которые так далеки от нашего сегодняшнего миропонимания, и не стоит спешить с поспешными выводами на основе наших современных представлений о некоторых вопросах, в частности, использовании «скандальных», обвинительных речей, присутствующих у Либания. Было бы ошибкой сегодня рассматривать Либания изолированно, объясняя его жизнь и творчество некими личными странностями и эксцентричностью. Как отмечает Крибиоре, Либаний писал для своих современников, которые уделяли ему должное внимание при его жизни и после². И задача современных ученых – учитывать этот факт при изучении жизни и наследия Либания.

Говоря о Либании и монографиях Рафаэлы Крибиоре, нельзя не упомянуть о работе 1956 года французского историка Поля Пети «Студенты Либания»³. Эта работа послужила основой для многих последующих исследований, посвященных Либанию и его школе, не исключением была и Р. Крибиоре. Хотя эта работа – более ранняя хронологически, она концептуально посвящена более локальным проблемам.

П. Пети в своей работе исследовал не просто жизнь и литературное наследие Либания, а выбрал ограниченную и четко очерченную группу студентов софиста. Наличие обширной корреспонденции позволило Пети определить не только поименный перечень студентов, но также их территориальную принадлежность, социальное происхождение, проследить дальнейшее развитие их карьеры по завершении обучения у Либания, а также отношения с самим ритором в последующие годы. Ценной составляющей монографии является представление информации в виде статистических данных, позволяющих исследователям наиболее четко воссоздавать общий фон развития риторической школы Либания и ее комплектацию.

П. Пети были собраны и классифицированы материалы, касающиеся продолжительности обучения тех или иных студентов, например, 17 студентов (имеется поименный перечень) проучились у Либания всего лишь год, что было неприемлемо для школы, но тем не менее, на это имелся ряд определенных причин. 18 учеников провели в школе два года. Опять же, такой срок обучения Либаний считал недостаточным, рекомендуя

¹ Ibid. P.77.

² Ibid. P. 131.

³ *Petit P. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956.*

необходимый минимум посещения школы – три года. По данным Пети, этот необходимый трехлетний минимум прошли 10 студентов. Некоторые из этих студентов (Евдокий, Каллиоппий) желали бы и дальше продолжать обучение у Либания, но были вынуждены покинуть школу по различным причинам. И наконец, 13 учеников Либания проучились в его школе полный срок от 4 до 6 лет¹.

Представлены данные и о том, какое количество студентов происходило родом из Антиохии и ее окрестностей, а кто прибыл из провинций, например, в школе Либания обучались студенты из Палестины, Египта, Киликии, Каппадокии, Вифинии и других регионов. Наибольшее количество «провинциалов» были выходцами из Сирии, Киликии и Армении, Галатии (несмотря на их удаленность); наименьшее количество студентов прибыло из Каппадокии².

Интересным является анализ П. Пети рекомендательных писем, составленных Либанием для его студентов. В общей сложности, Либаний ходатайствовал за 64 студента, что говорит о его личном непосредственном участии в карьерном росте его подопечных и о его заботе о тех студентах, которые провели с ним определенное количество времени³.

В целом, можно еще раз отметить ценность монографии Поля Пети для ученых, исследующих риторическую школу Либания, его окружение и литературное наследие ратора. Несмотря на то, что сам Пети отмечал, что расчеты, данные в его таблицах, не всегда могут быть полными или подтверждены другими источниками, за исключением писем Либания, все же они во многом помогают сузить те пробелы, которые имеются у исследователей при изучении данной проблематики. И в данном случае это намного лучше, чем вообще отсутствие каких-либо расчетов.

Наследие Либания необозримо, и в недалеком будущем, видимо, следует ожидать новых монографических исследований.

MONOGRAPHIC STUDIES OF THE HERITAGE OF LIBANIUS (R. KRIBIORE, P. PETIT)

M.L. Radchenko (Belgorod)

The article provides a brief overview of the basic monographs on the study of the heritage of Libanius, his rhetorical school and environment. The works of Western researchers – Rafaella Kribiore (USA) and Paul Petit (France) are presented. The significance of monographs for historians engaged in the study of the sophist Libanius is indicated.

Key words: Libanius, rhetoric, historiography.

¹ Ibid. P. 64-66.

² Ibid. P. 112.

³ Ibid. P. 158.

К ВОПРОСУ О «ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ» В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

М.В. Грацианский (Москва)

Работа посвящена исследованию концепта «гражданского общества» в Поздней античности. Полисное гражданство, изначально присущее классическому миру, с римского времени постепенно трансформируется. Важную роль играют союзы городских общин – койноны. Наряду с этим, формируется административная система империи, которая вступает с «гражданским обществом» в сложную систему взаимоотношений. Муниципальные структуры на деле становятся интегративной частью административной системы. Со временем возникают церковные структуры, во многом следующие существующим уже общественным и административным структурам.

Ключевые слова: гражданские общины, общество, союзы городов, муниципальная организация, Римская империя, провинции, Поздняя античность, церковь.

В настоящее время понятие «гражданского общества» фактически является манипулятивным конструктом, применяемым в либеральном дискурсе. Встречающиеся на русском языке определения этого понятия противоречивы и многословны, а определяемый объект по сути дела отсутствует, являясь искусственным теоретическим конструктом. Основная идея состоит в том, что «гражданское общество», некая совокупность граждан, противопоставляется властно-государственным структурам и является объектом давления со стороны последних. Таким образом, понятие «гражданского общества» и попытка им оперировать при описании социальных процессов искусственно разделяет граждан по признаку принадлежности к управленческим структурам государства и как бы выделяет работающих в последних людей в некую категорию «неграждан», которой «гражданское общество» должно противостоять и фактически стремиться к его свержению.

Данная концепция, довольно гармонично вытекающая из принципов устройства западного общества и укорененная в истории последнего, используется Западом как один из инструментов при проведении идеологических диверсий на территории незападных государств, в том числе и России. Между тем, следует признать, что в силу широкого знакомства западных интеллектуальных кругов с античным наследием и высочайшим уровнем развития на Западе антиковедения, большинство западных идеологов, сколь бы извращенными они подчас ни были, содержат в себе основу, восходящую к тем или иным идейным конструкциям античности.

Так, понятие «гражданского общества», несмотря на то, что оно в таком виде в античности не употреблялось и даже не имело шансов возникнуть в силу отсутствия понятия «общество» в современном социологическом смысле, довольно четко согласуется с античными реалиями и оказывается вполне адекватным для описания античного общества свободных граждан. Причем речь идет не только о «положительной» стороне этого понятия, констатирующей наличие самого подобного общества, но и о стороне «негативной» – постулирующей определенное противопоставление

«гражданского общества» «властно-государственным» структурам, представленным структурами императорской власти.

Римское государство периода экспансии в значительной мере создавалось как государство, объединяющее городские общины. Прежде всего, это касалось Италии и греческого Востока. Как таковая парадигма муниципально-полисной организации провинциального общества была проведена Римом даже на тех завоеванных территориях, для которых она изначально не была характерной. В качестве надстройки над этой организацией повсеместно была внедрена характерная для классического и эллинистического греческого мира система региональных союзов (койнонов). Таким образом, система «гражданского общества» – городской и союзной организации свободных граждан – получила повсеместное и сравнительно единообразное распространение, причем как на Востоке, так и на Западе Римской империи. Свободные граждане городов и зависимых от городов сельских мест принадлежали к локальным сообществам, которые в зависимости от уровня доходов граждан и их рода занятий делились на различные прослойки: *coloni*, *corporati*, *curiales* и т.п. Высшим социальным слоем городов и союзов были куриалы, владевшие большей частью земель, а также городской и сельской недвижимостью на территориях, относившихся к тем или иным городам. Куриалы, определяемые по принадлежности к городскому совету – курии, и выбираемые в нее на основе определяемого по месту имущественного ценза, являлись ведущим сословием, определяющим, так сказать, лицо города и несущим основные повинности по содержанию городской инфраструктуры и городского образа жизни.

Взаимная зависимость всех городских слоев и их взаимодействие, посредством представителей, на союзном уровне были чрезвычайно высоки, что позволяет характеризовать римское общество как полноценное «гражданское общество», в котором понятие «гражданин» (*civis*, *πολίτης*) было ключевым юридическим понятием, создававшим социальную и правовую основу существования общества, в котором даже в эпоху Поздней античности городское гражданство значило, пожалуй, куда больше, чем дарованное в III в. всем свободным людям гражданство римское.

Если понятие «гражданское общество» оказывается вполне адекватным при приложении его к римскому обществу эпохи Империи, то вполне адекватным в той же ситуации оказывается и характеристика этого общества как в какой-то степени противопоставленного административному аппарату государства. Между тем, рассматривать это противопоставление как борьбу или анатагонизм было бы однозначно: противопоставление действует здесь как важный исследовательский инструмент, помогающий определить сущность и существенные признаки обеих структур – с одной стороны, муниципального/полисного гражданского общества, а с другой – прослойки государственных функционеров, имевших родовое название *administratores*, пирамида которых венчалась фигурой императора.

Структуры императорской администрации по своему происхождению были чисто военными, и потому служба в них именовалась *militia*. Уже в

период до Диоклетиана (284–305) сложилась практика наделения военных чинов гражданскими полномочиями на временной или постоянной основе. Сами военные структуры, бывшие становым хребтом римского государства, нуждались в выполнении огромного объема гражданских функций, связанных с натуральным и денежным обеспечением обороны государства, и потому в императорское время окончательно складывается система, при которой дань Риму становится данью императору и превращается в упорядоченную систему налогообложения.

Вследствие роста и систематизации налогообложения на пространстве всей Римской империи, из подчиненных императору военных структур создаются целые департаменты (*officia*), ведающие исключительно гражданскими делами, не связанными непосредственно с воинской службой. При Диоклетиане это приводит к созданию полноценной гражданской налогово-судебной администрации, которая, занимаясь службой императору, продолжает называться *militia*, однако уже *militia officialis* или *militia non armata*. Таким образом, в период правления Диоклетиана-Константина создается широкая сеть имперской гражданской администрации, которая отныне в силу резкого увеличения количества провинций, входит в непосредственный тесный контакт с муниципальными и союзными структурами «гражданского общества» на местах.

Тем не менее, и на данном этапе невозможно описать отношения между императорскими чиновниками и контактировавшей с ними верхушкой городских куриалов, называемых «первенствующими» (*principales*, *πρωτεύοντες*), как антагонистические. Вместе с тем, нельзя не признать, что по отношению к региональным и центральным императорским чиновникам провинциальные куриалы выступали как вполне сплоченные группы, имеющие свои особые интересы, которые зачастую шли вразрез с требованиями и предписаниями императорской администрации. Провинциальные (союзные) советы (*concilia*, *κοινά*), помимо церемониальных функций, были постоянными органами общественного представительства перед провинциальными наместниками, имеющими право обжаловать действия наместников перед особой императора и направлять последнему свои петиции и постановления по разным поводам.

Наместникам запрещалось вмешиваться и оказывать давление на решение городских и провинциальных советов – наоборот, они должны были создавать условия для беспрепятственного функционирования последних. Это было связано с тем, что именно на гражданах, а не на императорских властях лежал весь объем работ по текущему управлению городской и провинциальной жизнью, включая обеспечение продовольствием, поддержку городской инфраструктуры, проведение массовых мероприятий, сбор налогов, распределение повинностей и т.д. По сути дела, императорские наместники и их *officia* не были правителями – скорее они оказывались наблюдателями и гарантами беспрепятственного осуществления функций муниципальных и провинциальных функционеров, а также – что наиболее важно – налоговыми и судебными представителями императора. По сути дела, практически весь

объем административной работы проделывало местное самоуправление, координировавшее свои усилия на провинциальном уровне посредством ежегодных собраний (*conventus, συνέδριον*) городских представителей во главе с ежегодно избираемым «койнархом», имевшим титул жреца императорского культа (*ἀρχιερεὺς θεῶν Σεβαστῶν* и т.п.) и выбиравшимся ежегодно из числа наиболее выдающихся и богатых представителей городов провинции.

Таким образом, муниципальные и провинциальные институты «гражданского общества» были полноценными административными структурами. Помимо этого, городские советы обладали рядом полномочий, которые могут характеризовать их и как судебные органы: многочисленные дела, прежде всего, касающиеся земель и имуществ, на доходы от которых исполнялись куриальные повинности, подлежали решению в рамках городских курий, хотя рассмотрение апелляций по этим решениям было прерогативой наместника провинции и более высоких императорских чиновников. В силу этого наибольший объем как повседневных управленческих мер, так и судебных решений приходился как раз на местное самоуправление, и потому совершенно безосновательными являются чрезвычайно часто встречающиеся в историографии высказывания о засилье императорских чиновников или усилении административного гнета императорской власти в позднеантичный период. Здесь следует учесть, что аппарат провинциальных наместников был весьма небольшим, да и располагался исключительно в провинциальной столице – митрополии, в то время как в провинциальных городах он едва ли бы представлен кем-то, помимо виндекса или экдика (*vindex, ἔκδικος*), согласовывающего с курией размер фискальных налогов и следившего за их взиманием. При этом даже на уровне города виндексу был противопоставлен городской дефенсор (*defensor civitatis*), следивший за соблюдением закона и защищавший городское население от чрезмерных налоговых требований и повинностей в пользу государства.

В силу этой и ряда других причин города и провинции обладали целым рядом действенных рычагов в отношении представителей императорской власти на местах. Мы располагаем многочисленными свидетельствами того, что император вступал на сторону провинциалов в спорах последних с наместниками или военными властями провинций. Лояльность провинциалов была важным залогом как личного благополучия императоров, так и имперской вертикали власти в целом. В силу этого благоволение городов зачастую покупалось императорами в обмен на многочисленные льготы как самим городам, так и их отдельным представителям в виде налоговых послаблений и изъятий, дарования чинов и титулов (как сенаторских, так и жреческих), а также повышением места города в провинциальной иерархии – путем предоставления статуса «первого города» или митрополии.

Ввиду этих и многих других фактов не следует, по нашему мнению, говорить о засилье императорских чиновников в деле управления городами и городскими округами в период Поздней античности – как и в предыдущий период, последнее оставалось целиком в руках муниципалов. Данное

соображение дополняется еще и тем, что для эффективного – прежде всего налогового – управления провинциями императоры были вынуждены прибегать к содействию самих куриалов, привлекая их на императорскую службу. Вопрос комплектования *militia officialis* выходцами из куриального сословия затрагивался во многих работах, однако во всей своей глубине продолжает оставаться неисследованным. Более широкий вопрос взаимного проникновения сословий (если понятие «сословие» здесь является уместным термином) куриалов и императорских чиновников является, соответственно, еще более масштабной темой. Источники дают нам богатый материал по этой теме и именно это изобилие, пожалуй, и представляет собой главное затруднение при ее разработке.

Одной из главных исследовательских проблем, по нашему мнению, является вопрос о том, в какой мере куриалы были обязаны далее нести свои куриальные повинности после вступления в *militia officialis*. Если обратная интеграция выходящих в отставку чиновников в куриальную среду своего родного города или города, в который они переселялись, на основании источников отслеживается достаточно хорошо, то первый вопрос выглядит нуждающимся в прояснении.

При этом не следует упускать из виду и то обстоятельство, что собственно местные военные начальники – на уровне провинции и диоцеза – также играли существенную роль в управлении территориями. Помимо поддержания собственно военной инфраструктуры, что с необходимостью требовало координации усилий муниципальных властей и представителей императорской власти, они были важным передаточным звеном в деле доведения до провинциалов личных императорских распоряжений, а также оказывались одной из возможных судебных инстанций. Последняя их роль также нуждается в дополнительном прояснении ввиду наличия разнообразных и весьма примечательных фактов. Так, показательна в этой связи жалоба епископа Фотия Тирского на действия Евстафия Беритского, представленная одновременно всем трем ветвям императорской власти: гражданской в лице префекта претория Востока, военной – в лице магистра войск Востока и придворной – в лице магистра оффициев. Любопытно также сохранившееся в составе материалов Эфесского собора 433 г. послание магистра войск Востока наместнику Кипра, которое содержит приказ последнему собрать делегацию местных епископов и отправить ее на Собор для решения дела, связанного с юрисдикцией кипрских Церквей.

Таким образом, помимо вопросов кадрового комплектования структур императорской властной вертикали, важным аспектом, подлежащем изучению, является взаимодействие властных структур – гражданской, военной и муниципальной – и пределы их компетенций. Обильный материал источников, отражающих ведение тех или иных административных или судебных дел (*negotium*, *πράγμα*) является прекрасным материалом для определения пределов этих компетенций: в каком случае и какого рода дела относились к каким ведомствам.

В период Поздней античности обозначенная выше картина усложняется еще и тем, что на протяжении IV–VI вв. в делах управления всё больше и больше начинает участвовать Церковь. Пределы компетенции церковных судов и участие Церкви в муниципальной жизни, хотя и являются давним предметом исследования, однако привлеченный в имеющихся работах источниковый материал еще весьма далек от исчерпания. Интеграция церковных структур в муниципальные, а также принятие на себя Церковью и ее предстоятелями целого ряда важных функций в пределах муниципального управления, не подлежит сомнению и является неплохо изученным явлением. Тем не менее, детали и подробности этого участия, а также осмысление растущей роли Церкви как ведущего муниципально-административного механизма на протяжении IV–VI вв., а также предпосылки и условия такого роста, ждут своих новых исследователей. Важным также является и вопрос о соотношении и сотрудничестве Церкви с другими ветвями власти, помимо муниципальной. Под соотношением мы также имеем здесь в виду вопрос пределов компетенций, а равно вопрос взаимного перехода служащих из одной ветви власти в другую. Вопрос перехода в церковное служение из других «служб» всё еще может быть предметом специального исследования в силу того, что имеется большое количество разножанровых памятников, могущих осветить его.

К примеру, весьма любопытным является факт отношения куриалов, как христиан, так и язычников, к муниципальной должности священника/жреца (*sacerdos*, ἱερεὺς), являвшейся одной из высших ступеней муниципальной карьеры. Должность была традиционно связана с императорским культом, однако ведал жрец преимущественно традиционными городскими играми и зрелищами – как с организационной, так и с финансовой стороны. Должность в IV–V вв. фактически уже не содержала в себе культовой составляющей, однако ее «языческий» флёр вынуждал Церковь, с одной стороны, ставить барьеры к занятию этой должности христианами, а с другой – ограничивать доступ людей, ее занимавших, в клир. Уже Тертуллиан говорил о том, что только при условии воздержания от участия в языческих ритуалах христианин мог бы занимать должность жреца, в то время как в постановлениях Эльвирского собора (313 г.) вводится запрет на занятие церковных должностей бывшими жрецами без прохождения двухлетнего покаяния. Несмотря на этот запрет, впоследствии и отдельные соборы, и римские папы были вынуждены вновь и вновь обращаться к этому вопросу, поскольку практика назначения отставных жрецов императорского культа на городском и провинциальном уровне даже на должности епископа (минуя предшествующие должности клира) была чрезвычайно распространена.

То же самое касается и перехода в церковную службу из других ведомств: поскольку осуществление правосудия, то есть, занятие должности императорского наместника, а также военная служба с неизбежностью влекли за собой совершение грехов, от кандидатов на церковные должности требовалось предварительное покаяние и прохождение испытательного срока на низших церковных должностях вне зависимости от того, как высоко они

стояли прежде на государственной или муниципальной службе. Между тем, очевидно и то, что данное требование не выполнялось: одно то, что Церкви приходилось неоднократно вводить и напоминать об этих нормах, показывает, что они соблюдались далеко не всегда. Сбор конкретных фактов перехода служащих других ведомств в клир, обстоятельства и мотивы этого перехода могли бы составить интересное и полезное исследование, если выйти за рамки хрестоматийных примеров, как то святителя Амвросия Медиоланского, Синесия Киренского или Ефрема Антиохийского.

Последнее наблюдение с неизбежностью влечет за собой целый ряд выводов: во-первых, границы между «ветвями власти» были весьма проницаемыми; во-вторых, «священство» – будь то традиционное жречество императорского культа или христианская иерархия – рассматривалось как важный элемент муниципального управления и продолжало сохраняться на уровне города и провинции в условиях смены религии; в-третьих, культовая сторона дела, по-видимому, не играла принципиальной роли при переходе из «жречества» во «священство»: по сути дела, у нас зачастую гораздо больше источникового материала о том, как христианский епископ исполнял муниципальные функции по управлению имуществом и судопроизводству, нежели о том, как он пекся о душах и совершал богослужения.

Другой важной проблемой, которая требует дальнейшего уяснения, является общая логика развития властных институтов в период Поздней античности. Одновременное существование нескольких «ветвей» власти диктовало определенное единообразие в подходах к их организации и по возможности тесное согласование их действий при наличии распределения компетенций. В силу того, что компетенции и юрисдикции отчасти совпадали или же пересекались, неременной задачей императорского законодательства была постоянная балансировка компетенций отдельных властных структур при сохранении общей системы «разделения властей». Таков, по сути дела, лейтмотив практически всего имеющегося в нашем распоряжении императорского законодательства, представленного главным образом памятниками времен Феодосия II (408–450) и Юстиниана Великого (527–565). Во всем его корпусе практически не обнаруживается основополагающих документов – тех, которые бы мы, согласно принятой ныне терминологии, назвали конституционными, – однако присутствует огромное количество норм и распоряжений корректирующего и адаптирующего порядка. Как следствие, у нас есть большие возможности изучения динамики и логики функционирования римских властных институтов позднеантичного периода, заключающиеся в изучении как законодательных памятников, так и рассеянных в других источниках бесчисленных казусов их реального воплощения в жизнь.

Делая общий вывод, отметим, что понятие «гражданского общества» применительно к описанию общества Поздней античности оказывается вполне инструментальным, а его использование плодотворным, если оговориться, что оно применяется к описанию структур муниципального общества с присущими последнему формами местного самоуправления. При этом постулировать, вслед

за современной либеральной теорией, противостояние «гражданского общества» «властно-государственным и коммерческим структурам» представляется целиком нелепым в силу широкой взаимной проницаемости и полномасштабного сотрудничества муниципальных структур, с одной стороны, и властных военных и структур императорской администрации – с другой, а впоследствии еще и структур священной власти, реализуемой в Церкви, в то время как коммерческие структуры вообще являлись той интегральной частью, которая в значительной мере формировала и создавала условия для существования самого городского «гражданского общества». Массовость и территориальная привязка последнего привела в конечном итоге к тому, что территориальные низовые структуры римского общества сохранялись веками после того, как малочисленная надстройка в виде структур императорской власти была разрушена в западной части Римской империи в результате катастроф V–VI вв.

TO THE QUESTION ABOUT "CIVIL SOCIETY" IN THE ROMAN EMPIRE OF LATE ANTIQUITY

M.V. Gratsiansky (Moscow)

The work is devoted to the study of the concept of "civil society" in late antiquity. Polis citizenship, originally inherent in the classical world, has been gradually transformed since Roman times. An important role is played by the unions of urban communities – koinons. Along with this, the administrative system of the empire is being formed, which enters into a complex system of relationships with "civil society". Municipal structures are in fact becoming an integrative part of the administrative system. Over time, church structures arise, in many respects following the already existing social and administrative structures.

Key words: civil communities, society, unions of cities, municipal organization, Roman Empire, provinces, Late Antiquity, church.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ СИДЕ

С.Н. Прокопенко (Белгород)

В статье рассматриваются особенности жилой застройки в одном из главных городов Памфилии в IV–VI вв. Исследование опирается на результаты археологического изучения Сиде второй половины XX – начала XXI вв. Отмечается взаимосвязь снижения уровня жилого домостроительства в позднеантичном городе с процессом рурализации населения Памфилии.

Ключевые слова: Сиде, поздняя античность, жилая застройка, дом.

Античный Сиде был основан в VII в. до н.э. выходцами из Западной Анатолии (*Strabo*. XIV. 4. 2.). С момента образования и до начала IV в. до н.э. городские структуры Сиде динамично развивались. В позднеантичное время городская среда Сиде претерпела неоднократную трансформацию. Вопросы изменения общественных пространств города в IV–VI вв. неоднократно

исследовались, и в науке существует дискуссия по этому поводу, в то время как жилищная застройка города рассматриваемого времени остается плохо изученной. Наблюдается прямая взаимосвязь разработанности проблемы и уровня археологического изучения объектов города.

К сожалению, жилые кварталы Сиде плохо изучены археологически. Основные объекты жилой застройки были выявлены еще на начальном этапе осуществления системных археологических работ в городе в 50-60-е гг. XX в.¹, с тех пор новые открытия в этом направлении исследований отсутствуют. Сложившаяся ситуация оказала прямое влияние на интерес исследователей к разработке данной проблемы.

В настоящее время известно только о четырех жилых комплексах в Сиде рассматриваемого нами периода. На плане города они обозначены как археологические объекты R1, R2, gg, jj (рис. 1). Некоторым из них были присущи некоторые архитектурные особенности, за что они получили имена собственные: Дом с консолью (R1) и Дом с перистилем (R2). Оба здания были построены по схожим проектам с учетом всех особенностей античного домостроительства. Они были сооружены в I–II вв. и непрерывно эксплуатировались до конца V в., затем пришли в упадок².

«Дом с консолью» (R1) (рис. 2) располагался в 20-30 м к северу от агоры, за торговыми помещениями, непосредственно примыкающими к Западной улице с колоннами (С). Вход в дом осуществлялся со стороны маленькой улочки, отходящей перпендикулярно от колонной улицы. Дом имел два мощеных двора, при входе располагалось помещение с мозаикой в геометрическом стиле на полу. Справа от входа находилась комната, использовавшаяся, видимо, для хранения продуктов питания. Из нее был отдельный выход из дома. Слева от входа располагалось помещение, с оборудованной системой канализации, выполнявшее функцию туалета, что является большой редкостью и не характерно для частной застройки в античный период. В северо-западной части помещения с туалетом проходил открытый канал, связывающий это помещение с узким длинным бассейном. По двум сторонам стены во дворе дома в нишах были помещены мраморные плиты с рельефными изображениями театральных масок. Дом был двухэтажным. Второй этаж не сохранился. По-видимому, на второй этаж вела деревянная лестница. Травертины второго этажа дома, выступающие приблизительно на 70 см со стороны двора, дали название этому дому.

«Дом с перистилем» (R2) располагался в непосредственной близости от описанного выше дома (рис. 2) с его юго-восточной стороны. В центре этого дома находился мощеный мраморными плитами двор с колодцем и колоннами по периметру. Изначально вход в дом осуществлялся со стороны дома с консолью, но в V в. этот проем был заложен, а вход осуществлялся с

¹ См. напр.: *Mansel A.M. Die Ruinen von Side. Berlin, 1963. 202 S.*; *Mansel A.M. Side. 1947-1966 Yılları Kazıları ve Araştırmaları Sonuçları. Ankara, 1978. 347 s.*

² *Атвур О. Сиде. Анталия, 2008. С. 39.*

южной стороны. В этом доме также была канализация¹. Оба описанных дома погибли в пожаре в конце V в. и больше не восстанавливались.

Дом, отмеченный на плане как gg (рис. 1), располагался недалеко от жилого комплекса у агоры. Этот дом в отличие от описанных выше был построен не ранее V в. и просуществовал до конца VI в. Расположился он на одной из главных улиц Сиде (С). Планировка дома имеет полное соответствие античной традиции, стены были украшены фресками². Этим же характеристикам отвечает богатый дом (jj), обнаруженный в южной части Сиде³.

Как мы видим, все выявленные дома можно охарактеризовать как жилые постройки богатых горожан. На это указывает размеры домов, их конструктивные особенности, остатки богатого убранства (фрески и мозаики), а также местоположение. Можно сделать вывод о том, что в V в. городская элита Сиде постоянно проживала в городе, но к концу V в. наметился процесс ее частичного исхода из города. Это полностью согласуется с подобными процессами, происходившими в других городах Малой Азии в этот период. Элита начала покидать города в V в. В это время практически повсеместно в городах Малой Азии прекращается строительство новых домов атриумно-перистильного типа, а построенные ранее были оставлены в запустении. Строительство же богатых загородных домов в это время резко возросло. Подтверждение того, что загородный дом стал обычной резиденцией малоазийской аристократии, приходит из более поздних письменных источников⁴.

Процесс рурализации элит, начавшийся в Поздней античности и усилившийся в последующий период, пошел во вред городам. Ресурсная база городов резко сузилась. Как отмечают исследователи, смена элитами постоянного места проживания в итоге привела к упадку элитарной культуры, которая деградировала вместе с городами⁵. Но в Сиде, исходя из анализа жилых комплексов VI в., исход элит только наметился, некоторые представители богатых горожан продолжали проживать в городе на постоянной основе.

Частная жилая застройка Сиде в рассматриваемое время демонстрирует полную преемственность римской классической архитектуры. Эта сфера демонстрирует высокую степень консерватизма. Христианизация населения

¹ *Ameyr O.* Указ. соч. С. 39.

² *Mansel A.M.* Side. P. 286, plan 321.

³ *Ruggieri V.* Appunti sulla continuità urbana di Side, in Panfila // *Orientalia Christiana Periodica.* № 61. 1995. P. 104-105.

⁴ *Whittow M.* Rural Fortifications in Western Europe and Byzantium, 10th–12th Century // *Bosphorus. Essays in Honour of Cyril Mango. Byzantinische Forschungen.* № 21. 1995. P. 62–65; *Schreiner P.* Das Haus in Byzanz nach den schriftlichen Quellen. Mit einem Exkurs über Häuserpreise // *Haus und Hof in ur- und frühgeschichtlicher Zeit.* Göttingen, 1997. P. 277–320.

⁵ *Niewöhner P.* Urbanism // *The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks.* Oxford, 2017. P. 47.

города в IV–VI вв. не оказывало ощутимого влияния на планирование и строительство дома богатого горожанина.

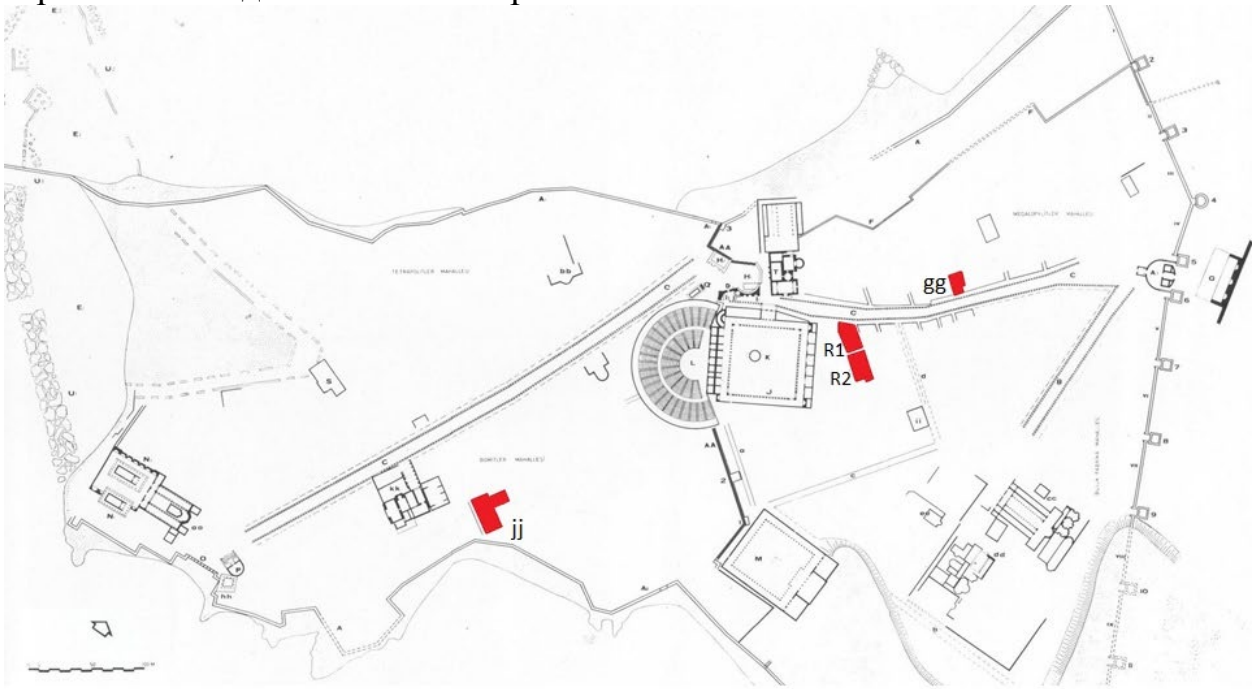

Рис. 1. Общий план Сиде с отмеченными жилыми комплексами, функционировавшими в позднеантичный период

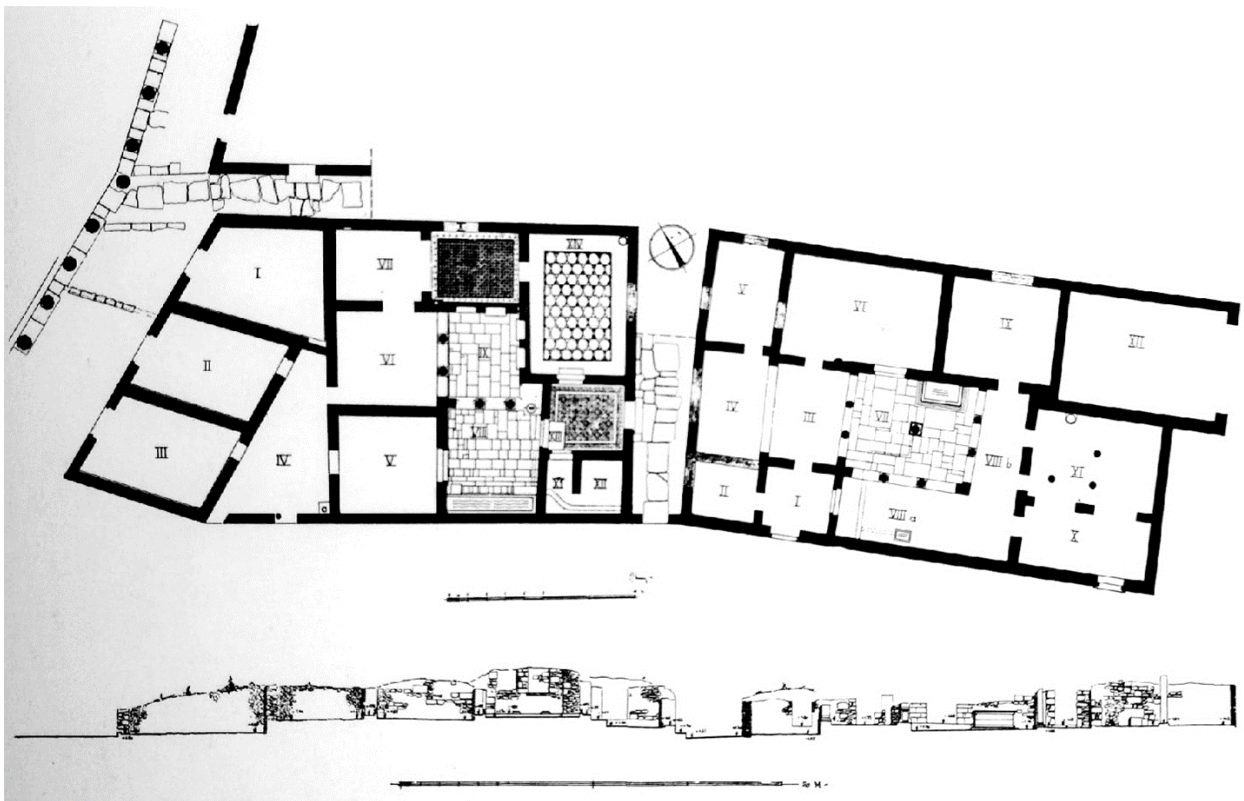

Рис. 2. План жилого комплекса у агоры Сиде (R1 «Дом с консолью», R2 «Дом с перистилем»)

FEATURES OF RESIDENTIAL DEVELOPMENT IN THE LATE ANTIQUE SIDE

S.N. Prokopenko (Belgorod)

The article discusses the features of residential development in one of the main cities of Pamphylia in the IV–VI centuries. The research is based on the results of the archaeological study of the Side of the second half of the XX – early XXI centuries. There is a correlation between the decline in the level of residential housing construction in the late Antique city and the process of ruralization of the Pamphylia population.

Key words: Side, Late antiquity, residential development, house.

ГУННСКИЕ ВОЖДЕСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ IV – НАЧАЛЕ V ВВ.

А.А. Внуков,
С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена сложному и неоднозначному вопросу эпохи Великого переселения народов – приходу гуннов в Северное Причерноморье и расселению их племен в Восточной Европе. Исследуя письменные и материальные источники, авторы приходят к выводу о том, что отдельные группы кочевников начали проникать в европейскую Скифию уже в середине IV века. Однако, согласно их мнению, эти номады не входили в состав гуннского союза племен, а, напротив, были враждебны ему. Помимо этого, основываясь на материалах исследований последних лет и анализе ряда археологических памятников, оставленных в степи номадами, они выделяют центры власти алпидзуров и других гуннов в Понтийской степи. Авторы отмечают изменения этнической карты региона после вторжения основной орды в южнорусские степи. Анализ источников показал, что алпидзуры и прочие племена гуннского круга, которым посвятили несколько строк в своих сочинениях Приск Панийский и Иордан, в 375–376 гг. отступили под натиском объединения Баламбера на Нижний Дунай из Приазовских степей. Однако какое-то время они пытались сопротивляться «царским скифам». Акациры, которые двигались с основной ордой на запад, предпочли оставить Баламбера. Существует большая вероятность того, что после подчинения алан-танаитов именно они расселились в низовьях Танаиса, откуда в дальнейшем их вожди распространили свое влияние на лесостепное междуречье Днепра и Дона. Что касается «царских скифов», то их авторы локализуют, согласно общепринятой точке зрения, в степях Северного Причерноморья на территориях грейтунгов, где на протяжении нескольких десятилетий (с последней четверти IV до начала V в.) гунны предпринимали основательные попытки утвердиться на завоеванных пространствах, подавляя одно за другим восстания потомков Эрманариха, подданные которых позже вошли в состав гуннского союза племен.

Ключевые слова: Восточная Европа, европейский барбарикум, Великое переселение народов, гунны, алпидзуры, алпидзуры, итимары, тункарсы, боиски.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что за последние два десятилетия источниковая база по истории европейских гуннов пополнилась новым археологическим материалом, который интерпретируется учеными не совсем однозначно. В частности, некоторыми исследователями были пересмотрены обстоятельства прихода этих номадов в Восточную Европу и их

взаимоотношения с Римской империей в целом¹. Тем не менее, европейские гунны, как и прежде в отечественной и зарубежной историографии, на первом этапе своей истории продолжают выступать племенным союзом под управлением избранного вождя или представителей царских гуннов².

Однако, если верить письменным источникам, такое положение дел представляется не совсем верным, так как в некоторых сражениях против азиатских захватчиков в Восточной Европе выступают другие гуннские наемники и племена (Amm. Marc., XXXI, 3, 3).

Поэтому целью настоящей статьи является выявление мест расселения гуннских племен в середине IV – начале V вв. в Восточной Европе, чтобы в дальнейшем, при рассмотрении вопросов, связанных с взаимоотношениями гуннов с Римской империей, можно было бы различать группы этих номадов.

Надо отметить, что не все позднеантичные и раннесредневековые авторы оставили в своих сочинениях достаточное подробное описание вторгшихся кочевников и рассказали о племенах гуннского круга. Историки конца IV столетия, как нетрудно заметить, мало что знали об этих варварах. Немногие из них пытались дать объективную информацию о гуннах. Однако, когда кочевники прочно утвердились на границах империи, ситуация начала меняться, благодаря тому, что некоторые из древних историков побывали в центрах власти номадов. Так, Олимпиодор Фиванский в 412 г. посетил ставку вождя Доната в Северном Причерноморье (Olimp., 18), а константинопольский дипломат и ритор Приск Панийский в 448 г. – ставку Атиллы (Prisc., fr. 8).

«История» Олимпиодора Фиванского не дошла до современного исследователя в первоизданном виде, а лишь сохранилась в законспектированном варианте, сделанном патриархом Фотием. Куда лучше обстоят дела с путевыми записками Приска. Фрагменты его сочинения достаточно подробно освещают внутреннюю жизнь и быт гуннов, а также их внешнеполитическую активность. В отличие от своих предшественников, Приск вносит некоторую ясность в отношении племенного состава европейского барбарикума. Помимо гуннов Руа и Атиллы, он выделяет и другие племена, населявшие Скифию, а именно амилзуров (Ἀμιλζούροι), итимаров (Ἰτιμάροι), тоносуров (τονώσουροι), бойсков (βοίσκοι) и другие народы, поселившиеся на Истре (Prisc., fr. 1), а также акациров (Ἀκατίρων). Последних он определяет как народ скифский (Prisc., fr. 8). Но оставленная им

¹ Болгов Н.Н. Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. Киев: ИИУ НАНУ, 2004. №4. С. 56; Манасерян Р.Л. Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом. СПб.: Алетейя, 2019. С. 27-41; Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 256-274.

² Засецкая И.П. Гунны в Восточной Европе // Эпоха Меровингов – Европа без границ. München: Edition Minerva. 2007. С. 62; Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 321; Манасерян Р.Л. Ук. соч. С. 33-34, 41; Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 256-274.

информация в большей степени актуальна для изучения гуннского союза племен, находившегося на пике своего могущества.

В данном вопросе работу Приска дополняет готский историк середины VI в. Иордан. Не вызывает сомнений, что ему был доступен полный текст сочинения Приска. Из его работы видно, что он достаточно хорошо осведомлен о различных сторонах жизни кочевников. Иордан, помимо указанных выше гуннских племен, отмечает альциагиров, савиров, хунугуров (Iord. Get., 37), а также ултзинзуров, биттугуров, бардров, которыми управлял после смерти Атиллы его сын Динтцик (Iord. Get., 272).

В некоторых случаях он указывает территории их расселения. К примеру, он пишет: «места их (альциагиров, савиров) поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии, летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. Get., 37). Но здесь стоит отметить, что данная информация относится к более поздним временам, скорее всего, гунны-альциагиры обитали в Крыму во 2-й половине V – 1-й половине VI в.¹ Тем не менее, интересно то, что алпидзуров и другие племена, которых перечислил Приск, Иордан помещает на западном берегу Меотиды. И помимо этого отмечает, что они были согнаны с этих мест гуннами в момент вторжения последних в Северное Причерноморье (Iord. Get., 126). Вероятно, после того, как азиатскими пришельцами были покорены аланы-танаиты, что следует из контекста рассказа.

Приск и Иордан не определяют эти племена как гуннские, но лингвистический анализ доказывает, что эти самоназвания племен имеют тюркское происхождение². О. Менхен-Хелфен же полагал, что они, безусловно, были гуннами, которые поселились в южнорусских степях задолго до прихода «орды» Атиллы³.

В пользу утверждения о том, что алпидзуры, итимары, тоносуры и прочие племена из списка Приска-Иордана не входили в состав, условно говоря, «объединения» или «союза племен Баламбера», говорят дальнейшие события, связанные с восстанием Витимира. Напомним, что данный готский предводитель некоторое время оказывал сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собой (Amm. Marc., XXXI, 3, 3).

О каком другом племени гуннов говорил Аммиан, не совсем ясно. Хюн Джин Ким полагает, что Аммиан просто запутался в последовательности событий⁴, но веских доказательств своему тезису он не привел. Анализ же

¹ Айбабин А.И. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Том 18. №2. С.51.

² Засецкая И.П. Гунны в Восточной Европе. С. 61; Maenchen-Helfen O. J. The world of the Huns. Studies in Their History and Culture. Los-Angeles; London: University of California Press-Berkeley, 1973. P. 444-455.

³ Maenchen-Helfen O.J. Op. cit. P. 444-455.

⁴ Kim H.J. The Huns. London; New York: Routledge, 2016.

источника позволяет говорить о том, что Марцеллин и его осведомители хорошо разделяли народы, находившиеся на той или иной противоборствующей стороне. Поэтому можно обоснованно утверждать, что это «другое» племя гуннов могло после успешно завершённой кампании по завоеванию готов отколоться от военного союза Баламбера.

Еще в середине XX в. британский историк Э.А. Томпсон утверждал, что политические союзы гуннов до Руа были недолговременны, а племена находились в состоянии независимости и определенной самостоятельности¹. Однако такое положение дел нам представляется маловероятным, если учитывать возможность организации вторжения кочевников правительством Римской империи. Скорее всего, Витимир привлек на свою сторону гуннов Иордана, которые были вынуждены под натиском «объединения Баламбера», уйти с прежних пастбищ.

Похожая точка зрения прослеживается и у М.М. Казанского². Исследуя вождеские захоронения эпохи Великого переселения народов, он пришел к выводу о том, что археологические памятники на Нижнем Дунае могли принадлежать алпидзурам, итимарам, тоносурам, которые в начале V в. находились под властью Ульдина и мигрировали в данный регион после вторжения царских скифов в Северное Причерноморье³. Именно здесь, в бассейне верхнего течения Прута, образовался в гуннское время центр власти, который мог принадлежать как алпидзурам, так и готам⁴. Но установить окончательно хозяина этой территории на современном этапе исследований пока не представляется возможным из-за высокой степени поликультурности варварских народов барбарикума эпохи Великого переселения народов.

Безусловно, сложно проследить с позиции археологии движение рассматриваемых гуннских племен на запад. Однако мы можем отметить начальную точку их пути, так как нам представляется, что два, по крайней мере, погребения в Приазовье принадлежат алпидзурам, итимарам и тоносурам – это хорошо известные памятники Каменная Могила и Мелитополь на р. Молочной. Их вполне можно датировать периодом D1 (360/370 – 400/410 гг.) центральноевропейской хронологии⁵.

¹ *Thompson E.A. The Huns. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 1996. P. 66-67.*

² *Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. Т. 1. №1. С. 31-32.*

³ *Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени... С. 32-33; Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2020. С. 123.*

⁴ *Казанский М.М. «Княжеские» находки и центры власти гуннского времени на периферии Понтийской степи // МАИАСК. 2017. Вып. 9. С. 129; Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени... С. 44.*

⁵ *Казанский М.М. Мастыкова А.В. Ук. соч. С. 123.*

Примечательно здесь и то, что происходящие из второго погребения артефакты (зеркальце и котелок) характерны для позднесарматского периода¹. С.В. Ярцев в одной из своих монографий отметил, что указанные погребения, а также кремация в Новофилипповке, теоретически могут принадлежать кочевникам, появившемся в Северном Причерноморье в начале 60-х гг. IV в. н.э.², что, безусловно, верно. Но он связывал их с царскими гуннами, что представляется в свете новых данных и при учете рассказа Иордана не совсем верным утверждением. В этой связи заметим, что Н.Н. Болгов, который выдвинул впервые гипотезу о возможной организации римлянами вторжения гуннов в Северное Причерноморье³, стоит на позициях, что орда Баламера первоначально обрушилась в низовье Танаиса на родственные племена, отошедшие на запад ранее⁴. Однако место этого конфликта стоит локализовать ближе к границам грейтунгов, где-нибудь в современной Запорожской области. Следовательно, мы не уйдем далеко от истины, если предположим, что гуннские племена, перечисленные Приском-Иорданом, в середине IV в. могли оказаться в северо-западном Приазовье и на какое-то время, до прихода основной орды, расселиться здесь.

По данным археологии это степное пространство в IV в. не имело постоянного населения⁵. Тем не менее, такое положение дел не исключает обозначенный нами тезис. Конечно, стоит признать, материальных источников недостаточно, чтобы принимать его за безоговорочный факт. Дело в том, что специально гуннские погребения в степи никто не искал, во многом обнаружение подобных памятников является делом случая.

Но если места кочевания алпидзуров мы еще можем локализовать в степях Восточной Европы, то с акацирами дела обстоят сложнее. У современных исследователей не сложилась единая точка зрения относительно их области обитания.

Ряд ученых полагает, что акациры кочевали в Причерноморских степях⁶. А.Г. Фурасьев и А.М. Обломский к зоне обитания акациров относят Верхнее Подонье и лесостепную зону к востоку от Днепра⁷, М.М. Казанский и

¹ Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 76.

² Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 225-229.

³ Болгов Н.Н. Между империей и варварами. С. 56.

⁴ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород: БелГУ, 1996. С. 39; Болгов Н.Н. Между империей и варварами. С. 53.

⁵ Зиньковская И.В. Ук. соч. С. 175.

⁶ Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Изд. Геннадий Маркелов, 2021. С. 71; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 127; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетей, 2011. С. 201.

⁷ Обломский А.М. Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) / Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ФГБУН ИАРАН, 2015. С. 307-308; Фурасьев А.Г.

А.В. Мастыкова локализуют их в «припонтийской Скифии» и в Крыму¹, частично к данной точке зрения присоединяется и А.И. Айбабин. Он считает, что акациры господствовали в степной зоне полуострова в 1-й половине V в.²

Мы, в свою очередь, соглашаемся с А.Г. Фурасьевым и А.М. Обломским, так как их доводы нам представляются более убедительными. Единственное, на что хочется обратить внимание в данном вопросе – это на вождеские погребения эпохи Великого переселения народов в Курской области. Здесь речь идет об известных погребениях в реке, найденных в верховье Суджи (д. Большой Каменец) и Волниковском кладе. Данные памятники представлены артефактами полихромного стиля, а также предметами римского импорта (серебряный кувшин с изображением муз, фалар и фрагменты ведра из Первого Старосудженского клада), которые Л.А. Мацулевич еще в 1934 г. датировал концом IV – началом V в.³ Тем не менее данная датировка не исключает того факта, что эти предметы могли попасть в руки варваров и в более позднее время. Волниковский же клад датируется исследователями периодом D2 (380/400 – 440/450) европейской хронологии⁴.

В данном контексте примечательно, что Приск сохранил сведения о подарках, которыми одаривал Феодосий II вождей акациров, чтобы те не заключали союза с Аттилой (Prisc., fr. 8). Безусловно, акациры не были ни первым, ни последним «скифским» народом, который был удостоен такого внимания. Но если учесть сложившуюся политическую обстановку накануне «Великой войны» 447 г. (Prisc., 3, 5, 8; Com. Marc., 445, 1; 447), то можно предположить и в какой-то степени согласиться с А.Г. Фурасьевым о том, что полиэтническое военно-политическое образование акациров должно было располагаться в лесостепной зоне в глубоком тылу гуннов⁵.

Когда же акациры заняли обозначенные нами территории, сказать сложно. Возможно, основное ядро, которое, безусловно, было гуннского происхождения, продвигалось на запад вслед за «военным союзом Баламбера» или же было в составе его. Однако после покорения аланов, акациры, скорее всего, отпочковались в Северо-Восточном Приазовье от основного ядра.

Там же в дальнейшем они начали воспроизводить в жизнь характерную модель взаимодействия кочевников-скотоводов с оседлым населением

Акациры – соседи эстиев // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М.Б. Шукина посвящается. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. Вып. 39. С. 195.

¹ Казанский М.М. Мастыкова А.В. Ук. соч. С. 124.

² Айбабин А.И. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Том 18. №2. С. 51.

³ Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховье реки Суджи // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 112. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. С. 34, 44, 48.

⁴ Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э. Каталог коллекции. М.: Голден-Би, 2014. С. 25.

⁵ Фурасьев А.Г. Ук. соч. С. 194.

региона, что хорошо прослеживается по памятникам Острой Луки Дона¹ и на городище Танаис². Они, так же как и их предки хунну, создавали определенные сельскохозяйственные и ремесленные зоны, благодаря функционированию которых обменивали различные товары, захваченные в ходе военных походов или произведенные самостоятельно. Все это делалось кочевниками для преодоления ограничений жизненных ресурсов кочевого хозяйства³. Поэтому не удивительно, что акациры вплоть до 446 или 447 г. оставались независимыми от основного ядра вторгшихся номадов, хотя и поддерживали союзнические отношения с ними (Prisc., fr. 8).

В этой связи также стоит отметить, что подобные вожества вполне могли распространить свое влияние на соседей. Сил и ресурсов у акациров было достаточно, ведь этим народом управляло много князей и родоначальников, которым император Феодосий посылал дары (Prisc., fr. 8).

В мае 2022 г. на конференции «Боспорские чтения» в Керчи М.М. Казанский в пользу своей гипотезы высказал тезис, который, по нашему мнению, является небесспорным, хотя доводы ученого представляются весьма интересными. Выделив среди гуннских погребений захоронения в так называемых «склепах» и «пещерах», он соотнес материальные источники с фрагментом о нравах гуннов из текста Аммиана Марцеллина. Напомним, римский историк отметил, что пришедшие в 376 г. в Северное Причерноморье кочевники никогда не укрывались «в какие бы то ни было здания, напротив, они избегали их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей» (Amm. Marc., XXXI, 2, 4). В результате этого М.М. Казанский пришел к выводу, что царские гунны не могли ингумировать своих представителей в закрытых помещениях. Он считает, что подобные захоронения могли оставить восточные гунны, к примеру, акациры⁴. Однако среди указанных им памятников присутствует могила пещеры Колдуна.

Принимая во внимание выводы французского коллеги, мы должны обозначить некоторые аспекты в поддержку принадлежности данного памятника алпидзурам. Во-первых, отметим еще раз, захоронение в Каменной Могиле могло произойти, если судить по нижней границе, в 360/370 гг., то есть, в то время, когда в данном районе кочевали Иордановские алпидзуры. А

¹ *Обломский А.М.* Этнические и социальные компоненты... С. 296-308; Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Раннеславянский мир. Вып. 6. М. 2004. С. 166.

² *Шелов Д.Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 81-88; *Обломский А.М.* Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 180-181.

³ *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: ЛГУ, 1985. С. 59.

⁴ *Казанский М.М.* Гуннские погребения в античных склепах и свидетельство Аммиана Марцеллина // Боспорские чтения XXIII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Симферополь; Керчь, 2022. С. 129-135.

во-вторых, подобные обряды погребения кочевников могли появиться у гуннов вследствие приспособления номадов к политической обстановке в регионе. К примеру, в результате частичной христианизации или контактов с алано-готским населением степей. Известно, что аланы помещали своих усопших в Т-образные склепы, а поэтому явно не боялись закрытых помещений.

Возможную раннюю христианизацию у гуннов тоже можно объяснить. Правда, надо сказать, что доказательная база будет строиться тут на косвенных фактах, и бесспорными их назвать будет трудно. Но если учесть раннее проникновение алпидзуров в Северное Причерноморье и их возможное участие в гото-римской войне 367-369 гг. на стороне германцев, то существует высокая степень вероятности того, что среди пленных представителей готской вождеско-аристократической верхушки, которых потребовал Валент с целью обеспечения выполнения договора у Атанариха (*Amm. Marc.*, XXVII, 5, 8) и Эрманариха¹, были и гунны.

Во всяком случае, такому предположению не противоречит появление предметов в погребениях столичной знати, напоминающих европейские находки горизонтов Виллафонтана (360/370 – 400/410 гг.) и Унтерзибенбрунн (380/400 – 440-450 гг.), что в целом соответствует ступеням D1–D2 европейской археологической системы².

Соответствует нашему предположению и явное смешение различных погребальных этнокультурных традиций (греко-римских, сарматских, готских и гуннских) в данных захоронениях³. Погребенные, как правило, были в богатых одеяниях: с диадемами из золотых листочков на головах, с пряжками, фибулами, оружием и т.д.⁴ Этот феномен также хорошо согласуется с результатами многолетних исследований, утверждающих, что Боспор в последней четверти IV или в начале V вв. действительно являлся если не единственным, то, по крайней мере, одним из центров производства украшений в новом полихромном стиле, которые считаются главными хроноиндикаторами наступившей гуннской эпохи. А ведь именно эти

¹ Ярец С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 252-253.

² Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев: ИА НАН Украины, 1999. С. 277-297; Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 448-451; *Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006. P. 86-87; Ярец С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 254.*

³ Засецкая И.П. Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н.э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности: научн. доклад, представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1996. С 34; Ярец С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 255.

⁴ Щукин М.Б. Ук. соч. С. 449; Ярец С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 255.

предметы являлись важнейшим признаком социального положения для варваров¹.

Что касается «племенного союза Баламбера», то к концу IV в. эти гунны уже окончательно утвердились на территориях, некогда находившихся под контролем готов. Именно в эти земли в 412 г. Олимпиодор Фиванский совершает вместе с константинопольским посольством путешествие в ставку вождя Доната². Но после успешной экспансии «орда» Баламбера поредела. В результате военно-политического кризиса многие гунны предпочли покинуть завоеванные территории и наняться на службу в империю³.

В итоге, мы должны обозначить, что в источниках под этнонимом гунны подразумеваются различные племена этого народа, что необходимо учитывать при анализе информации, оставленной древними авторами. Можно утвердить, что гунны, которых не раз упоминает Аммиан в союзе с готами, скорее всего, являются представителями племен алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, а поход в Восточное Средиземноморье в 395 г. могли совершить и акациры.

При всем этом надо принимать во внимание не только геополитическую обстановку, сложившуюся на рубеже веков, но и кризисные явления в союзе, которые вполне могли произойти у гуннов в тот период, а также приоритетные направления дистанционной эксплуатации и экспансии для каждого центра власти.

Также из всего вышесказанного получается, что отдельные племена гуннов с середины IV в. начали проникать в Восточную Европу. Вероятным местом их обитания стоит обозначить степи северо-западного или северного Приазовья. После вторжения «племенного союза Баламбера» этническая карта региона существенно изменилась: алпидзуры и прочие племена мигрировали на Нижний Дунай, хотя какое-то время и пытались сопротивляться «царским скифам»; акациры, движущиеся с основной ордой на запад, предпочли оставить кочевников после подчинения алан-танаитов и расселились в низовьях Танаиса, откуда в дальнейшем они распространили свое влияние на лесостепное междуречье Днепра и Дона. Что касается «царских скифов», то они на протяжении последней четверти IV в. утверждались на готских территориях, подавляя одно за другим восстание потомков Эрманариха. К началу V в. эти гунны прочно обосновались на завоеванных территориях.

¹ *Рябцева М.Л.* К вопросу о происхождении полихромного стиля эпохи Великого переселения народов // Ирсидона. Античный мир и его наследие. Вып. IV / Сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород: ООО «Эпицентр», 2015. С. 85; *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 255.

² *Внуков А.А.* К вопросу о локализации ставки гуннских вождей Доната и Харатона в 412 г. // *Эргастирий III*. Белгород, 2020. С. 60-66.

³ *Внуков А.А.* Возвышение потомков Баламбера как причина социально-политического кризиса в гуннском вожестве в конце IV – начале V в. // *Тульская историческая весна – 2020: Кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020. С. 76-82.

THE CENTERS OF THE HUN LEADERS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE MIDDLE OF THE IV AND EARLY V CENTURIES

A.A. Vnukov,
C.V. Yartsev (Tula)

Abstract: The paper is devoted to a complex and ambiguous question of the Great Migration period – the advent of the Huns to the Northern Black Sea region coast and settlement of their tribes in Eastern Europe. Examining the written and material sources, the authors conclude that some groups of nomads began to penetrate into the European Scythia in the middle of the IV century. However, in their opinion, these nomads were not part of the Hun tribal alliance, but, on the contrary, were hostile to it. In addition, based on the research of recent years and analysis of archaeological sites left in the steppe by nomads, they identify centres of power of Alpidzuri and other Huns in the Pontic steppe. The authors note changes in the ethnic map of the region after the invasion of the main horde into the Southern Russian steppes. An analysis of the sources shows that the Alpidzurians and other tribes of the Hun circle, to whom several lines in their compositions were devoted by Priscus of Pani and Jordanes, in the 375 – 376 AD retreated to the Lower Danube from the steppes of the Azov Sea under the onslaught of the Balamber association. For a time, however, they tried to resist the "royal Scythians". The Akatsirs, who were moving with the main horde westwards, preferred to leave Balamber. There is a high probability that, having subdued the Alanian Tanaites, they settled in the lower reaches of the Tanais, from where their leaders subsequently spread their influence over the forest-steppe area between the Dnieper and the Don. As for the "royal Scythians", authors localize them, according to the generally accepted point of view, in the Northern Black Sea steppes on the territory of Greuthung. Where for several decades (from the last quarter of the IV to the beginning of the V century) Huns made fundamental attempts to establish themselves in the conquered spaces, suppressing one after another an uprising of the descendants of Ermanaric, whose subjects subsequently became a part of the Hun tribal union.

Key words: Eastern Europe, European barbarism, Great Migration period, Huns, Alpidzuri, Alkildzuri, Itimari, Tunkarsi, Boiski.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАРТИЙ ЦИРКА НА ПОЛИТИКУ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ V В.

М.Г. Сапожникова (Белгород)

В статье рассматривается проблема возможности влияния партий ипподрома на императорскую политику. Анализируются основные точки зрения учёных на функции данных объединений. Предпринята попытка выяснить, чем объясняется благосклонность императоров V в. той или иной цирковой фракции.

Ключевые слова: партии ипподрома, Феодосий II, Маркиан, Ранняя Византия, прасины, венеты.

Большое значение на протяжении всей истории Римской империи имели гонки на колесницах¹. Многие нарративные и нормативные источники свидетельствуют о всеобщем интересе римского народа к представлениям на ипподромах. Даже с установлением христианства в роли официальной

¹ Успенский Ф.И. Партии цирка и димы в Константинополе // Византийский временник. СПб., 1894. Т. 1. С. 1-2.

религии эта страсть не только не была ликвидирована, но и стала привычкой для константинопольского люда.

В V-VI вв. колесничие оставались такими же влиятельными и состоятельными, как и прежде. Иоанн Малала в своей «Хронографии» упоминает возничего Каллиопу, представителя фракции Зелёных, возглавившего беспорядки в Антиохии (Mal. XVI.6). Однако в это время императоры уже лично не участвовали в заездах, как в своё время это делали Нерон и Коммод¹.

Поскольку ипподром был самым важным местом сбора большого количества зрителей, там также проводились и другие мероприятия, требующие большой аудитории. Например, самыми значительными из них были связанные с восшествием на престол нового императора; церемония не была завершена до тех пор, пока он не был торжественно встречен народом Константинополя, собравшимся на ипподроме. Если триумф победоносного императора или полководца должен был отмечаться во время скачек, то эти мероприятия также проводились на ипподроме². Менее приятными, но не менее популярными были публичные наказания и казни, проводимые в цирке; здесь некоторые императоры были даже казнены их преемниками, а некоторые преступники обезглавлены или заклеены перед большими толпами, собравшимися, чтобы стать свидетелями этого зрелища.

До сих пор учёные спорят о характере партий цирка. В отечественной дореволюционной историографии упорно отстаивалось мнение о том, что фракции цирка представляли собой политические объединения. Так, Ф.И. Успенский считал партии продуктом «демократии, которой свойственна разнузданность, но без свойственной свободы»³, и поэтому чтобы получить церковную или гражданскую должность, необходимо было заручиться поддержкой одной из фракций. В зарубежной литературе появился ряд выводов, в первую очередь, о том, что фокус всей деятельности Синих и Зелёных следует искать не в «демоструктуре» городов⁴, не в «городской милиции»⁵, не в социальных и религиозных группировках⁶, но на самом ипподроме⁷.

Профессор Колумбийского университета Алан Кэмерон проследил развитие партий цирка, а также изучил роль ипподрома и театра в политической жизни империи, и по его мнению, нашёл рациональное

¹ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб. 1997. С. 142.

² Schrodts B. Sports of the Byzantine Empire // Journal of Sport History. Vol. 8. № 3. 1981. P. 45.

³ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 3.

⁴ См.: Manojlovic G. Le peuple du Constantinople de 400 à 800 après J.C. // Byzantion. 1936. Vol. XI. Livr. 2. P. 617-716.

⁵ См.: Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. / Отв. ред. акад. В.В. Струве. М., 1946. 291 с.

⁶ См. Чекалова А.А. Указ. соч. С. 141-160.

⁷ См.: Cameron A. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford: Clarendon Press, 1976. 364 p.

объяснение поразительной трансформации Синих и Зелёных, с точки зрения меняющейся организации игр и традиционных отношений императора и его народа на играх.

Ранневизантийские хроники, и особенно труд Малалы, позволяют современному читателю, как заметил Норман Бейнс, сформировать «некоторое представление о вещах, которые действительно интересовали добропорядочных граждан Восточной империи¹. Конечно, это самый разнообразный материал социальной истории, но он может вводить в заблуждение при рассматривании акцентов как точного отражения политических и религиозных реалий того времени. Конечно, летописцы тоже интересовались церковными делами, хотя, естественно, ими больше внимания уделяется скандальному поведению отдельных епископов, чем Церковным соборам и христологическим определениям. И все чаще всего в этих источниках фиксируется как религиозное, так и фракционное соперничество. Например, краткое сообщение Малалы о Маркиане. Он упоминает как созыв Халкидонского собора, который установил ортодоксальное определение истинной веры, так и антипатию императора к Зелёным (Mal. XIV.28-32)

К концу V в., по целому ряду причин (упадок военной мощи, рост бюрократии, тот факт, что император всё чаще проводил своё царствование среди пышности и церемоний столицы), ситуация изменилась. Но это не просто вопрос народа, отстаивающего свою независимость. Ибо не только народ начинает играть определенную роль в передаче власти, но и в ещё большей степени Сенат².

Не случайно, что именно с середины V в. Петр Патрикий начал свои коронационные отчёты. Хотя многие их элементы были традиционными, церемония в целом представляет собой смесь гражданского, военного и религиозного, что, безусловно, является новым. Не стоит подробно останавливаться на том, какой из этих элементов был действительно «конститутивным»: поднятие на щит и коронация военным венцом (*torques*), провозглашение армией и народом или возложение диадемы патриархом³. Достаточно того, что роль народа была центральной (если не неизменной) частью церемонии.

Ещё в 456 г. Зелёные были ответственны за беспорядки, настолько серьёзные, что разъярённый Маркиан запретил всем прасинам занимать посты в администрации и армии сроком на три года (Mal. XIV.34). Этот же запрет был переиздан полтора века спустя Фокой.

Традиционные исследования придавали наибольшее значение предполагаемому совпадению между религиозными и фракционными симпатиями императоров. Действительно, многие основывали свои доводы только на этом. Из пятнадцати с лишним императоров между Феодосием II и

¹ Baynes N.H. *The Byzantine Empire*. London: Williams and Norgate, 1925. P. 35.

² Beck H.G. *Senat und Volk von Konstantinopel*. München, 1966. P. 41.

³ Corippus, Flavius Cresconius. In *Laudem Iustini Augusti Minoris* / Ed. Averil Cameron. London: Athlone Press, 1976. P. 8.

Ираклием известно, что только четверо были Зелёными (Феодосий, Зенон, Маврикий, Ираклий), и трое Синими (Маркиан, Юстиниан, Фока). Последние три императора были халкидонитами, но из четырёх Зелёных василевсов ни одного нельзя назвать монофизитом. Должно быть очевидно, что выборка настолько мала, что здесь нельзя прийти к определённым выводам.

Тем не менее, начиная с конца III в., когда безопасность римского мира была поколеблена и так и не восстановилась полностью, со всей Империи (хотя особенно из восточных провинций) поступает множество свидетельств о том, как простые люди защищали свои города от захватчиков и разбойников¹. И доказательства не являются только литературными. Городские стены возводились повсюду, часто в спешке. Массивные стены Феодосия в Константинополе являются лишь самым ярким из дошедших до нас примеров широкомасштабного и радикального изменения стиля городской жизни при империи². Кто-то должен был охранять такие стены, а солдат было недостаточно (Nov. Val. V.2).

Валентиниан добавляет, что все граждане должны протянуть руку помощи, если потребуется отремонтировать стены: «По его (префекта) постановлению должно также восстанавливать части, которые были разрушены в стенах, башнях, воротах, следовательно ни одно лицо не может быть освобождено от ремонта стен и всех сооружений, которые были упомянуты выше» (Nov. Val. V.3). Это особенно актуально, поскольку (согласно Псевдо-Кодину) 8000 Зелёных и Синих участвовали в восстановлении стены Феодосия после землетрясения 447 г. (Patria poleos, 182.10). Гавро Манойлович считает эти 8000 человек вооружённым ополчением. Тем не менее, даже Псевдо-Кодин не упоминает об оружии, а ремонт стен был стандартной обязанностью всех граждан.

Обеспечение общественных развлечений и возможность возникновения проблем со стороны фанатов на местных провинциальных фестивалях были имперской проблемой, которая потребовала ряда централизованных вмешательств и реформ, пока как исполнители, так и сторонники не оказались под контролем государственной дуополии, а именно Синих и Зелёных. Шарлотта Руэш утверждает, что в V в. император Феодосий II распространил две основные цирковые фракции Константинополя на все города, объединив артистов с организациями фракций (предварительно разделив их активы, пожертвования и членство на равные половины)³.

Есть некоторые признаки того, что изменения в организации публичных выступлений, возможно, произошли в какой-то момент во время долгого

¹ *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1963. P. 129.

² *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert // *Byzantinisches Archiv*. Vol. 13. 1969. S. 15-16.

³ *Roueche C.M.* Performers and partisans at Aphrodisias in the Roman and late Roman periods: A study based on inscriptions from the current excavations at Aphrodisias in Caria. Leeds, 1993. P. 45.

правления Феодосия II, который, как считается, реорганизовал – и стандартизировал – рассадку сторонников фракции «в каждом городе».

Хрисафий, кувикулярий императора с 443 по 450 гг., был «покровителем и защитником Зелёных» (Mal. XIV.19). Маркиан (450-457) отдавал предпочтение Синим «не только в Константинополе, но и повсюду» (Mal. XIV.32). Это говорит о том, что основное расширение деятельности фракций произошло во время правления Феодосия II, и что к 443 г. прасины и венеты были во всех городах, где были ипподромы и театры.

Проведение выступлений и надзор за фракциями, по-видимому, рассматривались как гражданская ответственность. В 520 г. Синие укоренились во всех городах (Mal. XVII.11); в 527 г. Юстиниану пришлось разослать в каждый город письма, «чтобы люди не бунтовали, а наблюдали мирно» (Chron. Pasch. 617). Закон от 426 г. уточняет, что назначение должностных лиц по надзору (актуариев и корникуляриев) за «ареной и лошадьми для колесниц в различных городах» не должно утверждаться без одобрения префекта претория (CTh. VII.7.21). Алан Кэмерон воспринял это как признак имперского контроля¹; но эти чиновники перечислены вместе с иренархом («хранитель спокойствия»), который был выбран местным советом, но чьё назначение было одобрено имперской властью. Поэтому эту реорганизацию следует рассматривать как ещё один элемент постоянных усилий имперских властей по поощрению теоретически независимых органов – организаций исполнителей и гражданских властей – к предоставлению услуг, которые им было всё труднее предоставлять.

Таким образом, существует множество взглядов на то, что в Поздней античности фракции были, по существу, разделены по религиозным симпатиям или сословиям, но, по сути, это были спортивные ассоциации. Тем не менее, они сохранили политическую значимость: их рассматривали как последний оставшийся голос народа во всё более автократическом обществе (например, в протестах против повышения цен на хлеб или денежных «реформ», невыгодных для бедных (Mal. XIV.121).

ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF CIRCUS FACTIONS ON THE POLICY OF THE BYZANTINE EMPERORS OF THE FIFTH CENTURY

M.G. Sapozhnikova (Belgorod)

The article deals with the problem of the possibility of the influence of the hippodrome parties on imperial politics. The main points of view of scientists on the functions of these associations are analyzed. An attempt is made to find out what explains the favor of the emperors of the fifth century. one or another circus faction.

Key words: hippodrome parties, Theodosius II, Marcian, Early Byzantium, prasins, veneti.

¹ Cameron A. Op. cit. P. 220.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОНОФИЗИТСКИХ ПАТРИАРХОВ АЛЕКСАНДРИИ И МОНАШЕСТВА В V В.

В.А. Лихошерстов (Белгород)

В статье рассматривается взаимодействие монашеских общин Египта и монофизитских патриархов Александрии на начальном этапе развития монофизитства в регионе. Особого внимания заслуживает вопрос о политике в отношении халкидонитов и непримиримая позиция монашества в его отношении.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Поздняя античность, монофизиты, монашество, Александрия.

На момент возникновения антихалкидонского движения в восточных провинциях Римской империи институт монашества уже был сформирован. Традиция монашества зарождается в пустынях Египта и там же достигает своего апогея. Именно здесь аскетические традиции достигают максимального развития и принимают различные формы. Это подтверждают различные уставы монастырей, письменные и археологические источники.

Среди монахов больше было распространено именно монофизитство¹, притягательная сила которого выражалась не в богословском образовании, а в аскезе – это мы можем заключить из анализа некоторых агиографических сочинений². Монашество здесь олицетворяют многочисленные братии и обители, которых находились в пустынях Египта.

Однако основными проводниками и идеологами антихалкидонизма в Египте являлись патриархи Александрии. Следовательно, по данному вопросу они должны были как-то взаимодействовать с монашеством. Также на институциональном уровне монашество выступало в тесном сотрудничестве с остальной церковной организацией.

Первые монофизитские патриархи являлись выходцами из монастырей Египта. Стоит сказать, что монахи активно поддерживали своих пап, так, например, именно в недрах монашества созрела идея насильственным путём заменить Протерия в качестве патриарха. Это подтверждается тем, что именно лояльные монахи обеспечили Тимофею Элуру беспрепятственное проникновение в город во время бунта³.

В свою очередь, патриарх Иоанн – преемник Афанасия Младшего – поддерживал монашеские общины различными субсидиями (*Historia patriarcharum Alexandrinorum* II. 13).

Однако зачастую именно монахи составляли костяк оппозиции к патриархам. Такие группировки появлялись в результате компромиссной политики к халкидонитам, т.к. монастырские братии придерживались радикальных взглядов в сфере догматических противоречий.

¹ *Wipszycka E.* Le monachisme Égyptien et les villes. Paris, 1994. P. 23.

² *Винкельман В.В.* Некоторые замечания к оценке роли монофизитства в послеюстиановскую эпоху // *Византийский временник.* №39(64). 2006. С. 86-92.

³ *Frend W.H.C.* Rise of the monophysite movement. Cambridge, 1972. P. 155.

Первые оппозиционные выступления против патриархов начинаются уже в эпоху преемника Диоскора. После рукоположения перед Тимофеем Элуром возникает вопрос о политике в отношении халкидонского населения города (Zachar. H.E. 4.2). Он остаётся непримиримым в данном вопросе, однако после возвращения из ссылки в Херсонес с позволения узурпатора Василиска Тимофей осуществляет встречные шаги по отношению к своим оппонентам и разрабатывает процедуру раскаяния для приверженцев противоположного лагеря¹. Сразу же это вызвало протест среди епископов, который возглавил Федот из Иоппы (Zachar. H.E. 5.4). Нам, не известно участвовали ли монахи в данном споре.

Монахи активизируются в русле споров уже при следующем патриархе Петре Монге. Катализатором выступления монахов стала вовлеченность представителей императорской власти в богословский конфликт противников и сторонников Халкидона. Новому патриарху Александрии пришлось принять так называемый Энотикон, который стал неким компромиссным решением.

Обстоятельства его принятия были связаны с делегацией Иоанна Талайи в Константинополь, во время которой император Зенон в вопросе нового патриарха Александрии сделал ставку на Петра, т.к. Иоанн был замечен в связях с возможным узурпатором Иллоном². Можно предположить, что ценой официального назначения и стал Энотикон.

Особенность Энотикона состояла в замалчивании событий в Халкидоне. Это и позволяло Петру соблюдать некий баланс между императорской властью и своими приверженцами в городе. Это не могло не вызвать опасений со стороны Константинополя, и патриарх Акакий повелел провести судебное разбирательство в 486 г. по поводу богословских воззрений Петра, в результате которого было доказано, что решения Халкидона не предавались открытой анафеме.

Сказанное выше и стало катализатором для выступления монахов против патриарха. Они выразили своё несогласие с такой постановкой вопроса (Ps. Zachar. Chron. 6.1).

Для Петра Монга данное развитие событий представляло угрозу, т.к. в рамках церковного управления монастыри являлись также весьма ценными экономическими центрами³. Также многие монахи назначались на различные церковные должности. Однако монахи не являлись частью официальной церковной иерархии⁴, но были интегрированы в епархиальную систему⁵.

Именно эти причины и спровоцировали незамедлительные ответные меры со стороны патриарха, который привлёк к разбирательству светскую

¹ *Ebied R.Y., Wikham L.R.* A Collection of Unpublished Syriac Letters of Timothy Aelurus // JTS. 1970. Vol. 21. P. 330.

² *Грацианский М.В.* Дело Иоанна Талайи и начало «Акакианской схизмы» (484 г.) // Византийский временник. № 99. 2015. С. 33-34.

³ *Wipszycka E.* Resources and economic activities of Egyptian monastic communities. Warszawa, 2011. P. 163.

⁴ *Bagnal R.S.* Egypt in the Byzantine world, 300-700. Cambridge, 2007. P. 341.

⁵ *Чумту Д.* Град пустыня. СПб., 2007. С. 191.

власть провинции (Evagr. H.E. 3.22). Пётр принял решение выразить анафему решениям Халкидона и его приверженцам. Для верификации данного действия специально были приглашены знаменитые подвижники Илия и Пётр Ивер (Zachar. H.E. 6.2). В их присутствии Пётр Монг произнёс анафему.

Однако в глазах некоторых радикальных антихалкидонитов этого оказалось недостаточно. Они требовали разрыва отношений с другими патриархами, которые замалчивали или соглашались с решениями Халкидона. Пётр Монг отказался выполнять данное требование (Zachar. H.E. 6.2).

Именно поэтому в результате длительного и запутанного разбирательства часть этих взбунтовавшихся монахов бежала в Маюмский монастырь¹. Уже в окрестностях Газы их группа получит наименование «безглавые» (ἀκέφαλοι). Они не желали никаких компромиссов с официальной иерархией и сами не пытались её реконструировать (Historia patriarcharum Alexandrinorum II. 13). В качестве причины для такого отказа указывается, то, что один из предполагаемых кандидатов отказался от рукоположения (Ps. Zachar. Chron. 6.2). Результатом этого раскола стал отказ «безглавых» от общения с александрийским патриархом (Lib. Brev. 18). Данная группа оппозиционной части монашества просуществует ещё какое-то время. К примеру, нам известно, что будущий патриарх и систематизатор монофизитства Севир Антиохийский принял постриг именно в рядах «безглавых» (Zachar. V. Sev. 137).

Таким образом, можно сказать, что монахи являлись неотъемлемой частью функционирования египетской церкви. Взаимодействие патриархов и монашеских общин происходило по двум векторам – это полная поддержка друг друга и разногласия по вопросу халкидонизма.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE MONOPHYSITE PATRIARCHS OF ALEXANDRIA AND MONASTICISM IN THE FIFTH CENTURY

V.A. Likhosherstov (Belgorod)

The article examines the interaction of the monastic communities of Egypt and the Monophysite patriarchs of Alexandria at the initial stage of the development of Monophysite in the region. The question of the policy towards Chalcedonites and the irreconcilable position of monasticism in its relation deserves special attention.

Keywords: Early Byzantium, Late Antiquity, Monophysites, monasticism, Alexandria.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ЕГИПТА

А.Ю. Елисеева (Белгород)

Статья представляет собой краткий обзор истории изучения Египетского региона в период Поздней античности – Ранней Византии. Приведены основные работы отечественных и зарубежных ученых по истории Египта и главных центров развития

¹ Kosinski R. The emperor Zeno religion and politics. Cracow, 2010. P. 187.

христианства и культуры. Кроме того в статье рассмотрены труды авторов, изучающих регион с точки зрения концепции континуитет-дисконтинуитет, Поздней античности, а также гендерного подхода и истории повседневности.

Ключевые слова: Египет, Византия, историография, Поздняя античность, культура, религия, археология, социальная структура, христианизация, монашество.

Египет IV-VI вв. представляет собой неотъемлемую часть Византийской империи, в которой происходили уникальные культурно-религиозные процессы. Происходит христианизация региона, которая повлияла на смену культурных парадигм¹, изменения социальных структур общества, ориентиров в экономике, образовании и общественной жизни, а также перестройки городов и архитектурных сооружений. Переходный и, во многом кризисный период, в истории региона привлекал немало как отечественных², так и зарубежных исследователей³.

Многие ученые рассматривали Египет, прежде всего, как центр зарождения монашества и становления христианской религии⁴. Этот процесс описан в работах П.С. Казанского⁵, В.В. Болотова⁶, А.И. Лебедева⁷.

В зарубежной историографии имеется ряд обобщающих исследований по вопросам зарождения и развития монашества в Египте⁸.

Книга «Град Пустыня» (The Desert City) 1966 г., написана доктором богословия, священником англиканской церкви отцом Дервасом Джеймсом Читти (1901–1971 гг.). Она представляет собой классический труд по истории древнего монашества, в том числе египетского⁹. Вводный очерк в историю

¹ *Haldon J.F.* Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. Cambr., 1990; *Hickey, Anne Ewing.* Women of the Roman Aristocracy as Christian. Ann Arbor, 1987; *Henein M.A.* Le Monachisme Egyptien révélateur de l'âme copte. Limoges, 2008; *Monastics: A sociological and cultural analysis of motivation (Studies in Religion 1).* Nashville, 1983.

² *Толмачева Е.Г.* Копты: Египет без фараонов. М., 2003.

³ *Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. III. СПб., 2007; *Cameron Av.* Continuity and Change in sixth-century Byzantium. L., 1981.

⁴ *Лурье В.М.* Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте: Т. 1. СПб., 2000., *Coquin G.R.* Evolution du monachisme égyptien // Le Monde Copte. Limoges, 1993. P. 15-24, *Hardy H.R.* Christian Egypt: Church and People. Christianity and Nationalism in the Patriarchat of Alexandria. N.Y., 1952.

⁵ *Казанский П.С.* История православного монашества на Востоке. Т.1. М., 2000.

⁶ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. В 4 тт. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994.

⁷ *Лебедев А.П.* Рассказы по истории христианской аскетической жизни. М., 1882; *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X в. СПб., 1998; *Лебедев А.П.* Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004.

⁸ *Burton-Christie D.* The Word in the Desert and the Quest for Holiness in Early Christian Monasticism. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993; *Wipszycka E.* Moines et communautés monastiques en Égypte, IVe – VIIIe siècles. Varsovie, 2009. *Ramez B.* Early Women's Asceticism and Monasticism in Egypt. Diss. Toronto, 2012.

⁹ *Читти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. М.: Правило веры, 2009.

монашества, сделанный Д. Читти, может служить отправной точкой для углубления исследований по отдельным направлениям.

Важная обобщающая работа выпущена Л. Реньё. Автор дает обширный очерк «повседневной жизни» монахов первых столетий Византии¹.

Общий ход процесса христианизации империи и его итоги к концу IV в. изучены в монографии М.М. Казакова².

Исследование церковных историй Ранней Византии, их информативных возможностей и общекультурного значения было предпринято И.В. Кривушиным и И.Ю. Ващевой.

Ранневизантийский Египет исследован учеными в рамках специальных исследований, касающихся христианского подвижничества, развития монашества и отшельничества в пустынях³, в том числе и по отдельным регионам⁴.

Как основные районы монашеской жизни были в разной степени исследованы Нитрия, Келлии и Скит, Фиваида, Тавенниси⁵, Аравийская пустыня у Красного моря⁶, а также обители, располагавшиеся на паломнических направлениях.

А.Л. Хосроев специально исследовал монашескую общежительную традицию Пахомия в Верхнем Египте⁷.

Монография А.А. Войтенко посвящена преимущественно текстологии источников⁸.

Одна из работ посвящена Диоскору Афродитскому, копту и христианину, поэту, чиновнику и юристу VI в., который проживал на территории византийского Египта и оставил ряд сочинений⁹. Авторы затрагивают историю повседневности простых жителей населенного пункта Афродито (Афродитополь, ныне Атфих, Средний Египет, правый берег Нила, центр провинции Гиза) на основе данных папирологии и трудов Диоскора Афродитского.

¹ Реньё Л. Повседневная жизнь Отцов-пустынников IV века. М.: Молодая гвардия, 2008.

² Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. М., 2003.

³ Chryssavgis, John. The Road from Egypt to Palestine. The Sayings of the Desert Fathers: Destination and Destiny // *Aram*. 15. 2003. P. 97-108; Guillaumont A. La conception du désert chez les moines d'Égypte // *Revue d'histoire religieuse*. 1975. 188. P. 3–21.

⁴ Evelyn-White, Hugh G. The Monasteries of the Wadi'n Natrun. Part II: The History of the Monasteries of Nitria and of Scetis. New York: Metropolitan Museum of Art, 1932.

⁵ Goehring, James E. The «Letter of Ammon» and Pachomian Monasticism. Berlin; New York: de Gruyter, 1986. 368 p.

⁶ Judge E.A. Fourth Century Monasticism in the Papyri // *Proceedings of the XVI International Congress of Papyrology*. Chicago, 1981. P. 612–620.

⁷ Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003.

⁸ Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в. М.: ЦЕИ РАН, 2012.

⁹ MacCoull L.S.B. Dioscorus of Aphrodito: His Work and his World (The transformation of the classical heritage, XVI). Berkeley: University of California Press, 1988.

Благодаря объёмному корпусу источников – письмам аввы Шенуте, ряд авторов приступил к изучению двойного Белого монастыря в Верхнем Египте (близ Сохага). Сочинения Шенуте долгое время использовались лишь незначительно¹, и лишь недавно эта масса текстов стала изучаться в исторической перспективе с тем вниманием, которого она заслуживает.

В 2002 г. Ребекка Кравиц, сотрудник известного центра коптологии Бентли Лейтон, опубликовала монографию о Шенуте и монахинях Белого монастыря².

Статья С. Эммеля³ также посвящена сочинениям одного из видных религиозных деятелей IV-V вв., авве Шенуте. Труды Шенуте представляют собой не только большой корпус данных о внутренней жизни монастыря и особенностях дисциплины в нем, но и открывают многие подробности религиозной жизни вокруг близлежащей столицы округа – Панополя.

Отдельное исследование Каролины Гинс⁴ рассматривает вопросы религии и культуры, социально-экономические и административные аспекты, а также археологические памятники Панополя (современный Ахмим). В ранневизантийский период город располагался в 450 км к югу от Каира и был столицей девятого нома, который простирался по обе стороны р. Нил.

Об особенностях развития византийских городов говорил Г.Л. Курбатов⁵. Также ученый обращал внимание на особенности переходного периода от античности к средневековью⁶.

Жизни египетской деревни посвящена монография Дж.Р. Руфини⁷.

В статье Фила Буфа⁸ рассматривается Северов епископат в Египте, а также труды Дамиана Александрийского и других выдающихся епископов, которые могли повлиять на усиление региона. Работа охватывает преимущественно VI-VII вв.

Причинам обращения в христианство и гибели язычества в эпоху Поздней античности посвящена монография А.Б. Ковельмана⁹. Мысли и

¹ *Leipoldt J.* Shenute von Atripeund die Entstehung des national agyptischen Christentums. Leipzig, 1903.

² *Krawiec R.* Shenoute and the Women of the White Monastery. Egyptian Monasticism in Late Antiquity. New York, 2002.

³ *Emmel, Stephen.* Shenoute the Archimandrite. The Extraordinary Scope and Difficulties of His Writings // Journal of the Canadian Society for Coptic Studies. 10. 2018. P. 9-36.

⁴ *Geens K.* Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200-600). Leuven, 2007.

⁵ *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л.: ЛГУ, 1971.

⁶ *Курбатов Г.Л.* История Византии (от античности к средневековью). М.: Высшая школа, 1984; *Курбатов Г.Л.* Ранняя Византия IV-VII вв. – позднеантичное общество // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. 2001. С. 3-20.

⁷ *Ruffini G.R.* Life in an Egyptian village in late antiquity. Aphrodito before and after the Islamic conquest. Cambridge, 2018.

⁸ *Booth Ph.* A circle of Egyptian bishops at the end of Roman rule (c.600): Texts and contexts // Le Muséon, 131(1-2). P. 21-72.

⁹ *Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид (Массовое сознание римского Египта). М., 1988.

чувства египетского населения он изучает преимущественно по папирусам: сохранившимся письмам людей, жалобам и прошениям. Это позволяет проследить то, как повседневные заботы вытесняются рассуждениями о религии, социальном порядке, выявляются кризисные явления и появляется новая массовая культура.

Значительное количество исследований принадлежат перу Питера Брауна, основателя концепции Поздней античности, приверженцу гендерного подхода и истории частной жизни данного переходного периода¹.

Ряд ученых в отечественной литературе были сторонниками теории континуитета между античной и византийской эпохами². В последние годы различные аспекты данного процесса (от живописи и литературы, до социальной и частной жизни) разрабатываются в духе концепции Постклассического мира научной школой Н.Н. Болгова (научное направление кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»)³.

В своих исследованиях коллеги затрагивали как частные вопросы истории административных и культурных центров Египта. Статья М.А. Рудневой затрагивает историю Александрии в начале VII в⁴.

Зарубежные авторы, преимущественно англоязычные, накопили уже довольно значительный опыт исследований по вопросам смены культурных парадигм в Египте в связи с христианизацией региона. Многие исследования лежат в рамках гендерного подхода⁵. Книги Джиллиан и Элизабет Кларк – принадлежат к числу наиболее глубоких работ в контексте сопоставления христианского и языческого образов жизни⁶.

Несомненно, ранневизантийская эпоха в Египте привлекает внимание именно яркой победой христианства над язычеством и связанными с этим

¹ *Brown P. Late Antiquity // A History of Private Life. Vol. I: From Pagan Rome to Byzantium / ed. P. Veyne. Cambridge, Mass. 1987; Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1989; Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988; Brown P. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982.*

² *Удальцова З.В. Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии // Византийские очерки. 1981. С. 3-22.*

³ *Болгов Н.Н. Поздняя античность: история и культура. Белгород: БелГУ, 2009; Болгов Н.Н. Власть и общество в эпоху поздней античности (к постановке проблемы) // Власть, человек, общество в античном мире. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 161-167; Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009.*

⁴ *Руднева М.А. История Александрии в 1-й пол. VII в. // Кондаковские чтения – VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы VI международной научно-практической конференции. Белгород, 2019. С. 214-222.*

⁵ *Wipszycka E. L'ascetisme feminine dans l'Egypte de l'Antiquite tardive: Topoi litteraires et forms d'ascese // Le role et le statut de la femme en Egypte Hellenistique, Romaine et Byzantine. Paris; Leuven, 2002. P. 355-396; Wipszycka E. Moines et communautés monastiques en Égypte, IVe – VIIIe siècles. Varsovie: Journal of Juristic Papyrology, 2009.*

⁶ *Clark, Gillian. Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Lifestyles. Oxford, 1993; Elm, Susannah. The Organisation and Institutions of Female Asceticism in Fourth-Century Cappadocia and Egypt. Oxford, 1987 (diss.).*

явлением процессами в культуре, социальной структуре, мировоззрении, образе жизни и поведении людей. В то же время, необходимо признать, что Египет был чрезвычайно важен для Византии в экономическом отношении. Для более глубокого понимания процессов трансформации культуры и религии, необходимо также владение вопросами административного деления и устройства региона как неотъемлемой части империи.

Фундаментальными трудами по изучению Египта в период поздней античности являются работы Роджера Багналла¹. В книге «Египет в поздней античности»² объединена информация об административном устройстве, культуре и экономике региона в II-V вв. Это обширное и чрезвычайно подробное исследование региона.

Информацию по отдельным городам и номам Египта можно почерпнуть из коллективной работы под редакцией того же Р. Багналла³. Глубокое и разностороннее исследование удалось благодаря труду целого ряда ученых – 21 специалиста из разных стран, работавших в над вопросами экономики, социальных страт, светских должностей и духовных чинов, языка, литературных произведений и их авторов, христианизации, проявившейся во многих сферах жизни Египетского региона.

Историю Коптской церкви и её патриархов описал в своей работе С. Дж. Девис⁴. Его взгляд строится на апостольской преемственности и том, как формировалось самовосприятие и религиозная идентичность египетской церкви в Поздней античности. Также в работе затронуты не только личности патриархов, но и их взаимоотношения с самой церковью в условиях местных реалий.

Жан Люк Фурне рассматривает некое противостояние и взаимосвязь египетских (коптских) и греческих элементов в языке, юридических и религиозных аспектах.⁵

Таким образом, в мировой историографии проведено достаточно много исследований, касающихся истории Египта в эпоху Поздней античности. В основном, исследования касались христианизации региона, работ древних авторов и духовных лидеров, а также экономики и административного устройства византийского Египта. Однако на сегодняшний день нет исчерпывающих работ, отражающих общие и специфические черты главных культурных центров региона.

Дополнительные возможности по изучению белых пятен в египетско-византийской истории открывают материалы современных археологических

¹ *Bagnall R.S., Frier, B.W.* The demography of Roman Egypt / Cambridge Studies in Population, Economy and Society in Past Time. 23. Cambridge, 1994,

² *Bagnall R.S.* Egypt in late antiquity. Princeton, 1993.

³ *Egypt in the Byzantine World: 300–700* / Ed. R.S. Bagnall. Cambridge. 2007.

⁴ *Davis, Stephen J.* The Early Coptic Papacy. The Egyptian Church and Its Leadership in Late Antiquity. Cairo, 2017.

⁵ *Fournet, Jean-Luc.* The rise of Coptic: Egyptian versus Greek in late antiquity. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2019.

раскопок, что несомненно привлекает многих исследователей-византинистов и египтологов.

ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE CULTURAL CENTERS OF EARLY BYZANTINE EGYPT

A.Yu. Eliseeva (Belgorod)

The article is a brief overview of the main publications on history the Egypt in late antiquity. There are works of domestic and foreign scientists, which speak about the development of Christianity and culture. The article contains the work of authors explored the region from the point of view of the concept of continuity-discontinuity, late antiquity, gender approach.

Key words: Egypt, Byzantine, historiography, late antiquity, culture, religion, arhaecology, social structure, Christianization, monasticism.

СПЕЦИФИКА ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПИСИДИИ (АНТИОХИЯ)

А.Ю. Пашкова (Белгород)

В статье на основе комплексного анализа историографии предпринимается попытка изучить особенности зарубежных и отечественных исследований ранневизантийской Писидии на примере Антиохии.

Ключевые слова: Писидия, Византия, историография, Антиохия.

В 1-й пол. XIX в. столица Писидии Антиохия привлекла внимание первых путешественников¹. Самый ранний опубликованный отчет, описывающий и идентифицирующий местоположение Писидийской Антиохии близ Ялвача, был написан английским путешественником Фрэнсисом В. Арунделлом, который в течение 12 лет (1822-1834 гг.) проявлял интерес к его классическим и особенно христианским древностям. В 1828 г. он опубликовал отчет о путешествии, совершенном им в 1826 г. по семи церквам Азии. Позже он проделал экспедицию во внутренние районы Малой Азии осенью 1833 г., главной целью которой было – определить местоположение Антиохии Писидийской². Результаты этого путешествия были опубликованы в двух томах «Открытия в Малой Азии: включая описание руин нескольких древних городов и особенно Антиохии Писидийской».

Арунделл и его спутники приблизились к своей цели с запада, через древние города Эвмению, Апамею и Аполлонию. В среду, 7 ноября 1833 г., он увидел остатки акведука (все еще самые поразительные руины Антиохии)³. Там Антиохия Писидийская была открыта для современной науки.

¹ Mitchell S., Waelkens M. Pisidian Antioch: The Site and Its Monuments. London: Classical Press of Wales, Duckworth, 1998. P. 120.

² Arundell Fr. V.J. Discoveries in Asia Minor: Including a description of the ruins of several ancient cities, and especially Antioch of Pisidia. Vol. 2. London: Bentley, 1834. P. 60.

³ Ibid. P. 63.

Следующий отчет об Антиохии был написан У. Дж. Гамильтоном, чьи путешествия 1835 г. были описаны в двух томах «Исследований в Малой Азии, Понте и Армении» (1842). Он прибыл в Антиохию с севера, перейдя Султан-Даг из Афон-Карахисара, и снова акведуки были первыми руинами, которые увидели исследователи. Гамильтон намеренно сделал свое описание руин кратким, чтобы не дублировать работу своего предшественника. Как и Арунделл, он обошел городище с запада, пропустив городские ворота, но осмотрев базилику, которую он принял за храм или церковь. Также на его пути оказалось здание терм с двумя арочными сводами, фундаменты массивных стен, а также акведуки¹. На городской стороне долины, которую пересекает акведук, он увидел остатки высокой башни, вероятно, принадлежавшей цистерне, из которой вода распределялась по городу. Предположительно, это был Нимфейон². С того места, где акведук входил в город, ученый наблюдал низкий узкий тротуар, простирающийся от него с юго-востока на юг вглубь города.

В 1859 г. О.Ф. фон Риттер смог подвести итоги исследований Арунделла и Гамильтона. В ходе путешествия по Леванту Рихтер пересек Малую Азию из Аланьи через горы Тавр к озеру Бейшехир и на север в Ялвач. В Ялваче он отметил множество древних фрагментов и скопировал одно из ранних латинских надгробий ветеранов галльского легиона³. Он осмотрел целую часть круглой колонны, карниз, красивый фриз из серого мрамора с цветочным орнаментом. Он оставил дневник, который был опубликован Иоганном Эверсом. Нет никаких сомнений в том, что руины, которые описывает Рихтер, принадлежали императорскому святилищу в Антиохии.

Американец Дж.Р.С. Стерретт совершил поездки в Малую Азию в 1884 и 1885 гг., посетив Антиохию. Результаты его первого путешествия были опубликованы в 1888 г., но он отметил, что «руины Антиохии Писидии были достаточно подробно описаны прежними путешественниками, так что дальнейшее описание их мной излишне».⁴

Следующие археологические наблюдения, имеющие какое-либо значение, были сделаны Г. Вебером, который опубликовал описание акведука с несколькими заметками о других частях участка. К моменту посещения Вебером количество все еще стоящих арок акведуков сократилось с 21 до 19. Выше точки, где акведук соединялся с предполагаемой линией городской стены, Вебер нашел остатки прямоугольного здания размером 32x13 м,

¹ *Hamilton W.J.* Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia: with some account of their antiquities and geology. Vol. 1. L.: Murray, 1842. P. 382.

² *Ibid.* P. 383.

³ *Larchenko V.N.* Otto Friedrich von Richter and the Egyptian collection of the Kramskoy Regional Museum of Fine Arts (Voronezh). // *Ancient Egypt. Studies on the occasion of the 150th Birthday Anniversary of V.S. Golenischev. Annual of the Association of Ancient Egypt Studies «МААТ».* Vol. II. Moscow, 2006. P. 126.

⁴ *Sterrett J.R.* Sitlington. Leaflets from the notebook of an archaeological traveler in Asia Minor. Austin: University of Texas, 1889. P. 7.

которое было «высокой башней или резервуаром Гамильтона»¹. Его эскизный план не оставляет сомнений в том, что это был Нимфейон.

Далее настает эпоха У.М. Рамсея, чье имя доминирует в истории исследования этого места в течение почти пятидесяти лет. Но удивительно, что в его опубликованной работе 1880-х и 1890-х гг. почти нет упоминаний об Антиохии, ее руинах или даже ее надписях. Рамсей вернулся в регион в 1905 г.: «Положение Антиохии очень хорошее, но местность сейчас пустынна, заброшена и лишена руин, которые обладали бы каким-либо интересом или красотой»². Он опубликовал хорошую фотографию и признал, что строительство города было «работой лучшего периода»³.

Стоит отметить, что Рамсей еще не раз вернется в Антиохию для проведения раскопок и изучения этой местности. В 1911 г. он разбил лагерь в Антиохии, и начались систематические исследования города. Уильям М. Колдер исследовал святилище Мена, которое располагалось на холме Каракую, в 5 км к юго-востоку от Антиохии. В следующем году раскопки проводились под руководством Рамсея при поддержке Принстонского университета. Во время этих раскопок до 1914 г. были раскопаны некоторые важные постройки в городе и его окрестностях.

В 1914 г. было сделано великое археологическое открытие: *Res Gestae Divi Augusti*, которые были политическим завещанием первого римского императора, были найдены в виде фрагментов перед святилищем Августа. Был издан и ряд новых публикаций⁴.

У.М. Рамсей возобновил раскопки в 1923 г. В 1924 г. Фрэнсис У. Келси из Мичиганского университета организовал большую экспедицию, в которую входил и Рамсей. Раскопки проходили под руководством Дэвида М. Робинсона и были сосредоточены на Великой базилике, Площади Тиберия, Пропилоне и монументальных воротах. Затем, всего через год раскопок, работа группы Мичиганского университета прекратилась из-за споров между Рамсеем и Робинсоном.

В 1924 г. командой Мичиганского университета были раскопаны Западные ворота. На воротах с обеих сторон были надписи, установленные на архитравах и состоявшие из индивидуально отлитых бронзовых букв с монтажными выступами на обратной стороне. Эти выступы закреплялись свинцом в отверстиях, вырубленных в камне. Робинсон сделал поспешный вывод о том, что надпись относится к Гаю Юлию Аспру, который был проконсулом провинции Азия в 212 г., и в течение многих лет эта дата считалась датой строительства ворот. В течение последних лет Морис Бирн работал над архивами экспедиции 1924 г. и установил, что надпись относится

¹ *Weber G.* Lehrbuch der Weltgeschichte. Leipzig: W. Engelmann, 1888.

² *Ramsay W.M.* Cities of St. Paul: Their influence on his life and thought. New York: A.C. Armstrong, 1908. P. 247.

³ *Ibid.* P. 250.

⁴ *Ramsay W.M.* Colonia Caesarea (Pisidian Antioch) in the Augustan Age // *The Journal of Roman Studies*. 1916. Vol. 6. P. 83-134.

к члену знатной антиохийской семьи Пансинианов, которых известно несколько поколений.

Рамсей снова вернулся на это место в 1925-1927 гг., но без особых результатов. Роль этого ученого в изучении города заслуживает отдельного, более глубокого изучения. В последние годы издаются его материалы¹.

В последние годы XIX в. и первые три десятилетия XX в. Писидийская Антиохия и, в меньшей степени, ее сестринские колонии, как отмечает Б. Левик, были предметом многочисленных отдельных статей.

Затем исследования не проводились вплоть до 1960-х гг. В течение этого длительного перерыва многие архитектурные блоки основных зданий использовались местными жителями для строительства Ялвача. В этот период огромное количество хорошего строительного камня, обнаруженного в результате раскопок Робинсона, местные жители перенесли в современный город – это почти все прямоугольные плиты лестницы Пропилона и Площади Тиберия. К счастью, другие памятники подвергались менее систематическому разграблению. Четыре фундаментальных блока из палестры в северо-западном углу участка, которые были сфотографированы на месте в 1924 г., исчезли к 1960-м годам. Некоторые камни из городских ворот, в том числе три пилястровые капители, попали в современный город, но большинство известняковых блоков можно увидеть сегодня там, где они были раскопаны.

В 1962 г. М. Х. Балланс и А. Фрейзер провели новое подробное исследование городища. К. Тухельт начал вести работы на городище в 1976 г. и вызвал новые споры об императорском святилище.

Стивен Митчелл и Марк Вилькенс провели новое исследование и документирование Антиохии Писидийской в 1982-1983 гг.

Ныне Антиохию изучают Мехмет Ташлиалан, директор музея Ялвача (1979-2002 гг.), и Текин Байрам, мэр Ялвача. Ташлиалан написал докторскую диссертацию об императорском святилище и описал Великую базилику, отождествив ее как церковь св. Павла.

В историографии 2-й пол. XX в. и начала XXI в. Антиохия в Писидии нечасто становилась предметом исследований. Фундаментальная работа Д. Мэджи обобщает материал по всей Малой Азии в римский период², частично затрагивая и Антиохию Писидийскую. История римских колоний на юге Малой Азии исследована в монографии Барбары Левик³, частично затронута и Антиохия. Книга Юджина Лейна «Corpus Monumentorum Religionis Dei Menis»⁴ обобщает находки в святилище Мена. В 1974 г. Эрнст Китцингер проанализировал ранневизантийские мозаики из Антиохии Писидийской.⁵

¹ *Byrne M.A., Ramsay W.M., Labarre G. New inscriptions from Antioch of Pisidia: According to the Note-books of W.M. Ramsay. Bonn: R. Habelt, 2006. P. 273.*

² *Magie D. Roman Rule in Asia Minor. V. 1. Princeton, UP, 1950.*

³ *Levick B. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford: Clarendon, 1967.*

⁴ *Lane E. Corpus Monumentorum Religionis Dei Menis (CMRDM). Leiden: Brill, 1971.*

⁵ *Kitzinger E. A Fourth Century Mosaic Floor in Pisidian Antioch. Mansel's Armagan: Mélanges Mansel / Ed. E. Akürğal, U. Bahir Alkim. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1974. P. 385-395.*

В последнее время ежегодные отчеты Мехмета Ташлилана¹ в серии Müze Kurtarma Kazlar Semineri вводят в оборот результаты новых открытий. В настоящее время единственной обобщающей авторской монографией по археологии и истории Антиохии Писидийской является исследование Митчелла и Вилькенса² с описанием основных памятников. Важное значение имеет новая коллективная монография о римско-ранневизантийском периоде истории Антиохии Писидийской.³

В начале нового столетия была проведена международная научная конференция по Антиохии Писидийской⁴. Появляются и иные публикации⁵. Особенно популярны культ и храм бога Мена⁶; эпиграфика.⁷

К сожалению, Антиохия Писидийская практически не привлекала внимания отечественных исследователей (небольшое исключение – участие в отечественных специалистах в естественно-научных обследованиях⁸), как и до недавнего времени Писидия в целом. Изучение римско-византийской Малой Азии должно занять важное место в отечественной исторической регионалистике.

Итак, Писидийская Антиохия привлекает внимание историков и археологов с начала XIX в. Здесь была найдена копия Res Gestae, близ города находилось хорошо сохранившееся святилище культа бога Мена, а также одна из крупнейших раннехристианских базилик в Малой Азии.

Памятники Писидии начали исследовать и публиковать с первой половины XIX в., во многом благодаря тому факту, что здесь проповедовал апостол Павел; но систематические раскопки начались только в начале XX в. специалистами из Мичиганского университета и университета Джонса Хопкинса.

Статьи о различных аспектах истории Писидии периодически появлялись в течение XX в., но до сих пор не проводилось всестороннего

¹ *Taşlıalan M.* Pisidian Antioch: The Journeys of St. Paul to Antioch. Yalvaç: Museum, 1991.

² *Mitchell S., Waelkens M.* Pisidian Antioch: The Site and Its Monuments. London, 1998. P. 249.

³ *Gazda E.K. (ed.)*. Building a New Rome: The Imperial Colony of Pisidian Antioch (25 BC – AD 700). Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology, 2011.

⁴ *Drew-Bear T., Taşlıalan M., Thomas Ch. (ed.)*. Proceedings of the first international congress on Antioch of Pisidia. Lyon; Paris, 2002.

⁵ *Ossi A.* Architectural Reconstruction Drawings of Pisidian Antioch by Frederick J. Woodbridge // Bulletin of the University of Michigan. Vol. 16. 2005. P. 5-28; *Ossi A.* The Arch of Augustus at Pisidian Antioch: Reconstructing Archaeological Context Through Digital Analysis of an Excavation Archive // American Journal of Archaeology. Vol. 120, Number 3. 2016. P. 411-446.

⁶ *Demirer Ü.* Pisidian Antioch: St. Paul, Sanctuary of Men. Ankara: Yalvaç Museum, Dönmez Offset, 2002; *Labarre G.* The God Men and his sanctuary in Antioch of Pisidia. Femelmont: Modulaires Européennes, 2010.

⁷ *Ruggieri V., Filipovic A.* Antiochia di Pisidia. Qualche considerazione epigrafica e liturgica. Napoli: La parola del passato, G. Macchiaroli, 2007.

⁸ *Taşlıalan M., Bagnall R., Smekalova T., Smekalov S.* Magnetic Survey on the Acropolis of Pisidian Antioch // Archaeologia Polona. 41. 2003. P. 278–280.

исследования топографии города и сохранившихся зданий. Антиохия Писидийская практически не представлена в отечественной историографии.

Новый цикл археологических работ ведется в Антиохии Писидийской непрерывно с 2009 г. Первоначально работой руководил Мехмет Ташлыалан, директор музея в Ялваче. В настоящее время директором раскопок в Антиохии Писидийской является Мехмет Ожанлы, заведующий кафедрой археологии Университета Сулеймана Демиреля в Испарте. Каждый год эти раскопки приносят много неожиданных открытий, и в будущем можно ожидать последующих новаторских результатов, поскольку до сих пор было раскопано лишь несколько процентов площади древнего города.

В 2013 г. археологи обнаружили две массовые могилы. Тела были спрятаны в двух колодцах, один из которых находился на римской вилле, а второй – вдоль улицы Кардо. В 2015 г. был найден скальный рельеф возрастом 1800 лет. На ней изображены ангелы, собирающие виноград из корзины. В том же году было объявлено об одном из самых больших открытий, сделанных до сих пор в Писидийской Антиохии. Исследователи раскопали остатки четвертой церкви в городе. Поскольку археологи установили, что в городе было семь районов, поиски остальных трех церквей продолжаются. В 2017 г. археологам удалось идентифицировать рельефы, изображающие гладиаторские бои, демонстрирующие наличие гладиаторской школы в Антиохии. Они также показали, что театр был местом, где помимо художественных представлений устраивались гладиаторские бои.

Таким образом, спецификой историографии истории ранневизантийской Писидии является сосредоточение внимания на столичных городах, прежде всего, Антиохии. Второе место по вниманию специалистов занимает Сагаласс. Остальные городские центры лишь начинают изучаться археологически.

THE SPECIFICS OF THE HISTORIOGRAPHY OF EARLY BYZANTINE PISIDIA (ANTIOCH)

A.Y. Pashkova (Belgorod)

The article is based on a comprehensive analysis of historiography, an attempt is made to study the features of foreign and domestic studies of early Byzantine Pisidia.

Keywords: Pisidia, Byzantium, historiography.

ЛАВРА СВ. ЕВФИМИЯ В ИУДЕЙСКОЙ ПУСТЫНЕ В VI в.

Ю.В. Шелудченко (Белгород)

В статье описывается светская и религиозная жизнь святого Евфимия в Иудейской пустыне от прихода к иноческой жизни до основания монастыря и смерти самого Евфимия. Основными событиями, описанными в житиях Кирилла Скифопольского, являются события, происходившие в Иудейской пустыне при жизни и деятельности святителя Евфимия.

Ключевые слова: христианство, монастырь, Иудейская пустыня.

Монастырь Евфимия, носящий его имя, был одним из важнейших монастырей в Иудейской пустыне¹. Евфимий был образцовым монахом и первопроходцем для многих монахов в Иудейской пустыне. Благодаря его сильной личности его монастырь стал самым важным и центральным среди монастырей Палестины в V в. Можно с достаточным основанием утверждать, что история монастыря вплоть до смерти Евфимия (473 г.) представляет собой историю монашества в Иудейской пустыне в целом. В последующие годы, начиная с конца V в., центр внимания сместился с монастыря Евфимия в Мишор-Адуммим на монастыри Саввы и Феодосия в Кедронской долине.

Фактически, монастырь Евфимия был первым монастырем в Иудейской пустыне, который подвергся полномасштабным археологическим раскопкам. Раскопки начались в конце 1920-х годов и возглавлялись Дервасом Читти, автором книги «Град Пустыня»². Читти сосредоточил свои раскопки на монастырской церкви и прилегающей к ней подземном комплексе погребений. В 1970-х годах объект был снова раскопан Янисом Меймарисом, греческим эпитафом и археологом³. Меймарис расширил места раскопок Читти и обнаружил трапезную рядом с церковью.

В 1987 г. раскопки были возобновлены Йицхаром Хиршфельдом совместно с Ривкой Биргер-Кальдерон под эгидой Института археологии Еврейского университета в Иерусалиме⁴. В ходе раскопок были предприняты особые усилия для сохранения памятника и предоставления надлежащей документации для находок предыдущих раскопщиков. Таким образом, стали понятны различные хронологические этапы существования монастыря.

Основание монастыря Евфимия в Мишор-Адуммим очень подробно описано в «Жизни Евфимия» Кирилла из Скифополя⁵.

В 405 г. Евфимий прибыл в лавру Фаран, в верхнюю часть Нахаль Перат (Вади-Кельт), где он прожил пять лет. Лавра Фаранская позже послужила образцом для основания его монастыря в Мишор-Адуммим. Пять лет спустя Евфимий покинул лавру Фаран и вместе со своим другом Феоктистом ушел

¹ *Sion O. The Monasteries of the «Desert of the Jordan» // LA. 46. 1996. P. 245–264.*

² Результаты раскопок Д. Читти в монастыре Евфимия (Хан эль-Ахмар) не публиковались. Существуют только предварительные сообщения, см.: *Chitty D.J., Jones A.H.M. The Church of St. Euthymius at Khan el-Ahmar, near Jerusalem // PEFQS. 1928. P. 175-178; Chitty D.J. Excavation at the Monastery of St. Euthymius, 1929 // PEFQS. 1930. P. 43-47, 150-153; Idem. The Monastery of St. Euthymius // PEFQS. 1932. P. 188-203.* Книга о монашестве в Египте и Палестине в византийский период (IV-VII вв.): *Chitty D.J. The Desert a City. Oxford, 1966.*

³ *Meimaris Y. The Monastery of Saint Euthymius the Great at Khan el-Ahmar // Wilderness of Judaea: Rescue Excavations and Basic Protection Measures, 1976-1979. Athens, 1989.*

⁴ Раскопки в Хан-эль-Ахмаре были предназначены для подготовки объекта для туристов. Раскопки, возглавляемые указанными авторами, были возобновлены по инициативе Института археологии Еврейского университета в Иерусалиме. Предварительное резюме результатов см.: *Birger R., Hirschfeld Y. Khan el-Ahmar // Hadashot Arkheologiyot, 82. 1988. P. 34.*

⁵ *Kyriillos von Skythopolis, Leben des Euthymius / ed. E. Schwartz. Leipzig, 1939. P. 3-84; Lives of the Monks of Palestine by Cyril of Scythopolis / R.M. Price. Kalamazoo, Mich., 1991.*

вглубь пустыни. Они достигли пещеры в овраге, который был крутым и труднодоступным (в Нахаль Ог, Вади-Мукаллик), и после очищения пещеры своими молитвами они основали вокруг нее киновий, который был первым общежительным монастырем в Иудейской пустыне¹. Этот монастырь, названный в честь Феоктиста, был домом Евфимия около десяти лет (411-421 гг.). Вскоре он прославился как святой человек, и многие поклонники стекались к нему. Среди них было племя сарацин, кочевников пустыни. Члены племени обратились в христианство благодаря влиянию Евфимия и обосновались вокруг монастыря.

Поскольку его одиночество было нарушено, Евфимий решил покинуть монастырь Феоктиста и начать анахоретскую жизнь со своим учеником Домицианом. Они достигли горы Марда (Масада) и некоторое время оставались на ее вершине, питаясь дикими растениями и соляными кустами. Часовня, воздвигнутая Евфимием, позже послужила ядром для небольшой лавры на вершине холма². Евфимий и его ученик Домитиан позже переехали в пустынную область к востоку от Телль-Зиф. Здесь Евфимий основал еще один киновий, названный в честь главного поселения этого района, Капарвариха (Бани Наим)³.

После основания монастыря Капарвариха Евфимий решил вернуться на плато к западу от монастыря Феоктиста. По словам Кирилла, «он очень любил это место, потому что оно было довольно ровным и, в то же время, тихим и освященным свежим воздухом, и, что самое важное, это место было одиноким и не располагалось на проезжих путях». Таким образом, Евфимий и его ученик Домитиан покинули область Зиф и поселились в Мишор-Адуммим, в маленькой пещере, которая позже послужила местом захоронения Евфимия.

Сначала Евфимий воздерживался от основания монастыря на этом месте, а скорее обустроил его как пустынь. Аспабет, вождь сарацинского племени, которого Евфимий крестил и назвал Петром, прибыл на это место и построил все, что требовалось двум отшельникам.

Далее Евфимий выбрал место для лагерей («parembolai») племени сарацин поблизости, нарисовал план своей церкви на земле и одержал победу над архиепископом Иерусалима, Ювеналием, чтобы сделать вождя племени, Асбета-Петра «епископом лагерей»⁴. Положительное отношение Евфимия

¹ О монастыре Феоктиста и его истории см.: *Kühnel G. Wiederentdeckte monastische Malereien der Kreuzfahrerzeit in der Judäischen Wüste // Römische Quartalschrift. 79. 1984. S. 163-188.*

² Об идентификации обители отшельников в Масаде см.: *Hirschfeld Y. Masada during the Byzantine Period – the Monastery of Marda // Eretz Israel. 20 (“Yadin Volume”). Jerusalem, 1989. P. 262-274.*

³ Этот монастырь был идентифицирован как Х. Умм Рухба, примерно в 4,5 км к юго-востоку от Бани Наима, см.: *Hirschfeld Y. Khirbet el-Quneitra – a Byzantine Monastery in the Wilderness of Ziph // Eretz Israel, 18 (“Avigad Volume”). Jerusalem, 1985. P. 243-244.*

⁴ «Лагерь» (parembole) и церковь в его центре были обнаружены в Бир Заре, примерно в 3,5 км к юго-востоку от монастыря Евфимия, см. *Féderlin J.L. Les campements des Arabes chrétiens des ‘parembolis’ au desert de Jérusalem (cinquième et sixième siècle) // La*

к сарацинам было выражено и позже, когда он дал указание восстановить две древние водные цистерны возле своего монастыря, одну для использования монахами, а другую для использования сарацинами.

В обители Евфимия не могли разместиться дополнительные монахи (за исключением третьей кельи, которая могла служить для гостей). Поэтому всякий, кто прибывал и хотел присоединиться к нему в качестве монаха, отправлялся Евфимием в монастырь Феоктиста. Однако через некоторое время прибыли монахи с его родины, и Евфимий согласился превратить это место в лавру. Когда 11 человек собрались вместе с ним, Евфимий поручил Петру, «епископу лагерей», «построить для них маленькие кельи и оборудовать церковь всей (необходимой) мебелью».

Лавра Евфимия была ограничена (насчитывала 12 чел.), и ее монахи жили в необычайно маленьких кельях¹. Как и в Фаранской лавре, монахи проводили большую часть своего времени в одиночестве в своих помещениях и собирались по выходным только для общей молитвы и для пополнения своих келий пищей и сырьем, которое им было необходимо для их традиционного ремесла (плетение корзин и матов и плетение канатов).

Когда лавра была завершена, ее церковь была освящена 7 мая 428 г. в присутствии глав Иерусалимской церкви: Ювеналия, впоследствии архиепископа и патриарха Иерусалима.

Лавра Евфимия была необычной в своем центральном расположении, недалеко от главной дороги между Иерусалимом и Иерихоном². Сотни и тысячи паломников путешествовали по этой дороге между Иерусалимом, Вифлеемом, местами крещения на Иордане и т.д. Многие из этих паломников посещали пустынные монастыри, и их пожертвования были основным источником дохода для этих монастырей. Таким образом, близость лавры Евфимия к дороге паломников была важным фактором, способствовавшим ее успеху и процветанию.

Паломники, путешествуя индивидуально или в группах, зачастую решали посетить монастырь Евфимия, поскольку, помимо славы его основателя, он находился в легкодоступном месте. Фактически, по словам Кирилла, имущество лавры стало увеличиваться, а число ее членов возросло до пятидесяти. Чтобы разместить их, были построены дополнительные кельи и куплены вьючные животные для удовлетворения растущих потребностей сообщества.

Terre Sainte. 24. 1907. P. 177-184; *Hirschfeld Y.* Monastery of St. Euthymius // *Survey and Excavations, Excavations and Surveys in Israel*, 3. 1984. P. 43-44.

¹ В 457 г. Мартирий и Илия, обученные в Египте в качестве монахов, прибыли в лавру. По словам Кирилла, эти двое решили покинуть лавру, потому что «кельи лавры были очень узкими и неудобными». Мартирий и Илия, вероятно, предпочитали более просторные камеры, в которых можно было принимать гостей и собирать часть имущества. Монашеские концепции этих двоих чрезвычайно важны, поскольку позже каждый из них, в свою очередь, был патриархом Иерусалимским (Мартирий в 478-486 гг. и Илия в 494-518 гг.).

² *Beauvery R.* La route romaine de Jerusalem a Jericho // *RB.* 64. 1957. P. 72-101.

По мере роста монастыря связь между ним и монастырем Феоктиста стала сильнее. Согласно образцу, первоначально заданному Евфимием, киновий Феоктиста служил для обучения новичков. Миряне и молодые монахи, которые все еще были безбородыми и которые прибывали в монастырь Евфимия, отправлялись им в монастырь Феоктиста на длительный период обучения¹.

Монастырь Евфимия также подготовил большое количество монахов, которые достигли высоких церковных постов в Палестине. Например, двое из первых учеников Евфимия, Косма и Стефан, были назначены диаконами церкви Гроба Господня в Иерусалиме (Анастасия), а затем служили на других должностях. Стефан был назначен главой церкви в Иамнии, а Косма был назначен церковным смотрителем в Иерусалиме.

Связи монахов с церковным правлением в Иерусалиме усилили их участие в религиозных вопросах, которые возникли в середине V в. В богословских дискуссиях на соборах Эфеса (449) и Халкидона (451) Евфимий последовательно поддерживал православную фракцию.

После того, как противники-монофизиты получили контроль над епископством Иерусалима, Евфимий удалился из своего монастыря и ушел во внутреннюю пустыню с небольшой группой монахов. Два года спустя Евфимий вернулся в свой монастырь, и его положение стало сильнее, чем когда-либо.

Статус Евфимия как святого человека может быть выведен из его отношений с императрицей Евдокией. До 456 г. императрица поддерживала партию, выступавшую против решений Халкидонского собора. Услышав об отказе Евфимия приехать в Иерусалим, построила башню на самой высокой вершине «восточной пустыни», где она могла встретиться с ним и услышать его учение². Этот пик, обозначенный как Джебель Мунтар, позже был местом, где Савва основал монастырь Схоларий.

В последующие годы после Халкидонского собора монастырь Евфимия достиг пика своего влияния. Весной 457 г. Савва был принят Евфимием, который отправил его в качестве новичка в монастырь Феоктиста. Летом того же года Илия и Мартирий – два опытных монаха – прибыли из Нитрии³. Они какое-то время оставались в монастыре Евфимия, а затем основали свои собственные монастыри: Илия основал две киновии возле Иерихона, а

¹ Так, например, Савва (который впоследствии основал Великую Лавру в Кедронской долине) был отправлен в монастырь Феоктиста на долгие годы для обучения.

² Об этом инциденте и волнующих событиях, произошедших в Иерусалиме после собора в Халкидоне, см.: *Hönigmann E. Juvenal of Jerusalem // Dumbarton Oaks Papers. 5. 1950. P. 209-279.*

³ Мартирий был уроженцем Каппадокии, а Илия происходил из провинции Аравия (Трансиордания). Они оба получили монашеское образование в большом монашеском центре Нитрии в Египте.

Мартирий основал один из самых больших и красивых общинных монастырей в Иудейской пустыне¹.

Приход этих монахов был частью волны монахов, которые приходили в Иудейскую пустыню в то время. Эта тенденция усиливалась не только благодаря личной славе Евфимия, но и благодаря пониманию и единодушию мнений между ним и Ювеналием, новым патриархом Иерусалима (в отличие от ситуации в Египте, где в то время происходили религиозные беспорядки)².

Евфимий был теперь бесспорным лидером монашеского движения в Иудейской пустыне. Этот факт нашел выражение в сети монастырей и ритуальных сооружений, которые окружали его монастырь. Среди них был монастырь Феоктиста, церковь Палаточного лагеря сарацин (*parembole*), башня Евдокии на вершине Джебель Мунтар и другая церковь имени св. Петра, построенная на дороге Иерусалим-Иерихон. Кроме того, монастыри были построены двумя учениками Евфимия: монастырь Мартирия и монастырь Гавриила.

Евфимий скончался 20 января 473 г. в возрасте 94 лет³. Смерть Евфимия ознаменовала конец золотого века монастыря. Его статус в дальнейшем снизился, особенно после того, как он превратился из лавры в киновий.

В 485 г., через 12 лет после смерти Евфимия и через три года после освящения киновия, произошел раскол между ним и монастырем Феоктиста. Непосредственной причиной было наследство Теробона, сына Аспабета-Петра, главы племени сарацин, который был крещен Евфимием. По словам Кирилла, Теробон оставил свое имущество обоим монастырям, но монахи монастыря Феоктиста «захватили» тело Теробона и тем самым заявили о своем наследстве.

В результате этого акта общие владения, принадлежавшие монастырям, были разделены забором и башней, а доля Евфимиева монастыря в гостинице, которую они имели в Иерусалиме, была куплена за 200 золотых. На эти деньги аббат Евфимиевского монастыря приобрел гостиницу, принадлежавшую монастырю Харитона (Старая Лавра) на западных холмах Иерусалима.

¹ Остатки монастыря Мартирия в Маале-Адуммим были недавно обнаружены в их полном великолепии, см.: *Magen Y., Hizmi H. The Monastery of St. Martyrius at Ma'ale Adummim // Qadmoniot. 18. 1985. P. 62-92; Magen Y., Talgam R. The Monastery of Martyrius at Ma'ale Adummim (Khirbet el Murassas) and its Mosaics // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries / SBF Collectio Maior, 36 / edd. G.C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem, 1990. P. 91-152; Magen Y. The Monastery of St. Martyriu at Ma'ale Adummim // Ancient Churches Revealed / ed. Y. Tsafirir. Jerusalem, 1993. P. 170-196.*

² О событиях в Иудейской пустыне за этот период см.: *Chitty D. The Desert City. P. 92-93.*

³ Многие из монахов, упомянутых в источниках, описываются как достигшие крайней старости. Так, например, два персонажа «Житий» Кирилла — Иоанн Исихаст и Кириак — умерли в возрасте более ста лет. Иоанн Мосх сообщает о монахе, который умер в возрасте 113 лет, см.: *Johannes Moschus, Pratum Spirituale (ed. M.-P. Migne, PG 87, 3, col. 2953).* Возможно, монашеский образ жизни и существование в пустыне способствовали долголетию монахов.

На сегодняшний день культовые участки монастыря Евфимия являются основными местами, которые были раскопаны: церковь, часовня погребения и склеп под ним. Тем не менее, многие объекты, связанные с повседневной жизнью, все еще скрыты под руинами этого места. Раскопки этих элементов прольют дополнительный свет на комплекс и дополнят информацию из литературных источников, отражающую его природу, когда он был действующим монастырем.

LAVRA OF ST. EUPHEMIAS IN THE JUDEAN DESERT IN THE VI CENTURY A.D.

Yu.V. Sheludchenko (Belgorod)

The article describes the secular and religious life of Saint Euphemia. From coming to monastic life to the foundation of the monastery and the death of Euthymius himself. The main events described in the writings of Cyril of Scythopolis are the events taking place in the Judean Desert during the life and work of Saint Euphemias.

Key words: Christianity, monastery, Judean desert.

АМФОРЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

К.О. Маркова (Тула)

Статья посвящена анализу амфорной тары из раскопок городища Белинское. Многочисленные фрагменты амфор на памятниках позднеантичного и ранневизантийского времени являются едва ли не самым массовым материалом в комплексе археологических артефактов. Изучение этой группы источников позволило определить основные направления торговых связей населения городища с различными производственными центрами тогдашней ойкумены.

Ключевые слова: амфоры, керамическая тара, археологический источник, тип, торговые связи, центр производства.

Многочисленные фрагменты амфор на памятниках позднеантичного и ранневизантийского времени являются самым массовым материалом в комплексе археологических артефактов. Отсюда несомненная важность изучения этой группы источников как для определения времени формирования культурных напластований, так и для выявления направлений торговых связей конкретных поселений с различными центрами тогдашней ойкумены.

В ходе археологических раскопок Белинского городища с 1996 г. по 2021 г. было обнаружено 1870 фрагментов профильных частей амфор, а также археологически целых сосудов и их крупных фрагментов. Керамика эллинистического времени (95 фр.) не учитывалась. В итоге получилось 1775 фрагментов, задействованных в исследовании.

Визуальное изучение найденных в комплексах Белинского городища фрагментов амфор позволило охарактеризовать некоторые особенности, выделить продукцию нескольких производственных регионов.

Абсолютное большинство из них относится к производству южнопонтийских центров, всего около 68,56% (1217 фрагмента): Гераклеи (Шелов С, D, F, E) – 53,07% (942 фрагментов), Синопы (С Snr I/100 по И. Б. Зеест) – 15,49% (275 фрагментов). Третье место занимают амфоры боспорского производства (72-73, 75, 76-77, 78, 82-89, 96-97 по И.Б. Зеест) – 21, 92% (389 фрагментов). Другие центры в меньшем количестве представлены на Белинском городище: Киликия/Кипр (LRI) – 0,68% (12 фрагментов), неопределённый, вероятно, эгейский бассейн (79,80,90 по И.Б. Зеест) – 0,79 % (14 фрагментов) и понтийский бассейн (Антонова V) – 0,56% (10 фрагментов). Кроме того, в исследовании присутствуют фрагменты амфор, оставшиеся неопределёнными, что не меняет общего соотношения объемов.

Светлоглиняные узкогорлые амфоры (С, D, F, E) являются самой распространенной тарой на памятниках Причерноморья римского и позднеантичного времени. Вопросы о центрах производства светлоглиняных амфор в разное время вызвали множество споров. Е.М. Штаерман относит их к о. Кос¹. В.Ф. Гайдукевич утверждал, что оно лежит в пределах Южного Понта², Д.Б. Шелов говорил о синопском происхождении³. В качестве потенциальных производственных центров у исследователей в разное время выступали Танаис, Синопа, Самос, Истро-Понтийский регион, Добруджа. Петрографические анализы показали гераклеийское происхождение всех этих амфор. Это подтвердило и открытие в окрестностях Гераклеи керамической мастерской, изготавливающей подобную тару⁴. Гераклея была крупнейшим экспортером вина в Причерноморье в эпоху эллинизма и восстановила эту торговлю после вхождения в состав Римской империи.

Тип С по Д.Б. Шелову. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа С относятся к типу 94 по И.Б. Зеест⁵, тип «С» по Д.Б. Шелову⁶, типу С IVС Данный тип амфор, по мнению С.Ю. Внукова⁷, по Д.Б. Шелову⁸ производился

¹ Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тире // КСИА. 1951. С. 164.

² Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 52. С. 96.

³ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 12-29.

⁴ Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклеийских) узкогорлых амфор // Российская археология. 2016. №2. С 36.

⁵ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 117, табл. XXXVIII,94.

⁶ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 15.

⁷ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. С. 166.

⁸ Шелов Д.Б. Ук. соч. С. 15.

со второй четверти по конец II в., А.П. Абрамов относит время их бытования к концу I – началу II вв¹.

Фрагменты сосудов этого типа преобладают на городище Белинское на начальном периоде существования городища (начало II – 3-я четверть III вв.) Доля данных амфор достигает 14,99 % всего найденного амфорного материала.

С.Ю. Внуков намечает два хронологических подварианта амфор типа С. Более ранние амфоры подварианта С IVС₁, как правило, крупнее. Они имеют слабо покатые плечики с выраженным перегибом в месте соединения с подконическим туловом. Горло почти вертикальное или лишь немного расширяется книзу. Более поздние сосуды С IVС₂ меньше. У них округлое тулово, выпуклые покатые плечики, плавно переходящие в тулово, и довольно короткое горло, которое также расширяется книзу². Эти сосуды дали начало более поздним амфорам С IVD. Стоит также отметить часто встречающийся на Белинском городище переходный тип С/D, который сочетает в себе признаки обоих типов. Исследователи видят этот переход в пределах конца II – III вв³., на рубеже II-III вв⁴., ближе к середине III в⁵.

Тип D по Шелову. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D часто называют амфорами «танаисского типа» из-за большого количества находок данных сосудов в археологических слоях Танаиса. III столетие как время производства этих амфор является на сегодняшний день самой распространенной в научной литературе датировкой. И.Б. Зеест⁶, И.С. Каменецкий относят их к II-III вв⁷., А.П. Абрамов к концу II – 1-й половине III вв⁸., Д.Б. Шелов⁹, М.Б. Щукин, Т.М. Арсеньева, Д. Кассабаб Тезгёр – к 1-й половине III в¹⁰. С.А. Науменко считает, что амфоры появляются в последней четверти II в. и производятся в течение всего III в.¹¹ Последняя дата длительное время поддерживалась большинством исследователей в связи с тем, что сосуды типа D определялись, в основном, по находкам в Танаисе,

¹ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. №3. С. 49.

² Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры. С. 43.

³ Там же. С. 128.

⁴ Науменко С.А. Торговые связи Танаиса с понтийским регионом // Вестник Танаиса. 2017. Вып. 4. С. 25.

⁵ Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. 2005. Вып. X. С. 81.

⁶ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 117, табл. XXXVII, 91-93.

⁷ Каменецкий И.С. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. №94. С. 29-36.

⁸ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М., 4-135. 1993. С. 46.

⁹ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 18.

¹⁰ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 118.

¹¹ Науменко С.А. Ук. соч. С. 374.

который был разгромлен в середине III в. Отметим, что Д.В. Деопик и О.Ю. Круг, исходя из теоретических предположений, считали, что эти изделия производились и после середины III в.¹ Однако впервые эта гипотеза была подтверждена В.В. Крапивиной, которая обнаружила фрагменты сосудов в комплексах Ольвии конца III в.² По мнению С.Ю. Внукова амфоры варианта С IVD начали производиться в конце II в. – после 251(264?)³. Амфоры типа С IVD появляются в последней четверти II в. и производятся в течение всего III в. В.Ю. Юрочкин, В.Г. Зубарев отмечают, что данный тип амфор является безусловным хроноиндикатором для III столетия⁴.

На Белинском городище этот тип в меньшем количестве представлен среди других узкогорлых светлоглиняных амфор (11,10%), вероятно, из-за обстановки, связанной с готским нашествием, нарушившим морскую торговлю. На городище фрагменты амфор типа D преобладают в слое первого разрушения помещения № 7, сформировавшегося к середине III в.⁵

Тип F по Д.Б. Шелову. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F часто называют по находкам амфор в могильнике Инкерманский «амфоры инкерманского типа»⁶. А.П. Абрамов датирует их производство 2-й половиной III – IV вв.⁷, Д.Б. Шелов – концом III – IV вв.⁸, В.В. Крапивина – IV – началом V вв.⁹, А.В. Сазанов концом III – 1-й половиной/3-й четвертью IV вв.¹⁰, А.И. Айбабин¹¹, И.Б. Зеест¹², Б.В. Магомедов¹³, А.В. Смокотина¹⁴ – IV в.

¹ Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3. С. 242.

² Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 94.

³ Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. №2. С. 44.

⁴ Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // Древности Боспора. Вып. 4. 2001. С. 458.

⁵ Зубарев В.Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у с. Белинское // Древности Боспора. Вып. 5. 2002. С. 122.

⁶ Щужкин М.Б. Вопросы хронологии Черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2. С. 41.

⁷ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3. С. 49.

⁸ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 19.

⁹ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 94.

¹⁰ Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб–Нижегород, 2011. С. 325-327.

¹¹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 253.

¹² Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 122.

¹³ Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52.

¹⁴ Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарёв Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Т. III. Керчь, 2020. С. 510.

На Белинском городище амфоры типа F найдены в заполнении помещений и хозяйственных ям (15,66%), в том числе в хорошо датированных комплексах вместе с развалами амфор типа C Snr I/100 по И.Б. Зеест. Многочисленные находки фрагментов амфор этого типа найдены в закрытом комплексе 2-й/3-й четверти IV столетия (засыпь ямы 7) и слое гибели помещения 7. Грунт заполнения представлен серо-коричневым суглинком с примесью золы. В нем найдены бронзовые боспорские монеты Форфоса (9 шт.) и Радамсада (3 шт.). В 322 г. заканчивается серия монет из ямы. В яме найдены фрагменты амфор типа F по Д.Б. Шелову, тип C Snr I/100 по И.Б. Зеест. Из этого следует, что начало их распространения на городище можно отнести к 1-й четверти IV в. н.э. и датировать 1-й половиной IV – последней четвертью IV вв.¹

Тип E по Д.Б. Шелову. Массивные толстостенные светлоглиняные амфоры являются наименее исследованным вариантом среди узкогорлых светлоглиняных амфор. Вероятно, это связано с их малочисленностью в комплексах Северного Причерноморья. Датированы они концом III – IV вв.², Д.В. Деопик и О.Ю. Круг относят их ко 2-й половине IV – началу V вв.³. А.В. Сазанов разделил их на два варианта: конца IV – середины V вв. и начала V – 2-й четверти VI вв.⁴. Д.Б. Шелов⁵, А.П. Абрамов⁶, Б.В. Магомедов⁷, О.С. Иванова⁸, А.В. Смокотина⁹ датируют их концом IV – началом/1-й половиной V вв.

На Белинском городище амфоры типа E составляют 11,21% и представлены двумя видами:

1. Массивный и довольно грубо сделанный клюковидный венчик близкий к трапеции, диаметр ближе к 7,0 см.

2. Отличаются меньшим размером, по сравнению с предыдущим вариантом, подтреугольным или четырехугольным в сечении венчиком с гребнем сверху, диаметр около 6,0 см.

¹ Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. Вып. 4. 2001. С. 465.

² Зеест И.Б. Ук. соч. С. 122. табл. XLI, 104а-в.

³ Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3. С. 100-102, рис. 1,1,2.

⁴ Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 19.

⁵ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 19.

⁶ Абрамов А.П. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3. С. 50.

⁷ Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52.

⁸ Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Вып. XVII. 2011. С. 303.

⁹ Смокотина А.В. Амфоры позднеимперского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарёв Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III. Керчь, 2020. С. 512.

Данный тип появляется на городище после разрушения конца 1-й четверти IV в. Стоит отметить, что именно в это время большая часть фрагментов найдена на городище вместе с монетами, конечная дата которых определяется как 322 г.¹, что доказывает начало их производства в пределах 1-й половины IV в.

Тип C Snp I/100 по И. Б. Зеест. Амфоры типа C Snp I были выделены турецкой исследовательницей Д. Кассаб Тезгёр в 2010 г. в ходе раскопок гончарных мастерских Демерджи (Синопа). Среди исследователей ведутся споры относительно датировки данных сосудов. И.Б. Зеест относит их к IV в.², Д. Кассаб – к IV–V/началу VI вв.³, В.В. Крапивина⁴, Б.В. Магомедов⁵ – ко 2-й половине IV – середине V в., IV–VI вв.⁶. А.П. Абрамов⁷, А.В. Сазанов⁸, О.В. Шаров⁹, Т.М. Арсеньева¹⁰ на основании находок в Горгииппии, предлагают считать нижней хронологической границей типа середину III в. А.В. Смокотина отмечает, что нельзя исключать возможность случайного попадания и немногочисленных фрагментов в комплексы Горгииппии¹¹. В.Ю. Юрочкин, В.Г. Зубарев считают, что искать нижнюю хронологическую границу типа следует в пределах 1-й половины IV в.¹², то есть, в то время, когда они появились в комплексах Ятруса¹³ и начали производиться в Демерджи. В пользу 1-й четверти IV в. говорят фрагменты C Snp I, найденные на Батарейке I в комплексе с монетой Рескупорида VI 324 г.¹⁴

¹ Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Ук. соч. С. 465.

² Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 80. С. 120, табл. XXXIX, 100.

³ Kassab Tezgör D. Typologie des amphores simnopéennes entre le IIIe s. et le VIe s. ap. J.C. // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope [Varia Anatolica XXII]. Istanbul; Paris, 2010. P. 132.

⁴ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 98.

⁵ Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52–59.

⁶ Кузманов Г. Типология и хронология на ранновизантийските амфоры (IV–VI в.) // Археология. 1973. №17. С. 16.

⁷ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. №3. 49,

⁸ Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины. IV–V вв. ПИФК VII. 1999. С. 224–293.

⁹ Шаров О.В. О появлении амфор типа Делакеу // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 293.

¹⁰ Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // БС. 1995. 6. С. 9–14.

¹¹ Смокотина А.В. Амфоры позднеимского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарёв Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III. Керчь, 2020. С. 512.

¹² Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. №4. 2001. С. 465.

¹³ Boöttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastel Jatrus // Jatrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. 2. P. 33.

¹⁴ Сазанов А.В. Амфоры C SNP I: проблемы классификации и хронологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. №1. С. 107.

Вопрос о верхней границе бытования C Snr I/100 по И.Б. Зеест является весьма дискуссионным. Д. Кассаб считает, что в Демерджи (Синопа) амфоры типа C Snr I/100 по И.Б. Зеест производились на протяжении всего IV и V вв., до начала VI в.¹, А.В. Смокотина верхней границей типа считает конец V – начало VI вв.², О.В. Шаров³, Б.В. Магомедов⁴, В.Г. Зубарев⁵ – середину V в., А. Опайт заходят в начало V в.⁶, А.В. Сазанов считает, что период выхода из обращения, видимо, охватывал последнюю четверть IV – 1-ю треть V вв.⁷.

Многочисленные находки амфор этого типа (15,49%) на городище Белинское в финальной стадии второго периода подтверждают усилившийся товарообмен между населением городища с южнопонтийскими торгово-ремесленными центрами (в слое разрушения городища на рубеже 1-й и 2-й четверти IV в. амфоры C Snr I/100 по И.Б. Зеест доминируют). В слое же, перекрывающем разрушения, количество фрагментов амфор этого типа уменьшается. Стоит отметить присутствие нескольких развалов амфор C Snr I/100 по И.Б. Зеест, зафиксированных в помещении 8 и 10 in situ на момент их разрушения, где фрагменты доминируют в слое жёлтого суглинка, связанного с заполнением помещений в процессе их разрушения⁸. В 2013 г. при раскопках ям 117 и 133 было обнаружено несколько развалов амфор этого типа, относящихся к 5 вариантам и попавших в яму в результате единовременного сброса. На двух фрагментах имеется дипинти красной краской в виде букв *υ* и *ο*, а также косоугольного креста. На ручках двух других – граффити в виде насечек на перегибе ручек. Все вышеописанные граффити являются торговыми метками⁹.

Фрагменты боспорских амфор (72-73, 75, 76-77, 78, 82-89, 96-97) составляют 21,92% от общего числа найденных фрагментов на Белинском городище.

Афоры типа 72-73 по И.Б. Зеест или «мирмекийского типа». Данная группа амфор датируется исследователями по-разному: И.Б. Зеест относил к

¹ *Kassab Tezgör D. Étude du matériel amphorique de la zone Aet de la zone B // Varia Anatolica. XXII. 2010. P. 132.*

² *Смокотина А.В. О хронологии амфор типа C SNP I («Делакеу») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимосвязь культур. XII. Симферополь–Керчь, 2011. С. 358.*

³ *Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. С. 170.*

⁴ *Магомедов Б. В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 54.*

⁵ *Зубарев В.Г. О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище «Белинское» в Восточно Крыму // Древности Боспора. XXVI. 2021. С. 189.*

⁶ *Opait A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan «Carrot» Amphorae // ACSS 16.1–2, 2010. P. 375.*

⁷ *Сазанов А.В. Амфоры с SNP I: проблемы классификации и хронологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 1. 2022. С. 136.*

⁸ *Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. 2005. Вып. X. С. 82.*

⁹ *Зубарев, В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеимперского времени из раскопок городища Белинское // БИ. 2016. №32. С. 90.*

концу II – середине III вв.¹, Б. Бёттгер – к 1-й половине IV в.², Г. Кузманов – к IV в.³, А. Орайт к концу II – середине V вв.⁴, А.В. Сазанов к середине III – последней четверти V вв.⁵.

Амфоры типа 72 и 73 по И.Б. Зеест различаются в основном формой венчика, так как ручки у этих двух типов имеют почти одинаковую профилировку. Иногда по форме ручки и вовсе проблематично определить к какому из типов – 72 или 73 принадлежат сосуды.

На Белинском городище амфоры типа 72-73 по И.Б. Зеест представлены 5,30% в слое серо-коричневого суглинка и в слое желто-коричневого суглинка в сочетании с амфорами типа Д по Д.Б. Шелову, что относит их нижнюю границу к III в. Верхняя хронологическая граница связана с многочисленным сочетанием с амфорами типа С Snr I/100 по И.Б. Зеест, что подтверждает бытование типа 72-73 на городище и в начале IV в. Именно этим временем датируются закрытые комплексы, где встречаются сосуды. Нельзя сказать, что во 2-й половине IV в. производство прекратилось – уменьшается количество хорошо стратифицированных археологически контекстов, где зафиксированы сосуды. К тому же, если исходить из того, что сосуды типа 73 отличаются от типа 72 лишь формой венчика, можно сделать вывод, что время бытования данных сосудов близко.

Тип 75 по И.Б. Зеест. К первому строительному периоду городища относятся амфоры типа 75 по И.Б. Зеест. Отличительной особенностью данного типа амфор является сложная профилировка ручек в виде двух валиков с выемкой между ними. Амфоры датируют И.Б. Зеест⁶ и В.В. Крапивина – II–III вв.⁷. А.П. Абрамов⁸, Е.Ю. Кленина – концом II – 1-й половиной III вв. Место производства амфор не выяснено. И.Б. Зеест, В.В. Крапивина, С.Ю. Внуков высказывали предположения о боспорском происхождении сосудов. Некоторые исследователи предполагали, что они производились в разных центрах Причерноморья, в частности, в Ольвии⁹. Сосуды могли изготавливаться в Балаклаве или Мирмекии. Красноглиняные амфоры со сложнопрофилированными ручками найдены в могильнике Совхоз

¹ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 112.

² Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus — Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin, 1982. Band II. P. 44.

³ Кузманов Г. Типология и хронология на ранновизантийских амфорах (IV-VI в.) // Археология. 1973. С. 15.

⁴ Orait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th centuries AD). P. 27.

⁵ Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 239.

⁶ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 113, табл. XXXI.

⁷ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 99.

⁸ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М., 1993. С. 47.

⁹ Ветштейн Р.И. Местная керамика Ольвии первых веков н.э. // Ольвия. Киев, 1975. С. 165.

10 и разделены были на три варианта. Многочисленные аналоги позволили исследователям датировать их временем не позднее начала III в¹.

На территории Белинского городища амфоры типа 75 часто идут в сочетании со светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа С, позже с типом D и представлены преимущественно (1,92%) в слое II – середины/3-й четверти III вв. Так, амфоры типа 75 по И.Б. Зеест, вероятно, следует датировать II–III вв.

Типы 76-77 по И.Б. Зеест. Амфоры типа 76-77 по И.Б. Зеест повсеместно распространены на Боспоре, но изучены значительно менее детально других амфор боспорского производства. Традиционно их датируют II–III вв².

Полная форма боспорских красноглиняных амфор типа 76 не выяснена, известны только профилированные детали верхней части сосуда. На Белинском городище фрагменты этих сосудов в основном представлены фрагментами ручек треугольной в сечении формы в слое конца I – 1-й половины II – середины/3-й четверти III вв. в сочетании со светлоглиняными узкогорлыми амфорами из Гераклеи Понтийской.

Тип 77 по И.Б. Зеест отличается от вышеупомянутых боспорских амфор только по глиняной массе «пёстрой окраски» (светлокрасного цвета) с характерными крупными округлыми включениями известняка и железистых частиц, примесью песка и редкой мелкой слюды. Исследователи раскопок поселений в Барабановской балке выделили несколько вариантов венчиков и ручек этого типа. Два варианта ручек найдено на Белинском городище: овальные с двумя ребрами на верхней и западиной на нижней стороне и подтреугольные в сечении с желобком на нижней поверхности³. Все они найдены в слое серо-коричневого суглинка вне строительных остатков (0,96%).

Тип 78 по И.Б. Зеест. Плоскодонные амфоры с ручками на плечиках типа 78 по И.Б. Зеест датируются III в. Амфоры этого типа редко встречаются в археологических контекстах позднеантичных поселений. Несколько амфор с ручками на плечах найдены в Илурате, Пантикапее, Танаисе. Небольшой фрагмент дна и фрагмент ручки сосуда этого типа были найдены на Белинском городище в слое 1-й четверти II – середины/3-й четверти III вв. вне строительных остатков (0,28%).

¹ Стржелецкий С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. н.э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum*. №4. 2003–2004. С. 69.

² Самойлова Т.Л. Основные типы амфор I–IV вв. н.э. из Тиры // *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1978. С. 260.

³ Храпунов И.Н. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009. С. 14.

Тип 79 по И.Б. Зеест. Амфоры с высоко поднятыми ручками типа 79 по И.Б. Зеест датируется А.П. Абрамовым¹, И.Б. Зеест², В.В. Крапивиной³ – концом II/началом III вв., О.С. Ивановой⁴ И.Н. Храпуновым, В.П. Власовым, А.В. Смокотиной⁵ – к концу II в., а время их активного использования – III–IV вв.

А. Опайт говорит, что анализ структуры черепка показал, что местом производства амфор является бассейн Эгейского моря⁶. Они имеют широкое распространение на территории Херсонеса, Пантикапея, Горгииппии, Ольвии, Верхней и Нижней Мёзии, Фракии, Добруджи, Тиры, Танаиса, Киммерика, Илурата, Семеновки, Тиритаки в археологических контекстах суммарно датирующихся концом II – IV вв. На городище Белинское несколько небольших фрагментов этого типа были найдены в слое 1-й четверти II – середины/3-й четверти III вв. (0,28%).

Тип 80 по И.Б. Зеест. Красноглиняные амфоры с желобчатыми венцами типа 80 по И.Б. Зеест датируют в пределах II–IV вв. Вопрос о месте производства данных сосудов открыт. В.В. Крапивина полагает, что они производились на Боспоре⁷. Дж. Райли считал, что центры находятся в бассейнах Эгейского либо⁸, И.Б. Зеест говорит о производстве в Средиземноморье⁹.

Амфоры широко представлены на территории Европейского и Азиатского Боспора во II–III вв. Фрагменты данных амфор обнаружены в Ольвии и ее округе, Тире, на территории Нижней Мёзии¹⁰, Греции (Афин, Коринфа, Кипра, Крита), Северной Африки (Бенгази, Александрии). На городище Белинское амфоры типа 80 представлены в небольшом количестве (0,34%) в слое 1-й четверти II – середины/3-й четверти III вв. преимущественно фрагментами ручек.

¹ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. №3. С. 48. Рис. 56,6.24-26.

² Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 114. табл. XXXII.

³ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 95, рис. 29,18-20.

⁴ Иванова О.С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.): сборник науч. ст. под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь-Бахчисарай: Доля, 2013. С. 117.

⁵ Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004-2006 гг.). Симферополь, 2007. С. 8.

⁶ Opait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4 th – 6 th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia. Oxford, 2004. P. 13.

⁷ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 96.

⁸ Riley J.A. The Coarse Pottery from // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. II. Tripoli, 1979. P. 188.

⁹ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 114.

¹⁰ Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. С. 143.

Тип 90 по И.Б. Зеест. Амфоры с воронковидным горлом типа 90 по И.Б. Зеест или типу MRA 18 Benghazi датируют I–II вв.¹, I – серединой III вв.², I–III вв.³, II–IV вв.⁴, I–III вв.⁵, II–IV вв.⁶

Производственный центр данного типа амфор еще не определен исследователями. В качестве предполагаемых центров производства называли о. Кос, Понтийско-Дунайский регион, северную часть Эгейского моря и бассейн Черного моря. На городище Белинское три фрагмента амфор (0,17%) этого типа присутствуют в слое первого строительного периода.

Типы 83-89 по И.Б. Зеест. Розовоглиняные амфоры типа 83-89 по И.Б. Зеест с различными вариантами оттенками предназначались для хранения зерна, соленой рыбы и других хозяйственных запасов. Исследователи обычно датируют их II–III вв.

Розовоглиняные амфоры типа широко распространены в Восточном Крыму, а также на европейской и азиатской стороне Боспора, тогда как в Западном Крыму встречаются крайне редко. Данные сосуды распространены на территории Илурата, Киммерика. Почти целые амфоры найдены в Семеновке, Пантиккпее⁷.

На Белинском городище розовоглиняные амфоры широко (11,77%) представлены ручками в заполнении помещений, хозяйственных ям, слое пожара и в верхнем горизонте слоя 1-й четверти II – середины/3-й четверти III вв. Зачастую бывает сложно распознать, к какому типу относится фрагмент круглой в сечении ручки. Как правило, ручки 83 типа массивнее и шире, чем типы 85, 89, а сам корпус имеет наибольшую широту.

Типы 96-97 по И.Б. Зеест. Крупные красноглиняные пантикапейские амфоры 96-97 по И.Б. Зеест датируются в пределах 2-й половины / конца III – IV/VI вв.⁸, 2-й половины III/IV – VI вв.⁹, концом III – IV вв.¹⁰, 2-й

¹ *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА, 1960. № 83. С. 117, табл. XXXVII, 90.

² *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. С. 48.

³ *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 96-97, рис. 29, 30.

⁴ *Кленина Е.Ю.* Керамические сосуды II–III в. н.э. из усадьбы Близнецы (Хора Херсонеса Таврического). *Poznan*, 2004. С. 27.

⁵ *Иванова О.С.* Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху. Симферополь–Бахчисарай, 2013. С. 121.

⁶ *Riley J.A.* The Coarse Pottery from Berenike // *Excavations at Sidi Khrebish Bendhazi (Berenice)*. Vol. II. Tripoli. 1979. P. 205-207.

⁷ *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. (Очерки экономической истории). М.: Наука, 1966. С. 84.

⁸ *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. С. 119-120, табл. XXXVIII, 96,97

⁹ *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. С. 51.

¹⁰ *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. Киев, 1993. С.100. тип 37, с. 100, рис. 31,14.

половиной/концом IV – 3-й четвертью/концом VI вв.¹, 2-й половиной/концом IV в. и V в.².

Местом производства считается территория городских центров Боспора (тип 96) на Керченском и Таманском полуостровах (тип 97), где раскопаны печи для обжига. Пока лишь в Финагории была найдена обжигательная печь IV в., другие мастерские еще не обнаружены. Амфоры этого типа имели региональное распространение и использовались для перевозки соленой рабы, рыбного соуса, хранения воды (возможно для ритуального омовения), зерна и других продуктов.

Амфоры типа 97-97 распространены на заключительном этапе существования Белинского городища в слое 3-й четверти IV – 1-й половины V вв. Раньше этого времени данные амфоры не были найдены (1,30%).

Тип Антонова V. Круглодонные амфоры типа 98 по И.Б. Зеест или типа V по Антоновой. И.Б. Зеест датирует данные амфоры IV в., а А.В. Сазанов – 2-й четвертью VI – VII вв.³

Мастерские, где производили понтийского типа амфор Антонова V, ещё не найдены, поэтому отнести их к определённому производственному центру учёные не могут. По мнению ряда исследователей, подобные сосуды производились в пределах бассейна Чёрного моря, предположительно на южном его побережье⁴. А.В. Смокотина отмечает, что этот тип амфор имел преимущественно региональное понтийское распространение и наиболее вероятное их изготовление в Причерноморье, предположительно в северной части Малой Азии.

Форма амфор хорошо засвидетельствована находками целых сосудов этого типа. На Белинском городище в 2020 г. крупный фрагмент нижней части амфоры этого типа был найден в заполнении ямы № 169 под вымосткой внутри помещения № 56, остальные – вне строительных остатков (0,56%).

Тип LR IBI. Амфоры типа Late Roman 1 или типа 5 по Хейсу представлены, как и на территории крупных городов, так и на небольших поселениях. Производственные центры этих амфор находились в Киликии и на Кипре. Эти два региона имели различную сельскохозяйственную специализацию (вино и оливковое масло).

Фрагменты амфор типа LR I (вариант LR IBI) на Белинском городище невелики (0,68%) и появляются на финальной его стадии, не выходя за рамки 1-й четверти VI в.

¹ Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 47.

² Смокотина А.В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 264.

³ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 64.

⁴ Смокотина А.В. Торговые связи г. Боспора в конце IV — первой половине VI вв. (по материалам находок амфор) // Боспорские чтения. XVIII. Симферополь-Керчь, 2017. С. 493.

Таким образом, выделив основные типы керамической тары на разных этапах существования городища Белинское, следует отметить, что пик интенсивной жизни на городище приходится на первый и второй строительный период. Население вело торговлю преимущественно с южнопонтийскими производственными центрами. Амфорный материал в первый строительный период характеризуется несомненным доминированием обломков светлоглиняных узкогорлых амфор типа из Гераклеи.

Изменение дальнейшего импорта и появление новых форм сосудов на городище связано с некоторыми переменами в регионе. В середине – 3-й четверти III в. поселения подвергаются определенным разрушениям, скорее всего, связанным с нашествием готских племен, нарушившим торговлю. Разрушения середины III в. не привели к окончательной гибели Белинского городища. Напротив, к концу III в. общая территория застройки внутри периметра расширяется, продолжаются торговые отношения со старыми, а также новыми производственными центрами – Демерджи (Синопа).

Третий и последний период жизни городища длился от конца 1-й четверти IV в. до середины V в. Главной его особенностью является резкое сокращение синопского импорта и увеличение позднегераклейских массивных амфор типа E и амфор боспорского производства.

AMPHORAE OF LATE ANTIQUE AND EARLY BYZANTINE TIME FROM THE EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT BELINSKOE IN THE EASTERN CRIMEA

K.O. Markova (Tula)

The article is devoted to the analysis of amphoric containers from the excavations of the settlement «Belinskoe». Numerous fragments of amphorae on the monuments of late Antique and early Byzantine times are perhaps the most popular material in the complex of archaeological artifacts. The study of this group of sources made it possible to determine the main directions of trade relations of the population of the settlement with various production centers of the then oikumene.

Keywords: amphorae, ceramic containers, archaeological source, type, trade relations, production center.

К ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

М.М. Саница (Белгород)

В данной работе подробно рассматривается историография наследия историка и военного чиновника VI в. Прокопия Кесарийского в зарубежной и отечественной исторической науке со 2-й половины XIX в. до настоящего времени. Прокопий Кесарийский являлся одним из самых выдающихся историков ранневизантийского периода, поэтому его личность и творчество привлекают внимание учёных. Статья разделена на хронологические разделы, где рассматривается исследовательский интерес к разным аспектам творчества Прокопия. В конце статьи сделаны выводы о состоянии проблемы в зарубежной и отечественной историографии на данный момент.

Ключевые слова: Прокопий Кесарийский, ранневизантийские историки, историография, зарубежная историография, отечественная историография, Поздняя античность, Ранняя Византия.

Произведения ранневизантийского историка 1-й половины VI в. Прокопия Кесарийского были одними из самых популярных в Византии – наряду с «Церковной историей» Евсевия Кесарийского работы Прокопия сохранились в наибольшем числе манускриптов. Они составляли более половины всех сохранившихся рукописей от ранневизантийского периода, а из сочинений Прокопия дошли до настоящего времени: 21 рукопись книг 1-4 «Войн» (включающие «Войны с персами» и «Войны с вандалами»), 33 рукописи книг 5-8 «Войн» («Войны с готами»), 15 рукописей «Тайной истории»¹.

Прокопий Кесарийский считался наиболее выдающимся историком ранневизантийского периода, образцом классического греческого слога в Византии, которому подражали. По словам З.В. Удальцовой, произведения Прокопия Кесарийского – это «энциклопедия самых разнообразных сведений по истории, этнографии, демографии, культуре Ранней Византии и окружающего ее мира»². Степень влияния Прокопия Кесарийского на византийскую историографию во все последующие времена трудно переоценить.

К творчеству Прокопия Кесарийского приковано огромное внимание исследователей на протяжении всех периодов развития исторической науки. Произведения Прокопия привлекают гигантский исследовательский интерес по всем аспектам политической жизни эпохи императора Юстиниана I. Все историки, занимающиеся VI в., так или иначе затрагивают творчество Прокопия как основного источника по данной эпохе. Сделать обзор по всем работам представляется малореальным в отдельной статье.

Поэтому в центре внимания данной работы – конкретно личность и творчество Прокопия Кесарийского в историографии.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

XIX век

Первые глубокие работы по Прокопию Кесарийскому были созданы во 2-й половине XIX в. В это время доминировала немецкая историческая школа. В работах Х. Экхарда исследуется историко-литературное творчество Прокопия Кесарийского: его «Тайная история», а также его связи с историком 2-й половины VI в. Агафием Миринейским и сравнение их работ в отношении описания войн с готами³. Комплексно творчество Прокопия Кесарийского в контексте изучения Великого переселения народов изучено в работе Ф. Дана⁴.

¹ *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. London; New York, 2007. P. 372-373.

² *Удальцова З.В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии IV — первая половина VII вв. М., 1984. С. 119-172.

³ *Eckhardt H.* De Anecdosis Procopii Caesariensis. Diss. Regimonti, 1861. 46 p.; *Idem.* Über Procop und Agathias als Quellenschrifter für den Gothenkrieg. Progr. Königsberg, 1864.

⁴ *Dahn F.* Prokopius von Cäsarea. Berlin: Mittler, 1865. 514 S.

Работа А. Аулера посвящена изучению второй войны Юстиниана с персами в отражении Прокопия Кесарийского и его религиозным взглядам на основании этих материалов¹. В работе Й. Юнга изучается историческая география в работах Прокопия Кесарийского². Х. Браун обращался к исследованию подражания древнегреческим классикам в работах Прокопия³. Комплексному исследованию структуры и композиции трактатов Прокопия посвящены работы Й. Хаури⁴. К. Кирхнер реконструировал римско-персидские войны 1-й трети VI в. на основе данных Прокопия Кесарийского⁵.

Прокопий Кесарийский и его работы в контексте общей литературной традиции Византии охарактеризованы в фундаментальном труде К. Крумбахера «История византийской литературы», в главе «Историки и хронисты»⁶.

1900-1910-е

В начале XX в. продолжились штудии, связанные с Прокопием Кесарийским, в частности, исследователи уделяли внимание филологическим особенностям его произведений. Изменение ударения в греческой прозе ранневизантийского периода на примере трактатов Прокопия Кесарийского проанализировано в работе американского исследователя Х. Дьюинга⁷. В работе немецкого исследователя А.В. Де Грота изучается ритмика произведений Прокопия⁸. Лингвистические интересы Прокопия Кесарийского освещены в статье швейцарского исследователя Э. Швизера⁹. Трактаты Прокопия Кесарийского как источник для трактата церковного историка 2-й половины VI в. Евагрия Схоластика исследуются в работе итальянского исследователя А. Трикка¹⁰.

¹ *Auler A.* De fide Procopii Caesariensis in secundo bello persico Iustiniani I imperatoris enarrando, Diss. Bonn: Typis C. Georgi, Univ. Typogr., 1876. 49 S.

² *Jung J.* Geographisch-historischen bei Procopius von Caesarea // Wiener Studien. 1883. 5. S. 85–115.

³ *Braun H.* Procopius Caesariensis, quatenus imitatus sit Thucydidem. Diss. Erlangen: Typis Jungii et Filii, 1885. 62 S.; *Idem.* Die Nachahmung Herodots durch Prokop. Progr. Nürnberg, 1894.

⁴ *Haury J.* Procopiana. Progr. Augsburg: Druck des Litterarischen Instituts von Haas & Grabherr, 1891. 37 S.; *Idem.* Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopius von Caesarea. Progr. Munich: Druck von H. Kutzner, 1896. 57 S.

⁵ *Kirchner K.* Bemerkungen zu Prokops Darstellung der Perserkrieg des Anastasios, Justin und Justinian von 502 bis 532. Progr. Wismar, 1887. 19 S.

⁶ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. Munich: Oskar Beck, 1897. 1193 S.

⁷ *Dewing H.B.* The accentual cursus in Byzantine Greek prose with especial reference to Procopius of Caesarea. New Haven, Conn.: Published under the auspices of Yale University, 1910. 466 p.

⁸ *De Groot A.W.* Untersuchungen zum byzantinischen Prosarhythmas (Procopius von Caesarea). Groningen: K.L. Noording, 1918.

⁹ *Schwyzler E.* Die sprachlichen Interessen Prokops von Caesarea // Festgabe für H. Blümner. Zurich: Buchdruckerei Berichthaus, 1914. S. 303–327.

¹⁰ *Tricca A.* Evagrio e la sua fonte più importante Procopio // Roma e l'Oriente. 1915. 9. P. 102–111, 185–201, 283–302; 10. P. 51–62, 129–145.

1920-1930-е

В 1920-е -1930-е гг. пристальное внимание было обращено на трактат «Тайная история» Прокопия Кесарийского. «Тайная история» и сюжеты из нее изучаются в статьях итальянских исследователей П. Бонфанте¹, Д. Компаретти², Дж. Сикутреса³. «Тайной истории» посвящена статья польского исследователя К. Куманецкого⁴. Продолжил свои штудии и вышеупомянутый немецкий исследователь Й. Хаури, издавший несколько статей о «Тайной истории»⁵. Хорватский исследователь П. Скок исследовал латинские топонимы на Балканах в трудах Прокопия Кесарийского⁶. Немецкий исследователь Г. Сойтер изучал освещение германских народов в трактатах Прокопия о войнах, в частности, вандалов и готов⁷.

1940-1950-е

В 1940-е – 50-е годы тематика исследований по Прокопию продолжает расширяться. Американский историк и археолог Г. Дауни обращался к исследованию трактата «О постройках» Прокопия, в частности, для изучения Антиохии. Уделял он внимание и религиозным взглядам Прокопия, а также его данным по истории Церкви⁸. Другой американский исследователь К. Гордон обращался к финансовой политике Юстиниана в освещении Прокопия⁹. Английский исследователь А. Бёрн изучал проблемы восприятия Британии в работах ранневизантийского автора¹⁰. Арабско-американский историк И. Кавар (Шахид) исследовал проблемы освещения арабских народов в трудах Прокопия¹¹. Большая комплексная статья о Прокопии была

¹ *Bonfante P.* Il movente della Storia Arcana di Procopio // *Bull. Ist. Dir. Rom.* 1933. 41. P. 283–287.

² *Comparetti D.* Maldicenze Procopiane I: Giustiniano equipurato a Domiziano // *Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso.* Milan: Aegyptus, 1925. P. 58–72.

³ *Sykoutres J.* Zu Prokops Anekdoten // *Byzantinische Zeitschrift.* 1927. 27. S. 22–28.

⁴ *Kumaniecki K.* Zu Prokops Anekdoten. Das rhythmische Klauselgesetz in den Anekdoten und die Echtheitsfrage // *Byzantinische Zeitschrift.* 1927. 27. S. 19–21.

⁵ *Hauri J.* Zu Prokops Geheimgeschichte // *Byzantinische Zeitschrift.* 1934. 34. S. 10–14; *Idem.* Prokop verweist auf seine Anekdoten // *Byzantinische Zeitschrift.* 1936. 36. S. 1–4.

⁶ *Skok P.* De l'importance des listes toponomastiques chez Procope pour la latinité balkanique // *Revue Internationale des études Balkaniques.* 1937. P. 47–58.

⁷ *Soyter G.* Prokop als Geschichtsschreiber des Vandalen- und Gotenkrieges // *Neue Jahrbücher f. Antike und deutsche Bildung.* 1939. 2. S. 97–108.

⁸ *Downey G.A.* Procopius on Antioch: a study of method in the *De Aedificiis* // *Byzantion.* 1939. 14. P. 361–378; *Idem.* The composition of Procopius, *De Aedificiis* // *Trans. Am. Philol. Association.* 1947. 78. P. 171–183; *Idem.* Paganism and Christianity in Procopius // *Church History.* 1949. 18. P. 89–102; *Idem.* Notes on Procopius, *De Aedificiis* Book I // *Studies presented to David M. Robinson.* II. St. Louis: Washington University, 1953. P. 719–725.

⁹ *Gordon C.D.* Procopius and Justinian's financial policies // *Phoenix.* 1959. 13. P. 23–30.

¹⁰ *Burn A.R.* Procopius and the island of ghosts // *English Historical Review.* 1955. 70. P. 258–261.

¹¹ *Kawar I.R. (Shahid).* Procopius and Arethas // *Byzantinische Zeitschrift.* 1957. 50. P. 39–67, 362–387; *Idem.* Procopius on the Ghassanids // *Journal of the American Oriental Society.* 1957. 77. P. 79–87; *Idem.* Procopius and Arethas again // *Byzantion.* 1971. 41. P. 313–338.

подготовлена немецким историком Б. Рубином¹. Югославский исследователь Ф. Баришич изучал данные Прокопия о славянах². Вышеупомянутый немецкий исследователь Г. Сойтер подготовил работу, где анализировал историческую объективность Прокопия Кесарийского³. Мировоззрение ранневизантийского автора и его значение как историка анализировал еще один немецкий историк О. Вех⁴.

1960–1970-е

В 1960-е – 70-е годы исследования по Прокопию Кесарийскому продолжают углубляться и приобретают фундаментальный характер.

Английская исследовательница Эверил Кэмерон в этот период стала готовить свои первые статьи по Прокопию⁵. В соавторстве со своим мужем Аланом Кэмероном ею была подготовлена статья по проблемам античной и христианской историографии в ранневизантийское время⁶.

В работах канадского исследователя Дж. Эванса рассматривается творчество Прокопия Кесарийского применительно к эпохе императора Юстиниана, которую Эванс изучал, а также религиозные аспекты его произведений⁷. В 1970-е годы историк уделял внимание взглядам Прокопия применительно к религиозной ситуации в Ранней Византии и античному прошлому⁸. В 1972 г. исследователем была подготовлена монография «Прокопий»⁹, где он рассматривал биографию Прокопия, его произведения, включая различные цитирования, анализировал изменение политических и религиозных взглядов писателя. Каждому из этих вопросов посвящена отдельная глава. В то же время, эту работу упрекают в слабой исторической критике источника, достаточно сильном следовании ему. Также Дж. Эванс

¹ *Rubin B.* Prokopios von Kaisareia. Stuttgart: Druckenmüller, 1954. 367 S.; *Idem.* Prokopios // *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft.* 1957. 23/1. Col. 273–599.

² *Баришић Ф.* О најстаријој Прокопијевој вести о Словенима // *Зборник радова Византолошки институт САН.* 1952. XXI, кн. 1. С. 52–63.

³ *Soyter G.* Die Glaubwürdigkeit des Geschichtsschreibers Prokopios von Kaisarea // *Byzantinische Zeitschrift.* 1951. 44. S. 541–545.

⁴ *Veh O.* Zur Geschichtschreibung und Weltauffassung des Prokop von Caesarea. Teil I. Bayreuth: Wiss. Beilage z. Jahresbericht 1950–51 des Gymnasiums Bayreuth, 1951. 31 S.; Teil II. Bayreuth: Wiss. Beilage z. Jahresbericht 1951–52 des Gymnasiums Bayreuth, 1952. 38 S.

⁵ *Cameron Av.* Procopius and the Church of St. Sophia // *Harvard Theological Review.* 1965. 58. P. 161–163; *Idem.* The “scepticism” of Procopius // *Historia.* 1966. 15. P. 6–25; *Idem.* Early Byzantine Kaiserkritik: two case histories // *Byzantine and Modern Greek Studies.* 1977. 3. P. 1–17.

⁶ *Cameron Al., Cameron Av.* Christianity and tradition in the historiography of the Later Roman Empire // *Classical Quarterly.* 1964. 14. P. 316–328.

⁷ *Evans J.A.S.* Procopius of Caesarea and the Emperor Justinian // *Papers of the Canadian Historical Association.* 1968. P. 126–139; *Idem.* The dates of the *Anecdota* and the *De Aedificiis* of Procopius // *Classical Philology.* 1969. 64. P. 29–30; *Idem.* Justinian and the Historian Procopius // *Greece & Rome.* 1970. 17. P. 218–223.

⁸ *Evans J.A.S.* Christianity and paganism in Procopius of Caesarea // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1971. 12. P. 81–100; *Idem.* The attitudes of the secular historians of the age of Justinian towards the classical past // *Traditio.* 1976. 32. P. 753–758.

⁹ *Evans J.A.S.* Procopius. New York: Twayne Publishers, 1972. 162 p.

скорее воспроизводил в своем труде традиционный подход упадка Римской империи, развитый в XVIII в. еще Э. Гиббоном, как отмечает Эв. Кэмерон. Британская исследовательница также не согласна по ряду датировок произведений Прокопия в этой монографии, а также возражает против принадлежности ранневизантийского автора к Газской научной школе, его связей с философскими системами Боэция и блаж. Августина¹.

Продолжились исследования в области этнических аспектов у Прокопия Кесарийского. Французский исследователь Ж. Десанж уделял внимание освещению Прокопием истории Северной Африки, вандалов и нумидийских племен². Английский исследователь Дж. Уорд проанализировал данные «Войн» Прокопия о Британии³. Работа немецкого историка Р. Бенедикти касалась освещения истории славянских племен в трудах Прокопия⁴.

Болгарский историк В. Бешевлиев обращался к военной топографии Балкан в сочинениях Прокопия, в частности, «О постройках». В 1970 г. он издал монографию, где изучал названия фортов у Прокопия Кесарийского⁵.

Аналогичные проблемы на основе трактата «О постройках» освещены в статье американского исследователя П. Мэккея⁶. Историко-географические экскурсы Прокопия в контексте сопоставления с античной географией рассмотрены в статье финского исследователя Т. Пекканена⁷. Скандинавский ученый К. Ханнестад изучал военные аспекты готских войн по трактатам Прокопия Кесарийского⁸. Проблемы трактата «Войны с готами» исследовал немецкий историк Г. Вирт⁹. Немецкий исследователь Х. Диттен останавливался на изучении германских народов в целом у Прокопия Кесарийского¹⁰. Американский исследователь Б. Бахрах изучал освещение

¹ *Cameron Av.* [Review]: J.A.S. Evans, Procopius (Twayne's World Authors Series 170), Twayne Publishers Inc.: New York, 1972. Pp. 162. No prise started // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 6. November 1973. P. 298.

² *Desanges J.* Un témoignage peu connu de Procope sur la Numidie vandale et byzantine. *Byzantion*. 1963. 33. P. 41–69.

³ *Ward J.O.* Procopius' "Bellum Gothicum" II.6.28. The problem of contacts between Justinian I and Britain // *Byzantion*. 1968. 38. P. 460–471.

⁴ *Benedicty R.* Prokopios' Berichte über die slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia // *Jahrb. der österr. Byzantinistik*. 1965. 14. S. 51–78.

⁵ *Beševliev V.V.* Zur topographie du Balkanhalbinsel in Prokops Werk 'De Aedificiis' // *Philologus*. 1967. 111. №1-2. S. 267–282; *Idem.* Die lateinische Herkunft der Kastellverzeichnisse bei Prokop // *Hommages à Marcel Renard I*. Brussels: Latomus, 1969. S. 94–98; *Idem.* Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk 'De Aedificiis'. Amsterdam: Hakkert, 1970. 158 S.

⁶ *Mackay P.A.* Procopius' De Aedificiis and the topography of Thermopylae // *Am. Journal of Archeology*. 1963. 67. P. 241–255.

⁷ *Pekkanen T.* Procopius and the Periplus of Arrian // *Eranos*. 1964. 42. P. 40–51.

⁸ *Hannestad K.* Les forces militaires d'après la guerre gothique de Procope // *Classica et Medievalia*. 1960. 21. P. 136–183.

⁹ *Wirth G.* Mutmassungen zum Text von Prokops Gotenkrieg // *Helikon*. 1964. 4. P. 153–210.

¹⁰ *Ditten H.* Zu Prokops Nachrichten über die deutschen Stämme // *Byzantinoslavica*. 1975. 36. S. 1–24.

франков и Франкского королевства в работах Прокопия, в том числе в сравнении с его последователем Агафием Миринейским¹. Римско-персидские отношения в исторической традиции от Аммиана Марцеллина до Прокопия проанализированы в статье Г. Пульезе-Каррателли².

Также нидерландский исследователь М. Элферинк изучал проблемы религиозно-философских взглядов Прокопия и роли судьбы в его мировоззрении³. Сравнение языческих историй Поздней античности с христианскими историческими произведениями проводил Л. Кракко-Руджини, который сопоставил отношение к чудесам и провидению в тех и других источниках⁴. Историк из югославской Словении К. Гантар исследовал социальное поведение Прокопия, его отношение к императору Юстиниану на основе трактатов ранневизантийского автора⁵.

Критика императорской власти Прокопием в контексте истории византийской оппозиционной историографии со времен Прокопия Кесарийского (VI в.) до времен Никиты Хониата (XII-XIII вв.) показана в монографии Ф. Тиннефельда⁶. Автор анализирует отношение к императорской власти в «Историях» и «Хрониках» различных авторов, как классицизирующих, так и христианских. Немецкий историк показывает социальное положение писателей, критикующих власть, связывает их настроения с социальным происхождением, занятиями и социальными группами, к которым они принадлежали, их религиозными и политическими взглядами. Исследование оценивают как глубокое и фундаментальное⁷.

К античным штудиям Прокопия обращался румынский исследователь Т. Саучук-Савеану⁸. Проблемы подражания античным авторам (мимезиса) в

¹ *Bachrach B.* Procopius, Agathias and the Frankish military // *Speculum*. 1970. 45. P. 435–441; *Idem.* Procopius and the chronology of Clovis's reign // *Viator*. 1970. 1. P. 21–32.

² *Pugliese Carratelli G.* La Persia dei Sasanidi nella storiografia Romana da Ammiano a Procopio // *Atti del convegno internazionale sul tema 'La Persia nel medioevo'*. Rome: Accademia nazionale dei lincei, 1971. P. 597–604.

³ *Elferink M.A.* Tychê et Dieu chez Procope de Césarée // *Acta Classica*. 1967. 10. P. 111–134.

⁴ *Cracco Ruggini L.* The ecclesiastical histories and the pagan historiography: providence and miracles // *Athenaeum*. 1977. 55. P. 107–126.

⁵ *Gantar K.* Kaiser Iustinian 'jenem Herbstern gleich'. Bemerkungen zu Prokops Aed. I.2. 10 // *Museum Helveticum* 1962. 19. S. 194–196; *Idem.* Prokops Schaustellung der Tapferkeit // *Živa Antika*. 1962. 11. S. 283–286.

⁶ *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. Munich: Univ., Philos. Fak., Habil.-Schr., 1971. 205 S.

⁷ *Чичуров И.С.* Рецензия на: F.H. Tinnefeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971 // *Византийский временник*. 1973. Т. 35 (60). С. 256–260.

⁸ *Sauciuc-Şaveanu T.* Die Charakterisierung des Kaisers Trajan von Prokopios aus Cäsarea // *Rev. des et. sud-est europ.* 1964. 2. P. 547–552.

ранневизантийской литературе рассматривал Х. Хунгер¹. П. Майерсон исследовал данные Прокопия о Синайском монастыре².

1980-е

На 1980-е годы у Эверил Кэмерон пришелся пик научного интереса к личности и творчеству Прокопия Кесарийского. В 1981 г. был издан её сборник статей «Преемственность и изменения в Византии VI века»³, состоящий из 18 глав, где рассматриваются различные ранневизантийские авторы: Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Корипп, – и ряд вопросов политики, идеологии, религии, культуры и искусства этой эпохи. В статьях о Прокопии исследуется его скептицизм по отношению к современному ему государственному строю (глава 1), он изучается как представитель классического направления ранневизантийской историографии (глава 3), его отношение к храму св. Софии (глава 4), критика императора в сравнении с историками 2-й половины VI в. (глава 9).

В 1985 г. вышла её главная работа о Прокопии Кесарийском – «Прокопий и VI век»⁴ (переиздана в 1996 и 2006 г.), где дается комплексное освещение личности и творчества Прокопия в контексте ранневизантийской эпохи. Монография состоит из 3 частей и 14 глав. В первой части содержатся главы 1-3, изучающие проблему творчества Прокопия, кризис литературы VI в. и дискурс его произведений. Во второй части содержатся главы 4-12, в которых представлена информация о произведениях Прокопия с вниманием к отдельным темам: «Тайная история», а также отношение писателя к императрице Феодоре, «О постройках» и христианские аспекты творчества, трактаты «Войн» как в общем, так и отдельно персидская, африканская и италийская, а в конце – времена и места происходивших событий. В третьей части содержатся главы 13-14, где рассматривается социально-политический мир Прокопия, его политические представления о современной ему действительности в сравнении с другими авторами.

В 1983 г. вышел сборник «История и историки в Поздней античности» под редакцией австралийских ученых Б. Кроука и А. Эмметт⁵, где собраны статьи как о западных, так и восточных позднеантичных историках, от Аммиана Марцеллина до Павла Диакона. Прокопий Кесарийский рассматривается в общем контексте исторической традиции Поздней

¹ *Hunger H.* On the imitation (mimêsis) of antiquity in Byzantine literature // *Dambarton Oaks Papers.* 1969-1970. 23–24. P. 15–38.

² *Mayerson P.* Procopius or Eutychius on the construction of the monastery at Mount Sinai: which is the more reliable source? // *Bull. Am. Schools Oriental Research.* 1978. 230. P. 33–38.

³ *Cameron Av.* Continuity and Change in Sixth-Century Byzantium. London: Variorum Reprints, 1981. 350 p.

⁴ *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. Berkeley: University of California Press, 1985. 297 p.; London: Routledge, 1996; 2006. 312 p.

⁵ *History and Historians in Late Antiquity* / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sydney: Pergamon Press, 1983. 182 p.

античности. Отдельную статью Б. Кроук в соавторстве с Дж. Кроу посвятил описанию важной византийской крепости Дары в Месопотамии у Прокопия¹.

Исследователь Р. Скотт также изучал проблемы ранневизантийской историографии и классической традиции в ней в сравнительном контексте, в связи с чем рассматривал трактаты Прокопия Кесарийского. Также он изучал отдельные аспекты правления и идеологии Юстиниана по «Тайной истории»².

Непосредственное отношение Прокопия Кесарийского к императрице Феодоре проанализировано в монографии немецкого историка Х.-Г. Бека «Императрица Феодора и Прокопий: историк и его жертва»³. Она состоит из следующих глав, описывающих как биографию самого историка, так и жизнь знаменитой императрицы: «Становление и работа Прокопия», «С Велизарием на персидском фронте», «Восстание Ника», «Вандальская война», «Конец готов» «Уход Велизария», «Византийская индустрия зрелищ», «Антонина», «Юность Феодоры», «Феодора и Юстиниан», «Религиозная политика императорской четы», «Вассалы, генералы, чиновники», «Право и произвол», «Жертва историка». Сама книга, которая написана в научно-популярном стиле, без сносок, оценивается как очень интересная и глубокая работа, где автор показывает, что обвинения Прокопия к Феодоре часто носили субъективный характер, а её жизнь и деятельность не была столь вызывающей и революционной, как ранневизантийский автор пытается представить⁴.

Автобиографические аспекты работ Прокопия в сравнении с автобиографиями других историков изучал Н. Остин⁵. Биографию ранневизантийского историка реконструировал Г. Фатурос⁶. Понятия и термины, различные фразы, афоризмы, риторические обороты Прокопия затрагивал Б. Болдуин. Также он подготовил обобщающую статью по греческой историографии в Ранней Византии⁷.

¹ *Croke B., Crow J.* Procopius on Dara // *Journal of Roman Studies*. 1983. 73. P. 143–159.

² *Scott R.* Malalas, the Secret History and Justinian's propaganda // *Dumbarton Oaks papers*. 1985. 39. P. 99-109; *Idem.* Justinian's coinage and Easter reforms and the date of the Secret History // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1987. 11. P. 215–221; *Idem.* Malalas and his Contemporaries // *Studies in John Malalas* / Ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1990. P. 67-86; *Idem.* The Classical Tradition in Byzantine Historiography // *Byzantium and the Classical Tradition*. University of Birmingham. Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies 1979 / Ed. M. Mullet, R. Scott. Birmingham: Centre of Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981. P. 61-74.

³ *Beck H.-G.* Kaiserin Theodora und Prokop: Der Historiker und sein Opfer. Munich: Piper, 1986. 166 S.

⁴ *Иванов С.А.* Рецензия на: Beck H. G. Kaiserin Theodora und Prokop: Der Historiker und sein Opfer // *Serie Piper-Porträt*. München; Zürich, 1986. 166 S. // *Византийский временник*. 1989. Т. 50 (75). С. 212-214.

⁵ *Austin N.* Autobiography and history: some later Roman historians and their veracity // *History and Historians in Late Antiquity* / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sydney: Pergamon Press, 1983. P. 54–65.

⁶ *Fatouros G.* Zur Prokop-Biographie // *Klio*. 1980. 62. P. 517–523.

⁷ *Baldwin B.* An aphorism in Procopius // *Rheinisches Museum*. 1982. 125. P. 309–311; *Idem.* Sexual Rhetoric in Procopius // *Mnemosyne*. 1987. 40. P. 150–152; *Idem.* Greek Historiography in Late Rome and Early Byzantium // *Hellenika*. 1981. 33. P. 51–65.

Уделялось внимание и трактату «О постройках». Французский учёный М. Перрен-Анри затрагивал вопросы топонимики в IV книге «О постройках» Прокопия¹. Римские укрепления в Верхней Месопотамии изучались в статье английского исследователя Л.М. Уитби². Вопросы стройматериалов по «О постройках» Прокопия подняты в статье В. Черфа³.

К. Хид изучал описание ранневизантийских императоров в исторических произведениях позднеантичных авторов в сравнительном контексте⁴. Образ западноримского императора Майориана у Прокопия представлен в статье Г.Э. Макса⁵. Итальянская исследовательница М. Чеза затронула различные политические и географические аспекты в работах Прокопия, также полагая, что Прокопий был пацифистски и антиимпериалистически настроен⁶. Британия и бритты в освещении Прокопия проанализированы в статье Э. Томпсона⁷. Сравнение Северной Европы у Прокопия и Иордана дано в статье испанского историка Х.М. Алонсо-Нуньеса⁸. В статьях М. Уитби изучалось творчество Прокопия в контексте греческого историописания, а также датировка его произведений на основе данных об архитектурных памятниках⁹.

Либерально-республиканский дискурс эпохи, в том числе применительно к политическим взглядам Прокопия Кесарийского, разрабатывается в монографии английского историка П. Белла «Три политических голоса из эпохи Юстиниана: «Наставления императору» Агапита, «Диалог о политической науке», «Описание святой Софии» Павла

¹ *Perrin-Henry M.* La place des listes toponymiques dans l'organisation du livre IV des Edifices de Procope // *Geographica Byzantina. Byzantina Sorboniensia.* 1980. 3. P. 93–106.

² *Whitby L.M.* Procopius and the Development of Roman Defences in Upper Mesopotamia // *The Defence of the Roman and Byzantine East* / Ed. P. Freeman, D. Kennedy. Oxford: BAR Publishing, 1986. P. 717–735.

³ *Cherf W.J.* Carbon-14 and Prokopios' de Aedificiis // *Eighth Annual Byzantine Studies Conference, Abstracts.* Chicago: University of Chicago, 1982. P. 44–45.

⁴ *Head C.* Physical descriptions of emperors in Byzantine historical writing // *Byzantion.* 1980. 50. P. 226–240.

⁵ *Max G.E.* Procopius's portrait of the Emperor Majorian: history and historiography // *Byzantinische Zeitschrift.* 1981. 74. P. 1–6.

⁶ *Cesa M.* La Politica di Giustiniano verso l'occidente nel giudizio di Procopio // *Athenaeum.* 1981. 59. P. 389–409; *Idem.* Etnografia e Geografia nella visione storica di Procopius di Cesarea // *Studi classici e orientali.* 1982. 32. P. 189–215.

⁷ *Thompson E.A.* Procopius on Brittia and Britannia // *Classical Quarterly.* 1980. 30. P. 498–507.

⁸ *Alonso-Núñez J.M.* Jordanes and Procopius on Northern Europe // *Nottingham Medieval Studies.* 1987. 31. P. 1–16.

⁹ *Whitby M.* Justinian's Bridge over the Sangarius and the Date of Procopius // *The Journal of Hellenic Studies.* 1985. 105. P. 129–148; *Idem.* Greek Historical Writing after Procopius: Variety and Vitality // *The Byzantine and Early Islamic Near East. Vol. 1. Problems in the Literary Source Material* / Ed. L. Conrad, Av. Cameron. Princeton: Darwin Press, 1992. P. 25–80.

Силенциария¹, первое издание которой состоялось в 1988 г., а современное переиздание – в 2009 г.

1990-е

Начиная с 1990-х, появляется всё больше исследований по всей тематике произведений Прокопия Кесарийского.

В 1992 г. вышел третий том «Просопографии поздней Римской империи», охватывающий все исторические персоналии с 527 по 641 гг.², где представлена комплексная биографическая статья о Прокопии Кесарийском со ссылками на все источники о нём³.

Личность ранневизантийского историка, его семью, датировку его произведений детально исследует канадский историк Г. Гретрек⁴. Отдельно он изучал римско-персидские войны эпохи Юстиниана по сочинениям Прокопия Кесарийского, посвятив этому свою диссертацию «Прокопий и персидские войны» в 1994 г.⁵, а в 1998 г. вышла его монография «Рим и Персия в войне 502-532 гг.»⁶. Эти работы посвящены ранним войнам Велизария в Месопотамии, там дается географическая характеристика региона, описываются основные события и битвы войн, уделено внимание крепости Дара. Научная библиография работы очень подробная и глубокая, она представляет очень полный обзор исследовательской литературы. Также в монографии содержатся карты римско-персидских войн⁷.

Отражение Юстиниановой идеологии «реконкисты» в трактатах Прокопия изучает польский историк Д. Бродка, он занимает взвешенную позицию по империализму Прокопия, считая, что историк поддерживал восстановление древней империи, но требовал грамотного командования военными операциями и их хорошей подготовки⁸. Отношение Прокопия к

¹ *Bell P.* Three Political Voices from the Age of Justinian. Liverpool: Liverpool University Press, 1988; 2009. 249 p.

² The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III, A.D. 527–641. Vol. IIIA (Abandanes 'Iyād ibn Ghanm). Vol. IIIB (Kālādji - Zudius) / Ed. J.R. Martindale. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 1575 p.

³ Procopius 2 // PLRE IIIB. P. 1060-1066.

⁴ *Greatrex G.* The Dates of Procopius' Works // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. 18. P. 101–114; *Idem.* Stephanus, the Father of Procopius of Caesarea // Medieval Prosopography. 1996. 17. P. 125–145; *Idem.* The Composition of Procopius' Persian Wars and John the Cappadocian // Prudentia. 1995. 27. P. 1–13.

⁵ *Greatrex G.* Procopius and the Persian Wars. D.Ph. thesis. Oxford: University of Oxford, 1994.

⁶ *Greatrex G.* Rome and Persia at War, 502–532. London: Francis Cairns, 1998. 301 p.

⁷ *Bivar A.D.H.* [Review]: Geoffrey Greatrex: Rome and Persia at war, 502–532 (ARCA Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs, 37). xvi, 301 pp. Leeds: Francis Cairns Ltd, 1998 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 62, Issue 3. October 1999. P. 552.

⁸ *Brodka D.* Prokopios von Kaisareia und Justinians Idee «der Reconquista» // Eos. 1999. 86. S. 243–255.

строительной деятельности Юстиниана как предмету гордости императора анализировал П. Руссо¹.

Английский историк Д. Браунд рассмотрел экономику Лазики на основе трактатов Прокопия². Комплексная реконструкция жизни и деятельности императрицы Феодоры по информации Прокопия предпринята в работе М. Анголд³.

Отношение Прокопия к иным религиозным конфессиям, в частности, самаритянам, освещено в работах К. Эдсхед, которая выдвигала гипотезу, что он сам был самаритянином; также она рассматривала проблемы континуитета и дисконтинуитета в эпоху Юстиниана на основе произведений Прокопия⁴. Военно-историческому творчеству Прокопия посвятил большую статью У. Кэги⁵. Вышеупомянутый историк Дж. Эванс подготовил обобщающую статью по датировке произведений Прокопия⁶.

Греческий историк А. Карпозилос подготовил 1 том издания «Византийские историки и хронографы»⁷, посвященный ранневизантийскому периоду от времен императора Константина (IV в.) до императора Ираклия (VII в.). Эта работа разделена на 2 части: в первой рассматривается церковная историография, а во второй – светская, включая Прокопия Кесарийского, а также хроники (Иоанн Малала, «Пасхальная хроника»).

В 1997 г. вышла диссертация польского историка Ч.Ф. Паздерника «Опасная свобода и рабство без забот: политическая *eleutheria* и *douleia* у Прокопия Кесарийского и Фукидида Афинского», в которой в сравнительном контексте рассматриваются проблемы политического мировоззрения в классической античности и в ранневизантийскую эпоху на примере Фукидида и Прокопия⁸.

¹ *Rousseau P.* Procopius' Buildings and Justinian's Pride // *Byzantion*. 1998. 68. P. 121–130.

² *Braund D.* Procopius on the Economy of Lazica // *The Classical Quarterly*. 1991. 41. P. 221–225.

³ *Angold M.* Procopius' Portrait of Theodora // *Philellen: Studies in Honour of Robert Browning* / Ed. C.N. Constantinides. Venice: Istituto ellenico di studi bizantini e postbizantini di Venezia, 1996. P. 21–34.

⁴ *Adshead K.* Procopius and the Samaritans // *The Sixth Century: End or Beginning?* / Edd. P. Allen, E. Jeffreys. Brisbane: Brill, 1996. P. 35–41; *Idem.* Procopius' Poliorcetica: continuities and discontinuities // *Reading the past in late antiquity* / Ed. G. Clarke et al. Rushcutters Bay: Australian National UP, 1990. P. 93–119.

⁵ *Kaegi W.* Procopius the military historian // *Byzantinische Forschungen*. 1990. 15. P. 53–86.

⁶ *Evans J.A.S.* The Dates of Procopius' Works: A Recapitulation of the Evidence // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1996. 37. P. 301–313.

⁷ *Karpozilos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι. Vol. 1. Athens: KANAKH, 1997. 644 σ.

⁸ *Pazdernik C.* A Dangerous Liberty and a Servitude Free from Care: Political *eleutheria* and *douleia* in Procopius of Caesarea and Thucydides of Athens. Ph.D. diss. Princeton: Princeton University, 1997.

XXI век

С начала 2000-х годов наблюдается настоящий бум исследовательского интереса к Прокопию Кесарийскому.

В 2000 г. вышла лингвистическая работа о Прокопии Кесарийском, подготовленная бельгийскими исследователями Б. Кули, Б. Кином, Б. Цетедосом – «Тезаурус Прокопия Кесарийского»¹. Этот том подготовлен в рамках серии исследований по языку греческих Отцов (Thesaurus Patrum Graecorum). В нем анализируется и составляется исчерпывающий список из 28997 различных форм, разделенных на 7982 леммы, которые составляют лексикон работ Прокопия Кесарийского, насыщенный многими выражениями классического древнегреческого языка и аттического диалекта. Среди всего словарного запаса около 28% (2236 лемм) составляют имена собственные, как антропонимы, так и топонимы. В конце книги дан их указатель.

Продолжились исследования Г. Гретрекса о «Войнах» Прокопия, а также развитие его исторической концепции в сравнении с его современниками². В наше время он посвятил отдельную статью историографическому изучению ранневизантийского автора в новейших исследованиях 2003-2014 гг., где подробно рассматриваются не только работы современных историков, но и дается комплексная характеристика самому византийскому автору, его периоду и современникам³.

Одним из наиболее плодотворных современных историков, исследующих Прокопия Кесарийского, является американский исследователь Э. Калделлис.

¹ Coulie B., Kindt B., Cetedoc B. Thesaurus Procopii Caesariensis. Turnhout: Brepols, 2000. 468 p.

² Greatrex G. Recent work on Procopius and the composition of Wars VIII // Byzantine and Modern Greek Studies. 2003. 27. P. 45–67; *Idem*. Lawyers and Historians in Late Antiquity // Law, Society and Authority in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 148–161; *Idem*. Prokopio de Cezareo: enigma historiisto de la epoko de Justiniano (sesa jarcento p. K.) // Internacia Kongreso Universitato, 61a sesio / Ed. J.A. Vergara. Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 2008. P. 56–72; *Idem*. Procopius and Pseudo-Zachariah on the Siege of Amida // Commutatio et Contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin / Ed. H. Börm, J. Wiesehöfer. Düsseldorf: Wellem-Verl, 2010. P. 227–251; *Idem*. The date of Procopius' Buildings in the Light of Recent Scholarship // Estudios bizantinos. 2013. 1. P. 13–29; *Idem*. Réflexions sur la date de composition des Guerres perses de Procope // Libera curiositas. Mélanges d'histoire romaine et d'Antiquité tardive offerts à Jean-Michel Carrié / Ed. C. Freu, S. Janniard, A. Ripoll / Bibliothèque de l'antiquité tardive 31. Turnhout: Brepols, 2016. P. 363–366; *Idem*. Procopius and Roman Imperial Policy in the Arabian and Egyptian Frontier Zones // Inside and Out: Interaction between Rome and the Peoples on the Arabian and Egyptian Frontiers in Late Antiquity (200–800 CE) / Ed. J. Dijkstra, G. Fisher. Louvain: Peeters, 2015. P. 249-266; *Idem*. Procopius: Life and Works // A Companion to Procopius of Caesarea / Ed. M. Meier, F. Montinaro. Leiden: Brill, 2022. P. 61-69; *Idem*. Procopius the Outsider? // Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider / Ed. D. Smythe. Aldershot: Ashgate Variorum, 2000. P. 215–229; *Idem*. Procopius and the past in sixth-century Constantinople // Revue belge de philologie et d'histoire. Belgisch tijdschrift voor philologie en geschiedenis. 2018. 96(3). P. 969-993.

³ Greatrex G. Perceptions of Procopius in Recent Scholarship // Histos. 2014. 8. P. 76–121.

Он изучал жизнь, творчество Прокопия, структуру и содержание отдельных трактатов, военные знания, классицизм и варваризацию в произведениях, также его политические и религиозные взгляды в сравнении с современниками, в частности, Иоанном Лидом¹. Также он подготовил специальную монографию о Прокопии – «Прокопий Кесарийский. Тирания, история и философия в конце античности»². В данной монографии автор рассматривает ранневизантийского историка как представителя античной классической традиции, диссидентствующего против режима Юстиниана и стремящегося восстановить древнеримский республиканизм. В центре внимания работы – трактат «Тайная история». Монография состоит из 5 глав, где рассмотрены общие проблемы классицизма в Ранней Византии, Персидские войны по «Тайной истории», философские концепции, проблемы тирании во мировоззрении Прокопия, а также тема Судьбы. Г. Гретрек критикует такую жесткую позицию по диссидентству Прокопия, считая её преувеличенной, считая ранневизантийского историка скорее христианином, чем язычником, также не выступавшем против идей реконкисты Юстиниана по существу, критикуя лишь методы исполнения и военачальников. По мнению Г. Гретрекса, правление Юстиниана не являлось такой тиранией, как представляет А. Калделлис, мало чем отличаясь по существу от правления императора Анастасия, к которому также было негативное отношение у элит³.

Статья Дж. Гилмера посвящена имперской критике у Прокопия, исследователь разделяет либеральную концепцию А. Калделлиса относительно имперской власти в Ранней Византии в представлениях ранневизантийского автора⁴. Вопросы политических взглядов и мировоззрения Прокопия затрагивает испанский исследователь Х. Сигнес-

¹ *Kaldellis A.* Classicism, Barbarism, and Warfare: Prokopios and the Conservative Reaction to Later Roman Military Policy // *American Journal of Ancient History*. 2004-2005 [2007]. 3-4. P. 189–218; *Idem.* Prokopios' Persian War: A Thematic and Literary Analysis // *History as Literature in Byzantium* / Ed. R. Macrides. Aldershot: Ashgate, 2010. P. 253–273; *Idem.* Prokopios' Vandal War: Thematic Trajectories and Hidden Transcripts // *North Africa under Byzantium and Early Islam* / Ed. S.T. Stevens, J. Conant. Washington: Dumbarton Oaks, 2016. P. 13–21; *Idem.* The Date and Structure of Prokopios' Secret History and his Projected Work on Church History // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2009. 49. P. 585–616; *Idem.* Identifying Dissident Circles in Sixth-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // *Florilegium*. 2004. 21. P. 1-17; *Idem.* The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: a Preliminary Investigation // *Journal of Hellenic Studies*. 2012. 132. P. 71–85.

² *Kaldellis A.* Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. 320 p.

³ *Greatrex G.* Perceptions of Procopius in Recent Scholarship // *Histos*. 2014. 8. P. 76–121.

⁴ *Gilmer J.* Procopius of Caesarea: a case study in imperial criticism // *Byzantina Symmeikta*. 2013. 23. P. 45–57.

Кодоньер¹. Также участие Прокопия в политических дебатах в Константинополе середины VI в. изучает С. Эсдерс².

Взгляды А. Калделлиса относительно республиканизма Прокопия Кесарийского разделяет немецкий исследователь Х. Бёрм, занимавшийся проблемами антимонархического дискурса в Поздней античности³. В 2007 г. вышла его основанная на диссертации монография «Прокопий и персы: исследования римско-сасанидских контактов в поздней Поздней античности»⁴, состоящая из 6 глав, где последовательно описываются творчество Прокопия, Сасанидская империя и эпоха Юстиниана, римско-персидские отношения в контексте греко-римской традиции, а также освещение Прокопием римско-персидских войн и жизни Персии в сравнении с данными других греко-римских и восточных источников. Автор приходит к выводу о том, что данные Прокопия весьма достоверны, а он неплохо разобрался в жизни Персидской державы. Труд Х. Бёрма в современной историографии оценивается положительно⁵.

В статье Дж. Ховард-Джонсона изучаются образование и опыт Прокопия Кесарийского, которого исследователь на основе трактата «О постройках» считает получившим инженерное образование наряду с классическим, так как Прокопий предстает неплохо разбирающимся в

¹ *Signes Codoñer J.* Prokops Anecdota und Justinians Nachfolge // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.* 2003. 53. S. 47–82; *Idem.* Kaiserkritik in Prokops Kriegsgeschichte // *Freedom and its Limits in the Ancient World: Proceedings of a Colloquium held at the Jagiellonian University, Kraków, september 2003.* Electrum 9 / Ed. D. Brodka et al. Cracow: Jagiellonian Univ. Press, 2003. S. 215–229; *Idem.* La historiografía en el oriente del imperio romano desde el saco de Roma por Alarico hasta las invasiones árabes // *El final del mundo antiguo como prelude de la Europa moderna. Cuadernos de literatura griega y latina 4* / Ed. D. Estefanía, M. Domínguez, T. Amado. Santiago de Compostela: Alcalá de Henares, 2003. P. 115–173; *Idem.* Der Historiker und der Walfisch: Tiersymbolik und Milleniarismus in der Kriegsgeschichte Prokops // *Zwischen Polis und Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / Ed. L.M. Hoffmann. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 37–58.

² *Esders S.* Procopius of Caesarea, the lex tricennalis, and the ‘time of the Vandals’: historiography, law, and political debate in mid-sixth-century Constantinople // *Early Medieval Europe.* 2019. 27(2). P. 195–225.

³ *Börm H.* Procopius, his predecessors, and the genesis of the Anecdota: Antimonarchic discourse in late antique historiography // *Antimonarchic discourse in Antiquity* / Ed. H. Börm. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. S. 305–346; *Idem.* Herrscher und Eliten in der Spätantike // *Commutatio et Contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin* / Ed. H. Börm, J. Wieshöfer. Düsseldorf: Wellem-Verl, 2010. S. 159–198.

⁴ *Börm H.* Prokop und die Perser: Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2007. 382 S.

⁵ *Walker J.T.* [Review]: Henning Börm. Prokop und die Perser: Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike (*Oriens et Occidens*, number 16) Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2007. Pp. 382 // *The American Historical Review.* Vol. 113, Issue 4. October 2008. P. 1210–1211.

фортификации¹. Описание Прокопием видений перед войной в Ливии дано в статье И. Анагностакиса². Т. Ковач изучает веру в языческие предсказания у Прокопия применительно к современной ему внешнеполитической ситуации³. М. Круз анализирует внешнюю политику Юстиниана по данным ранневизантийского историка применительно к Армении⁴, а также поднимает вопрос о конкурирующих историях VI в.⁵ Имперская идеология и пропаганда эпохи Юстиниана в отражении трактатов Прокопия Кесарийского представлена в статье С. Гадор-Вайт⁶. Постройки Юстиниана как выражение величия империи рассматриваются в статье вышеупомянутого исследователя М. Уитби, также этот автор сравнивает религиозные взгляды Прокопия и Агафия⁷. Римской идентичности по «Войнам с вандалами» Прокопия посвящена статья П. Вуда⁸.

Турецкий исследователь Турхан Касар рассматривал жизнь и деятельность Прокопия на территории современной Турции, в том числе на основе его трактата «О постройках»⁹. Вопрос о Малой Азии в «О постройках» также исследует немецкий исследователь К. Белке¹⁰. Палестинская диаспора гиргашитов в трудах Прокопия исследовались в работе О. Амитаи¹¹. Жизнь готов и их королевства в Италии по данным Прокопия изучается итальянским исследователем М. Кристини, также он дает общую характеристику творчества Прокопия¹². Германским военным вождям посвящена статья

¹ *Howard-Johnson J.* The Education and Expertise of Procopius // *Antiquité Tardive*. 2002. 10. P. 19–30.

² *Anagnostakis I.* Procopius's dream before the campaign against Libya: a reading of Wars 3.12.1-5 // *Dreaming in Byzantium and Beyond* / Ed. C. Angelidi, G. Calofonos. Farnham: Ashgate Publishing, 2014. P. 79–94.

³ *Kovács T.* Procopius's Sibyl — the fall of Vitigis and the Ostrogoths // *Graeco-Latina Brunensia*. 2019. 24.2. P. 113–124.

⁴ *Kruse M.* The Speech of the Armenians in Procopius: Justinian's Foreign Policy and the Transition between Books 1 and 2 of the Wars // *The Classical Quarterly*. 2013. 63. P. 866–881.

⁵ *Kruse M.* Competing Histories in the Sixth Century: Justinian and Procopius // (Conference 'Reinventing Procopius'. Oxford, January 2014). *Procopius Revisited: New Interpretations and Methodologies* / Ed. E. Turquois, C. Lillington-Martin. Ashgate (*in print*).

⁶ *Gador-Whyte S.* Procopius and Justinian's Propaganda // *Basileia: Essays on imperium and Culture in Honour of E.M. and M.J. Jeffreys* / Ed. G. Nathan, L. Garland. Brisbane: Brill, 2011. P. 109–119.

⁷ *Whitby M.* Pride and Prejudice in Procopius' Buildings: Imperial Images in Constantinople // *Antiquité Tardive*. 2000. 8. P. 59–66; *Idem.* Religious Views of Procopius and Agathias // *Continuity and Change: Studies in Late Antique Historiography. Electrum 13* / Ed. D. Brodka, M. Stachura. Cracow: Jagiellonian University Press, 2007. P. 73–94.

⁸ *Wood P.* Being Roman in Procopius' Vandal Wars // *Byzantium*. 2011. 81. P. 424–447.

⁹ *Kaçar T.* Procopius in Turkey // *Histos*. 2019. Supplement 9. P. 19.1–8.

¹⁰ *Belke K.* Prokops De aedificiis, Buch V, zu Kleinasien // *Antiquité Tardive*. 2000. 8. P. 115–125.

¹¹ *Amitay O.* Procopius of Caesarea and the Girkashite Diaspora // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 2011. 20. P. 257–276.

¹² *Cristini M.* Il seguito ostrogoto di Amalafriada: confutazione di Procopio, *Bellum Vandalicum* 1.8.12 // *Klio*. 2017. 99. P. 278–289; *Idem.* Totila and the Lucanian Peasants: Procop. Goth. 3.22.20 // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2021. 61. P. 73–84; *Idem.* Prokop von

вышеупомянутой М. Чезы¹. П. ван Нуффелен исследует восстание в Африке по трактату Прокопия «Войны с вандалами»². Взаимоотношения Византии и славян в VI в. на основе трактата Прокопия «О постройках» рассмотрены в работе Ф. Монтинаро³. Также этот исследователь посвящает отдельное исследование трактату «О постройках»⁴. Р. Шмидт изучает данные Прокопия о восточных народах⁵. Финикийские надписи как источник для Прокопия проанализированы в статье П. Шмитца⁶.

В 2005 г. греческой исследовательницей Е.М. Реваноглу была защищена диссертация «Географические и этнографические данные Прокопия Кесарийского»⁷, где изучается географический мир ранневизантийского историка, этнографические характеристики варваров в его произведениях. Автор приходит к выводу о том, что данные Прокопия достоверны, хотя не отличаются новизной, основанные на античной географической традиции. В то же время, в трудах Прокопия представлена целостная картина ранневизантийского мира.

Военно-политическую ситуацию в VI в., римско-персидские и римско-готские битвы по данным Прокопия в сравнении с другими письменными и археологическими источниками исследует английский историк К. Лиллингтон-Мартин⁸. В 2017 г. под его редакцией вышел сборник статей

Caesarea: Leben, Werke, Kritische Ausgaben, Übersetzungen und Bibliographie // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. 2021. 43. Coll. 1165-1195.

¹ *Cesa M.* Procopio di Cesarea ed alcuni militari e sovrani 'germanici' // ΦΙΛΙΑ. Festschrift für Gerhard Wirth / Ed. V. Lica, D. Nedu. Galatzi, 2006. P. 203–220.

² *van Nuffelen P.* The Late Antique State and “Mirror Rituals”: Procopius of Caesarea on Rebellions in Africa // Continuity and Change: Studies in Late Antique Historiography. Electrum 13 / Ed. D. Brodka, M. Stachura. Cracow: Jagiellonian University Press, 2007. P. 61–72.

³ *Montinaro F.* Byzantium and the Slavs in the Reign of Justinian: Comparing the two Recensions of Procopius' Buildings // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / Ed. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance 36; Belgrade: Arheološki institut, Posebna izdanja, Knjiga 51, 2011. P. 89–114.

⁴ *Montinaro F.* Power, Taste and the Outsider: Procopius and the Buildings revisited // Shifting genres in Late antiquity / Ed. G. Greatrex, H. Elton. Farnham; Burlington: VT, 2015. P. 191–206.

⁵ *Schmitt R.* Byzantinoiranica: zum Beispiel Prokop // Bisanzio e Persia, Atti del convegno dei Lincei. Vol. 201. Rome: Accademia nazionale dei Lincei, 2004. P. 665–677.

⁶ *Schmitz P.C.* Procopius' Phoenician Inscriptions: Never Lost, Never Found // Palestine Exploration Quarterly. 2007. 139. P. 99–104.

⁷ *Revanoglou A.M.* Γεωγραφικά και εθνογραφικά στοιχεία στο έργο του Προκοπίου Καισαρείας. Thessaloniki: Κέντρο Βυζαντινών Ερευνών, 2005. 305 σ.

⁸ *Lillington-Martin C.* Archaeological and Ancient Literary Evidence for a Battle near Dara Gap, Turkey, AD 530: Topography, Texts and Trenches // The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005) / Ed. A.S. Lewin, P. Pellegrini / BAR S1717, 2007. P. 299–311; *Idem.* Procopius, Belisarius and the Goths // Journal of the Oxford University History Society. 2009. P. 1–17; *Idem.* Hard and Soft Power on the Eastern Frontier: a Roman Fortlet between Dara and Nisibis, Mesopotamia, Turkey: Prokopios' Minduous? // The Byzantinist / Ed. D. Whalin. 2012. Issue 2. P. 4–5; *Idem.* Procopius on the Struggle for Dara in 530 and Rome in 537–538: Reconciling Texts and Landscapes // War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives

«Прокопий Кесарийский: литературные и исторические интерпретации»¹, в котором собрано много статей о ранневизантийском авторе различных современных исследователей, в том числе упомянутых выше. Сборник состоит из 8 частей: в 1 части рассматривается роль Прокопия в истории, во 2 части исследуются его литературные приёмы, в 3 части дается интерпретация войн с персами, в 4 части – просопографические характеристики от Прокопия различных исторических деятелей, в 5 части – статьи, посвященные сравнению произведений Прокопия с юридическими законодательными памятниками эпохи Юстиниана и сочинениями его современников (Иоанн Малала), в 6 части – социальная история, этнические и экономические аспекты, в 7 части – фальсификации по отношению к Прокопию в эпоху Нового времени, а в 8 части подводятся итоги.

Американский исследователь К. Вэтели исследовал военные аспекты творчества Прокопия. В 2009 г. им была подготовлена диссертация «Описание битвы у Прокопия»², которая состоит из 6 глав и изучает описание ранневизантийским историком войн: в 1 главе изучается жизнь и социальное положение самого ранневизантийского автора; во 2 главе исследуется греческая военная теория, риторика и историография, повлиявшие на Прокопия; в 3-5 главах исследуются непосредственно литературные приемы в трактатах «Войн»: с персами, вандалами и готами; а глава 6 посвящена концепции битвы у Прокопия в обобщающей книге 8 его «Войн».

В 2016 г. К. Вэтели подготовил монографию «Сражения и генералы: бой, культура и дидактизм в «Войнах» Прокопия»³. Эта работа состоит из 6 глав и 2 приложений по «Войнам» Прокопия. Автор рассматривает все книги войн как некие учебные руководства о военном деле, инструктирующие, как сражаться против разных народов, для чего историк подбирал различные примеры военных действий. В 1 главе описывается биография Прокопия, главы 2-4 посвящены разборам того, как побеждать персов, вандалов и готов, в главе 5 анализируется обобщающая книга VIII Прокопия (Книга IV «Войн с готами»), а в 6 главе дается общая характеристика мировоззрения ранневизантийского военного историка.

В 2021 г. этот исследователь издал новую работу о военном деле на основе трактатов Прокопия – «Прокопий о солдатах и военных учреждениях в Римской империи VI в.»⁴ Здесь непосредственно характеризуется римское

(Late Antique Archaeology. 8.1–8.2. 2010–2011) / Ed. A. Sarantis, N. Christie. Leiden: Brill, 2013. P. 599–630; *Idem*. La defensa de Roma por Belisario // Justiniano I el Grande (Desperta Ferro) / Ed. A. Pérez Rubio. № 18. July 2013. P. 40–45.

¹ Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations / Ed. C. Lillington-Martin. New York: Routledge, 2017. 316 p.

² *Whately C.* Descriptions of Battle in Procopius. Ph.D. thesis. Warwick: University of Warwick, 2009. 405 p.

³ *Whately C.* Battles and Generals: Combat, Culture, and Didacticism in Procopius' Wars. Leiden; Boston: Brill, 2016. 276 p.

⁴ *Whately C.* Procopius on Soldiers and Military Institutions in the Sixth-century Roman Empire. Leiden; Boston: Brill, 2021. 299 p.

военное устройство в VI в., такие вопросы как жизнь и функции рядовых солдат, военные подразделения, пограничники и наёмники, подготовка и военные действия солдат, – в широком сравнительном контексте с другими как нарративными, так и законодательными и эпиграфическими, папирусными источниками.

Готским войнам в описании Прокопия посвящена диссертация М. Курумали «Прокопий и готская война»¹, защищенная в 2006 г. Она детально описывает трактат «Войны с готами» Прокопия, рассматривая вопросы методологии, стилистики, античного влияния Фукидида и непосредственно затрагивая события в Италии VI в.

В статье Яна Колвина дается сравнение описания битв и военных кампаний у Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского². Ф. Ранке изучает военное дело в VI в. на примере битвы Нарзеса при Тагине в освещении Прокопия³.

Проблема воинской доблести и мужественности анализируется в работах М. Стюарта⁴. В 2020 г. вышла его монография «Мужественность, идентичность и политика власти в эпоху Юстиниана: исследование Прокопия»⁵, где проблема мужественности рассмотрена с позиций гендерной истории. Данная монография состоит из 3 частей («В поисках Прокопия», «Состязание», «Хаос вторгается»): в 1 части дается введение делается попытка понять настоящую личность Прокопия Кесарийского; во 2 части исследуется восприятие мужественности историком: критика расслабленной жизни, смелость и трусость, а также командование в войне с вандалами, военная деятельность евнухов на войне; в 3 части – проблемы хаоса в готской войне: критика Юстиниана, образ Тотилы, положение на италийском фронте.

В статье исследовательницы Л. Брубакер изучаются сексуальные аспекты «Тайной истории» Прокопия в контексте гендерной истории⁶.

¹ *Kouroumali M.* Procopius and the Gothic War. D. Phil. thesis. Oxford: Univ. of Oxford, 2006.

² *Colvin I.* Reporting Battles and Understanding Campaigns in Procopius and Agathias: Classicising Historians' Use of Archived Documents as Sources // *War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives (Late Antique Archaeology. 8.1–8.2. 2010–2011)* / Ed. A. Sarantis, N. Christie. Leiden: Brill, 2013. P. 571–598.

³ *Rance Ph.* Narses and the Battle of Taginae (552 AD): Procopius and Sixth-Century Warfare // *Historia. Zeitschrift für alte Geschichte.* 2005. 30.4. P. 424–472.

⁴ *Stewart M.* Contests of Andreia in Procopius' Gothic Wars // *Παρεκβολαι.* 2014. 4. P. 21–54; *Idem.* The Andreios Eunuch-Commander Narses: Sign of a Decoupling of martial Virtues and Hegemonic Masculinity in the early Byzantine Empire? // *Cerae.* 2015. 2. P. 1–25.

⁵ *Stewart M.* Masculinity, Identity, and Power Politics in the Age of Justinian: A Study of Procopius. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. 246 p.

⁶ *Brubaker L.* Sex, Lies, and Intertextuality: the Secret History of Prokopios and the Rhetoric of Gender in Sixth-century Byzantium // *Gender in the Early Medieval World, East and West, 300–900* / Ed. L. Brubaker, J.M.H. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 83–101.

Сексуальный и политический дискурс Прокопия на примере императрицы Феодоры показывается в статье Х. Зихе¹.

Мировоззрения и ментальность Прокопия изучает исследовательница Э. Турквуа². В 2013 г. историк защитила диссертацию «Предвидение Византии: материальность и визуальность у Прокопия Кесарийского»³, которая посвящена ранневизантийской эстетике на примере Прокопия. Эта работа состоит из 2 частей, в первой рассматривается материальный мир Прокопия (главы 1-3): архитектурные постройки, пространства и идиллические пейзажи, технические сооружения, машины, одежда, сосуды; во второй части исследуется духовный и воображаемый мир Прокопия (главы 4-5): страхи ранневизантийского автора, связанные с насилием и пытками, сверхъестественное (оракулы, чудеса, предзнаменования, сны).

Риторические приемы описания строений у Прокопия Кесарийского проанализированы в статье Дж. Элснера⁴. Этим же вопросам посвящены статьи Д. Ро⁵. Повествовательные акценты в «Тайной истории» Прокопия изучаются в статье греческого исследователя К. Паидоса⁶.

В 2002 г. итальянская исследовательница А.М. Таранья подготовила монографию «Истории слов. Речи и письма в первой византийской риторической историографии»⁷, где изучает риторические методы и приёмы Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Феофилакта Симмокатты.

Античное влияние на работы Прокопия анализирует американский историк М. Маас, в частности, сравнивая Прокопия и Страбона⁸. В 2006 г. под его редакцией выходит сборник «Кембриджский справочник по эпохе Юстиниана», состоящий из 4 частей (1. Структуры и идеологии империи, 2. Религия и философия, 3. Литература и искусства, 4. Люди и сообщества), где реконструируется социальная и духовная жизнь ранневизантийского

¹ *Ziche H.* Abusing Theodora: Sexual and Political Discourse in Procopius // *Byzantiaka*. 2013. 30. P. 311–323.

² *Turquois E.* Technical Writing, Genre, and Aesthetic in Procopius // *Shifting genres in Late antiquity* / Ed. G. Greatrex, H. Elton. Farnham; Burlington: VT, 2015. P. 219–233.

³ *Turquois E.* Envisioning Byzantium: Materiality and Visuality in Procopius of Caesarea. D. Phil. thesis. Oxford: University of Oxford, 2013.

⁴ *Elsner J.* The rhetoric of buildings in the *De Aedificiis* of Procopius // *Art and Text in Byzantine Culture* / Ed. L. James. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 33–57.

⁵ *Roques D.* Histoire et rhétorique dans l'oeuvre de Procope de Césarée: Procope est-il historien? // *Categorie linguistique e concettuali delle storiografia bizantina* / Ed. U. Criscuolo, R. Maisano. Naples: Associazione Italiana di Studi Bizantini, 2000. P. 9–39; *Idem.* Les Constructions de Justinien de Procope de Césarée // *Antiquité Tardive*. 2000. 8. P. 31–43.

⁶ *Païdas K.* Ἀφηγηματικοὶ ἄξονες στὴν Ἀπόκρυφὴ Ἱστορία τοῦ Προκοπίου // *Parnassos*. 2007. 49. Σ. 181–196.

⁷ *Taragna A.M.* *Logoi Historias: Discorsi et lettere nella prima storiografia retorica bizantina*. Alessandria: Edizioni dell'Orsa, 2000. 277 p.

⁸ *Maas M.* Strabo and Procopius: Classical Geography for a Christian Empire // *From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron* / Ed. H. Amirav et al. Leuven: Peeters, 2007. P. 67–84.

общества эпохи Юстиниана, в том числе с опорой на информацию трактатов Прокопия Кесарийского¹.

Вышеупомянутый польский исследователь Ч.Ф. Паздерник изучал влияние древнегреческого историка Ксенофонта на творчество Прокопия², а также обращается к историографии Прокопия³. Сравнение Прокопия Кесарийского с Лисием и Аполлодором дается в статье Д. Спазараса⁴.

Немецкий исследователь М. Майер уделяет внимание проблемам антикизирующей историографии в VI в., сравнивая Прокопия и Агафия, также принадлежащего к этой традиции⁵. Также он исследовал образ и роль императрицы Феодоры в сочинениях Прокопия⁶.

В 2022 г. под редакцией М. Майера в соавторстве с Ф. Монтинарo выходит «Справочник по Прокопию Кесарийскому»⁷. Этот справочник является обширным введением к произведениям Прокопия, он состоит из 5 частей: в 1 части дается общий обзор Римской империи VI в. и произведений Прокопия; во 2 части более подробно рассматриваются его биография и творчество, конкретно исследуются его трактаты «Войны», «Тайная история», «О постройках»; в 3 части анализируется Прокопий как историк: дается обзор предшествующей исторической традиции, изучаются его источники и материалы, на которые ранневизантийский автор ссылается, влияние христианской исторической мысли на его творчество, и наконец, последователи; в 4 части исследуется империализм Прокопия, отношение к войнам для восстановления империи, варварам на Западе и цивилизациям Востока; 5 часть посвящена Прокопию как писателю: его главному герою, нарративному стилю, следованию классической литературной традиции.

Вышеупомянутый польский историк Д. Бродка уделяет внимание научно-исторической деятельности Прокопия в русле ранневизантийской историографии, а также его источникам⁸. Его современная монография

¹ The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 533 p.

² Pazdernik Ch.F. Xenophon's Hellenica in Procopius' Wars: Pharnabazus and Belisarius // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2006. 46. P. 175–206.

³ Pazdernik Ch.F. Breaking silence in the historiography of Procopius of Caesarea // Byzantinische Zeitschrift. 2020. 113(3). P. 981–1024.

⁴ Spatharas D. Liaisons dangereuses: Procopius, Lysias and Apollodorus // The Classical Quarterly. 2012. 62. Issue 2. P. 846–858.

⁵ Meier M. Prokop, Agathias, die Pest und das 'Ende' der antiken Historiographie // Historische Zeitschrift. 2004. 278. S. 281–310.

⁶ Meier M. Zur Funktion der Theodora-Rede im Geschichtswerk Prokops (BP 1, 24, 33–37) // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. 147. P. 88–104.

⁷ A Companion to Procopius of Caesarea / Ed. M. Meier, F. Montinaro. Leiden: Brill, 2022. 674 p.

⁸ Brodka D. Priskos von Panion und Kaiser Markian. Eine Quellenuntersuchung zu Procop. 3,4,1–11, Evagr. HE 2,1, Theoph. AM 5943 und Nik. Kall. HE 15,1 // Millennium. 2012. 9. S. 145–162; *Idem*. Wege und Irrwege der byzantinischen Historiographie: Quellenkritische Studie zur Priskos-Tradition bei Eustathios von Epiphaneia, Johannes Malalas, Theophanes und Nikephoros Kallistos // Rheinisches Museum für Philologie. 2012. 155. S. 185–209; *Idem*. Prokopios von Kaisareia und die Abgarlegende // Eos. 2013. 100. S. 349–360; *Idem*. Die

«Философия истории в позднеантичной историографии. Этюды о Прокопии Кесарийском, Агафии Миринейском и Феофилакте Симокатте»¹ посвящена проблемам историописания Прокопия Кесарийского в сравнительном контексте с историческими концепция других антикизирующих историков VI-VII вв. Агафия Миринейского и Феофилакта Симокатты. В этой работе исследователь выделяет у трех авторов общие подходы к истории, интерпретации исторического процесса, распознавание факторов и структур, формирующих реальность VI в. В 2007 г. под его редакцией в соавторстве с М. Стахурой вышел сборник «Преемственность и изменения: исследования в позднеантичной историографии», где также в ряде статей изучались исторические взгляды Прокопия Кесарийского в сравнении с его предшественниками, современниками и потомками².

Проблемы исторических трактатов Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты с точки зрения их популярности и читателей исследует Дж. Френдо³.

Итальянская исследовательница Л.Ф. Креши исследует творчество Прокопия как переходное, стоящее на границе двух историографических традиций: античной и христианской⁴. Научные штудии Прокопия в контексте историографии Востока изучает М. Катауделла⁵.

Вышеупомянутый исследователь Б. Кроук и в наше время продолжает свои работы в области историографии Ранней Византии, особое внимание уделяя «Тайной истории» Прокопия Кесарийского⁶.

Также вышеупомянутая английская исследовательница Эв. Кэмерон, переиздавшая свою монографию о Прокопии в 2005 г. (см. выше), в наше время занималась творчеством ранневизантийских авторов в контексте общей

Wanderung der Hunnen, Vandalen, und West- und Ostgoten—Prokopios von Kaisereia und seine Quellen // *Millennium*. 2013. 10. S. 13–38.

¹ *Brodka D.* Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. 255 S.

² *Continuity and Change: Studies in Late Antique Historiography.* Electrum 13 / Ed. D. Brodka, M. Stachura. Cracow: Jagiellonian University Press, 2007. 210 p.

³ *Frendo J.D.* Three Authors in Search of a Reader // *Novum Millennium* / Ed. S. Takacs, C. Sode. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 123–135.

⁴ *Cresci L.R.* Procopio al confine tra due tradizioni storiografiche // *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica*. 2001. 129. P. 61–77.

⁵ *Cataudella M.* Historiography in the East // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity* / Ed. G. Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 391–447.

⁶ *Croke B.* Procopius' Secret History: Rethinking the Date // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2005. 45. P. 405–431; *Idem.* Uncovering Byzantium's historiographical audience // *History as Literature in Byzantium* / Ed. R. Macrides. Aldershot: Ashgate, 2010. P. 25–53; *Idem.* The Treatment of Religion in Sixth-Century Byzantine Historians and Some Questions of Religious Affiliation // *Between Personal and Institutional Religion: Self, Doctrine and Practice in Late Antique Eastern Christianity* / Ed. B. Bitton-Ashkelony, L. Perrone. Turnhout: Brepols, 2013. P. 195–227.

историографической традиции этой эпохи, в частности, римской имперской истории VI в.¹

Также создаются общие работы по ранневизантийским историкам и писателям, в контексте которых изучается творчество Прокопия. Работу «Ранневизантийские историки» подготовил У. Тредголд². В этой книге, состоящей из 10 глав, рассматривается вся греческая историческая традиция ранневизантийской эпохи, исследуемая как преемница классической греческой историографии, начиная с Геродота. Базируясь на данных «Мириобилиона» патриарха IX в. Фотия, исследователь дает комплексную характеристику светским и церковным историкам ранневизантийской эпохи: Евсевию Кесарийскому, Аммиану Марцеллину, продолжателям классической традиции (Евнапий, Олимпиодор, Приск, Кандид, Малх, Зосим, Евстафий) церковным историкам IV-V вв. (Филосторгий, Сократ, Созомен, Феодорит и др.), Прокопию Кесарийскому и его современникам (Марцеллин Комит, Иоанн Малала, Нонн, Иоанн Лид, Петр Патрикий, Гесихий Милетский), а также продолжателям (Агафий, Феофан, Менандр, Евагрий, Иоанн Епифанийский) и последним историкам VII в. (Иоанн Антиохийский, Феофилакт Симокатта, Пасхальная хроника). Исследуется их жизнь, карьера и творчество, дается краткая характеристика структуры и содержания их сочинений. В конце дается обобщающая глава об историках и их произведениях как продуктах своей эпохи.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

XIX – начало XX вв.

В отечественной историографии внимание Прокопию Кесарийскому также уделялось уже с конца XIX – начала XX вв. Из дореволюционной историографии проблемы «Тайной истории» Прокопия Кесарийского глубоко разрабатывал Б.А. Панченко³.

В 1900-х гг. Ю. Кулаковский подготовил фундаментальную работу по истории Византии, охватывающую период с 395 по 717 гг., ценность которой

¹ *Cameron Av.* Old and New Rome: Roman Studies in Sixth-Century Constantinople // Transformations of Late Antiquity: Essays for Peter Brown / Ed. P. Rousseau, M. Papoutsakis. Farnham: Ashgate, 2009. P. 15–36; *Idem.* Culture wars: late antiquity and literature // *Libera Curiositas. Mélanges d'histoire romaine et d'Antiquité tardive offerts à Jean-Michel Carrié* / Ed. Ch. Freu, S. Janniard, A. Ripoli / Bibliothèque de l'Antiquité Tardive 31. Turnhout: Brepols, 2016. P. 307-316.

² *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. London; New York: Palgrave Macmillan, 2007. 431 p.

³ *Панченко Б.А.* О Тайной истории Прокопия (Ч.1) // Византийский временник. 1895. Т. II. Вып. 2-3. С. 340-372; (Ч.2) // Византийский временник. 1896. Т. III. Вып. 1. С. 96-118; (Ч.3) // Византийский временник. 1896. Т. III. Вып. 2. С. 300-317; (Ч.4) // Византийский временник. Т. III. Вып. 3–4. 1896. С. 461-528; (Ч.5) // Византийский временник. 1897. Т. IV. Вып. 3–4. С. 337-402.

заключается в глубоком источниковедческом анализе; в качестве источника активно привлекается и Прокопий Кесарийский¹.

Важное значение имеют фундаментальные работы Ф.И. Успенского² и А.А. Васильева³ по истории Византии. Топография ранневизантийского Константинополя, в том числе, на основе трактатов Прокопия, исследовалась Г. Беглери⁴.

Советский период

В 1920-30-е годы была написана монография В.Е. Вальденберга⁵ по истории византийской политической философии, где затрагивался и ранневизантийский период, в том числе, современники Прокопия Кесарийского и их концепции. Однако в это время византология подавлялась как «реакционная наука», поэтому данная работа была написана «в стол», а её издание состоялось только в 2007 г.

Возрождение византологии как науки в СССР произошло в середине 40-х гг. Наиболее важным исследователем 1960-1970-х годов о Прокопии Кесарийском была З.В. Удальцова. Она изучала мировоззрение ранневизантийских историков, подготовив ряд статей, одна из них была посвящена мировоззрению Прокопия Кесарийского⁶. Также исследовательница изучала «Историю войн с готами» Прокопия⁷. В 1974 г. З.В. Удальцова подготовила монографию «Идейно-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков IV-VII вв.)»⁸, которая состоит из 8 глав, где последовательно рассматриваются историки ранневизантийской

¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 тт. Т.1: 395-518 годы. СПб.: Алетей, 2003. 492 с.; Т.2: 518-602 годы. СПб.: Алетей, 1996. 456 с.; Т.3: 602-717 годы. СПб.: Алетей, 1996. 400 с.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи IV–IX вв. М.: Мысль, 1996. 824 с.

³ Васильев А.А. История византийской империи. В 2 тт. Т.1. Время до крестовых походов до 1081 года. СПб.: Алетей, 2014. 490 с.; *Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1950. 451 p.*

⁴ Беглери Г.П. Заметки по топографии Константинополя // Византийский временник. 1898. Т. V. Вып. 4. С. 603-618.

⁵ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

⁶ Удальцова З.В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Т. 28 (53). С. 38-60; *Она же*. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского // Византийский временник. 1972. Т. 33 (58). С. 47-74; *Она же*. Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского // Византийский временник. 1968. Т. 29 (54). С. 153-169; *Она же*. К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия // Византийский временник. 1969. Т. 30 (55). С. 63-73; *Она же*. К вопросу о мировоззрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты // Сборник радова Византолошки институт САН. 1968. XI. С. 29-45; *Она же*. Мировоззрение Прокопия Кесарийского // Византийский временник. 1971. Т. 31 (56). С. 8-23.

⁷ Удальцова З.В. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами» // Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: АН СССР, 1950. С. 3-66.

⁸ Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков IV-VII вв.). М.: Наука, 1974. 351 с.

исторической традиции: Аммиан Марцеллин, историки круга Аммиана (Евнапий, Олимпиодор, Зосим), Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта и военный трактат VI в. «Стратегикон» Псевдо-Маврикия. Прокопию посвящена глава 4, где изучается его личность и биография, литературная деятельность, социально-политические, философские и религиозные взгляды, отношение к власти Юстиниана и варварским народам. Произведения Прокопия Кесарийского как исторический источник рассматриваются в статье З.В. Удальцовой «Развитие исторической мысли» в сборнике по культуре Ранней Византии¹, а также в главе 1 «Источники по истории Византии IV – первой половины VII в.» 1 тома «Истории Византии» под редакцией С.Д. Сказкина².

Личность и творчество Прокопия Кесарийского в 1970-1980-е годы изучал ленинградский историк Византии Г.Л. Курбатов. Он подготовил ряд работ по истории Византии в позднеантичную эпоху, уделяя особое внимание VI в.³ Прокопий Кесарийский как историк и писатель, а также его политические взгляды рассматриваются в работе Г.Л. Курбатова «Ранневизантийские портреты», посвященной политической идеологии империи в Поздней античности⁴. Эта монография состоит из 7 глав: в 1 главе рассматриваются общие вопросы политической идеологии и теории Ранней Византии; главы 2-4 посвящены интеллектуалам IV-V веков: Либанию, Иоанну Златоусту и Синезию; в главе 5 изучается VI в. в общем, глава 6 исследует политические взгляды и мировоззрение Прокопия Кесарийского, а глава 7 изучает программу императора Юстиниана.

В 1983 г. была защищена кандидатская диссертация московского историка С.А. Иванова, посвященная освещению славян в работах Прокопия – «Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского»⁵. В этой работе исследователь рассмотрел главные источники о славянах, знания о них в ранневизантийской традиции, включая представления Прокопия, также жизнь и быт славянских племен на Балканах.

Постсоветский период

В 1990-е гг. историческая наука освобождается от идеологического пресса марксизма-ленинизма в исследованиях. Также российским исследователям становится доступен огромный пласт зарубежной научной

¹ Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии IV – первая половина VII века. М.: Наука, 1984. С. 119-272.

² Удальцова З.В. Источники по истории Византии IV-первой половины VII в. // История Византии. В 3 тт. Т.1 / Общ. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. С. 5-66.

³ Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л.: ЛГУ, 1975. 256 с.; *Он же*. История Византии (от античности к феодализму). М.: Высшая школа, 1984. 207 с.

⁴ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л.: ЛГУ, 1991. 272 с.

⁵ Иванов С.А. Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского: дисс. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1983. 202 с.

литературы. Это стимулирует творческий бум в исследованиях по позднеантичной истории.

В это время развивается несколько направлений исследований наследия Прокопия Кесарийского. В русле административно-бюрократической истории его творчество изучала А.А. Чекалова. Основное внимание исследовательницы было сосредоточено на сенаторской аристократии ранневизантийской эпохи, особое внимание уделяется внутривластной жизни VI в.¹ В этом контексте она изучала и Прокопия Кесарийского. Также работы ранневизантийского историка рассматривались ею в источниковедческом аспекте, в частности, личность и творчество писателя рассмотрены в статье к подготовленному А.А. Чекаловой изданию перевода трактатов Прокопия «Войны с персами», «Войны с вандалами», «Тайная история»². В другой статье она сравнивает данные Прокопия Кесарийского и сирийского историка Иешу Стилита по вопросам освещения римско-персидских войн VI в.³

Другое направление – изучение Прокопия Кесарийского в русле историографической традиции. Его развивает историк М.В. Бибилов. В 1998 г. им подготовлена монография «Историческая литература Византии»⁴. Эта монография состоит из 3 частей, где первая посвящена ранневизантийскому периоду, там изучаются: позднеантичная историческая проза IV-V вв., церковные историки и Прокопий Кесарийский, которого автор считает основоположником принципов ранневизантийской историографии.

¹ Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя первой половины VI в. // Византийский временник. 1972. Т. 33 (58). С. 12-32; Она же. Представления о знатности в Византии в IV – первой половине V вв. // Византийский временник. 1990. Т.51 (76). С. 32-45; Она же. Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V — VI в. // Византийский временник. 1991. Т.52 (77). С. 57-69; Она же. Сенаторская аристократия и крупная земельная собственность в IV – первой половине VII вв. // Византийский временник. 1995. Т.56 (81). С. 20-32; Она же. Патрициат в Ранней Византии // Византийский временник. 1997. Т.57 (82). С. 32-44; Она же. Сенаторская знать ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления // Античная древность и средние века. 2002. Вып. 33. С. 12-21; Она же. Римская и константинопольская сенаторская аристократия в IV—VI вв. (Опыт сравнительной характеристики) // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой. СПб.: Алетей, 2005. С. 58-66; Она же. Западные и восточные тенденции в Византии в ранний период (борьба и взаимодействие) // Античная древность и средние века. 2013. Вып. 41. С. 32-46; Она же. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб.: Алетей, 1997. 329 с.; Она же. У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М.: Книжный дом «Университет», 2007. 257 с.; Она же. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М.: Наука, 2010. 338 с.

² Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. С. 421-458.

³ Чекалова А.А. Иешу Стилит или Прокопий? (К вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502—506 гг.) // Византийский временник. 1981. Т.42 (67). С. 71—77.

⁴ Бибилов М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетей, 1998. 317 с.

Продолжает балканские штудии С.А. Иванова по Прокопию белгородская исследовательница И.В. Денисова, которая в 2012 г. защитила диссертацию ««Византийская Склавиния»: славяне в Греции и Малой Азии: VI-X вв.»¹ Она состоит из 4 глав: в 1 главе рассматриваются империя и славянские племена накануне расселения славян на Балканах, во 2 и 3 главах – славянские миграции на территорию Византии и славянская колонизация Балкан, в 4 главе – ассимиляция славян империей. В качестве одного из основных источников по ранней истории славян выступают трактаты Прокопия Кесарийского.

Еще одно направление – изучение позднеантичной истории Крыма по данным Прокопия Кесарийского. Крымскими исследователями А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой подготовлена монография «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)»², в которой исследуются проблемы локализации готов в Крыму на основе данных о мифической готской стране Дори у Прокопия Кесарийского. В 1 главе исследуются все источники о готской стране Дори; во 2 главе изучается этнический состав ранневизантийского Крыма; 3 глава посвящена миграциям германцев и алан на полуостров; в 4 главе анализируются археологические следы присутствия готов в Крыму, в частности, территория их расселения локализуется авторами на юго-западной части полуострова; 5 глава освещает изменение положения готов в Крыму в ходе и после вторжения гуннов, в 6 главе рассматривается археологическая культура населения Дори в VI-VII вв; в 7 главе производится попытка реконструкции готского костюма в Крыму; 9 глава обобщает исследование и делает окончательные выводы об этнической принадлежности страны Дори и её локализации. Исследователи оценивают эту работу положительно³.

Помимо фундаментальных монографий в последнее время в отечественной историографии появляется множество отдельных статей и публикаций по сочинениям Прокопия Кесарийского, по самым различным темам.

Вопросами историософии Прокопия Кесарийского занимается Б.Г. Соколов⁴. Имперская идея у Прокопия Кесарийского рассмотрена А.В. Бирюковым⁵.

¹ Денисова И.В. «Византийская Склавиния»: славяне в Греции и Малой Азии: VI-X вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Белгород; Ставрополь, 2012. 231 с.

² Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

³ Медовичев А.Е. [Рецензия]: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III — VII вв.) / РАН. Инт-т археологии Крыма. Крымский фед. ун-т ми. В.И. Вернадского. Симферополь: Антиква, 2017. 366 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2018. №4. С. 179-184.

⁴ Соколов Б.Г. Вопрос об истине в истории: казус Прокопия Кесарийского // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2004. Т.5. № 1. С. 299-304.

⁵ Бирюков А.В. Имперская идея в трудах Прокопия Кесарийского // Итоги научных исследований ученых МоГУ им. А.А. Кулешова. 2019 г. материалы научно-методической конференции. Могилев: МоГУ им. А.А. Кулешова, 2020. С. 6-7.

Вопросы религии и мифологии в творчестве Прокопия затронуты в статье Е.В. Стельника, изучающего хароновскую традицию в Византии¹.

Образ имперской власти, императора Юстиниана и императрицы Феодоры по Прокопию изучается в статьях Е.Е. Фунтова и В.Н. Кузнецова², Ю.Ю. Чуевой³.

Военное дело Ирана на основе трудов Прокопия изучается в работах В.А. Дмитриева⁴, ранневизантийский морской флот – в работе В.В. Серова⁵.

Множество исследований посвящено этнической истории у Прокопия Кесарийского: гуннов-савиров изучает И.Г. Семенов⁶, массагетов – А.Ю. Митрофанов⁷; Остготское королевство рассматривается Я.Е. Беспальчиковой⁸, А.А. Казаковой⁹; славянские древности по данным

¹ *Стельник Е.В.* Харонейя и барка Харона в описании Прокопия Кесарийского // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: СГИК. 2015. С. 564-570.

² *Фунтов Е.Е., Кузнецов В.Н.* Юстиниан в трудах Прокопия Кесарийского // Симбирский научный вестник. 2014. №4 (18). С. 147-151.

³ *Чуева Ю.Ю.* Образ Антонины в «Тайной истории» Прокопия Кесарийского // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. №8 (229). С. 52-54.

⁴ *Дмитриев В.А.* Состав и организация персидской армии по данным Прокопия Кесарийского // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. №5. С. 24-27; *Он же.* Произведения позднеантичной художественной историографии как источники по военной истории Сасанидского Ирана // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки. Сборник работ молодых ученых. Владикавказ: Совет молодых ученых и специалистов при главе республики Северная Осетия-Алания, 2011. С. 170-173.

⁵ *Серов В.В.* Прокопий Кесарийский о мореплавании и плавательных средствах // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т.2. Сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2013. С. 329-339.

⁶ *Семенов И.Г.* Локализация савир по данным Прокопия Кесарийского и «Армянской географии» VII века // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011. С. 46-50.

⁷ *Митрофанов А.Ю.* Прокопий Кесарийский и «массагеты» // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 223-236.

⁸ *Беспальчикова Я.Е.* Теодорих Великий в «Войне с готами» Прокопия Кесарийского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVII всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (27—30 ноября 2017 г.) / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 41-47.

⁹ *Казакова А.А.* Образ королевы-регентши Амаласунты в произведениях Прокопия Кесарийского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XL всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (10—12 ноября 2021 г.) / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-Принт, 2021. С. 40-46.

Прокопия и его современников изучены у А.П. Медведева¹, П.В. Шувалова²; фортификации Крыма – у В.Е. Науменко³, готское и гуннское население Крыма – у А.Л. Ермолина⁴; арабов по сочинениям Прокопия рассматривает Е.А. Круглов⁵. Дипломатические отношения Византии с Ираном рассматривает А.В. Пикин⁶.

Также рассматриваются и социальные проблемы на основе информации трактатов Прокопия. В частности, эпидемии чумы в VI в. в сравнительном контексте Прокопия и Евагрия изучает статья А.В. Зибеева и В.Ф. Жуковой⁷.

Филологические проблемы и издания работ Прокопия изучают М.С. Неклюдова⁸, И.П. Медведев⁹.

В целом, подводя итоги историографическому исследованию творчества Прокопия Кесарийского в зарубежной и отечественной историографии, можно сделать следующие выводы.

¹ *Медведев А.П.* Свидетельство Прокопия Кесарийского о восточных пределах антов в свете новейших археологических открытий // Норция (Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья). Воронеж: ВГУ, 2004. С. 99-112; *Он же.* Археологический комментарий к свидетельству Прокопия об антах (Bell. Goth.: IV.4.9) // Кондаковские чтения-1. Проблемы культурной преемственности. Белгород: БелГУ, 2005. С. 68-74.

² *Шувалов П.В.* «Питаюсь лисами, и лесными кошками, и кабанами, перекликаясь же волчьим воем» // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. №4. С. 141-147.

³ *Науменко В.Е.* Укрепление Сиваг-Кермен в юго-западном Крыму. Новая византийская крепость «Страны Дори» Прокопия Кесарийского (общие итоги археологического изучения памятника в 2015-2017) // Античная древность и средние века. 2018. Т. 46. С. 54-72.

⁴ *Ермолин А.Л.* Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н.э.) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2005. С. 349-354.

⁵ *Круглов Е.А.* Арабы в трудах Прокопия Кесарийского // Россия и страны Востока: векторы взаимодействия и сотрудничества / Отв. ред. С.Н. Лаврентьев. Уфа: Гилем, 2014. С. 79-84.

⁶ *Пикин А.В.* Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2018. №10. С. 53-60.

⁷ *Зибеев А.В., Жукова В.Ф.* Формы чумы у Прокопия Кесарийского (Procop. De Bellis. IV.14) и Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. Eccl. IV.29): о развитии теоретической медицины в Восточной Римской империи VI в. // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2022. № 6. С. 158-186.

⁸ *Неклюдова М.С.* Переводы-переименования в европейской литературной практике XVII века: (Петроний и Прокопий Кесарийский) // Вольность и точность. Гаспаровские чтения-2014. Сер. «Monumenta Humanitatis: Чтения ИВГИ — ИВКА — ЦТСФ». М.: РГГУ, 2015. С. 137-148.

⁹ *Медведев И.П.* Об одном неосуществленном проекте издания в 30-е годы русского перевода «Тайной истории» Прокопия Кесарийского: неизвестные документы // Византийский временник. 1995. Т. 56 (81). С. 320-331.

Тематика наследия Прокопия Кесарийского пользуется популярностью на протяжении XIX-XXI вв., наибольшее развитие она получила в зарубежной исторической науке. Эта тема поднимается в работах немецких, английских, американских, канадских, австралийских, французских, итальянских, испанских, нидерландских, бельгийских, румынских, болгарских, сербских, греческих, турецких и других исследователей – фактически во всех европейских научных школах.

Затрагиваются самые разнообразные аспекты творчества ранневизантийского историка: этническая история различных народов в Поздней античности, политическая история Ранней Византии, в том числе политические взгляды самого Прокопия, его мировоззрение, философские и религиозные взгляды, военная история Ранней Византии, войны с персами, готами и вандалами, источниковедение его трактатов, роль Прокопия в контексте исторической традиции Ранней Византии, античное влияние на творчество Прокопия и его античные штудии.

Исследовательский бум к тематике характерен для современной историографии, где вышло много новых монографий и диссертаций. Для зарубежных историков характерен подход, рассматривающий Прокопия как оппозиционно настроенного к власти диссидента, республиканца и язычника на основе «Тайной истории». Но в последнее время он стал пересматриваться.

В отечественной историографии исследований по Прокопию создано гораздо меньше. На протяжении советского периода лишь незначительное число византологов разрабатывало данную тематику. Основное внимание уделялось мировоззрению и социально-политическим взглядам Прокопия. С начала 1990-х годов ситуация стала улучшаться, в том числе благодаря доступу к зарубежным работам. В данное время изучаются аспекты творчества Прокопия Кесарийского в контексте ранневизантийской исторической традиции, его роль в административной истории, имперская традиция, данные по военному делу и военной истории Ранней Византии. Вызывает интерес этническая история, в контексте которой особое внимание привлекает информация Прокопия о Крыме, его укреплениях и населении в позднеантичный период. В то же время, нет такого внимания к религиозным и политическим взглядам Прокопия, как у зарубежных исследователей, наоборот, ранневизантийский автор воспринимается, скорее, как продукт своей эпохи, полностью интегрированный в современное ему общество. К сожалению, до сих пор в России нет ни одной специальной монографии о Прокопии, хотя есть несколько глав о нем в более общих трудах (З.В. Удальцова, А.А. Чекалова, Г.Л. Курбатов, М.В. Бибиков).

Видимо, настает время для более интенсивного углубления в мир Прокопия Кесарийского в отечественной византологии.

TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF HERITAGE PROCOPIUS OF CAESAREA

M.M. Sinitsa (Belgorod)

This paper examines in detail the historiography of the study of the historian and military official of the VI century Procopius of Caesarea and his writings in foreign and domestic historical science from the 2nd half of the 19th century to the present time. Procopius of Caesarea was one of the most prominent historians of the early Byzantine period, therefore his personality and work attract the attention of scientists. The article is divided into chronological sections, where research interest in various aspects of Procopius' work is considered. At the end of the article, conclusions are drawn about the state of the problem in foreign and domestic historiography at this moment.

Key words: Procopius of Caesarea, early Byzantine historians, historiography, foreign historiography, domestic historiography, Late Antiquity, Early Byzantium.

СВ. ГЕОРГИЙ ИЛИ ТРИ СВЯТЫХ ВОИНА: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОСПИСЕЙ ХРАМА «ТРЕХ ВСАДНИКОВ» (ЭСКИ-КЕРМЕН, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Ю.М. Могаричев (Симферополь)

А.С. Ергина (Санкт-Петербург)

Церковь «Трех всадников» находится на юго-восточном склоне городища Эски-Кермен (Юго-Западный Крым). Свое название она получила от фрески, на которой изображены три святых, сидящие на конях. Дискуссии вокруг храма «Трех всадников» ведутся по двум направлениям: 1) была ли «церковь с фресковой росписью» здесь первоначальной, созданной в XIII в., или ей предшествовало более раннее (раннесредневековое) пещерное культовое сооружение; 2) на росписи показан только св. Георгий, представленный в трех сюжетах, или свв. Дмитрий, Федор и Георгий, или образы святых дополнены изображениями неких местных исторических персонажей. Что касается интерпретации изображений на фреске, то их анализ показывает, что перед нами три святых воина: Дмитрий, Федор (Стратилат или Тирон) и Георгий. Их совместные изображения, в отличие от «тройственного св. Георгия», известны и на других памятниках Крыма.

Ключевые слова: Византия, Крым, Эски-Кермен, пещерные церкви, фрески, храм «Трех всадников».

Церковь «Трех всадников» расположена на юго-восточном склоне «пещерного города» Эски-Кермен (Горный Юго-Западный Крым). Она вырублена в скальном останце и свое условное название получила от сюжета стенописи, на которой изображены три святых воина, сидящие на конях (рис. 1; 2; 3). Храм, размерами 5,5x3,5x2,7 м имеет форму трилистника (конхиальную). Апсида, частично разрушенная в восточной части, полукруглая (2,6x2,4 м), отделена от наоса скальным основанием алтарной преграды. В верхней части апсида выделена каменными столбами с аркой. В центре алтаря в полу вырублено основание для престола. В стене апсиды имеется сидение и ниша. В южной стене наоса, по предположению Н.И. Репникова, находился жертвенник. Вдоль стен вырублена скамья 0,4x0,4

м. В полу находятся две могилы – у северной стены для взрослого, у южной, напротив входа – детская. В южной и северной стенах вырублены два квадратных окна. В церковь вели два входа. Один, с четырьмя ступеньками, с северо-запада, размерами 1х2 м, другой, размерами 0,8х2 м, размещался с юга. К западу от храма в отдельном камне вырублено небольшое помещение 1,8х2х1,7 м, скорее всего ризница (рис. 4). На северной стене просматривается фресковая роспись с изображением трех святых всадников (рис. 6; 7; 9)¹. Согласно Н.И. Репникову: «Изображения написаны на синем фоне и сильно пострадали от намеренного повреждения. Имена изображенных не сохранились. Всадники в кирасах, с закинутыми на левое плечо щитами и развевающимися плащами, с копьями в руках, едут по направлению к алтарю. Средний поражает змия, боковые держат копья остриями вверх. Ближайший к алтарю имеет на крупе коня фигуру мальчика, держащегося за луку седла. Сбруя лошадей богатая, хвосты завязаны»².

Это один из самых знаковых памятников культовой скальной архитектуры Горной Таврики, а росписи являются наиболее хорошо сохранившимися и «читаемыми» среди всех росписей пещерных церквей Крыма. При этом, учитывая, что на фреске не указано, каких именно святых изобразил художник, дискуссия об интерпретации данных изображений ведется с XIX в.

На фреске сохранилась надпись (рис. 5). Ее дата утрачена. В.М. Григорович в 1873 г. якобы разглядел окончание 67 – 12 гг. Однако, он упомянул о надписи вскользь, в контексте повествования о ссылке в Крым первых христиан и строительстве, согласно преданиям, опальным Климентом Римским церковью на полуострове³.

В.В. Латышев, по копиям Ю.А. Кулаковского и А.Л. Бертье-Делагарда, предложил такой перевод: «Изсечены и расписаны ... Христовы ... за душевное спасение и отпущение грехов»⁴.

Н.Л. Эрнст определял текст следующим образом: «Высечено и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов ...»⁵.

¹ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. С. 49-51; Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. С. 114-115; Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 261-263, 275-278.

² Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник. 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 108-109.

³ Григорович В.И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса: Тип. Францова, 1874. С. 15-16.

⁴ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. АН, 1896. С. 47-48.

⁵ Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60). С. 32.

Н.И. Репников: «Изсечены и написаны святые мученики Христовы для спасений души и отпущения грехов»¹.

О.И. Домбровский в своей монографии опубликовал перевод А.А. Белецкого: «Высечены из камня и расписаны ... Христа... ради спасения и отпущения грехов...»².

А.Ю. Виноградов переводит так: «Вырублены и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов имярека в 67.. году»³.

И, наконец, Н.В. Днепровский представил такой вариант: «вырублено и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов [раба Божия] ...»⁴.

Первое научное описание памятника сделал А.С. Уваров в 1848 г. По его мнению на фреске запечатлены, слева направо: св. Дмитрий, св. Георгий, св. Федор Стратилат (как вариант св. Прокопий или св. Меркурий)⁵.

Согласно Д.М. Струкову: «предполагаю: Святых Архангела Михаила, мучеников Георгия и Дмитрия»⁶.

А.Л. Бертье-Делагард, по словам В.В. Латышева, считал, что на фреске помещен «Св. Георгий в трех различных положениях»⁷.

По мнению Н.Л. Эрнста, здесь изображены: «вероятно Георгий Победоносец или Федор Стратилат, Дмитрий Солунский и Федор Тирон. Вернее, всего два Федора, и Георгий»⁸.

И.Э. Грабарь, побывавший на Эски-Кермене в период работы там экспедиции Н.Л. Эрнста, отметил: «Пришли в погребение с фреской Дм. Солунского (?), Георгия и Феодора Стратилата (?)»⁹.

А.Л. Якобсон полагал, что на росписи помещен только св. Георгий¹⁰.

¹ Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. С. 108.

² Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1966. С. 39.

³ Виноградов А.Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в. // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). 2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html> (дата обращения: 20.03.2022).

⁴ Днепровский Н.В. Новое в интерпретации пещерного храма «Трёх всадников» на городище Эски-Кермен // Дивногорский сборник. Воронеж, 2015. Вып. 5. С. 16.

⁵ Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. С. 273-274.

⁶ Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках художника Д.М. Струкова в губерниях: Московской, Владимирской, Смоленской, Ярославской, Тульской, Калужской и Кубанской обл. // НА Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. 1889. Д. 87. Л. 24.

⁷ Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. XX. С. 152.

⁸ Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 32.

⁹ Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря // Вестник Волгоградского государственного университета. 2020. Серия 4. История, регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 6. С. 118.

¹⁰ Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. С. 101.

О.И. Домбровский рассматривал изображенных так: в центре Георгий Победоносец, а по бокам от него – местные воины, павшие в боях, над могилою которых и был сооружен мартирей¹.

По мнению Е.Г. Овчинниковой, на росписях изображен только св. Георгий, представленный в сюжетах: «чудо со спасенным из плена пафлагонским отроком»; «поражение копьем дракона»: «надежного защитника, готового прийти на помощь»².

А.В. Мальгин и М.Р. Мальгина рассматривали фреску в контексте гипотезы Н.Л. Эрнста, дополнив ее рядом аргументов³.

По мнению Ю.М. Могаричева, росписи изображают Дмитрия Солунского, Федора Стратилата и Георгия Победоносца⁴.

Э.М. Корхмазян считала, что храм «Трех всадников» принадлежал армянской общине, а на фреске помещен святой Саркис со своим сыном Мартиросом⁵.

В.П. Степаненко⁶ и А.Ю. Виноградов⁷ также писали о тройственном изображении св. Георгия.

Болгарский исследователь Г. Атанасов полагает, что на фрески изображены св. Дмитрий, св. Феодор и св. Георгий⁸.

Е.Н. Осауленко пришел к выводу, что всадник-змееборец – это св. Феодор. Основанием для такого заключения послужили выявленные им у этого изображения, в его первоначальном варианте, «остатки кудрявой бороды», а росписи были созданы во 2-й половине XIII в.⁹

Немецкая исследовательница А. Плонтке-Люнинг – сторонник версии, что все три всадника – есть св. Георгий. Но в человеческой фигуре на крупе коня правого наездника, она видит изображение «архонта Эски-Кермена»¹⁰.

¹ Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. С. 34-42.

² Овчинникова Е.С. Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного Исторического музея // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 230-232.

³ Мальгин А.В., Мальгина М.Р. К вопросу об интерпретации фрески «Храма трёх всадников» в Эски-Кермене (по материалам фонда А.Л. Бертье-Делагарда архива Крымского республиканского краеведческого музея) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1993. № 2. С. 4-7.

⁴ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. С. 49-51; Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. С. 275-278.

⁵ Корхмазян Э.М. Новые данные о фреске в Эски-Кермене // Историко-филологический журнал НАН РА. Ереван, 1998. №3. С. 143-148.

⁶ Степаненко В.П. К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 452-457.

⁷ Виноградов А.Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в.

⁸ Атанасов Г. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през средновековието. София: Зограф, 2001. С. 248-249.

⁹ Осауленко Е.М. Збираючи мозаїку зно: середньовічні фрески Кримської Готії // Collegium. 2008. № 24. С. 131.

¹⁰ Plontke-Luning A. Ein Jerrn vom Eski-Kermen? Überlegungen zum 'Dreireiter-Bild' in der Felskapelle am sudwesthang des Eski-Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / hrsg.

Н.В. Днепровский, отвергая гипотезу о «троичном Георгии», отождествляет фигуру на крупе коня с усопшим жителем Эски-Кермена, ради которого «и был расписан храм». Средний образ – один из двух Федоров (Тирон или Стратилат). Левый однозначно не интерпретируется¹.

Несмотря на отмеченные выше в историографии разногласия в отношении интерпретации изображений из церкви «Трех всадников», выводы А.С. Уварова, Н.Л. Эрнста, Г. Атанасова и, конечно, И.Э. Грабаря, заставляют отказаться от версии о «трех Георгиях» и «портретах реальных местных деятелей». Казалось бы, весомым аргументом в пользу нахождения на фреске исключительно св. Георгия является то, что все трое святых изображены безбородыми юношами². Известно, что в Византии св. Георгий «изображается безбородым юношей, с густыми, кудрявыми волосами, доходящими до ушей»³, в отличие от Феодора Стратилата и Феодора Тирона, которых художники показывали мужчинами средних лет с бородой⁴.

Отметим, что, как доминирующая, гипотеза «трех Георгиев» закрепились в историографии после издания монографии О.И. Домбровского, где он поместил прорись «безбородых» фресковых изображений (рис. 6) после их копирования, расчистки и реставрации, которой сам руководил⁵. Именно этот «постреставрационный вариант» изображений О.И. Домбровского и стал базой для последующих выводов Е.Н. Овчинниковой, В.П. Степаненко и др.

Е.Н. Осауленко заметил фрагменты бороды у среднего святого. Эта борода отчетливо видна и на рисунке М.Б. Вебеля (сер. XIX в.) из так называемого Неизданного альбома А.С. Уварова⁶. Причем, это лучше всего просматривается на той версии рисунка, который опубликован на сайте Государственного исторического музея (Инв. ном. МФ/2-2172, ном. ГИМ 105190/245, Ном. ГК 17198725) (рис.7; 8)⁷. В паспорте экспоната записано:

von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. S. 251–269.

¹ Днепровский Н.В. Новое в интерпретации пещерного храма «Трёх всадников» на городище Эски-Кермен. С. 25-33; Днепровский Н.В. Некоторые проблемы исследования фрески Эски-Керменского храма «Трех всадников» // Бахчисарай: археология, история, этнография. Бахчисарай; Белгород: Константа, 2018. С. 64.

² См напр.: Степаненко В.П. К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом. С. 454-455.

³ Жарикова Т.А. Георгий. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2009. Т.10. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/162188.html>. (дата обращения: 20.03.2022).

⁴ Степаненко В.П. К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом. С. 454.

⁵ Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. С. 9.

⁶ Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. С. 8.

⁷ Изобразительные материалы к изданию "Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова" (СПб., 1851-1853). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236537?kit=625516286&index=32>. (дата обращения: 20.03.2022).

«бумага, акварель». Соответственно ГИМовский рисунок, несомненно, является оригиналом, с которого были изготовлены известные по другим публикациям гравюры (рис. 9). При этом, в защиту О.И. Домбровского, стоит отметить, что уже во 2-й половине XIX в. данная борода плохо просматривалась. По крайней мере, Д.М. Струков на своем рисунке росписи (1886 г.), правда далеко от оригинала, ее не отобразил (рис. 10).

Таким образом, перед нами – изображение трех святых воинов: Дмитрия, Феодора (Стратилата или Тирона) и Георгия. Эти три святых совместно почитались представителями византийской аристократии, а Неофит Кипрский (2-я половина XII – нач. XIII вв.) определяет их как соратников и сопричастников¹. Их совместные изображения хорошо известны в византийском искусстве с VI в, а с XII в. получили широкое распространение². Часто св. Георгия также изображали в паре с св. Дмитрием. Отметим, последний также рисовался юношей без бороды³. Что касается Крыма, то три святых воина вместе представлены на иконе (XII в.), найденной при исследовании Херсонеса⁴. Среди росписей пещерных церквей их совместные изображения есть: в храме «Донаторов» (середина XIV в., округа того же Эски-Кермена)⁵; церкви Южного монастыря Мангупа (XV в)⁶. Г. Атанасов, в своей монографии, посвященной почитанию и изображению св. Георгия в эпоху средневековья, приводит подборку изображений св. Георгия с двумя другими указанными святыми воинами или с кем-то одним из них⁷.

Конечно, в Византии была известна и композиция двойного чуда св. Георгия: «Чудо о змии» и «Чудо с отроком»⁸. Но, во-первых, там речь идет не о «тройном чуде», а только о двойном. А во-вторых, впервые такая объединённая композиция встречается только на иконе 20-х гг. XIV в., а распространение получила с XV в.⁹ Заметим, что ни один из сторонников «троичности св. Георгия» на фреске храма «Трех всадников» не смог привести

¹ *Воронин К.В.* Стеатитовая икона с образами великомучеников Федора, Георгия, Дмитрия из раскопок в Херсонесе и ее культурно-исторический контекст: изображения триумвирата святых воинов в христианском искусстве XII–XIII вв. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М.: Пробел-2000, 2019. С. 63.

² *Жарикова Т.А.* Георгий. Иконография.

³ *Жарикова Т.А.* Георгий. Иконография.

⁴ *Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д.* Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2018. С. 164.

⁵ *Могаричев Ю.М.* «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. С. 265-268.

⁶ *Могаричев Ю.М., Ергина А.С.* К вопросу о периодизации фресковых росписей пещерной церкви Южного монастыря Мангупа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 6. С. 51.

⁷ *Атанасов Г.* Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през средновековието. С. 26, 27, 30, 62, 68, 70, 71, 72, 74, 77, 80, 81, 82, 94, 96, 107, 111, 174, 175, 195, 244.

⁸ *Жарикова Т.А.* Георгий. Иконография.

⁹ Там же.

ни одной аналогии ни на памятниках византийского круга, ни еще где-либо. Следовательно, если согласиться с версией, что на фреске церкви «Трех всадников» представлен только св. Георгий, то следует признать, что его «троичное изображение» – исключительно «крымская особенность», и появилось это ранее композиции двойного чуда, что, несомненно, является нонсенсом. Более того, О.И. Домбровский, говоря о возможности нескольких изображений св. Георгия, указывал: «В житийных иконах Георгия действительно встречаются такие повторения. Обычно они группируются вокруг основного, более крупного изображения и представляют собой сцены деяний святого, заключенные в отдельные клейма. Сам он, как правило, представлен в них совершенно одинаковым. Ничего этого нет в эски-керменской фреске, где трое юношей по-разному одеты и вооружены, сидят в разных седлах, на конях различной масти; к тому же все всадники помещены на общем поле, не разделенные на отдельные панно, а наоборот, окаймленные красной краской, объединяющей эти изображения, как бы в одну сцену»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что совместное изображение свв. Георгия, Дмитрия и Федора является традиционным, как для византийского искусства в целом, для средневекового Крыма. С другой стороны, мы не знаем примеров среди византийских, в том числе и крымских памятников, где был бы одновременно изображен св. Георгий в трех сюжетах.

Нашу гипотезу подтверждает упомянутая надпись под фреской, где в отношении изображенных стоит множественное число и родительный падеж. Попытки объяснить упоминание одного св. Георгия во множественном числе: «Изображён мученик в трех деяниях и, соответственно, в трех иконографических типах»²; три образа св. Георгия воспринимались, «как три святых», а в качестве аналогии указан культ двух Федоров в соседнем Черкес-Кермене³, выглядят неубедительными. Во-первых, св. Георгий – это один персонаж, а св. Федоры разные. Во-вторых, если версию, что изображения на фреске воспринимались как разные святые местными прихожанами еще можно как-то допустить, то крайне сложно поверить, что так св. Георгий воспринимал церковный живописец, без сомнения, достаточно хорошо разбиравшийся в христианской агиографии, и однозначно назвавший в надписи святых во множественном числе. Особо заметим, что крымские эпиграфические находки свидетельствуют о хорошей образованности их авторов⁴.

¹ Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. С. 38-39.

² Степаненко В.П. К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом. С. 456.

³ Виноградов А.Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в.

⁴ Евдокимова А.А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М.: Пробел-2000, 2019. С. 101.

ST. GEORGE OR THE THREE HOLY WARRIORS: ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE MURALS OF THE TEMPLE OF THE «THREE HORSEMEN» (ESKI-KERMEN, SOUTH-WESTERN CRIMEA)

Y. M. Mogarichev (Simferopol)
A.S. Ergina (Saint Petersburg)

The Church of the “Three Horsemen” is located on the southeast edge of Eski-Kermen hill fort (Southwest Crimea). Its name comes from the fresco with the images of tree saints riding on the horses. Modern scholars discussed two issues: 1) if the church with fresco was original or it was more ancient (early medieval) cave religious building 2) Who were depicted on the image: saint George alone, saint Demetrius, Theodore, and George or this image amplified with figures of local historical persons. The analysis of paintings on the fresco shows that we have an image of St. Demetrius, Theodore (Stratelates or Tiron), and George. The images of these three saints, in contrast to “triple st. George» are common on the other sites of Crimea.

Key words: Byzantium, Crimea, Eski-Kermen, cave churches, frescoes, church of the “Three Horsemen”.

Рис. 1. Вид на храм «Трех всадников». Фото.

Рис. 2. Храм «Трех всадников» внутренний вид. Фото.

Рис. 3. Храм «Трех всадников» внутренний вид. Фото.

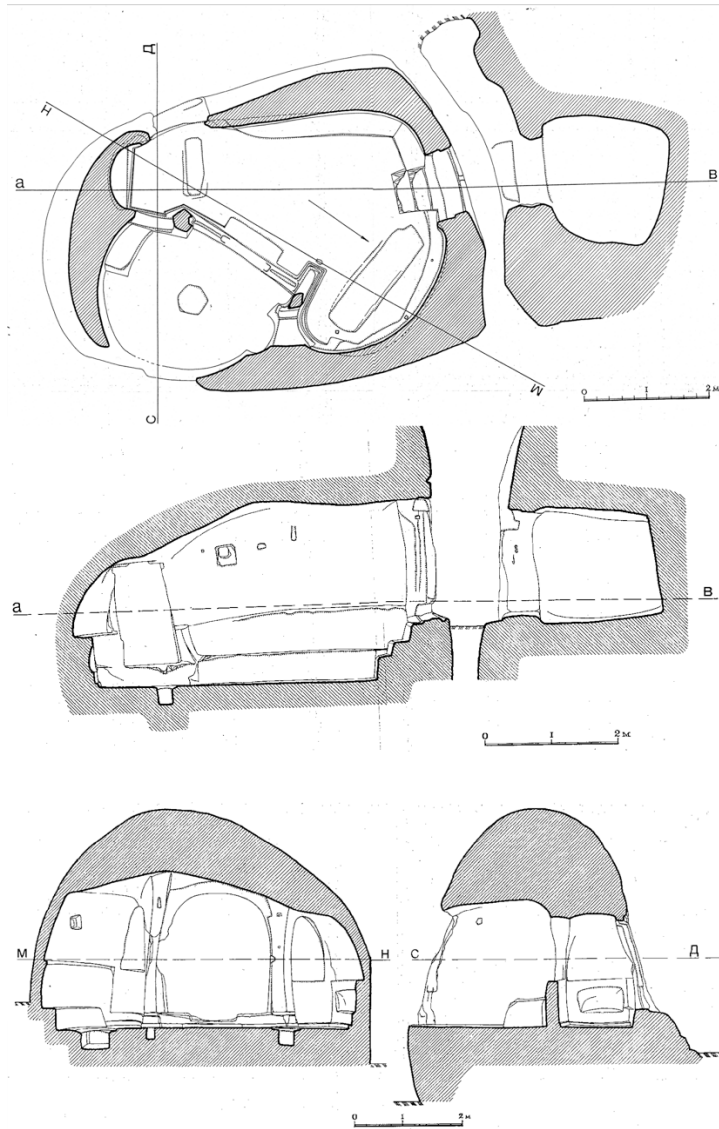

Рис. 4. Храм «Трех всадников». План. Разрезы.

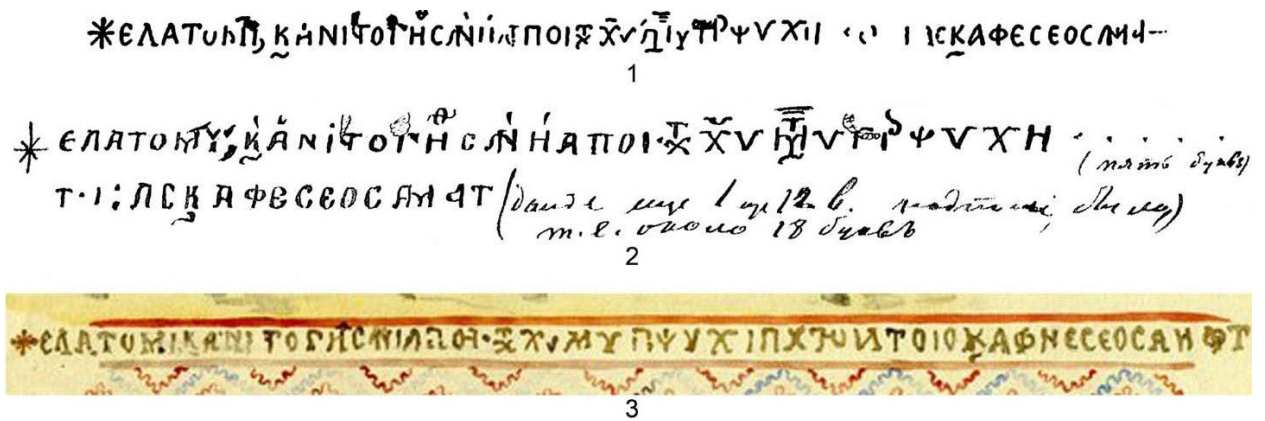

Рис. 5. Храм «Трех всадников». Прориси надписи: 1 – по Ю.А. Кулаковскому; 2 – По А.Л. Бертье-Далагарду; 3 – По Д.М. Струкову.

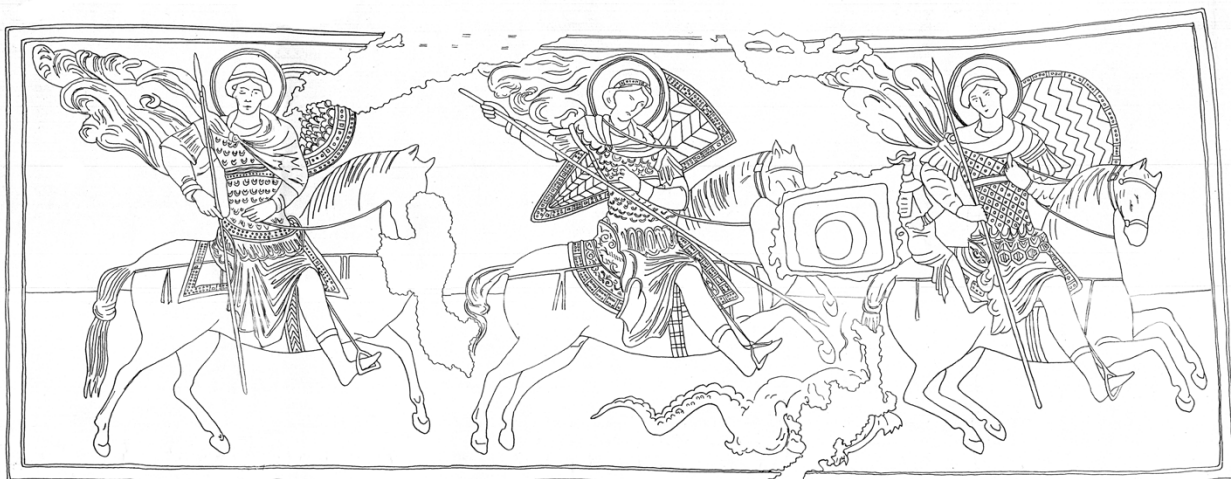

Рис. 6. Храм «Трех всадников». Прорись изображений по О.И. Домбровскому.

Рис. 7. Роспись храма «Трех всадников». Акварель. Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Рис. 8. Роспись храма «Трех всадников». Акварель. Фрагмент. Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Рис. 9. Роспись храма «Трех всадников». Гравюра. Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Рис. 10. Храм «Трех всадников» по Д.М. Струкову.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

«АНАКРЕОНТИКИ» ИОАННА ГАЗСКОГО (VI В.): АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ГАЗСКОЙ ШКОЛЫ

Н.Н. Болгов,
А.М. Болгова (Белгород)

В ранневизантийское время достаточно популярным стал жанр «анакреонтик» – подражаний темам и мотивам Анакреонта, поэта VI в. до н.э., одного из главных лириков Эллады¹.

Более чем через 1000 лет после него в Газе Палестинской мы находим сразу двух поэтов, которые сочиняют «анакреонтики». Это Иоанн Газский, известный своей поэмой «Картина мира» в зимних термах Газы², где впервые развернуто формулирует картину ранневизантийского символизма на основе классических образов, и «Георгий Грамматик», о котором ничего не известно, но который также принадлежат к тому же контексту.

Ф. Чикколелла, опубликовавшая и прокомментировавшая анакреонтики Иоанна Газского, полагает, что нельзя исключить, что в Газе также была составлена анакреонтическая часть Палатинской антологии, где нет недостатка в стихах, сходных по метрической структуре и мотивам со стихами Иоанна и «Георгия»³.

Различные попытки отождествить Иоанна Газского с одноименными авторами не привели к определенным результатам⁴. Более того, тот факт того, что в ранней схолии к экфрасису «Картина мира» Иоанн упоминается до Прокопия Газского, который, как мы знаем, жил между 465 и 528 годами, не

¹ Nissen T. Die byzantinischen Anacreonteen. Munich, 1940. S. 13-18.

² Lauritzen, Delphina. Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique. Paris: Les Belles Lettres, C.U.F., 2015; Лопатина М.Ю. «Сплав» античного наследия и христианского вероучения в поэме Иоанна Газского «Описание картины мира» // Вестник ВолГУ. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2020. № 6. Т. 25. С. 222-230; Renault, Luc. La description d'une croix cosmique par Jean de Gaza, poète palestinien du VIe siècle // Iconographica. Mélanges offerts à Piotr Skubiszewski. Poitiers, 1999. P. 211-220; Talgam, Rina. Johannes of Gaza's Tabula Mundi Revisited // Between Judaism and Christianity. Art Historical Essays in Honor of Elisheva (Elisabeth) Revel-Neher / Ed. K. Kogman-Appel, M. Meyer. Leiden: Brill, 2009. P. 91-120.

³ Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310 / Ed. F. Ciccolella / Hellenica. 5. Alessandria, 2000. P. 117.

⁴ Алимova О.В. Иоанн Газский как ранневизантийский поэт // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2014. С. 60-61.

может рассматриваться как определяющий фактор для определения его хронологического положения¹.

Единственным несомненным фактом является влияние Нонна из Панополя на Иоанна Газского, которое можно обнаружить в гекзаметрах экфрасиса, а также в лексиконе «анакреонтик», что, по-видимому, предполагает датировку между V и VI веками.

Что касается самих «анакреонтик», то установить их даже относительную хронологию крайне трудно.

Ф. Чикколелла отмечает, что в апаср. 5 Иоанн резко прерывает празднование весны, чтобы обратиться к *raïdes*, своим ученикам, как тот, кто «питает их мифами»².

Иоанн также сочинял стихи на заказ, чтобы прославить авторитетных персон Газы (апаср. 2 и 3) и участвовал в общественном состязании ораторов, которое периодически организовывал город (апаср. 4 и 5).

«Последний проблеск эллинизма в сирийском регионе в канун мусульманского завоевания вызвал неожиданный художественный и культурный расцвет в периферийном регионе империи. Расположенная между Азией и Африкой на крайнем юго-западе Палестины, Газа с момента своего основания подвергалась многочисленным культурным влияниям»³.

Как справедливо отмечает Ф. Чикколелла, наиболее авторитетные представители Газской школы Прокопий, Эней, Захария и Хорикий демонстрируют в своих произведениях глубокое знание языческой литературы и традиций, но безусловно исповедовали христианство в некоторых случаях с оттенками неоплатонизма. В литературном произведении Прокопия, например, мы находим работы доктринального и экзегетического характера наряду с сочинениями явно языческого происхождения.

Взятые по отдельности, писатели газской среды являются очень разнородными личностями по воспитанию, интересам и склонностям. Тем не менее, в их наследии можно выделить и общие аспекты. С идеологической точки зрения влияние александрийского неоплатонизма накладывается на христианский культурный субстрат, направленный на слияние космических систем античности с мистицизмом; это особенно очевидно у Энея и Захарии.

Все они также демонстрируют солидную риторическую подготовку, которая выражается в использовании аттицизирующего стиля, частоте литературных цитат, встречающихся в ткани различных произведений, и выборе жанров и тем, кодифицированных преподаванием риторических школ.

¹ *Bargellini, Francesco*. Questioni di cronologia relativa e assoluta nell'opera di Giovanni di Gaza // *Prometheus*. 34. 2008. P. 65-86; *Cameron, Alan*. On the Date of John of Gaza // *The Classical Quarterly*. New Series. Vol. 43. № 1. 1993. P. 348-351.

² *Лопатина М.Ю.* Иоанн Газский: классические мотивы ранневизантийской поэзии // *Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Материалы XXII Всероссийской сессии византинистов*. Екатеринбург, 2019. С. 98-100.

³ *Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310* / Ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000. P. 122.

Влияние Нонна из Панополя на Иоанна заметно как в содержании, так и в стиле, и в поэтической технике последнего: например, гекзаметры экфрасиса и первой анакреонтики обнаруживают ноннову технику в преобладающем использовании дактилического ритма и женской цезуры. Это предполагает культурную связь между Газой и египетской средой.

Темы и мотивы газских авторов объясняются именно школьной деятельностью и искусством софистики, ее общественной ролью в городе¹. Даже сочинение анакреонтик прекрасно вписывается в культурную среду, определяемую школой Газы: они имеют то же содержание и намерения, что и мелетии, и являются результатом тех же событий, что и публичные декламации. Выбор метра, должно быть, был продиктован его популярным характером и, возможно, также благоприятствовал влиянию христианской гимнографии.

Удивительно, что в этих стихах нет и следа духовности христианства; поэты Газы, кажется, живут в ностальгической тоске по прошлому, пытаются воссоздать славную традицию, частью которой они себя чувствуют и, в то же время, вероятно, стремятся избежать проблем и напряженности своего трудного века².

Перевод выполнен по изданию Ф. Чикколеллы³ прозой, разбитой на строки.

I. Иоанна, Грамматика из Газы, песнь о прибытии (эпибатерий)

(41 строка)

Эта анакреонтика лишь в минимальной степени соответствует теоретическим нормам Менандра Ритора. Ф. Чикколелла указывает на то, что определение этого стихотворения как эпибатерия («песни о прибытии»), следует понимать метафорически: это стихотворение, с которого, вероятно, начинается антология стихов Иоанна Газского, использованных составителем *Silloge Barberiniana*. Зачин обращен здесь Иоанном к своей идеальной родине – Геликону, с которым сравнивается культурный круг Газы.

Другим элементом, подтверждающим «проэмиальный» характер этого стихотворения, является аналогия, которую оно представляет с начальной частью поэмы Иоанна Газского «Картина мира». Здесь Иоанн символически намекает на его «инвеституру» (введение) божествами (сначала языческими, а затем христианскими) в миссию поэта⁴.

¹ *Renaut D.* Les déclamations d'ekphraseis: une réalité vivante à Gaza au VIe siècle // *Gaza dans l'antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire* / Ed. C. Saliou. Salerno, 2005. P. 197-200.

² *Ibid.* P. 125.

³ *Ibid.* Готовится новое издание, призванное стать стандартным: *Lauritzen, Delphina.* *Anacréontiques de Gaza.* Paris: Les Belles Lettres, C.U.F. (in print).

⁴ *Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310* / Ed. F. Ciccolella *Alessandria*, 2000. P. 127.

Друзья, это поистине мой удел, и я тоже радуюсь,
глядя своими глазами на многообразные пиерийские теснины;
ибо ныне Муза вооружила меня издалека, и не для борьбы,
не для варварского снега врагов, но зная ваши желания
как дальнюю мишень, и уж точно, целясь в нее,
я узнаю, смогу ли я уловить знак, и дарует ли мне Аполлон славу.

Что это за народ,
полный мудрых пчел?
А может быть, мои ноги,
сами того не ведая, перенесли меня,
опьяненного, на переполненный Геликон?

Аполлон, владыка речей,
и музы Геликона,
с многоликим Гермесом
судят о моей дерзости:
что будет со мной, друзья, что мне делать?

Сердце мое, избегай паники,
смело вступай в состязание;
и тем, кто умирает, милая Муза,
о мужи, ученые речи,
заученные речи вы произносите.

Старый красавец лебедь
по истечении Зефира умел
извлекать гармоничную песню;
и вот, здесь толпа,
льющая сладкую росу.

Все журавли устремляются в погоню
за семенами на борозды;
я же пришел воспеть
сластолюбивое семя Газы;
и вот, весь народ здесь.

Дайте мне лиру, я извлеку из нее звуки,
и Орфей с прекрасным голосом
вместе со мной слагает песню;
и вот, весь народ здесь,
и сладко растекается Муза.

Феб умереть близ меня пришел,
чтобы заставить дрогнуть лиру,

терзая ее искусной рукой;
 так вот, Феб – это толпа,
 заполненная мудрыми пчелами.

**II. Из Слова для превосходнейшего Захарии, дукса Аскалонского;
 что также частично касается великолепного Захарии Газского,
 присутствующего на публичном выступлении риторов (акроасисе)
 (22 строки)**

Речь, получившая одобрение от стратега,
 продолжается уверенно, потворствуя стратегу.

От вдохновенной
 пчелиной лихорадки, о Муза,
 в городских шествиях
 заставь меня, гражданина, трепетать.

Весь разум,
 пляшущий под ауры
 радостными мелодиями,
 трепещущий чистую песню
 под чистую песню.

И Арес, мудрый владыка,
 который научился смеяться,
 принося благодать Пафии,
 заставит ритмы звучать со мной.

Ты, блаженный,
 принявший командование войском,
 научивший конницу умеренности
 и сделавший послушной пехоту,
 да займешь ты более высокие места.

Откуда взялся, о мужи, Феб,
 умеривший энергию Ареса?
 А рядом с ним, в свою очередь,
 появляется этот другой, подобный Фебу.

**III. Из импровизированного эпиталамия для почтеннейшего
 Анатолия, сына Фауста, обладающего высшей властью (прота) в Газе
 (25 строк)**

Речь, знающая распущенность эротического языка,
 идет в танцевальном темпе, в страхе перед желаниями.

Вот сладкое шествие
 безмятежного нового света,
 поскольку новый Фаэтон
 несет с собой новую Киферу.

Поэтому город празднует
 великолепии энергичного танца
 двух увенчанных звезд,
 которые соединились.

Дайте мне чашу желания,
 наполненную сладкой пчелой,
 чтобы, соединяя души,
 я праздновал новобрачного.

И Эрос, что все порождает,
 соединяя душу с душой,
 смешивает чашу любви
 с радостными дуновениями.

А Киприда, любящая супругов,
 приносящая брачную любовь,
 смеется над ложем
 и провозглашает эту свадьбу счастливой.

Пусть сполохи от того же имени, что у его отца,
 поднимутся высоко,
 и Фаэтон, порождающий свет,
 может принести новое великолепие.

IV. Из импровизированной поэмы в День роз, после выступления студентов (учеников)

(23 строки)

Во введении к публикации этого стихотворения Ф. Чикколелла указывает, что основной его темой является описание весны в отдельных образах, в которых, наряду с традиционными описательными элементами, дан богатый репертуар мифологических фигур, присутствующий во всех поэмах Иоанна Газского и «Георгия Грамматика» (Афродита, Эрос, Аполлон, Грации, Оры, Мойры, Музы, Адонис). На уровне образов и мотивов мы можем найти сильное сходство с декламациями 1, 2 и 5 Прокопия Газского, также, вероятно, связанными с празднованием Дня роз.

Названия апасг. 4 и 5 Иоанна Газского, по сути, связывают композицию и декламацию этих двух анакреонтик с «днем Роз». К сожалению, у нас нет никаких данных, которые помогли бы нарисовать точную картину этого праздника, справлявшегося в Газе в V-VI вв. Однако из первого

четверостишия апаср. 4 может показаться, что это происходило в дату, близкую к весеннему равноденствию. Точно так же в первой анакреонтике «Георгия Грамматика» мы можем видеть в контексте празднования розы ссылку на периодический праздник, что, по-видимому, происходит весной-летом. Кроме того, доминирующая тема в двух стихотворениях Иоанна – превознесение пробуждения и обновления природы летом, ставит этот «праздник Роз» в связь с аналогичными празднованиями прихода весны, которые отмечаются у многих народов.

Соответствие «дня Роз» в Газе – Розалии, весеннему языческому празднику, широко распространенному в греко-римском мире, было предложено В. Томашеком и стало общепринято.

Как справедливо отмечает Ф. Чикколелла, Розалии продолжали праздновать в разных областях империи и после прихода христианства, в разные даты, очевидно, в связи с периодом весеннего цветения в разных местах. Повсюду, однако, наблюдается общая черта: Розалии теперь стали праздником, связанным с культом мертвых, поскольку, весенний сезон, когда цветы выходят из-под земли, знаменует «время возвращения мертвых». Так как этот аспект полностью отсутствует в поэмах Иоанна Газского и «Георгия Грамматика», то нужна определенная осторожность при отождествлении «дня роз» Газы с Розалиями, распространенными в остальной части империи.

Уже из названия ясно, что апаср. 4 и 5 Иоанна предназначались для чтения в школе. В апаср. 4. 37 ff. Иоанн обращается к своим ученикам (*paides*). Поэтому может быть, что празднование «дня Роз» предусматривало поэтические и литературные агоны, сосредоточенные на песнях весны и розы. Более того, как указывает Ф. Чикколелла, следуя Э. Амато, третья декламация Прокопия Газского, по-видимому, относится к этому же обычаю, который заканчивается молитвой автора о том, чтобы ему снова позволили «увидеть весну и воспеть розу».

Элемент эпидейксиса восходит к другим праздникам, которые проходили на сиро-палестинской территории в ранневизантийскую эпоху, таким как фестиваль Маюма. Из свидетельства Иоанна Малалы представляется, что это ночное празднество, посвященное мистериям Диониса и Афродиты, справлявшееся в Антиохии в мае. Отмененные императорским указом в 399 г., они все еще реально праздновались в VI веке; среди прочего там имели место и мимические изображения эпизодов из мифа о богине¹. Возможно, что Маюма, засвидетельствованная в одноименном порту Газы, и сохранилась как «день Роз».

Как мы видим, не хватает данных, чтобы в достаточной мере прояснить аспекты, которые предполагал «фестиваль Роз» в Газе и других местах. Во всяком случае, в поэмах Иоанна Газского и «Георгия Грамматика» «день Роз» предстает лишенным какой-либо религиозной ценности (как и многие другие

¹ RE, s.v. *Maiumas*; *Theocharidis G.J. Beitrige zur Geschichte des byzantinischen Profantheaters im IV. und V. Jahrhundert, hauptsichlich auf Grund der Predigten des Johannes Chrysostomos Patriarchen van Konstantinopel. Thessalonika, 1940. P. 72.*

языческие праздники после прихода христианства) и сведенным к поводу для декламации в школе¹.

В истекающем дуновении Зефира
я наблюдаю бегство Харит;
все леса наполнены
розовой листвой Пафии.

И Эрос мудрой стрелой
соединяет природу с природой,
так что забвение, развернувшись,
не скроет род за родом.

Радостные песни влюбленных
в дионисийские времена года,
когда снова появляется весна,
благоухают учеными Музами.

Над зелеными деревьями
поет птица песню,
и вся природа, взбудораженная,
танцем встречает весну.

Аполлон, владыка мудрости,
ослепительно сияет,
и на спинах жеребят
усиливает сладкое сияние.

Дайте мне розу с Киферы,
о рой мудрых пчел,
так что пока Киприда смеется,
я воспую песню о розе.

V. Из композиции, прочитанной на День роз в их высшей школе (55 строк)

Во введении к стихотворению Ф. Чикколелла отмечает, что оно представляется разделенным на три части: после длинного описания весны (1-36) следуют три четверостишия более личного характера (37-48), заканчивающиеся обычной ссылкой на представление (49-56). В первой части присутствуют образы и мотивы, встречающиеся уже в апост. 4 (роза, весна, Афродита); но лирические апострофы (13) и риторические вопросы (17-21), прерывают форму объяснения, и наличие разного рода ухищрений

¹ Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310 / Ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000. P. 143-145.

свидетельствует о большей формальной тщательности из-за того, что, как указывает название, стихотворение было предназначено для эпидейксиса в кругу студентов Иоанна, и не было результатом импровизации, как *анастр.* 3 и 4¹.

Когда светоносный Фаэтон
продвигается на полпути,
поворачивая свою колесницу под Овном,
смеются жилы земли.

И Мойры, блуждающие по земле,
снова вызывают скрытые семена
земли и делают землю
разноцветной, потому что

космос, цветущий вокруг,
всегда обновляется полным любви,
и Киприда с Эросом привлекают к себе
очень плодovitые родословные.

О владычица Природа,
оживи, оставь свой след
на юных созданиях, дабы сон жизни
не покрыл людские поколения.

Чего, собственно, не приносят Оры
после прохождения зимы?
Чего только не рождает Харита,
принимая весеннюю красоту?

Что же не приносит с собой весна,
от которой тают жизненные боли,
когда она же порождает розу
с пурпурными бутонами?

Белокожая Кифера
имеет розовые щеки,
и, пахнувшая листвой, хочет,
чтобы ее называли «розовопалой»,

когда юный Адонис,
тоже зеленый, полный Харит,
слаще спокойного моря,
покидает пещеры земли.

¹ Ibid. P. 151.

Ребенок – это плод,
энергичный вестник жизни,
поскольку это рождение природы,
любовный танец.

Почему, дети, вы не любите
меня, с вечно пылкой Музой,
в чем повинен умный Вакх
в геликонских кубках?

Молодой характер обычно
не позволяет разглядеть:
юная же Геба
больше всего любит играть.

Мудрое время, идущее к истине,
рассудит, когда научит
считать отцом того,
кто кормит тебя мифами.

Я, пастух, со своими стадами,
упиваясь молоком Музы,
звонким голосом в лучшем случае
забавляюсь, глядя на изящество бутон.

И Феб, ликуя,
бойко заводит песню из мелодичных нот,
с еще большей радостью распевая
для кипрских лепестков.

**VI. О том же, какие слова сказала бы Афродита, ища Адониса; Зевс
отвечает ей, отвечая слово за словом
(96 строк)**

Небольшая поэма, представляющая собой диалог между Афродитой и Зевсом, основана на известном мифе о смерти Адониса, вызванной ревностью Ареса. То, как трактуется этот миф, относится к отрывку Кирилла Александрийского, Комм. к Ис.2:3 (PG 70, 440-441), взятому из Прокопия Газского. Комм. к Ис.18 (PG 87. 2, 2137-2139): после смерти Адониса, убитого Аресом, Афродита, опечаленная, решает отправиться в Аид, чтобы вернуть его на землю; но Персефона, жена Аида, влюбившись в юношу, отказывается его отпускать. Спор между двумя богинями заканчивается соглашением, что Адонис проведет с каждой из них по полгода.

У Аполлодора (Bibl. III. 14. 4) мы читаем версию мифа, согласно которой задача разрешения спора между Афродитой и Персефой была делегирована Зевсу.

Описывая структуру поэмы, Ф. Чикколелла указывает, что первая часть поэмы (ст. 1-50) имеет диалогическую форму. В первых 10 строках происходит дискуссия, указанная в названии, между Афродитой (ст. 1-15, 31-45), которая оплакивает смерть своего возлюбленного, и Зевсом (ст. 16-30, 46-46, 50), который упрекает ее в мучениях, которые она причиняет богам и людям, внушая им жажду любви.

Однако в следующей части (ст. 51-96) видно сильное изменение тона. Предполагается, что вся эта вторая часть поэмы является монологом Зевса, который недоумевает, как страсти могут проникнуть на Олимп, который по своей природе для них неуязвим.

Стихотворение обрывается в начале 20-й строфы; заключение утеряно вместе со следующими листами единой тетради, но, возможно, и больше, включавшими в себя два полных стихотворения. Безусловно есть разрыв и между ст. 50 и 51.

Возможно, что стихи второй части принадлежат к особому, одному из утерянных сочинений и были ошибочно переданы вместе с последней анакреонтикой Иоанна. Однако содержание поэмы в целом вполне связно: вторая часть выражает переосмысление в философско-нравственном ключе значения мифа, трактуемого в первой.

Последние стихи (91-96) возвращаются к теме порождающей силы Афродиты, с которой начинается стихотворение (ст. 2-3), образуя своего рода (в схематичном виде) композиционное кольцо.

На уровне содержания можно выделить два раздела: от этической темы об отсутствии страстей в божественном мире (ст. 51-75) идет переход к более строгой философской теме о природе божественного (ст. 76-80) и его связи с непостижимой высшей ипостасью (ст. 81-85). Затем речь возвращается к рождению мифа (ст. 86-90).

Из содержания ст. 91-96 можно предположить, что монолог Зевса заканчивался призывом к Афродите не обольщаться страстями, чуждыми ее природе как богине любви и порождающей силы природы.

Таким образом, можно согласиться с выводом Ф. Чикколеллы о том, что это риторическое упражнение дает отправную точку для углубленного изучения философско-религиозных тем, к которым, очевидно, проявлялся живой интерес современников. Диалог между Афродитой и Зевсом становится во второй части поэмы выражением неоплатонической философской концепции, которая в любом случае служит прояснению значения мифа. Неоплатоническое видение божественного мира характеризует пороки и страсти, что было несовместимо с традиционной привилегированной ролью богов на онтологической шкале. Таким образом, аллегорическая интерпретация мифа здесь очевидна.

Нелегко определить, к какому из многочисленных толков неоплатонизма относится Иоанн; есть некоторое сходство с утверждениями Гиерокла, александрийского неоплатоника 1-й пол. V в. и учителя Энея из Газы. Но здесь ничего нельзя установить наверняка. Культура ранневизантийской Газы была в целом сильно пронизана неоплатонизмом.

Таким образом, и с этой точки зрения Иоанн утверждает себя как истинный представитель этой культурной среды¹.

Afr.: Смех Киферы, переливающийся
невозмутимой безмятежностью,
всегда порождающий [новые] поколения,
слишком угнетен заботами...
Что будет со мной, отец, что я буду делать?

Я, госпожа источника любви,
трепещущая под божественным побуждением
и жаждущая сладости,
я, Пафия, заряжена болью...
Что будет со мной, отец, что я буду делать?

Твое семя породило меня,
так что ты смешиваешь любовь со всеми,
принося отношения, способные рождать;
Почему тогда я чувствую боль?
Что будет со мной, отец, что я буду делать?

Ze.: Почтенная справедливость поражает тебя;
то, что ты делаешь, ты редко сбрасываешь со счетов,
обо всем любишь шутить,
возбуждая пламя в сердцах;
почтенная справедливость поражает тебя.

У тебя коварный характер,
ты тревожишь ум блаженный,
смертные измученные души,
ты не щадишь и отца своего;
почтенная справедливость поражает тебя.

Я познал огненные бури,
я познал многообразную низость,
наслаждаясь земными союзами;
Меня, владыку богов, осмеяли;
почтенная справедливость поражает тебя.

Afr.: Почему ты обижаешь меня своими шутками?
Я хочу видеть Адониса,
исполненного привлекательной красоты;

¹ Ibid. P. 161-163; *Лопатина М.Ю.* Ранневизантийская поэзия в творчестве Иоанна Газского // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 268-273.

украшение года,
так как венчает плодородные поля.

Мертвый от клыка Ареса,
юноша смущает мой разум,
бесплодно спит природа,
а дитя, под землей,
услаждает жену Аида.

Я сойду в Аид,
где лай Кербера,
темного пса владыки,
не сможет утратить моей силы,
чтобы не вернуть мне возлюбленного.

Ze.: Спустишь, Киприда, и скорее,
с Эросом, с дротиками,
в обители мертвых,
чтобы я мог освободиться от колчана,
пока ты посвятишь себя этому делу.

Как долго я буду болтать об этих вещах,
как оскорбленный скиталец?
Какая радость среди богов?
Какая боль пронизывает их?
Бесстрастен Олимп.

Мифы плетут обманы;
с дерзновением иссякают пустоты,
иссякают страсти земные там наверху,
у порога блаженных;
бесстрастен Олимп.

Когда человек находит удовольствия,
он обращается к молодости;
когда боли толпятся,
сердце содрогается от мук;
бог не меняет своих путей.

Нематериальное множество благ
танцует с божественным,
где жизнь процветает легче всего,
не останавливаясь;
и это они называют «удовольствиями».

Что мешает цветению?
 Какая красота не сочетается с ним?
 Они везде и навсегда,
 изливая добрую силу,
 и это они называют «наслаждениями».

Я наслаждаюсь созерцанием
 образа космоса
 надсущностным разумом;
 Я пришел, чтобы обнять ее,
 сжимая ее умными словами.

Скрытый, над первым,
 раскрывает свою силу второй космос,
 и тот, господствуя над низшими вещами,
 существовал сам по себе, отдельно,
 под большим провидением.

Но это «отдельно» – миф;
 тот, кто соблюдает различие,
 рассказал о боли блаженного;
 сказки о богах обычно говорят
 все под благозвучные шутки.

Пафия, хранительница космоса,
 приносит созревание,
 днем и ночью
 питая все поколения
 супружеской любовью.

Он учит вспаханные поля породить

VII. <О том же, какие слова сказал бы Дионис, когда пришла весна>
 [стихи не сохранились]

ДЕКЛАМАЦИИ ЛИБАНИЯ

М.Л. Радченко (Белгород)

Огромное наследие Либания из Антиохии, главного представителя «Третьей софистики» (IV в.) поистине необозримо. В нормативном издании оно собрано в 11 томов. И если с Речами отечественная наука и читающая публика знакома уже более столетия, то знакомство с письмами только

начинается в последние годы. Особняком стоят краткие введения в речи Демосфена, которые обычно издаются вместе. Совершенно в стороне остаются пока Прогимназмы – риторические школьные упражнения – и Декламации – небольшие речи учебного характера, занимающие среднее место между Речами и Прогимназмами. Их сохранилось 51.

Если бы от Либания остались только Декламации, то они давно попали бы в поле зрения исследователей, как это произошло в отношении прочих риториков и софистов IV-VI вв. Однако, у Либания Декламации стоят далеко в тени за Речами и даже Письмами, так как их исторический контекст и значение как источника неизмеримо ниже. Тем не менее, Декламации Либания – это высокая софистика IV века. Знакомство с ней необходимо. И начать его нужно хотя бы с систематизации – общего списка, указания имеющихся переводов на русский и английский языки. Три декламации из 51 есть на русском (одна из них не полностью), 16 – на английском (1 дублируется с русским); 34 – только в оригинале. Более полное исследование этого корпуса текстов, будем надеяться – дело обозримого будущего.

I. Апология Сократа¹

(II). Сократу запрещают общаться в тюрьме, и кто-то выступает против этого (Молчание Сократа)²

III. Посольская речь Менелая перед троянцами относительно Елены

IV. Посольская речь Одиссея перед троянцами относительно Елены

V. Ответ Ахилла на мольбу Одиссея (Ответ Ахилла Одиссею)

(VI). Орест (Защита Ореста)³

VII. Алкиппа была дочерью Ареса, и сын Посейдона Галлирофий был влюблен в нее. Когда Арес услышал про это, он убил его. Посейдон подал в суд на Ареса за убийство Галлирофия (Суд Посейдона)

VIII. Контр-аргумент Ареса (Защита Ареса)

IX. После событий на Саламине Неокл требует вернуть Фемистокла обратно, но последний выступает против (Речь Неокла)⁴

X. Фемистокл выступает с противоположной позиции (Речь Фемистокла)⁵

XI. Кимон просит заключить его в тюрьму вместо своего отца (Речь Кимона)

¹ Наиболее известная и обширная (184 главы) из декламаций Либания, издававшаяся в русском переводе еще в начале XX в. как дополнительный источник по процессу Сократа: Суд над Сократом / Пер. М.А. Райциной. Сост. А.В. Кургатников. СПб.: Алетейя, 1997. Декламации, имеющиеся в переводах, выделены.

² Libanius. *Imaginare Speeches. A Selection of Declamations* / Transl. D.A. Russel. Duckworth, 1996. P. 58-66.

³ Russel 1996. P. 67-71.

⁴ Johansson M. *Libanius' Declamations 9 and 10 (Studia Graeca et Latina Gothoburgensia 67)*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2006.

⁵ Johansson 2006.

(XII). Тимон, влюбленный в Алкивиада, осуждает себя (Речь Тимона)¹

XIII. Потидейцы занимались людоедством, будучи осажденными афинянами. Коринфяне обвиняют афинян в нечестии, а афиняне отвечают (Речь коринфян)

XIV. По закону тиран не должен быть похоронен, а тираноубийца получает подарок. Убив своего сына-тирана Крития, Каллесхр просит его похоронить (Речь Каллесхра)

(XV). Закон предусматривал, что будет дар тем, кто живет добродетельно. Кефал и Аристофон соревнуются (Речь Кефала)

(XVI). Контр-аргументы Аристофона (Ответ Аристофона).

XVII. Эсхин, которого послали в качестве единственного делегата, не возражал против того, чтобы Филипп стал членом Совета Амфиктионии. По возвращении в Афины его обвиняют в нанесении ущерба государству (Инвектива против Эсхина)

[XVIII]. Закон предусматривает, что пришлый эксплуататор гражданских прав будет продан. Демосфен эксплуатировал гражданские права, будучи пришлым. Филипп отправил письмо с целью выкупить его. Демад просит, чтобы его продали, Гиперид оставляет его в качестве публичного раба (Речь Гиперида)

XIX. После Херонеи Филипп требует (выдать) Демосфена. Народ просит пять дней на обсуждение. В этом отрезке времени Демосфен просит себя казнить (Речь Демосфена, просящего казни)

[XX] После Херонеи Филипп требует (выдать) Демосфена. Народ попросил пять дней на обсуждение. В этом отрезке времени Демосфен просит себя казнить (Речь Демосфена, где он обвиняет самого себя)

XXI. После Херонеи Филипп отправляет письмо с общением освободить 2000 пленников в обмен на Демосфена. Демосфен настаивает на этой передаче (Требование Демосфена о сдаче)

XXII. Филипп требует Демосфена сдаться, в то время как он пребывает беженцем у Алтаря Милости. Его силой вытащили оттуда и пленили. Освобождённый Филиппом, в Афинах он предлагает убрать алтарь (Речь Демосфена об Алтаре Милости)²

[XXIII] После передачи Филиппу и освобождения, Демосфен публично осуждён за неучастие в политике (Защита Демосфена)

(XXIV) Законы Спарты гласят, что лица младше 30 лет не могут участвовать в общественных собраниях. После победы при Левктрах, Фивы отправили послов в Спарту и пригрозили им войной, если Мессения не получит автономию. После череды переговоров ещё юный Архидам уговаривает склониться к войне. Враг разбит, но кто-то обвиняет Архидам в пренебрежении законом. Мы берём на себя роль Архидам (Защита Архидам)

¹ Russel 1996. P. 82-92.

² Russel 1996. P. 93-101.

(XXV) В Коринфе, прекрасная куртизанка Лаиса привлекала своим видом многих мужчин. Спустя время, было выдвинуто предложение об изгнании Лаисы из города. Так и случилось. Затем в городе стали учащаться случаи супружеских измен. Закон гласил, что пойманный за прелюбодеянием человек должен быть убит на месте, и со многими так и вышло. Кто-то предлагает вернуть Лаису в город, но у этого мнения есть оппозиция. Мы берём на себя роль оппонентов (Против возвращения Лаисы)¹

XXVI. Угрюмый ворчун, женившийся на болтливой женщине, подает в суд на самого себя и просит смерти²

XXVII. Угрюмый муж упал; бывший рядом с ним тот момент сын рассмеялся. Мужчина отрекается от сына (Речь угрюмого мужа о возмущении сыном)³

(XXVIII). Парасита пригласили на обед. Желая прибыть пораньше, он взял лошадь с ипподрома и поскакал на ней до дома пригласившего. Напротив входной двери был алтарь; и лошадь, посчитав его за поворот, понесла на себе парасита дальше. Он не попал на обед, а на следующий день «осудил» себя (Речь парасита, упустившего обед)⁴

XXIX. Парасит обвиняет самого себя, потому что тот, кто кормил его, подался в философы (Недовольства парасита насчёт его философствующего покровителя)⁵

XXX. Завистливый человек осуждает себя после того, как его сосед внезапно разбогател (Речь завистливого человека, осуждающего себя)

XXXI. Закон требует, чтобы тот, кто отыщет сокровище, должен выплатить городу тысячу драхм. Скупой человек нашёл сокровище на сумму пятьсот драхм. Узнав о требовании в тысячу, он затребовал смерти (Требование собственной казни от скупца; Скупец и сокровище)⁶

XXXII. Скупец, влюблённый в гетеру, сталкивается с её требованием оплаты: он осуждает себя (Недовольство скупца, влюблённого в гетеру)⁷

¹ *Russel* 1996. P. 102-112.

² Вариант названия: Возмущения угрюмого мужа насчёт своей болтливой жены. 35 глав из 55 есть в русском переводе (1-6, 8-24, 44-55): Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964. Также: *Russel* 1996. P. 113-123.

³ *Russel* 1996. P. 124-129.

⁴ Включает 26 глав. Русский перевод: Поздняя греческая проза / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: ГИХЛ, 1961. С. 596-604. Также: *Russel* 1996. P. 130-134.

⁵ Включает 31 главу. Вариант названия: Парасит подает в суд на самого себя и просит разрешить ему расстаться с жизнью, потому что его покровитель предался философии. Русский перевод: Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964.

⁶ *Russel* 1996. P. 135-145.

⁷ *Russel* 1996. P. 146-157.

XXXIII. Сын скупца, выигравший соревнование у героя войны за храбрость, потребовал оливковый венец в качестве награды; отец отрекается от него (Отречение от сына, попросившего оливковый венец)¹

[XXXIV] Пока скупец был болен, его сын попросил Асклепия излечить его в обмен на талант. Выздоровевший скупец отрекается от сына (Отречение скупца от сына за обещанный Асклепию талант)

XXXV. Богач пообещал накормить город в голодные времена, если ему передадут его врага. Город отказывается, но человек просит о казни, ссылаясь на позволяющий это сделать закон (Речь бедняка, готового умереть за свою страну)

XXXVI. Устраивать беспорядки и разбой – серьёзное преступление. Оратор-бедняк оказался противником богатого человека. Во время осады и голода богач пообещал городу победу, если бедняку отрежут язык; так и было сделано. Ночью он покинул город и прогнал врага. На следующий день бедняк дал речь, и заплакал. Люди закидали камнями богача. Бедняк предстал перед законом

XXXVII. Богатый человек становится героем войны. В награду он просит, чтобы изгнанники смогли вернуться в город. Когда он становится героем войны вновь, то просит восстановления в правах тех, кто этих прав был ранее лишён. Когда он стал героем войны в третий раз, то потребовал и амнистии заключённых, после чего был осуждён оратором за тиранию (Защита сильного и богатого юноши)

XXXVIII. Пошёл слух о том, что жена бедняка изменяет ему с богачом. Бедняк пробует использовать закон, требующий казни прелюбодеев на месте. Богач обвиняет его. Бедняк парирует обвинение представляет богача суду за измену (Обвинение богатого прелюбодея)

XXXIX. Прошёл слух о том, что отец домогается жены своего сына. Отец поднимает закон о возможности без суда убить сына. Сын поднимает закон о возможности казни прелюбодеев на месте (Призыв к закону против прелюбодеев; Отец и невестка)²

[XL] Закон предоставляет мужу, чья жена совершила прелюбодейство, право на её приданое. Кто-то совершил прелюбодейство со своей собственной женой, чтобы затем указать на эту строку закона. Охваченный стыдом, её отец выделяет ей ещё одно приданое. Муж его дочери получает второе приданое, и, повторяя схему, продолжает получать всё больше и больше, пока отец не убивает их обоих, представая затем перед судом (Защита отца, убившего дочь и зятя)

XLI. Чума поразила город. Божество пророчит конец болезни, если ему в жертву будет принесён ребёнок одного из жителей. Выбор пал на сына мага. Маг пообещал остановить чуму, если его сыну сохранят жизнь. Начались дебаты (Опровержение мага)

¹ Russel 1996. P. 158-168.

² Russel 1996. P. 169-177.

XLII. Тиран потребовал юношу из соседнего города, пригрозив ему войной. Город выбрал войну. Во время его осады тираном, отец юноши убил его и сбросил труп за городские стены. Тиран отступил, а отца осудили за убийство (В защиту отца, убившего своё дитя; Тиран, мальчик и отец мальчика)¹

[XLIII] Закон постановляет, что вместе с тираном его дети также должны быть казнены. Другой закон сообщает, что убийца тирана может затребовать что угодно. Жена, чьим мужем был тиран, убила его, и попросила оставить детей в живых в качестве награды. Давайте возьмём на себя роль оратора, что говорит с женщиной, убившей тирана (Просьба женщины, что убила тирана)

XLIV. Есть закон, по которому любой чужеземец, увиденный в толпе, должен быть казнён. Чужеземца заметили в толпе; после задержания он сказал, что располагает секретом, который может раскрыть; он был казнён. Впоследствии, тиран захватил власть в городе. После его свержения, убивший чужеземца полководец был осуждён за соучастие ему

[XLV] Закон гласит, что большинство голосов по какой-либо теме решают её исход. Из семи судей двое проголосовали за казнь обвиняемого, ещё двое – за лишение его гражданских прав, оставшиеся трое воздержались от голосования. Сам же осуждённый требует, чтобы его изгнали из города. (Требование осуждённого быть изгнанным)

XLVI. У кого-то есть жена, и этот кто-то является зависимым от своего отца. Он становится жертвой грабежа, и просит отца в письме выкупить его, но отец отказывается. Жена продала всё, что у неё было, и отправилась освободить мужа. Её корабль был атакован пиратами. Её выбросило на берег, где содержался её муж. Он увидел её тело и заплакал. Когда это увидели грабители, то освободили его. По возвращению, его отец затребовал его жениться вновь, но услышав отказ отрекается от сына (В защиту отречённого сына)

XLVII. У кого-то есть два ребёнка, и с одним из них у него разгорается вражда. Он заболевает, и просит лишь одного ребёнка вписать себя в завещание. Но ребёнок также вписывает своего брата. Отец выздоравливает, узнаёт об изменениях в наследстве, и отрекается от сына, что вписал их двоих туда (Отвержение сына, что любил своего брата)

XLVIII. У кого-то было два ребёнка, и от одного отреклись. Тот, что остался, в будущем становится героем войны и требует возвращения брата в семью. Отец против этого, он не соглашается так поступить. Сын просит, чтобы и от него, в таком случае, отреклись (Требование сына, любящего своего брата, об отречении)

[XLIX] Кто-то спас своего отца из пожара. Когда он попытался спасти и свою мать, то не успевает, к тому же лишаясь своих глаз. Отец женится во второй раз. Новая жена подкладывает яд в одежду пасынка. Когда отец обнаруживает это и спрашивает про яд у сына, он не может ничего ответить. После этого отец пишет завещание, где оставляет свою собственность новой

¹ Russel 1996. P. 178-190.

жене, и ничего сыну. Ночью, во время суматохи, многие люди собрались в доме, и позже отец был найден мёртвым, и рядом с трупом лежал меч его сына. Сам же сын стоял на пороге дома, вокруг него никого не было. Новая жена и её пасынок обвиняют друг друга в случившемся (В защиту слепого сына)

L. Кто-то обвиняет собственного сына в заговоре. Сын просит казни без суда, ссылаясь на закон о нераскрытых делах (Требование обвинённого в заговоре сына быть казнённым)

(LI) «Декламация Либания» (Плач скупца, лишённого сокровища)

«ХРОНИКА» ИОАННА, ЕПИСКОПА ИЗ НИКИУ

М.М. Синица (Белгород)

Иоанн из Никиу – епископ Коптской Православной Церкви в Никиу/Пашати– городе в дельте Нила, существовавшем в древности. Был ректором епископов, выбирающих преемника патриарха, придерживался монофизитских воззрений. В 696 г. был назначен управляющим всеми монастырями Верхнего Египта. Однако после дисциплинарного взыскания, наложенного Иоанном на аморального монаха, после которого монах через 10 дней умер, Иоанн был отстранен от должности и удален из резиденции патриархом Симеоном.

«Хроника» Иоанна была им написана в оригинале на греческом языке и частично на коптском, затем переведена на арабский (эти рукописи не сохранились), затем с арабского – на древнеэфиопский гёзз (Эфиопская рукопись, перевод 1602 г. египтянина Гавриила по заказу абиссинского военачальника). В 1883 г. Зотенберг перевел Эфиопскую рукопись на английский.

«Хронология» Иоанна охватывает период от Адама до конца завоевания арабами Египта. Содержит кроме хронологических данных замечания богословского характера и описания различных происшествий, случившихся в Египте, например, появление в Ниле русалки.

Хроника состоит из 122 глав.

Далее приводится перевод Пролога и аннотированного Оглавления.

ПРОЛОГ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, единого Бога. Введение к этой Хронике с перечислением ее сто двадцати двух глав. Это сообщения о первоначальных событиях, которые прошлые и ушедшие (автор) составляет вместе из хроник первых поколений: т.е. (события) от Адама до Тиу (Дидоны), которая правила над греками и Африкой, и от времени Романа (Рема?) и Ромула, который правил Римом, блаженной памяти до конца царствования святого Константина, первого христианского императора Рима; от вступления сыновей великого христианского императора, Богобоязненного Константина до конца Боголюбивого императора Иовиана; от вступления Андейаса (?)

Валентиниан) до конца Феодосия, великого и благословенного императора; и от времени Аркадия и Гонория, сыновей Боголюбивого императора Феодосия до конца благословенного императора Анастасия; и от дней императора Юстина до дней царствования Гераклия (равно) конца этого; и от времени Феодора, главного префекта провинции Египет, до Иоанна, монаха Синайского монастыря, кто почитал веру халкидонитов. И кроме того, эти сообщения были составлены вместе в (их) полноте Иоанном, аскетом и Маддаббаром, что есть в переводе управитель, кто был епископом города Накийус в Египте, который звался Абсаи. И это он составил всё вместе из более длинных историй, и оно есть (в) главах числом сто двадцать две, которые есть (таким образом) хронография, начинающаяся с поколения первозданных людей.

Глава 1. Относительно имен Адама и Евы и их детей, и всех созданий.

Глава 2. Относительно имен звезд и солнца и луны, и вещей, которые найдены в книгах евреев.

Глава 3. Относительно тех, кто первый начал делать корабли и вышел в море.

Глава 4. Относительно тех, кто вырезал астролябии от первой до последней.

Глава 5. Относительно начала строительства Вавилонской башни, и тех, кто почитал образ лошади как бога, и начале охоты и употреблении в пищу диких животных.

Глава 6. Относительно тех, кто первым стал есть человеческую плоть, и том, кто первый убил своих сыновей и подобно тому, кто убил своего отца.

Глава 7. Относительно того, кто первым взял свою сестру и сделал ее (своей) женой.

Глава 8. Относительно того, кто основал город Ниневия, и кто первым взял свою мать и сделал ее (своей) женой.

Глава 9. Относительно того, кто первым обработал золото и стал добывать (его) с приисков.

Глава 10. Относительно того, кто первым сделал орудия для войны.

Глава 11. Относительно того, кто первым сделал очаг, и кто женился на двух женах.

Глава 12. Относительно того, кто построил город, названный Город Солнца (Гелиополь).

Глава 13. Относительно того, кто построил два города Абусир, первый в верхнем Египте, другой – в нижнем Египте.

Глава 14. Относительно того, кто построил города Самнуд и Элбараби, который есть дом идолов.

Глава 15. Относительно греков, которые были первыми провозгласившими славу Соравной Троицы.

Глава 16. Относительно тех, кто первым сделал плуг в провинциях Египта, и в каких условиях Египет находился изначально.

Глава 17. Относительно того, кто первым стал собирать налоги в стране Египта и измерил землю тростником, и сделал, чтобы жители давали

(возвращали) царю. И кто был тем, кто прокопал каналы в земле для того, чтобы вода хлынула туда и канал, названный Дик.

Глава 18. Относительно того, кто сделал, чтобы воды исчезли, и осушил болота Египта, так что они могли построить города и деревни, и в связи с этим засадить участки сельскохозяйственными культурами.

Глава 19. Относительно тех, кто построил три храма (пирамиды?) в городе Мемфисе.

Глава 20. Относительно того, кто первым сделал краску для одежды.

Глава 21. Относительно того, кто сделал красивые статуи и почитал их. И относительно того, кто основал города Иконий и Тарс. И кто назвал Ассирию Персией, и кто выращивал деревья в Египте, и кто был первым, почитающим солнце и луну, и огонь, и воду.

Глава 22. Относительно того, кто почитал только луну и построил алтарь ей как богине.

Глава 23. Относительно того, кто назвал Ливию. И кто построил Тир и кто назвал Ханаан, и Сирию, и Киликию.

Глава 24. Относительно того, кто назвал города Европы и построил город Гортина.

Глава 25. Относительно того, кто первым наложил стволы деревьев на ступни людей.

Глава 26. Относительно того, кто первым построил алтарь идолам и почитал их.

Глава 27. Относительно Мельхисидека священника, природы его происхождения: и относительно тех, кто построил Сидон и Сион, который был назван Салем; и о наименовании иудеев, то есть, евреев.

Глава 28. Относительно тех, кто первым изобрел буквы греков и учение о написании букв.

Глава 29. Относительно потопа в Аттике, и причине длительной продолжительности (вод) в ней и превращении ее в пустыню.

Глава 30. Относительно условия (?) Фараона перед Моисеем и его умерщвления вместе с его приближенными в глубинах Красного моря.

Глава 31. Относительно того, кто изменил имя города Абсаи и назвал его Найкийус, и причина, благодаря которой река изменила свое течение с востока и стала находиться на западе города согласно предписанию Бога.

Глава 32. Относительно строительства Иерусалима и изменения его имени на Наблон и относительно дома Бога, который был построен в нем.

Глава 33. Тот, кто первым занимался ремеслом среди древних.

Глава 34. Относительно того, кто был первым, нашедшим надпись и сообщившим это людям: и относительно того, кто основал учение, и кто интерпретировал стихи, которые были написаны на каменной таблице.

Глава 35. Относительно того, кто установил законы о браке, что мужам следует брать в жены молодых девушек и называть их супругами: и относительно того, кто был первым, учредившим (общий) прием пищи.

Глава 36. Относительно того, кто первым среди греков верил в Святую Троицу как Соравную в единой Божественной Природе.

Глава 37. Относительно тех, кто первым стал применять медицину в мире.

Глава 38. Относительно тех, кто первым в мире построил баню.

Глава 39. Относительно тех, кто первым стал играть на флейте и подобных инструментах, таких как горн и труба.

Глава 40. Относительно строительства Кизика и причины, которая привела души к признанию единства Святой Троицы и сообщению всем людям, что Бог должен быть рожден от девы.

Глава 41. Относительно того, кто учредил святилище в Сосфении, и строительстве храма по приказу Боголюбивого императора Константина.

Глава 42. Относительно гвоздей (Креста) нашего Господа Иисуса Христа и победы, которую цари одержали их посредством.

Глава 43. Относительно того, кто дал их имена двум провинциям Ахайи и Лаконии.

Глава 44. Относительно того, кто назвал Пелопоннес и построил на нем город, называемый Пелопоннес.

Глава 45. Относительно того, кто построил Фарму и Буркиnum.

Глава 46. Относительно того, кто первым учил игре на музыкальных инструментах.

Глава 47. Относительно того, кто назвал остров Эфес, который находится в Азии; в прошлом он назывался Саквалбах, но они изменили его имя и назвали его Икония (*sic*).

Глава 48. Относительно того, кто построил город, который был назван Булмиз (=Пальмира), так как в его окрестностях Давид поборол филистимлян.

Глава 49. Относительно причины завоевания Небушаднеззаром города Тира, который является островом.

Глава 50. Относительно Ковчега Бога и скрижалей и ветви Аарона, которая расцвела, и необходимом количестве манны небесной и куске тяжелых скал, и относительно того, кто скрыл их от людей.

Глава 51. Относительно царства царя Кира и его отправлении назад плененных сыновей Израиля; и как Камбиз запретил им строить храм; и Ясид, военачальник сил египтян, привел в ярость Камбиза, и Камбиз убил египетских полководцев и увел пленных, которых он взял из Египта, в свою собственную страну, и (как) египтяне вернулись во второй раз в свою собственную землю, и (как) через сорок один год Александр Македонский, названный завоевателем мира, стал царем.

Глава 52. Относительно строительства города, названного Лавиния.

Глава 53. Относительно того, кто был первым, построившим дом и назвавшим его дворцом.

Глава 54. Относительно того, кто построил город, названный Альба.

Глава 55. Относительно того, кто построил Карфаген.

Глава 56. Относительно того, кто построил Рим и доводах, по которым они были названы римлянами: и относительно происхождения формул запросов и постановлений, и круговороте операций судов, и как войска стали сражаться на спинах лошадей (конными): и относительно учреждения места

сражения для женщин, и административных декретов для армии и относительно тех, кто отправляется и кто помогает им; и доводах, на основе мнения которых наши Отцы, монахи Египта отмечали Евхаристию в первый день каждого месяца.

Глава 57. Относительно того, кто изобрел, как это появляется, чеканку денег, которые дали увеличение продаж и покупок. И относительно институтов префектов, магистратов и судей.

Глава 58. Относительно того, кто построил город Фессалоника.

Глава 59. Относительно того, кто построил города Александрия и Хрисополь Византий, т.е., Александра. Как он подчинил Дария и взял его дочерей в плен; и как царица Кандака арестовала Александра, когда он пришел к ней с шпионской миссией, (равно и о) посланниках, которых он отправил к ней; и как он сделал ее своей женой.

Глава 60. Относительно эпохи, когда Книги Писания были Боговдохновенно переведены, и как много переводов там было.

Глава 61. Относительно того, кто построил Антигонию, Антиохию, Лаодикею и Апамею, известные города.

Глава 62. Относительно того, кто первым написал хроники и их именах.

Глава 63. Относительно того, подвергал гонениям Маккавейских святых.

Глава 64. Относительно рождения Юлия Цезаря, царя Рима; о царствовании Клеопатры и строительстве великого Храма, названного Кесарион в Александрии.

Глава 65. Относительно того, кто построил Кесарию Палестинскую.

Глава 66 (67). Относительно того, кто построил Фарос Александрийский и сделал канал через землю в порядке проведения канала Кариун, который в переводе есть «канавка», так что вода приходит с великой реки Гихон к великому городу Александрии. И в какое время наш Господь Иисус Христос был рожден во плоти. И почему римляне делали их месяцы начинающимися с шестого месяца года.

Глава 67 (68). Относительно того, кто установил одну «перемену» на шестой день месяца Тер. И как Эзра, святой муж, был несправедливо изгнан.

Глава 68 (69). Относительно царствования Императора, при котором наш Господь Иисус Христос был распят: и относительно того, кто построил город Тиверию.

Глава 69 (70). Относительно того, что совершилось при Императоре Нероне и его жестокой смерти.

Глава 70 (71). Относительно Императора Домициана, и как он отправил св. Иоанна Евангелиста дважды в ссылку, и относительно его (св. Иоанна) смерти; и как он построил Домицианополь, и относительно тяжелой смерти Домициана, и отмене (гладиаторских) боев и избиения людей.

Глава 71 (72). Относительно смерти Игнатия, покрытого (?) Богом и женах, которые стали мученицами с ним; и строительстве крепости в Вавилоне Египетском. И относительно того, кто назвал Вавилон и того, кто сделал

проход для канала, названного по имени Траяна, который имеет предел в Красном Море, и относительно (того, кто построил) крепость в Мануфе.

Глава 72 (73). Относительно того, кто построил Антиноэ в провинции Риф.

Глава 83 (84). Относительно того, кто сделал постановление относительно отцов, чтобы они делали завещание в пользу своих детей; и о сооружении двух ворот в городе Александрии на востоке и западе.

Глава 74 (75). Относительно того, кто привнес львов в Египет и Палестину.

Глава 75 (76). Относительно того, кто основал обычай писать сообщения и поручительства, чтобы человек мог быть в безопасности.

Глава 76 (77). Относительно царствования Диоклетиана Египетского, и как он потерял свои основания и был изгнан; и который из его сыновей делал зло. И относительно чумы, которую Бог наслал на идолопоклонников до тех пор, пока стало некому хоронить их. И относительно царствования Боголюбивого Константина и успехах трудов, которые он делал, и о великолепии храмов в его дни. И относительно того, кто был первым, делающим «кантаракх», то есть, мост. И относительно нахождения Креста. И относительно строительства Константинополя и значения его имени, будучи названным в прошлые времена Византием. И относительно веры Геласина (который был поражен) чудом, которое он увидел, т.е., святым Крещением, и его удивительной смерти; и каким способом индийцы узнали нашего Господа Иисуса Христа, единого Бога. Так, святой Афанасий, апостолический, был первым, посвятившим в духовный сан для них епископа Индии и Йемена. И (как) там был видим Константину все дни его жизни ангел Бога, который пробуждал его для молитвы.

Глава 77 (78). Относительно строительства «кантаракх» (*sic*), то есть моста на реке, названной Пирамида; и о несчастье в Никее, и о появлении святого Креста в полдень на Голгофе в месте, где наш Господь был распят. И о бедствиях, которые святой Афанасий, апостолический, выдержал в руках ариан. И о ссылке Либерия и святых епископов, которые были с ним через злые происки ариан. И сверх того, относительно императора Юлиана, отступника; и как он отверг порядки Церкви и стал командующим армией до тех пор, пока он не принял трон вместо Галла, своего брата: и как он преследовал святого Афанасия, для того, чтобы убить его по подстрекательству язычников. И как Александрия была посчитана достойной получить тело св. Иоанна Крестителя, что оно могло находиться там, и великолепное сооружение могло быть сооружено для него по приказу патриарха Феофила.

Глава 78 (79). О том, что мы знаем о городе и семье Феофила, патриарха Александрии и месте рождения Кирилла, сына его сестры.

Глава 79 (80). Относительно осуществления смерти святого мученика Домеция: и мести, которую Бог принес Юлиану, отступнику, и как Бог покарал его рукой святого мученика Меркурия, и как он умер злой смертью.

Глава 80 (81). Относительно царствования Иовиана, и как Церковь стала прославленной; и как святой Афанасий вернулся к своему трону с великой честью; и Церковь везде была зримо в православной вере.

Глава 81 (82). Относительно царствования Саллюстия (? Валентиниана), и его ненависти к беззаконию, и его справедливом и беспристрастном суде, и его сооружении каменных ворот, т.е., Гераклеотиса, ворот великой египетской реки, которых он добился сделать с чрезвычайными усилиями. И как прилив океана поднялся около Александрии на такую высоту, что это погрузило бы город, если бы святой Афанасий патриарх не остановил этого своими молитвами.

Глава 82 (83). Относительно царствования Боголюбивого Феодосия старшего; и местожительстве, которое он объявил перед Амфилохием, епископом Икония по единству Святой Троицы. И относительно Собора, который император созвал в Константинополе: относительно усиления Церквей. И относительно Тимофея, патриарха Александрии, который увещевал Григория, епископа Назианза, оставить город императора Константина и идти в его собственный город и назвал мужа по имени Максим патриархом Константинополя. И дальше относительно строительства церкви Феодосия в Александрии и церкви святых мучеников Косьмы и Дамиана и их братьев мучеников. И относительно горения огня в городе Антиохии по приказу императора; и порицании, которое было отправлено ему святым монахом пустыни Асквздо по этому делу, и печали императора относительно этого. И далее относительно виноторговцев и публичных домов, которые были запрещены в его дни, и о блеске его царствования во всех местах.

Глава 83 (84). Относительно вступления (на престол) императоров Аркадия и Гонория; и Аркадий был над Константинополем, а Гонорий над Римом. И относительно любви Аркадия к Богу и преданности Гонория. И как сестра императора Гонория была арестована им. И о расхищении всех сокровищ дворца. И дальше, как Гонорий оставил Рим и пришел в Константинополь и стал соправителем императора Феодосия младшего, сына его брата Аркадия, до дня своей смерти. И далее относительно императрицы Евдокии, супруги императора Феодосия младшего – ее семье, и как император заключил союз с ней и взял ее в жены. И в какое время они вписали имя св. Иоанна Златоуста в диптих после того, как он ушел к нашему Господу. И относительно анафемы Нестория и победы Кирилла. И дальше относительно языческой женщины Александрии и волнении, которое она возбудила между иудеями и христианами в Александрии. И как святой Кирилл захватил синагогу иудеев и сделал ее церковью вследствие его противостояния с иудеями. И как они тащили языческую женщину по улицам, пока она не умерла. И как они сожгли ее тело огнем по приказу патриарха, Аввы Кирилла.

Глава 84 (85). Относительно резни, сделанной иудеями в Квимитре: относительно насмешек, которые они делали против Креста нашего Господа Иисуса Христа, когда в насмешку они распяли маленького ребенка и оставили его умирать.

Глава 85 (86). Относительно Финкесера иудея, представлявшегося, как иудеи говорят: «Я Моисей, глава пророков».

Глава 86 (87). Относительно яблока, которое они принесли как подарок императору Феодосию и назначении его сестры Пульхерии; о темноте, которая господствовала над всей землей с утра до вечера на день, когда Маркиан раскольник стал императором.

Глава 87 (88). Относительно случая, когда небо низвергало «диран», т.е., молнии на Константинополь, и огонь пламенел от моря до моря; и об обращении языческого философа Исокасия в православную веру. И от того места пришел патриарх Тимофей. И относительно ужасной чумы, которая господствовала в Константинополе; и о падении горы (в) Сирии, и об отступничестве Василиска после образа действий халкидонитов за испорченные блага. И относительно царствования императора Зенона над имперским городом Константинополем и изгнании Василиска ради жизни и смерти, которая была наложена на судей из-за их небрежения управлением правосудия. И относительно царствования Зенона и его приказа, чтобы письмо было читаемо в каждом месте. И относительно Верины, его тещи и ее войны против него до смерти, застигнувшей ее и ее приверженцев.

Глава 88 (89). Относительно царствования Боголюбивого Анастасия по следованию предсказанию Аввы Иеремии, анахорета монастыря Мануфа; и о строительстве каменных ворот Элмурад и рва в ходе сооружения большого моста, который начинался от Вавилона и оканчивался на реке. И относительно наименования Филалета, и победы великого патриарха Севера, и изгнания Македония и отмены Халкидонского Собора.

Глава 89 (90). Относительно изгнания святого Севера с его трона в Антиохии через содействие еретиков, и молитвы, которую он сотворил Богу со стороны жителей Константинополя; относительно зла, которое император Юстин сделал, и предостережения, которое он услышал от Бога. И относительно огня, который бушевал в Антиохии и в городах Востока; и о разрушении многих молелен Мучеников, и все виды чудес, которые приключились. И относительно крещения арианских жителей (?) и царей Индии и элмаритов, то есть нубийцев. И какой религии они были раньше. И относительно землетрясения в Египте; и о гуннах (?) без города. И об индийцах, которое являются элмакуридами, и были в прошлом иудеями.

Глава 90 (91). Относительно появления полотна и плащаницы нашего Господа Иисуса Христа: они были найдены в доме иудея, который жил в Александрии.

Глава 91 (92). Относительно доводов, что наши христиане были названы после имени Феодосия, и появление Афенавайан и их учения. И относительно того, что глава служащих опубликовал на рыночном месте, что там следует быть памятнику с тем, пока все кто желал, могли взять.

Глава 92 (93). Относительно первых строений города Рима.

Глава 93 (94). Волнения, которые имели место в городе Константинополе относительно святого тела нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа.

Глава 94 (95). Относительно Аристомаха, сына Феодосия, (из) города Абсаи и обвинений, которые возвели против него <перед> императором, так что он был заключен в оковы. И как Хосрой, царь персов, уверовал и стал христианином.

Глава 95 (96). Относительно Галандух, женщины патрикианского ранга – имя достоинства – и видении, которое она ясно видела в тюрьме в течение ее ссылки.

Глава 96 (97). Относительно тех, кто были в части живущих в городе Мавзола: и относительно животных, которые появились в подобии женщины в реке Египта.

Глава 97 (98). Относительно Паулина мага, кто приносил жертвы демонам в серебряном кубке.

Глава 98 (99). Относительно того, кто первым написал «Во имя нашего Господа Иисуса Христа».

Глава 99 (100). Относительно наводнения, покрывшего город Антиноя и Тарс, столицу Киликии, в одну ночь.

Глава 100 (101). Относительно остановки солнца в полдень и появления звезд и великого землетрясения.

Глава 101 (102). Относительно Сурика, префекта, который практиковал благочестие, и смерти, которая пропустила его, и как жители Константинополя преследовали императора Маврикия.

Глава 102 (103). Как капитаны судов были освобождены от ответственности, когда их груз был потерян в море. И относительно царствования Фоки и его убийствах.

Глава 103 (104). Как было запрещено назначать патриарха или любой другой Церковный сан без согласия Фоки; и относительно действий людей на Востоке и в Палестине в этих вещах, так что могилы (?) церквей были наполнены кровью, когда люди бежали в баптистерии.

Глава 104 (105). Относительно Феофила, (из) города Маврада, и резне, которую Фока произвел после его смерти в Антиохии и Палестине.

Глава 105 (106). Относительно жены Гераклия старшего и жены Гераклия младшего и Фабии, ее дочери, девушки; и как Крисп магистр спас их от нечистых покушений Фоки.

Глава 106 (107). Относительно волнений, которые вспыхнули против Фоки в Египте, в Мареотисе и городе Александрии, и большой резне, которая была сделана в связи с этими вещами. И как сбросили его статую на землю.

Глава 107 (108). Относительно Феофила Стилита и его пророчестве для Никета: «Ты бессилен завоевать его, и царство Фоки будет быстро разрушено, и тогда Гераклий будет править».

Глава 108 (109). Относительно моста, который был в городе Дафашер около церкви св. Мины.

Глава 109 (110). Относительно смерти Фоки и рассеивания казны дворца; и о наказании, которое Гераклий учинил Фоке за насилие, которое он творил его жене и дочери.

Глава 110 (111). Относительно появления мусульман на границах Фийума и о поражении ромеев, которые жили там.

Глава 111 (112). Относительно первой схватки Амра с ромеями в городе Авн (Гелиополь).

Глава 112 (113). Как все иудеи собрались в городе Мануф, питая свой страх перед мусульманами, жестокостями Амра и захватом их имущества пока, (наконец) они не оставили ворота Мисра открытыми и не убежали в Александрию. И как безнравственные мужи увеличились в начале порочности и стали помогать (Амру) уничтожать людей Египта.

Глава 113 (114). Как население Самнуд настолько презирало Амра, что отвергло прием его; и относительно возвращения Калади ромеям; и как они схватили его мать и его жену – сейчас он спрятал их в Александрии – потому что он присоединился к мусульманам и помогал им.

Глава 114 (115). Как мусульмане взяли Миср (Египет) в четырнадцатый год цикла и возвели крепость Вавилон, открыв ее ворота на пятнадцатый год.

Глава 115 (116). Относительно смерти императора Гераклия и возвращения Кира патриарха из ссылки, и его отъезде за Меср платить дань мусульманам.

Глава 116 (117). Как Бог отдал ромеев в руки мусульман и отверг их из-за их неверия и их разделений и гонения, которое они несли на христиан Египта.

Глава 117 (118). Как Амр завладел Абсади, что есть Никвийус; и (относительно) бегства военачальника Домициана и уничтожении армии в реке, и великой резне, которая имела место в городе Абсади и во всех остальных городах – пока Амр не пошел на остров Савна – который был под властью Абсаи, и этот остров на восемнадцатый день месяца Генбот, в пятнадцатый год цикла.

Глава 118 (119). Как мусульмане завладели Кесарией Палестинской и о злоключениях, которые наблюдала она.

Глава 119 (120). Относительно великого землетрясения и окончания жизни на Крите, и на их острове, и во всех городах вокруг него.

Глава 120 (121). Относительно Кира, патриарха Халкидонского – того же, кто путешествовал в Вавилон и к Амру, главе мусульман, и брал как дань сосуд и оплачивал им в его руки. И дальше как Амр увеличил налоги египтянам; и относительно смерти Кира Халкидонского после того, как он раскаялся, доставив город Александрия в руки мусульман.

Глава 121 (122). Относительно возвращения Аввы Вениамина, патриарха Египта из его ссылки в город Риф (где он был) сорок лет, и эти десять лет (он был там), потому что ромейский император изгнал его, и четыре (года) под властью мусульман. И относительно остающейся истории с завершением (нашей) работы.

Глава 122 (123). Второй эпилог, заключающий эту историю.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЛАТИНСКОГО ЭПОСА: КОРИПП. ИОАННИДА VI-VIII

Н.Н. Болгов (Белгород)

Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик – латинский эпический поэт, родившийся и начавший свое творчество в Северной Африке (Мавритания Цезарейская) и окончивший свои дни в Константинополе при Юстине II (2-я пол. VI в.), может с полным правом считаться завершителем классического античного эпоса вообще, и латинского эпоса, в частности¹.

Прозаический перевод заключительных трех песен поэмы «Иоаннида» о событиях первых лет византийской власти в Африке и действиях византийского полководца Иоанна Троглиты (номинального главного героя поэмы) публикуется впервые и завершает начатое ранее издание полного прозаического перевода этого произведения.

Перевод преследует исключительно ознакомительные цели. Подготовка полного научного поэтического комментированного перевода – дело будущих поколений специалистов.

ПЕСНЬ VI

В ту ночь не все римляне-победители одновременно искали мирного отдыха; вместо этого выбранные ими часовые по очереди охраняли лагерь и не закрывали глаза во сне. Однако радостные мысли текли в их бессонных умах, и никакая медлительность не коснулась конечностей этих непобежденных солдат после битвы. Победа восстановила их жесткие мускулы, и, более того, ожидание боевых трофеев восстановило их доблесть, а обещания их верного вождя поднимали им настроение.

Тем временем, под защитой ночной тьмы, мавританские силы бежали, рассеянные в своем страхе по бездорожным пустошам всей страны. Это была ночь, которая помогла им, и ночь, которая изводила их. Скрывая все во тьме, она спасла всех их людей из самой пасти ада, и, тем не менее, она беспокоила те же самые банды, сбитые с толку неопределенностью, которую принесла война. Они в страхе бежали, несмотря на то, что их никто не преследовал. И пока они дрожали, им казалось, что шум, который они сами производят, и звуки их собственных товарищей были на самом деле врагами; и поэтому в замешательстве они продолжали хлестать своих лошадей по высоким бокам. В тишине ночи горы перекликались эхом с многократным щелканьем кнутов, и копыто стремительного коня наводило ужас на все их союзные ряды, когда ударяло по твердой равнине.

Рассвет нового дня заставил солнце выйти из Океана, чтобы идти своим чередом, и море волновалось, и пыхтели под ним, тяжело дыша, лошади.

¹ Болгов Н.Н. Кресконий Корипп и постантический эпос между латинским и византийским мирами // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 221-234.

Водоемы бездны стали горячими, набухающие волны вскипели и породили священный огонь. Вечно набожный, наш полководец встал первым и радостно поблагодарил, поклоняясь Господу сил и отвечая хвалой, которая соответствовала полученной им великой милости. Затем прибыли избранные командиры, храбрые офицеры и лучшие их заместители.

Командующий стоял среди них и первым заговорил: «Какое ожесточенное племя пало перед вашими ногами, товарищи! Нигде больше, даже в дикой Персии, я не видел людей, столь желающих умереть, предложить свое горло для резни и противостоять своему врагу лицом к лицу. Ибо столь часто, когда я заставлял этих врагов повернуться спиной в поражении, так же часто они возвращались с бесстрашным видом, с их угрожающими криками и дикими прыжками. Тем не менее, они отступили, сломленные нашей непревзойденной дисциплиной и силой нашего Бога. Я решил двигаться быстро, чтобы защитить ливийские земли обычным гарнизоном и тем самым восстановить наше счастливое правление. Срочно приведите ваши войска к их должным позициям и укрепите свои позиции. Обведите высокие горы своей сетью, пещеры, рощи, ручьи и скалы в лесах и их укромные уголки.

Затем очень осторожно закройте пасть ловушки. Вскоре злое племя мазаков погибнет, умирая от голода. И если, когда их войска разбиты, у них не будет сил разграбить близлежащие усадьбы, то они либо сразу же подчинятся нашему оружию и будут искать мира, либо, как беглецы, отправятся в самые далекие уголки земли и покинут нашу территорию. Пусть величайшей заботой двух командиров в Бизации будет привести волнующиеся массивы сил в замешательство с их собственными силами преследования, надавить на их злополучную фалангу своими мечами и отогнать врага подальше от наших пределов».

Итак, он сказал, и все согласились выполнять его команду. Мощная победоносная армия была разделена на части, каждая из которых построила свою собственную крепость. Они двинулись в города, форты и открытые районы страны, чтобы бедная Африка была освобождена от долгого горя и в радости праздновала победу безмятежного героя Иоанна. Счастливый Карфаген Юстиниана выразил свое одобрение полководцу непрерывными аплодисментами, встречая его с распростертыми объятиями. Ворота, которые так долго были закрыты, открылись, и торжествующий победитель двинулся к центру города, пока люди радовались. Сидонские старейшины принесли ему пальму и свежий лавр. Толпа собралась со всех сторон в ожидании прибытия латинской армии. Усталые старики и робкие девушки объединились в своем желании увидеть ее, а матроны стояли вдоль стен и смотрели, плача от радости разными голосами, ибо долгая продолжительность жестокой войны тронула их дух.

Они горевали с женской преданностью, вспоминая былые несчастья и пересказывая злые дела дикого тирана: как в момент неуверенности он нарушил свой договор и открыл их ворота одни за другими для племен; о чем он думал, когда предательски предал их бедный город, и с какой бойней он привел его в замешательство. С нескончаемой похвалой мальчики, юноши и

старейшины воспевали имя Императора в честь нашего полководца и радовались в своих сердцах. Люди всех возрастов были поражены видом боевых знамен, одеждой, покрытой пылью, и людьми, которым жестокая резня придавала ужасающий вид. Они смотрели на нагрудники и шлемы, щиты и грозные мечи, пояса, поводья и плюмажи, луки, грохочущие колчаны и копья, острия которых были красными от массилийской крови. Они с удовольствием наблюдали за проходящими мимо пленными мавританками, отмечая, как в страхе они ехали на высоких верблюдах с заклеятыми головами, как некоторые держали своих маленьких детей под грудью, как с лицами, окрашенными печалью, эти бедные матери пытались обеими руками удерживать поклажу на головах и маленькие колыбели, которые они несли.

Их нечестивые сердца стонали, потому что теперь они были готовы служить жалким матерям Африки. Горе преподало урок их малодушным сердцам, и они стыдились своего прежнего зла. Теперь они поняли, что войны нужно было сдерживать превыше всего, и проклинали свою судьбу и своих богов. Не все пленники были одного цвета кожи. Там сидела ужасная женщина, такого же цвета, как и ее черные дети. Они были похожи на молодых ворон, которые, как вы можете видеть, чернеют, когда их мать сидит над ними, протягивая своим открытым ртом пищу, которую они едят каждый день, и любовно обнимает их своими распростертыми крыльями. И пока матери и отцы с удовольствием показывали эти ужасные лица своим маленьким детям, великодушный вождь прошел у порога храма со своими знаменами. Он помолился Господу неба, земли и моря и сделал жертву, которую епископ в соответствии с их ритуалом возложил на жертвенник в знак благодарности за возвращение полководца и за поражение врага. Эти приношения священник затем посвятил Христу.

Тем временем сиртский вождь Карказан собрал силы, рассеянные могучим ужасом, со всех концов окраин и, со слезами на глазах, заговорил с ними в их печали.

«Непокоренные племена, я никогда не надеялся, что мавры будут так низвергнуты. Илагуаты, которые никогда прежде не были побеждены, обнищали и вернулись побитыми. Мы потеряли матерей, жен и детей вместе. Итак, что же остается, наконец, для мужчин, кроме как смерть? Что может доставить нам удовольствие сейчас? Быть невозмутимым? Или тебе приятно бросить вызов на войне и вооружить оружием этих самых крепких солдат? Но не вся помощь, которую принесли нам наши боги, исчезла на этих полях. Такова не воля Аммона и не воля Гурзила, который даже сейчас оплакивает свою нарушенную божественность. Фортуна, которая хотела спасти наших людей, не угрожает нам таким образом. Мы потеряли только наши стада; у нас все еще есть сила. Посмотрим, сколько человек пало. Это как если бы бездна впитала несколько волн водянистого моря. Будет ли тогда Фетида уменьшена или почувствует себя потерянной? Как бы ни было много звезд, которые падают с потухшими огнями, все же небеса, наполненные созвездиями, всегда имеют их полный набор. Именно так эта беда затрагивает наше племя, поскольку, несмотря на свою храбрость, оно почти не чувствует того, что

произошло. А теперь послушай совета и немедленно принеси помощь своему царству».

Когда Брутен услышал эти скорбные слова, его дикий разум ухватился за войну. «Могучий отец, – сказал он, – если ты возобновишь эту войну и поверишь в наши усилия, ты действительно сможешь вернуть наших жен и детей. Я говорю, что мы должны отказаться от наших жизней и найти свой собственный конец в войне. Какой будет наша репутация среди всех других народов земли, если обида из-за резни наших народов остается неотмщенной и поведенной всему миру? Лучше, чтобы смерть охватила наши племена, внезапно поглотив их в зияющей земле. Пусть пасть Тартара и дома, потемневшие от бледности смерти распространится перед нами. Пусть Прозерпина защитит царство, которое не знает отца благодаря войнам черного мужа. У тебя есть свои войска, и у тебя есть оружие. На войну! С тобой, как с нашим полководцем, я с уверенностью откажусь от своей жизни без всякой вины. Вот спасение, которое не подведет. Ты – слава нашего племени, ты – честь нашей доблести, ты – надежная надежда мавров».

Едва Брутен заговорил, как все ответили криком. Они выкрикивали имя Карказана и провозглашали своими сердцами и языками, что только Карказан – вождь их племен.

Когда он увидел, что ярость, насаждаемая его людьми, увеличилась и что их безумное желание безумной войны нарастает, он направился к землям мрамаридов, где обитает Аммон, и попросил ответов у жестокого Юпитера. Но тот Юпитер, о котором вы спрашиваете, дурак, – лжец и всегда находит удовольствие, обманывая такие жалкие умы, как ваш. Страшный бог, он радуется кровью и стремится уничтожить все народы. Но у святилища, когда дикому быку ударили топором по лбу и он упал, унылая и мрачная жрица взяла в руки свой шумный бубен и, безумно взвизгнув, закружилась, прыгая вокруг алтаря. Ее длинную шею хлестали взад и вперед, глаза вспыхивали огнем, волосы встали дыбом, а лицо стало красным и горячим, что было признаком присутствия бога. То щеки ее побледнели, то она закатила глаза, то вся голова, когда она с пронзительным криком собирала жестокие огни. Но когда она почувствовала, что божество овладело всей ее грудью, тогда она взглянула на луну, сияющую высоко в ночном небе своим кровавым светом, и, исследуя судьбы, рассчитала их. Теперь она была в огне, она тяжело дышала, она задыхалась, она бледнела, краснела, кипела, дрожала, пока она искала их пророческий путь.

Наконец ее нечестивый голос и дикие губы провозгласили тайны судеб на всеобщее обозрение: «В ожесточенной войне победоносные илагуаты отгонят латинян в замешательстве, и мазаки будут удерживать поля Бизации со своей великой доблестью навечно. Затем наступит питательный мир, и командующий, Карказан, выдающийся и безмятежный, войдет в высокую цитадель Карфагена через открытые ворота и проедет с толпой вокруг него через центр города. Африканцы будут восхищаться их ужасными лицами, и по его прибытии они побегут вперед, неся пальмы и лавры. Карфаген будет называться благословенным среди всех народов мира, а страх перед

Карказаном заставит наглые племена подчиняться, поскольку они любят договоры, которые приносят им мир.

В то время как жрица пророчествовала об этом, дух сбивал ее с толку и препятствовал ее речи, обманывая несчастные умы слушателей ошибками. Итак, подобными обманами ложный Аммон обманул массилийский народ. Ибо, пока он воспеваает правду, он окутывает ее туманом и готовит свои словесные уловки. Мавры действительно постоянно удерживали поля Бизации и будут продолжать удерживать их своими костями, которые теперь сломаны силой Иоанна, нашего великого полководца. Командующий, Карказан, действительно прошел высоко через середину высокой карфагенской цитадели с толпой вокруг него, а затем, когда ему перерезали шею, Африка наблюдала, как его голова была прикреплена к крепкому столбу.

Бездумный и слишком доверяющий этим злым ответам, Карказан подготовил ужасную войну. Кое-где среди людей ходили слухи, что Аммон предрек царство для племен. Стремительные отряды бросились прочь от горячего Сирта и, предъявив ложные претензии на империю, пригласили другие дикие племена присоединиться к ним. Толпа варваров собиралась и росла людьми и оружием. К ним бросились кавалерия и пехота, а также те, кто, как мавры, восседают на высоких верблюдах. К ним стекались не только илагуаты и те племена, которые ранее участвовали в войне, но и другие: грубые насамоняне, которые вспахивают сиртские поля, и те, кто возделывает свои фермы как соседи гарамантов и пьет из водоемов на берегу плодородного Нила. Кто мог назвать или счесть племена? Ты сможешь быстро сосчитать морские волны, капли воды в облаках, количество песчинок, вымытых на берегу, рыбу, которую содержит весь океан, или птиц, которых содержит вся земля, потому что их было столько же, сколько и стеблей, которые рождает пестрое поле с приходом весны, столько же, сколько звезд, украшающих все небо.

Карказан, движущая сила войны, считая себя в безопасности и храбрым, учитывая силу и оружие, теперь находящиеся в его распоряжении, восстановил своих идолов и знамена и, более чем когда-либо, отозвал свои войска из отдаленных регионов. Он выступил против своего врага, как Антей, которого снова и снова били руками Геракла. Этот древний великан упал намеренно и восстановил свое усталое тело, прикоснувшись к песку, пока Тиринфский победитель не увидел насквозь это дело и, схватив своего противника изо всех сил, держал его тело плашмя своим огромным весом и таким образом сжимал его свирепую шею. что он не мог прикоснуться к своей матери-земле, и поэтому всепоглощающая смерть закрыла глаза бедному существу. Таким же образом, хотя Карказан был побежден, он восстановил всю свою силу у своего собственного сиртского народа и, не подозревая, что он вот-вот умрет, снова поднял оружие против своего врага. В этот момент ужас войны и бесчисленные и жестокие опасности темной ночи покинули сердца его людей.

Но вот, быстрый посланник мчался по земле, посланный великим Руфином, и теперь мирные города Ливии были напуганы сообщением о том,

что побежденные отряды туземцев снова пошли на войну, что войска их кавалерии выезжали из земель на западе, опустошая дома Триполи, и что под командованием Карказана дикие племена наступали на стены высокого Карфагена, питая надежды на обретение имперского статуса для себя. Солдат, посланный передать сообщение нашему полководцу, только что достиг двора Карфагена. Горький гнев сокрушил сердце Иоанна, когда тот огласил свое сообщение, но тонкая мудрость, которой был отмечен его праведный разум, сдерживала его неукротимую доблесть и вместо этого искала направление действий. Он обратил все эти заботы в своем сердце и сосредоточил на них свое внимание. Его острый ум пробежался по ситуации, изучая все, взвешивая дело с острым здравым смыслом и обращая внимание на ужасную опасность со всех сторон.

Затем, призвав своих командиров по своему обыкновению, он спросил их совета и открыл им свои мысли и намерения: «Товарищи, илагуаты, которых мы победили и должны снова победить, еще раз объявили войну и осмелились вступить в столкновение со знаменами, с которыми они встречались нам ранее. Теперь они захватывают поля Триполи, крадут награбленное изменниками и угрожают выступить против нашей земли. Я готовлюсь привести в движение наши знамена, готовясь пойти и встретиться с их многочисленными племенами, потому что я хочу присоединиться к битве на чужой земле и сразить этого врага вдали от наших полей, чтобы Африка, снова потрясенная жестоким разрушением, не погрузилась в еще более глубокие разорения. Возможная цена этого для нас, места, в которых нам придется сражаться, и их непроходимые дороги беспокоят меня. Но вы можете видеть, насколько плох был урожай этого года, а сама провинция потеряла большую часть своих ресурсов в недавней войне и, увы, слишком слаба, чтобы поддержать нас. Наша огромная армия не сможет вынести нехватки продовольствия. Если мы позволим врагу достигнуть даже самых отдаленных областей Бизации, то они решат поспешить и уничтожат все в поисках грабежа. Тогда война снова приведет в замешательство эту утомленную землю. Подумайте об этих вещах и сделайте мой неуверенный ум решительным, следуя вашим указаниям».

Не успел полководец закончить, как все они решили отправиться в далекий путь, заявив, что действительно могут выдержать безжалостную жару Ливии. Вся толпа обещала ему сильные руки и умы и провозгласила свое желание совершить великие дела от имени своей страны, потому что люди презирали мятежные племена и так доводили свой дух до неистового безумия перед лицом битвы.

Когда полководец увидел, что его роты возбуждены дикой доблестью. что они обещали быть бесстрашными на войне, он прокричал команду привести их знамена в движение. Затем с медным стоном горн издал скрипучую песню, и его жестокий звук взволновал вооруженные отряды. Все отряды кавалерии и пехоты вместе с латинскими капитанами и их помощниками пришли со своих постов и собрались по его команде. И Куцина всегда был первым в преданности римской армии, пришел как начальник

командиров, ведя массилийские войска на войну. Наш храбрый полководец двинулся на юг, где под тропиком Рака раскаленное небо выжжено солнцем и слишком крепко держит сушу в своих руках, так что поля все время борются и горят от жажды под порывами западного ветра. Там африканский ветер иссушает всю землю своими огнедышащими бурями, а сам африканец блуждает в жажде по горячим пескам и, тяжело дыша, беспомощно ищет даже стигийские воды.

Слух, как вестник, распространил новости на многих языках, ускорившись прежде, чем объявить, что храбрый Иоанн движется быстро в сопровождении всех своих центурионов. Это нежелательное сообщение дошло до ушей лагуатского народа, потому что злые всадники врага опустошали землю Бизация, как обычные воры. Поразив их сердца великой силой имени Иоанна, слух напугал их, и они повернули свои бесчисленные войска назад. Теперь, движимые ужасом, они поняли, что им придется снова встретиться с полководцем, и задрожали при мысли о том, что они испытали в его руке раньше. Они вспомнили мрачный облик и все боевые знамена этого человека. И поэтому они, не колеблясь, бежали за пределы выжженных Гадиэв и губительных мест, в которых нет возможности путешествовать или даже жить. Ни одна птица не парит и не пролетает сквозь горячий воздух этих регионов, и даже оруженосец Юпитера, несущий свои пылающие стрелы, едва ли может без травм выдержать горячие и сухие взрывы на краю сияющего неба. И все же ужас заставил врага приблизиться к ним.

Когда наш полководец заметил, что вражеские отряды отступили через пустыню в страхе, всегда храбрый, он стал преследовать их в их бегстве, смело входя в горячие пески этой жаждущей земли. Он приказал всем своим людям принести воду и хлеб для себя, и они быстро выполнили приказ своего полководца. Но в этих местах до какой степени он сможет утолить голод стольких людей, и сколько дней он сможет питать такую большую силу? Вскоре бурдюки с водой опустели, и нигде не было еды. Их пересохшие глотки горели, и они ослабели от голода. Увы, солдаты задыхались, бешено шатались и, покрасневшие от солнечного тепла, становились лихорадочными, когда их тела опалялись мощным пламенем. Не найдя в песках реки нигде, они продолжили тщетные поиски воды, точно так же, как те знаменитые аргивские войска, которые когда-то давно пробились к полям Фив, и испугались, что пруды и источники высохли силой Вакха; и поэтому их полководец, Адраст, в своей жажде повсюду искал реки в этой стране.

Римские солдаты восклицали, подавая свои печальные жалобы в горьком причитании: «Если мрачная судьба грозит уничтожить римский народ в один миг, есть мечи, есть войны, которые нужно вести, есть свирепый гнев этих племен. Пусть нас пронзает копьё; пусть все оружие, которое они имеют, придет, как молния. Пусть копья, которые они бросают, пронзают наши тела. Пусть они иссушат нас из наших жизней, так долго, как это делают с ранами. Но почему ужасный голод, лихорадка и жажда, увы, улавливают нас в этой медленной судьбе и утомляют затяжной смертью? Пусть наша группа станет убежденной жертвой меча. Поверните наши знамена вспять. Эта обессиленная

от голода толпа умоляет и вас: будьте верны своим людям и пожалейте нас и себя. Считай своих людей, великий полководец. Наши конечности сейчас истощены, наши кости, обнаженные и иссохшие, становятся жесткими от сухого костного мозга, наши сухожилия натянуты, наша кожа высохла, глаза впали, щеки побледнели. Сам образ смерти теперь хранит наши тела, и наше жаждущее дыхание горит».

Едва беспомощная толпа закончила, как их вождь по отечески сам заставил их замолчать, пока они горевали, и по своей доброте восстановил их, хотя они и были утомлены его речью. Такими словами он дал им совет: «О, надежда Рима, слава и спасение вашей страны, не убегайте от этой борьбы, какой бы трудной она ни была. Преодолейте свою жажду и ужасный голод. Теперь вспомните трудные дела, которые совершили ваши отцы. Народы мира знали силу наших предков. Таким образом, претерпев невзгоды, наши предки завоевали мир своей доблестью. Терпение – величайшая добродетель, и эти племена боятся этого в нас. Более того, это будет устрашать других врагов, даже когда уничтожает их. Сила врага борется с двойной гибелью. С одной стороны, их атакуют иссушающие жажда, лихорадка и голод; с другой стороны, их великий страх перед римлянами принуждает их и угрожает им. А теперь будьте кровожадны и проведите испытание этих областей, недоступных человеку. Эта раскаленная зона будет свидетельством вашего труда, и небесный свод подтвердит его свидетельство. Наши потомки прочитают о том, как я последовал за великим Катонем, исследуя этот регион, и то, как ты победил его. Пусть любовь к своей стране одолеет твой разум, и тогда эта злая жажда отступит, изгоняемая святой силой, и твое рвение найдет свое исполнение».

Так наш выдающийся полководец успокаивал латинские когорты своей безмятежной речью, поливая им все сердца своими словами, словно сладкой струей, и наполняя их желудки, словно пиршествами.

Но неудача все же постигла латинское дело, сокрушив его силу и низвергнув его могущество. Случалось так, что лошади бродили по всем полям в поисках корма, потому что ужасный голод и лихорадка держали в своих лапах все виды существ. Не было ни свежей травы, ни деревьев с какими-либо листьями, как вдруг поле стало золотистым от густой травы, а равнина залилась цветами. Затем жадное стадо, движимое ужасным голодом, разбежалось во все стороны, увидев траву, которую так долго желало, и попыталось перебрать все поле от одного конца до другого. Лошади даже лизали бесплодный песок, не в силах утолить голод, питаясь этим несчастным пастбищем. В конце концов они упали одна на другую на этих полях, умирая странной смертью и кусая траву своими холодными зубами. Римские солдаты были удручены смертью своих лошадей, и жестокий гнев охватил их, когда они шли грустными и тревожными, их сердца были смущены великой тревогой. Абсолютно напуганная этим единственным несчастьем, великая доблесть людей снова была разбита, и злая фортуна ввергла армию в раздоры, разжигая в качестве еще одного бремени для ее угнетения ее первое восстание.

Когда полководец увидел, что произошла эта великая катастрофа, и что сила его войск уменьшается, он переместил свой лагерь на берег в надежде облегчить и восстановить своих людей в их агонии. И вот солдаты начали чувствовать легкий ветерок и находить свежую траву, подходя к берегу. Однако рек они не нашли, поэтому прижимали сами цветы к пересохшим ртам и смачивали горящие губы их странными соками. Они утоляли голод найденными ими странными съедобными растениями, несмотря на то, что они не выносили их вкусов. Многие вернулись в армию с наступлением темноты, а некоторые рассеялись по полям в поисках пропитания. Другие бродили в поисках воды, и их жестокий голод заставил других отворачиваться в бегстве и полностью отказаться от знамен вождя, которого они стали презирать.

Наконец, полководец разбил свой лагерь у вод реки, на которую наконец указали проводники. Измученные жаждой римские солдаты притаились у ее берегов и вздохнули с облегчением от текущей воды. Со всех сторон там собирались солдаты у воды и пили из ее сладких струй. Без хлеба они жевали цветы и свежую траву, надеясь утолить этим свой голод. Ввиду этого полководец приказал разослать сообщение по прибрежным городам с просьбой спустить на воду корабли для доставки продовольствия его войскам. Однако снова не повезло, потому что против них подул неблагоприятный южный ветер, и жестокая Фортуна не позволила кораблям пересечь водяные волны под парусами. Наконец, соседний отряд урселийцев, которому в тот момент нельзя было доверять, подъехал к латинянам и стал дополнительным фактором в судьбе римлян.

Астрики, к которым принадлежало это племя, долгое время держали свои убогие дома в тех краях. Это было племя, стойкое в войне и чрезвычайно многочисленное, и многие годы их не тревожили. Когда они узнали, что Иоанн, продвигаясь вперед, перенес свои знамена на их территорию, они были напуганы его первым приближением и поспешили послать кротких послов, чтобы просить мира. Полководец спокойно принял их среди палаток, и они, прося прощения, мира и безопасности для своих племен, смиренно вознесли такие мольбы: «Слово о вашей могущественной репутации, великий полководец, о силе вашего ума, о вашей доблести и надежности прилетели до вас, одновременно устранив все наши племена и вовлекая их в благодарность к вашему правлению. Известное племя астрикийских мужей, о отважный герой, покоряется вашим приказам, согнув шею. Старейшины нашего племени одобряют и ищут договор с вами, и, поскольку они готовы служить, они готовят свои шеи к игу. Пощадите их, о известный полководец, когда они обращаются с этой просьбой. Мы не просим ничего, кроме мира и спокойствия, после того, как ваша война будет завершена».

Даже когда этот посланник говорил, невежественная толпа солдат начала роптать прямо в штабе полководца: «Как долго голод будет убивать нашу армию без какой-либо перспективы мести? Теперь нет надежды, нет спасения, и наша жалкая группа людей измучена». Когда этот звук достиг ушей полководца, он был глубоко встревожен и прошептал Рицинарию:

«Немедленно положи конец горьким жалобам этих никчемных солдат. Какое безумие в их сердцах, какая сумятица ума толкает эти жалкие отряды с головой в беду? Они видят послов. Эти люди просят подписать со мной договор. Они смиренно стоят здесь и умоляют нас молитвами, даже когда эти люди раскрывают наши собственные дела и нашу тайную болезнь. Горе этой никчемной банде, которая заботится о своих желудках, как крупный рогатый скот или дикие звери».

Рицинарий тотчас же вышел и, повторяя приказ полководца, быстро прекратил бормотание своими спокойными словами. Затем, когда воцарилась тишина, полководец, не теряя времени, ответил послам: «Вы слышали гнев, который изливает наша армия. Наши солдаты с нетерпением ждут ожесточенной битвы и готовятся двинуться по земле вашего народа. Наша империя, однако, всегда хочет щадить тех, кто нам подвластен. Мы покоряем людей, которые выбирают войну, но смиренных мы принимаем в качестве наших друзей. Итак, идите, господа, и если вы просите меня заключить этот договор, будучи непоколебимы по отношению к нам, пошлите своих детей в качестве залога в мой лагерь и сохраняйте со мной мир. Все астрикийское племя останется под надежной и могущественной властью нашего императора». Сказав это, он наградил их дарами. Они, в свою очередь, заявили, что будут служить Римской империи, и пообещали привести своих детей в качестве залога мира. Они заявили о своем уважении к латинскому народу, за его доблесть и верность, и они восхваляли силу и преданность как императора, так и полководца. Затем, когда мир был заключен, они удалились.

На некотором расстоянии от них, утомленные и жаждущие, илагуаты бродили по возделанным полям, больше не в силах выносить свои великие страдания и ужасный голод. Ни пути к безопасности, ни дороги не предвиделось. Позади них стоял Иоанн, перед ними – чрезмерно жаркое солнце. Смерть встала перед глазами племен со всех сторон. Они не могли ни продвинуться, ни вернуться назад. И поэтому встревоженная толпа, приведенная в замешательство окружавшими их опасностями, громко стонала и молилась о смерти. Затем Фортуна повернулась против них и убедила их вернуться, изменив курс мерзкого племени к худшему. И поэтому, как того требовала судьба войны, нечестивый сиртский отряд вернулся не столько в поисках вооруженного сражения, сколько просто пытаясь неуверенно сбежать. Римские всадники объезжали вокруг них, как разведчики, и с латинскими войсками ехали верные мазакки, ища бок о бок следы того, где может быть вражеский народ. Они не получали донесения и не видели поблизости ни одного врага, как вдруг они заметили сияние пожаров в темной ночи и, сомневаясь, задумались, были ли они теми из астриков или илагуатов, которые повернули обратно в их сторону.

Хмурый рассвет, поднявший свои лучи от океанских волн, в то утро двинул темную упряжку своим ходом. Она обрисовала зловещее солнце и солнечных коней, носителей злой судьбы. Облака скрыли ее ход, и Феб своим мрачным светом показал сумрачное небо. Но смотри, посыльный, усердно ехавший, сообщает, что видел бесчисленные огни, мерцавшие под безмолвной

ночью, распространяющиеся далеко и широко на расстоянии от его собственного подразделения. Относительно того, развернулись ли утомленные илагуаты и возвратились ли они, или астрикийский народ переместил свой лагерь близко к римским позициям, в его отчете не было определенного слова. И вот, оказавшись в затруднительном положении, полководец, всегда находчивый, стал искать в своем сердце объяснения. Пока он молчал и сомневался, смотрите, к нему внезапно подошел верный Куцина, прибывший с большой и многолюдной группой последователей.

Взволнованный и счастливый, он обратился к своему командиру так: «Беглецы илагуаты, усталые и безоружные, приводят в движение свои вялые силы, готовясь перейти этот путь тайком. Время близко – возьми наши знамена, могучий полководец – пришло время уничтожить это слабое и измученное племя. Более того, теперь нашим солдатам будет легче трудиться. Темная река омывает тенистые берега по их заросшим окраинам. Она окружена деревьями разных пород и темными камышами. К этому месту сворачивает племя. Давайте сначала доберемся до реки и завладеем всем ее течением».

Его слова были хорошо восприняты людьми, уже когда он говорил, но полководец, который некоторое время сдерживал бормотание своих усталых солдат в своем тревожном сердце, сначала запретил им выступить в путь. Но кто может помешать непоколебимой воле Бога или противостоять ей? Итак, приведя свою армию в движение, полководец приказал своим солдатам пройти строем через войска и эскадроны кавалерии. Пыль собралась в облака над ними, и воздух превратился в беспорядок из песка, когда Иоанн отправился в этот проклятый марш, а Галлика открыла свои зловещие холмы и мрачные злополучные поля. Теперь солнце встало в небе и зажгло высокий Олимп на своей огнедышащей колеснице, когда каждая из армий достигла середины реки. Сиртская армия в ужасе остановила свои шаги и, повернув назад, покинула берега ручья и оставила ту самую реку, которую искала.

Полководец приказал своим людям разместить там свои окопы и лагерь и отложить бой, поскольку он готовился вступить в сражение на следующий день, и поэтому приказал им взяться за оружие только для защиты текущего потока и его запаса воды. Его совет был мудр, если бы только римское войско выполнило наставления, которые он им давал. Но прискорбная судьба уготовила его людям быть упрямыми и смелыми. Солдаты бегали туда и сюда, широко раскинувшись по равнинам. Первые из них спровоцировали первую шеренгу врага, и в беспорядке, построенные без боевого порядка, эти латинские войска столкнулись с врагом, выкрикивая свой обычный боевой клич. Не горн, после того как приказ центуриона дошел до него, а крик возвестил об этой внезапной вспышке боевых действий. И высокие боевые штандарты не стояли на месте. Скорее, не будучи выстроенным по частям, а также, увы и самоуверенным, этот отряд бежал посреди врага, движимый злой судьбой. В первом столкновении мармаридские ряды в ужасе уступили место тылу, и римские солдаты преследовали их, вступая в ожесточенный бой с сомкнутым оружием. На равнине латинские всадники пронзали своими

копьями тела убежавших от боя. Они нанесли удар своим противникам и напали на них, пока страх не заставил побежденных мавров вернуться к своим верблюдам.

На некотором расстоянии Иоанн, могучий оружием, приводил все свои штандарты в порядок на защитных позициях и инструктировал своих людей, где разместить лагерь и его окопы. Он приказал офицерам снова атаковать врага только для защиты речных вод. Итак, они составили свои линии. Куцина держал правый фланг и был окружен массилийскими и латинскими войсками. Рядом с ним был Фронимут, храбрый в римских доспехах, и еще один Иоанн, как и могущественный вождь удостоенный счастливого имени своего собственного полководца, но не столь счастливый в своей судьбе. Огромный Путцинтул держал левый фланг вместе с лучником Гейзиритом и Синдуитом со своим неиствым оружием. Среди них стоял великий вождь вождей и, учитывая тот факт, что над ними уже нависла тяжелая судьба, напрасно говорил своим товарищам слова совета. Перед ним Тарасис окружил плотную фалангу пехоты своим прикрытием кавалерии и, скача вперед на своей быстрой лошади, готовил свои эскадроны.

А теперь посмотрите, как это происходило, к его солдатам прибыл быстрый посыльный, принесший известие, что враг был в замешательстве, и обратил свои побежденные спины в бегство через поля. Однако этот солдат не смог заставить Иоанна отказаться от своего мудрого плана своим докладом. Ум вождя оставался непоколебимым. Но воля Бога в Его страшном величии не совпадала (с его решением), и поэтому командира, пока он колебался, уговорили пойти на бой его телохранители, Ариариф, храбрый воин в прошлом, и добрый Ципер. Оба они были могучими молниями войны, которых боялась массилийская фаланга, и они были схожи не только по доблести, но и по судьбе. Начал Ципер: «Помоги латинам, о могучий вождь. Твои союзники участвуют в ожесточенной битве на равнинах, но, поскольку их немного, они приведены в замешательство близким к ним врагами. Численность (последних) превосходит их. Последуем же за нашими союзниками на войну. Возьми в руки оружие и принеси помощь своим людям».

В этот момент храбрый Ариариф загорелся любовью к битве и убедил сопротивляющегося полководца привести свои штандарты в движение. Слова этого верного помощника убедили командующего, и ужасный рог закричал своей смертоносной песней и заставил наши отряды вступить в бой. Напрасно вышли хорошо сформированные отряды, потому что злая судьба давила на них. Однако это было Твоим удовольствием, о Всемогущий Отче, до тех пор, пока Ты желал бичевать грешный народ Ливии. Их ошибки были причиной грядущего великого зла. Вина не падает на нашего правителя.

Когда Карказан издали увидел собирающееся облако пыли, он, не теряя времени, поднял свою насамонскую армию, успокаивая их испуганные сердца такими словами: «Непокоренные народы, ваша известная доблесть убедила меня испытать силу этого римлянина в битве. Это день, когда рогатый Аммон пообещал дать вам землю, которой суждено стать вашей. Идите вперед и бесстрашно сразитесь с врагом с оружием в руках, демонстрируя уже сейчас

свои исконные притязания на славу. Пусть каждый из них из вас яростно сражается в рукопашном бою и поверит в нашу судьбу. Великие божества предоставляют свою помощь, и, положившись на нее, вам будет дарована чистая победа. Товарищи, оставьте малодушный страх и понесите в бой с собой вашу привычную силу и дух».

Едва Карказан сказал это, как ужасающий крик пронесся по сиртскому лагерю, и по мере того, как шум их дикого волнения нарастал, армия мармаридов продолжала буйствовать. Их собственная суровая участь закипала их ярость, и дух войны подстрекал их дикие отряды, хлеща варваров по спинам своей кровавой плетью. Затем, когда их дикие сердца наполнились безумием, их бесчисленные всадники начали покидать свой лагерь и направляться к равнинам.

Посреди поля битвы был участок реки, как раз подходивший для военных хитростей и обманов массиан. Густая роща своей оплетенной листвой препятствовала оружию солдат. Бесплодный тамариск скрыл его спрятанный водоем вместе с дикими оливами и их острыми листьями. Здесь мармаридские ряды заняли позиции напротив позиций латинских расположений. Здесь они оба сделали свои первые шаги в этой мрачной битве, но лес загородил путь оружию людей, и крылатые копья оказались перед преградой из его ветвей, потому что тонкие древки не могли пробить его даже тогда, когда их бросали мощной рукой. Всадники не могли свободно повернуть своих лошадей против врага, а солдаты, повсюду запутавшиеся в толстых ветвях, не могли пустить в ход свои длинные копья. Местность удерживала встревоженных командиров и их осторожного полководца от сражения и заставляла первые ряды воинов занять позицию. И поэтому они остановили свое продвижение. Ни у кого не хватило смелости вступить в бой, и все остановилось на крутом берегу¹. Полководец храбро подошел к месту и, окружив его стражей, приготовился попытаться пройти каким-то путем через реку и сквозь густую рощу. Насамоняне, наблюдая из укрытия, как безопасный путь был найден и удерживался, напали на своего врага. Наш верный отряд, весь прикрытый огнем, обратился в бегство, и из-за быстрого прибытия своего свирепого врага мы даже не бросили копья. Скорее всего, как только они увидели насамонцев, они побежал быстрее, чем западный ветер, не медленнее, чем тень, увиденная во сне.

А теперь посмотрите, как безошибочные вести, летящие вперед, принесли общую новость о том, что верные мавры уже тогда оставляли битву без боя, движимые непреодолимым ужасом. По команде Иоанна мудрый Павел вместе с Амантием поспешили помочь этим людям своей помощью. Однако никаких следов этих мавров обнаружено не было, так как мазаки, когда они бежали, в своем страхе не оглядывались на битву и не обращали своих лиц на врага. В этот момент командиры повернулись и тоже бежали, а их напуганные офицеры уехали, нарушив при этом цепочку командования. Победители, илагуаты, преследовали их разрозненные линии, пока их крик

¹ Латинский текст здесь испорчен. Слова добавлены по смыслу.

достигал неба. В этот момент вражеские силы высвободили свои войска со всех позиций во всех ущельях, отправив их через широкую равнину. Вы могли бы подумать, что в земле внезапно образовалась брешь и из нее возникли люди. Нападая на них с той и с другой стороны, они окружили наших союзников и тысячами сомкнули ряды и захватили наших разрозненных командиров.

Небо было закрыто копьями, которые они метали, и тьма, как ночь, давила на равнины повсюду. Жалкие остатки наших потерянных отрядов стонали, когда их кони были срублены кровавым оружием на всем поле битвы, а враг бушевал, неутомимый, стойкий и непреклонный. Тот день мог бы разбить весь латинский народ в единственной катастрофе, если бы Всемогущий Отец, сжалившись над ними с небес и охраняя римские отряды, даже когда они были окружены тысячами врагов, не спас беглецов, попросив самого могущественного Иоанна обратиться к ним. В самом деле, именно Иоанн, когда он увидел, что союзные батальоны покидают поле боя, закричал, как гром, и поднял их гнев до более высокой степени такими словами: «Если нам суждено умереть, товарищи, и если выясняется, что последнее несчастье мужей собирает к себе латинян, готовясь низвергнуть их оземь в этом жестоком бою, то почему я должен умирать женской смертью? Если жизнь остается, почему я должен бежать в страхе? Граждане Рима, поверните свои чресла сейчас же. Установите свои знамена, товарищи, покажите свое презрение к ярости этого народа и будьте кровожадны, когда вы рискнете вступить в бой. Либо мы победим врага, если Бог Сам пожелает этого, или, если грехи, которым я тоже способствовал, встанут на пути, то, по крайней мере, мы не будем в смерти лишиться похвалы, которую заслуживаем. Положите конец этому бегству и обнажите свое оружие. Пусть каждый поступает так, как он видит, как делаю я».

Итак, он проговорил и, нахмурившись, превратил рычание за своими зубами в крещендо. Затем он схватился за блестящую рукоять своего меча и в ярости, чтобы пролить кровь, вытащил его лезвие. На звук его голоса вернулась надежная часть армии. Затем разгорелась ожесточенная битва, когда копья летали туда и сюда в постоянном облаке. Гремели нагрудники и шлемы, и их бронзовые навершия стонали от ударов, пока мужчины изливали свою красную жизнь из порванных вен в их жизненно важных органах. Надменный Ципер храбро проехал прямо через середину вражеского войска, совершая горькие подвиги в своей ярости и сокрушая силы Сирта своими смертоносными руками. С ним пошел Солумут, воин, похожий на него, но отличный несчастливой судьбой. Вместе они пронзали своими длинными пиками груди многих, кто выступал против них.

То копьё пронзает дрожащую печень или сердце человека, то теперь они рассекают полые храмы своей крылатой сталью. Один отрубил голову, другой отрезал большую ногу. Возможно, вы наблюдали, как львы-близнецы с дикими пастями пробираются сквозь стаю. То один яростно рвет добычу когтями, то другой сокрушает нежный скот своими окровавленными зубами и наслаждается теплой кровью. В другом месте Булмитцис и могущественный

Ариариф, свирепый Доротис и оруженосец Иоанн тем или иным ударом повергали наземь обреченные тела тех, кто продолжал нападать на них через широкую равнину. Один воин с надменным безумием держал свой меч, в то время как другой стоял высоко и использовал свое превосходное мастерство владения копьем. Один выстреливал из своей звенящей тетивы жесткие стрелы. Другой, чья сила заключалась в его боевых навыках, бушевал и ревел, сражаясь обоими видами оружия. А среди них сам полководец сиял своим мечом-молнией, сдерживая вражескую фалангу в ужасе. В песнях рассказывают, что именно таким образом Юпитер в своих доспехах заставлял гигантов дрожать на войне, когда удар его молнии уничтожил этих ужасных братьев своей обжигающей раной, которую он нанес им.

Наши войска тогда одержали бы победу, если бы злая Фортуна не отвергла их успех. Теперь злой отряд из бесчисленных людей поднялся, когда мармаридская пехота двинулась вперед. Вокруг них со всех сторон летели густые стаи копий, и тяжелые дубовые ветви и грозные камни падали, как молнии. Поле было покрыто черной пылью, и воины были так прижаты, что едва могли видеть собственное оружие. Но наш полководец продолжал сопротивляться, стойко противясь любому вооруженному нападению и запрещая своим людям поворачиваться спиной. И вот, когда им угрожало полное замешательство и разгром, двое из его оруженосцев пали. Огромный Ариариф рухнул, но не пропустил ни единого удара, а великодушный Ципер потонул под сотней полученных им ран. Мощный выстрел пронзил даже лошадь полководца, когда он скакал близко к врагу, но он храбро вынул копье из тела своего быстрого коня правой рукой, сломал его и в ярости швырнул его в лицо врагу.

Наблюдая за тем, как убивают его союзников, и за своими ранами, полководец взревел, а затем, вскочив на другую лошадь, устроился на ее высокой спине. В ужасе своим угрожающим видом он рванулся вперед, прорываясь сквозь плотные ряды, стоявшие перед ним. Затем вместе со своими товарищами полководец прорубил путь сквозь вражеские силы своим мечом. Их позиции разбежались, движимые ужасом, который он внушал, поскольку герой восстановил некоторые позиции для себя и своих людей и взял курс прямо в самое сердце сосредоточения врага. Затем, снова сформировав свои войска под своими знаменами, он сдерживал массилийские отряды своими стрелами. В этот момент битвы ни один из вражеских героев не мог бросить ему вызов в ярости, и любой, кто преследовал его, получил взамен ранение из его повернутого лука. Если кому-то удавалось напасть на него, то он был ранен, пронзен на расстоянии через его задыхающуюся грудь копьем, которым размахивал Иоанн, и все люди, схватившие его с боков, отдавали свои жестокие души под его крылатыми копьями, чьи древки пронзали их с обеих сторон.

Фактически, насамоны перестали бросать вызов знаменам полководца и, все еще кипящие от ярости, расставили своих лошадей по широкой равнине кольцом. Но они убили тех, кто бросил свои знамена в бегстве, кто испугался горькой угрозы первого конфликта и повернулся спиной, чтобы бежать.

Был один выдающийся центурион, известный тем, что носил имя полководца, и не менее известный своей доблестью, человек, прославивший римское оружие. Когда наш полководец увидел его издалека, спасающегося от битвы на широких равнинах, он крикнул ему вслед следующие слова: «Это твоя преданность? Так ли мы ведем войну: чтобы добиться уничтожения римской армии? отказавшись от своего приказа? Куда едешь, несчастный человек? Это из-за тебя гибнут наши бедные солдаты и наша репутация». Услышав слова полководца, центуриону стало стыдно, и в этот момент в его жестком теле вспыхнуло горе. На самом деле именно эта злополучная мука стыда заставила его снова столкнуться с преследующими племенами, поскольку жестокая смерть давила на него даже в его стремлении сокрушить вражеские отряды. Он изо всех сил пытался защитить своих товарищей, которых теснил враг, и те из противников, которые одерживали верх, теперь пали, а товарищи были спасены в момент своего поражения, когда судьбы его терпящих поражение людей были обращены вспять. Поначалу удача помогла смелому воину, когда он бушевал, гордясь резней, которую он устраивал, поражая тела врага тем или иным смертельным ударом. Он был подобен задыхающейся тигрице, которая в ярости бродит по гирканским полям, потому что у нее отняли детенышей, на которых наткнулся охотник и забрал из ее логова на Кавказе.

Этот человек представляет это как зрелище для царей Персии, в страхе подстрекая своего коня железными шпорами. Но тигрица, похожая на своего супруга, и более быстрая, чем западный ветер, несмотря на свою жестокость, скорбит о нежном выводке и летит дальше. Таким образом центурион изо всех сил пытался атаковать местные племена. Он отрубил одному из мужей голову своим мечом и, метнув копье умирающего, снес наземь другого с расстояния. Одному солдату он пронзил грудь своим могучим копьем, другому он угрожал своим трепещущим копьем, пронзив его щит, руку и бок одновременно. Еще один видел, как его ногу отрубила рана, когда он умер, и, упав обезноженным рядом с ней, оплакивал ногу, которая уцелела. Здесь лежал раненый, изувеченный упавшей лошадей. Бурлящая кровь взметнулась ввысь, и ее поток смешался с теплым песком. Тысячью способов этот пылкий борец наносил раны с той и другой стороны, где бы удача ни предлагала ему возможность. Но теперь, уставшая и задыхающаяся, его лошадь запалилась и отказалась бежать.

Линия мавров продвигалась, становясь сильнее по мере продвижения. Камал, Керавс и свирепый Стонтавс последовали за ними, и огромная армия окружила своего врага, поскольку перед ними толстые тучи копий добавляли смятения на поле боя. Его щит, блокируя приближающиеся копья, издал медный стон и зазвенел глухим грохотом. Противник с криком надавил и изводил героя, чей крепкий умбон щита теперь был густо усеян стрелами. Он ратоборствовал под самой его защитой, и его угнетала тяжесть израсходованных стрел. Густой кустарник увеличивал его усталость, когда он боролся с обрушившейся на него толпой. Постепенно уступая, он ловко пробирался к ближайшему берегу, все время защищая правый бок морскими

волнами. Он повернулся налево, защищая свою спину щитом и защищая свое лицо и путь впереди своим оружием. Он был подобен бесстрашному льву, провозглашающему свою доблесть рыком, когда напуганный круг охотников осаждает его. Дикий зверь открывает свои устрашающие пасти, издавая длинное перекатывающееся рычание, пробуждая свой гнев, и его ярость полна уверенности и силы. Ни у одного человека нет духа или храбрости, чтобы напасть на него; скорее они нападут на него издалека с одним лишь криком и бросанием копий. С такой яростью, хотя толпа его сильно давила, центурион ушел, держась за изгиб берега и своим щитом отражая их копьа.

Посреди пляжа есть длинная крутая расселина, которую омывают волны на краю моря, как и река омывает свои берега. По мере того, как ее воды выходят в море, они смывают поля за собой своими горькими волнами. В это место обратно стекают водоросли и грязь, и их глубокие отложения разлагаются под волнами течения. Достигнув этого места, лошадь героя испугалась черных водорослей и от страха отвернулась. Затем, фыркнув, она наострила оба уха в знак своего страха, повернула бок и вспенилась как дикий зверь. Она закатила глаза, огляделась вокруг и не осмелилась испытать ужасную опасность перед собой. Но великодушный вождь, даже когда он изо всех сил пытался противостоять нападавшему, увы, завершил как свой путь, так и свою жизнь. Ибо близкий враг преследовал воина с криками, заставив его в замешательстве отступить.

Наконец, снова и снова прищипывая свою лошадь, он удвоил удары хлыста, ударив по мощным плечам своего скакуна, и лошадь, под ударами своего всадника, поднялась и попыталась пройти непроходимой тропой галопом. Упав, он стал тонуть, поглощенный водной пропастью, и нечестивая земля засосала все в свою жестокую пасть. И все же Фортуна спасла героя, вырвав его у врага и укрыв, чтобы ему не приходилось стоять без оружия или смиренно умолять нападающих мольбами. И это дало ему могилу, чтобы его тело не лежало без прикрытия на ливийских песках.

ПЕСНЬ VII

Тем временем наш полководец со штандартами, спасенными войсками, шел безопасным путем. Устало он подошел к стенам небольшого города вместе с союзниками, вернувшимися к его знаменам. Здесь потребность армии в пище была удовлетворена, здесь, после боя, его людям было разрешено жить в безопасности, здесь лихорадка лошадей лечилась водой, и, когда их кормили, их жалкий голод отступал. Измученные жаждой солдаты теперь заботились о своих лошадях в близлежащих ручьях и радовались воде, которой они так жаждали. Вспоминая свои прежние несчастья, они лили на свои тела прохладные струи воды. Со временем, когда они насытились, они почувствовали, что к ним возвращается немного сил, и после мучений войны наслаждались удовлетворением, которое приносили им чаши с вином.

Теперь черная ночь опустилась на землю и отложила мирские труды, скрывая формы вещей под темным небом. Последовал глухой ночной сон, приносящий сладкое утешение солдатам и обнимающий их своими

безмолвными крыльями. Долгожданный отдых той ночи излил ее сокровища и расслабил их опущенные веки. Их сердца лежали тихо и забыли о зле и о самих себе, в то время как остальные части их тела дрожали усталыми конечностями с тяжелым дыханием.

Однако в суматохе этого положения вождь провел бессонную ночь, перебирая в своем сердце бесчисленные заботы. Отеческий полководец, движимый благочестием и оплакивающий смерть стольких людей, застонал и пустил слезы из глаз своих. С ним был Рицинарий, утешитель для полководца и соратник в его борьбе. Он всегда носил свою долю зла, смешанного с добром, не спал врозь с простыми солдатами, а присутствовал как трезвый друг и сильный в доблести человек, который никогда не побоялся бы положить свою жизнь за свою страну.

Дикие персы знали все достижения этого человека, его характер и силу, его добрый совет и стойкость, его выдающуюся военную службу и, наконец, его миролюбие и великодушную преданность. Африка тоже знала, чего он добился среди враждебных мавров, и сам его командир по отцовской линии знал, что этот человек часто переносил тяжелые труды вместе с ним. Таким образом, между ними росла любовь, и стремление угодить отличало отношения двух мужей. Он думал об Иоанне как о своем отце, а Иоанн думал о нем как о истинном сыне, рожденном от его крови. Так и получилось, что, без сна, каждый из них с грустью рассказывал другому о событиях дня, вспоминая благородные смерти, происходившие на той злосчастной равнине.

Полководец заговорил первым: «Воистину, напрасно бодрствует человек, если не бодрствует вместе с Богом. И никто не может выиграть войну, полагаясь на свою собственную силу. Только Всемогущий сокрушает врага, двигая, опрокидывая, уничтожая все сущее». Племя римлян, однако, не так уж ненавистно Господу на небесах, ибо Его воля была спасти моих людей, даже когда они были теснимы столькими тысячами врагов. Теперь я решил как можно скорее восполнить наши потери и совершить внезапную атаку, пока победитель остается в безопасности в этом месте, воображая, что побежденные им бегут. Как часто, в конце концов, побежденные одолевали в бою (более) гордых людей! Большая победа дается и тем, кто меньше. Подумай же, мой дорогой товарищ, что может быть лучшим направлением (действий) для нашего войска».

Затем, спокойный и серьезный, Рицинарий заговорил, давая своему командиру долгожданный совет, о котором он просил: «Свято уповать на Божью помощь, великий вождь, но почему ты так рвешься снова атаковать? могучая десница движет тобою, и все же нет надобности теперь подвергать свою жизнь неопределенным опасностям... Жестокая Фортуна с помощью своей сделала врага гордым и смелым, но сердца тех, кто бежит от битвы, всегда холодны от страха. Даже великая доблесть, сломленная страхом смерти, робка. Лишь немногим свойственно выстоять в суматохе войны, особенно после битвы, подобной этой, которая потрясла наших людей недавней бойней. Наши силы рассеяны, но невредимы. Собери их, храбрый полководец, и прикажи им восстановить свои силы. Затем разыщи и призови

к действию те племена в других краях, которые всегда были верны своим договорам с нами. Пригласи их тоже прийти, потрясающих своими тростниковыми щитами и знаменами. Таким образом, вся армия, сосредоточенная в одном месте, будет в безопасности, так как она, без сомнения, найдет для продажи любые припасы, какие пожелает. Как ты знаешь, эти туземцы приводят с собой много стад, и наши корабли доберутся до этого берега, привозя хлеб и вино, так как погода теперь открыла море для плавания. Если мы сделаем это, то наша армия восстановит свою разрушенную мощь, а наши отряды, забыв свой страх, возобновят бой».

Его совет нашел одобрение. Вняв прекрасным словам своего верного друга, вождь приказал своим быстрым посланникам донести его приказы до всех своих подчиненных. Они разлетелись верхом во все стороны, неся инструкции своего командира, и быстро собрали как туземцев, так и наших людей. Ни один командир никогда не мог возобновить ожесточенный бой после того, как был вынужден совершить тактическое отступление со скоростью Иоанна, человека, поистине замечательного своим бдительным духом. Прежде удача не окутывала его гордостью за успехи в прошедших войнах, и невзгоды не сломили его, как бы он ни был тверд в доблести. И вот розовая заря поднялась с океана, сметая тени промозглой ночи. Когда вождь увидел восходящий белый свет, он омыл руки и лицо, все еще обрамленное жесткими от пыли вчерашнего боя волосами.

Затем, простирая свои открытые руки, он взмолился: «Всемогущий Творец, Сила и Слава вселенной, неизменное Спасение и Отец мира, Ты, Кто под верным заветом устрояет все, Кто вращается и правит Своим собственным движением, Ты, меняющий времена года, но остающийся в них неизменным, так как Ты открываешь год в четыре последовательных периода, Ты измеряешь день двенадцатью равными часами и обновляешь все вещи в их порядке, но Сам не обновляешься никем другим, ибо Ты одновременно являешься Автором и неизменный Господом и Основателем земли. Я верю, Всемогущий Отец, и исповедую, как велика Твоя сила. Их злые божества обманывают эти бедные племена, которые верят в них. Ты, однако, часто позволяешь судить Свой собственный народ. Но Твоя преданность им заставляет Тебя быстро поднять их снова. Приблизься и принеси утешение Твоим утомленным людям. Подними римскую армию и низложи надменных массилийцев, жаждущих войны. Поспешి остановить нашу гибель, я молю, и как наш Управитель, возьми нас под Свою опеку».

Совершая эту молитву, отеческий полководец был движим чувством долга, его глаза наполнились слезами, омывшими его лицо, и, с тревогой взвешивая грозящую Ливии опасность, он снова и снова стенал. В этот момент Всемогущий Отец подхватил слезы и слова скорбящего полководца и решил оживить латинские силы. Вернулись союзники, которых рассеял ужас войны и страх перед врагом. Они доложили вождю, что многие люди остались невредимы и что они ждут в Юнках, чтобы он последовал за ним. Известие о том, что эти товарищи в безопасности, доставило ему небольшую радость и утешение среди зла, поскольку вождь собрал всех своих людей, разбудив их

медным зовом трубы. Все еще опасаясь, они образовали свободный круг и стояли вокруг него, подавленные, со слезами, которые даже сейчас капали на их груди. Их милосердный командир говорил с ними нежным голосом.

Воодушевляя бойцов и успокаивая их страхи, он начал такими словами: «Товарищи, не надо слез, которые послужат только для того, чтобы сломить ваш храбрый дух на войне. Римские солдаты никогда не побеждаются невзгодами. К чему этот чрезмерный плач, друзья мои? Видите, все наши союзники вышли невредимыми из самой гущи врага, и они сообщают нам, что у Юнков уцелели и другие. Если наши союзники живы, то никто не может себе представить, что он потерял от рук врага. Добыча, о захвате которой этими людьми вы, возможно, пожалеете, останется в сохранности и даже увеличится. Враг, которого вы видите раздувшимся от гордыни после этой легкой бойни, тяжелой ценой сам узнает, каких битв можно добиться вместе с мощью римлян. Тогда ты будешь смелым, как всегда, радоваться тому, что одновременно захватишь и свою добычу, и добычу мавров. Успокойте свой скорбный дух, отложите в сторону свои заботы, мои латинские товарищи, и изгоните из своей груди эти недостойные страхи. Победа еще придет к нашему делу».

Такие вещи командир сказал остальным, чтобы восстановить их счастье. Хотя сам он был опечален, но для друзей сделал веселый лик и своим видом вселил в них надежду, ибо прятал заботы свои в сердце своем. Затем, направляясь к Юнкам, он собрал римскую армию и распорядился, чтобы командиры отрядов, солдаты и храбрые офицеры вернулись на свои позиции, восстановили своих утомленных лошадей с осторожностью, которую они требуют и возлагают свои надежды в битве, которая последует.

Сам он в спешке направился вдоль береговой линии, где надеялся освежить своих союзников регулярным пайком. Сделав это, он покинул берег и направился к стенам на возвышенностях. Там, посреди леса, возвышается город Лариб, абсолютно безопасный и укрепленный новыми стенами, воздвигнутыми Его Императорским Высочеством Юстинианом, могущественным правителем восточного и западного мира и славой римского царства. В этом месте полководец приказал своим союзникам быстро выступить ему навстречу вместе с командирами и племенами, которые, как он знал, были верны его знаменам в первом сражении.

Тем временем посланник с плохими новостями сломил дух тирского города, рассказав ему о недавней ужасной битве и о жизнях, потерянных на этой жестокой равнине. Люди действительно были ошеломлены, и все же была одна надежда, на которую они могли положиться, поскольку в сообщении говорилось, что их вождь в безопасности.

Такая же крылатая весть в то же время дошла до ушей несчастной жены Иоанна, погибшего центуриона. Когда она услышала это, тепло покинуло ее ошеломленное сердце, и, когда она начала дрожать, ее лицо вдруг побледнело. Затем жалкая женщина пала, и ее горе поглотило свет дня, окутав небо и землю внезапной тьмой. Затем, внезапно, сухожилия ее тела обмякли, и образ смерти на некоторое время заставил ее закрыть глаза. Ее служанки быстро подбежали к ней и попытались помочь тонущей госпоже. Они терли руками ее груди и с

трудом смогли разжечь слабое дыхание жизни в ее холодных конечностях. Поднятая их преданными руками, она села, но не отвела взгляда, ибо была бесчувственной, израненной горем и забывшей себя. Вскоре ослабевшая женщина пришла в себя, но все еще казалась сбитой с толку.

Наконец она заговорила, все еще сокрушенная первыми муками горя: «Сердце мое сжимается от печали, а глаза мои не проливают слез. Почему бы устам такой несчастной женщины не срывать на слезы? Может ли скорбь, которая так горяча, выскользнуть из нашего ума даже среди столь великих страданий, или это сама скорбь отрицает слезы так же, как и слова? Был ли это жалкий жизненный удел, который вел меня вперед, который привел меня, как чужестранку, в Ливию, следуя по суше и по морю за оружием моего мужа? Почему я сама не прошла через бой? Если бы я это сделала, то жестокая судьба могилы, спрятанной в этой непредвиденной расщелине земли, унесла бы нас обоих вместе, несчастных. Затем, держа свои руки в его руках, я бы соединила наши сладкие груди вместе и почувствовала бы, как наши тела сливаются, когда я обнимаю своего мужа. Было бы сладко умереть даже в нашей печали, если бы судьба даровала тому, кто так страстно любил, право совершить еще одно путешествие с ним в качестве моего спутника, на этот раз среди мертвых. Ах, бедняга, перед которым трепетали те дикие племена, ты лежишь навеки, закутанный в пески чужой земли. Это был зов доблести, который гнал тебя на смерть. Почему, когда твои люди были в бегах, ты решил вернуться в одиночку и, слишком надеясь на себя, прогнать эти бесчисленные отряды? Куда мне повернуться и бежать? Куда спешить? В чьем плену я буду просить о помощи? Ты был моим пристанищем, бедная я женщина. Не заботясь о себе, я не побоялся пересечь с тобой пучину, даже когда бурлящий западный ветер швырял наши дрожащие корабли в поднимающемся потоке. Несчастливая жена, овдовевшая от такого мужа, смогу ли я без тебя снова пройти через эти ужасные бури? О, если бы добрые судьбы оборвали мое горе на полпути, если бы только жестокая смерть не позволила мне взвалить на себя это непосильное бремя так долго, как тянутся дни. Тогда, вместо того, чтобы вчерашней судьбой скончаться, я бы наслаждалась ликом моего мужа Иоанна».

Этим плачем жалобная женщина наполняла сидонский город, стена и плача. Высокие потолки усиливали звук эхо ее стонов, и глаза всех вокруг нее лили соленые потоки, когда их верные сердца разрывались от стонов.

Добрый владыка Афанасий тоже обдумывал каждое неотложное дело одно за другим и, заботясь о положении дел, о своей стране и о своей безопасности, приказал всем своим войскам выйти на широкую равнину и поспешить на помощь храброму вождю. Его почтенная старость усердно будила своих людей, да и собственное уважение и любовь к столь великому человеку понуждали их. Его серьезность, его возраст и его трудолюбие, наряду с его ободряющими словами, очень помогли успокоить их беспокойный дух. И поэтому этот патриарх народа приказал отправить большое количество припасов, поскольку он разбудил союзников и призвал их вперед. Как уважаемый старейшина, он также послал дружеский совет хвастливому командиру. И замечательный мальчик Петр, взяв все в свои руки, как будто он

тоже был старцем, приказал своим быстрым слугам доставлять сообщения к его могучему отцу и от него. Что за восхитительный мальчик, чье чувство долга пробудило в нем решимость защищать Ливию вместе со своим господином! Что бы я ни думал и ни говорил об этом поступке, тот факт, что еще мальчиком ты понимал в своем нежном сердце проблемы твоего отца, является поистине замечательным признаком твоего характера. Даже теперь, как дошла до них весть о тебе, племена устремились, затрепетали и изнемогли от страха, и когда слышали имя маленького Петра, то сделали видимым этот страх в своих руках и в своих глазах.

В то же время подчиненные вождя были еще более замечательны, чем обычно, в том, как они отдавали все свои мысли и усилия царству и своему могущественному предводителю, когда они вели свои колеблющиеся отряды в поход на войну. Они увещевали своих мужчин, склоняли и взволновали их своими наставлениями. Один умолял своих товарищей, другой грубо отчитывал их, ибо любой добропорядочный гражданин Империи ненавидит промедление в опасности, а главное, скорбь, чувство долга и любовь к великому Иоанну двигали умами этих людей. Кроме того, сердца всех обратились в эту тревожную минуту к лицам других, спокойных и благостных, и хотя они были далеко, но видели и слышали их в своем уме. Каждый молился Господу во имя своего могучего вождя, прося о его спасении, и каждый боялся, прокручивая эти вещи в уме своем. Каждый тревожил свое верное сердце размышлениями о трудных испытаниях, ожидающих впереди, точно так же, как его добрый господин и Рицинарий вместе с ним. Действительно, их сердца были омрачены случившейся ужасной катастрофой. Каждый горел желанием отправиться в путь, видеть набранные новые отряды, каждый жаждал увидеть дань уважения, которую они будут воздавать, целуя даже ноги своего командира, и поэтому каждый приготовил все свое снаряжение, уделив пристальное внимание ко всему, что может быть проблемой в бою.

Нагруженные повозки стонали над дорогами, дорога кишела высокими верблюдами, и кузнечный молот ударял по звенящей меди, когда они собирали издали по равнинам запасы зерна и огромное количество оружия, которое обычно должно было распределяться среди латинских воинов. Теперь с разных сторон устремились вперед командиры и храбрые офицеры, неся победоносные орлы и выстраивая свои части в ряды.

Иоанн, сын Стефана, молодой воин с пронзительностью и умением примирять распри, был послан с особой миссией. Случилось так, что дикарь Ифисдайя и верный Куцина, питавшие взаимную ненависть, затем держали в своих руках семена невыносимой междоусобной войны. В самом деле, грядущая война начала воспалять их варварские сердца желанием совершать действия и противодействия друг другу, и ревность удваивала их гнев. Поэтому полководец приказал Иоанну заключить мир и согласие между двумя вождями, сдержать обоих мужей и самим призвать их племена на помощь в текущем кризисе. Другой человек не смог бы сломить их ожесточенный ум или умиловить их свирепый дух, но Иоанн мог укрощать диких тигров своими словами, успокаивать свирепых львов

непринужденностью своей речи и отгонять злой яд змей своими словами. Он разлучил их в ярости, (разведя) одного на одну сторону, одного на другую, и положил конец их нечестивой ссоре и своим необычайным умением укрепил договор между их племенами. Какие страхи, какие тяготы вновь и вновь терпел он, будучи посредником между этими двумя, пытаясь сломить их великий гнев! Но ради своей страны он был рад претерпеть множество жестоких опасностей, поэтому заключил мир между этими племенами и двинул их на битву вместе.

Тогда верный полководец Куцина поднял боевой клич и, вооруженный различным оружием, собрал бесчисленные отряды мавританского войска, чтобы повести их в бой. Все поля стонали, потрясая тростниковыми щитами и ступая по широким равнинам. Этот храбрый полководец вооружил тридцать собственных командиров, и, хотя за каждым следовала тысяча человек, он еще больше радовался тому факту, что он был связующим звеном с теми римскими войсками, которым самый могущественный в мире император позволил быть союзниками в мире и своими агентами в войне. Действительно, это были войска, на которые он полагался, чтобы подавить мятежные племена и их войны.

Нетерпеливый Ифисдайя прибыл с сотней тысяч человек и заполнил своими стадами широкую равнину Арсура. Хотя его войска были несколько слабее в доблести, он, тем не менее, вооружил грозную силу, на которую было страшно смотреть, когда он собрал их ряды и оружие вместе и вступил в жаркую битву с врагом. Иауда, служивший нашему царству, также оказал помощь. Вместе со своим сыном он вооружил двенадцать тысяч человек, к которым вскоре присоединился полководец Бецина, который привел туда одновременно весь свой отряд и заполнил поля своими скотоводами.

Когда наш полководец укрепил свою власть, включив эти бесчисленные отряды людей в свою армию, он привел свои знамена в движение и направился в предстоящую тяжелую битву, извергая дикие племена, как реки, по земле. Случилось так, что австры резали крестьян своим смертоносным оружием на Мамменской равнине и захватили часть Бизация вместе со второй долей добычи. Антала снова соединил свою армию с войсками врага и был на пути к войне.

Слух о прибытии полководца прошел в качестве гонца в лагерь сиртов, хлещущий ветрами с их крыльями. Он перелетал из уст в уста, наводя ужас на гордого врага, выкрикивая свое горькое послание и рассказывая, какие могучие племена вышли на битву в поддержку нашего полководца. И теперь это вызвало еще больший гнев, когда дикий Антала, всегда умный, распространил слух, что банды мавров, присоединившихся к латинским знаменам, были трусами в душе.

Услышав это, свирепый Карказан хотел тотчас же сразиться с врагом, но сын Гуенфана удержал его своими наставлениями и советами, добавив в заключение такие слова: «Если хочешь победить римлян, могучий вождь, будь добр, чтобы услышать эти несколько слов, которые могут спасти твою жизнь, и узнать, что именно ты должен делать. Ты не должен вступать в бой на этой

земле. Твои храбрые воины, еще не потрясенные смертью и разрушениями войны, суровы и неистовы, но с такими людьми ты не сможешь ни противостоять врагу, когда ярость битвы охватит его, ни устоять перед латинянами, пока их не начнет мучить голод. Нет, приведи свои силы в движение и притворись, что летишь в тыл. Несомненно, их могучая армия будет преследовать нас в этом бегстве. Затем, когда мы уничтожим все поля, которые мы найдем созревшими для урожая, они не найдут продовольствия. Итак, либо враг наш рассеется, либо зачахнет с голоду. Если ты попытаешься вступить в дикую битву в этот момент, ты одержишь победу, потому что голод, как и меч, сразит твоего уже поверженного врага».

Этот несчастливый совет нашел одобрение, и их предводитель покинул свои окопы. Храбрый римский полководец преследовал бегущие войска, вдвое увеличив расстояние со своего предыдущего марша. Теперь, когда он приближался к врагу, он продолжал пытаться собрать знамена, чтобы вступить в бой. Бог, однако, еще не даровал нашему полководцу час победы и, таким образом, сдерживал его войско, сочтя его достойным в свое время еще лучших триумфов. И так их колонна продолжала свой марш по раскинувшейся равнине, и поднимающаяся пыль, поднятая врагом, все отчетливее казалась ненамного впереди наших людей. Доблесть возрастала по мере того, как их умы наполнялись злобой и ненавистью, и они уже были готовы начать битву, когда день внезапно стал жарким.

Солнце поднялось выше на своих тяжело дышащих конях и балансировало посередине неба. Это было то время дня, когда укороченная тень могла претендовать не более чем на землю между двумя ногами человека. Африканский ветер, дышащий огнём, стал опалять своими порывами землю и рассеял силу и ярость воинов. Все их тела иссохли и одеревенели под порывами огненного ветра, их языки пересохли, лица покраснели, и глубокое дыхание сотрясало их груди, когда они задыхались и извергали огонь из ноздрей. Как только их слюна ушла, их шершавые губы стали горячими, а в пересохшем горле бушевал палящий жар, вся жидкость в их телах возмутилась и вытекла из их внутренних органов. Она выступала на их коже, которую смертоносный жар воздуха вскоре высушивал и сдирал с их тел, пока она была еще теплой.

Когда наш полководец Иоанн увидел это, он отложил сражение и выстроил свое жаждущее войско на месте сладкого источника. Армия с горящими глотками собралась у прохладных вод и склонилась над ними в жажде. Точно так же бесчисленные пчелы собираются на канавах сада, когда под полуденным солнцем они возвращаются с кормежки, и их медоносный рой пьет из его текущего ручья. Там точно так же, обожженная солнцем, всякая тварь неслась по краю родника. Удила не удерживали хорошо обученных лошадей, а свободно свисающие веревки, застегнутые у их пастей, не удерживали верблюдов. В беспорядочной толпе все существа пили воду, текущую из источника туда и сюда, и все же, даже когда они пили, они разогревались и жаждали большего. Один стоял на коленях у воды, другой пил из сложенных ладоней, третий вытягивался и лакал языком воду из ручья.

Один пил из кувшина, другой держал чашу или урну. А теперь ручки уменьшились, и солдат прижимался губами к самому песку, который загрязнили лошади, беспрестанно передвигаясь по нему. Толпа, сгорая от жажды, не отвергла даже воды, смешанной с навозом. До каких пределов доводили бедняг взрывы жара.

С другой стороны, лагерь сиртов был чрезвычайно напуган и сбит с толку, ибо опасность угрожала с обеих сторон, так как жестокое пламя солнца палило его своим жаром. Вдобавок к ветру мертвая тяжесть самого их страха утомляла их, усиливала жажду и заставляла уже обиженные племена рисковать еще дальше. Однако африканский ветер был помехой, так как одолел солдат и сдерживал их своим огнем. Ужасная смерть настигла и африканских заложников, которых они взяли. Мятежные разбойники гнали бедняг вперед, но жара удерживала их. Копья ударяли в спины бедняг, а африканский ветер, кипящий огнем, приводил их сердца в смятение.

Стонущая толпа пала ниц на поля и там, в пустынных пустошах, поддалась той или иной судьбе. Один человек пал под пламенем ветра, другой под раной, нанесенной жестоким лезвием, еще один под обоими, ибо своими мечами мятежники повергли тела тех, на чьих устах осталось мимолетное дыхание. Теперь поднялся еще более сильный порыв ветра, сваливший тела мавров в беспорядочную кучу и погубивший многих из них. Смешавшись с ними над пастбищем, усталые лошади пали, ибо эта жестокая участь лишила и их жизни. И все же страх все еще подгонял вражеские отряды, приказывая им продолжать марш по пустыне. И их страх не позволил им разбить лагерь; вместо этого он оттеснил масиллийские племена в еще более отдаленные области. В течение пятнадцати дней сильный африканский ветер разгорался все сильнее, сжигая все своими дальними порывами огня, и столько же дней неприятель бежал далеко от неприятеля и в ужасе расположился на большом расстоянии от утомленных латинских воинов.

Выполняя приказ полководца произвести разведку позиций неприятеля, трибун Цецилид отправился в путь в сопровождении нескольких отважных погонщиков, которым он нравился за дерзкую храбрость. Рост этого человека привлек внимание великого полководца, потому что, когда дело доходило до убийства врага, он был не менее силен, чем Геракл. Он был быстр на ногах, боялся своей необычайной силы и зрел в советах. Даже когда суровые мавританские племена блокировали все подходы к своим позициям, он и тогда проявлял себя лучше и снова и снова громил этих диких людей во главе своих зорких войск. Илагуаты пали перед этим человеком и дрожали в битве с ним, и дрожали фрексы, и задыхающиеся наффуры тоже. Да, даже тиран народа вандалов боялся его. Наш добрый господин и полководец чрезвычайно любил этого храброго героя, так как он часто видел, как он взваливает на плечи работу войны среди своих людей, и действительно, именно из его рук он принял мятежников, взятых в плен в предыдущем бою. Римские воины также знали храбрые подвиги этого человека и сами радовались его великим победам. И вот он пошел туда, куда его послали.

Теперь злодейские разбойники завладели полями вокруг Юнков у моря. Они бродили безрассудно, сжигая все плантации, предав их факелу. Но Цецилид захватил тайники под покровом ночной тьмы и затем, сквозь самую гущу неприятеля, быстро приблизился к стенам встревоженного города. Такова была его уверенность в своем мече. И здесь я пою о вещах не безвестных. Этот воин не побоялся встретить и преодолеть великую опасность во имя своего Отечества. И поэтому он был в состоянии выполнять команды своего вождя и выдерживать могучую борьбу, связанную с его задачей. Он вошел в ворота и исследовал тайные места врага. Он обошел их траншеи, отслеживая каждую ветку по мере приближения к ней, и узнал все их расположения, исследуя их, когда, к счастью, они лежали неподвижно и были пусты. Он вернулся к своим товарищам из этого патруля, а затем разыскал своего великого вождя. Этот человек только что бесстрашно проскользнул сквозь бесчисленные банды разбойников, и теперь, когда он оглянулся и увидел так далеко мармаридские палатки, он понял, что его людям больше не угрожает опасность со стороны дикого племени, и что враг все еще опустошает их землю тут и там.

Все это возмутило его дух, и он стал говорить своим товарищам: «Если мы будем передавать вождю только слова, то они не будут вполне достоверными, ибо мы все должны сознаться, что знаем только ту область, которую ограничивают окопы. Но довести планы этих людей до нашего великого вождя – это принесло бы кое-что очень полезное латинскому государству. Сейчас настало время, товарищи. Давайте, пока у нас есть возможность, захватим у врага несколько живых пленных, которые раскроют нашему вождю все тайны их вождя Карказана».

Теперь смотрите, как только он закончил говорить, вражеский воин Варинн, сам в прошлом ужасный, вышел навстречу трибуну со своей мрачной толпой сторонников. Этот человек был одет в боевую одежду с перьями, и его не следует путать с воином, которого могучий Соломон сразил в более раннем бою, хотя оба мужа пришли на войну, отмеченные общей природной стойкостью в бою, а также близким родством.

Когда Либерат выглянул и увидел туземца, идущего к нему лицом, с оружием наизготовку, явно ожидающего драки, он бросился первым и атаковал своим кавалерийским отрядом. Он пронзил грудь дикого Веумана своим могучим копьем и, орудуя своим тяжелым мечом, добавил к убитым Марцина, черного Ламалдана и Зейаса. Он поразил храбрых Тилифана и Бурканту, Натуна и Сарзуна, Тилиана и меченосца Никана, и, чтобы они были товарищами среди теней, он отправил на тот свет страшных Масана и Декстера, размахивая своим копьем. Петр пронзил дерзкого Тарафана своим копьем, и, когда Иаммада напал на Петра с мечом, когда тот боролся, Петр все же поймал его и убил своим клинком, перерезав ему жилы и отправив высокие виски головы вращаться в полете прочь. Стефан ударил Алтифана, а Тарах сразил Югурту своим мечом. Приск убил Мурифера, Кароз убил Лелидесана, а Сильвутиса Зембра. Гроргий окровавил Аспура, пронзив его пах одним ударом копья, которым он размахивал.

Побежденная мавританская фаланга обратилась в бегство, и воины-победители со своим быстрым трибуном преследовали их. Густое облако пыли, произведенное их полетом, поднялось в небесную даль, повсюду загрохотали тяжелые копыта лошадей, и равнина покрылась взметанным ими песком. Каждая сторона летела дальше, снова и снова подстегивая бока своих лошадей шпорами. Пыль следовала за их отрядами и отмечала их путь. Точно так же ветер, вырвавшись из своей тюрьмы, гонит в своем порыве мельчайшие песчинки. Тогда буйный северный ветер, освободившись из своего скифского чертога, бушует над равниной. Перед ним летит страшный вихрь, скрученный силою южного ветра, и, гонимый по кругу, взьерошивает море и разгребает песчаную землю.

Теперь наши солдаты, поддавшись бешенству битвы, последовали за отступающими силами противника по полям, рассеяв отряды воинов и повергнув их в траву своими теплыми клинками. Однако сам трибун отверг этот порыв и не хотел участвовать в резне. Скорее, он летал туда-сюда на своей быстрой лошади, пытаясь взять врага живым. Направив свое копьё обухом вперед, он ударил их по конечностям и швырял их высокие тела на землю. Он выбрал четырех мавров, вырвал их из отряда и связал. Связав им руки скрученными узлами, он умышленно спас жизнь этим людям, ибо хотел, чтобы они рассказали свои секреты великому полководцу и своими языками разоблачили то, что до сих пор было сокрыто.

Он смело схватил Варинна за волосы и снял его с коня. Несчастный насамон дрожал там, держась правой рукой, но наш воин вскоре отпустил его, низко повалив на землю. Потом он проворно спрыгнул с коня, в одно мгновение упал на дикую грудь человека и, вывернув руки назад, обвязал обе его руки грубыми путами. И так дикий Варинн был побежден и в сопровождении своих товарищей был уведен со связанными за спиной обеими руками. Вскоре он стоял перед ногами полководца, глядя в землю. Вся римская толпа бегом собралась вокруг него, чтобы взглянуть на него, и даже вожди массилийцев присоединились к ним, желая узнать, как обстоят дела и в чем заключается его лояльность.

Когда Цецилиду, человеку, победившему его, было приказано рассказать свою историю, он сказал: «Повинуясь твоим великим приказам, могущественным из вождей, и с Христом, как мой товарищ в бою, я проехал через сердце врага и увидел проклятый лагерь, который эти люди разбили на жалких полях Юнков. Я вошел в испуганный город, охватил его войной, и разделил его горе. Там, к своему удивлению, я увидел великие чудеса, ибо их жилища были открыты, не окружены никакими укреплениями, защищены только с помощью Божией. Высокие вершины остроконечных крыш не служили для защиты башен. Один-единственный священник успокаивал людей силой своего слова, и таким образом небесная благодать уготовляла их простые умы. Этот человек мог действительно приручить хищных львов и задобрить свирепых зверей своими словами. Воистину, они успокаивают сердца волков, и они воздерживаются от того, чтобы навредить нежным ягнятам своими голодными пастями. В то же время священник призывает вас

немедленно приказать преследовать его, так как он уверен, что дело римлян восторжествует, если вы придете. Одно несомненно: он никогда не оставит своих слезных молитв о ваших людях и оружии и о латинской силе, ибо он непрестанно умоляет Всемогущего сокрушить наших врагов и сделать гордых смиренными Своей силой. Уходя, я с большим трудом захватил этих мятежников, и они раскроют вам все злые тайны своего народа и пункт за пунктом сообщат вам о своих намерениях».

Трибун закончил описывать совершенное им дело, но вождь еще некоторое время продолжал смотреть на пленных свирепым взглядом. Затем он сердито сказал: «Расскажите мне, негодяи, какие приключения вы замышляете. Какой злосчастный жребий заставил вас вернуться сюда, через ливийские поля, снова воевать, идти запретным путем и, с вашим обычным грабежом, чтобы опустошить дома карфагенян и латинского народа? Думает ли Карказан, что он победил? Назначен час, когда Бог покорит его в войне, когда римский народ увидит его плененным своей армией и в цепях. Прежде чем затрубит рожок, напомните нам, какой ужас обратил ваши сердца к предательской битве, что спровоцировал ваше коварство и предательские инстинкты вашего народа».

Тогда насамон с перьями ответил: «Твой суровый приказ побуждает меня во всем признаться. Твои слова могут угрожать мне смертью, которую я заслуживаю, но я все равно запишу все в свой отчет. Храбрый Карказан – предводитель нашей армии. В его лидерстве лежит величайшая надежда для нашего царства и явно останется там. Вещий Аммон провозгласил это нашим племенам, даровав маврам равнины Бизации в войне и позволив Карказану пройти среди ливийского народа с гордым триумфом и восстановить мир во всем мире. С этими словами Беллона, демон войны Аммона, погнал эти бесчисленные племена снова бродить по вашей земле. Теперь желанием нашего полководца действительно было присоединиться к вам в битве, но ваш враг, сын Гуенфана, изменил свое намерение и отложить нападение этого героя, отвратив мысли его от войны советом, поистине смертельным для вас. Видите ли, эти люди, о которых вы теперь, вероятно, думаете, что они бегут, на самом деле не движимы горьким ужасом, не боятся, потому что они были разбиты. Они симулируют это бегство, чтобы голод истощил ваши силы, и при этом они ловко создают вам еще больше хлопот. Не верьте ни на мгновение, что наши племена разбегутся, нет, даже если придет сам Император, он опустошит весь мир, привлекая его ресурсы для войны. Хотя он держал скипетр императора римского народа и прошел через все Пуническое государство как победитель в ожесточенной войне, даже Максимиан не смог вступить в бой с этим народом. Но теперь, когда Аммон дарует нам успех в войне в своих недвусмысленных ответах, думаете ли вы, что лагуатаны бежали или уступят вам? В твоей горькой обиде ты хотел бы этого, мой добрый вождь, но не так будет в ваших судьбах».

Посчитав в этом месте неуместным, чтобы сумасшедший продолжал бредить дальше в своей речи, Иоанн заставил его замолчать такими словами: «Да, я надеюсь, что вы будете держать эти поля для нас с четкими надписями

на ваших могилах». С этими словами он приказал поставить в ряд пять деревянных кольев и, выкрикивая команду, повесить за шеи обреченных на двух зубчатых шестах. И его слуги, быстро повинувшись, сделали, как им было приказано.

ПЕСНЬ VIII

После того как наш вождь узнал об этом злодейском замысле, после того как все предательства туземцев были разоблачены, и он понял жестокое и развратное поведение этого отвратительного народа, тогда молчаливым взглядом он пересмотрел все заново, позволяя своему острому уму пробежаться по различным возможностям в поисках правильного образа действий. И, конечно же, его трезвая мудрость могла бы лучше покорить племена, чем вооруженная мощь. Прекрасно понимая, о чем идет речь, он пробежался по различным проблемам, с которыми столкнулся, быстро просматривая их одну за другой и просматривая в уме всю ситуацию. Так летает ласточка в поисках нежной пищи для своих детенышей. То у самой земли она осматривает зеленую траву, перебегая с места на место, то ищет ветки высокого дерева и рассекает воздух бесшумными крыльями.

Наконец вождь успокоился, обдумал план и сказал своим товарищам следующее: «Карказан не смеет полагаться на свои силы в столкновении с нашим оружием. Хитрый и жесткий – вот его манера – всегда готовится измотать латинские отряды, а потом бежать. Что ж, пусть негодяй бежит изо всех сил; он не убежит от нас. Наоборот, эта излишняя хитрость погубит его. Я должен разбить свой лагерь посреди полей в Юнках, которыми теперь владеет грабитель. Если судьба осмелится присоединиться к нему в битве со мной, он будет разбит на этих ровных полях, ибо наши воины будут лучше атаковать на открытых равнинах, беспрепятственно верхом, поражая дротиками или стрелами. Но если этот нечестивый народ покинет эти места и сбежит, мы возьмем перед ними береговую линию и прикажем, чтобы никакие припасы не увозились из этих мест. Так что наш враг все равно погибнет. Они не смогут продержаться очень долго. Нет необходимости в битве; отвратительный голод поразит и убьет этих отвратительных людей. С другой стороны, море питает нас, доставляя все наши припасы по расписанию и давая пищу и питье. Теперь перемещайте свой лагерь, товарищи, и выдвигайте свои знамена в полном порядке».

Не успел он закончить свою речь, как высокие всадники и медлительная пехота покрыли всю равнину. По полям вырвались тесные колонны людей, и ржание их лошадей стало громче.

Карказан и дикий Антала, предупрежденные конными патрулями, заметили его передвижение. Внезапно, в шумной суматохе, они тоже передвинули свой лагерь. Боясь занять позицию на открытой равнине, они покинули это место и в страхе расположили свои позиции в высоких горах, где они образовали круг на своих высоких верблюдах. Римская армия плотным строем захватила побережье и заполнила близлежащие широкие равнины своими шатрами. Массилийские военачальники поставили латинских воинов

посередине, воткнули в землю камыши там и сям по всей равнине и удерживали все подходы. Тогда сам Иоанн собрал свои корабли со всех гаваней и велел им пришвартоваться в порту Лариск. Таким образом, их добрый господин приносил помощь своим товарищам и верным племенам припасами, распределяя их по всему лагерю и по рядам людей.

В то время как храбрый полководец использовал этот день с приличествующей ему ловкостью и готовился заставить мятежные племена страдать, восстание возникло как новое препятствие, и во всех уголках лагеря безумие поразило латинские войска своим бессмысленным стрекалом. Теперь, снова и снова бормоча что-то себе под нос, мужи восстали против своего непостоянного разума. Какое горе, увы! Они повернули оружие в своих правых руках против своих тел, и каждый приставил меч к своей шее. Что это было за безумие, которое воспламенило всех латинских солдат желанием полностью уничтожить собственную армию? Наверняка какая-то жестокая судьба вела их бедные умы. Ты не боишься своего вождя, римлянин? Остерегайтесь многих угрожающих войн, остерегайтесь множества врагов, которые, как вы можете быть уверены, расположили свои укрепления вокруг вас. Посмотрите, как вы на самом деле готовитесь опрокинуть войной Ливию, а вместе с ней и все эти племена. Злодеи, вы обратили свое оружие против самой бедной земли. А где верность, увы, и куда убежало святое доверие? Жестокая судьба действительно изо всех сил пыталась отнять у них триумфы, одержанные самими воинами.

Эти солдаты, глядя на своего командующего завистливыми глазами, стали употреблять резкие слова, будоражить безмятежные умы своих товарищей и набивать им уши шепотом. Теперь они уже не ограничивали свою ненависть, а самым возмутительным образом проповедовали измену. Точно так же, когда горит и пылает лес, первые языки пламени приводят в движение пожар, как маленькая искра начинает зажигать дрожащие листья, и хрупкие стебли трещат трутом. Часто сначала вы видите черный дым и небольшой пепел, поднимающийся ввысь, но вскоре Вулкан поднимается в порывистый вакуум наверху, и злые порывы поглощают густые лесистые холмы.

Так, ослепленные своим безумием, солдаты мало-помалу заводили себя, и так переходили к угрозам: «Жалкие вояки, как далеко вы пойдете на войне за этим вождем? Куда он тащит ваши уставшие силы? В каком месте вам, бедняги, снова готовится жестокая смерть? Увы, он тратит ваши жизни, как будто они дешевы, в одном кризисе за другим и не дает вам награды. Он насыплет на нас смерть в кровавых войнах. Римская кровь омывает эти пески, и равнина чернеет от нашей смешавшейся с ним крови. Жажда и голод сжигают нас вместе с западным ветром и его пламенем, и все же нет славы для тех, кто ее заслужил. К оружию, граждане. Поднимите камни, факелы, мечи, все, что угодно безумию и гневу. Освободите наш отряд воинов от этой невыразимой борьбы, убив этого полководца, как он того заслуживает».

И вот лагерь, когда-то взволнованный этим страшным смятением, наполнился криками, и нечестивый ропот стал еще громче. Эта безумная банда непокорных собралась и, когда был организован митинг, они объединили свои

устремления, отточили свой нерешительный гнев и избрали запретный путь. Тогда их ужасающий крик действительно смутил лагерь, и небеса раздались дикими криками, похожими на крики насамониев, когда они нападали на их шаткие укрепления и приводили все в смятение. Когда этот звук достиг ушей вождя, он сказал: «Узнай, какое безумие будоражит мой стан этим шумным гамом, и останови его быстрое увеличение».

Центурион Тарасис вышел первым, желая выяснить причину происходящего. Услышав смущенный гам и бормотание мужей, он подошел поближе, чтобы успокоить их какими-нибудь успокаивающими словами. Но ни вид центуриона, ни его мольбы, ни даже честь Рима не могли их сломить, ибо всякое почтение бежало из их ума, и они даже осмелились насмеяться над ним, швыряя камни. Жестокий жребий гнал людей вперед; судьба, давящая на них смертью, которая должна была их постичь, и их собственный последний день влекли к себе этих несчастных.

С места стычки к командиру, который какое-то время не знал, что делать, был отправлен пеший гонец. Гонец сообщил, что бешеный гнев солдат действительно воспламенился и что внезапно возникла гражданская война. Вождь громко заревел и с ужасающим выражением лица схватился за оружие. Он в ярости покинул свой лагерь и его окопы и храбро зашагал вперед. Его охрана последовала за ним, а с ними пошли командиры и группа верных солдат.

Он встал на высокий холм и трезво предупредил диких мятежников: «Неужели вы, товарищи, вообразили в своей горькой ярости, что я какой-то зверь, а не человек? Если закон Бога и человека разрешает междоусобицы, то вот, я здесь. Поторопитесь, если вы думаете, что моей смертью можно избежать войны, и если вы воображаете, что Иоанн является причиной этой войны. До чего доходит лояльность гражданина? Если римская верность так совершенно покинула ваши души, что ж, теперь я буду вести войну с этими туземными племенами. Наш друг, храбрый Куцина, всегда будет верен нашему делу, как и его люди, его сограждане и его командиры. А вы, банда трусов, прочь из нашего лагеря. Идите. Пусть Куцина сдвинет свои тростниковые щиты и придет сейчас же. Пусть наш друг Ифисдайя явится со своими людьми, Бециной и быстрым контингентом нашего подданного Иауды».

Едва он сказал это, как мавританские войска со знаменами в тесном строю вырвались со всех сторон широкой равнины, чтобы принести помощь своему предводителю. Банда римлян схватила свое оружие с большей яростью, чем когда-либо, и солдаты, одетые в доспехи, ринулись по всем траншеям. Медлительность не поразила их озлобленных умов, и враг в тесном строю не страшил их. Ужасающий вид их собственного господина и мудрого Рицинария, спокойно дающего советы, начал, однако, гасить пламя в их иступленных умах. Они отложили свои угрозы, и их мрачная Ярость ушла. Теперь их прежняя ярость заставила мужей горевать. Теперь они смиренно выразили желание согнуть шеи, не столько подгоняемые туземными

племенами, столкнувшимися с ними, сколько помня об имперском государстве.

Они были движимы преданностью и верностью, страхом перед Императором и серьезностью и доблестью своего хозяина, а также Рицинарием, который спокойно приказал им вернуться в строй. Затем Иоанн приказал линиям с обеих сторон ненадолго остановиться в соответствии с перемирием, которое каждая из них приняла. Вот слова, которые он использовал, отдавая приказы латинянам: «Посмотрите, сколько народов нашего государства следуют нашим справедливым приказам, и им было бы стыдно желать такого нарушения закона, чтобы заполнить этим ваши неблагородные умы, а затем говорите. Должен ли я знать, какое окончательное намерение осталось в ваших умах? Я должен приветствовать товарищей или сокрушить мятежников?»

На самом деле у него было не меньше власти, чем у Цезаря, чтобы напугать римлян своими словами презрения, когда возникнет угроза восстания. Фаланга онемела и устыдилась. Смиренные и преданные, они умоляли своего господина: «Нечестивое безумие побудило некоторых из нас совершить попытку этого преступного деяния. Для тех, кто виновен, остается справедливое наказание. Пусть наказание последует за преступниками. Что касается остальных из нас, то мы будем смиренно следовать приказам нашего вождя и господина».

Пока они произносили эти слова, невинная толпа потащила вперед виновных в преступлении, передала их в цепях своему вождю за их тяжкий проступок, и в этом проявлении преданности искупила свою вину. Армия затихла, и наказание за их гнусное преступление успокоило и усмирило их умы. В результате во всех верных племенах возник еще больший страх перед вождем, и поэтому, когда солдаты снова успокоились, он с облегчением удалился в свои окопы, и в еще одном проявлении преданности все его союзники провозгласили с криком радости, что они будут подчиняться приказам своего командующего.

Он немедленно приказал ревущим рогам поднять армию своей хриплой песней. Затем, приведя в движение свои знамена, Иоанн покинул побережье и разбил свой лагерь на полях Катона. Укрепив эти районы, сирты-разбойники владели там безопасным лагерем. Но теперь ужасный голод начал тревожить всю мармаридское племя. Только их скот давал им пищу, потому что у них совсем не было зерна. Когда могущественный вождь римского народа понял это, он приготовился окружить этот народ осадой, отвел свои знамена на несколько дней и держал свою армию подальше от лесов и их опасной местности. Итак, благодаря умению полководца, день за днем проходили без вооруженных столкновений, и это затишье, наконец, заставило колеблющиеся мятежные племена рискнуть выйти на равнину. Незадачливые насамоны вообразили, что это затишье было явным свидетельством опасений римлян, и поэтому приказали снять свой лагерь, а затем снова разбить его на ровном месте. Теперь, когда над ними нависла смерть, они снова приняли свой дерзкий дух и свирепый гнев.

Вождь вывел свои войска из укреплений и созвал совет. Он сам стоял высоко на кургане, когда его избранные командиры и храбрые офицеры выдвигались вперед, а солдаты, прибывавшие плотными частями, устремлялись вверх ротами и эскадронами. Массилийский контингент, верный государству, также собрался там вместе с латинянами, словно регулярная часть свирепой римской армии. Любовь и страшный страх перед их хозяином заставили их всех встретиться там, на равнинах, единых духом.

Внешний вид отличал каждое племя. Эти мужи облачены в туники; те, у кого руки были обнажены, как это было у них в обычае, были одеты в вышитые пурпурные туники с разноцветными крапинками. Одни были защищены длинными щитами, другие – круглыми. Римский солдат, конечно же, стоял во весь рост в своем шлеме, а мавр был прикрыт плащом, которым он обернул свое тело.

Еще один человек, откинув со лба свои длинные волосы, облокотился на два копья или вонзил свой толстый дротик в твердую землю. Посреди всего этого наш полководец сказал ободряющие слова: «Римские товарищи и единственная надежда этой изнуренной земли, истинное спасение Ливии теперь зависит от вашего оружия. Что мы должны сделать сейчас, так это положить конец этой войне и вашему тяжкому труду. Короче говоря, мы должны сражаться». Армия и латинские войска возликовали и подняли свои знамена. Одиноким голос издал клич, и тогда люди, их командиры и массалийский отряд подняли могучий рев. Они показали свой дух, и звук прошел через всю силу, как ропот радости. Даже взволнованное море, когда оно предупреждает о ветрах, дующих издалека, не отзывается так, как тогда.

Когда Иоанн, этот замечательный полководец, понял, чего хотят его люди, он дал им еще лучшие советы, перечислив для них наиболее важные средства безопасности и напомнив им о победе, которая будет дарована их могущественному государству. Когда он остановил их рев и велел им замолчать своей правой рукой, люди все еще трепетали перед ним и смотрели ему в лицо, пока он говорил. Их умы и уши были готовы к его командам, и поэтому предводитель ясным голосом обратился к своим товарищам: «Этот день исчерпал себя, товарищи, и завтра приходит к нам как день, негодный для суровой битвы, ибо во всем мире он посвящается Господу. Итак, придите, вожди мои, и с радостью послужим Христу. Смиренно и со слезами будем просить Его защиты, и она придет быстро, я уверен. Своей силой Бог сокрушит эти злые племена, примет к сведению наши труды и дарует новые радости нашему царству. Когда почтенный священник совершит святыя обряды и должным образом принесет небесные дары Господу, и когда воины должным образом исполнят свои обязанности, мы накроем наши столы. Но не позволяйте своим лошадям пастись слишком далеко на равнине, потому что я решил переместить наш лагерь после того, как мы пообедаем. Не то чтобы я хотел сразу же вступить в мрачную битву. Я просто хочу поскорее перебраться в те места, чтобы на следующий день, когда солнце взойдет из-за горизонта и коснется мира своими огнедышащими конями, мы могли бы вступить в бой в соседнем Латарисе и отправиться на наш горячий бой. Долгий переход нас не

сломит, кавалерия и пехота будут храбры и сразят с доблестью эти дикие племена». При этом люди вскочили с криком. Они аплодировали и выкрикивали свое согласие, ликуя в своих сердцах, когда их подразделения возвращались в лагерь.

Напротив них мятежные насамоны также держали совет для рассмотрения (разрешения) кризиса жестокой войны. Они собрали нечестивые ряды своих союзных банд вместе с другими племенами, которых любовь к добыче и последний смертный день их ужасной судьбы заставили разделить Ливию в войне. Среди них сын Гуенфана раздувал ожесточенное пламя войны, обдумывая планы, не терпя дальнейшего откладывания. Тем не менее именно Карказан поднялся первым, чтобы заговорить: «Войско Иоанна близко и надвигается на нас, и жестокий голод теперь сковывает всех нас. У наших племен есть только одна надежда на спасение – быстро вступить в бой, пока силы наших членов остаются здоровыми и крепкими, ибо наши стада – наша последняя надежда на пропитание, а реки – наш последний источник воды. Теперь, как вы видите, истощившиеся запасы зерна истощили насамонский народ. Мне даже не нужно упоминать о вине; вода ручьев – наше единственное утешение. Однако если мы победим этого врага, то у мавров будет все, и как только вражеский солдат будет убит, они разграбят лагерь, наполненный бесчисленным имуществом. Ответы, которые Аммон дал нам в пророчестве, сообщая нам о нашей победе над латинскими отрядами в войне, я все еще убежден, останутся неизменными».

«Завтра римляне должны отмечать праздник», – подхватил Автилитен. «Римские солдаты, занятые своими обычными обрядами, не будут опасаться битвы. Тогда прикажи нашему оружию двигаться вперед. Ворвемся внезапно в разрозненное войско в знойный час среди дня, пока все их измученные тела лежат в тени, ослабевшие от чрезмерного зноя. Все, что нам нужно, это немного храбрости, чтобы прорвать их двойную оборону. Во-первых, надо захватить сам стан Иоанна, их главного полководца; в то же время собирайте свои знамена и выбирайте храбрые и сплоченные отряды вместе с доблестными командирами. Тогда бросим вызов этому латинскому войску. Это будет место, где мы должны дать хороший бой и пролить много крови. Пусть Гарсана поведет оставшиеся силы в тесном строю к месту, где находится лагерь злодея Кузины. В этом месте тоже непоколебимый отряд римских солдат готов к бою. У них тоже есть свирепый вождь, который готовится уничтожить наши племена ради Рима, лишь бы он их подбадривал, кичился своими почетными титулами, лишь бы они называли его полководцем и кровным братом, рожденным от латинской матери. Довольный собой из-за всей этой лести, этот кровожадный враг хочет казаться храбрым и преданным. Как только он и его негодяи будут мертвы, пусть ни один насамон не говорит о других врагах. Все остальные в этой стране последуют за нашим войском, и таким образом нашим знаменам будет дарована смелая победа». Люди согласились с его советом, и отвратительные племена заревели от ярости и настроили свои мысли на войну.

Теперь волны скрыли день в океане, и последовала черная ночь. Феб распряг своих коней, а Кинфия запрягла своих, когда она возобновила нашу силу. Она возникла из волн тогда же, как он погрузился в воду. Все люди расслабили свои члены в безмятежном покое, и вызывающий оцепенение сон охватил других животных, чьи утомленные конечности ощутили прикосновение сладкого сна на равнинах: скот и различных птиц, ужасных диких тварей и холодных рыб вдоль берега. Но Иоанн, когда лихорадка войны разгорелась в его сердце, провел бессонную ночь на страже и, как всегда находчивый и осторожный чутьем, обдумывал огромные проблемы, с которыми он столкнулся, и излагал свой тактический план. Рядом с ним мудрый Ричинарий тоже размышлял об ужасной войне, внутренне умиротворенный, но, тем не менее, анализируя различные трудности, с которыми они столкнулись, используя свой здравый смысл, чтобы составить список приоритетов. Они успокаивали друг друга в разговоре и не давали спать глазам, разговаривая друг с другом. И, о, как часто они оба обращались и долго со слезами умоляли своего могущественного Господа во имя спасения государства, их людей, Ливии и самих себя! И оба они, хотя и скорбящие, не напрасно изливали эти молитвы, ибо Отец, устрашающий мир Своей стрелой, увидел их молящимися из Своей высокой обители и положил конец великому труду войны.

Тем временем армия мармаридян, преданная ночным жертвоприношениям, наполняла воздух своим бешеным ревом. Они воздвигали алтари и призывали своих ложных божеств. Они вели свой скот вокруг алтарей и ручьями проливали отвратительную кровь на траву. Одни люди приносили жертвы Гурзилу, другие – тебе, рогатый Аммон, а третьи поклонялись Синиферу, которого мазаки принимают в божественном подобии Марса и считают могущественным богом войны. Третьи обожали Мастимана, ибо под этим именем племена мавров взывают к тенарийскому Юпитеру и, проливая много крови, приносят человеческие жертвы в жертву его разрушительному божеству. Какая мерзость, увы! Их жалкие стоны хлестали воздух со всех сторон, а их крики ударяли в небеса. Один человек прижимал свой клинок к шеям жертв и своими словами пробуждал само божество. Призвав его отправиться в иллюзорный мир теней, он велел богу испытать путь самого солнца. Затем по-язычески они вырывали внутренности животных и искали своей судьбы. Но Бог прекратил эти практики, и поэтому божество было совершенно глухо к их пению, и их жрец никому не отвечал.

Теперь солнце, сверкающее на краю самого далекого небесного свода, прорвалось сквозь воды океана. Поднявшись с более благоприятным светом, оно пролило свои сверкающие лучи на землю в тот счастливый рассвет. Затем в установленном порядке выступил христианский народ, римские воины и великодушные военачальники со своими знаменами. В том месте в центре лагеря, где среди первых полководец Иоанн поставил свои шатры с расстеленным полотном, священник поставил и завесил большой жертвенник и, как их отцы, окружил его со всех сторон священными полотнами. Аколиты образовали хор и смиренным голосом пели сладкие гимны, плача. Но когда

полководец достиг входа в это святое место и вошел, народ разразился стонами горя, и потоки слез изливались из их глаз.

Их голоса со всех сторон ударили в небеса, и они снова и снова били кулаками себя в греховные груди, как будто те были их собственными врагами. «Прости грехи наши и грехи отцов наших, молим Тебя, Христе», – стонали они и с простертыми ладонями смотрели к небу и просили утешения у Господа. Сам же Иоанн впереди, согнув колени и туловище, движимый благочестием, возносил молитвы за народ. Он позволил слезам литься рекой из глаз своих и, ударяя себя в грудь одним ударом за другим, молился такими словами: «Творец мира, единственная Жизнь и Спасение нашего царства, Боже, Всемогущий Творец земли, моря и воздуха, Ты, Кто наполняет Своей силой небеса, и землю, и бушующее море, и все, что ни произведенное в земле, неблагородные минералы, а также грязный Аверн бледных душ, Тебе одному принадлежит абсолютная власть. Полнота власти Твоя, как и хвала, и владычество, и сила Твоей могучей десницы. Теперь, наконец, взгляни на римлян, взгляни, Отче Всемогущий и Святой, и принеси нам помощь, сокруши, умоляю Тебя, эти гордые племена Своей силой. Сделай так, чтобы эти люди пришли к признанию Тебя одного своим могущественным Господом, даже когда Ты сокрушишь нашего врага и сохранишь Свой народ в бою. Тогда все племя осудит их резного бога и признает, что Ты, Всемогущий, наш истинный Бог».

Пока он читал эту молитву, их добрый владыка сделал землю мокрой от слез, наполнивших его глаза, и, движимый благочестием, в глубине души скорбел о нынешней опасности Ливии и о тяжелой работе, которая предстояла государству и его народу. Рядом с ним Рицинарий тоже пустил слезы из глаз, позволяя своему лицу увлажняться от них не меньше, чем его господину. Точно так же моля, с грустным лицом он просил помощи для латинского народа. Великие духом командиры и храбрые офицеры, с мокрой от слез грудью, вознесли тогда свои рыдания к небу, и с ними все части (войска) изливали слезными голосами молитвы пред Богом. Первосвященник клал дары на жертвенник и возносил их от имени латинского народа, орошая жертвенник собственными слезами. Затем, спокойно помолившись, (он) воздал хвалу Отцу нашему Небесному, благословил приношения и одну за другой отдал их Христу, воздав Ему обычную хвалу. И дары были угодны Господу небес на высоте и тотчас же освятили и очистили весь латинский народ.

Присоединяясь к нему с центурионами, он сказал: «Храбрый Путцинтул, поспеши со своими войсками и знаменами туда, где верный Куцина водрузил свои знамена. И ты тоже, могучий Гейзирит, свяжи свой союзный отряд с этим человеком, ибо достойное дело – принести облегчение тем, кто был ему верен. Но ты, Синдуит, немедленно собери оружие своих солдат и присоединись к римским позициям в том месте, где храбрый Ифисдайя разместил своих людей и знамена. Рядом с вами будет стоять свирепый Фронимут, и он поможет вашим войскам и вашим знаменам».

Он отдал эти приказы своим людям, и каждый солдат двинулся со своими знаменами в строю для атаки через равнины. С громким криком мармаридская армия выскочила на равнину первой, со щитами в руках. Там были Забеас и Брутен, за которым последовала тысяча других военачальников. В этот момент пролетел плотный залп вражеских копий, скрыв небо над головой. Римляне защищали своими щитами удары от приближающихся орудий, и солдатские доспехи стонали под напором. Однако, несмотря на бесчисленное количество оружия, брошенного разъяренным врагом, ни одно копьё не было запятнано римской кровью.

Храбрее всех Иоанн первым пошел в бой. Размахивая копьем, он вонзился в самое сердце вражеских сил и, когда Сасфи повернулся к нему лицом, ударил своим древком в его впалую грудь. Герой скатился с коня и упал, а из зияющей раны хлынул поток крови на сухой песок. Быстро двигаясь, полководец преследовал Ифнатеса и, когда человек повернулся, чтобы бежать, ударил его сзади длинным копьем в то место, где позвоночник всадника мощными узлами собирал его изогнутые ребра. В то время как неприятельский воин лихорадочно схватился за застрявшее в его костях копьё и некоторое время силился вытащить его, посмотрите, как подошел гордый Мирмидонис и прицелился в Иоанна своим дрожащим оружием. Полководец, однако, схватил копьё умирающего и метнул его, изо всех сил навалившись на него.

Он пронзил центр груди своего врага и поразил его сердце только что поднятым древком. Тогда высокий герой ударил Таменея огромным копьем и сбросил его с коня. Орудую мечом, он отсек левую руку Нартуса вместе со щитом. Этим же клинком он перерезал горло Самаску, перерезал шею Филету и пронзил пах Пальмасу. Каламена он ударил по лицу, выбив ему зубы и отрубив сталью нос и щеки. Ужасные конечности человека ударились о землю, и поля застонали под тяжестью его падения. Недалеко оттуда он встретил Анка, пришедшего бросить ему вызов, и поразил его дротиком. Как только он упал, Иоанн пронзил грудь Мантуса своим раскаленным мечом и, ревя, вонзил свое копьё прямо в оба бока Мастумана, используя всю свою силу. Он повалил Салпина на землю пикой и, яростно нависая над головой в седле, нанес умирающему врагу смертельный удар.

В мгновение ока кровь вырвалась из его черного тела высокой струей и увлажнила теплый песок вокруг. Далее герой все быстрее и быстрее преследовал Альтисерана и, наезжая на него, швырнул его на землю, пронзенного копьем. Он убил Каггуна, Танина и Альтифатана и вонзил свой меч в грудь Анеста. Он перерезал горло Автуфадину своим клинком и атаковал надменного Онтисирана своим дротиком. Он отрубил Канапу голову своим мечом и повалил Тубиана на траву своей нестигаемой сталью. И вот он оттеснил войско насамонских злодеев сзади, а римские всадники, их храбрые военачальники и оруженосцы полководца бросились в погоню. Среди них скакал сам их командир, а его люди атаковали колонну мармаридян, когда они бежали через поля, приводя их в замешательство, кроша их тела, рубя их и преследуя.

После того, как он был изгнан из этого сектора поля битвы, насамон вернулся. Он переформировал свои части и выстроил их клином, где Куцина выстраивал свои верные знамена перед своими разношерстными отрядами. Когда Куцина приготовился встретить его, он обратился к своим войскам с такими словами ободрения: «Приходите, римские товарищи, и вы, верные нам люди, покажите сейчас свою храбрость, свою силу и верность. Противостаньте угрозам этих лагуатанов и не дайте врагу напугать вас, когда он приближается. Посмотрите, как Иоанн победил их и приводит в движение все римские знамена сразу. Пробреритесь через вражеские позиции, а затем, когда он придет, пусть похвалит тех, кто был смелым и верным государству. Доблесть человека всегда известна, и какая похвала будет вам, люди, когда вы сможете снискать благосклонность в глазах нашего командующего!»

Именно так Куцина воспламенил их колеблющиеся умы и повел союзные войска в бой, посеяв в них семена гнева, как и он. И умы людей были взволнованы жаждой похвалы, когда храбрая римская армия и мавританская конница, бок о бок с латинянами, вырвались на равнину. Вождь Куцина, буйствуя в центре атаки своих солдат, проскакал сквозь сомкнутые отряды врага, в то время как храбрые офицеры выстраивали латинское оружие для боя. Они приняли удар от атаки насамонов в своей обычной манере, взмахнув копьями и целясь дротиками.

В этот момент ведущие отряды вступили в ожесточенную борьбу, и их крик вознесся до небес. В тот же миг воздух наполнился пылью, заслонив дневной свет, а сам воздух заволочло тучами стрел, когда крылатая сталь рассыпалась с тетив, и в туче за тучей летели копья туда и сюда, одни поражая люди, другие разлетаясь по полям. С той стороны и с этой стороны племена наносили удары и принимали их, ибо мармаридцы наступали с великой доблестью, и только твердая надежда на прибытие своего командующего облегчала тревогу вождя, его стражи и его людей.

Когда наш полководец Иоанн узнал из донесения, дошедшего до него, что верный Куцина теснится в тяжелом бою на своем участке поля боя, и что он шатается под тяжким гнетом вражеского оружия, он разжег желание его людей выступить против врага такими словами: «Римская империя признает верные и подвластные ей народы и считает их латинскими гражданами. Из-за этой верности своим союзникам она была принята и подчинила себе весь мир, стойко принося облегчение смиренным и унижая мятежников. Куцина, который абсолютно предан нашему делу, находится в гуще битвы, но не уверен в победе. Если врагу не удастся нанести ему вред, наша слава сохранится на века. Сделайте верность, мощь и стойкость Рима видимыми сейчас. Встаньте, солдаты, и в этом великом кризисе этой войны помогите этому человеку вашей помощью, поразите эти гордые племена и, товарищи мои, спасите тех, кто зависит от вас».

Так он сказал, и, двигая знамена, его армия рванулась вперед. К этому моменту верный мавританский контингент отступал по равнине, а лагуатаны заявляли о своей победе. Их армии были побеждены, Путцинтул, Куцина и Гейзирит отступили. Затем внезапно они увидели позади себя знамена Иоанна,

когда он приближался к ним. При этом виде они воспряли духом, повернули гибкие шеи своих коней и, снова воодушевившись, галопом вернулись в бой.

Свирепый Пуцинтул в диком броске на наступающего врага поскакал впереди и первым прорвал их строй. Он низложил Имастана, пробив ему глубокую рану. Он поразил храброго Нифатена своим мечом, отсек дикую шею черному Мамону и, став лицом к своему врагу Иртусу, отрубил ему сталью голову, так что кровь человека, смешавшись с его разбитыми мозгами, залила его конечности. Подойдя к своему следующему сопернику, Аманту, он проткнул ему горло крепким оружием, нанеся ему смертельную рану и перекрыв путь его голосу. Затем кровь потекла изо рта этого мужа и, когда оружие было извлечено, хлынула через две раны.

Вожди ифураков увидели его буйствующим на некотором расстоянии, прямо посреди оружия своих людей, и поэтому они образовали фалангу, и многие тысячи повернули свои руки вместе, бросая каждый свое собственное копье в воина. Он принял приближающиеся копья на свой щит. Бесстрашный перед ранами и уверенный в своих силах, он пренебрег ношением нагрудника. Но теперь, когда эти густые стайки дротиков летали вокруг него, великодушный предводитель, увы, почувствовал под грудью страшный клинок.

Не сломленный даже такой тяжелой раной, он, однако, приветствовал и увещевал своих товарищей: «Победа, сограждане, остается за вами. Сражайтесь, люди, и пришлите мне эти отвратительные племена в погребальную жертву. Если вы победите врага, даже тогда я стану свидетелем этого, даже тогда у меня будет большая жизнь, и я сделаю племена лагуатан частью своего триумфа, пока я радуюсь среди теней. Но высокий Карфаген с его высокими воротами примет вас с великим триумфом, невредимых и ослабленных потерей только одного человека». Пока он говорил, он рухнул под своей раной, и его товарищи подняли его и положили, все еще счастливого сердцем, в своем лагере. Так и прошел этот товарищ Дециев среди адских теней, счастливый своей смертью. После войны его имя всегда будет благословлено, его смерть будет помниться до тех пор, пока наши потомки будут читать о жестоких войнах в грядущих веках.

Римский контингент по приказу своего командира теперь проехал через все вражеские позиции, приведя их мрачные ряды в замешательство. И когда вражеское крыло отступило, римляне выпустили в них шипящие дротики со своих звенящих тетив, и их полеты были похожи на полые облака, которые выпускают густые грады и уничтожают посевы на обширных сельскохозяйственных угодьях. Так высокие колосья никнут под натиском бури, зеленый усик уже не может надеяться на свой плод, и даже толстое дерево не в состоянии защитить свои нежные ветки покровом своей листвы. Точно так же их ужасные стрелы вылетали с тетив их луков, летя дальше и принося неизлечимые раны, ибо ни одно оружие не упало без крови, ни одна крылатая стрела не упала на землю впустую.

Теперь рубили отважных лошадей туземцев и самих сплоченных врагов, и каждое теплое лезвие было красным от массилийской крови. Следующим

подошел римский отряд, вооруженный дротиками, и его офицеры разбросали тела вдоль и поперек поля битвы в резне, которая еще больше подняла их боевой дух. Да, наши солдаты горячились тогда, и ни одна сталь римлян не обходилась без мавританской крови, ибо их скорбь побудила их к гневу. Кто мог бы объяснить словами те бесчисленные горькие смерти, которые они нанесли вражеским предводителям на этом поле, которые разнообразили концы жизни, сообщая как о врагах убитыми, так и о взятых в плен? Кто мог бы назвать тех, кого мужественно сразил сам наш вождь, как гибли безымянно и неизвестно простые мармаридские солдаты?

Я отмечу, однако, в своей поэме некоторых из множества, которых молва, летевшая от врага во все уши, выдвинула на первый план.

Иоанн, как всегда могучий в своих руках, когда увидел, что враг преградил ему путь, бросился в тесные ряды людей и своим смертоносным клинком прорубил себе путь сквозь отряды повстанцев. Он был подобен жнецу, который наблюдает за временем года, когда его урожай созреет, и срезает его своей острой косой. Сначала его левая рука собирает стебли с их нежными колосьями, а правая срезает их; затем, довольный своим урожаем, он связывает бесчисленные узлы тугой веревкой по всей длине своего поля.

Точно так же Сиртик Алтилима погиб от раны, нанесенной вождем, упал и растянулся на траве с отрубленной шеей. Затем пернатый Алаканца бросился на своего могущественного врага, размахивая копьем и снова и снова подстегивая шпорами своего высокого коня. Но наш вождь, совершенно не испугавшись, отсек ему голову мечом, и тяжелые глаза человека следили за собственным падающим телом. Когда он умер, его язык не мог произнести ни слова, но тем не менее, он издал неясный звук. Затем полководец поразил Эспутредана в своей дикой ярости, встретился и храбро сразил Таматония и Югурту и убил Турса.

Он ударил коня Аудилимана сзади, ужасные раны его клинка рассекли сухожилия и твердые кости копыт животного. Лошадь перевернулась на спину, но не всем телом, потому что еще не опустила свои высокие плечи на землю. Храброе животное продолжало бороться с все еще выпрямленной шеей и, пытаясь встать, швырнуло наездника на песок. Но Иоанн, непобедимый, как всегда, наткнулся на воина, когда тот пытался подняться на ноги – гордый даже в этот момент, видите, – и, пока тот наносил удар за ударом по конечностям, вождь, который сам представлял собой страшное видение для врага, на которого можно было смотреть своим грозным клинком, ударил человека по лбу. Затем под струей падающей крови меч превратил его хрупкие кости и мозг в кашу.

Наконец, схватив копье, Иоанн поскакал через равнину. Он угрожал Флакку и вонзил дротик прямо в его мохнатую грудь и жесткую спину. Кровь хлестала из каждой раны и лилась на теплую земную траву. Возвышаясь над ним, он пронзил пикой длинные конечности своего следующего врага, Цернисы, и в одно мгновение пронзил сердце испуганного Дерка. Затем он ударил своим клинком в бок Гракха, затем перерубил шею Минисе и рассек виски свирепому Кутине. Он одолел Камала, не убив его, схватил его за

волосы и потащил как пленника. Затем он передал его своим слугам и продолжил преследование других отрядов во всех направлениях по всему полю боя.

Лабба отвел руку назад и прицелился копьем, пытаясь своим оружием спровоцировать великодушного предводителя. Но после того, как он приблизился к нему и понял, как силен его враг, несчастный смиренно попросил прощения: «Клянусь костями Эвантиса, которые должным образом были положены в подходящую могилу и породили такого великого героя, великими делами, которые предстоит совершить твоему сыну Петру, чья могучая репутация разносится ветром среди врагов, обескуражить эти дикие племена и их царство, и всем, что совершила твоя храбрость, та самая храбрость, благодаря которой побеждены илагуаты, даруй, я умоляю тебя, жизнь этой душе, чьи преступления подошли к концу, и в твоей победе. Сохрани меня для твоих триумфов после войны. Было бы приятно служить такому человеку, как ты». Поколебленный этими словами, Иоанн остановил свой удар, но быстро связал обе руки врага за спиной и стянул их кусачей веревкой.

Кроткий Рицинарий напал на Уртанка, воина, лишённого мягкости, и в одно мгновение вонзил свое несгибаемое копье в грудь мужа. И так, что главная фигура в отвратительной войне пала перед его ногами, да, Уртанк, великодушный и неумолимый молодой солдат, запятнал землю своей злополучной кровью. Затем Рицинарий направился к Мейлану. Взяв верх над ним, он сбил его с ног своей могучей дубиной, повалил на землю и пригвоздил к теплым пескам. Затем, используя свой огненный меч, как косу, он отрубил Аланте голову и поразил черного Сакому. Когда этот человек падал на траву, его резвая лошадь шарахнулась и стала рыть копытами мягкий песок, в страхе вонзая копытами и явно желая повернуть назад. Но проворный Рицинарий применил свой хлыст и, ударив по высоким бокам коня, заставил его, несмотря на страх, бежать дальше по широкой равнине. После того, как лошадь была вынуждена перешагнуть через обезглавленное тело, Рицинарий поскакал по широким полям, разгоряченный боем, разбрасывая мертвых вокруг себя и изводя сиртские войска своим оружием в бою, который все больше и больше приближался к нам. Он зарубил стремительного Афуна и храброго Никандра, затем заколол Суцера, нанося одну горькую рану за другой. Он убил Тануда, сразил храброго Эранка, поразил Тинада своим мечом и пронзил Эниптена своим дротиком.

Бухницис одолел Тумудана пикой, а затем храбро преследовал Ликурдана по полю боя. Его оружие пронзило спину и легкие мятежника и пробило его грудь. Уверенный в своем скакуне и возвышающийся над рядами своих людей, Суккур ехал вперед, преследуемый Солумутом. Но Солумут не смог догнать его, и поэтому он метнул свое пепельное копье издалека через равнину и пронзил бок лошади этого человека острием из закаленной стали. Лошадь была изранена раной и под тяжестью падения раздавила всадника. Итак, хотя и невредимый, Суккур отправил свою несчастную душу в страну стигийских теней. И лошадь, которой он доверился, не спасла его своей

скоростью, когда он вступил в бой. Ни его собственная самоуверенность, ни даже Гурзил с его священной силой не смогли спасти сломленного воина от его судьбы.

Теперь оруженосец с именем полководца срубил своим мечом голову Варта с его плеч, [Астит отрубил голову Палины и Мее, Энердуса, как Доротис убила Тилузанта своим мечом.] Тогда подбежал Фастита и пронзил коня Анцатала мечом. копье, которое он метнул. Так же быстро он побежал сквозь тысячи вражеских воинов, смешиваясь со своими людьми и защищаясь за их сомкнутыми руками.

Карказан, потрясенный убийством стольких своих людей, развернул знамена своего командного пункта, чтобы продвинуться прямо сквозь вражеские позиции, привлекая за собой многие тысячи. Увидел его великий духом богатырь Иоанн, идущий вперед, и схватил рукой счастливое оружие своего оруженосца и тезки. Затем гордый вождь атаковал человека с дротиком, пытаясь ранить своего противника и нанося удары без страха. И вскоре кровь побежала по его оружию, хлынув из глубокой раны, которую он нанес, и забрызгав одежду вождя.

Когда их тиран погиб, мармаридские отряды внезапно пришли в замешательство и обратились в бегство. Тогда ни один из них не метнул в врага своего оружия, а, отпустив поводья и возбуждив коней в галоп, поскакали прочь. В этот момент насамоны уже не могли полностью доверять своим силам.

Бок о бок всадники и пехотинцы бежали навстречу смерти по этим широким полям. И римские знамена следовали за ними вместе с командирами, солдатами и храбрыми офицерами. Иоанн, довольный успехом своих людей в бою, тоже поскакал вперед, разбивая сомкнутые вражеские отряды на лугу, потому что теперь они сражались на ровном поле, где солдаты могли свободно бежать и сокрушать вражеские сотни своим оружием. Итак, люди бросились внутрь и рубили тела язычников-мармаридов с той и с другой стороны, и илагуаты были разбиты и понесли заслуженное наказание. Ряды ифураков и фрексов вместе с наффурами отдали свои жизни нашим мечам и ярости римских солдат ...

Они присели в ветвях, где наши воины, горячие на убой, теснились, как охотники, ловко обманывающие птиц известью, и со всех деревьев текли ручьи крови.

(Последние строки поэмы отсутствуют.)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ЭПИСТОЛОГРАФ ПРОКОПИЙ ГАЗСКИЙ. ПИСЬМА 1-6

М.М. Сеница (Белгород)

Прокопий Газский – важнейший представитель Газской школы, выступающий в трех ипостасях. Это позднеантичный софист¹, одновременно христианский богослов в области Ветхого Завета и эпистолограф в классической традиции.

Несмотря на свое преимущественно позднеантичное содержание, коллекция писем была первоначально издана в «Греческой патрологии». В XX веке в зарубежной науке к письмам Прокопия пробудился активный интерес. Издание 1963 г. дает 166 писем только на греческом (комм. на франц.). В издании Э. Амато 2010 г. (Италия) – 174 письма. Нумерация писем в изданиях 1963 и 2010 гг. совпадает, Амато лишь добавляет письма 167-174 (переписку Прокопия с Мегецием).

В последнее время интерес к Прокопию Газскому еще более растет². Но полного научного перевода его сочинений еще нет.

Письма Прокопия являются весьма важным историческим источником, являясь наиболее обширной из сохранившихся коллекций такого же рода. От Ранней Византии вообще сохранилось крайне немного коллекций светских писем нецерковного характера (Эней Газский, Синезий).

Публикуем здесь первые 6 писем по изданию Эудженио Амато (2010) с его же (несколько сокращенными в филологической части) комментариями, надеясь, что все 174 письма в не столь отдаленном будущем также выйдут в свет в переводе.

В качестве введения в тему далее приведем фрагмент из большой статьи Э. Амато в части, относящейся к письмам Прокопия Газского³ (с сокращениями и редакционными изменениями научного аппарата).

Введение. «Цикл софистических работ Прокопия замыкают письма – они, фактически, не только отвечают на точные стилистические и структурные требования древней риторики, но иногда даже читались публично.

¹ Основные издания: Procope de Gaza. Discours et fragments / Ed. E. Amato, A. Corcella, G. Ventrella. Paris: Les Belles Lettres, 2014; Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / Ed. E. Amato. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010.

² Болгова А.М. Прокопий Газский и его наследие в мировой историографии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж: ВГУ, 2014. С. 314-318; Болгова А.М. Письма Прокопия Газского и Газская школа // XIX Сергеевские чтения. Сборник тезисов. М.: МГУ, 2015. С. 50-51; Болгова А.М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород, 2018. С. 263-276.

³ Перевод с итал. по изд.: Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / Ed. E. Amato. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. Комментарии также принадлежат Э. Амато.

Многочисленные послания Прокопия, в настоящее время образующие корпус из 174 писем – это документы различной длины и датированные очень неопределенно, если не невозможно, часто загадочные из-за их тщательной проработки и большого количества ссылок и различных литературных аллюзий, которые предоставляют информацию, иногда полезную для реконструкции жизни самого Прокопия, в частности, его отношений с корреспондентами.

Большинство из них (включая некоторых учеников самого Прокопия) состоят из софистов, иатрософистов, юристов, адвокатов и грамматиков, включая латинских. В частности, выделяется фигура ритора Мегеция – адвоката, чья идентификация до сих пор была невозможной, – от которого как минимум пять писем были присланы Прокопию (и ряд ему обратно), и тем самым образуется короткий эпистолярный обмен, чрезвычайно интересный не только по своему содержанию, но прежде всего потому, что позволяет нам лучше проследить облик взаимных коллекций писем, которых очень мало осталось от всего ранневизантийского периода».

«Переписка Прокопия Газского является документом фундаментальной важности для истории Ранней Византии. Она помещается в общий контекст византийской эпистолографии, которая включает в целом приблизительно 150 коллекций, относящихся ко времени от Поздней античности до времени после падения Константинополя (IV-XV вв.).

Несмотря на свою стилизацию и следование установкам эпистолярного жанра, письма Прокопия содержат ценную информацию о различных культурных, экономических и социальных аспектах истории Восточного Средиземноморья до вторжения мусульман в начале VII в. Кроме того, лингвистический облик и стиль делают эти письма чрезвычайно полезными для того, чтобы пролить свет на важнейшие факторы эволюции литературного греческого языка от античности до византийской эпохи.

Уникальна судьба писем Прокопия. Хотя они высоко ценились в византийской и гуманистической среде, о чем свидетельствует большое количество сохранившихся рукописей, в современной науке они редко рассматриваются как важные и имеющие самоценное значение, возможно, из-за сложности языка и неясности стиля или, более того, в общем, из-за эстетических предрассудков, которые все еще тяготеют в отношении к Поздней античности и византийским литературным произведениям как к декадансу по сравнению с классической античностью¹.

Некоторые письма использовались историками и археологами для получения информации о среде, в которой жил и работал Прокопий, о позднеантичной Палестине, в то время как филологи, лингвисты и историки литературы сосредоточились на сложности языка и стиля, чтобы определить

¹ Относительно византийской эпистолографии: «Даже самые опытные редакторы византийских писем не уверены в их значении после их редактирования». Но, несмотря на это, в последние десятилетия значительно возросла активность издания и изучения позднеантичных и византийских эпистолографических сборников.

его связь с классической традицией. Однако до сих пор не было полного и систематического изучения писем Прокопия, в которых исследовалась бы их роль не только в многоплановом наследии их эклектичного автора, но и в более общем контексте школы Газы и греческой культуры V-VI вв., помимо связей с другими коллекциями писем Поздней античности.

Письма Прокопия: между риторикой, философией и христианским посланием. Согласно определению, данному Майклом Траппом в начале своего исследования древнегреческой и латинской эпистолографии, письмо и его природа характеризуются как межличностное сообщение, что предполагает «физический» переход от отправителя к получателю; письмо по сути является текстом, написанным в форме, которая включает ряд обычных формул, в частности, в начале и в конце¹.

Необходимость в письме возникает, когда две стороны, участвующие в процессе, в любом случае физически удалены или разделены. Однако эта потребность в общении не обязательно означает, что письмо полностью отражает реальность: сознательно или нет, автор письма дает свое собственное представление и даже интерпретацию реальности, основанную на восприятии своего статуса и статуса получателя, делает выбор элементов для представления и выражает их, чтобы убедить получателя в своем видении. Следовательно, автор письма в конечном итоге проецирует персонализированную версию не только реальности, но и самого себя, то есть человека².

В случае с прокопиевской корреспонденцией следует учитывать, что она прошла редакционный процесс как минимум в два этапа: во время ее формирования, когда анонимный издатель или сам автор делает выбор материала для включения, и на протяжении веков, когда письма были адаптированы для включения в коллекции и использовались в качестве образцов. Фактически, что касается каждого литературного текста, изданного в древности, – то, что мы читаем, лишь частично отражает то, что на самом деле вышло из-под пера автора, и его следует рассматривать как результат процесса, фазы которого могут быть перестроены.

Поэтому, изучая письма Прокопия из Газы и других древних эпистолографов, необходимо избегать рассматривать их как верное зеркало личности, среды или эпохи; вместо этого необходимо отделить реальность от ее представления, личность автора от его мира.

¹ *Trapp M. Greek and Latin Letters. An Anthology with Translation. Cambridge, 2003.* P. 1: «Письмо – это записанное сообщение от одного человека (или группы людей) другому, требующее, чтобы оно было записано на материальном носителе, которое само должно быть физически передано от отправителя(ей) получателю(ям). Формально это часть письма, которая открыто адресована отправителем(ями) получателю(ям) с помощью использования в начале и в конце одной из ограниченного набора обычных формул приветствия (или некоторого их общего варианта)».

² *Trapp M. Op. cit.* P. 4: «Авторы писем создают и проектируют личность, которая может иметь все виды отношений... к их характеру, воспринимаемому другими иначе, чем их корреспондент в данный момент».

Уже при поверхностном прочтении становится ясно, что письма Прокопия касаются самого разнообразного содержания и раскрывают разнообразные взгляды автора. Прокопий находится в центре большого круга друзей и знакомых, в основном, связанных с ним общим опытом, таким как совместное обучение, практика той же профессии или факт посещения его школы.

Как и Либаний, Прокопий поддерживает связь со своими выпускниками, некоторые из которых пошли по его стопам, став, в свою очередь, преподавателями, в то время как другие занимали важные должности в качестве судей, адвокатов или имперских чиновников. Во всем, что Прокопий советует или призывает, упрекает или хвалит, просит одолжения или рекомендаций, утешает или шутит, – читатель всегда воспринимает уверенность Прокопия в своих способностях (несмотря на частое профессиональное смирение и явный отказ от высокомерия), завуалированное иронией и часто с тонким юмором.

Но невозможно полностью понять образ саморепрезентации, который создает Прокопий, не исследовав его путь в свою профессию, что определило его роль и функцию в его культурной среде.

В эпитафии, посвященной ему, его ученик Хорикий без сомнения определяет его как σοφιστής, который преуспел в обоих требованиях своего искусства: он выступал с публичными эпидейктическими речами и учил молодых людей риторике древних классиков¹.

Фактически, именно таким манифестом софистического взгляда является ер. 18, в котором Прокопий отвечает на шутки своего брата Захарии, гордо защищая свою профессию софиста – искусство, которому он страстно посвящает себя. Заключительная часть ер. 46, также адресованная его брату Захарии, продвигает те же понятия. Та же гордая самооборона также появляется в ер. 168.

Три эти письма показывают неблагоприятное мнение – или, можно сказать, предубеждение – которое имело место по отношению к софисту в среде, в которой Прокопий жил и работал. Софист как человек высокой культуры, полный амбиций, вверял свою известность и репутацию декламациям, которые имели в качестве объекта совершенно бесполезные и далекие от жизни темы, такие как возвращение весны или миф о любви Афродиты и Адониса².

¹ Ор. VIII, 7: δύο γάρ οντων, οίς ἀρετῆ βασανίζεται σοφιστοῦ, τοῦ τε καταλήττειν τὰ θέατρα συνέσει λόγων καί κάλλει τοῦ τε τους νέους μυσταγωγεῖν τοῖς τῶν ἀρχαίων ὀργίοις κ.τ.λ. («В самом деле, есть два элемента, на основе которых оценивается способность мастера красноречия: он знает, как удивить аудиторию мудростью и красотой выступлений <и>, знает, как познакомить молодых людей с загадками древних авторов, и т.п.»).

² Негативное изменение общественного имиджа софиста произошло после III века, или даже II. Разумеется, негативное мнение о софистах не является исключительной прерогативой Газы VI века. Оно проявляется, например, в ор. 34 Элия Аристида, которая, как следует из названия, нацелена на тех, «кто насмехается» (οἱ ἐξορχούμενοι) над тайнами риторики.

Причина конфликта Прокопия с его братом Захарией очевидна, учитывая, что, согласно письмам Прокопия, Захария, скорее всего, был *σχολαστικός* – адвокатом и, как таковой, культивировал совершенно другой тип риторики. Прокопий называет себя «ритором» (ер. 54, 2-3: «Мы риторы и отцы многих дочерей», а именно букв), это может быть общее использование слова как «профессионал слова», без какой-либо конкретной коннотации¹.

Признание различных целей риторики, общей матрицы всех ее проявлений и ее влияния на публику появляется и в других письмах Прокопия, в частности, к Мегецию. Молодой ритор Мегеций критикует софистов за то, что они проявляют пустую болтливость (ер. 169), не оставляя даже мертвецов в покое со своими похоронными речами. Прокопий, хотя и не оспаривает обвинение (ер. 170), отвечает, предлагая ему рассмотреть работу риторов в судах (21-33). Перепалка продолжается в следующих двух письмах. Мегеций отвечает, что пока риторы «болтают ерунду... перед одним и только одним судьей» софисты разбивают барабанные перепонки бесконечному количеству зрителей (ер. 171); после чего Прокопий, объявив себя готовым перенести любые мучения, (ер. 172), призывает месть Миноса и Радаманта к Мегецию: молодой человек заслуживает того, чтобы с него содрали кожу и повесили, как Марсия, за то, что он плохо говорил о софистах.

В дополнение к иронии, характерной для многих писем Прокопия, в этом обмене можно наблюдать явную защиту своей профессиональной идентичности и моральной основы. Прокопий не презирает риторику, которую он, напротив, признает самой основой своей профессии². С другой стороны, сознавая свою профессиональную силу, он выражает свою неуверенность в отношении возможных последствий ее применения, если она осуществляется без этического кодекса³.

Как и Платон, Прокопий осознает, что риторика представляет опасность, если используется неправильно; следовательно, идеальный ритор – тот, кто

¹ О термине *ρήτωρ*, его использовании и значении в древности, ср. *López Eire A. La etimología de *ρήτωρ* y los orígenes de la retórica // Faventia. 20/2, 1998. P. 61-69; об использовании терминов *ρήτωρ* и *σοφιστής* в эпиграфических документах имперского века по отношению к литературным текстам, см. исследование *Puech B. Orateurs et sophistes grecs dans les inscriptions d'époque imperial. Paris 2002. P. 10-28. О *σχολαστικός*, см. *Heath M. Menander: A Rhetor in Context, Oxford 2004. P. 297* (с интересными соображениями о связи между риторикой и софистикой на p. 280-283 и 289-299). Р. Крибиоре (*Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton; Oxford, 2007. P. 174-183*) утверждает, что начиная со II в. термины *ρήτωρ* и *σοφιστής* соответствуют различным образовательным путям к приобретению риторики: один из них длиннее и основан на традициях, другой короче и нацелен на ораторский эффект.**

² Например, в ер. 38, 15-16, Прокопий утверждает, что в древних Афинах его брат Захария, который презирает риторику, был бы осужден за то, что поносил то, «что дает ему процветание и славу». Действительно, для грека Поздней античности «риторика была кровью языка и самопрезентации», и имела «решающее значение для карьеры в обществе».

³ Ценности как пример — ер. 101, 6-7: «Вот что может сделать хороший ритор, что побуждает его пробовать то, что он хочет». Защита риторики от излишеств софистики и нападок философии, является темой, близкой Прокопию.

знает, как сочетать Муз с правосудием, то есть, ораторское мастерство с уважением к закону¹, что подтверждается похвалами, с которыми Прокопий обращается к судье Фоме в ер. 42.

В противоположность этому оптимистическому взгляду, в следующем письме (ер. 43) Прокопий описывает случай Энея, ратора, которому пришлось отказаться от должности дефенсора (экдика) за нежелание подчиниться коррупции, в отличие от его коллег.

Письма, в которых Прокопий обращается за помощью к адвокатам, судьям и должностным лицам от имени жертв жестокого обращения (например, ерр. 6, 12, 14, 31, 35, 49 и т.л.), по-видимому, указывают на широко распространенное недоверие к официальной судебной системе². Однако мир Прокопия – это все же не мир судов, а скорее мир *θέατρα*, т.е. публичных выступлений ораторского красноречия³. Хорикий подчеркивает, что красноречие его учителя (Прокопия) обладало способностью удивлять и очаровывать слушателей, особенно тех, кто получил образование в риторике⁴.

Письма подтверждают авторитет, которым Прокопий пользовался у общественности (ер. 46).

Авторитет и длительная слава позволяют Прокопию привлечь студентов и почитателей в Газу. В конце ер. 134 он заявляет, что не хочет покидать свой город, чтобы не разочаровать тех, кто переехал суда к нему. Мы узнаем от Хорикия, что Прокопий, несмотря на то, что его приглашали преподавать в Антиохии, Тире и Кесарии, предпочитал оставаться в Газе, так же, как Одиссей, который отказался следовать соблазну сирен ради его «каменной Итаки»⁵.

¹ Платон критикует риторику, особенно в «Горгии» и «Федре»; фигура пронизательного и недобросовестного политика противопоставляется ратору, который осуществляет свою деятельность в этико-моральных целях. Это мнение Платона стало основой для широких дебатов в последующие века.

² Та же картина возникает из некоторых писем Варсануфия и Иоанна Газских, представителей монашеской диатрибы VI в.

³ В эпоху Поздней античности театральные здания использовались не только для показа представлений, но также и для публичного чтения литературных произведений, речей. Эта практика продолжалась до конца византийской эры. В то же время, однако, термин *θέατρον* обозначает закрытое пространство, обычно аудиторию, используемую для конференций и уроков. Что касается Газы, то весьма вероятно, что публичные риторические выступления, как и другие зрелища, имели место в здании городского театра, наличие которого в V-VI вв. подтверждается Созоменом (Hist Eccl. V, 9, 2) и Хорикием (ор. VIII, 9).

⁴ Хорикий пишет о Прокопии (ор. VIII, 9): «Когда он идет, чтобы принести свои плоды в театр – и он часто делает это, чтобы вызвать любовь к речам у молодых людей – это производит огромное впечатление на всю избранную аудиторию и со своей злобой привлекает тех, кто находился рядом с местом встречи».

⁵ Ор. VIII, 14: «Даже с призывом этих сирен он оставался верным своей родине: ему кажется, и не без оснований, абсурдно, что говорящий об ахейцах любил Итаку, «которая хотя и была каменной», и он должен презирать родину во всех отношениях, но, прежде всего, превосходить другие города по добродетелям его жителей — главному украшению города».

Прокопий, таким образом, является успешным учителем и, вместе с тем, «виртуозным оратором с большой общественной репутацией» используя определение, которое Г. Бауэрсок дает софистам¹.

С другой стороны, его письма показывают постоянную попытку утвердиться как философ, а также как преподаватель риторики. Два фрагмента «Опровержения Прокла» подтверждают его интересы в философской области, более того, общие и для других представителей школы в Газе².

Однако в письмах термин φιλοσοφία используется в гораздо менее теоретическом и более практическом смысле; как часто в Поздней античности, это скорее правило жизни³ из разнородных доктрин.

В ер. 104 Прокопий проецирует образ мастера философии; из других писем ясно, что он склоняется к этому как к противоядию от чрезмерного влечения к богатству (ерр. 2, 75, 106 и 131), к ненадежности человеческой жизни на карте судьбы (ер. 125). В то же время Прокопий чувствует себя обязанным защищать свой образ философа, что находится в открытом противоречии с образом богатого и официально утвержденного софиста (ер. 91). В ер. 126, отвечая на критику ритора Иоанна, Прокопий дал еще более точную картину своей натуры как «софиста-философа».

Таким образом, для Прокопия, представляющего себя софистом, то есть ритором, эпидейктиком и учителем, – и философом не было противоречия. *Это представляет собой важное изменение по сравнению с греческой культурной традицией классической эпохи, которая установила строгое разделение между риторикой (софистикой) и философией.*

Позднеантичные философы нуждались в риторике, чтобы выражать и распространять свои идеи, а также разрешать конфликты в различных философских школах, которые боролись за первенство⁴.

Хотя обладание элитарной культурой ранее приводило к изоляции интеллектуала от сообщества, в письмах Прокопия постоянно делается попытка поставить свои навыки и знания на службу своему ближнему, будь то группа его друзей в его городе или иногородние корреспонденты; это

¹ Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 13.

² Proc. Gaz., Fr. VIII, 1-2. Дискуссия о неоплатонизме была очень оживленной в среде Газы, о чем свидетельствуют, в частности, диалоги «Феофраст» Энея и «Аммоний» Захарии (плюс апасг. 6 Иоанна Газского). В этих двух диалогах содержится четкая позиция против афинского неоплатонизма, представленного Проклом и Сирианом; напротив, философские идеи, выраженные в анакреонтике, слишком общие, чтобы указывать источник.

³ Христианское различие между ἡ καθ' ἑμας φιλοσοφία и ἡ ἐξω (ἐξωθεν) φιλοσοφία язычников означало, что термин φιλοσοφία постепенно утратил свое первоначальное значение, предполагая, что это означает «христианская жизнь» в смысле «аскетическая жизнь» или «монашеская жизнь»; точно так же φιλόσοφος стало синонимом слова «монах».

⁴ В конце античности существует множество контактов между философией и риторикой. Литературные произведения Фемистия и др. демонстрируют успешную интеграцию двух дисциплин.

подтверждает похвалу, которую Хорикий воздает «общественным добродетелям» учителя¹.

В некоторых письмах Прокопий рекомендует своим знакомым адвокатам или своим влиятельным братьям тех лиц, которые не могут адекватно защитить себя от злоупотреблений, которым они подверглись: старая мать подверглась жестокому обращению и эксплуатации со стороны своего сына (ер. 6), торговец – жертва вымогательства со стороны его делового партнера (ер. 12), вдова и ее дети, которые рискуют потерять свой дом из-за намерений соседа (ер. 14), молодой дьякон, обнищавший и неспособный работать руками (ер. 67), родственник, который стал жертвой клеветы (ер. 73). Прокопий описывает эти случаи с реалистичностью, предлагая реальные картины живой жизни и яркие человеческие портреты; это также демонстрирует его добротную правовую компетенцию.

Более того, Прокопий, скорее всего, был членом совета протевонов своего города (ер. 42)². Запросы, адресованные имперскому правительству от имени его сограждан, особенно интересны (ерр. 59 и 84); Прокопий может рассчитывать на поддержку своих братьев Захарии и Филиппа, имперских чиновников в Константинополе, для выполнения этих просьб. Короче говоря, Прокопий часто выступает в роли связующего звена между его городом и центральной администрацией империи³.

Подобно Либанию и другим имперским софистам, Прокопий чувствует себя облеченным в особые обязанности по отношению к общине, к которой он принадлежит⁴. Вместе с тем, наряду с солидарностью со слабыми и угнетенными, Прокопий постоянно утверждает моральные ценности честности и праведности и отказ от излишеств – прежде всего в отношении богатства – и критикует жадность, обжорство и особенно высокомерие в каждом случае. Например, в ер. 131 он делает выговор своему бывшему ученику, ритору Сабину за то, что он уклонился от его учения; письмо

¹ Хорикий, в частности, фокусируется на помощи, которую Прокопий оказывал больным и бедным: «Он часто помогал больным... Что касается бедных, он избавил их от бедности» и т.д.

² Прокопий ощущает контраст между делом, требуемым его социальной ролью, и досугом, к которому его характер и выбор жизни предрасполагают его: «это тяжелая ситуация для меня, которую, насколько я могу понять только с собой, и я молюсь оставаться скрытым» (ер. 42). О протевонах в Газе: *Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin*. Paris, 2002. P. 113.

³ Ситуация с Прокопием сравнима с ситуацией с Либанием, чей двоюродный брат Спектат, член антиохийской аристократии, был чиновником в Константинополе; ср. *Sandwell I. Libanius' Social Networks: Understanding the Social Structure of the Later Roman Empire // Malkin I., Constantakopoulou Ch. et al. (eds.). Greek and Roman Networks in the Mediterranean*. London; New York, 2009. P. 134. Захария, вероятно, был префектом претория, как следует из ерр. 12 и 84.

⁴ Сочинения софистов (в частности, Элия Аристида) показывают, что эти обязанности влекли за собой не только предоставление своих способностей, денег и знаний в распоряжение сообщества, но и преподавание, разрешение городских раздоров, выступление с официальными речами и служение в посольствах и имперской администрации.

содержит живой портрет молодого социального карьериста, общительного, жадного до денег и недобросовестного, который одевается эффектно и льстит богатым за их пиры.

Алчности безудержной юности мудрый и официальный софист Прокопий противопоставляет свою бедность; подтверждением этому является Хорикий, который восхваляет бережливость и отказ от удовольствий своего учителя. Восхваление «антисофистских» достоинств трезвости и бедности, вытекающее из писем, приближает Прокопия к идеальной фигуре философа: скромный в одежде, еде и питье и состоящий во внешних отношениях, он предлагает не только очаровывать аудиторию, но и обучать и совершенствовать ее.

Это изменение перспективы, вероятно, связано с духовной средой, созданной с появлением христианства и прежде всего монашества. Хотя христианизированная относительно поздно и после ожесточенной борьбы, начиная с V в. Газа стала важным монашеским центром благодаря проповеди египетского монаха Илариона¹.

Со временем монахи создали систему образования, параллельную древней *παιδεία*, если не конкурировавшей с ней. Источники, которыми мы располагаем, не позволяют нам установить, влияли ли и в какой степени эти две системы друг на друга, но они сохраняют следы контактов между монахами и интеллектуалами Газы. Например, в сирийской «Жизни монаха Исая», написанной Захарией, говорится, что Эней из Газы обычно просил у монаха объяснений относительно толкования философии Аристотеля, Платона и Плотина. Исая, хотя и не был светским по культуре, был вполне способен ответить на вопросы Энея и не только объяснил ему мысли философов, но и показал ему, как опровергнуть их ошибки и подтвердить обоснованность христианской доктрины.

Кроме того, образовательная модель палестинского монашества также основывалась на взаимоотношениях учитель-ученик, которые также получают большой акцент в письмах Прокопия, адресованных его ученикам.

Но прокопиева переписка указывает на то, что модель языческого софиста-философа и фигура духовного учителя – христианского интеллектуала не могли гармонично слиться друг с другом. Противоречие, присущее литературному творчеству Прокопия, обсуждалось довольно долго: фактически, с одной стороны, это софист, который все еще живет, погруженный в мир многих веков традиции, пишет на вымершем языке и наполняет его страницы языческими богами героями; с другой стороны, – серьезный и строгий христианский толкователь с глубоким знанием Писания и традиции его толкования².

¹ Vita Hilar. (PL 23, coll. 29-54); Soz., Hist. eccl. V, 15, 15-17.

² По этой причине также предполагалось, что Прокопий был язычником, принявшим христианство в позднем возрасте: см., например, *Kennedy G. Greek Rhetoric under Christian Emperors. Princeton 1983. P. 171.*

На самом деле это противоречие скорее очевидное, чем реальное, так как для византийского ритора V-VI вв. не было никакого разделения между настоящим и классическим периодом и, следовательно, между языческим и христианским образованием¹. Несмотря на отсутствие писем с какой-либо точной ссылкой на Библию и евангельские послания, Прокопий обращается к репертуару христианского учителя для моральной прямоты, осуждения излишеств и строгости в разоблачении ловушек непоследовательных умов, легкого заработка и угнетения.

Поэтому в письмах две души Прокопия (классическая и христианская) сливаются воедино. Перед нами возникает фигура, которая в своей сложности воплощает все конфликты и контрасты переходной эпохи.

Прокопий и его социальная сеть. В своей научной диссертации, посвященной школе в Газе 1892 г., Килиан Зайтц конкретно затронул проблему достоверности корреспонденции Прокопия как источника для восстановления культурной среды палестинского города в V-VI вв.

Зайтц признает, что письма могут быть простыми «Образцами (Probenstücke)», составленными Прокопием для его учеников; кроме того, он подчеркивает, что тот факт, что некоторые из них адресованы лицам, которые действительно существовали, не является доказательством их подлинности, если учесть склонность софистов обращаться к фиктивным письмам к историческим личностям и известным людям.

С другой стороны, Зайтц подчеркивает чрезвычайное разнообразие и «индивидуальность» писем: соблюдая требования этопеи, Прокопий использует разный тон в зависимости от получателя². Зайтцу можно возразить тем, что письма Прокопия содержат очень мало спонтанных моментов, так как они повторяют язык и топосы, типичные для эпистолярного жанра, прежде всего, «церемониал».

Действительно, искусственность некоторых писем даже привела к предположению, что они были написаны специально для публикации, а не для реальной практической цели³. Однако, несмотря на обоснованность аргументов, выдвинутых Зайтцем, вопрос о подлинности писем Прокопия следует выразить иначе.

Во-первых, следует учитывать, что, как и в случае с другими коллекциями писем древности, очень вероятно, что на протяжении веков Прокопиев корпус получал частично ложный материал и плоды школьной практики наряду с ядром подлинного материала. Это может быть, например,

¹ Прокопий раскрывает одинаковый подход к источникам и использует один и тот же композиционный метод как в христианских, так и в мирских работах.

² Seitz K. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892. S. 11-12.

³ Например, В. Али (*Aly W. Prokopios von Gaza // RE. XXIII. 1957. Col. 265*), обнаружив в письмах Прокопия неуместность, холодность («Bedeutungslosigkeit und Kalte» – незначительное и холодное) и отсутствие ссылок на какое-либо историческое событие, предполагает, что они были написаны лишь для публичного чтения и «может быть, даже фикция автора». Идея о том, что прокопиевы письма могут быть только риторическими упражнениями, была выдвинута еще ранее.

случай с посланием из кодекса Varocciano, которое, скорее, является справочником-клише *ad usum scholae* (для нужд школы), а не настоящим письмом, и, возможно, оно не случайно было передано в рукописи анонимно.

С другой стороны, корпус состоит из оригинальных писем, из которых иначе были бы исключены любые ссылки на слишком личные факты жизни автора или современные ему события, поскольку они могли бы использоваться в качестве образцов эпистолярного стиля в византийских школах. Однако чрезвычайно трудно и, вероятно, бесполезно попытаться отделить то, что могло быть поддельным, от того, что могло бы быть подлинным, или попытаться воссоздать гипотетическую оригинальную форму писем Прокопия.

Во-вторых, что касается личности автора, то его эпистолярный передает образ мира, более идеального, чем реального. Конечно, некоторые аспекты политики и экономики, описанные Прокопием, соответствуют действительности, начиная с богатых и знаменитых городов Восточного Средиземноморья:

— Константинополь с его роскошным двором (ep. 53) и его влиятельными должностными лицами (ep. 45, 84);

— Александрия, где сам Прокопий завершил свои исследования (ep. 48, 96), центр культуры (ep. 119 и т.д.) и место развлечений (ep. 99, 104), богатый благодаря Нилу (ep. 2, 9, 20 и т.д.), реальное и идеальное место для многих коллег Прокопия (ep. 86, 87, 104 и т.д.);

— Берит и Кесария, города юристов (ep. 29, 31, 42, 114, 149);

— Антиохия, которая привлекает лучших учителей в свои школы (ep. 13, 71);

— Элуза, город в пустыне Негев, измученный ветром и засухой (ep. 81, 87, 91);

— Гермуполь, в египетской пустыне, населенный скорпионами и змеями (ep. 124).

Малые города явно контрастируют с метрополиями.

Вне этого глубоко эллинизированного мира остается очень мало: богатый, щедрый, но «варварский» Египет (ep. 2, 86, 91, 103 и т.д.); и Рим, представленный только его законами и институтами (ep. 12, 45) и латинский язык все еще преподается (ep. 13, 145), даже если он «причиняет боль уху» (ep. 45)¹.

Прокопий, кажется, пишет все письма из своей родной Газы, где он живет и учит; в отсутствие точных местных ссылок его горизонт кажется довольно ограниченным, потому что в отличие от других эпистографов Поздней античности он не был путешественником. С другой стороны, письма упоминают аспекты повседневной жизни: выращивание пшеницы (ep. 75) и

¹ Это один из основных моментов позднеантичной культуры и, фактически, конец взаимодействия между греческим и латинским миром; перенос столицы восточной части империи в Константинополь привел к росту внимания к востоку. См. *Cameron Av. Education and Literary Culture // САН. XIII. P. P. 666-667.*

виноградной лозы (ер. 20, 167 и т.д.); скромная торговля тростником (ер. 107) и обмен с Родосом (ер. 12). Мы даже можем получить представление о продуктах, разложенных на столах: вино и хлеб (ер. 2), лепешки, инжир, изюм и маринованная птица (ер. 133).

Но письма Прокопия, как и все работы софистов имперского века, также показывают в своеобразной параллельной географии мир идеальной древней Греции¹: это Афины, Спарта, Дельфы, Итака, Марафон, Саламин, Олимп, Геликон, Илосс и др.

Пока настоящее конкурирует с прошлым и превосходит его, миф и история сливаются; языческие боги и герои мифологии и литературы появляются рядом с историческими личностями и, подобно им, предоставляют материал только для ценных литературных цитат, но также и для моральных примеров². Музы, Хариты, Аполлон и Гермес до сих пор вдохновляют риториков и поэтов; любовь Афродиты и Адониса составляет предмет речей и стихов, учение Пифагора, Сократа, Платона и других философов направляет ум и поведение человека.

Время от времени дух VI века после Рождества Христова врывается в прокопиевы мечты, но когда это происходит, контраст между двумя мирами далеко не непреодолим. Так, например, в коротком ер. 15 сочетание стоической и христианской концепции божественного провидения появляется вместе с эллинистической идеей. Прокопий предполагает, что это две одинаково мощные силы, или, возможно, одна и та же сила, называемая двумя разными именами³. Получатель этого письма, Нефалий, вероятно, является церковным человеком, которому, возможно, не понравился бы исключительный акцент на судьбу как на арбитра человеческих дел. Но также в ер. 164, адресованном человеку науки Гессию, рядом с цитатами из Феогида, Еврипида и Пифагора, Прокопий вставляет христианские идеи.

¹ Ностальгический взгляд на самый славный век греческой культуры был такой же реакцией на политическое бессилие греческого мира, в силу подчинения Риму, в результате консерватизма школы, которая отдавала привилегию древним авторам (Гомер, Геродот, Фукидид, Платон и др.) в ущерб более поздним: см. *Anderson G. The Second Sophistic. A Cultural Phenomenon in the Roman Empire. London; New York, 1993. P. 101-132.* Отношения между настоящим и прошлым и распространенность архаизма в греческой литературе имперской эпохи также хорошо проанализированы. Однако, мнение, согласно которому архаизирующая тенденция риторики Поздней античности заходит так далеко, что даже судебные речи «находятся в вечном мире с произвольными и часто фантастическими законами», несмотря на принципиально практическую цель риторического обучения, кажется чрезмерной.

² Фактически в письмах Прокопия повторяются мифологические примеры, распространенные в позднеантичной и византийской эпистографии от Либания до Димитрия Кидониса: Гермес, Персей, Сирены, Одиссей и т.д. См. *Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: The importance of Rhetoric // Mullett M., Scott R. (edd.). Byzantium and the Classical Tradition / University of Birmingham Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979. Birmingham, 1981. P. 27.*

³ О *Τύχη* у Прокопия см. *Westberg D. Celebrating with Words: Studies in the Rhetorical Works of the Gaza School. Uppsala, 2010. P. 61-62.*

Христианские темы, даже если они «связаны с стоической родословной», встречаются во многих письмах Прокопия: например, в утешении к Палладию (ер. 69) и в письме к братьям относительно поездки в Константинополь (ер. 76). С другой стороны, Прокопий пишет письмо епископу Илии (ер. 159), в котором он иллюстрирует концепцию ненадежности человеческой судьбы через темы, язык и примеры, взятые исключительно из языческой философской традиции.

Итак, для Прокопия, древнегреческий идеальный мир есть фон, на который можно проецировать фрагменты настоящего; он является реальностью без пространства и времени и именно по этой причине универсальной и вечной.

Из писем Прокопия возникает большое разнообразие человеческих персонажей, каждый из которых имеет свою собственную историю.

В письмах нет упоминаний о важных персонажах, которые составляли историю Газы в V-VI вв., таких как епископ Маркиан; более того, ни в одном письме не упоминается даже Хорикий, главный ученик, который собрал наследство Прокопия¹.

Любая попытка идентифицировать получателей писем путем сравнения их с другими современными источниками и из той же среды – например, с перепиской Энея Газского – не дает надежных результатов из-за документально подтвержденного присутствия многочисленных одноименных людей в том же районе и времени.

Единственной исторической личностью, которую можно с уверенностью идентифицировать, является иатрософист Гессий, также известный из других литературных источников, включая переписку Энея и диалог «Аммоний» Захарии Газского: сначала язычник, затем обратившийся в христианство, Гессий практиковал медицину и преподавал в Александрии. В письмах, адресованных ему (ерр. 16, 102, 122, 125 и 164), Прокопий обращается к нему как к коллеге, чью литературную культуру, выразительные навыки и дидактический талант он ценит до того, что рекомендует его некоторым из своих учеников, и как друга утешает от двух серьезных семейных утрат.

Как и Гессий, группа персонажей писем связана со академической и интеллектуальной средой Александрии. Некоторые из них являются юристами; например, Епифаний перешел от софистики к адвокатуре (ерр. 19, 55, 60, 99, 135 и 148); Сосиан, у которого, кажется, есть вторая торговая деятельность (ерр. 21, 50, 64, 107 и 157); Силан, с которым Прокопий учился в Александрии (ерр. 52, 96 и 109); Агапет, который показывает, что имеет большое уважение к Прокопию (ер. 87); Иоанн, который пишет Прокопию, не зная его лично (ер. 156).

С другой стороны, адвокаты Иоанн (ерр. 5, 22, 56, 126, 149) и Диодор, бывший одноклассник и большой друг Прокопия, работающие в Кесарии,

¹ Уже Зайтц отметил этот недостаток (*Seitz K. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892. S. 17*).

используют необычно игривые тона в своей переписке с ним (ер. 8, 23, 29, 31, 32). Письма Прокопия свидетельствуют о частых перемещениях юристов, грамматиков и софистов из одного города в другой¹; и, например, случай с двумя греческими грамматиками Стефаном и Алипием и латинским грамматиком Иерием, которые уезжают из Газы в Антиохию (ер. 13); юристом Фомой, который возвращается из Кесарии в Газу (ерр. 42 и 68); и прежде всего, софист Иероним, который преподает в Александрии и Гермополе, прежде чем вернуться в свой засушливый родной город Элуза (ер. 2, 9, 57, 81 и т.д.). Сам Прокопий был приглашен преподавать в другие города, но отклонил все предложения (ерр. 113, 114 и 134).

Из прокопиевых писем видны ожидания и нормы поведения каждой профессиональной категории, независимо от экономического и социального статуса отдельных персонажей; таким образом, юристы призваны отдавать свое красноречие на службу законам (ер. 8), судьи должны обеспечить торжество справедливости (ер. 14), грамматика и софисты призваны обучать молодых людей и вооружать их знаниями и выразительными навыками (ерр. 2, 13)².

Для всех, однако, богатство без излишеств, хорошая репутация, большое количество учеников в школе и большая аудитория для публичных выступлений считались главными и достижимыми целями. Но это настоящая связка, которая сочетает в себе пестрый прокопиев мир и, в то же время, то, что придает ценность и достоинство в профессиональной жизни индивида и дружбы.

Эпистолярные отношения, которые Прокопий поддерживает со своими корреспондентами, отмечены знаком φιλία, которая может быть более или менее глубокой и искренней, но всегда питается осознанием участия в общем культурном наследии, основанном на идентичных эстетических и моральных ценностях. Таким образом, например, объясняются письма, в которых Прокопий продвигает контакты между персонажами, которые занимаются одной и той же профессией (ерр. 21, 22): он помещает себя в центр

¹ Мобильность — одна из характеристик интеллектуалов и чиновников от эллинистической эпохи до Поздней античности. См. *Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin*. Paris, 2002. P. 143-151 (для Газы, в частности, p. 144); *Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton; Oxford, 2007. P. 81-82.

² Согласно общеизвестному распределению ступеней преподавания в греческой и позднегреческой школах, γραμματιστής давал основные понятия чтения, письма и вычислений, в то время как γραμματικός преподавал язык и литературу (в частности, стихосложение), а ρήτωρ и σοφιστής учили риторике. Подобная трехчастная система наблюдается в римской школе, начиная с I века до н.э.; это не было, однако, жесткой и действительной схемой для всех эпох и областей древнего мира. Ср. *Cribiore R. Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, 2001. P. 50-59; *Szabat E. Teachers in the Eastern Roman Empire (Fifth-Seventh Centuries): A Historical Study and Prosopography* // *Derda T., Markiewicz T., Wipszycka E.* (edd.). *Alexandria. Auditoria of Kom-el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 2007. P. 181-208; *Migueluez Cavero L. Poems in Context: Greek Poetry in the Egyptian Thebaid, 200-600 AD*. Berlin, 2008. P. 215-216.

«республики писем», состоящей из людей, которые разделяют одни и те же идеи и, прежде всего, одну культуру.

Помимо рекомендательных писем, утешения или поддержки, Прокопий обращает к своим φίλοι настоящие призывы к помощи людям, нуждающимся в юридической или материальной помощи, в которых этика позднего язычества находит точку соприкосновения с христианскими ценностями (Ерр. 8, 12, 14, 35, 50, 67). В более общем плане письма Прокопия позволяют нам взглянуть на идеалы публики, к которой он обращался, как отдельных получателей его посланий и как членов социальной и культурной элиты, которые посещали его публичные чтения в θέατρα.

Из писем выясняются прежде всего моральные заботы людей: ценность дружбы (ерр. 5, 19, 26, 48 и т.д.) и социальных и семейных отношений (ерр. 6, 7, 34, 59, 85, 142 и т.д.); презрение к высокомерию (ерр. 23, 29, 34, 53 и т.д.) и жадности (ер. 2, 9, 47, 75, 81, 106 и т.д.) и, наоборот, похвала скромности (ерр. 32, 42, 139, 163) и честности (ер. 71); привязанность к своей земле (ер. 134) и преданность своей профессии (ерр. 113, 115). Также заметны их литературные интересы (ерр. 28, 33, 44, 87, 94, 101, 120 и т.д.), в которых риторика имела особый вес (ерр. 18, 38, 46, 91 и т.д.). С этико-религиозной точки зрения, некоторые письма затрагивают драму физической смерти (ерр. 30) и сложные отношения между судьбой и божественным провидением (ерр. 15, 66, 69, 88, 127, 159, 164); более того, определенно в соответствии с христианским духом своих слушателей, Прокопий иронично выступает против языческих практик гадания (ер. 107).

Особую группу представляют письма, касающиеся учеников или бывших учеников Прокопия, которые освещают важные аспекты его учения. Риторы и софисты гарантировали своим ученикам знание риторики, способное обеспечить престижное положение в имперском обществе; но, помимо эффективности на дидактическом уровне, успех учителя зависел от сети знаний, которые он умел создавать вокруг себя, и, следовательно, от его способности гарантировать своим ученикам содействие в их будущей карьере.

Значительная часть прокопиевых писем, относящихся к этой группе, касается рекомендаций, в соответствии с общей практикой позднеантичных школ, о чем свидетельствует и переписка Либания. Действительно, некоторые письма Прокопий адресовал родителям, которые просили его принять их детей в свою школу (например, ер. 26), или коллегам, которые рекомендовали ему своих учеников (например, ер. 149). Со своей стороны, Прокопий рекомендует своих бывших учеников другим учителям, которые хотят продолжить учебу в другой области, особенно в области права (например, ер. 143) и медицины (например, ерр. 16 и 122). Он также может рассчитывать на своих могущественных братьев Захарию и Филиппа, чтобы гарантировать будущее молодым людям, желающим сделать карьеру в имперской администрации (например, ер. 82). В этих случаях похвала за талант, ораторские способности и самоотверженность никогда не отделяется от оценки моральных качеств, в особенности скромности и честности.

Прокопий поддерживает отношения со своими бывшими учениками, которые покинули Газу для учебы или начали свою карьеру в другом месте; это, например, Орион, сначала студент юридического факультета в Берите, затем юрист в Константинополе (ерр. 92, 115, 139 и т.д.); Панкратий, ставший ритором в Александрии (ерр. 119, 120 и 152); Созомен, добившийся стольких успехов в своем красноречии, что похвалил своего учителя (ер. 151); и Антиох, который стал врачом и не хочет вернуться в Газу, несмотря на свои обещания (ер. 104).

Под обилием топосов (дружба, присутствие-отсутствие, и т.д.) можно увидеть широкий спектр чувств, начиная от самоуспокоенности по поводу успехов, достигнутых его учениками, до ностальгии по их физическому присутствию, от похвалы до критики, до более или менее явного упрека, когда некоторые из них нарушают моральные нормы, как это происходит, например, с Сабинном, юристом, жаждущим богатства (ерр. 90 и 131) о Ниле, разгласившем некоторые речи Прокопия без разрешения (ер. 162); плохое поведение ученика, по сути, вредит репутации учителя.

Короче говоря, Прокопий не считает, что его миссия завершается с отъездом учеников из школы: его «отцовство» и роль морального наставника сопровождают молодых людей намного дольше времени, проведенного с ними. Это всеобъемлющее видение его профессии основано на хорошо известном предположении Аристотеля, но также вписывается в идеал «христианского софиста», и в то же время придает человеческую глубину его письмам. Последние слова ер. 165 лучше, чем любой другой отрывок из писем, описывают образ, который Прокопий намеревается дать о себе как о учителе: «... Но если вы хотите увидеть, что такое мой дар, то это привязанность и приверженность: на самом деле я хозяин этого, как говорит Демосфен, в то время как другие вещи – это судьба и музы, которые решают раздать свои дары так, как они считают нужным».

Прокопий и эпистолографический жанр. Восхваляя мастера, Хорикий не упускает возможности отметить стиль работ, которые Прокопий давал своим ученикам, который отличался использованием аттического диалекта, свойством языка, уважением к ритму и осторожностью и вниманием, гармоничным построением предложения. Сам Прокопий в своих письмах заявляет, что использует аттицизм программно (ерр. 38, 91, 103 и т.д.).

Однако определение «аттического стиля» лишь частично применимо к прокопиевым письмам, хотя по большей части они были задуманы для публичного чтения и давались студентам в качестве образцов для подражания. Более того, избыток аттицизма считался несоответствующим эпистолярному стилю, который должен был быть скорее аттическим, чем повседневный язык, но более близким к общему употреблению и должен был быть направлен прежде всего на удовольствие (приятность). Для писем подходил сложный синтаксис (за исключением последней части из-за необходимости заключения или повторения понятий), так что их целью не была демонстрация риторических способностей, но ясная передача информации, чтобы отправителю было легче уговорить получателя.

Однако письма Прокопия избегают принципов, особенно в отношении ясности, которая не может быть определена как одно из их качеств. Тот факт, что язык отражает ту же напряженность между прошлым и настоящим, которая наблюдается в моральном и религиозном мире автора, безусловно, вносит свой вклад в неясность. Более того, со строго историко-литературной точки зрения, как и все прозаики его времени, Прокопий колеблется между скрупулезным соблюдением аттических норм и определенной свободой в их интерпретации.

Прокопий с точки зрения византийских писателей неоднороден. Например, Иоанн Сикелиот (XI в.) считал Прокопия как автора писем излишне аттическим, холодным и лишенным приятности (ὕπεραττικίζων ... Ὑπόψυχρος καὶ ἀηδής); напротив, три столетия спустя, Иоанн Ракендит привел Прокопия и Хорикия в качестве примеров «скромного и чистого» стиля (τῆς ταπεινωτέρας λέξεως ἴσθουν τῆς καθαρῆς παραδείγματα).

Как и другие литературные жанры, культивируемые в школах риторики, эпистолография, хотя и считалась маргинальной дисциплиной, в конечном итоге регулировалась скрупулезными предписаниями. Вероятно, студентам предоставлялись образцы писем, разделенные на категории по их содержанию; так, по крайней мере, руководства Псевдо-Деметрия и Псевдо-Либания являются одними из немногих систематических методов изучения эпистолографии, дошедших от античности.

Мы не знаем, следовал ли Прокопий предписаниям, сформулированным в каком-то трактате, при составлении своих писем: но нет сомнения, что большая часть его переписки относится к типам, описанным в этих руководствах, поскольку там появляются извинительные, утешительные, цензурные и увещающие письма, хвалебные и т.д., но сходства не выходят за рамки использования общих выражений и топосов, подобных тем, которые указаны в трактатах для каждой категории. Более того, ни один из разрядов, описанных в руководствах, полностью не исчерпывает сложные вопросы, рассматриваемые Прокопиевыми письмами.

На самом деле Прокопий не пишет письма только для общения. Для неоплатоническо-христианских интеллектуалов Поздней античности в Газе письмо было эквивалентом своего рода философской практики: оно давало голос мысли (как это видно, например, из ер. 1), оно помогало памяти и вносило огромный вклад в психагогический процесс. Более того, для Прокопия, как и для всех византийских эпистолографов, написание письма было равносильно составлению литературного произведения.

В отрывке из ер. 54, 2-3: «мы риторы и отцы многих дочерей», он помещает письма в контекст своей деятельности в качестве ритора: термин «дочери» (θυγατέρες) напоминает об обычае Прокопия называть речи «сыновьями» (παῖδες: ер. 9. и т.д.).

Таким образом, очевидна риторическо-литературная матрица прокопиевской эпистолографии; на нее влияет поглощение эпистографического жанра риторикой, в которой письмо, истинное, но, прежде всего, вымышленное, становится риторическим упражнением и, в то

же время, автономной литературной формой. Вдобавок к этому, тот факт, что письма Прокопия были не предназначены для публичного чтения, побуждает принять во внимание, насколько идеологии, вкусы и ожидания всего сообщества могли повлиять на их стиль и содержание. Фактически, письмо было и настоящим, и литературным, то есть, интимным и конфиденциальным, и, в то же время, предназначалось для устного выступления и для публикации в виде письменного текста; сущность византийской эпистографии и причина ее сложности кроются в этом противоречии между противоположными требованиями. Это «общественное» измерение также вмешивается в те аспекты писем, которые кажутся более личными.

В V-VI вв. завершился процесс кодификации византийской эпистографии, начавшийся примерно в IV в. Краткость, размер, ясность и формальное совершенство – главные требования стиля; дружбу, разлуку, болезнь и смерть можно распознать как настоящие тематические ядра и определять ситуации, образы и топосы. Естественно, каждый автор мог свободно интерпретировать условности, налагаемые жанром, и изменять порядок, протяженность и известность, приписываемые каждому топосу, в соответствии с непосредственными потребностями, связанными с обменом письмами.

В то же время, письмо часто связано с реальностью через ссылки на коммуникативный процесс (составление, доставку и чтение), а также на обстоятельства и настроения, которые его сопровождают, в дополнение к ссылкам – фактически ограниченным существенным – на аспекты и проблемы повседневной жизни. На различных этапах эпистолярного процесса, который проходил в соответствии с настоящим церемониалом, письменное слово сопровождалось устным выражением и визуальными элементами. Но для нас, владеющих только письменным текстом писем, на первый план выходит передача эмоций и чувств; этот аспект делает византийское письмо истинным наследником лирической поэзии античности.

В имеющихся у нас письмах Прокопий никогда не использует традиционную формулу начала с именем отправителя в именительном падеже и именем получателя в дательном падеже, за которым следует глагол χαίρειν; редкое и позднее приветствие, ἔρρωσο (ер. 2 и 124), с другой стороны, вышло из употребления в литературной эпистографии с IV в.

Прокопий часто просит адресата отправить ответное письмо, намекающее на получение – имевшее место или не случившееся – предыдущего письма, на подарки, в случае, когда определяется отправка письма его предъявителю, на судно, которое его везет и т.д.

Однако гораздо чаще встречаются письма, которые вначале содержат настоящие проэмии, похожие на проλαλαί эпидейктических речей, как бы указывая, что для автора разница между λόγοι и ἐπιστολαί только кажущаяся. Это случается прежде всего в письмах с большей литературной претензией, поскольку они адресованы высокообразованным персонажам.

Прокопий начинает с рассказа анекдотов, исторических фактов или личных событий, чтобы направить своих читателей/слушателей к состоянию

души или психологическому состоянию, наиболее подходящему для получения письма.

Так начинается, например, ер. 1, в котором Прокопий использует молчание Пифагора (топос в византийской эпистологии), чтобы критиковать отсутствие писем от своих корреспондентов. В ер. 13, тема отъезда трех грамматиков из Газы в сторону Антиохии вводится длинной преамбулой. Προλαλιά более личного характера стоит в начале ер. 164, адресованного иатрософисту Гессию.

Заключительная часть может содержать моральные наставления, молитвы, пожелания на будущее в надежде на быстрый ответ и воссоединение с получателем; или, напротив, угрозы, которые обычно остаются открытыми и никогда не доводятся до конца. Но последние строки также являются той частью письма, в которой автор раскрывает свою иронию.

Прокопий любит прощаться со своими корреспондентами шутками, в которых проявляется сдержанное чувство юмора и острый вкус к парадоксам. См., например, «олицетворение» письма в конце ер. 41: «Прими это письмо, которое было запоздалым, но тем не менее полным уверенности в том, что оно было доставлено другу. Так что не подводи его в его надежде, отталкивая его и хмурясь перед ним, как говорят, даже опоздавшие и вряд ли успешные любовники забывают прошлые страдания из-за настоящего удовольствия. Но если бы я был к нему суров и болезненно было об этом говорить, то я бы сказал это. На самом деле, я боюсь, что тебе будет нелегко найти другого, поскольку он сочтет тебя высокомерным и примет во внимание, что пострадал предыдущий».

Пословицы, ὑψίμα и анекдоты, которые очень часто повторяются в прокопиевских письмах и украшают стиль, соответствуют диктату эпистолярного стиля и, мы можем предположить, ожиданиям отдельных лиц или публики, которым были адресованы эти письма.

Что касается ритмических предложений, то письма, кажется, подтверждают суждение Хорикия об уважении мастера к ритму; на самом деле Прокопий довольно строго применяет правило, соответствующее лучшей византийской риторике, четного числа безударных слогов между двумя последними акцентами перед паузой.

В то же время, однако, потребность в ясности влечет за собой принятие языка, более близкого к используемому, в котором риторические приемы используются экономно и есть место для современных терминов, иностранных слов или неологизмов.

Но особенность эпистолярного стиля Прокопия – это наличие реальных формул, касающихся отдельных слов и целых выразительных модулей. Например, пять писем начинаются со слов «Ты был действительно хорош» и т.д. и четыре с «Все еще молчим?».

Использование формул, возможно, было связано с характером преподавания в грамматических школах и школах риторики, в частности, в Газе, но более вероятно, что оно отвечало эстетическим вкусам получателей и публики, которым были адресованы письма. То же самое касается

противоположности формулировок, вариаций традиционных идей или вставки необычных цитат, которые украшают стиль.

Однако только глубокий анализ литературных произведений, происходящих из позднеантичной культурной среды Газы, позволит нам с уверенностью установить связь между традицией и новаторством в произведениях Прокопия».

1. Кесарию и Эвбулу¹

По поводу Пифагора Самосского² говорят, что даже он не всегда читил молчание, но для его³ [учеников] было установлено время, которое побудило бы их к употреблению слова, и такое преобразование они совершали. Но даже когда они молчали, это им ничуть не мешало обмениваться информацией; напротив, пока тишина удерживала язык, рука следовала за умом, и поэтому они возвращались [к речи], как бы издавая голос посредством букв⁴.

Если вы подражаете Пифагору, то у вашего молчания есть по крайней мере предел⁵; ведь его естественным образом уничтожит время. Если же, с

¹ Получатели этого письма, вдохновленного «темой молчания», являются двумя деятелями культуры, о чем свидетельствуют изученная синтаксическая структура письма и «ученые» ссылки на Пифагора и легенда об Алфее и Аретусе. Кесарий назван в ер. 151 учителем Созомена, бывшего ученика Прокопия. С другой стороны, Кесарий, которому адресовано это письмо, возможно, моложе Прокопия (вероятно, еще один бывший ученик), который обращается к нему фамильярно.

² Πυθαγόρας: *nominativus pendens* из постклассического греческого, ср. *Blass - Debrunner*, § 466.2; *Debrunner - Scherer*, p. 124; *Mitsakis*, § 307. Фигура Пифагора, упомянутая Прокопием также в ерр. 2, 87, 164, часто используется в письмах Поздней античности и Византии для усиления топоса молчания адресата; см. примеры, приведенные *Hunger, Literatur*, 1, p. 222, n. 58. В своей биографии философа Диоген Лаэртский (VIII, 10), ссылаясь на Тимея, напоминает, что Пифагор требовал от тех, кто стремился стать его учеником, пять лет хранить молчание, слушая его учения, не видя его; экзамен гарантировал их окончательный прием в круг учителя. См. также *Luc., Vit. Auct.* 3; *Iambl., VP* 72. Исократ (11, 28) восхищается пифагорейской привычкой к молчанию, которую он сравнивает с тем значением, которое афинское образование придавало публичным выступлениям. Во II в. Пифагор стал образцом греческого философа и религиозного человека, о чем свидетельствует, например, «Жизнь Аполлония» Филострата, а пифагорейская философия вернулась в Поздней античности благодаря Аммония Саккасу и его ученику Плотину. О судьбе Пифагора от античности до эпохи Возрождения см. *Gaugier, Measuring; Swain, Sophists*, p. 359.

³ ὁριστο ... αὐτοίς: местоимение относится к ученикам Пифагора, пифагорейцам. Следует отметить, что Прокопий использует неперифрастический плюсквамперфект, редкую форму уже в классическую эпоху; ср. *Blass - Debrunner*, § 347; *Matino, Nota*, p. 167.

⁴ τὴν μὲν γλῶτταν ... ἐφθέγγοντο: теория «трех дискурсов» (письменной, устной и мысленной речи) берет свое начало от Платона и через стоиков и неоплатоников развивается в средние века. Об отношениях между молчанием и написанным словом в неоплатонизме см. *Hoffmann, Les bibliothèques*, p. 136-137.

⁵ πέρας εἶτω σιγῆς: плач о долгом молчании адресата — топос в позднеантичных и византийских письмах: см. *Hunger, Literatur*, 1, p. 221-222. О письме как посреднике между речью и молчанием см. *Mullett, Theophylact*, p. 27.

другой стороны, вы забрались слишком высоко¹, то вы упрямы² и не можете ответить взаимностью на любовь.

Однако легенда гласит, что Алфей³ – речной поток, существующий и поныне, несмотря на то, что она находится так далеко от Аретусы⁴, смотрит на Сицилию с Пелопоннеса и, пересекая море, заботится о том, чтобы сохранить красоту и сблечь сладость для своего ручейка. Она же [Аретуса] приветствует своего усталого любовника и отдает ему себя, и тогда вы могли бы увидеть необычайные объятия реки и источника⁵.

Вы же, напротив, нечасто посещаете⁶ нас своими речами, не отвечая взаимностью тем, кто часто посещает вас. Но если бы вы положили бы конец моим упрекам⁷!

¹ τι πλέον φέροντες: понимать, возможно, как «слишком высоко» на основе Arist., fr. 569, 25 Rose (E.A.).

² σκληροί τινες: чрезмерное употребление неопределенного местоимения τις – одна из характеристик стиля писем Прокопия. Cf. *Matino*, Nota, p. 168.

³ В древнегреческой мифологии бог одноимённой реки на Пелопоннесе, сын титанов Океана и Тефиды, отец Орсилоха. Был охотником, который влюбился в Артемиду и преследовал её по всей Греции. Не сумев добиться любви Артемиды, влюбился в нимфу Аретусу, которая, однако, не платила взаимностью; Артемида же, спасая Аретусу от преследований Алфея, превратила её в ручей. Алфей, однако, нашёл свою возлюбленную на острове Ортигия (близ Сиракуз на Сицилии) – там слились воды Алфея и Аретусы. Его течение после впадения в море продолжается в нем, что подтвердил и Дельфийский оракул.

⁴ В древнегреческой мифологии нимфа-охотница, в которую был влюблен речной бог Алфей. Алфей долго гнался за ней, она взмолилась к Артемиде и превратилась в поток. Переселилась на остров Ортигия у Сиракуз и превратилась в источник, что подтвердил Дельфийский оракул. Из Эгиона (Ахайя) в Сиракузы Аретусе посылали по морю лепешки. Имя Аретуса носит источник в историческом центре Сиракуз. Об Алфее и Аретусе см. также Fulgent., *Myth.* III, 12.

⁵ Река по-гречески мужского рода (ὁ ποταμός), равно как и ее имя Алфей (ὁ Ἀλφειός); а источник – женского рода (ἡ πηγή), и соответственно ее имя (ἡ Ἀρέθουσα) – а в русском языке наоборот. Легенда о реке Алфей, протекающей вблизи Олимпии, и сирийском кузанском источнике Аретуса упоминается – и подвергается критике – у Страбона (VI 2, 4): речной бог Алфей преследует Аретусу, нимфу из свиты Артемиды, которая убегает на остров Ортигия в Сицилии, но Алфей в виде реки достигает ее из Элиды через море, сохраняя при этом чистоту своих вод. Легенду цитируют, среди прочих, Пиндар (N. 1, 1), Павсаний (V, 7, 1-5) и Вергилий (Aen. 111, 694-696). Подобно Прокопию, Ахилл Татий также упоминает в своем романе «Левкиппа и Клитофонт» (1, 18, 1) историю Алфея и Аретусы как случай необычайной любви и, в то же время, демонстрацию непобедимой силы любви, что объясняет пристрастие к этой теме в школах риторики. Более того, в прокопиевском отрывке выделяют реминисценцию из *Him.*, or. 47, 123; 56, 75. См. также *Hunger*, *Imitation*, 28.

⁶ πρὸς ἡμᾶς: один из очень частых примеров *pluralis sociativus* в письмах Прокопия, который указывает как на самого писателя, так и на ближайших к нему людей. Это использование обычно интерпретируется в связи с практикой чтения писем в θέατρα (ср. ep. 91) как своего рода сигнал получателю, что его письма читаются публично. См., например, *Karlsson*, *Ideologie*, p. 142; *Garzya*, *L'epistolografia*, p. 371.

⁷ ἐγκλημάτων: топон Anklage, упрек адресату, который редко отвечает или вообще не отвечает на письма, ср. *Hunger*, *Literatur*, 1, p. 222, n. 60.

Если же нет ..., но предпочту ничего не говорить, чтобы не прощаться на печальной ноте.

2. Иерониму¹

Я думал, что Нил уже давно схватил тебя, и, приветствуя тебя в своей памяти, сказал слова, привычные мне: «Как счастливы дети египтян! Некоторое время они владели Нилом, подателем² всех даров, которые он умеет давать³, а ныне они захватили и твою музу, которая ничуть не менее драгоценна, чем Нил, напротив, по моему мнению, еще даже больше. Действительно, затопляя их землю, река позволяет им обогатиться, а ты, устремляя свое красноречие к душам молодых людей, направляешь их к богатству познания не менее, чем Пифагор, некогда живший среди них, а Платон после него»⁴.

Так я думал, пока ты был недалеко отсюда без моего ведома. Но когда явился податель твоего письма, я, вначале полный удивления, подумал, что это обман, и не поверил⁵ своим глазам. Потом, когда, прочитав содержание, я убедился, что этот подарок не мог принадлежать никому другому, я обрадовался, а ты как думаешь?

¹ В дополнение к другим кодексам, содержащим послания Прокопия, это письмо может быть прочитано в трех рукописях: Vat. gr. 1353, Vat. gr. 1467 e Vat. Pal. gr. 134; cf. *Garzya-Loenertz*, *Procopii*, pp. XII-XIII; *Gallavotti*, *Echi*, p. 148. Отсюда и из писем 9, 57(?), 81, 86, 91 и 124 мы узнаём, что софист Иероним Элузский учится в Александрии и, закончив обучение в Александрии и Ермуполе, возвращается в родной город, где он оставил свою жену и сына. Cf. *Garzya-Loenertz*, *Procopii*, p. XXXI-XXXII; *Downey*, *Christian*, p. 302; *Mayerson*, *City*, p. 250-251. В этом, как и в других письмах, адресованных Иерониму, Прокопий упрекает своего друга в том, что он пренебрегает своей родиной в пользу египетской земли из-за денег. Наряду с тонкой иронией сравнения Иеронима с землей Египта (ст. 24–28), письмо содержит аллюзии на античную культуру, как общую точку соприкосновения как для отправителя, так и для получателя.

² В оригинале – хорегом (предводителем).

³ Τόν Νε'ίλον ... ἐκε'ίνοϛ: празднование разлива Нила с танцами (χόροι) и песнями, задокументированное несколькими источниками; ср., напр., *Him.*, *or.* 14, 1. См. также *Vonpeau*, *La crue*, p. 406-408.

⁴ οὐδέν ἐλαττον ... ὁ Πλάτων: о Пифагоре в Египте см. *Diog. Laert.*, VIII, 3; о Платоне – *id.* III, 6-7. Также Эней Газский (*Theophr.* p. 8, 18-20 *Colonna*; см. также *ibid.*, p. 9, 5-6) говорит, что Платон «ввел в Элладу философию халдеев и египтян», в то время как Захария из Газы (*Ammon.* 455-458) напоминает, что Пифагор и Платон узнали ложное учение о метенсоматозе (переселении тел) в Египте.

⁵ ὡς δέ ... δοκε'ιϛ: интересная реалистическая черта: Прокопий узнал печать друга на внешней стороне письма, но только прочитав его содержание, смог убедиться, что это действительно Иероним. Использование δοκε'ω как «верить» уже в греческом Новом Завете очень часто встречается в письмах Прокопия; ср. *Blass - Debrunner*, §392(1)(a); *Jannaris*, § 2083. Заметим, что далее (1.14) Прокопий употребляет тот же глагол в классическом значении «казаться».

На самом деле, я думал, что сама надежда увидеть тебя снова приблизилась к осуществлению, и, конечно же, я был рад¹, что ты хотя бы на короткое время явишь свою дорожную родину.

Однако мне кажется, что ты порицаешь ее в шутку. Конечно, я не мог отрицать, что воздух над нашими головами таков, как ты сказал, и что вода напоминает тем, кто ее пьет, морскую, и пусть наш хлеб случайно замешан с ячменем; на самом деле, ты даже не преувеличил трагические тона из уважения к своей родине². Однако, друг мой наилучший³, ты должен быть благодарен ей, ибо она обучает твой ум философии⁴, чтобы ты знал, как пренебречь египетской роскошью.

Ни Калипсо, ни перемена в его натуре к лучшему не убедили мудрого Одиссея, населявшего небольшой и тоже каменистый остров – Итаку, не меньше! – предпочесть свою Итаку всему этому⁵. И даже спартиат, я полагаю, рассматривая образ жизни на своей родине, никогда не порицал Спарту.

Но я знаю, что послужило причиной твоих обвинений. Ты жаден до денег, мой дорогой!⁶ Итак, побыв какое-то время без заработка, ты кричишь

¹ συνέχαρον ... εἶ: об употреблении εἶ в качестве оти после выражений, указывающих на состояние эмоциональности (θαυμάζω, ἀγαπῶ, ἀγαπᾶσθαι, χαίρω и т.д.), встречающихся также в классическом греческом языке, ср. *Jannaris*, §§ 1947-1948.

² οἱ ... τῆς πατρίδος: об Элуде, родине Иеронима, ср. ниже и ерр. 9, 11. Ячменный хлеб упоминается Либанием (Or. 1, 8 Foerster) как пища, предназначенная для бедняков в богатой Антиохии; однако папирусы, найденные в Нессане, свидетельствуют о том, что пшеничный хлеб был обычным явлением в маленькой и засушливой Элуде. См. *Mayerson*, City, p. 251. Возможно, Иероним в своем письме критиковал свой город; во всяком случае, «трагические тона» и театральные установки были характерны для декламаций Поздней античности: см. по этому поводу *De Martino*, I sophisti, p. 99-103.

³ ὁ βέλτιστε: Прокопий употребляет этот апостроф в письмах, адресованных людям, с которыми он связан родством или глубокой дружбой: кроме Иеронима (здесь и в ер. 86, 1), это также Филипп (ер. 123, 11) и Диодор (ер. 128, 9).

⁴ πρὸς φιλοσοφίαν: о пути понимания «философии» Прокопия см. выше. Обвинение в том, что он φιλοχρήματος, которое встречается позже (24-25), создает эффектный контраст с термином: Иероним любит не мудрость, а богатство.

⁵ Ὀδυσσεῖα ... αἰρεῖσθαι: Итака называется также τρηχεῖη, «каменная», в Od. X, 417; см. также описание, которое Телемах дает Менелаю в Od. IV, 605-608. Прокопий несколько раз цитирует Одиссея как пример воздержания и верности отечеству: ср. ерр. 57 (также адресовано Иерониму) и 113 (Иерониму и Феодору), в дополнение к ерр. 80, 92 и 104; по теме Одиссея в византийской эпистолографии см. *Hunger*, Literatur, 1, p. 224, 227. Прокопий следует интерпретационной традиции, глубоко укоренившейся в византийской культуре (например, Евстафий Фессалоникийский, который называл Одиссея φιλόσοφος), восходящей к киникам и пифагорейцам, согласно которым сопротивление Одиссея песне сирен (Od. XII, 153-200) было символом отказа души отдаться планетарной музыке (небесных сфер), которая волнует человека в течение жизни. В платоновском «Федре» (259a) Сократ советует избегать таких удовольствий, как Одиссей и сирены. Неоплатонизм и христианство сделали свои собственные интерпретации этого мифа; христианские писатели подталкивали аллегорию к тому, чтобы видеть в Сирене, Кирке и Калипсо не только удовольствия, но и притягательность языческой культуры и философии, а Одиссей, привязанный к мачте корабля, становился образом Христа, пригвожденного к кресту.

⁶ ὁ λφστε: еще один апостроф, который, как и ὁ βέλτιστε, обозначает аффективную близость.

«Ай, ай!», и начинаешь многократно призывать Нил и богатство, что происходит из него. Это, если я не ошибаюсь, делает тебя сухим, как ты сам говоришь, и делает твое тело ничуть не более красивым, чем у Херефонта¹.

Но я верю, что ты любовно привязан к своей новой невесте и просто испытываешь, насколько сильно желание. Пусть же это случится, как у дорогого друга Афродиты и Эротов!²

Будь здоров³, и я надеюсь, что скоро тоже назову тебя отцом детей.

3. Пифию⁴

Если бы кто-нибудь пришел ко мне, никогда прежде этого не делая, и сделал бы вид, что не знает, есть ли у меня лира, и если бы он продолжал рассуждать о гармонии, то я бы, конечно, разобрался в этом вопросе и сразу бы понял, что этот человек является знатоком музыки.

¹ τουτο... ἐχεῖν: Прокопий в шутку распространяет действие расстояния от вод Нила на тело Иеронима, которое «увядает» без богатства. В платоновской апологии афинянин Херефонт является восторженным поклонником Сократа, который сообщает ответ Дельфийского оракула, согласно которому нет никого мудрее Сократа (21a; ср. также Х., Ар. 14). Аристофан описывает Херефонта как болезненного и бледного юношу (Nu. 504), который выходил из дома только вечером, за что получил прозвище νυκτερίς, «летучая мышь» (Av. 1296, 1564; ср. также V 1412-1414).

² ἀλλά... Ἐρωσῖν: в рукописной традиции этот отрывок подвергался различным изменениям.

³ ἐρρωσο: как и в ер. 124, 15, Прокопий придает письму оттенок «официальности», используя традиционную формулу прощания, императив ἐρρωσο (лат. Vale), сохранившийся в письмах до поздневизантийской эпохи; ср. *Koskenniemi*, Studien, p. 151-154; *Hunger*, Literatur, 1, p. 217. О терминах и формулах эпистолографического жанра см. *Stowers*, Letter Writing, p. 20; см. также ер. 9 1.

⁴ Это уникальное письмо, адресованное литератору Пифию (см. PLRE II, p. 931; *Szabat*, Teachers, p. 299) и ответ Прокопия на просьбу о книге, которой у него до сих пор нет. Многочисленные ссылки на религиозную сферу Аполлона (2 λύραν, ἀρμονίας; 3 μουσικός; 5 Πυθώδε; 7 и 16 Μουσα) предполагают, что «Пифий» — это псевдоним, или что Прокопий построил стиль письма на основе имени получателя в своеобразной юмористической игре. Что касается общей темы обмена книгами, см. ер. 28, 63, 71, 89, 105 и 147; кроме того, Эней из Газы в своем ер. 1 Иоанну упрекнул его в том, что тот не вернул книгу, которую он дал ему взаймы. В своей эпитафии учителю Хорикий из Газы говорит, что Прокопию достался дом, полный книг, и он не может оставаться без книги в руке (ог. VIII, 16 = Proc. Gaz., Test. IV). Ничего не известно о существовании публичных библиотек в Газе; поэтому разумно предположить, что, подобно современным деятелям культуры из других областей (например, Диоскору из Афродито: см. реконструкцию *Fournet*, Hellenisme, 1, p. 9-237; 11, p. 669-690), а также газийской интеллигенции V-VI вв., у них были личные копии книг, которые они использовали для преподавания, и широко распространено было предоставление книг взаймы и обмен. О библиотеках и книжном обращении в Газе см. исследование (*ter Haar Romeny B.* Procopius of Gaza and his Library // From Rome to Constantinople: Studies in honour of Averil Cameron. Leuven, 2007. P. 173-190), посвященное прежде всего религиозным текстам.

Если бы, напротив, речи были сосредоточены на оружии, говорили бы о битвах и всегда рассказывали бы истории войн, то, конечно, не было бы необходимости идти к Пифону¹, чтобы сказать, что это воин.

Но что я имею в виду? Ты, конечно, уже понял, но, тем не менее, я тебе скажу. Мне кажется, что Музы поистине обитают в твоей душе: будучи одержимым этими богинями, ты проживаешь свою жизнь, посвященную им, и ничто для тебя не достойно восхищения помимо книг, речей и многого другого, что ведет душу к лучшему.

За это ты был у нас гостеприимно встречен, завязав дружбу удобным, я полагаю, для себя способом². И, может быть, ты не ошибся в надежде, которую возлагаешь на нас, и у нас есть книга, которую ты просишь! Так что, по сути, у тебя всегда будет то, что ты хочешь, а для меня было бы очень важно в плане репутации сделать тебе подарок.

Теперь же я клянусь – и не сократовским платаном, а самими (его) словами³, – что я еще не получил этого драгоценного предмета, хотя очень давно желаю его. Но скоро – клянусь Гермесом и Музами⁴! – привезут мне (его) из города Александра⁵. Собственно, оттуда нам его и отправят назначенные люди.

Так что, если дело пойдёт, ты непременно увидишь⁶, что я обращусь к тебе сам, чтобы поделиться им с тобой, как будто бы я сам стремился его получить.

¹ Πυθώδε: т.е. Дельфы (ср., напр., Pi., P 4, 66; Hdt., 1, 54 и др.), с явной игрой слов между Πυθώ и именем, настоящим или вымышленным, адресата письма, Πύθιος («Пифий», эпитет Аполлона и имя собственное у Геродота, который в VIII, 27–28 рассказывает о Пифии из Лидии и его щедрости по отношению к Ксерксу).

² ἀρχὴν ... σαυτῶ: о теме φιλία в позднеантичных и византийских письмах см. *Koskenniemi*, Studien, p. 115–127; *Karlsson*, Ideologie, p. 16–23; *Hunger*, Literatur, 1, p. 224.

³ τὴν ... αὐτούς: формула клятвы намекает на платан locus amoenus, который упоминается в платоновском «Федре» (229b, 230b–c, al.), и, возможно, косвенно на золотой платан, который, согласно Геродоту, Пифий должен был дать Дарию. λόγοι, возможно, – «речи Сократа», может относиться к содержанию книги, вероятно, к сборнику диалогов Сократа.

⁴ σύν ... εἰρήσθω: «языческий» вариант формулы σύν θεῶ δ' εἰρήσθω, который встречается в ерр. 46, 1 и 153, 7. Как бог риторики Гермес является частью мифологического аппарата византийской письменности; см. примеры, приведенные *Hunger*, Literatur, 1, p. 226–227, n. 102, 103; *Hunger*, Imitation, p. 28. Отрывок из хорикиевой эпитафии Прокопию (ор. VII, 5): «[Прокопий] пришел в гимнасий Гермеса, где прошли годы тех, кто все еще изучает сочинения Муз») поясняет, что «Музы» и «Гермес» относятся к обучению, полученному начинающим ритором в школе γραμματικὸς и ρήτωρ; это образование, предполагающее изучение сначала поэзии (в частности, Гомера), а затем прозы; см., например, *Morgan*, Education, p. 71–72. В действительности же, как указывает Крибиоре School, p. 159–165), поэзия продолжает изучаться и в школе ρήτωρ. По этой причине Музы и Гермес часто упоминаются вместе как символ риторического искусства; ср. например, Him., or. 47, 6; 48, 6; Lib., Ep. 884, 1; 919, 2; Chor., ор. XXI, 105 e XLII, 116, p. 368, 542; Jo. Gaz., anacr. 1, 13–14 (где также появляется Аполлон, возможно, из-за поэтического контекста).

⁵ ἐκ τῆς Ἀλεξάνδρου: т.е. Александрия, также называемая таким же образом в ерр. 86, 87, 99, 104, 120 и 156 (и «Македонский город» в ерр. 57 и 104). Фактически город был основан Александром Македонским в 331 г. до н.э.; о легендах, связанных с его основанием (в Plut., Alex. 36, 5; Str., XVII, 1, 6; Amm. Marc., XXXII, 16, 7 и др.), см. *Haas*, Alexandria, p. 22 и 365.

⁶ εἰ ... ἐκβαίη, οὐεῖ: гипотетические периоды с протасисом в опативе и аподозами в изъявительном падеже, встречающиеся как в сочинениях авторов Второй софистики, так и

4. Герману¹

Как печалются добрые люди, когда они проявляют себя, а затем от них отворачиваются люди, которые их знают; теперь я говорю это другим, после того, как узнал это на деле.

Ведь и прежде мне было известно, что ты посвятил себя красноречию. Если тебе интересно, откуда, то, со мной были учителя, которые, испытав тебя, восхищались тобой. Но когда я тоже узнал тебя, общаясь с тобой, я был благодарен судьбе и, наоборот, я упрекал ее, если, дав мне, как говорится, кончиками пальцев² отведать такое великое лакомство, она потом лишила меня удовольствия. И настоящее меня не столько радовало, сколько печалили перспективы будущего. Я полагал ведь, что ты непременно покинешь нас и очень скоро уедешь. Это все же случилось, и теперь, когда это произошло, я страдаю; я не знаю, как это исправить, а ты делаешь все, чтобы еще больше разжечь нашу любовь³ несмотря на то, что ты далеко. И вот, ты победил, превзойдя даже мои надежды своей заботой обо мне.

Но, может быть, кто-то из богов, благосклонный к нам, очень скоро возвратит тебя к нам!

5. Иоанну⁴

Если бы существовали судебные процессы за равнодушие к друзьям, и если бы кто-нибудь подал на меня в суд и обвинил меня именно в этом, то есть, что я совершил серьезную несправедливость, пренебрегая другом, – я не верю,

в папирусах, свидетельствуют об известной трудности в овладении оптативом, ныне исчезнувшим из разговорного языка («это неаттический провинциализм или смешение нескольких редких аттических утонченностей?»).

¹ Из этого единственного письма, адресованного Герману, следует, что он бывший ученик Прокопия, уехавший из Газы, чтобы продолжить учебу в другом городе, – очень распространенная ситуация среди корреспондентов Прокопия: Rose di Gaza. 2010. P. 442.

² акрф δακτύλφ: cf. Ep. 120, 4 e E., IT266; Va. 709, есс. (ακροισι δακτύλοισι); Luc., De-mon. 4; Bis Acc. 8; Rh.Pr. 1 1 (акрф τφ δακτύλφ); есс.

³ τόν ερωτα: использование Прокопием таких терминов, как ερωσ и λόθος, относящихся к мужским персонажам, следует понимать как дань условностям греческого φίλια без какого-либо сексуального подтекста. По этому поводу см. Stowers, Letter Writing, p. 29-31.

⁴ Данное письмо – ответ Прокопия на обвинения Иоанна в молчании. Это имя получателя ep. 22, 56, 126, 149, 156 (?) и 158, из которых следует, что он был ритором и юристом с поэтическими и философскими интересами, практиковавшим в Александрии и Кесарии («Ioannes 50», PLRE II, p. 606; Szabat, Teachers, p. 259). Кроме того, в ep. 71 Прокопий говорит об Иоанне σοφώτατος, который, в отличие от Стефана, был прав в обмене книгами, тогда как в ep. 82 он рекомендует своим братьям, Захарии и Филиппу, Иоанна, сына Леонтия и родственника их семьи. Иоанн также является получателем Ep. 1 Энея из Газы о возвращении книги; в своем комментарии Масса Позитано (Enea, p. 70-71) совершенно гипотетически предлагает отождествление с Иоанном Газским, поэтом и грамматиком, автором анакреонтических стихов и экфрасиса настенной росписи в здании терм. На самом деле, в ep. 149 тот факт, что получатель является учителем (который рекомендует Прокопию своего ученика Муселия), как и фраза «мудро предлагающего божественные принципы через нектар Муз», — полностью согласуются с Иоанном Газским из экфрасиса и anacr. 5. Однако представляется, что это мог быть и адвокат, которому адресованы другие письма. См.: Rose di Gaza. 2010. P. 442.

что смогу выиграть дело¹, кроме как представить тебя в качестве свидетеля, но теперь, не ведаю как, ты явился моим обвинителем: твои слова дошли до меня так неожиданно, если пустяк заставил тебя усомниться во мне.

На самом деле я знаю, что оба (в действительности) недружащих, (порой) густо поражают друг друга своими письмами, когда хотят притвориться (друзьями); (но) оба друга молчат, когда, довольствуясь лишь воспоминанием об отсутствующем (друге), заняты с другими.

Поэтому письмо не является признаком привязанности или молчание — знаком порицания, если умом не подтверждается и то, и другое.

Но забудь об этих вещах и подумай вот о чем: если у меня когда-нибудь будет причина забыть о тебе, если в каждой речи или поступке, достойных восхищения, я веду себя так, как будто украшаю себя памятью о тебе, и если, произнося имя Иоанна, я всегда добавляю к этому слову прилагательное «сладкий».

Если ты подумаешь обо всем этом, то оценишь больше того, кто молчит, чем того, кто говорит, даже если на языке его звучит бронза Додоны².

Но не думай, что ты молчишь, пользуясь этим оправданием; иначе мы провозгласим иное.

6. Брату Захарии³

¹ εἰ ... κατήγορον: юридический технический язык, используемый в этой части письма (γραφαί, δικάστηριον, κατηγορών, ἀδικοίην, μάρτυρα, κατήγορον) отчасти по причине топоса (упрек адресату, который редко отвечает или вообще не отвечает на письма), и отчасти из-за того, что Иоанн — адвокат.

² τό Δωδώνης ... χαλκεῖον: Додона в Эпире была местом знаменитого оракула Зевса, уже упомянутого в гомеровских поэмах (II. XVI, 233–235; Od. XIV, 327–328). Голос бога был слышен сквозь шелест листьев большого дуба и истолковывался жрецами (называемыми Σελλοί) и жрицами (называемых Πελεΐάδες, «голубки»). Археологические раскопки дали несколько свинцовых листов, на которых были записаны вопросы к богу (некоторые из них опубликованы: Luck, Arcana Mundi, p. 48–51). О святилище Додоны см. большое исследование Eidinow, Oracles, p. 59–124. «Бронза Додоны», вероятно, относится к ряду жаровен, поставленных на бронзовые треножки, возле которых стояла статуя юноши, держащего кнут; когда хлыст, рассекая ветер, ударял по жаровням, производился шум, который, вероятно, приводил в экстаз жрецов бога; см. Johnston, Divination, p. 66–68 (с указанием древних языческих и христианских источников).

³ Многие письма в переписке Прокопия адресованы его брату Захарии («Zacharias 1», PLRE 11, p. 1193–1194), ритор (Ерр. 18 и 38), который стал чиновником в Константинополе при императорском консistorии вместе с другим братом, Филиппом (Ер. 45). Захария имел контакт с Диодором (ер. 8), от которого он получил неуказанные преимущества (ер. 32). Он также практиковал профессию судьи (ер. 154); на самом деле Прокопий обращается к нему в этом и в других письмах, чтобы обиженные люди добились справедливости. Из ер. 12 оказывается, что Захария был правителем Родоса (ἀρχων: praeses insularum), возможно, до переезда в Константинополь; также относятся к этому периоду ерр. 43, 44 и 154 (PLRE II, loc. cit.). Об отождествлении Захарии с братом Прокопия см. Rose di Gaza. 2010. P. 3–4, n. 16. Захария, брат Прокопия Газского, был ритором и адвокатом в Восточной префектуре претория (Zacharias 1 // PLRE II. P. 1193–1194), и, по мнению Э. Амато, газский ритор обращается к нему, дабы он оценил представляемое дело с юридической точки зрения, см.: Rose di Gaza. 2010. P. 443. Судя по всему, речь идет о местной знатной семье, с которой поддерживал связи Прокопий.

Желая рассказать тебе об этом замечательном человеке¹, я боюсь, как бы напрасно не причинил тебе раздражение, говоря о том, что уже известно.

Действительно, ты знаешь, какой он человек²: посвятив всю свою жизнь Богу, он полон ненависти ко всему человеческому и цепляется за надежду, которая исходит свыше; за это он стал добычей нечестивых и удостоен страданий.

Ты же знаешь, есть и другой – мне стыдно называть его братом³! – он считает, что единственной добродетелью является совершение всякого зла: он долгое время пренебрегал столь измученным голодом братом, не собираясь обеспечить его из собственных средств тем, что должно исходить от человека добрых чувств, если того требуют обстоятельства.

Теперь, однако, мой упрек касается не того, что он пренебрег тем, что подходит для истинных мудрецов, но что, возгордившись желанием узнать, что принадлежит ему, он взял это; напротив, он часто упрекает своего брата и также несколько раз бил его.

Так как он считает свое мнение законом, то, может быть, он отождествил его с природой, потому что не изобрел больше средств для зла. Поэтому эти его действия – не кульминация его злобы, а скорее прелюдия к его будущим злодеяниям.

Когда его мать, уже старая, надеялась пожинать плоды воспитания детей как женщина, пользующаяся уважением по возрасту и знатному происхождению даже у чужих, он неоднократно оскорбляет ее⁴ и несколько раз поднимает руки на ту единственную, кто его породил – о Зевс! – без оглядки на природную связь, возраст, жалкую седину или любящее имя матери. Наоборот, он даже жестоко схватил ее, повалил на землю и бил ногами, а она, как это было естественно, кричала и оплакивала сына.

И что не сказала бы мать, которой пришлось терпеть такой гнет от своего ребенка, после того, как она родила его, воспитала и ожидала от него столько прекрасных надежд?

¹ κατά τόν ἀρίστον τόνδε: Прокопий иногда предпочитает оставлять анонимными персонажей, о которых он говорит в своем письме; этому соответствует, например, употребление местоимения ὁ δεῖνα в некоторых письмах (напр., ерр. 14, 61 и 157). В большинстве случаев это предосторожность на случай, если письмо потеряется или попадет не в те руки: случай, кажется, далеко не редкий в византийскую эпоху; ср. *Hunger, Literatur*, 1, p. 230.

² καθέστηκεν: совершенный с приведенной стоимостью. В своих письмах Прокопий часто употребляет перфектное изъявительное число καθίστημι (καθέστηκε и т.д., букв.: «я поставил себя» и т.д.) в значении настоящего изъявительного наклонения εἰμί («я емь» и т.д.).

³ ἀδελφόν: термин ἀδελφός мог пониматься как в буквальном смысле, так и как «брат во Христе» (и, следовательно, «христианин», поскольку он «посвятил свою жизнь Богу») или «коллега»; ср. PGL, s.v. Далее и в любом случае употребляется в собственном смысле, имея в виду члена семьи, с которым человек, о котором идет речь в письме, жестоко обращался с собственной матерью.

⁴ ταύτην ... κακώς: использование πολλάκις с аористом вместо имперфекта характерно для постклассического греческого языка.

В конце концов же и из дома ее выгнал, бедную, нагую и лишенную самого необходимого, даруя ей, пожалуй, лишь одно – освобождение от своего общества.

Теперь он гордится несчастьями, вызванными этими действиями, а у пожилой женщины, которая первая среди нас по благородству, есть надежда выжить, (лишь) занимаясь физическим трудом.

Но для нашего доброго человека ее страдание стало новым несчастьем: не имея средств прокормить себя, он принял ее (содержание) на себя и, хотя она умножает его бедность, по крайней мере, таким образом он платит свой долг перед природой.

И теперь они живут вместе, имея единственное утешение в том, что они не больше страдали; тем не менее мать, которая, несомненно, претерпела все беды, какие только может вынести женщина, имеет единственной причиной жизни помнить свои собственные несчастья, плакать при их воспоминании и показывать свою грудь Справедливости¹, рассказывая о своих страданиях.

Итак, имей все это в виду и не думай, что мы прибавили что-либо к истине: напротив, как и подобает в письме, мы указываем только существенные стороны его зла. Оцени свое рвение относительно нечестия этого человека и стань, как хочет от тебя Бог, законом дружбы и надеждой угнетенных.

«МИРИБИБЛИОН» ПАТРИАРХА ФОТИЯ (СОД. 1-83)

А.А. Логвинова (Белгород)

Патриарх Фотий I (около 820-891 гг.) – византийский богослов, Константинопольский Патриарх (857-867 и 877-886 гг.).

Главное сочинение Фотия – «Библиотека» (Μυριοβιβλιον, греч. Μυροβίβλιον). Название дано издателями этого памятника. Содержит реферативные обзоры и извлечения (иногда весьма протяжённые) из сочинений ораторов, грамматиков, врачей, историков, географов, христианских богословов, из соборных постановлений, житий святых и др. Почти полностью отсутствуют рефераты поэтических сочинений древних, а также Платон и Аристотель. Особую ценность представляют извлечения из исторических сочинений, так как Фотий располагал документами, которые впоследствии были утеряны.

Это своеобразный «конспект» книг, которые он читал. Фотий читал как христианских, так и языческих авторов. Всего «Библиотека» содержит 280

¹ τὴν θηλείην... ἢ τὴν Δίκην: для женщины показывать грудь есть указание на высший пафос: ср. П. XXII, 80; Е., Ор. 527, 841; Ph. 1568-1569; есс. Прокопий использует тематическую форму ὑποδείκνυ εἶν инфинитива настоящего времени от ὑποδείκνυμι, а немного дальше появляется атематический инфинитив настоящего времени δεῖκνύναι. О сосуществовании тематических и атематических источников глаголов на -μι в новозаветном греческом языке и в сочинениях аттицистов см. *Anderson, The Second Sophistic*, p. 89.

таких «конспектов» («кодексов»), сопровождаемых обычно критическими заметками патриарха, относящимися к содержанию и литературной форме этих произведений, а также к характеру мирозерцания их авторов. Всего в «Библиотеке» упоминается около 400 названий.

Данный труд патриарха Фотия имеет важнейшее значение для исторической науки, ибо он сохранил ценные сведения о тех памятниках письменности, которые ныне утеряны. Труд был написан еще до того, как Фотий стал патриархом, и не предназначался для издания.

Основная работа о Фотии: *Hergenrother J. Photius, Patriarch von Konstantinopel. Regensburg, 1867-1869. Bd. I-III. На рус. яз.: Каждан А.П. История византийской литературы (850-1000 гг.). СПб., 2012. С. 11-48 (в целом); с. 15-32 (о «Библиотеке»); Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Эллинизм в Византии IX века. СПб.: Алетейя, 2018. 266 с. (глава IV).*

Основное издание: *Photii Bibliotheca / Ed. R. Henry. Vol. I-VIII. P., 1959-1965.*

Политическая и литературная деятельность патриарха Фотия была первым значительным культурным явлением в послеиконоборческий период. Фотий происходил из знатной константинопольской семьи, которая пострадала от иконоборцев: его отец потерял имущество и служебное положение. Несмотря на это, он дал сыну лучшее по тем временам образование. Фотий стал энциклопедически образованным человеком.

Карьера Фотия как патриарха и фактического правителя государства началась внезапно. Причиной стремительного возвышения императорского протоспафария и секретаря были раздоры между кесарем Вардой и патриархом Игнатием, которого лишили сана и отправили в ссылку. Варда угадал в Фотии незаурядные дипломатические способности; по инициативе кесаря Фотий был назначен преемником Игнатия. Было устроено так, что будущий патриарх прошел все ступени священства за несколько дней и в день рождества 857 г. служил обедню в храме св. Софии уже как глава византийского духовенства.

За всю свою жизнь Фотий никогда не оставлял литературной деятельности. Как глава восточной церкви он написал множество полемических и догматических сочинений. Но его значение для византийской литературы заключалось в другой стороне его занятий. За Фотием, не без основания, сохранилась репутация величайшего знатока и собирателя произведений античной классики. Дом Фотия в течение многих лет был местом собраний любознательной молодежи. На этих собраниях читались вслух и затем обсуждались сочинения византийских и античных авторов.

Плодом этих совместных чтений явился огромный труд Фотия – «Мириобиблион». Простыми пересказами прочитанного Фотий не ограничивался. Нередко статьи у него содержат характеристику автора, привлечшего его внимание. Эти характеристики касались не только сущности творчества разбираемых авторов, но и их стиля, – при этом Фотий показал себя как горячий поклонник чисто аттической архаики.

Состав «Мириобиблиона» пестр. Часть его, по вполне понятным причинам, занимают изложения экзегетических сочинений Василия Кесарийского, Феодорита Кирского и других основоположников христианской доктрины.

Тем не менее, значительна и античная часть «Мириобиблиона». При этом Фотий совершенно игнорирует античную поэзию и драматургию, занимаясь в основном литературой философской и исторической, и отдавая при этом предпочтение эпохе второй софистики. Наряду с изложениями исторических трудов Геродота и Фукидида, Фотием сделаны обстоятельные переложения романов Гелиодора, Ямвлиха, Аполлония Тианского. Одной из характерных и блестящих статей «Мириобиблиона» является небольшая статья о Лукиане.

Таким образом, «Мириобиблион» составляет определенную и весьма важную эпоху в развитии византийской литературной критики и в освоении Византией античного наследия.

Все произведение Фотия имеет традиционную единицу деления: «список» (codex). Таких «кодексов» в печатных изданиях, по традиции, идущей от одной из рукописей-прототипов, дается 280. Однако некоторые "кодексы" включают в себя описание нескольких книг.

Тематический состав «Библиотеки» выглядит так:

Теология: cod. 1-2, 5-13, 25-26, 32, 38, 43, 51, 86, 106, 109, 110-114, 116, 125-126, 139, 141-144, 168, 170-174, 183-184, 191-207, 207, 222, 228-237, 240, 270-277;

Философия: cod. 39, 44, 48, 151, 154-156, 181, 187, 212, 214, 215, 223, 241-242, 247-249, 251, 278;

Полемические труды богословско-философского характера: cod. 4, 14, 21-24, 45-46, 49-50, 55-56, 75, 81, 85, 95, 102, 104-105, 107-108, 115, 117-118, 120-123, 130, 136-138, 140, 162, 169, 176-177, 179, 182, 208, 225-227, 280;

Риторика: cod. 61, 74, 90, 100-101, 132-135, 158-160, 165, 185, 209, 211, 243, 259-268;

Филология: cod. 73, 87, 94, 128-129, 145-150, 152-153, 157, 161, 239, 245-246, 279;

Деяния Соборов: cod. 15-20, 52-54, 59, 88;

Церковная история: cod. 27-31, 40-42, 89;

Историография: cod. 3, 33-35, 47, 57-58, 60, 62-72, 76-80, 82-84, 91-93, 97-99, 127, 131, 175, 213, 224, 238, 244, 250;

Патристика: cod. 96, 119, 252, 256-258, 269;

Мартиролог: 253-255;

Мифология: cod. 180, 186, 188-190;

Политика: cod. 37, 103;

Медицина: cod. 163-164, 178, 216-221;

Топография: cod. 36;

Зоология: cod. 278;

Разное: cod. 124, 166-167.

По количеству кодексов «Библиотека» состоит на 56,4% из христианских и на 43,6% – из светских произведений. По реальному объему (количеству страниц) – напротив, на 42% из христианских и на 58% из светских текстов. Иными словами, из 168 авторов «Библиотеки» – 99 светских¹.

Существуют различные оценки Фотия как рецептора античности – от апологетических (любитель и хранитель античности) до весьма сдержанных (Кассия Сенина). На наш взгляд, Фотий интересовался античностью не просто как интеллектуал, обязанный знать классический фундамент византийской культуры, энциклопедист и антиквар. Он должен был испытывать интерес и даже любовь к этим сочинениям, иначе трудно объяснить поистине средневековое усердие не просто в переписывании, а именно в конспектировании огромного количества сочинений. К христианским же трудам он относился более «профессионально» и менее эмоционально.

Было бы интересно в будущем выстроить текст «Библиотеки» в условном хронологическом порядке, начиная с античных кодексов. Однако, эта задача затруднена поистине гигантскими выписками из некоторых сочинений второй половины собрания.

Настоящая публикация является исключительно ознакомительной, не преследует сугубо научных целей, имеет элементарный научный аппарат. Оно составлено из уже существующих переводов, с нашими дополнениями. Задача – ознакомление с важными текстами, которые до сих пор не имеют академического русского перевода.

Структура следует нормативному изданию Анри, которая приводится ниже полностью.

Содержание кодексов

1 том нормативного издания Анри, кодексы 1-83

1. Феодор Пресвитер. О подлинности сочинений Дионисия Ареопагита.
2. Адриан монах. Введение в сочинения.
3. Нонн. История.
4. Феодор из Мопсуэстии. Василию против Евномия.
5. Софроний. Василию против Евномия.
6. Григорий Нисский. Василию против Евномия.
7. Григорий Нисский. Василию против Евномия.
8. Ориген. О началах.
9. Евсевий. Приуготовление к Евангелию.
10. Евсевий. Доказательства в пользу Евангелия.
11. Евсевий. Приуготовление к Церкви.
12. Евсевий. Доказательства в пользу Церкви.
13. Евсевий. Опровержение и защита.
14. Аполлинарий. Против язычников, О Благочестии, и Об Истине.

¹ *Иванов И.А.* «Мириобиблион» Фотия как источник по истории философии // Вестник ИНЖЭКОНА. Вып. 4 (55). СПб.: СПбГИЭУ, 2012.

15. Геласий Кизикский. Акты I Никейского собора.
16. Деяния III Эфесского собора.
17. Деяния IV Халкидонского собора.
18. Деяния V Константинопольского собора.
19. Деяния VI Константинопольского II собора.
20. Деяния VII Никейского II собора.
21. Иоанн Филопон. О Воскресении.
22. Феодосий монах. Об опровержении Иоанна Филопона.
23. Конон и другие. Инвективы против Иоанна Филопона.
24. Акты спора между тритеистами и сомневающимися.
25. Иоанн Златоуст. Заметки о смерти и проповеди.
26. Синесий Киренский. О Промысле, и о прочем.
27. Евсевий. Церковная история.
28. Сократ. Церковная история.
29. Евагрий Схоластик. Церковная история.
30. Созомен. Церковная история.
31. Феодорит. Церковная история.
32. Афанасий. Письма.
33. Юст Тивериадский. Хроника царей Иудейских.
34. Юлий Африкан. Хронография.
35. Филипп Сидет. Христианская история.
36. Козьма Индикоплов. Христианская топография.
37. Аноним. О Правлении.
38. Феодор из Мопсуэстии. Комментарий к кн. Бытия.
39. Евсевий. Против Иерокла.
40. Филосторгий. Церковная история.
41. Иоанн Эгский. Церковная история.
42. Василий Сицилийский. Церковная история.
43. Иоанн Филопон. О Шестодневе.
44. Филострат. Жизнь Аполлония Тианского.
45. Андроникиан. Против евномиан.
46. «Феодорит». Против ересей.
47. Иосиф Флавий. Иудейская война.
48. «Иосиф Флавий» (возможно, Ипполит). О Вселенной.
49. Кирилл Александрийский. Против Нестория.
50. Никий монах. Против Семи глав Филопона.
51. Гесихий. О медном змие.
52. Акты собора в Сиде 383 г., против мессалиан.
53. Акты Карфагенского собора 412 (или 411) г., против пелагиан.
54. Копии Постановлений, данных против доктрины Нестория епископам Запада.
55. Иоанн Филопон. Против IV собора.
56. Феодорит Киррский. Против ересей.
57. Аппиан. Римская история.
58. Аппиан. История Парфии.

59. Акты Собора под Дубом, 403 г.
60. Геродот. История.
61. Эсхин. Против Тимарха; О преступном посольстве; Против Ктесифонта.
62. Праксагор Афинский. История Константина Великого.
63. Прокопий. История.
64. Феофан Византийский. История.
65. Феофилокт Симокатта. Истории.
66. Никифор. Эпитома Истории.
67. Сергей Исповедник. История.
68. Кефалион. Эпитома Истории.
69. Гесихий Иллюстрий. История.
70. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.
71. Кассий Дион. История.
72. Ктесий. История Персии; История Индии.
73. Гелиодор. Эфиопика.
74. Фемистий. Политические речи – Лесбонакс. Речи.
75. Иоанн Филопон. О Троице против Иоанна Схоластика.
76. Иосиф. Иудейские древности.
77. Евнапий. Хроника.
78. Малх. Византийская история.
79. Кандид. История.
80. Олимпиодор. Истории.
81. Феодор из Мопсуэтии. О персидской магии и в чем ее отличия от христианства.
82. Дексипп. История; Эпитомы истории.
83. Дионисий Галикарнасский. Истории.

2 том, кодексы 84-185

84. Дионисий Галикарнасский. Синописис историй.
85. Гераклиан. Против манихеев.
86. Иоанн Златоуст. Послания.
87. Ахилл Татий. Приключения Клитофонта и Левкиппы.
88. Геласий Кизикский. Постановления Никейского собора.
89. Геласий Кесарийский. Продолжение Истории Евсевия Памфила.
90. Либаний. Различные сочинения.
91. Арриан. История правления Александра.
92. Арриан. Продолжение.
93. Арриан. Вифинская история.
94. Ямвлих. Драматикон (Вавилониака).
95. Иоанн Скифопольский. Против схизматиков.
96. Георгий Александрийский. Жизнь св. Златоуста.
97. Флегон Тралльский. Собрание хроник и Список олимпийских победителей.
98. Зосим. Новая история.

99. Геродиан. История.
100. Император Адриан. Декламации.
101. Викторин. Панегирик императору Зенону.
102. Геласий Кесарейский. Против аномеев.
103. Филон Иудей. Аллегории священных законов; О гражданской жизни.
104. Филон Иудей. О ессенах и терапевтах.
105. Филон Иудей. Осуждение Гая; Осуждение Флакка.
106. Феогност Александрийский. Ипотипы (Наброски). Очерки.
107. Василий Киликийский. Против Иоанна Скифопольского.
108. Феодор Александрийский. Против Фемистия.
109. Климент Александрийский. Ипотипы (Наброски).
110. Климент Александрийский. Педагог.
111. Климент Александрийский. Строматы.
- 112-113. Климент Римский. Апостольские установления; Узнавания.
114. Лукий Харинский. Обзорение апостолов: Акты Петра; Акты Иоанна; Акты Андрея; Акты Фомы; Акты Павла.
115. Аноним. Против четверодесятников – Метродор. О дате Пасхи.
116. Аноним. Третий том Святого Праздника Пасхи, в 8 книгах.
117. Аноним. В защиту Оригена.
118. Памфил и Евсевий. Защита Оригена.
119. Пиерий. Гомилии.
120. Иреней. Против ересей.
121. Ипполит. Против ересей.
122. Епифаний. Панарион.
123. Епифаний. Якорь.
124. Епифаний. О весах и мерах.
125. Иустин Мученик. Апология.
126. Климент Римский. Письма к коринфянам – Поликарп. Письмо к филиппийцам.
127. Евсевий. Жизнь Константина.
128. Лукиан. Диалоги.
129. Лукий Патарский. Метаморфозы.
130. Дамаский.
131. Аминтиан. Об Александре.
- 132-135. Палладий и др. Декламации.
136. Кирилл Александрийский. Сокровища.
137. Евномий Кизикский. Апология.
138. Евномий. Против Василия; Письма.
139. Афанасий. Комментарии к Экклезиасту и Песни Песней.
140. Афанасий. Против Ария и его доктрины.
141. Василий. Шестоднев.
142. Василий. Моральные рассуждения.
143. Василий. Письма.
144. Василий. Аскетика.

145. Элладий. Лексикон.
146. Аноним. Лексикон «чистого стиля».
147. Аноним. Лексикон «строного стиля».
148. Аноним. Лексикон «политического стиля».
149. Валерий Поллион. Лексикон.
150. Юлиан. Лексикон – Филострат. Лексикон. – Валерий Диодор. Лексикон.
151. Тимей. Лексикон к Платону.
152. Элий Дионисий Галикарнасский. Лексикон аттических слов.
153. Павсаний. Лексикон.
154. Боэций. Список платоновских слов.
155. Боэций. О словах, выражающих сомнительные намерения у Платона.
156. Дорофей. О новых и иностранных словах у Платона.
157. Мерис. Аттические слова.
158. Фриних Арабский. Риторический арсенал.
159. Исократ. Речи; Письма.
160. Хорикий. Декламации.
161. Сопатр. Различные извлечения.
162. Евсевий Фессалоникийский. Против афартодокетов.
163. Винданий Анатолий Бейрутский. Собрание сельскохозяйственных наставлений.
164. Гален. О медицинских школах.
165. Гимерий. Речи.
166. Антоний Диоген. О невероятных чудесах по ту сторону Фулы.
167. Стобей. Извлечения, Сентенции и наставления.
168. Василий Селевкийский. Рассуждения.
169. Кирилл Александрийский. Против Нестория.
170. Аноним. Сумма текстов, предсказывавших христианство.
171. Евстратий Константинопольский. О положении душ после смерти.
- 172-174. Иоанн Златоуст. Гомилии на Бытие.
175. Памфила. Различные исторические записки.
176. Феопомп. Филиппика.
177. Феодор из Мопсуэстии. Против защитников настоящих грешников.
178. Диоскорид. Медицинский справочник.
179. Агапий. Манихейские памфлеты.
180. Иоанн Лид. О знамениях и др.
181. Дамаский. О жизни философа Исидора.
182. Евлогий Александрийский. Против Навата.
183. Евдокия. Парафраза на Октатевх.
184. Евдокия. Парафраза на Захарию и др.
185. Дионисий из Эг. Диктиака

3 том, кодексы 186-222

186. Конон и другие рассказы, а также «Мифологическая библиотека» Аполлодора.
187. Никомах Гераский. Арифметическая теология.
188. Александр Миндский. Собрание чудес. – Протагор. Всеобщая география.
189. Сотион и др. Странные рассказы.
190. Птолемей Гефестион (Хенн). Новая история.
191. Василий Кесарийский. Аскетические сочинения.
192. Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию.
193. Максим Исповедник. Письма (27).
194. Максим Исповедник. Различные письма и теологические центурии.
195. Максим Исповедник. Письмо и диалог между Пирром и Максимом.
196. Ефрем Нисибийский. Различные парафразы.
197. Кассиан. Три сочинения.
198. Аноним. Сводка духовных молитв.
199. Иоанн Мосх. Духовная молитва.
200. Марк монах. Различные сочинения.
201. Диадох Фотикийский. Различные сочинения.
202. Ипполит Римский. Комментарий на Даниила и О Христе.
203. Феодорит Киррский. Комментарий на Даниила.
204. Феодорит Киррский. Вопросы на Октатевх.
205. Феодорит Киррский. Комментарии к 12 пророкам.
206. Прокопий Газский. Различные схолии.
207. Прокопий Газский. Комментарии на Исаяю.
208. Евлогий Александрийский. Против навициан.
209. Дион из Прусы. Рассуждения.
210. Кесарий Назианзин (Пс.). Вопросы и ответы.
211. Дионисий из Эг. Диктиака
212. Энесидем. Пирроновы писания.
213. Агатархид Книдский. О Красном море.
214. Гиерокл. О провидении и судьбе.
215. Иоанн Филопон. Против трактата о статуе Ямвлиха.
216. Орибасий. Эпитомы трудов Галена.
217. Орибасий. Медицинская коллекция.
218. Орибасий. Эпитомы медицинской коллекции.
219. Орибасий. Евфористы.
220. Теон Александрийский. Человек.
221. Аэций Амидский. Медицинские сочинения.
222. Иов монах. О воплощении.

4 том, кодексы 223-229

223. Диодор Тарсский. Против судьбы.
224. Мемнон Гераклеяский. История Гераклеи.
225. Евлогий Александрийский. Против Севера и Феодосия.

226. Евлогий Александрийский. Против Феодосия и Севера.
 227. Евлогий Александрийский. Против феодосиан и гайанитов.
 228. Ефрем Антиохийский. Письма и проповеди.
 229. Ефрем Антиохийский. 4 сочинения. [Кириак Пафосский]

5 том, кодексы 230-241

230. Евлогий Александрийский. Различные трактаты.
 231. Софроний Иерусалимский. Соборное послание Сергию Константинопольскому.
 232. Стефан Гобар. Различное.
 233. Герман Константинопольский. О правдивом и законном воздаянии.
 234. Мефодий Олимпийский. О воскресении.
 235. Мефодий Олимпийский. О сотворении.
 236. Мефодий Олимпийский. О спорном мире.
 237. Мефодий Олимпийский. Пир десяти дев.
 238. Флавий Иосиф. Иудейские древности.
 239. Прокл. Учебник литературы.
 240. Иоанн Филопон. На Гексамерон.
 241. Филострат Тирский. Жизнь Аполлония Тианского.

6 том, кодексы 242-245

242. Дамаский. Жизнь философа Исидора.
 243. Гимерий. Речи.
 244. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.
 245. Плутарх Херонейский. Параллельные жизнеописания.

7 том, кодексы 246-256

246. Элий Аристид. Панафиней.
 247. Элий Аристид. За риторику против Платона.
 248. Элий Аристид. Общая апология.
 249. Аноним. Жизнь Пифагора.
 250. Агатархид Книдский. О Красном море.
 251. Гиерокл. О провидении.
 252. Аноним. Жизнь св. Григория Великого.
 253. Аноним. Мученичество семи отроков эфесских.
 254. Аноним. Мученичество апостола Тимофея.
 255. Аноним. Мученичество св. Димитрия.
 256. Аноним. Жизнь св. отцов Митрофана и Александра.

8 том, кодексы 257-280

257. Аноним. Жизнь Павла Константинопольского.
 258. Аноним. Жизнь Афанасия Константинопольского.
 259. Антифон. Речи.
 260. Исократ. Речи.
 261. Андокид. Речи.

262. Лисий. Речи.
263. Исей. Речи.
264. Эсхин. Речи.
265. Демосфен. Речи.
266. Гиперид. Речи.
267. Динарх. Речи.
268. Ликург. Жизнь.
269. Гесихий Иерусалимский. Евлогия св. Андрея.
270. Иоанн Златоуст. Проповедь о св. Павле.
271. Астерий Амасийский. Гомилии.
272. Леонтий Арависский. О сотворении и о Лазаре.
273. Феодорит Киррский. О св. Иоанне Златоусте.
274. Иоанн Златоуст. Различные проповеди.
275. Гесихий Иерусалимский и др. Гомилии на Иакова, брата Господня.
276. Нил Анкирский. Фрагменты гомилий.
277. Иоанн Златоуст. Извлечения из различных гомилий.
278. Феофраст Эфесский. Извлечения из различных трактатов.
279. Элладий. Хрестоматия.
280. Евлогий Александрийский. Против новациан.

МНОЖЕСТВО КНИГ, ИЛИ БИБЛИОТЕКА (МИРИОБИБЛИОН).

Том 1¹

ОПИСАНИЕ И ПЕРЕСКАЗ ПРОЧИТАННЫХ НАМИ КНИГ, КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОТОРЫХ ПОЖЕЛАЛ УЗНАТЬ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ НАШ БРАТ ТАРАСИЙ.

Всего книг триста без двадцати одной.

Вступление²

Возлюбленного брата Тарасия Фотий приветствует во имя Господне!

Когда в сенате³ и царским указом я был назначен послом к ассириянам⁴, ты попросил меня изложить тебе содержание прочитанных в твое отсутствие книг, самый возлюбленный мой из братьев, Тарасий, чтобы у тебя, с одной стороны, было утешение в разлуке, которую ты тяжело переносишь, с другой стороны, чтобы ты имел достаточно точное и, вместе с тем, цельное представление о книгах, которые ты не прослушал вместе с нами (а они составляют в общем триста без пятнадцатой части с прибавлением одной,

¹ Ed. Rene Henry. Paris, 1959. На титуле этого тома ошибочно указаны кодексы 1-84, фактически – 1-83, а 84 дан во 2 томе.

² Перевод Л.А. Фрейберг. В кн.: Памятники византийской литературы IX-XIV веков. М.: Наука, 1969. С. 41-42.

³ Прѣсβεία не может означать «Сенат», но, вероятно, «отдел, составляющий посольства». Среди прочих лиц, выдвинутых для этой миссии, Фотий был *persona grata*, и было высказано пожелание, что он должен сопровождать их.

⁴ Т.е. к арабам, к халифу Багдада. По мнению Дж. Бьюри — к одному из эмиров Персии.

именно это число, я полагаю, случайно миновало тебя из-за твоего отсутствия); принявшись за описание, как бы чтя твое упорное стремление и настойчивость, мы выполнили это, возможно, слишком медленно для твоего пламенного желания и горячей просьбы, но слишком быстро для ожиданий кого-нибудь постороннего.

Пересказы книг расположены в таком порядке, какой для каждого из них подсказала мне память, так что всякому, кто захочет, не трудно будет отделить рассказы исторического содержания, от рассказов, имеющих иную цель...¹

Если же тебе, когда ты примешься за изучение этого и вникнешь в самую суть, покажется, что некоторые рассказы воспроизведены по памяти недостаточно точно, не удивляйся. Ведь для читающего книгу в отдельности охватить памятью содержание и обратить его в письмена – дело, если хотите, почетное; однако, не думаю, чтобы было делом легким охватить памятью многое, – и притом, когда прошло много времени, – да еще соблюсти точность.

А, по нашему мнению, из прочитанного скорее всего то, что удерживается в памяти, получает преимущество; и во все, что из-за своей легкости не минует твоего пристального внимания, мы не вложили столь большой заботы, как в иных случаях, но точностью изложения пренебрегли.

Если же в этих пересказах попадется тебе что-нибудь полезное сверх ожидания, ты сам в этом разберешься лучше. Книга эта, несомненно, поможет тебе вспомнить и удержать в памяти, что ты при самостоятельном чтении почерпнул, найти в готовом виде, что ты в книгах искал, а также легче воспринять, что ты еще своим умом не постиг.

1²: [Феодор Пресвитер. О подлинности сочинений Дионисия Ареопагита]

[1a]. Читан трактат Феодора Пресвитера³, в котором он обязуется подтвердить подлинность творения св. Дионисия. Следующие аргументы против его выдвигаются:

1. Если они подлинные, то как получилось, что ни один из поздних Отцов не приводит цитаты либо отрывки из них?

[1b] 2. Как это может быть, чтобы Евсевий Памфил⁴, в списке своих Писаний святых Отцов, мог не упомянуть о них?

3. Как может быть, что эти трактаты подробно описывают обряды и обычаи, которые укоренились в церкви [2a] лишь постепенно и через

¹ Текст испорчен.

² Эти разделы обычно упоминаются как Кодексы (рукописи). Кодексами изначально были деревянные таблички (codex, таблички из древесины), покрытые воском и разделенные на «листы», которые, когда дерево было заменено на пергамент или другие письменные материалы, составляли книгу, по сравнению с книгой в виде свитка (volumen).

³ Ничего не известно о его жизни и трудах.

⁴ Знаменитый церковный историк Евсевий, епископ Кесарии (260-340 гг.), который предположительно, взял фамилию и имя у его близкого друга, литературного наставника Памфила, пресвитера Кесарии, и мученика (309 г.). Ср. cod. 13.

длительное время? Великий Дионисий, как видно из Деяний¹, был современником Апостолов, [принимая во внимание, что большинство описанных установлений только постепенно утвердились, и в более поздние времена]; поэтому маловероятно, или, скорее, неуклюжая выдумка – утверждать, что Дионисий мог бы описать институты, которые не были полностью установлены, много времени спустя после своей смерти.

4. Как же это [сочинение] упоминается в письме Богодухновенного Игнатия²? Дионисий процветал во времена Апостолов, и надо принять во внимание, что Игнатий претерпел мученичество во время царствования Траяна, и написал упомянутое письмо незадолго до своей смерти. Феодор приложил усилия для решения этих проблем, и делает все возможное, чтобы доказать подлинность трактатов³.

2. Адриан монах

Читал Адриана Введение в Писание⁴, полезную книгу для оглашенных.

3. Нонн. История

Читал историю Нонна⁵, содержащую описание его посольства к эфиопам, омиритам⁶ и сарацинам, то самая мощная нация, а также других восточных народов.

В это время Юстиниан был императором римлян, а Кайс – начальником сарацин. Этот Кайс был внуком Арефы, тоже начальника, которого дед Нонн был отправлен в качестве посла, во время правления Анастасия, заключить мирный договор. Абрам⁷, отец Нонна, был таким же образом отправлен в посольство к Аламундару⁸, начальнику сарацин, во время царствования Юстина, и был успешен в выкупе Тимострата и Иоанна, двух римских полководцев, которые были военнопленными.

¹ XVII.

² Епископ Антиохийский (70-107 гг.) Игнатий Богоносец.

³ Эти мистические трактаты, приписываемые Дионисию Ареопагиту, должны были быть датированы одним временем с Дионисием, который упоминается в Деяниях и который впоследствии был отождествлен некоторыми с св. Дени, первым епископом Парижа и покровителем Франции, но в настоящее время общепризнано, что они были написаны не ранее конца V века, когда в трудах неоплатоника Прокла они пользовались большим влиянием.

⁴ Этот трактат, вероятно, написан на греческом языке сирийским монахом, который процветал около 425 г., вряд ли введение в изучение Писания в современном смысле. Это, скорее, помогает правильно понять язык Библии, занимающимся вопросами смысла, стиля, состава и метафор, и заключить с некоторыми правилами интерпретации (см. издание, с переводом и комментариями, Ф. Goessling. Berlin, 1887).

⁵ Ничего дополнительного о нем неизвестно.

⁶ Гомериты (химьяриты) Йемена.

⁷ Имя указывает на семью семитского происхождения, хотя он, вероятно, был принявшим христианство.

⁸ Аль-Мундир, вождь сарацинов Хиры.

Кайс, к которому Нонн был направлен, был начальником двух самых прославленных племен сарацин, кинденов и мааденов. До того, как Нонн был назначен послом, его отец был отправлен к этому же Кайсу Юстинианом, и добился заключения мирного договора, при условии, что сына Кайса Муавию должны принять в качестве заложника в Византию.

После этого Нонну была поручена тройная миссия [2b]: к Кайсу, чтобы побудить его, если это возможно, чтобы посетить императора, Элисбаасу, царю аксумитов и омиритов.

Аксум¹ – это очень большой город, и может считаться столицей Эфиопии, которая лежит более на юг и восток, чем Римская империя.

Нонн, несмотря на вероломное нападение соплеменников, опасности от диких зверей, и много трудностей и опасностей на пути, успешно завершил свою миссию и вернулся в безопасности в родную землю².

Он рассказывает, что Кайс, после Абрама был послан к нему во второй раз, отправился в Византию, ранее делил свою борьбу за власть, между его братьями Амбром и Езидом. Он привел большое количество своих подданных с собой, и был назначен императором администратором Палестины.

Он говорит нам, что древнее название того, что теперь называют *σανδάλια* (сандалии) было *ἀρβύλαι*, и что *φακίόλιον* (тюбан) называли *φασῶλις*³.

Он говорит нам, что большинство из сарацин, тех, кто живет в Финикии, а также за ее пределами, и в горах Таврении⁴, имеют священное место встречи, посвященное одному из богов, где они собираются два раза в год. Одна из этих встреч длится целый месяц, почти до середины весны, когда солнце входит в созвездие Тельца, другая длится два месяца, и проводится после летнего солнцестояния. В ходе этих встреч полный мир преобладает, не только между собой, но и со всеми местными жителями, и даже животные находятся в мире как с собой, так и с людьми. Другое странно, что более или менее сказочная информация также дается здесь.

Он говорит нам, что путешествие в Адулис⁵ занимает пятнадцать дней пути от Аксума.

По пути туда он и его спутники увидели замечательный вид в окрестностях Авэ (Ave), на полпути между Аксумом и Адулисом; это было большое количество слонов, почти 5000. Они кормились на большой равнине

¹ Современный Аксум, теперь столица эфиопской провинции Тигре. Он содержит многочисленные предметы старины и надписи, и до сих пор рассматривается как святой город. Христианство было введено в Эфиопии еще в IV в. (см.: *Bent J.T. The Sacred City of the Ethiopians. 1893*).

² Дальнейшие сведения о миссии приведены в Хронике Иоанна Малалы и у Гиббона, гл. XLI.

³ Формы этих слов сомнительны.

⁴ Горные районы в Передней Азии и на земле сарацин.

⁵ Портовый город, как правило, отождествляется с современной Thulla или Зула в бухте Annesley на восточном берегу Красного моря.

[3а], и жители затруднились приблизиться к ним или изгнать их по своей воле. Это было то, что они видели на своем пути.

Мы должны также сказать несколько слов о климатических контрастах лета и зимы между Аве и Аксумом. Когда солнце входит в созвездия Рака, Льва, Девы и, это лето, как в Аве, так и у нас, и атмосфера очень сухая, но от Аксума и остальной Эфиопии, это суровая зима; не в течение всего дня, но, начиная с полудня, небо покрывается тучами, и страна наводнена сильными дождями. В то время также Нил, распространяясь над Египтом, переполняет и орошает землю. Но когда солнце входит в Козерог, Водолей, Рыбы и, непогода, наоборот, заливает страну из Адулиса, как и Аве, а это лето вплоть до Аксума и остальную Эфиопию, и плоды земли созревают.

Во время своего путешествия из Фарсана¹, Нонн, по достижении последнего из островов, получил замечательный опыт. Он там видел неких существ² человеческой формы и вида, очень коротких, чернокожих, а их тела были полностью покрыты волосами. Мужчины были в сопровождении женщин того же вида, а мальчики еще короче. Все были голые, женщины, как и мужчины, кроме короткого фартука из кожи вокруг своих чресел. У них не было ничего дикого или свирепого. Их речь была человеческая, но их язык был непонятным даже для своих соседей, и еще более для Нонна и его сподвижников. Они живут собирательством моллюсков и рыбы, выброшенных на берег. По Нонну, они были очень робкие, и когда они увидели его и его товарищей, они сжались от страха, как и мы от вида чудовищных диких зверей.

4. Феодор Мопсуэстийский. Против Евномия

Я прочитал двадцать пять книг Феодора Антиохийского³ против Евномия⁴, которые он написал для святого Василия⁵.

Его стиль несколько неясен [3b], но работа полна идей и аргументов, основанных на множестве свидетельств, взятых из Священного Писания. Он почти дословно опровергает аргументы Евномия, демонстрируя, что Евномий, очень невежественный в гуманитарных науках, был тем более невежественен в учении церкви. Я думаю, это был Феодор, который, как полагают, был епископом Мопсуэстии.

¹ Город в Эфиопии.

² Пигмеи.

³ Феодор (~ 350-428), епископ Мопсуэстии (394) в Киликии, родился в Антиохии, величайший экзегет антиохийской школы. Он также писал полемические, догматические и литургические трактаты.

⁴ Евномий († 393 г.) Каппадокийский, епископ Кизикский, низложен из своего епископата за арианство.

⁵ Святой Василий Великий (330-379), епископ Кесарии Каппадокийской (370). Он является самым стойким сторонником ортодоксии; ввел окончательные правила церковной жизни, некоторые из которых применяются до сих пор.

5. Софроний. Василию против Евномия

Я также читал о нападении Софрония¹, который также защищал святого Василия от Евномия.

Его стиль яснее и лаконичнее, чем у Феодора. Он только опровергает основные места этого ересиарха, но по существу нападает и опровергает (лишь) те, которые содержат доказательства его ереси. Стиль афористичен, в целом свободный и простой язык не вызывает неприятных ощущений, хотя и украшен чрезмерно изученными аргументами.

6. Григорий Нисский, Василию против Евномия

О нападении Григория Нисского² на Евномия для защиты святого Василия. Стиль также великолепен, как и вся риторика, и его приятно слышать. Она не содержит подробностей учения Евномия и более последовательна, чем критика Феодора, но более полна, чем у Софрония. Сочинение основано на использовании энтимем³ и образцах аргументов. Но я могу без пристрастия сказать, что богатство и плодотворность его аргументов являются столь же убедительным доказательством его превосходства над Феодором, как и очарование, блеск и приятность его стиля.

7. Григорий Нисский. Василию против Евномия

Читан еще один трактат того же Григория Нисского о том же предмете. В этом он присоединяется в вопросе о Евномии к более аргументированным доводам, и шторма разбивают валы его нечестия. Красота его стиля, его смешение блеска и очарования, одинаково заметны в этой работе.

8. Ориген. О началах

Я прочитал четыре книги Оригена⁴ «О первых началах». Первая говорит об Отце, Сыне и Святом Духе. Его заявления часто кощунственны; таким образом, он утверждает, что Сын был создан Отцом, Святой Дух – Сыном, и что Отец пронизывает все существующее; Сын – только тех, кто наделены разумом; Святой Дух только тех, кто спасены. Он также делает другие странные и извращенные заявления, легкомысленно давая волю переселению душ, живым звездам и так далее [4а]. Эта первая книга полна басен об Отце, Христе (как он называет Сына), Святом Духе и разумных существах.

¹ Вероятно, друг святого Иеронима и переводчик его произведений.

² Годы жизни 332-396. Епископ Нисский Каппадокийский (372), младший брат Василия Великого, назывался Отцом Отцов.

³ Особое значение «энтимемы» — это риторический или несовершенный силлогизм, происходящий из вероятных предпосылок, но здесь и в других местах у Фотия оно, кажется, означает просто «аргументы».

⁴ Ориген по прозвищу Адамантий (184–253), родился в Александрии, умер в Тире. В этом трактате приводились основные аргументы в пользу выдвинутого против него обвинения в ереси. Его также называли Chalcenterus («медная задница») за его страсть к работе. Среди его многочисленных работ — проповеди и знаменитый трактат «Против Цельса». Сохранились фрагменты его *Neharła* (толкование Ветхого Завета).

Во второй книге он имеет дело с миром и создает вещи. Он утверждает, что Бог Закона и пророков Ветхого и Нового Завета един и единственен, что в Моисее, остальных пророках и святых апостолах был один и тот же Святой Дух. Далее исследуются Воплощение Спасителя, душа, воскресение, наказание и обещания.

Третья книга посвящена свободе воли; как дьявол и враждебные силы, согласно Писанию, ведут войну с человечеством; что созданный мир бретен, имея начало во времени.

Четвертая книга посвящена конечной цели, божественному вдохновению Священных Писаний и правильному способу их чтения и понимания.

9. Евсевий. Приготовление к Евангелию

Я прочитал пятнадцать книг Евсевия¹ под названием «Приготовление к Евангелию», в которых он опровергает глупые доктрины язычников и показывает, что они всегда противоречат друг другу.

В начале и в конце пятнадцатой книги он упоминает еще один трактат, «Евангельское свидетельство», которое следует за «Приготовлением». Его цель в этих трудах – опровергнуть заблуждения язычников и подтвердить слово Евангелия.

10. Евсевий. Доказательства в пользу Евангелия

Прочитал 12 книг² «Евангельских доказательств» Евсевия.

11. Евсевий. Приготовление к Церкви

Я читал ... книги³ Евсевия под названием «Приготовление к Церкви», в которых есть отрывки ...

12. Евсевий. Доказательства в пользу Церкви

Я прочитал ... книги⁴ Евсевия, озаглавленные «Доказательства в пользу Церкви».

13. Евсевий. Опровержение и защита

Я прочитал две книги Евсевия «Опровержение» и «Защита», и второе издание той же книги, которые, хотя и отличаются в некоторых отрывках, в других отношениях совпадают с первым, как по стилю, так и по чувствам. Автор упоминает некоторые трудности, выдвинутые язычниками против нашей безупречной религии, и разрешает их удовлетворительно, но не полностью.

¹ Это сочинение утрачено.

² Существует только 10.

³ Это сочинение утрачено.

⁴ Это сочинение утрачено.

[4b] Его стиль нельзя назвать ни приятным, ни блестящим, но он – человек большого знания, хотя ему не хватает пронизательности и твердости характера, столь необходимых для точного обсуждения вопросов догмы. Во многих отрывках он хулит Сына, называя его вторым созданием, верховным главнокомандующим и другими порождениями арианского безумия.

Видно, что он жил во времена правления Константина Великого. Он был горячим поклонником добродетельного святого и мученика Памфила, фамилию которого он взял.

14. Аполлинарий. Против язычников, О благочестии, Об истине

Я читал (сочинения) «Против язычников», «О благочестии» и «Об истине» Аполлинария¹. Писатель был епископом Иераполя в Азии² и жил под властью Марка Антония Вера³.

Он заслуживает упоминания, и его стиль превосходен. Другие его сочинения якобы столь же примечательны, но до меня они не дошли.

15. Геласий Кизикский. Деяния Первого собора в Никее

Я прочитал Деяния Первого Собора⁴ в трех книгах. Они носят имя Геласия⁵, но это больше рассказ, чем книга Деяний. Стиль автора скуден и слаб, но он дает подробный отчет о работе собора.

16. Деяния Третьего собора в Эфесе

Я прочитал Деяния Третьего Собора⁶, который содержит практически только письма святого Кирилла⁷ Несторию⁸ и ответы этого нечестивого человека.

17. Деяния Четвертого собора в Халкидоне

Я прочитал Деяния Четвертого Собора⁹ в нескольких книгах. Там состоялось пятнадцать заседаний, на которых были осуждены Диоскор¹⁰ и

¹ Также называемый Аполлинаром, Аполлинарий жил около 175 г. Его родовое имя было Клавдий.

² В Нижней Фригии. Ныне Памуккале близ города Денизли.

³ Знаменитый автор «Размышлений», император Марк Аврелий.

⁴ В Никее в 325 г.

⁵ Геласий был сыном священника из Кизика; он писал в Вифинии примерно во время восстания Василиска (476 г.), в начале правления Зенона. Причиной, по которой он взял в руки перо, была защита отцов Никеи; он хотел доказать против евтихианцев, что они не учили монофизитству. О нем известно только то, что он говорит в дошедшей до нас книге.

⁶ В Эфесе 431 г.

⁷ Архиепископ Александрии (412-444 гг.).

⁸ Константинопольский патриарх (428-431) свергнут Эфесским собором за свою ересь.

⁹ В Халкидоне в 451 г.

¹⁰ Епископ Александрии (444-451).

Евтихий¹, а Несторий отлучен от церкви. Святой Флавиан² был объявлен невиновным после своей смерти, вместе с Евсевием Дорилейским³, Феодоритом⁴ и Ивой⁵. Были рассмотрены (и) другие особые вопросы, и дух благочестия укрепился.

18. Деяния Пятого собора в Константинополе

[5а] Я читал Деяния Пятого Собора⁶, в которых рассматривались три так называемых «главы»⁷, Ориген и его сочинения отлучены от церкви, как и Диодор из Тарса⁸ и Феодор из Мопсуэстии. Ответ Феодорита на двенадцать анафем Кирилла также был отлучен. До этого были рассмотрены дела Зооры⁹ и Анфима¹⁰, которые стремились к Константинопольскому Патриархату, и были рассмотрены некоторые другие вопросы.

19. Деяния Шестого собора – второго в Константинополе

Я читал Деяния Шестого Собора¹¹ во время сессий, на которых были отлучены Сергей¹², Кир¹³, Пирр Константинопольский¹⁴, а также Гонорий Римский¹⁵, Полихроний¹⁶ и другие, осмелившиеся утверждать, что во Христе только одна воля и одна энергия. Догмат истины подтвердился.

20. Деяния Седьмого собора – второго в Никее

Я читал Деяния Седьмого Собора¹⁷, на заседаниях которого иконоборцы были побеждены, а православная вера засияла с особой силой.

¹ Основатель направления монофизитов (380-456).

² Епископ Константинопольский (447-449).

³ Епископ Дорилейский (совр. Эски-Шехир) во Фригии (400-451).

⁴ Епископ Кирра (Кира), недалеко от Евфрата, в двух днях пути от Антиохии, богослов и церковный историк (~ 393-458).

⁵ Епископ Эдесский (~ 435-457)

⁶ В Константинополе в 553 г.

⁷ Произведения Феодора из Мопсуэстии; от Феодорита в защиту Нестория, письмо Ивы персу Маре.

⁸ Основатель экзегетической школы Антиохии, епископ Тарса (378-394).

⁹ Сирийский монофизитский монах.

¹⁰ Анфим, патриарх Константинопольский (535 г., свергнут в 536 г.), перевелся из епископата Трапезунта под влиянием императрицы Феодоры.

¹¹ В Константинополе в 680 г.

¹² Патриарх Константинопольский (610-638).

¹³ Епископ Фазисский, затем Александрийский Патриарх (630-641).

¹⁴ Друг и преемник Сергия на посту Константинопольского Патриарха (638-641).

¹⁵ Папа (625-638).

¹⁶ Монофелитский священник и монах.

¹⁷ Второй собор в Никее в 787 г.

21. Иоанн Филопон. О Воскресении

Я прочитал трактат Иоанна Филопона¹ «О Воскресении» в ... книгах. В этой работе, отвергая учение о воскресении тела, он объясняет многие вещи, которые считаются вредными. Он также насмехается над нашими святыми блаженными отцами.

22. Феодосий Монах. Опровержение Иоанна Филопона

Я прочитал опровержение, составленное Феодосием Монахом² на отрывки, цитируемые Иоанном Филопоном в качестве аргументов против Воскресения; они содержат цитаты из Священного Писания и отцов, опровергающие тщетные усилия Иоанна.

23. Инвективы против Иоанна Филопона

Я читал инвективы Конона³, Евгения⁴ и Фемистия⁵ против трактата Иоанна Филопона, в котором они осуждают его тщетные усилия. Они также жестоко нападают на него, как на человека, полностью оторванного от христианской веры. Однако [5b] они соглашались с ним в отказе принять решения Халкидонского собора.

24. Акты спора между тритеистами и сомневающимися

Я прочитал том, содержащий акты спора, произошедшего до Иоанна⁶, епископа царственного города, во время правления Юстина⁷, и в котором Конон и Евгений, тритеисты, участвовали с одной стороны, а Павел⁸ и Стефан⁹ сомневающиеся¹⁰, с другой. Конон и Евгений, кажется, встали на сторону Филопона; ибо, когда Павел и Стефан победили их и предали анафеме Филопона, они не захотели этого делать. С другой стороны, они выдвинули аргументы, чтобы доказать, что его взгляды соответствовали взглядам Севера¹¹ и Феодосия, их собственных учителей. На самом деле они во многих

¹ Александрийский богослов, грамматик и философ жил в 1-й половине VI в. Его основная работа (у нас есть значительные фрагменты), названная «Арбитр», была попыткой примирить монофизизм и троебожие. Фотий (cod. 55, 75) упоминает еще два его богословских трактата. Сочинение «О воскресении» утрачено. Сохранились фрагменты заметок об Аристотеле. Его прозвали Филопоном за его большое трудолюбие; его противники изменили это прозвище на Ματαίωπος (Матеопон – «тщетно трудолюбивый»).

² Монах VI в., о котором мы ничего не знаем.

³ Епископ Тарса (ок. 600 г.).

⁴ Киликийский епископ 2-й пол. VI в.

⁵ Диакон из Александрии (VI век), лидер агноэтов (разновидности монофизитов), который утверждал, что человеческая душа Христа во всем походила на человеческую, даже в его «невежестве» или ограниченном познании.

⁶ Иоанн III Схоластик (юрист), епископ Константинопольский (565-577). Он является автором Номоканона, сборника канонического права.

⁷ Юстин II (император 565-578).

⁸ Павел Черный, «яковитский» патриарх Антиохии (~ 550-578).

⁹ «Яковитский» епископ Кипра.

¹⁰ Они частично приняли, а частично отвергли решения Халкидонского собора.

¹¹ Монофизитский Патриарх Антиохийский (512-518).

отношениях отстаивали православные взгляды: Троица единосущна и имеет ту же природу, что Бог един, что Божество едино, но они виновны в богохульстве, утверждая, что Отец, Сын и Святой Дух являются частичными субстанциями, имеют божества и особые натуры, что противоречит самим себе и истине. Многие из их мнений столь же глупы и абсурдны.

25. [Иоанн] Златоуст. Записи о смерти и проповеди

Я прочитал работу Иоанна Златоуста¹ «Записки о смерти, двадцать две короткие проповеди». В том же томе содержатся двадцать две проповеди о Вознесении Господа и семнадцать проповедей о Пятидесятнице.

26. Синесий, епископ Кирены. О промысле, и о прочем

Были прочитаны сочинения Киренского епископа (имя его Синесий)² «О промысле»³, «О царстве» и на другие темы; речь его возвышенна, величественна⁴, а через это приближается к языку поэтическому. Были прочитаны его различные письма, доставляющие наслаждение и пользу, а вместе с тем, насыщенные глубокими мыслями⁵. По происхождению Синесий был эллин, изучал философию. Говорят, что, обратившись к христианству, он принял безоговорочно всё, но не согласился с догмой о воскресении. Однако об этих его настроениях все молчали и, зная его высокую нравственность и чистый образ жизни, все-таки приобщили к нашей вере и посветили в высокий духовный сан, – хотя столь безупречно живший человек [ба] еще не постиг света воскресения. И надежды оправдались: когда он стал епископом, в догму о воскресении он легко уверовал. И для Кирены он был украшением в то самое время, когда во главе Александрии стоял Феофил⁶.

27. Евсевий. Церковная история

Читал десять книг Евсевия «Церковной истории». Начиная с рождения Христа, нашего истинного Бога, он тщательно описывает период тиранов, и заканчивает царствованием Константина Великого. Более подробные сведения даются о церковных учреждениях, созданных им в период его правления.

¹ Иоанн «с золотыми устами» (347-407), епископ Константинопольский.

² Неоплатоник и епископ Птолемаиды в Киренаике (378-431). Речь «О Царстве» произнес в Константинополе к императору Аркадию.

³ Также называется «Египетские Беседы», своего рода исторический роман, в котором есть намеки на историю того времени, под видом мифических историй Осириса и Тифона.

⁴ Возможно, «массовый» может выразить идею *δῦκος*.

⁵ Или «проницательными».

⁶ 385-412 гг.

28. Сократ (Схоластик). Церковная история

Прочитал «Церковную историю» Сократа¹, продолжение «Истории» Евсевия. Начиная с правления Константина, она восходит к временам Феодосия Младшего². Писатель, следовавший урокам Аммония и Элладия, грамматиков из Александрии³, он еще мальчиком обучался «грамматике» языческими наставниками, изгнанными из своей страны за подстрекательство к мятежу и переехавшими работать по своей профессии в Константинополь. В книге собраны события за 140 лет, а вся история содержится в семи книгах. В стиле автора нет ничего примечательного, и он не очень точен в (христианском) учении.

29. Евагрий Схоластик. Церковная история

Прочитал «Церковную историю» в шести книгах Евагрия Схоластика⁴, бывшего префекта, родившегося в Богоявление в Келе-Сирии. Работа начинается там, где заканчиваются работы Сократа и Феодорита, и продолжается до двенадцатого года правления императора Маврикия⁵. Стиль не лишен удовольствия: в нем есть элегантность и вежливость, но иногда он слишком размытый. Преимущество этого историка перед большинством других в том, что его вера заслуживает доверия. В книге также есть отрывки, относящиеся к изображениям.

30. Созомен. Церковная история

Прочитал «Церковную историю» Саламана Эрмия Созомена⁶ в девяти книгах. Посвященная императору Феодосию Младшему, она начинается в год консульства Криспа и его отца Константина и продолжается до правления Феодосия Младшего⁷. Созомен какое-то время был адвокатом в Константинополе. Его стиль лучше, чем у Сократа, от которого он отличается некоторыми особенностями.

31. Феодорит. Церковная история

[6b] Прочитал «Церковную историю Феодорита»⁸. Из всех упомянутых писателей это наиболее подходящий исторический стиль. Он ясный, возвышенный и не имеет ничего лишнего, но иногда в нем используются слишком смелые, иногда даже весьма возмутительные метафоры.

¹ Сократ Константинопольский (~ 380-439), первоначально юрист.

² Император 408-450 гг.

³ Греческое слово *γραμματικός* в целом эквивалентно «литературному человеку» с особым упором на изучение поэзии. То же понятие появляется в *γραμματική* (грамматика). Аммоний и Элладий нашли убежище в Константинополе, где учили Сократа.

⁴ ~ 536-600. Он был юристом (схоластиком).

⁵ То есть, охватывает период с 431 по 593 г.

⁶ Он родился недалеко от Газы в Палестине (газский порт Маюма), а позже поселился в Константинополе (~ 400-450).

⁷ Первоначально она охватывала период 324-439 гг., но история периода 425-439 гг. отсутствует.

⁸ Ср. Cod. 27.

Он дает более полный отчет о дебатах Второго Собора¹, чем другие историки, которые высказывают по ним лишь простое мнение, как если бы они не хотели много говорить. Однако даже он не раскрывает всех подробностей. Он начинает свою историю с ереси Ария и ведет ее через правление Феодосия Младшего и смерть Феодора², когда Сисиний был епископом Константинополя.

32. Афанасий. Письма

Читал различные письма Афанасия³, некоторые из которых содержат своего рода извинения за его бегство⁴. Стиль ясный, элегантный, благородный и убедительный. Слушать его оправдания одно удовольствие.

33. Юст Тивериадский. Хроники царей иудейских

Прочитал Хронику Юста из Тивериады⁵, озаглавленную «Хроника царей иудейских в виде генеалогии, Юста из Тивериады»⁶. Он происходит из Тивериады в Галилее, от которой он взял себе имя. Он начинает свою историю от Моисея и доводит до смерти седьмого Агриппы из рода Ирода⁷ и последнего из царя евреев. Его царство, которое было даровано Клавдием, было расширено Нероном, а еще больше Веспасианом. Он умер на третий год царствования Траяна, которым история заканчивается. Стиль Юста очень сжатый, и он опускает много того, что имеет первостепенное значение. Страдая от общей вины евреев, к каковому народу он принадлежал, он даже не упоминает о пришествии Христа, о событиях его жизни, или о чудесах, им исполненных. Его отец был еврей по имени Пист; сам Юст, по свидетельству Иосифа, был одним из самых распутных людей, раб порока и алчности. Он был политическим противником Иосифа, против которого он, говорят, составил несколько заговоров; но Иосиф, хотя несколько раз он имел врага в своей власти [7а], только отчитал его словами и велел отпустить на свободу.

Говорят, что история, которую он написал, в большей части выдуманная, особенно там, где он описывает иудейско-римскую войну и взятие Иерусалима.

¹ Первый Константинопольский собор (381 г.).

² Из Мопсуэстии (ср. Cod. 4).

³ Афанасий (296-373) — патриарх Александрийский, отец православия и главный противник арианства.

⁴ Ариане обвиняли его в трусости за то, что он нашел убежище в пустыне.

⁵ Современник Иосифа, который жестоко нападал на его характер и его труды. Он был приговорен к смерти Веспасианом, но его жизнь была спасена Агриппой. Он также написал историю Иудейской войны.

⁶ Греческая фраза βασιλέων τῶν ἐν τοῖς στέμμασι, обычно переводится как «венценосные цари», но более вероятно, στέμμα здесь означает генеалогическое древо.

⁷ Агриппа II, перед которым защищался св. Павел. Утверждение, что он умер в третий год правления Траяна (100 г.) отвергается на том основании, что Автобиография Иосифа, которая дает рассказ о Юсте, была опубликована сразу после «Древностей» (в царствование Домициана).

34. Юлий Африкан. История

Прочитал историю Африкана¹, который был также автором (сочинения) *Cesti* в четырнадцати книгах². Хотя его стиль краток, он не пропускает ничего, достойного записи. Он начинает с Моисеевой космогонии и доходит до пришествия Христа. Он также дает беглое изложение событий с того времени до правления Макрина³, и на этой дате, как он говорит нам, хроника была закончена, то есть в год 5723-й от сотворения мира. Труд состоит из пяти томов.

Африкан также написал письмо к Оригену против подлинности истории Сусанны, на том основании, (среди прочих), что она не включена в еврейские книги, и что игра слов (ἀπὸ τοῦ πρώτου πρώται... ἀπὸ τοῦ σχίνου σχίσαι)⁴ находится в противоречии с подлинным еврейским слогом. Ориген ответил и опроверг эти возражения.

Африкан также написал письмо к Аристиду⁵, в котором он показал, что в самом деле нет никакой разницы, какая предполагалась, между генеалогиями нашего Спасителя у Матфея и Луки.

35. Филипп Сидет. Христианская история

Прочитана работа Филиппа из Сиде⁶, под названием «Христианская история», которая начинается со слов «В начале Бог создал небеса и землю». Он дает обзор весьма пестрой истории, иногда резюмируя, иногда давая полный обзор, хотя и многословный повсюду. Первое сочинение содержит 24 книги, как и 23 других сочинения, которые мы видели сохранившимися до настоящего времени⁷. Его язык разномастен, без учтивости или эlegantности, и скоро надоедает, или положительно внушает отвращение; его цель состоит в том, чтобы скорее показать собственное знание, чем принести пользу читателю. Большая часть затрагиваемых им тем не имеет никакого отношения

¹ Юлий Африкан (ок. 170-240), христианский писатель–историк, родился в Иерусалиме (а не в Африке), затем жил в Эммаусе–Никополе в Палестине. Он был автором хроники, истории мира от Сотворения до 221 г. н.э.; «*Cesti*» (вышитые пояса) — коллекция заметок на все темы; письмо Аристиду на родословие Иисуса в Евангелии от Матфея и Луки, и письмо Оригену, доказывающее, что «История Сусанны» в Апокрифах является поздним добавлением от греческого оригинала. Последнее сохранилось в полном объеме, из трех первых — лишь фрагменты. В соответствии с его системой хронологии, называемой александрийской эрой, было 5499 лет между Творением и рождением Христа, которое он сместил в прошлое на три года.

² Правильное количество — двадцать четыре.

³ Император 217-218 гг. Извлечения Георгия Синкелла, однако, показывают, что хроника в действительности заканчивалась несколько позже.

⁴ «Где же ты их видишь?» «Под мастиковым деревом (σχίνος)». «Ангел Божий должен расколоть (σχίσει) твою душу сегодня». «Под дубом (πρῖνος)». «Ангел Божий должен видеть тебя в двух (πρίσει)».

⁵ О нем ничего не известно.

⁶ Филипп из Сиде из Памфилии (V век), был пресвитером в Константинополе и дружил с Иоанном Златоустом.

⁷ Его корпус первоначально содержал 36 сочинений и почти одну тысячу книг объема.

к истории, и работу можно было бы назвать трактатом обо всех видах предметов, а не истории, безвкусным излиянием мыслей. [7b] Филипп был современником Сисинния и Прокла, патриархов Константинопольских. Он часто нападает на прошлое в своей истории, потому что, в то время как оба выполняли одинаковую службу¹, Филипп, считался более красноречивым, но именно Сисинний был избран на патриаршество.

36. Косьма Индикоплов. Христианская топография

Прочитана книга, озаглавленная «Книга христиан», толкующая Восьмикнижие. Автор², который процветал в царствование Юстина, посвящает труд некому Памфилу, он начинается с защиты определенных церковных догм доказательствами, взятыми из Священного Писания. Стиль плох, и переделка вряд ли (возможна) до обычного уровня. Он рассказывает много того, что невероятно с исторической точки зрения, так что он может справедливо рассматриваться как баснописец, но не как заслуживающий доверия авторитет.

Взгляды, на которые он делает главный упор, таковы: ни небо, ни Земля не является сферами, но первое является своего рода сводом, а последняя — прямоугольной плоскостью, [в два раза длиннее по ширине], которая на концах соединяется с концами неба; все звезды с помощью ангелов приводятся в движение, и другие вещи того же рода. Он также упоминает книги Бытия и Исхода, так сказать, в качестве отступления, и вступает в длительные обсуждения и рассуждения о скинии. Пророки и апостолы рассматриваются бегло. Он говорит, что солнце только вдвое больше, чем два «климата»³; что ангелы не живут на небе, но над твердью и общаются с нами, что Христос во время Вознесения вошел в пространство между небом и твердью, и что только это и есть Царство Небесное; и тому подобные глупости. Он посвящает первые шесть книг некоему Памфилу, из оставшихся шести (то есть всего двенадцать) седьмая — Анастасию, в которой он утверждает, что небеса неразрушимы,

¹ Оба были пресвитерами.

² Косьма Индикоплов, александрийский купец, живший в VI в. Он побывал в Аравии и Восточной Африке, но вряд ли заслуживает звания «Плававший в Индию». Название работы обычно известно как «Христианская топография»; ее цель — ввести новую систему физической географии в соответствии с учением христианства, физико-астрономическая интерпретация Писания, Фотий дает ей подзаголовок «Интерпретация восьмикнижия». Фабрициус (Bib. Gr., IV. 230) принимает это просто как «трактат в восьми книгах», принимая четыре других книги как более позднее дополнение, или что это может относиться к «восьми книгам» труда по географии Птолемея. Фотий говорит, что он процветал при «Юстине», но так как он не уточняет при каком Юстине, возможно, следует читать «Юстиниан» (527–565). Он, конечно, возможно, родился при Юстине I (518–527) и умер при Юстине II (565–578).

³ Раньше считалась, что поверхность Земли должна была быть «покатой» (κλίω) от юга к северу, и этот уклон называется κλίμα. Позднее это слово использовалось для поясов или зон на ее поверхности, а затем для температуры в этих зонах. По словам Косьмы, два «климата» были между широтами Александрии и Родоса, и Родоса и Константинополя (около 635 миль).

восьмую – о песни Езекии¹ и обратном движении солнца – некоему Петру. В этой книге он также утверждает, что написал комментарии к Песни Песней. Остальные четыре книги не имеют посвящения.

37. Аноним. О политике

[8a] Прочитал сочинение «О политике»², в котором представлены два персонажа в диалоге – патрикий Мена и референдарий Фома³. Эта работа состоит из шести книг и представляет новую форму политического общества, называемую *δικαιοσύνη*, отличную от всех идей, высказываемых древними, и которая называется правительством справедливости. Платоновская Республика подвергается заслуженной критике. Что касается самой сути этого нового правительства, то оно состоит, по словам двух собеседников, из царской семьи, аристократии и демократии: встреча каждого из этих элементов, взятых в их чистоте, должна сформировать лучшую политическую конституцию.

38. Феодор Мопсуэстийский. Комментарий на Книгу Бытия

Я прочитал работу Феодора Антиохийского⁴ под названием «Комментарий к книге Бытия» (История Творения), чьи Первая книга состоит из семи томов. Стиль не блестящий и не очень четкий. Автор максимально избегает использования аллегории, ориентируясь на исторический смысл. Он часто повторяется и производит на читателя неприятное впечатление. Хотя он жил до Нестория, он предвосхищает эти тошнотворные доктрины.

Это тот Феодор Мопсуэстийский, от которого несколько раз Иоанн Филопон (как он сам говорит) требовал серьезное объяснение его метода толкования в его собственном творчестве.

39. Евсевий. Против Гиерокла

Читал краткое опровержение речи Гиерокла⁵ об Аполлонии Тианском⁶ Евсевия Памфила.

¹ Исаии XXXVIII.

² Кажется, нет причин отождествлять этот трактат с *εἰς πολιτικῆς καταστάσεως* Петра Патрикия (VI век), византийского историка. Автор неизвестен.

³ Магистр прошений, а также сановник Церкви, посредник между гражданской и церковной властью.

⁴ Ср. Cod. 4.

⁵ Гиерокл из Карики, римский проконсул и жестокий антихристианин, жил во времена Диоклетиана (император 284–305). Упомянутая работа — «Друг истины» (Филалет), в которой Аполлоний Тианский поставлен выше Христа.

⁶ Из Тианы в Каппадокии (~ 4 г. до н.э. - 97 г. н.э.), маг и чудотворец.

40. Филосторгий. Церковная история

Я читал так называемую «Церковную историю» Филосторгия¹, арианина, чей дух отличается от почти всех других церковных историков. Он хвалит всех ариан, но оскорбляет и проклинает всех православных, так что его произведение – не столько рассказ, сколько панегирик еретиков и ничего более, нежели бессовестная атака на православие.

Его стиль элегантен, его изложение часто поэтично, но недостаточно, чтобы не быть скучным или неприятным. Его образное использование слов очень выразительно и делает работу прелестной и приятной для чтения; однако иногда эти слишком смелые и надуманные образы бросают в дрожь и создают неприятные моменты. [8b] Язык разнообразно приукрашивается, даже чрезмерно, так что читатель незаметно попадает в неприятную темноту. Во многих случаях автор привносит свои собственные моральные размышления.

Он начинает от истоков арианской ереси и заканчивает возвращением нечестивого Аэция². Этот Аэций был отстранен от своих обязанностей его собратьями-еретиками, поскольку он превзошел их в злодеяниях, как признается Филосторгий вопреки самому себе. Его отозвал и встретил Юлиан Отступник. История в одной книге и шести томах относится к этому периоду.

Автор – лжец, и его рассказ часто бывает вымышленным. Он превыше всего хвалит Аэция и Евномия за их образование как единственных, кто адаптировал доктрины веры, развивавшиеся с течением времени; в этом он показывает себя чудовищным лжецом. Он также восхваляет Евсевия Никомидийского³ (которого он называет Великим), Феофила Индийца⁴ и многих других за их жизнь и прекрасные дела. Он жестоко нападает на Акакия, епископа Кесарии⁵ в Палестине с чрезвычайной серьезностью и непобедимым мастерством, в котором, как он заявляет, Акакий превосходит всех своих собратьев-еретиков, хотя все они были полны ненависти друг к другу, а также которые имеют разные религиозные взгляды.

Это предел нашего чтения. Вскоре после этого в другом свитке были найдены еще шесть книг, так что, похоже, в обзор попало двенадцать книг. Первые буквы каждой книги расположены таким образом, что образуют имя автора. Работа идет до времен Феодосия Младшего, когда после смерти

¹ Из Борисса из Каппадокии, родился около 368 г., умер после 425 г. История охватывает период с 300 по 425 г. Он поддерживал крайнее арианство Евномия. Значительное количество отрывков (также из Фотия) опубликовано как отдельная работа.

² Аэций Антиохийский, основатель экстремистской арианской секты, умер в Константинополе (367 г.). Он был сослан Констанцием, но отозван Юлианом Отступником.

³ Патриарх Константинопольский († 342 г.), сторонник арианства и яростный противник Афанасия.

⁴ Епископ церкви Эфиопии (358 г.). Он родился на острове Диу (Индия), но в начале юности был взят в заложники и находился в Константинополе, где стал христианином (арианского толка).

⁵ По прозвищу Одноглазый, он стал преемником Евсевия (учеником и биографом которого он был) в качестве епископа Кесарии в 340 г. Он умер в 365 г.

Гонория Феодосий передал трон Запада своему двоюродному брату Валентиниану Младшему, сыну Констанции и Плацидии.

Несмотря на свою ярость против ортодоксии, Филосторгий не рискует нападать на Григория Богослова¹, но неохотно принимает его доктрины. Его попытка опорочить Василия Великого только улучшила его репутацию. Филосторгию пришлось признать силу и красоту его проповедей настоящего познания, хотя он робко называл Василия подавленным и неопытным человеком, вступившим в полемику, потому что он осмелился атаковать писания Евномия.

41. Иоанн Эгский. Церковная история

[9a] Прочитал «Церковную историю», написанную Иоанном². Она начинается с правления Феодосия Младшего, ереси Нестория и его смещения, и заканчивается временем Зенона и смещением еретика Петра³, который узурпировал власть в Антиохии. Стиль является ясным, но красивым. Автор описывает подробно третий Собор, проведенный в Эфесе⁴, и также другой Собор, проведенный в том же самом месте, «Разбойничий собор»⁵, который он обожествляет вместе с его председателем Диоскором и его сообщниками. Он также делает клеветнический отчет о Халкидонском соборе. Это подтверждает заключение, что автор – Иоанн, пресвитер Эг, еретик, который написал специальное сочинение с нападками на Халкидонский собор. История, согласно его утверждению, состояла из десяти книг. Я читал только пять, которые содержат (как уже отмечалось) отчет о событиях от ереси Нестория до смещения еретика Петра.

42. Василий Киликийский. Церковная история

Читана «Церковная история» Василия Киликийского⁶. Она начинается со смерти Симпликия, епископа Рима⁷, которую описал Акакий Константинопольский⁸, чтобы не иметь никаких деловых отношений с Петром Монгом⁹, который тогда развращал Александрию, проклиная его публично и в церкви, на святом Халкидонском соборе. Именно поэтому Акакий не хотел его видеть; поскольку, хотя Акакий сначала был справедливо рассержен на него, он впоследствии не показал отвращения этими доктринами и, таким образом, подвергся подозрению в том, что сам является еретиком. Этот вопрос

¹ Григорий Назианзин (329-389), епископ Константинопольский.

² Пресвитер Эг в Киликии, процветал во 2-й половине V в. В Cod. 55 Фотий называет его несторианином, но, предположительно, он был скорее евтихианином.

³ По прозвищу Сукновал, патриарх Антиохийский 471-488 гг.

⁴ 431 г.

⁵ 449 г.

⁶ Ок. 500 г. Пресвитер Антиохии, впоследствии епископ Иренополя в Киликии (см. Cod. 57).

⁷ 468-483 гг.

⁸ Патриарх Константинопольский (471-489 гг.).

⁹ «Заика», монофизитский патриарх в Александрии (482 г.).

встал вновь во время правления Зенона. История начинается в это время и заканчивается смертью Анастасия, после того, как тот правил 27 лет и 3 месяца, когда Юстин Фракиец был объявлен его преемником¹. Оканчивается книга приблизительно в это время, и охватывает период от Зенона до смерти Анастасия и провозглашения Юстина императором. Автор также заявляет, что две других книги были написаны им, как и первая и третья; первая начинается с господства Маркиана и оканчивается периодом Зенона, с этого же периода начинается вторая книга, в то время как третья продолжает рассказ второй [9b], начинаясь с правления Юстина.

Стиль автора довольно неряшлив и неровен. Он также включает в текст большое количество епископской переписки, смысл которой, как он говорит, состоит в том, чтобы подтвердить то, что он пишет. Она значительно увеличивает объем сочинения и содержит только небольшую собственно историю, но и она похоронена под массой словесных оборотов. Четкость рассказа нарушена большим количеством вставных эпизодов.

43. Иоанн Филопон. На Гексамерон

Читал трактат Иоанна Филопона на Гексамерон². Стиль чистый, ясный и лучше обычного. Он в целом согласен с Василием Великим, но полностью против Феодора Мопсуэстского, который, взявшись за ту же тему, написал свою интерпретацию Бытия, которую Филопон, в свою очередь, пытается опровергнуть.

44. Филострат. Жизнь Аполлония Тианского

Прочитал восемь книг Жизнеописания Аполлония Тианского за авторством Филострата³ из Тира⁴. Стиль чистый, приятный, краткий и полон очарования по причине его любви к архаизмам, а равно и к новым построениям.

Он рассказывает, что Аполлоний посетил индов, которых он называет брахманами, от которых он премного научился божественной мудрости. Он также посетил мудрецов Эфиопии, которых он называет гимны⁵, потому что они всю свою жизнь проводят нагими и никогда не одеваются, даже в самую плохую погоду. Но он утверждает, что мудрецы Индии многократно превосходят

¹ Работа, таким образом, охватывает период 450-527 гг.

² Шесть дней творения.

³ Было три софиста такого имени, принадлежавших к Лемносскому семейству: 1-й жил во II веке; 2-й — сын 1-го, который жил в Афинах, затем в Риме при Филиппе Арабе (244–249); 3-й — племянник 1-го, который жил во времена Каракаллы и Элагабала. Жизнь Аполлония написал Флавий Филострат 2-й по просьбе императрицы Юлии Домны, жены Семптимия Севера.

⁴ Тирский — вероятно результат путаницы Τύριος и Στεῖριεύς (афинский дем Стирия), или Фотий ошибочно отождествил его с лексикографом Филостратом из Тира (cod. 150).

⁵ Голые, т. е. гимнософисты.

таковых из Эфиопии, поскольку они старше в соответствующее время, и их разум яснее и острее, вследствие того, что они живут ближе к солнцу.

Он, однако, не утверждает, что Аполлоний творил чудеса, как приписывает это ему легенда; он просто восхваляет его за философический и умеренный образ жизни, чем он показывает учение Пифагора, как поведением, так и научными взглядами. Различные рассказы приводятся о его смерти, обстоятельства которой не ясны, как он сам желал; ибо при жизни он имел обыкновение говорить, что мудрец должен держать свою жизнь в тайне от других, или, если не может, должен, по крайней мере, держать свою смерть в секрете¹. [10a] Место его захоронения неизвестно.

Филострат утверждает, что Аполлоний имел великое презрение к богатству; он отказался от своего имущества в пользу брата и других; никто никогда не смог убедить его взять деньги от власть имущих², хотя те убеждали его, что он достоин этого. Филострат утверждает, что он предвидел голод в Эфесе и прервал его, когда тот вспыхнул. Однажды он увидел какого-то льва и объявил, что в нем находится душа Амасиса, царя египтян³, которая попала в тело животного в наказание за преступления Амасиса, свершенные им при жизни. Он также разоблачил Эмпусу⁴, которая под видом куртизанки притворялась, что влюблена в Мениппа⁵. Он вернул к жизни девочку-римлянку, которая, по-видимому, только что умерла, и освободил свои руки от оков, когда находился в тюрьме. Перед Домицианом он защищал себя и превозносил Нерву (Домицианов преемник); после чего исчез из судилища, и присоединился к Деметрию⁶ и Дамису⁷, но не через долгое время, а через несколько минут, хотя они уже находились в нескольких днях пути от него. Таковы измышления Филострата относительно Аполлония. Он отрицает, однако, что тот был чудотворцем; если он и свершил некоторые чудеса, которые ему приписывают, то они были результатом философии и праведности его жизни. Наоборот, он был врагом магов и колдунов и, несомненно, не был приверженцем магии.

Все что он говорит об индах – переплетение абсурдных и невозможных утверждений. Он заявляет, что у них есть какие-то кувшины, наполненные дождем и ветрами, при помощи которых во время засухи они поят водой страну, и опять-таки, лишают ее мокроты после выпавших дождей, так как в

¹ Эпикурейская максима: *Λάθε βίωσας, εἰ δὲ μή, Λάθε ἀποθανών.*

² Или «Владеющих огромными состояниями».

³ 570–526 до н.э.

⁴ Что-то вроде домового или вурдалака, который пожирает людей.

⁵ Из Ликии. Возможно киник, который жил во времена Лукиана.

⁶ Кинический философ из Суния, который преподавал в Риме при императорах Гае, Нероне и Веспасиане. Он говорил, что встретил Аполлония в Афинах, но учитывая, что его философские взгляды были противоположны таковым Аполлония, то рассказ о близкой дружбе, вероятно, не соответствует действительности. Деметрий был вынужден покинуть Рим из-за свободы, с которой он нападал на императора и власти.

⁷ Из Ниневи, ученик и спутник Аполлония, известен как автор биографии, которая легла в основу романа Филострата. Он передал рукопись императрице Юлии Домне, которая приказала Филострату отредактировать ее.

этих бочках они имеют альтернативное средство контроля над источниками дождя и ветра. Он рассказывает подобные истории, насколько глупые, настолько же и нелепые, и эти восемь книг бесполезны в смысле учебы и труда.

45. Андроникиан. Против евномиан

Я прочитал две книги Андроникиана¹ «Против евномиан». Он много обещает в своих предисловиях, но не выполняет то, что обещал, особенно во второй книге. Он обладал моралью, духом и манерой письма философа и был христианином по религии.

46. Феодорит. Против ересей

Прочитал двадцать семь книг Феодорита, епископа Кирра, «Против различных еретических утверждений»² [10b]. Первая книга направлена против тех, кто утверждает, что Слово Божье имело природу, и что оно произошло от семени Давида, а также против тех, кто приписывает страсти Божеству. Вторая более резко критикует те же самые ошибки в свидетельствах Писания. Третья касается того же предмета. Четвертая содержит высказывания святых отцов о воплощении Господа нашего Иисуса Христа. Пятая собирает мнения еретиков и показывает, что они относятся к заблуждению тех, кто не хочет признавать две природы в Иисусе Христе, и что они почти связаны. Шестая показывает, что есть только один Сын, наш Господь Иисус Христос. Седьмая занимает место буквы, заканчивающей первую книгу. Восьмая написана против тех, кто судит истину только по совету народа. Девятая – против тех, кто говорит, что мы не должны искать аргументов и цитировать Священные Писания, но должны быть удовлетворены своей верой. Десятая идет против тех, кто злонамеренно продвигает аргумент, что «Слово стало плотью». Одиннадцатая – против тех, кто запрещает нам принимать две природы в воплощении. Двенадцатая – против тех, кто утверждает, что тот, кто говорит Слово, – это одно, а Плоть – другое, предполагает двух сыновей. Тринадцатая – против тех, кто говорит, что рассматривать Христа как человека – значит возлагать на него надежду. Четырнадцатая – против тех, кто говорит: «Он страдал без страданий. Пятнадцатая – против тех, кто говорит: «Он страдал, как хотел». Шестнадцатая – против тех, кто говорит, что мы должны принимать слова, независимо от того, что они означают, что находится за пределами человеческого понимания. Семнадцатая – против тех, кто говорит: «Слово пострадало во плоти. Восемнадцатая идет против тех, кто задается вопросом, какие наказания понесли бы евреи, если бы они не распяли Бога. Девятнадцатая идет против тех, кто утверждает, что тот, кто не верит в распятие Бога, является евреем. Двадцатая противоречит тем, кто утверждает, что ангелы, которые ели с Авраамом, не были полностью из плоти. Двадцать

¹ Мы ничего о нем не знаем.

² Различным образом приписываются Феодориту, Афанасию и Евферию, епископу Тианы.

первая идет против тех, кто принижает каждое чудо, отвергая плоть. Двадцать вторая – против тех, кто обидел наше племя, отрицая, что Спаситель начал с нашей природы. Двадцать третья – против тех, кто просто предлагает нам верить тому, что говорят, независимо от того, что правильно или неправильно. Двадцать четвертая достается против тех, кто положил конец различию между двумя естествами после Страстей и Вознесения. Двадцать пятая – это резюме всего, что уже было подробно объяснено. Двадцать шестая касается композиции, проявленной впоследствии [11a], или консубстанциация; двадцать седьмая посвящена примеру обычного человека (применительно ко Христу).

Одного предмета в каждом случае достаточно, чтобы указать, какие из вышеупомянутых прецедентов подтверждают православную веру, а какие противоречат ей.

В том же томе я прочитал три большие работы, чем упомянутые, под названием Eranistes или Polymorphos¹. Первая учит, что Слово непреложно; второе, что союз несмешанный; третье, что Слово Божье бесстрастно. В четвертой книге эти утверждения подтверждаются аргументами. Все три книги представлены в диалоговой форме, остальные – в непрерывной прозе. Стиль ясный, отчетливый и чистый; они не лишены очарования, и произведения изобилуют адекватными размышлениями.

47. Иосиф Флавий. Иудейская война

Прочитал труд иудея Иосифа Флавия² о «Бедствиях евреев». Описаны захват Иотапаты (где сам Иосиф был взят в плен), Гисхалы³, и уничтожение других еврейских крепостей, а в последней книге – разрушение Иерусалима и крепости Масада. Труд состоит из семи книг. У автора чистый стиль и склонность выражать свою мысль с достоинством, с определенностью и обаянием. Свои речи он преподносит убедительно и приятно, даже если случай побуждает его принять противоположные взгляды; он умен и плодовит в использовании доводов с обеих сторон, и очень любит афоризмы. Он также очень умело привносит эмоции, разжигает страсти и успокаивает их.

Он рассказывает, что многие знаки и предзнаменования предшествовали взятию Иерусалима. Телка, которую вели на жертвоприношение, родила ягненка; свет засиял в храме и послышался голос: «Уходите отсюда»; ворота храма, который с трудом открывали двадцать человек, открылись сами по себе, а вечером появились войска, одетые в броню. Человек по имени Иисус, сын Анании, в течение шести лет и трех месяцев не переставая повторял, как

¹ Он принимает форму диалога между представителем ортодоксии (Феодорит) и представителем монофизитства, сравнивая его с нищим, собирающим обрывки самых поздних еретических сочинений.

² Известный историк (37-98 гг.), «греческий Тит Ливий». «Война», как считается, первоначально была написана на еврейском, а затем переведена на греческий язык. Его другие сохранившиеся работы: «Иудейские древности», «Автобиография», полемический трактат «Против Апиона».

³ В Галилее.

некое внушение, слова: «Горе, горе Иерусалиму!» Когда он был избит за это, он ничего не ответил, но повторял те же самые слова. Он присутствовал при взятии города, и пока кричал: «Горе, горе городу!», он попал под камень одной из вражеских машин [11b], и испустил дух.

Таковы были признаки того, что предсказывало взятие города; но это была внутренняя крамола, что вместе с врагом повергла его. Разбились на фракции zeloty и sikaarii¹, и они уничтожали друг друга, и таким образом плоть государства жестоко и безжалостно рвалась на части простым народом. Город страдал от голода так тяжело, что жители были доведены до всех видов крайности; даже женщина ела плоть собственного сына. Голод сменился мором – явное доказательство того, что это было делом рук Божьего гнева, во исполнение воззвания Господа и угрозы, что город будет взят и полностью разрушен.

48. «Иосиф Флавий». О Вселенной

Прочитал трактат Иосифа² «О Вселенной», в другом месте называемый «О причинах Вселенной», и «О природе Вселенной». Он состоит из двух небольших трактатов, в которых автор показывает, что Платон сам себе противоречит. Он также опровергает Алкиноя³, чьи взгляды на душу, материю и Воскресение являются ложными и абсурдными, и приводит свое собственное мнение по этому вопросу. Он доказывает, что еврейский народ намного старше, чем греки. Он думает, что человек представляет собой соединение огня, земли и воды, а также духа, который он называет душой. О духе он говорит следующее: принимая главенствующую часть этого, он формируется вместе с телом, и открывая проходы в нем, пронизывает каждый сустав и каждый член. Дух, таким образом, формируется вместе с телом и распространяется по всему телу, образуя подобие видимого тела, но его природа холоднее по сравнению с тремя другими субстанциями, из которых строится тело. Эти взгляды не согласуются с еврейскими идеями человеческой физиологии, и ниже обычного уровня других его сочинений. Он также дает краткий отчет о создании мира. Христос истинный Бог, говорит он, подобно нам открыто дает ему имя Бога, и, описывает языком, к которому нет никаких возражений, Его неопишное порождение от Отца. Это могло бы, пожалуй, заставить людей сомневаться в том, что трактат действительно принадлежит Иосифу, хотя в отношении стиля он не отличается от остальных его сочинений.

¹ Зилоты и сикарии (убийцы) составляли фанатичные антиримские еврейские партии войны в I в., чьим желанием было изгнать римлян и всех, кто сочувствовал им. Они не уклонялись от убийства и носили с собой маленькие кинжалы (sicae), нанося удары тем, кого они считали врагами своей родины.

² Более вероятно, что автором является Ипполит из Рима. Родился в середине II в., умер вскоре после 235 г. Настоящий Иосиф Флавий не мог упоминать о христианской доктрине.

³ Философ–платоник. Расцвет приходится на I или II в.

Я прочитал заметку на полях о том, что труд этот не Иосифа, но некого Гая¹, пресвитера Рима, также являющегося автором «Лабиринта»², и диалога против Прокла, поборника монтанистов³. Последний, который не имеет подписи, некоторые приписывают Иосифу, другие Юстину Мученику, а «Лабиринт» [12а] – Оригену. Но нет никаких сомнений, что это произведение Гая, автора «Лабиринта», который в конце этого трактата оставил запись, что он автор «О природе Вселенной». Но для меня не совсем ясно, является ли это той же самой или другой работой. Этот Гай, как говорят, был пресвитером церкви в Риме во время епископата Виктора⁴ и Зефириния⁵, и был рукоположен епископом неиудеев. Он написал еще один особый труд против ереси Артемона⁶, а также сочинил увесистый трактат против Прокла, приверженца монтанизма. В нем он насчитывает только тринадцать посланий Павла, и не включает «Послание к евреям».

49. Кирилл Александрийский. Против Нестория

Я прочитал трактат Кирилла, епископа Александрийского, «Против богохульства Нестория» в пяти книгах. В них он сохраняет свой характерный стиль и любопытную фразеологию. Но это яснее, чем в его письмах к Гермию⁷ и в его труде «Поклонение духу». Язык витиеват и тщательно продуман, отягощен особой формой, напоминающей поэзию в прозе, презиращую размер.

50. Никий монах. Против семи глав Филопона

Прочитал трактат монаха Никия⁸ против семи глав Филопона, которые он упомянул в своем трактате, озаглавленном «Арбитр» (или «Судья»). Стиль простой и лаконичный, подходит для написания спорных текстов и лишен повторений. Я также читал его полемику в «Трактате против Севера» и двух его книгах «Против язычников».

¹ Жил в начале III в.

² Другие приписывают его также Ипполиту. Вопрос о том, идентичен ли «Малый Лабиринт» упомянутому Феодоритом.

³ Основателем секты был Монтан из Фригии (2-я пол. II в.). Он был жрецом Кибелы, впоследствии обратился в христианство и проповедовал в Риме. По словам его последователей, он был Заступником или Святым Духом, предвещанным Христом. Среди прочего они отличают два вида грехов: смертные и несмертные; отрицают законность второго брака; не крестились во имя Троицы, но в память о смерти Христа ради человечества; презирали древних пророков как одержимых злыми духами, и выступали за высокую аскетическую жизнь. «Все аскетичные, суровые, и хилиастические элементы Церкви объединились в монтанизме».

⁴ 189-202 гг.

⁵ 202-217 гг.

⁶ II и III вв., адопционизм, монархианизм или анти-тринитарианизм. Его взгляды были впоследствии развиты Павлом Самосатским (расцвет 260-272 гг.). Эта работа, вероятно, идентична с «Лабиринтом».

⁷ Возможно, автор трактата «Насмешки над языческими философами», но время, в которое он жил, оспаривается.

⁸ Жил ок. 600 г.

51. Гесихий. О медном змие

Прочитал четыре книги Гесихия¹, священника из Константинополя, «О медном змие». Работа предназначена для работы над чувствами. Она содержит речи к людям, вложенные в уста Моисея, и вымышленные речи населения в ответ. Существуют также тщательно продуманные беседы Божества с Моисеем и людьми [12b] с их ответами в форме мольбы и извинений. Этим выступлениям посвящена значительная часть работы, составляющей большой том. Сам автор, насколько видно из этого трактата, православный.

52. Постановления собора в Сиде против мессалиан

Читаны Постановления собора в Сиде² против секты мессалиан³, евхитов, или адельфиев⁴. Амфилохий, епископ Икония, председательствовал, поддержанный 25-ю пятью другими епископами. Читал здесь же письмо от собора Флавиану, епископу Антиохийскому, давая ему отчёт по слушаниям.

Впоследствии из-за этого письма Флавиан созвал другой собор против тех же самых еретиков, которым помогали три других епископа – Биз Селевкийский, Маруфа, епископ Суфарены⁵, и Сам. Присутствовали также действующие священники и дьяконы в количестве 30 человек. Собор отказался принять раскаяние адельфиев или признать его, когда он предложил отказаться от своей ереси; поскольку это не показало ни его отказ, ни того, что его раскаяние было искренним. Основателями этой секты были Адельфий, который не был ни монахом, ни священником, но одним из непосвященных, Саба Апокоп (Кастрат), который принимал монашеский сан, другой Саба, Евстафий Эдесский, Дад и Симеон, ещё один злодей, и другие, которые росли вместе с ними. Адельфий и его последователи были осуждены, хотя они искали возможность раскаяния, но им отказали, так как они были замечены в переписке, как будто они разделяют их взгляды, с людьми, которых они проклинали как мессалиан.

Флавиан написал письмо осроэнцам, сообщая им о том, что было сделано и давая отчёт о наказании и отлучении от Церкви еретиков. Епископы, которые получили этот отчёт, отвечали на письмо Флавиану, благодаря его, и выражая своё одобрение. Литойй⁶, епископ Армении, также написал запрос о мессалианах, и копию декрета с предложением совета послали ему.

[13a] Великий Флавиан также написал другому армянскому епископу о том же самом предмете; в этом втором письме он обвиняет епископа в симпатии к мессалианам. Аттик, епископ Константинопольский, также

¹ Мы ничего о нем не знаем. Возможно, этот Гесихий обвинил Евномия в ереси.

² В Памфилии (383 г.).

³ Оба имени подразумевают «тех, которые просят»; первое использовалось сирийцами, второе греками. Они верили, что постоянные просьбы и аскетизм придадут вдохновение для Священного Духа.

⁴ Адельфий, один из первых лидеров секты.

⁵ В Месопотамии.

⁶ Из Мелитены в Малой Армении.

написал епископам Памфилии, предлагая им удалить мессалиан отовсюду. Он написал о подобной возможности и Амфилохию, епископу Стороны.

Сисинний Константинопольский и Феодот Антиохийский послали объединенное письмо Вериниану¹, Амфилохию и остальной части епископов Памфилии, адресованное «нашим коллегам, любимым Богом, Сисинний, Феодот и всему священному собору, который волею Бога был собран в могущественном городе Константинополе, чтобы посвятить самого святого Сисинния, любимого Богом, и нашего императора Феодосия, любимого Христом, приветствуют Вас в Боге».

В этом письме от имени собора Неон епископ объявил, что, если кто-либо, после отлучения от Церкви из мессалиан, будет обнаружен, говоря или делая что-нибудь, что вызывало бы подозрения в следовании этой ереси, ему нельзя сохранять его положение, но, если бы он предложил платить десять тысяч раз штраф, наложенный на того, кто раскаивается, то любой, кто поддерживал его, епископа или кого-либо еще, должен будет заплатить тот же штраф.

Иоанн Антиохийский также написал письмо Несторию о мессалианах. Святой Вселенский собор, Третий Эфесский², также издал указ, выставляя богохульства и ересь мессалиан, проклиная книги аскетиков. Архелай, епископ Кесарии в Каппадокии, также написал 24 анафематизма против этих статей. Гераклид, епископ Ниссы, также написал два письма против них, во втором из которых свидетельские показания даны старинными вероисповеданиями святых изображений.

Спустя некоторое время, Геронтий, старший пресвитер из монахов в Глитисе, написал Алипию, архиепископу Кесарии в Каппадокии, предъявляя различные обвинения против Лампетия³, светского самозванца, который был первым из секты мессалиан, которая преуспела в том, чтобы собрать сведения о нечестии духовенства. Алипий, по получении письма, приказал, чтобы Хормисда, епископ Коман, исследовал обвинения против Лампетия. Главы обвинительного акта включали следующее: то, что он был виновен в незаконном общении с женщинами; то, что он использовал непристойный язык в ссылке на такие дела; то, что он глумился и насмеялся над теми, кто пел часы, как являющиеся законными. Он и мессалиане обвинялись во многих других нечестивых словах и делах; и мы непосредственно, насколько это было в нашей власти, увели их от ошибки, которая в последнее время начинала возникать снова, видя много нагноившихся недостатков, поглощающих их души. Но этот Лампетий попросил пресвитера Геронтия быть его обвинителем, а епископа Хормисду его судьей, и был признан виновным частично на основании показаний свидетелей и частично из его собственных уст, и был единодушно лишен духовного сана. Алипий Кесарийский, который

¹ Епископ Перге.

² 431 г.

³ Лидер мессалиан, настолько же важный, как и Адельфий. Его последователи назывались лампетиане.

был введен в заблуждение и выдвинул злодея на должность пресвитера, участвовал в голосовании. Этот трижды греховный Лампетий составил книгу, названную Завещанием, в которое были включены некоторые из его нечестивых доктрин [13b]; Север, который узурпировал власть в Антиохии, в то время бывший только пресвитером, опроверг их. Алфей, епископ Риноколуры¹, защищал Лампетия как невиновного в слове и деле по обвинениям, предъявленным против него, и хотя, насколько каждый знает, он не вводил богохульств в своей изданной работе, он был лишен своего поста как сторонник Лампетия. Другой Алфей, который был назначен пресвитером Тимофеем в Александрии, был удален с поста по обвинениям в той же самой ереси; такой вывод мы делаем из сообщения, сделанного Птолемеем, также епископом Риноколуры, тому же самому Тимофею.

53. Акты Карфагенского собора 412 (или 411) г., против пелагиан

Я читал отчет о работе собора, состоявшегося в Карфагене² в великой церкви, против Пелагия³ и Целестия⁴, когда Фауст⁵ Гонорий был императором Запада [14a]. Председателями были Аврелий, епископ Карфагена, и Дотиан их Телепты, главный прелат провинции Бизакена, которого поддерживали 224 выдающихся сановника из разных провинций.

Этот синод отлучил от церкви тех, кто утверждал, что Адам был сотворен смертным, и что он не принял смерть в наказание за свои грехи; он также отлучил от церкви тех, кто утверждал, что есть место на полпути между адом и раем, для младенцев, которые умирают без крещения, потому что они не несут ответственности за первородный грех Адама, и что тогда они могут жить в состоянии блаженства.

Шесть других подобных статей, занимавших первое место в ересь Пелагия и Целестия, также были преданы анафеме.

Императоры Феодосий и Гонорий также писали епископу Аврелию, осуждая этих же еретиков. После этого Констанций, муж Плацидии и отец Валентиниана Младшего, послал декрет Волузиану, префекту города, об изгнании Целестия. [Этот Волузиан, дядя святой Елены (Мелании⁶), был

¹ На границе Египта и Палестины.

² 412 или 411 г.

³ 370-440 гг. По некоторым данным, он был гибернианцем (ирландцем); по другим данным, это валлийский монах Морган (Пелагий = «рожденный от моря»). Он проживал в Риме, Африке и Палестине, где, как говорят, был убит. Пелагиане отвергли доктрину первородного греха, но верили в Троицу и в личность Христа.

⁴ Целестий, уроженец Ирландии, ученик Пелагия, был моложе и энергичнее своего учителя. Именно ему было в основном обьязано влияние пелагианства. Некоторые авторитеты делают его уроженцем Италии.

⁵ Если имя Фауст стоит вместе с Гонорием, то это будет эпитет, соответствующий Феликсу, иначе он будет означать «в великой церкви Фауста».

⁶ Были две святые жены с этим именем: старшая (350-410) и младшая (383-439). Речь здесь идет о последней. Она родилась в Риме, но в юном возрасте уехала в Гиппон в Африке, где встретила святого Августина, затем отправилась в Иерусалим, где приняла монашескую жизнь и умерла.

язычником в то время, но, под угрозой смерти, он обратился в истинную веру и был крещен Проклом¹ из Константинополя, города, куда он был отправлен в посольство. Возможно, в то же время он встретил эту святую женщину, которая вернулась из Иерусалима в город царицы²]. Лев Римский³ также писал об обращении пелагиан, так что, если они желают снова быть принятыми в Церковь, они должны анафематствовать свою ересь в письменной форме.

В письме Целестина, епископа Рима, Несторию⁴ осуждаются те же колеблющиеся. Целестин также писал епископам Галлии в защиту учения святого Августина и против тех, кого поощряли к безрассудным высказываниям – ересь, допускающая это разрешение. Священник Иероним⁵ также написал Ктесифону⁶, опровергая тех, кто придерживался идеи бесстрастия (иными словами, против Пелагия). Этот Пелагий был монахом, а Целестий был его учеником.

54. Копии Постановлений, данных против доктрины Нестория епископам Запада

Я прочитал книгу, критикующую ересь Пелагия и Целестия, под названием «Копии постановлений, данных против доктрины Нестория епископам Запада». Она указывает, что несторианская и целестинова ереси были бесспорно идентичны, цитируя в качестве авторитета письмо Кирилла Александрийского⁷ [14b] императору Феодосию. Целестин, говоря о теле или членах Христа, то есть о Церкви, смело отрицает, что это Бог (то есть, Святой Дух), многократно распределяющий каждому человеку, как Он это делает, желание, веру и все необходимое для жизни, благочестия и спасения; согласно ему, природа человека, как он есть – который из-за греха и беззакония ушел от блаженства, был отделен от Бога и вернулся к смерти – дает две причины для отвержения Святого Духа согласно свободной воле. Несториане осмеливаются утверждать то же мнение относительно главы тела, Христа. Поскольку Христос разделяет нашу природу, а Бог желает видеть всех людей спасенными, они подтверждают, что каждый из нас, как мы считаем нужным, может исправить свою ошибку и сделать себя достойным Бога; и поэтому Тот, Кто родился от Марии, Сам не был Словом, но, из-за благородства Его естественной воли, Он имел Слово с Собой, разделяя состояние сыновства только благодаря Своему благородству и подобию имени.

Эта пелагианская или целестинова ересь процветала не только на Востоке, но и распространилась на Запад. В Карфагене в Африке она была обнаружена и опровергнута Аврелием и Августином и публично осуждена на

¹ Патриарх Константинопольский (434-447).

² Беккер указывает, что этот абзац является более поздним дополнением.

³ Лев Великий, Папа 440-461 гг.

⁴ 422-432 гг.

⁵ Св. Иероним Стридонский.

⁶ Считается, что он был римлянином, которому написал Иероним из Палестины в ответ на его просьбу дать совет относительно пелагианства.

⁷ Архиепископ Александрийский (412-444).

различных синодах. Те, кто придерживался этих взглядов, были изгнаны из Церкви как еретики, когда Феофил был епископом Александрии¹ и Иннокентий епископом Рима², римскими, африканскими и другими западными епископами.

Однако на Синоде в Палестине³, в котором участвовали четырнадцать епископов, Пелагий был оправдан. Он полностью отрицал некоторые выдвинутые против него обвинения как глупые, и как будто они предали его анафеме, в то время как он признал, что делал другие заявления, но не в том смысле, который приписывают его обвинители, а, скорее, в соответствии с доктринами католической церкви. Его обвинителями были Непор⁴ и Лазарь⁵, два епископа Галлии, которые не присутствовали [15а] при расследовании, получив разрешение на свое отсутствие из-за болезни одного из них.

Об этом говорит нам Августин в своих письмах Аврелию, епископу Карфагена.

После смерти святого Августина некоторые члены духовенства начали подтверждать эти нечестивые доктрины. Они начали размышлять об Августине и ошибочно обвиняли его в отказе от свободы воли, но епископ Целестин остановил возобновление этой клеветы, написал епископам страны, чтобы защитить этого божественного человека против тех, кто возродил эту ересь. Со временем эти еретики, отказавшись от своих доктрин, были снова приняты в Церковь, но они возобновили скандал и должны были быть исключены епископом Септимом⁶, прежде чем они пошли дальше; он написал Папе Льву, стойкому противнику этих различных нечестивых доктрин.

Вскоре после этого, когда бесстыдная ересь снова возникла из корня зла, некоторые люди в Риме открыто высказались от ее имени. Но Проспер⁷, истинный человек Божий, вскоре подавил их в своих сочинениях против них, а Лев по-прежнему занимал папское кресло.

Ересь была также осуждена Священным собором в Эфесе⁸. Иоанн, Патриарх Александрийский⁹, в своей Апологии Геласию, епископу Рима¹⁰, предал анафеме не только пелагианскую ересь, но и самих Пелагия и Целестия в сотрудничестве с Юлианом¹¹, который, как известно, преуспел в руководстве этой сектой.

¹ 385-412 гг.

² 402-417 гг.

³ В Диосполе (древняя Лидда в Палестине) (415 г.).

⁴ Вернее Герос, епископ Арля.

⁵ Епископ Экса.

⁶ Епископ Альтина (совр. Альтино), недалеко от Венеции.

⁷ Проспер Аквитанский (403-463). Он является автором ценных хроник и ряда богословских сочинений.

⁸ 431 г.

⁹ Впоследствии епископ Нолы.

¹⁰ 492-496 гг.

¹¹ Епископ Эклана, близ Беневенто, вождь пелагианцев (V век).

55. Иоанн Филопон. Против IV собора

Я читал трактат Иоанна Филопона (или, скорее, Матеопона) Против Четвертого Вселенского Священного Собора¹. Стиль характерен для его личности. Он беззастенчиво пытается доказать, что собор одобрял ересь Нестория, и заявляет, что одобрил его отлучение, потому что думал, что не причинит вреда человеку², утвердив его доктрину. Сам Несторий, которого поразило осуждение, лелеял ее и наивно считал ее важнее всего; поскольку он допускает ложные и возмутительные заявления наравне со своими умственными способностями и нестабильностью своих мнений. Смелые и праздные утверждения, которые он сделал против собора, [назвав его] комедией в четырех действиях, никоим образом не достойны и даже неразумны.

[15b] В том же томе прочел трактат другого Иоанна, несторианина, «Против того же Четвертого Священного Собора». Автор Иоанн Эгский³, нечестивый человек, но в его словах есть красота и очарование, и он гениален и проникателен.

56. Феодорит Киррский. Против ересей

Читал трактат Феодорита Киррского против ересей, который охватывает времена от Симона⁴ до его собственного времени. Он посвящен некоему Сфоракию⁵, который был горячим слушателем таких вопросов. Он доходит до ереси Нестория, которую сразу же осуждает, и еще больше делает против ереси Евтихия. В последней из пяти книг, содержащихся в этом трактате, он резюмирует ортодоксальное и божественное учение по отношению к праздной еретической речи, показывая, что нет необходимости их путать, поскольку первая чиста и безупречна. Стиль ясен и лишен повторений.

57. Аппиан. Римская история

Прочитал Аппиана⁶ «Римскую историю» в трех частях и двадцати четырех книгах. Первая обращается к семи царям: Ромулу, Нуме Помпилию, Анку Гостилию⁷, Анку Марцию (внук Нумы), Тарквинию (Приску), Сервию Туллию, Луцию Тарквинию, сыну Тарквиния⁸, чьи поступки и деяния

¹ 451 г.

² Для τὸν ἄνθρωπον значение могло быть общим «для человека», то есть, человек не чувствовал бы себя обиженным, если бы пункт, на котором он настаивал больше всего, был проигран.

³ Cod. 41. Но он, очевидно, евтихианин, а не несторианец, если только ошибка не в cod. 41, причем на самом деле автором является другой Иоанн.

⁴ Маг (см. Деяния VIII.).

⁵ Комит доместиков (начальник дворцовой гвардии), консул в 453 г.

⁶ Из Александрии, жил в Риме во время правления Траяна, Адриана и Антонина Пия (между 98-161 гг.). Из двадцати четырех книг «Римской истории», которые Фотий имел перед собой, только одиннадцать (кроме предисловия) полностью сохранились; остальные либо полностью утрачены, либо сохранились фрагменты.

⁷ Обычно известный как Тулл Гостилий.

⁸ Обычно известный как Тарквиний Гордый.

содержатся в рассказе. Первый из них, основатель и ойкист города, хотя его правление было скорее патриархальным, чем тираническим, тем не менее, был убит, или, согласно другим, исчез из поля зрения. Вторым, ни в чем не уступавший как правитель своему предшественнику, или, возможно, даже его превосходил, умер в возрасте... Третий был поражен молнией. Четвертый стал жертвой болезни. Пятый был убит пастухами. Шестой также был убит. Седьмой был свергнут и изгнан из города за его тиранию. После этого монархия была упразднена, а ее полномочия переданы консулам. Таково содержимое первой книги, озаглавленной «Книга царей».

Вторая книга, озаглавленная «Италика», дает рассказ об истории Италии, за исключением той части, которая находится на Ионическом море.

Следующая книга, «Самника», относится к войнам римлян с самнитами¹, сильным народом и врагом, труды по покорению которого отняли у римлян восемьдесят лет [16а], и к другим народам, которые воевали на их стороне.

Четвертая, «Кельтика», относится к войнам римлян с кельтами (галлами). Остальные книги названы похожим образом.

Пятая содержит Историю Сицилии и других островов, шестая дает отчет об иберийских делах, седьмая – Ганнибалову войну, восьмая – ливийские дела (отношения с Карфагеном и Нумидией), девятая – македонские дела, десятая – дела в Греции и Ионии, одиннадцатая – сирийские и парфянские дела, двенадцатая – Митридатову войну. Вплоть до данного момента отношения и войны римлян с чужими народами изложены в этом порядке.

Последующие книги описывают гражданские войны и беспорядки среди самих римлян. Они озаглавлены первая и вторая книги «Гражданских войн» и так далее вплоть до девятой, что в итоге составляет двадцать одну книгу.

Двадцать вторая книга называется Гекатонтэтия (Hekatontaetia – «История ста лет»), двадцать третья – Дакика, о делах даков, двадцать четвертая – Арабика, об арабских делах.

Таковы разделы всего труда. Отчет о гражданских войнах содержит первую войну между Марием и Суллой, затем таковую же между Помпеем и Юлием Цезарем, от того как их соперничество приняло форму жестокой вражды, до того, как судьба благоприятствовала Цезарю, и Помпей был побежден и обращен в бегство. Затем описывается разбирательство Антония и Октавиана Цезаря (также известного как Август) против убийц Юлия Цезаря, в то время, когда многие уважаемые римляне были казнены без суда и следствия. Наконец, (следует) отчаянная борьба между Антонием и Августом, сопровождаемая страшной бойней, в которой победа осталась за Августом. Антоний, покинутый своими союзниками, был вынужден бежать в Египет, где он и умер от собственной руки. Последняя книга «Гражданских войн»

¹ Наиболее важными из них были следующее три: 343-341 гг. до н.э.; 326-304 гг. до н.э., в которой римлян постигла катастрофа в Кавдинском ущелье; 298-290 гг. до н.э., в которой самниты потерпели решительное поражение при Сентине (295 г. до н.э.).

описывает, как Египет попал во власть римлян [16b], и как Август стал единоличным правителем Рима.

История начинается с Энея, сына Анхиза, сына Капа, который жил во времена Троянской войны. После взятия Трои Эней бежал и после долгих скитаний высадился на побережье Италии в месте под названием Лаврент, где показывают его лагерь, и побережье в его честь названо Тройя (Troja). Фавн, сын Марса, который в то время был правителем первоначальных италийских обитателей, отдал свою дочь Лавинию замуж за Энея и участок земли 400 стадий в округности, на которой Эней построил город и назвал его Лавиний в честь своей жены Лавинии. Три года спустя Фавн умер, и Эней, который вступил на престол по праву родства, дал аборигинам¹ имя латинян от своего тестя Латиния Фавна. Еще через три года Эней был убит в сражении против рутулов из Тиррении, с царем которых Лавиния раньше была обручена. Ему наследовал Эврилеон по прозвищу Асканий, сын Энея от Креусы, дочери Приама, которая была его женой в Трое. По другим данным, однако, Асканий, который наследовал ему, был его сыном от Лавинии. Асканий умер через четыре года после того как он основал город Альба в основном поселенцами из Лавинии, и Сильвий стал царем. Сын этого Сильвия, как говорят, был Эней Сильвий, а сыном Энея – Латиний Сильвий. Его потомками были Кап, Капет, Тиберин, и Агриппа, говорят, был отцом Ромула, который был убит молнией, оставивший сына Авентина, который имел сына по имени Прока. Все они, говорят, носили прозвище Сильвии. Прока имел двоих детей, старшего звали Нумитор [17a], младшего Амулий. Когда старший вступил на престол после смерти своего отца, младший получил власть силой и злодеянием, убил сына своего брата Эгеста и сделал его дочь Рею жрицей, так что она не могла иметь детей. Но мягкость и кротость Нумитора спасли его от заговора против его жизни. Сильвия нарушила обеты ее и забеременела², и была схвачена Амулием для наказания, ее двое сыновей были отданы каким-то пастухам и были брошены в ближайшую реку Тибр. Младенцы Ромул и Ром³ были потомками Энея со стороны матери, имя их отца неизвестно⁴.

Как уже говорилось, история начинается с беглого сообщения об Энее и его потомках; но со времени Ромула, ойкиста⁵ города, дает полные сведения о событиях до царствования Августа, и обзорно только до времен Траяна.

¹ Попытки идентифицировать этот народ оказались неудовлетворительными. Название по-разному происходит от *ab origine*, первобытные жители, дети почвы = Gk. αὐτόχθονες; от *aberrare* — кочевники, или от βρεῖταινοι — горцы.

² От бога Марса.

³ Рем.

⁴ Одна рукопись имеет продолжение параграфа: «ибо, ненавидя своего неизвестного отца, они больше гордились происхождением от Энея».

⁵ Греческое слово οἰκιστής (*oekist*) обозначает основатель колонии и главу группы колонистов.

Аппиан был александрийцем по рождению, и сначала был адвокатом в Риме, будучи впоследствии возведен в сан прокуратора¹ при императорах.

Его стиль сухой и свободный от избыточности; как историк, он заслуживает доверия в меру своих возможностей, и отличный авторитет по военным вопросам; речи, которые он приводит, превосходно рассчитаны для поощрения солдат, когда они удручены, или сдерживать их, когда слишком горячи, выразительно и верно представляет эмоции и чувства. Он процветал в царствование Траяна и Адриана.

58. Арриан. Парфика

Прочитал Парфику Арриана, в 17 книгах.

Он же дал лучшее описание походов Александра Македонского; другая его работа – о Вифинии, касающаяся дел его отечества, о чем и написана книга «Вифиника»; так же писалось и об аланах, о чем написана «Аланика»².

Здесь же говорится о войнах Парфии с Римом, во время правления в Риме Траяна. Он считает, что парфяне – народ, произошедший от скифов, отпавший от господствовавших над ним македонян во время, когда персы были побеждены, по следующей причине.

Арсак и Тиридат были братьями Арсакидами, сыновьями Арсака, потомка Фриапита. Они, с пятью сообщниками, убили Ферекла, назначенного сатрапом в Парфию царем Антиохом (имеющего прозвище Теос)³, мстя за оскорбление, нанесенное одному из Арсакидов [17b]. Они изгнали македонян, стали править самостоятельно и так окрепли, что достойно сражались с римлянами, а, иногда, одерживали победы в войне.

Парфяне, во время царствования Сесостриса, египетского царя, и Янда, скифского царя, покинули Скифию, уйдя в земли, которые теперь населяют. Римский император Траян покорил их, но оставил свободными, в соответствии с договором, и назначил им царя.

Этот Арриан – философ и один из учеников Эпиктета⁴, жил во времена правления Адриана, Антонина Пия и Марка Антонина. Его называют «Младшим Ксенофонтом». Благодаря своим выдающимся знаниям, ему поручались различные государственные должности, и, наконец, он был произведен в высокую должность⁵.

Он был также автором других произведений: «Учение Эпиктета», известное нам, и «Беседы Эпиктета», в двенадцати книгах.

¹ Возможно Египта. Другая интерпретация: «Он считался достойным распоряжаться делами императоров».

² В том числе, и «Диспозиция против алан».

³ Антиох II Теос (Αντίοχος Β' Θεός; ок. 286—246 до н.э.) — царь государства Селевкидов в 261—246 до н.э.

⁴ Эпиктэт (греч. Ἐπίκτητος; ок. 50, Гиераполь, Фригия — 138, Никополь, Эпир) — древнегреческий философ; раб в Риме, потом вольноотпущенник; основал в Никополе философскую школу.

⁵ ...καὶ εἰς τὸ τῶν ὑπάτων ἀνέβη τέλος. Во времена правления Адриана он достиг консульства, а с 130 по 138 год был наместником Каппадокии.

Его стиль сух, и он настоящий подражатель Ксенофонта.

Он говорит, что является автором и других работ, но они не попали ко мне в руки. Конечно же, он не лишен риторического мастерства и силы.

59. Деяния Собора «под Дубом»

Я прочитал постановление собора¹, который был незаконно созван против святителя Иоанна Златоуста. Председателями были Феофил, епископ Александрийский, Акакий Беройский, Антиох Птолемаидский, Севериан Габальский и Кирин Халкидонский, которые были яростно враждебны Златоусту и совмещали в себе функции судьи, обвинителя и свидетеля. Всего было тринадцать заседаний: двенадцать против Златоуста, тринадцатое против Гераклида, которого Златоуст поставил во епископа Эфесского.

Однако из-за давления со стороны других дел показания Гераклида не были утверждены. Его обвинителем был Макарий, епископ Магnezийский.

Закрытым врагом и обвинителем Златоуста был его диакон Иоанн. Сначала он обвинил Златоуста в том, что тот причинил ему вред, прогнав его за то, что тот избил своего слугу Евлалия [18a]; второе обвинение заключалось в том, что некий монах по имени Иоанн был высечен по приказу святого Иоанна Златоуста, волочен и закован, как одержимый; в-третьих он продавал товары церкви; в-четвертых, что он продал мрамор, который Нектарий отложил для украшения церкви св. Анастасия; пятое, что он назвал духовенство бесчестным, развращенным, бесполезным само по себе² и никчемным; шестое, что он назвал св. Епифания³ идиотом и бесом; седьмое, что он замыслил против Севериана и настроил против него деканов⁴; в-восьмых, что он написал клеветническую книгу о духовенстве; девятое, что, собрав членов духовенства, он назначил трех диаконов, Акакия, Эдафия и Иоанна, по обвинению в краже его плаща⁵; и спросил их, не взяли ли они его для какой-то другой цели; десятое, что он посвятил Антония епископом, хотя тот был признан виновным в разграблении могил; одиннадцатое, что он обличил комита Иоанна на крамольном собрании войск; двенадцатое, что он не молился ни по дороге, ни при входе в церковь; тринадцатое, что он рукоположил в диаконов и священников, не встав перед жертвенником; четырнадцатое, что он посвятил сразу четырех епископов; пятнадцатое, что его посетили женщины после того, как всех заставили покинуть комнату; шестнадцатое, что он продал через Феодула наследство, оставленное Феклой;

¹ Собор «Под дубом» (403 г.), состоялся близ Халкидона, на другой стороне Боспора от Константинополя, принадлежащей Руфину, императорскому префекту.

² Αὐτολαραχρήτους. Другое прочтение - αὐτολαρακλήτους, «самозванный».

³ См. cod. СХХ.

⁴ Монашеские функционеры, каждый из которых имел под своим контролем десять монахов. Также именовались *Soriatæ* или *Fossarii* (устроители погребений, могильщики), которые должны были хоронить бедных за бесценок.

⁵ Μαφόριον, одеяло на голову, капюшон, накидка, специально для женщин. У монахов это может быть наплечник. Другое прочтение — ῥιμοφόριον, накидка на плечо (от латинского *pallium*).

семнадцатое, что никто не знал, на что были потрачены доходы церкви; восемнадцатое, что он поставил в священники Серапиона в то время, когда его обвинили; девятнадцатое, что он не принял во внимание тех, кто принадлежал к сообществу людей, кто был заключен в тюрьму по его приказу, и кто умер в тюрьме, и даже не смогли организовать захоронение их тел; двадцатое, что он оскорбил Пресвятого Акакия и отказался назначить ему встречу; двадцать первое, что он доставил священника Порфирия в Евтропий, чтобы изгнать его; двадцать второе, что он также имел книгу священника Венерия и серьезно оскорбил его; двадцать третье, что ванна была нагрета только для него, и после этой ванны Серапион опорожнил ванну, чтобы никто другой не мог ею пользоваться; двадцать четвертое, что он совершил многочисленные хиротонии без свидетелей [18b]; двадцать пятое, который он ел с жадностью в одиночестве, живя как циклоп; двадцать шестое, что он сам был обвинителем, свидетелем и судьей, что подтверждается делом Мартирия протодиакона и Прозерсия, епископа Ликийского; двадцать седьмое, что он ударил Мемнона кулаком в церкви Апостолов и, когда у него текла кровь изо рта, праздновал Причастие; двадцать восьмое, что он одевался и раздевался на своем престоле, и съел алмаз; двадцать девятое, что он подкупил посвященных им епископов для притеснения духовенства.

Таковы были обвинения против этого святого человека. Его вызывали четыре раза, но он отказывался явиться. Он заявил, что если синод исключит своих заявленных врагов из списка судей, то он будет готов появиться и защитить себя от любых обвинений против него; если бы они отказались сделать это, то сколько бы раз они ни вызывали его, это было бы напрасно.

Затем были рассмотрены первое и второе обвинения, после чего синод рассмотрел дело епископов Гераклида и Палладия Еленопольского. Монах Иоанн, упомянутый дьяконом Иоанном во втором эпизоде против Златоуста, представил мемуары, обвиняющие Гераклида в том, что он был учеником Оригена и был арестован в Кесарии в Палестине за кражу одежды дьякона Аквилина. Несмотря на это, заявил он, Златоуст посвятил его в епископа Эфеса. Далее он обвинил самого Златоуста, во всем, в чем он пострадал от рук Серапиона и Златоуста из-за оригенистов. После этого были рассмотрены девятое и двадцать седьмое обвинения.

Тогда епископ Исаак снова обвинил Гераклида в том, что он ученик Оригена, с которым святейший Епифаний не общался ни в молитвах, ни за трапезой. Он также представил доклад, содержащий следующие обвинения против Златоуста: (1) монах Иоанн, уже упомянутый, был подвергнут порке и закован в цепи благодаря оригенистам; (2) что Епифаний отказался посещать его из-за его отношений с оригенистами Аммонием, Евфимием, Евсевием, Гераклидом и Палладием, (3) что он пренебрегал обязанностями гостеприимства и всегда ел один [19a], (4) что в церкви он использовал выражения вроде «стол полон гнева»; (5) что он громко кричал: «я влюблен, я сумасшедший»; (6) что он должен был объяснить, какой «гнев» он вызвал, и что он имел в виду, говоря «я влюблен, я сумасшедший», выражения, неизвестные Церкви; (7) что он позволил всем грешить, потому что он учил:

«Если снова согрешишь, покайся» и «Как часто ты грешишь, приходи ко мне, и я исцелю тебя»; (8) что он тогда объявил богохульство в Церкви, утверждая, что молитва Христа не была услышана, поскольку Он не молился должным образом; (9) что он вынудил народ отвергнуть авторитет синода; (11) что он вторгся в чужие провинции и посвятил там епископов; (12) что он оскорбил епископов, рукоположил в епископы и ...¹ быть изгнанным из дома; (13) что он подверг духовенство неслыханным оскорблениям; (14) что он насильственно присвоил денежные суммы, оставленные другим; (15) что он совершал таинства без собрания духовенства и без его согласия; (16) что он принял оригенистов, но позволил тем, кто был в общении с церковью и пришел к нему по рекомендательным письмам, быть брошенным в тюрьму, не добиваясь их увеличения, потому что даже если бы они там умерли, он не обратил бы на них внимание; (17) что он посвятил в епископы иностранных рабов, еще не освобожденных и, в некоторых случаях, обвиненных; (18) что он сам (Исаак) часто подвергался жестокому обращению с его стороны.

Из этих обвинений первое, уже обсуждавшееся, не требует дальнейшего изучения; но второе и седьмое, а затем третье обвинения Иоанна Диякона были изучены. В последнем случае протоиерей Арсакий, преемник Златоуста, и священники Аттик и Эльпидий или другие пришли свидетельствовать против этого святого человека. Они и священник Акакий также дали показания против него по четвертому обвинению.

После рассмотрения вышеупомянутые священники вместе с Евдемоном и Онисимом [19a] потребовали от синода ускорить принятие решения. Соответственно, Павел, епископ Гераклеяский, призвал всех участников голосовать. Присутствующие члены, всего сорок пять, записали свое решение, начиная с епископа Гимнасия и заканчивая Феофилом Александрийским. Было единогласно решено исключить Златоуста из его епископата. Письмо о его низложении было отправлено из синода духовенству Константинополя, и был составлен отчет для императоров. Геронтий, Фаустин и Евгномоний также подали три прошения, жалуясь на то, что Златоуст несправедливо лишил их сана епископов. В ответ на синод императоры прислали рескрипт империи. Это была работа двенадцатой сессии, тринадцатая, как уже было сказано, касалась дела Гераклида, епископа Эфеса.

60. Геродот. История

Прочитал девять книг «Истории» Геродота, по наименованию и количеству равные с девятью Музами. Он может считаться лучшим представителем ионического диалекта, как Фукидид аттического. Он увлекается бабьими рассказами и отступлениями, проникнутыми очаровательными чувствами, которые, однако, иногда затевают должное понимание истории и ее правильный и надлежащий характер. Истина не допускает обесценение своей точности баснями или чрезмерным отклонением от темы.

¹ Лакуна в тексте рукописи.

Он начинает свою историю с Кира, первого царя Персии, описывая его рождение, обучение, возмужание, его царствование, и доходит до царствования Ксеркса – его похода против афинян и последующего отступления. Ксеркс был третьим, кто наследовал Киру, – первый Камбис, второй Дарий. Смердис маг не считается в их числе, как тиран, который ловко узурпировал трон, не принадлежащий ему. Дария сменил его сын Ксеркс, на котором история завершается, хотя и не доходит так далеко, как конец его царствования. Геродот сам, по свидетельству Диодора Сицилийского¹ процветал в эти времена. Говорят, что, когда он читал свое сочинение², Фукидид, тогда еще очень юный, который присутствовал на чтении вместе с отцом, разрыдался. После чего Геродот воскликнул: «Ах, Олор! какова у твоего сына жажда к познанию!»

61. Эсхин. Против Тимарха; О преступном посольстве; Против Ктесифонта

[20a] Я прочел три речи Эсхина: «Против Тимарха» – первую из его речей, речь «О преступном посольстве» и третью и последнюю – «Против Ктесифонта». Ведь только эти три речи его считают подлинными, а кроме того, еще 9 писем. Некоторые поэтому называют его речи Харитами вследствие прелести его красноречия и по числу Харит. Письма же Эсхина называют Музами, ибо число Муз равно девяти. Приводится еще одна речь Эсхина, называемая Делосской. Но Цецилий не считает эту речь подлинной и говорит, что автором ее является другой афинянин Эсхин, современник этого Эсхина. Эсхин является одним из десяти ораторов. Когда Демосфен привлек его к суду за предательство во время посольства, Эсхин не был осужден, так как вместе с ним против Демосфена выступил государственный деятель Эвбул, у которого служил Эсхин, и заставил судей подняться, в то время, когда Демосфен еще говорил.

Позднее Эсхин возбудил процесс о противозаконии по поводу псефизмы, которую Ктесифонт предложил в честь Демосфена. Назначив себе сам штраф, на случай если он не докажет противозакония, Эсхин не доказал того, что обещал, и ушел из отечества в изгнание. Он собрался бежать к Александру, сыну Филиппа, воевавшему в Азии, но, услышав о смерти Александра и узнав, что преемники его целиком заняты распрями, отказался от этого. Отплыв на Родос, он провел там некоторое время, в течение которого обучал юношей. Слушатели восхищались им и высказывали недоумение, как он, имея такие способности к составлению речей, потерпел поражение от Демосфена. Эсхин сказал в ответ на это: «Если бы вы слышали это чудовище, – так он называл Демосфена, – вы не были бы в недоумении». Говорят, что, преподавая на Родосе, Эсхин первым стал сочинять вымышленные иски и так называемые упражнения. Состарившись, он переселился с Родоса на Самос, где и умер.

¹ См. Cod. 70.

² На собрании греков в Олимпии.

Отцом его был Атромет, а матерью Главкофея, жрица, темного происхождения. У него было два брата, Афобет и Филохар. Обладая громким голосом, Эсхин сперва был актером на третьих ролях, затем секретарем Совета [Пятисот] и постепенно выдвинулся как политический деятель. Он принадлежал к афинской партии сторонников Филиппа и поэтому был политическим противником Демосфена. Говорят, что он слушал Платона и учился у Антилкида [20b], и что в речах Эсхина есть признаки того и другого – сила их речи, величавость их вымыслов. Софист Дионисий, обратившись как-то к речи Эсхина «Против Ктесифонта» и прочитав в начале выступления: «Я никогда не возбуждал против кого бы то ни было публичного процесса и никого не привлекал по отчетам», сказал: «О пусть бы ты возбудил процессы против многих, пусть бы ты многих привлек по отчетам. Ведь тогда оказалось бы, что ты оставил [нам] больше речей». Настолько восхищен был он красноречием оратора.

Речь Эсхина естественна, производит впечатление импровизации, и восхищение вызывает не столько мастерство этого человека, сколько его прирожденное дарование. Ведь в его речах можно найти все признаки искусства, которые свидетельствуют скорее о врожденном даровании. Речь его проста и отчетлива, построение не слишком растянуто, как у Исократа, и не слишком сжато и сокращено, как у Лисия. В силе и вдохновении Эсхин ничуть не уступает Демосфену. Он прибегает к словесным и смысловым фигурам не для того, чтобы показать, что он искусно говорит, но только если это совершенно необходимо для обсуждаемых фактов. Поэтому речь его кажется какой-то бесхитростной и более всего подходящей для выступлений перед народом и судебных речей в частных исках. Речь Эсхина не переполнена ни эпихиремами, ни энтимемами, она связная и не слишком тщательно обработана.

62. Праксагор Афинский. История Константина Великого

Читана «История Константина Великого» Пракасагора Афинского¹, в двух книгах. В них он говорит нам, что отец Константина, Констанций, был правителем Британии и Испании; Максимин² Римский – остальной части Италии, и Сицилии; другой Максим³ – Греции, Малой Азии, и Фракии; Диоклетиан, как самый старший, управлял Вифинией, Аравией, Ливией, и той частью Египта, которая орошена Нилом. Константина его отец Диоклетиан послал в Никомедию, которая была недавно образована. Тогда Максим⁴, правитель Малой Азии, который случайно оказался там, решил составить заговор против молодежи и заставил его бороться с диким львом [21a]. Но Константин преодолел и убил животное, и, обнаружив заговор, нашел убежище с его отцом, после смерти которого он взошёл на трон.

¹ Процветал в IV в. Обе работы известны всецело из Фотия.

² Д.б. Максимиан (Marcus Aurelius Valerius Maximianus).

³ Также д.б. Максимиан (Galerius Valerius Maximianus).

⁴ Галерий.

Вскоре после своего вступления на престол он подчинил кельтов и германцев, соседние и варварские племена. Узнав, что Максенций, который сделал себя владыкой Рима после Максимиана¹, затронул его территории с жестокостью и грубостью, он пошел против него, чтобы наказать его за поведение. Поход был победным, и тот поместил своего врага в яму, которую он подготовил для других и подготовил смерть, которую он замыслил для своих врагов. Римляне отрезали ему голову, надели на копьё, и пронесли её через город. Эта часть империи с радостным рвением встретила Константина.

Тем временем, Максимин (который составил заговор против Константина) умер, и его власть перешла к Лицинию. Константин, узнав, что он также затронул свои территории с жестокостью и грубостью, неспособный терпеть такую жестокость по отношению к своему же народу, прошел против него, чтобы положить конец его тирании и заменить её конституционным правительством. Лициний, будучи информированным об экспедиции, встревожился и попытался замаскировать свою жестокость под плащом человечности, и любезно дал клятву, что он затронет лишь свои территории, и строго сдержал своё обещание. Константин, соответственно, на определённое время отложил вою экспедицию. Скоро, так как грешник не может остаться спокойным, Лициний изменил своей присяге и предался всем видам подлости. После этого Константин напал и победил его в нескольких больших сражениях и запер его, осадив в Никомедии, откуда он приехал к Константину в качестве просителя. Его власть была завоёвана, и население благодарило Константина, который таким образом обеспечил себе единоличную власть и стал единственным правителем различных частей большой империи, которая долго желала императора, достойного его. Он унаследовал власть своего отца и часть Рима после ниспровержения Максимиана² и получил владение Грецией, Македонией, и Малой Азией после смещения Лициния. Далее он взял на себя управление той частью, которая принадлежала Диоклетиану и была присвоена Лицинием, который захватил это право [21b] в войне с Максимином³, преемником Диоклетиана.

Будучи, таким образом, единственным владельцем объединенной империи, он основал Византию и назвал ее столицу своим именем. Праксагор говорит, что, хотя Константин был язычником, в достоинстве, совершенстве, и процветании он далеко превосходил всех своих предшественников на троне. Этими словами заканчивается история.

Праксагору, согласно его собственному утверждению, было 22 года, когда он написал эту историю. Он был также автором двух книг по истории царей Афин, написанных, когда ему было 19 лет, и шести книг по Александру Великому, написанных, когда ему был 31 год.

Его стиль ясен и приятен, но ему несколько не хватает энергии. Он пишет на ионическом диалекте.

¹ Валерий.

² Д.б. Максенций.

³ Valerius Maximinus по прозвищу Daza или Daia, император в 311-314 гг.

63. Прокопий [Кесарийский]. История

Прочитал «Историю» ритора Прокопия¹ в восьми книгах. Он излагает войны римлян в царствование Юстиниана против вандалов, персов и готов, главным образом, ведомых Велизарием, близким другом которого был писатель и которого он сопровождал в походах, зафиксировав в сочинении события, которым он был очевидец.

Далее содержимое первой книги. Аркадий, император римлян, своим завещанием назначил Яздегерда, царя Персии, опекуном своего сына Феодосия. Яздегерд принял ответственность, исполнил свои обязанности опекуна добросовестно и сохранил трон своего подопечного нетронутым. После смерти Яздегерда Вараран, его преемник, пошел войной против римлян, но затем Анатолий, главнокомандующий Востока, был послан Феодосием с посольством в Персию, заключил договор и вернулся домой. После этого Пероз, царь Персии, который наследовал другому Яздегерду, сыну Варарана, пошел войной на гуннов [22а], называемых эфталиты или «Белые» гунны из-за их облика. Они не безобразны и не похожи на других гуннов. Они не ведут дикий или кочевой образ жизни, но пользуются защитой законов под властью своих царей. Они были соседями персов на севере, которых Пероз убедил вторгнуться в их владения для того, чтобы решить вопрос о границах. Эфталиты хитростью завели его в трудную местность, из которой он едва унес ноги после заключения позорного мира. Он был вынужден признать вассальную зависимость от царя эфталитов, и ему было дозволено удалиться только после клятвы, что он никогда впредь не нападет на них. Впоследствии, однако, он нарушил свое слово и, снова пошел войной на них, и был с позором уничтожен вместе со всей своей армией, которая попала в ловушки и рвы, хитро подготовленные врагом. Он умер на двадцать четвертом году своего правления, став причиной утраты знаменитого жемчуга, который он носил в правом ухе.

Перозу наследовал его младший сын Кавад², который был обвинен в нарушении законов и заключен персами в крепость Леты. Сбежав с помощью своей жены, он нашел убежище у эфталитов, правитель которых обручил его с одной из своих дочерей и дал ему большое войско, с которым он выступил против персов и вернул себе трон без боя. Его брат Биас³, который царствовал вместо него, был оставлен солдатами, захвачен и ослеплен кипящим маслом, вылитым на открытые глаза, в соответствии с давно установившимся

¹ Из Кесарии Палестинской, умер вскоре после 562 г. В дополнение к восьми книгам о войнах он был автором описания зданий, возведенных Юстинианом, и *Anecdota* («Тайная история») с нападками на частную жизнь Юстиниана и его жены Феодоры, пользующейся дурной славой. Подлинность последней оспаривается. По стилю Прокопий является подражателем Геродота и Фукидида. Титул «ритор», данный ему Фотию, лучше подходит Прокопию из Газы, христианскому учителю риторики (465-528).

² Также Кобад или Кавад.

³ Также Балаш. По некоторым данным, он был братом, по другим — дядей Кавада. Источники различаются в том, умер ли он естественной смертью; в таком случае, Прокопий и другие путают его с братом Кавада Замаспом.

персидским обычаем. Далее следует рассказ о споре между Пакурием, царем Персии, и Арсаком, царем Армении, и о совете, враждебном Арсаку, данном магом Пакурию. Однако вполне вероятно, что эта история вымышлена.

Вышеупомянутый Кавад, который в значительной степени остался в долгу перед эфталитами, пытался получить ссуду от Анастасия, но встретился с отказом. В этой связи Кавад, без каких-либо излишних оправданий, внезапно захватил Армению и осадил Амиду. Когда он от отчаяния был на грани отказа от осады, сильное оскорбление со стороны некоторых женщин среди осажденных побудило его вернуться и продолжить труды. Он напал с бешеной стремительностью, взял город штурмом, и увел жителей в рабство. Большое количество из них были впоследствии освобождены без выкупа, и Анастасий обращался с ними большой добротой.

Анастасий, услышав, что Амида осаждена [22b], послал очень большие силы против персов под командованием четырех военачальников: Ареобинда, главнокомандующего Востока (зятя Олибрия, прежнего императора Запада), Целера – начальника императорского двора, Патрикия Фригийского и своего собственного племянника Ипатия. Им был придан Юстин, сменивший Анастасия, и много других опытных военных. Говорят, что такая большая армия никогда не была выведена в поле против персов, но по причине задержки ее прибытия, город был взят; в дальнейшем не было взаимодействия, и различные отряды действовали независимо, в результате чего они потерпели позорные поражения с большими потерями. Наконец, они достигли Амиды и осадили город, но пока они теряли время, персы в городе, которые находились в бедственном положении, заключили перемирие на семь лет, которое подписали Целер и Асперед как представители Рима и Персии.

Гора Тавр в Киликии сначала проходит через Каппадокию, Армению, Персармению, Албанию, Иберию и все другие независимые страны, которые стали подвластны Персии. Чуть далее границ Иберии есть узкий проход пятидесяти стадий в длину, оканчивающийся на крутой и недостижимой высоте; там, видимо, нет пути, кроме как естественного выхода, который выглядит так, как будто сделан руками человека, и называемого в древности Каспийские ворота. За этими воротами есть равнины, подходящие для верховой езды и полные природных источников, и существует обширное пологое пространство, которое предоставляет прекрасные пастбища для лошадей; и почти все оно населено гуннами до самого Меотийского болота (*Palus Maeotis*)¹. Всякий раз вторгаясь на персидскую или римскую территорию через Каспийские ворота, они скачут на полной скорости на сильных лошадях, так как для всякого, кто желает войти в Иберию, нужно только преодолеть упомянутую труднодоступную местность в пятьдесят стадий; если, с другой стороны, они выбирают другой проход, то только с большими трудностями можно достичь места назначения. Александр, сын Филиппа, осознав это, построил там ворота и воздвиг крепость. Во время правления Анастасия эта крепость была занята гунном по имени Амбазук,

¹ Азовское море.

другом римлян и Анастасия, который предложил передать ему контроль над воротами¹. Анастасий поблагодарил его за добрую волю [23а], но отказался принять на себя ответственность.

После смерти Амбазука Кавад насильственно изгнал его сыновей и завладел воротами. В этой связи Анастасий, после заключения договора с Кавадом, построил крепость в окрестности Дары, несмотря на возражения персов, а также еще один город в Армении на границе с Персарменией, который ранее назывался Феодосиополь, так как Феодосий даровал ему звание города вместо деревни.

После смерти Анастасия, хотя многие его родственники были достойны стать его преемником, они были отклонены, и Юстин был избран императором. Вскоре после его коронации Кавад, в целях обеспечения трона для своего младшего сына Хосрова, написал письмо Юстину с предложением, что тот должен усыновить Хосрова. Юстин и сын его сестры Юстиниан, предполагаемый наследник, приветствовали это предложение, но впоследствии по совету квестора Прокла, который доказывал, что сыновья есть законные наследники и преемники своих отцов², они передумали и усыновление не одобрили. Впоследствии Сеос (который когда-то спас жизнь Каваду) и Беод³ были отправлены персами, а Руфин и Ипатий – римлянами, чтобы обсудить условия мира и усыновление Хосрова. Сеос был обвинен Беодом в совершении различных преступлений, подвергся пыткам и был приговорен к смерти. Руфин также обвинил Ипатия перед императором, который лишил того должности.

Страна между Боспором и Херсоном, которые отстоят на двадцати дней пути друг от друга, населена племенами гуннов, которые ранее были независимыми, но не так давно подчинились Юстину, Херсон был последним городом на римской территории.

Иберы также, подвергаясь жестокому обращению со стороны персов, объявили себя вассалами Юстина вместе со своим царем Гургеном. Это и стало причиной войны между римлянами и персами.

Еще при жизни Юстин сделал Юстиниана своим соправителем, который после смерти дяди стал единоличным правителем. Велизарий и Ситта были два командующих армиями при Юстиниане. Велизарий был назначен [23b] командовать войсками в Даре, когда Прокопий, автор этой истории, стал его секретарем. Когда Юстиниан был единственным императором, Велизарий был назначен стратегом Востока, и ему было приказано идти походом против персов. Пероз, мирран⁴, был назначен командиром персидской армии Кабадом. В то время как обе армии расположились лагерем рядом с Дарой, Пероз направил послание Велизарию, предлагая тому подготовить баню в

¹ На условии выплаты некоторой денежной суммы.

² Он боялся, что, так как Юстин не имел родного сына, приемный сын мог претендовать на его наследство и трон.

³ Или Мебод.

⁴ Некоторые воспринимают это как имя собственное, другие — как титул главнокомандующего персидской армии.

городе, так как он собирался купаться там на следующий день. Римляне, соответственно, энергично готовились к бою. Во время боя некий Андрей, византиец, тренер по гимнастике, владелец школы атлетов в Константинополе, и один из банщиков Буза (который был товарищем Велизария по командованию), при вызове на поединок, скромно вышел из рядов, и победил и убил своего соперника. Затем сражение было прекращено. В последующих столкновениях персы, будучи полностью разгромлены с тяжелыми потерями, решили больше не рисковать генеральным сражением с римлянами, и обе стороны ограничились перестрелками.

Кавад затем послал другую армию в Римскую Армению, состоящую из персоармян, сунитов и сабиритов, под командованием Мермероя. Дорофей, стратег Армении, и Ситта, главнокомандующий всей армией, вступили в бой, и хотя они значительно уступали в численности, победили персов, которые в этой связи вернулись домой. Римляне затем завладели некоторой частью персидской территории, в том числе районом Фарангия, золотые шахты которого составляли доход царя. Цаны (прежнее название саны), независимый народ, который жил за счет грабежа своих соседей, были побеждены Ситтой и подчинились Риму. Они приняли христианство и были призваны в ряды римской армии.

После поражения обеих армий Кавад был в недоумении, что делать. Тогда Аламундар, вождь персидских сарацин, опытный и энергичный военный, который в течение пятидесяти лет беспокоил римлян, предложил ему [24а] атаковать Антиохию, которая была не защищена, и опустошить окрестную местность. Но Велизарий, узнав о его намерении, выступил со всей поспешностью против него с войском исавров и сарацин, последние во главе с Арефой, начальником сарацин, которые были на стороне Рима. Аламундар и Азареф отступили в тревоге, внимательно следя за Велизарием, который не собирался вынуждать сражение, но только сделал вид, что преследует их. Но солдаты упрекали его, сначала тайно, а затем открыто, так что против своей воли он согласился дать бой. Сначала, после того как обе стороны сильно пострадали, исход оставался неясным; но после того как войска Арефы и исавров уступили, персы получили решительный перевес. И если бы Велизарий не спешил и не пришел на помощь тем, кто остался, они бы все были уничтожены. Азареф, командир персов, по возвращении не получил благодарности от Кавада за победу. Ибо он потерял много людей, хотя потери противника были больше, и, соответственно, стал рассматривался как опальный.

Велизарий был отозван в Византию Юстинианом командовать экспедицией против вандалов, оборона Востока была поручена Ситте. В это время, пока персы атаковали римлян, Кавад умер, и ему наследовал Хосров. Узнав об этом, римляне отправили Руфина, Александра, Фому и Гермогена в посольство к нему с предложением заключить «бесконечный мир», а также заплатить сумму в 110 кентинариев¹. Сначала переговоры были

¹ 11000 фунтов золота.

безуспешными, и этот «бесконечный мир» был заключен не позже шестого года царствования Юстиниана. По его условиям персы получили оговоренные деньги, вернули район Фарангия и крепость Болон, а, с другой стороны, они отказались от крепостей, захваченных в Лазике, а также обменяли Дагария, превосходного солдата, на перса равного ранга.

Вскоре после этого подданные сговорились против и Хосрова, и Юстиниана. Персы ненавидели Хосрова как буйного и беспокойного, и решились даровать корону Каваду, сыну Хосроева брата Зама [24b]. Но заговор был раскрыт, и Хосров умертвил Зама и других своих братьев, и всех, кто принимал в нем участие. Таким образом, заговор был подавлен.

Кавад, сын Зама, который был очень молод, избежал смерти благодаря благоразумию и состраданию Ханаранга Адергадунбада¹, который был впоследствии казнен в этой связи Хосровом.

Народ Рима также восстал против Юстиниана и объявил Ипатия, племянника Анастасия, императором против его воли. Бунт имел свое начало в цирковых партиях². Велизарий и Мунд, по приказу Юстиниана, предали смерти Ипатия вместе с рядом заговорщиков и 30000 граждан. Юстиниан также имел поддержку от своих племянников Бораида и Юста. В этой же книге Прокопий сообщает о жадности и хитрости Трибониана, памфилийца родом, который занимал должность квестора, а также об Иоанне, префекте Каппадокии, печально известном подлостью, жадностью, пьянством и пороками всякого рода. Он рассказывает, как Антонина, жена Велизария, используя дочь Иоанна Евфимию, обманула его и несправедливо обвинила в заговоре против императора; так же, как, когда Евсевий, епископ Кизика, был предательски убит, Иоанн по подозрению в преступлении был подвергнут бичеванию и бесславно изгнан.

Содержание второй книги следующее. Хосров, будучи озабочен тем, как разорвать договор с римлянами, чьи завоевания в Ливии возбудили его ревность, далее был подстрекаем Витигисом, царем готов, который прислал к нему посольство, состоящее из неких лигурийцев и Бассака, вождя армян. Армяне восстали против Рима и присоединились к персам, и римский полководец Ситта был убит, сражаясь против них. Хосров в этой связи решил нарушить «бесконечный мир» и воевать с римлянами. Услышав об этом, Юстиниан послал Анастасия отсоветовать Хосрову делать это. В то же время, Витигис был взят в плен Велизарием и отправлен в Константинополь. Хосров, однако, пересек римские границы, взял город Суры, и обратил жителей в рабство. Вскоре после этого Кандид, епископ Сергиополя, предложил выкупить пленных числом 1200 [25a], и он отпустил их на свободу, получив залог по два кентинария. Но Кандид, не сумев сдержать свое обещание, был справедливо наказан.

Хосров затем выступил против Гиераполя и готовился к осаде, когда епископ Берои предложил ему 2000 фунтов серебра, если он откажется от

¹ Персидский титул.

² Восстание «Ника!» (532 г.).

блокады. Хосров согласился, и даже обещал освободить все римские владения на Востоке за 1000 фунтов золота. Между тем Буз, стратег Востока, не считая себя достаточно сильным, чтобы противостоять Хосрову, продолжал двигаться с места на место. Хосров затем выступил на Берию, от жителей которой он потребовал выкуп в 2000 фунтов серебра, вслед за тем увеличил сумму вдвое, и когда они не смогли заплатить, он взялся за энергичную осаду города. Но Мегас, епископ Берои, обратился к Хосрову и побудил его позволить жителям уйти свободно, куда бы они ни пожелали. Большинство солдат добровольно перешли к Хосрову, потому что положенную оплату они давно не получали. Подобным же образом Хосров потребовал выкуп от жителей Антиохии, и, когда они отказали, осадил город. Пока он энергично атаковал, Феоктист и Мулац¹ с солдатами из Ливана тайно выскользнули из города и бежали. Таким образом Хосров легко вынудил Антиохию сдаться и обратил жителей в рабство. Послы из Рима были отправлены к нему: Иоанн, сын Руфина, и Юлиан, его личный секретарь. После долгого обсуждения условий было решено, что римляне должны выплатить Хосрову 5000 фунтов золота сразу, и 500 фунтов ежегодно в виде дани, в обмен на его обещание прекратить разорение римской территории; и что послы будут отправлены от Юстиниана с утвержденным договором. Но несмотря на такое соглашение, Хосров приступил к Апамее и потребовал крупную сумму денег от ее епископа Фомы; наконец, он вынес все священные сосуды и подношения и покинул город. Именно здесь имело место чудо драгоценного и животворящего Креста². Хосров также пожелал присутствовать на цирковых играх в этом самом месте.

Затем он пошел на Халкиду, и истребовав [25b] с жителей 200 фунтов золота, отступил без осады. Затем он посетил Эдессу, с которой взыскал такую же сумму, но, будучи встревожен определенными божественными предупреждениями, покинул этот город также без осады.

Эдесса – это город, который связан с историей Авгара³ и чуда, явленного Христом. Авгар был большим другом Августа, при дворе которого он оставался некоторое время, и только хитростью добился разрешения на возвращение на родину. Хосров затем ушел из Эдессы. В то же время, Юстиниан написал своим послам, выражая готовность подтвердить договор. Тем не менее, Хосров, взыскав выкуп с Константины, и, уйдя к Даре, приступил к ее осаде. Ее начальник Мартин приготовился к обороне, и Хосров, не видя никакой надежды взять его осадой, удалился в свою страну после уплаты 1000 фунтов серебра. Жители Антиохии были все переведены в город, называемый Антиохия Хосрова, который он построил в Ассирии, в одном дне пути от Ктесифона. Он относился к ним с большой добротой и

¹ Или Молатз.

² Апамея обладала фрагментами св. истинного Креста.

³ Обычно известный как Абгар; вероятно, это титул. Авгар, здесь названный, правил с 4 по 50 г., с перерывом, в течение которого он был свергнут. Он сказал, что он написал письмо Христу, умоляя его вылечить его от болезни. Христос обещал прислать одного из своих учеников после вознесения, и Фаддей, посланный Фомой, излечил Авгара.

благосклонностью, распорядившись освободить их от всякой юрисдикции, кроме своей собственной, построил ипподром, и предоставил им другие увеселения.

Велизарий, который был отозван из Италии, принял командование и выступил против Хосрова в начале весны. По прибытию в Месопотамии, он вооружил и ободрил солдат, которые были почти без снаряжения и дрожали при упоминании персов. Хосров, по приглашению лазов, которые со своим правителем Губазом¹ присоединились к персам, вследствие вымогательств и взяточничества Иоанна, римского коменданта², быстро выступил против Петры, города колхов на берегу Эвксина. То время, пока Иоанн командовал крепостью, осада была неудачной, но когда он был убит выстрелом в шею, крепость сдалась. Жители получили разрешение уйти невредимыми по условию капитуляции. Только большая сумма денег, накопленных Иоанном посредством монополии, была захвачена Хосровом. В то же время Велизарий, после неудавшегося нападения на Нисибис, осадил крепость Сисавран и вынудил ее сдаться. Ее командир Блисхамес³ и наиболее уважаемые персы [26а] были взяты в плен и отправлены в Византий. Арефа, также отправленный с войском против ассирийцев, разорил их страну; но его товарищи, которые завладели крупными суммами денег, отказались вернуться к Велизарию. Последний, чья армия подверглась болезни, был в неведении о том, что сделал Арефа; Рецифанг и Феоктист стремились вернуться домой, чтобы защитить Финикию, которую в настоящее время разорял Аламундар. Велизарий, соответственно, отвел свои войска с персидской территории, и вскоре после этого был вызван Юстинианом в Константинополь.

64. Феофан Византиец. История

Прочитано десять книг «Истории» Феофана Византийского⁴. Первая книга начинается Персидской войной, возгоревшейся по расторжении мирного договора, заключенного между императором Юстинианом и Хосроем, царем персидским. Договор этот был нарушен самим Хосроем и Юстином, преемником Юстиниана, в конце второго года его царствования. Начиная отсюда свою «Историю», Феофан доводит ее до десятого года войны. В этой первой книге он упоминает, что описал и царствование Юстиниана. Притом видно, что за упомянутыми десятью книгами написал он и другие. В этой же книге он рассказывает о том, как Юстин уничтожил договор через Коментиола, требовавшего обратно у Хосроя Сванию, и как Хосрой обещал ее

¹ Или Гуназ.

² Он установил монополию на зерно и соль.

³ Существует несколько вариантов этого имени.

⁴ Учитывать этот фрагмент важно для начала шелководства в Константинополе, во время правления Юстиниана, и для первого упоминания о турках. Этого Феофана не следует путать с Феофаном Исавром Исповедником (758-818), чья хроника сохранилась, начиная с воцарения Диоклетиана (277 г.) и доходит до 811 г. (в конце царствования Михаила I Рангаве).

римлянам, но не возвращал; и как Месопотамия поколебалась землетрясением, как бы в ознаменование будущих бедствий.

На восток от Танаиса живут турки, в древности называвшиеся массагетами. Персы на своем языке называют их кермихионами. Они отправили в то время к императору Юстину дары и посольство и просили его не принимать к себе аваров. Юстин принял дары, отправил взаимно к туркам подарки и отпустил их посланников. Когда потом пришли авары, прося о мире и о позволении поселиться в Паннонии, то Юстин не принял их предложения по причине данного туркам обещания и заключенного с ними договора.

В царствование Юстиниана один перс показал в Византии неизвестное прежде римлянам искусство разводить червей (шелковичных). Выйдя из земли серов¹, упомянутый перс положил в трость семя этих червей и хранил в продолжение всей дороги до Византии. В начале весны он выпустил семена на листья шелковичного дерева [26b]. Вскормленные листьями, они окрылились, произвели шелк и прочее. Император Юстин впоследствии показал туркам рождение и работу этих червей и тем изумил их, потому что турки в то время занимали торговые города и порты серов, прежде принадлежавшие персам. После того как царь эфталитов Эвталан, от которого и народ получил свое имя, победил Пероза, персы потеряли эти места. Ими уже владели эфталиты; но вскоре после того турки победили их в сражении и отняли у них те места.

Юстин отправил к туркам посланником Зимарха, который великолепно угостил турков, был ими принят весьма благосклонно и возвратился в Византию. Хосрой за это послал войско против эфиопов, которые были союзниками римлянам. В древности они назывались макробии², а ныне называются омиритами. Миран, полководец персидский, поймал живого царя омиритов Санатурка, завоевал их город и покорила народ. Феофан повествует, что армяне, притесняемые Суреной, особенно за веру, согласившись между собой, убили Сурену содействием некоего Варды и Вардана, брата которого Мануила Сурена умертвил. Возмутившись против персов, армяне пристали к римлянам. Они оставили город Дувий, в котором жили, и перешли в землю римскую, и это в особенности подало повод к расторжению мира между персами и римлянами. Вскоре отпали от персов и иверы, и пристали к римлянам под предводительством Горгена. Столицей иверов был тогда город Тифилис.

Маркиан, племянник императора Юстина, был назначен полководцем востока. Он отправился против Хосроя в восьмом году царствования Юстина. Иоанн, полководец Армении, и Миран³, полководец персов, который назывался и Варамаан, собирали войска. Армянам помогали: колхи, авазги и Сарой, царь аланов; Мирану – савиры, даганы и народ дильмайны⁴. Маркиан дал сражение Мирану при Нисибии, разбил его, убил тысячу двести

¹ Китай.

² «Долгоживущими» или «долговечные».

³ Скорее личное имя, чем титул.

⁴ Возможно, дилимниты.

неприятелей [27а] и взял в плен семьдесят человек. Из римлян было убито только семь человек. Маркиан осаждал уже и стены нисибийские. Хосрой, узнав о том, собрал сорок тысяч конницы и более ста тысяч пехоты и поспешил на помощь городу против римлян. Между тем Маркиана оклеветали перед царем, будто бы он искал верховной власти. Царь, поверив этому, отрешил Маркиана от начальства и вместо него назначил Феодора, Юстинианова сына, прозванием Цир. Последовавший от того беспорядок заставил римлян отойти от осады Нисибия, а Хосрой осадил и покорил Дары.

65. Феофилакт Симокатта. История

Прочитана история Феофилакта, епарха и антиграфа, в восьми книгах. Феофилакт этот египтянин родом. Его стиль не лишен изящества, но вследствие чрезмерного использования образных выражений и аллегорических изысков холоден и по-детски безвкусен; далее, его часто несвоевременные отступления в область нравоучительных изречений свидетельствуют о пристрастии к избыточному многословию. В остальном он не заслуживает порицания. Он начинает с царствования Маврикия и доходит до воцарения Фоки.

В первой книге он рассказывает, как император Тиберий объявляет Маврикия своим преемником на тот момент, когда Иоанн возглавлял константинопольскую церковь, и как Тиберий дал наставление Маврикию устами квестора Иоанна, которому было поручено обратиться к самому Маврикию и народу вместо басилевса, и как Тиберий обручил с Маврикием свою дочь. И как он умер¹ на следующий день после Маврикиевой интронизации, и как перед смертью он узрел видение, сказавшее ему: «Вот что, Тиберий, говорит тебе Троица: времена нечестивой тирании не придут в твое правление». Эти слова предвозвещали трагедию безбожного и тиранического царствования святотатца Фоки.

И так Маврикий заключил договор с аварами, которые незадолго до того осадили Сирмий, и согласился выплачивать варварам через купцов [27b] по 80 тысяч золотых монет в год одеждой и серебром. Но договор продлился два года и был нарушен из-за алчности варваров, ибо варвар² потребовал еще 20 тысяч золотых. Это привело к разрыву перемирия: поэтому варвары захватывают город Сингидон, Августы и Виминакий и осаждают город Анхиал. Эльпидий и Коментиол отправлены в качестве послов римлян к аварскому кагану и подвергаются худому обращению за свободные речи Коментиола перед варваром.

В следующем году Эльпидий вновь отправлен послом к кагану с предложением уплатить дополнительные 20 тысяч золотых монет, и он возвратился в Византию вместе с неким Таргитием, представителем авар. Когда же варвары разграбили немало римских территорий, Таргитий был сослан на остров Халкиду на шесть месяцев. Коментиол же, избранный

¹ 14.08.582 г.

² Аварский каган.

стратигом против славян, со славой отличился. И как каган опять разорвал договор, и о маге Буколобре; и о разорении варварами множества римских городов.

Потом он рассказывает о военных операциях между римлянами и персами на реке Нимфий и о женитьбе Маврикия на дочери Тиберия Константине¹. Повествует он и о пожаре, который случился на форуме в начале царствования Маврикия, и о казни колдуна Павлина, и о чуде с чашей мученицы Гликерии, и как патриарх Иоанн при видимой склонности василевса к пощаде настаивал на предании колдуна сожжению, приводя в своей речи слова апостола, и что и Павлин, и его сын, являвшийся соучастником кощунства, были приговорены к смерти и окончили жизнь от меча.

Еще [говорится] о крепостях Афумоне и Акбасе. Книга вмещает также сражение между римлянами и персами², и как Иоанн [Мистакон] побежден умелыми действиями варваров.

Сильное землетрясение³ произошло в начале царствования Маврикия и его консульство. И как Филиппик, муж сестры василевса Гордии [28а], назначен стратигом вооруженных сил Востока⁴, и его подвиги, и отступление римлян из Мидии, и как римское воинство подверглось опасности из-за недостатка воды, и как римский стратиг предал разграблению Арзаненскую область⁵, и доблесть римского оружия, и как стратиг персов опустошил окрестности Мартирополя, и первое и второе посольства персов к римлянам⁶. Вот что (содержится) в первой книге.

Во второй [книге] он говорит о горе Изале и о надменности кардаригана, стратига персов, и как Филиппик и римляне сразились с кардариганом и персами около Арзамона, и как Филиппик, неся нерукотворную икону, обходил и очищал войско, и как римляне одержали славнейшую победу, и как нерукотворный образ с благоговением отправлен к епископу Амиды Симеону. Варварская территория разграблена римлянами, и кардариган бежит в Дару, и как жители отсылают его от города за поражение. И как одному римскому стратиоту изранили тело, а был он из таксиса так называемых квартопарфов, расквартированных в сирийском городе Берое.

О походе римлян на Арзанену⁷, и как ее вожди, Маруфа и Иовий, переходят на сторону Филиппика и римлян, и о войске, набранном кардариганом из кого попало с целью перехитрить римлян. И как Ираклий, отец императора Ираклия, послан Филиппиком для наблюдения за врагами и чудесным образом спасается.

И о персе Заберте, и как римляне оставили осаду Хломарона, и о внезапном и нелепом бегстве Филиппика и панике, возникшей в римских

¹ Осень 582 г.

² Весна 583 г.

³ 10.05.583 г.

⁴ 14.08.583 г.

⁵ Весна 584 г.

⁶ Весна 585 г.

⁷ Лето 585 г.

боевых порядках, и о постигшей Филиппика болезни, и Ираклий, отец василевса Ираклия принимает заботу о командовании, и как ипостратиг римского войска [Ираклий] атакует южные территории Мидии, и как весной¹ римляне [28b] вторгаются в персидское государство.

Он повествует также, что Коментиол выступил в поход на авар², имея ипостратигами Мартина и Каста, и как эти двое отличились против авар, но впоследствии Каст попадает в плен, и что Аксимуфа, экзарха римских пехотных сил [во Фракии] авары захватили живым, а их рати совершили набег на Фракию. И вынесение на рассмотрение Коментиолом дилеммы, атаковать противника или не атаковать, с речами за и против на военном совете. И как из-за ложной тревоги, распространившейся в аварском войске, сорвалось нападение Коментиола на кагана.

И о стратиоте Бусасе, и как его поймали авары, когда он охотился, и как, оставленный на произвол судьбы своими же римлянами, он первым научил авар строить осадные орудия. И как Бероя осаждена каганом, и как он терпит неудачу. И как он же, осадив Диоклетианополь, не имеет успеха. И как василевс Маврикий подвергся оскорблениям со стороны толпы византийцев за бедствия, причиненные Европе варварами, и как он посылает [во Фракию] стратигом Иоанна по прозвищу Мистакон, придав ему ипостратигом Дроктона, который, сразившись с аварами, когда они осаждали Адрианополь, спас город.

Рассказывает он также, как Ираклий штурмовал персидское укрепление, и о крепости Беиудаес, и как благодаря удивительной доблести стратиота Сапира римляне взяли эту крепость, и про пребывание Филиппика в столице.

Третья книга излагает, как Приск назначен стратигом вооруженных сил Востока вместо Филиппика³, и как Филиппик из ревности к Приску написал Ираклию приказ объявить войску об уменьшении солдатского пайка, и как Приск, приблизившись к лагерю, не сошел с коня, чтобы, согласно древнему обычаю, приветствовать войско; поэтому солдаты и по причине снижения размера выдач, и от нанесенной им обиды подняли мятеж. И Приск, дав Элифреду нерукотворную икону, пытался хитростью успокоить воинов, но они забросали ее камнями. Поэтому Приск [29a] бежит в Константиноу, а войско избирает себе стратигом Германа против его воли, и пока так царило насилие, персы причинили римлянам множество бед. Поэтому василевс отставляет Приска, а Филиппика вновь посылает вместо него стратигом. Но войско взбунтовалось и против него. И Константиноу осаждена персами⁴, но освобождена от опасностей пришедшим к ней на помощь Германом.

И военные действия происходят под Мартирополем⁵, и римляне одерживают блестящую победу, тогда как у персов стратиг Маруза и 3000

¹ 587 г.

² 587 г.

³ Весна 588 г.

⁴ Лето 588 г.

⁵ Осень 588 г.

воинов пали и 1000 попала в плен. И войско примиряется с императором благодаря Аристобулу.

Римские пленники совершают подвиг¹ в крепости Гилигердон. И архиерей антиохийский Григорий посредством посольства возвращает Филиппика к руководству войском. Мартирополь захвачен персами² вследствие хитрости Ситты. И Филиппик отрешен от должности³, и вести персидскую войну вместо него василевс доверяет Коментиолу.

Меж тем геты, или славяне опустошали окрестности Фракии, Рим вооружается против лангобардов, в Ливии побеждены маврусии. В командование Коментиола римляне и персы вступают в бой у Сисарбанона близ Нисибиса⁴, и римляне с доблестью побеждают, и особенно отличился Ираклий, ибо убит сам стратиг персов Фраат и захвачены вражеские трофеи.

Он излагает еще, как Варам, победив тюрок и доставив оттуда царю [персов] Гормизде богатую добычу, поднял свой меч и на Сванию; римляне же в командование стратига Романа вступают в бой с Варамом и его войском и с доблестью побеждают. И как за эту неудачу Гормизда в знак поношения прислал Вараму женскую одежду; тот же, в свою очередь, оскорбляет Гормизду, именуя его в письмах не сыном, а дочьрью Хозроя.

В то же время, и армяне под влиянием советов Савватия убивают своего стратига Иоанна с замыслом перейти на сторону персов. Но Доменциол, посланный василевсом, подавляет мятеж и приводит Савватия в Византию; тот осужден стать кормом для диких зверей, но избавлен от смерти человеколюбием василевса.

Гормизда же посылает Сараму против Варама [29b], но Варам, победив Сараму в битве, отдал его на съедение слонам и открыто восстал против Гормизды. А ведь он настолько процветал до того как поднял мятеж, что по рангу стоял ниже только царя и занимал должность, которую римляне именуют званием куропалата.

Книга вмещает и замечание о событиях более ранних времен и краткий рассказ о произошедшем в царствование василевсов Юстина и Тиберия, о жестокости Гормизды, царя персов, и сообщение о персидской генеархии – происхождении царской семьи. Вот что (содержится) в третьей книге.

Четвертая книга излагает, как гражданская война распространилась среди персов, и какие победы и успехи случились при узурпаторе Вараме, и убийство Ферехана и измена Задеспры, и как Биндой сверг Гормизду с трона⁵, и как тот попросился прямо в цепях обратиться с заявлением, и его речь. И как выступает с речью и Биндой, и как заколот на глазах у отца сын Гормизды, разрезана на куски царица, и ослеплен сам Гормизда, и как впоследствии он был убит дубинами по приказу собственного сына Хозроя, которого персы

¹ Осенью 588 г.

² Май 589 г.

³ После 1 июля 589 г.

⁴ Конец 589 г.

⁵ 6.02.590 г.

утвердили царем¹. И узурпатор Варам берет верх, и (происходит) бегство Хозроя, царя персов, и как он прибывает в Киркенсий с целью перейти к Маврикию, и как отправляет к нему посольство.

Изложение возвращается к Вараму, как он пускает в ход уловки, чтобы его объявили царем, и потерпев провал, сам надевает на себя диадему. Как василевс переводит Хозроя в Иераполь², придав ему царскую свиту. И о том, что произошло между Варамом и Хозроем до заключения последним союза с римлянами, и как посольство от Варамы к императору Маврикию отослано, а новое посольство от Хозроя³ принято. Как василевс высылает к Хозрою епископа Мелитены и Григория, архиепископа Антиохии.

О заговоре на жизнь против Варамы, который подготовили Замерд и Зоонамб, и о расправе над его соучастниками.

О персе Биндое, и как он бежит из Персиды, ибо был сообщником в злоумышлении против Варамы. Как Мартирополь отдан Хозроем римлянам, и [30а] о казни Ситты на костре, и праздничная речь епископа Мелитены (Дометиан имя ему) по случаю возвращения города. Вот о чем (сказано) в четвертой книге.

Пятая (книга) повествует, как Хозрой, царь персов, томимый смятением в душе, обратился к мученику Сергию, к которому шлют посольства и прочие варварские народы, с целью найти избавление от несчастий, и почтил его даром в виде золотого креста, украшенного драгоценными камнями, и потом Задеспра убит Росасом по наущению Блесхана⁴, и другое благоприятное случилось Хозрою.

О ссуде золотом Хозрою, царю персов, от императора Маврикия и как Хозрой подписывает долговое обязательство. И посольство от Хозроя с просьбой отставить Коментиола от командования, и назначение Нарса⁵ вместо Коментиола, и союз с римлянами против узурпатора Варамы. И о царских дарах, посланных Хозрою от императора. И как Хозрой передал василевсу ключи Дары через посла Долбзу. Речь Дометиана Мелитенского, призывающая римлян сражаться в союзе с Хозроем против Варамы, и об успехах Хозроя до столкновения между римлянами и персами, и как царские сокровища и персидский царский трон возвращены Хозрою Биндоем. Соединение римских сил Армении и Востока, и сражение с Варамом⁶, и славнейшая победа римлян; в битве этой, где командовал Нарс, вместе с другими были захвачены в плен и тюрки, носившие на лбу знак креста, который наложили им [матери] для избавления от моровой язвы.

О том, что произошло в Персиде с Голиндухой, и какую аскетическую жизнь она вела.

¹ 15.02.590 г.

² Март 590 г.

³ Весна 590 г.

⁴ 7.01.591 г.

⁵ Весна 591 г.

⁶ Осень 591 г.

Возвращение Хозроя в собственное царство. И о дарах, посланных от Хозроя мученику Сергию. И его же посольство¹ к тому же святому, чтобы он мог иметь детей от Сирем, которая была христианкой. И ходатайство имеет успех, и он отправляет ценные дары в храм мученика.

И как Хозрой умертвил сообщников узурпатора и самого Биндою как поднявшего руку против царя. О предсказании [30b] от Хозроя, что вследствие мятежа дела римлян подчинятся тиранам. И посольство [в Ктесифон] Проба, проедра Халкедона, и об иконе Богородицы, и о том, что произошло в ходе посольства. И поездка императора в Анхиал в Европе, и о явившемся ему предзнаменовании в виде вепря. И как император возвратился в столицу из-за прибытия персидского посольства во главе с Залабзой. Вот что (сказано) в пятой книге.

Шестая книга содержит: как покидающего город [Селимврию] василевса накрыла морская буря. И как в окрестностях Гераклеи при пребывании там василевса родился урод, младенец без рук, без глаз, без бровей, без век, а с бедра его свисал рыбий хвост; и как монстр был убит.

О трех славянах с кифарами, которых, по их словам, послали от границ океана к кагану и которые представились и василевсу Маврикию. Посольство франков к василевсу с предложением союза в обмен на уплату дани, но оно отвергнуто. Послы Босс и Бетт были отправлены Теодорихом.

О стаде оленей, и как самый крупный из них ранен и бежит в лес, и как его преследуют один из дорифоров и другой, гепид родом, и как дорифор убит из-за своих золотых украшений, и как долгое время спустя гепид уличен в убийстве и предан сожжению.

Поход аваров против римлян², и осада города Сингидона, назначение Приска стратигом, и как он возглавил войска в Европе. И как каган оказался у Дризиперы и предал сожжению храм мученика Александра. И как римляне, заперевшись в городе Тзуруле, осаждаются каганом, и как Маврикий хитростью обманывает варвара и отводит осаду. И посольство аваров к римлянам³, и поражение Ардагаста от римского войска, и еще произошедшее с Татимером, и доблесть таксиарха Александра, и доблесть римлян, и резня славян, и [ответное] нападение славян на римлян.

О монстрах, родившихся в окрестностях столицы, и один ребенок был с четырьмя ногами, другой с двумя головами. Как Приск был лишен командования [31a] за то, что отдал кагану добычу, взятую у славян, и Петр назначен стратигом воевать в Европе; и о Феодоре, отправленном послом к кагану от Приска, и о его учености и ловкости. Вот что (говорится) в шестой книге.

Седьмая книга рассказывает о возникших в римских войсках беспорядках и о подвигах римлян против славян, или гетов. Ибо гетами их называли в старину. И о том, что произошло с Петром и гражданами

¹ 592 г.

² 593 г.

³ 594 г.

фракийского города Асима. И как Пирагаст, филарх славянского войска, убит, и доблесть римлян. О жажде, сопутствующей римским войскам. И как после поражения Петра от славян Приск опять становится стратигом.

Смерть Иоанна Постника, патриарха Константинополя¹, и об одолженных ему Маврикием деньгах под расписку, и с каким почетом обошелся поистине благочестивый император с обнаруженными у того после смерти лохмотьями.

О маврусиях, обратившихся против города Карфагена, и как смелость Геннадия потушила войну. И о комете, замечаемой не один день. О гражданской войне между тюрками² и изложение тюркской политики. И как каган тюрков убил этнарха абделов, или эфталитов и поработил этот народ вместе с племенем огор, истребил колхов до тридцати мириад, да еще умертвил восставшего против него Турума, и как он отправил победное письмо императору Маврикию. Поработил он и аваров.

Автор повествует также о народах, обитавших в окрестностях Тавгаса и Мукри, среди которых рассеялись побежденные авары. И о народах уар и хуни, часть которых при Юстиниане обосновалась в Европе и назвала себя аварами.

И о том, что в стране тюрков неизвестны землетрясения и мор. И о так называемой Золотой горе, и о городе Тавгасе, и о червях-шелкопрядах, о способе их выращивания и о широком производстве шелка [31b] в окрестностях Хубды; и о белокожих индах.

Разговор кагана с Приском относительно порабощения Сингидона и ответная речь Приска, и как Приск спасает город³. И о том, что варвары совершили в Далмации, и как разорили города, и как Гундуис, посланный Приском против варваров в Далмации, отличился.

На девятнадцатом году царствования Маврикия некий монах предсказывает его смерть вместе с его детьми, ибо, пробежав с обнаженным клинком от форума до притвора дворца, он провозглашает, что Маврикий и его дети погибнут от меча. И некто по имени Геродиан также раскрыл василевсу будущее.

О голоде в войсках⁴, и как каган с непостижимым альтруизмом заключил пятидневное перемирие с голодающими римлянами при условии безопасного предоставления им от варваров продовольствия, и как получив от Приска в почетный подарок пряности, он отступил в Мезию. Как каган сразился с Коментиолом в Мезии, и вследствие злоумышления Коментиола римское воинство уничтожено варварами. И бежит Коментиол, и прибывает к городу Дризипере, но отсылается от города как дезертир и приходит к Длинным стенам. Варвары, идя следом, взяли сперва Дризиперу, затем сожгли храм мученика Александра и, вытащив его тело из раки, надругались над ним. Но

¹ Сентябрь 595 г.

² 596 г.

³ 598 г.

⁴ Весна 600 г.

божеское правосудие настигает оскорбителей мученика, ибо семь сыновей кагана умирают в один день от нарывов в паху.

Коментиол среди смятения проживает в Константинополе, варвары же приближаются к Длинным стенам. Жители Византии были настолько испуганы, что замыслили покинуть Европу и перебраться в Азию. Однако, василевс отправляет послом к кагану Арматона, и тот великолепными дарами, к которым добавляются 20 тысяч золотых монет, с трудом умиротворяет варвара, объявившего: «Пусть Бог рассудит между каганом и Мавриkiem и между аварами и римлянами».

[32a] Автор говорит об уродях в человеческом обличии, появившихся в водах Нила и различные мнения о приращении реки. Феофилакт соглашается с Агафархидом Книдским: тот же говорит, что в странах Эфиопии каждый год льются большие и непрерывные дожди сроком от летнего солнцестояния до осеннего равноденствия; поэтому естественно, что река должна сокращаться зимой, так как ее воды питаются лишь из собственных источников, тогда как летом она сильно увеличивается дождями из Эфиопии. Вот что (сказано) в седьмой книге.

Восьмая книга рассказывает, как Хозрой из-за набегов [на его территорию] подвластных римлянам сарацин собрался разорвать договор, но к нему послали Георгия, и соглашения остались в силе. И Георгий подвергается неуважению [со стороны императора] из-за слов Хозроя, что он сохранил мир ради посла, а не ради василевса Маврикия.

И как Коментиола судят за измену, и примирение с ним римских войск, и как он опять послан от императора стратигом. Битва между аварами и римлянами под командованием Приска и Коментиола, и из них Коментиол не сражается под каким-то предлогом, а Приск находится при войске; подвиги римлян, и истреблено авар до 4000. Вторая битва, и истреблено их до 9000. Пятая битва, и победа римлян, и резня авар, и взято пленных авар 3000, других варваров 4000, кроме них еще 2200 и славян 8000. Впоследствии каган, обманув императора, пленных авар получил обратно. О меланхолии Коментиола, и как по его неразумию множество римлян во время пути к Филиппополю погибло от стужи. Петр снова назначен от императора стратигом в Европе.

[32b] О женитьбе Феодосия, сына Маврикия, на дочери Германа¹. И о голоде в столице, и о мятеже димов во время молитвы василевса, и о его великодушии, и изгнание стратиотов и их возвращение в тот же день.

Как Маврикий написал Петру распоряжение² во что бы то ни стало расквартировать войска Фракии на той стороне Истра, и как Петр услышал божественный глас, и как в римской армии началось восстание, и тирания воздвиглась против императора, так как Фока провозглашен предводителем от солдат. И как бежит Петр, и как о мятеже возвещается василевсу, и как впервые при посредничестве димархов Сергия и Косьмы толпа димов

¹ Зима 601 г.

² Осень 602 г.

вмешивается в государственные дела, и находится 1500 прасинов и 900 венетов, и как народу доставлены щедроты. И (отправлено) посольство от императора к мятежным войскам, но оно не принято; и как он окружает столицу караулами. И посольство от армии к Феодосию, сыну Маврикия, с требованием, чтобы или он, или его тесть Герман был объявлен василевсом. Маврикий узнает об этом, подозревает, что Герман является причиной восстания и угрожает ему. Зять Феодосий сообщает Герману об угрозах василевса, и тот бежит в храм Богородицы. Кир и евнух Стефан, наставник царских сыновей, отправлены к Герману с заданием убедить его покинуть место, что не удалось; и Феодосий избит от отца жезлом за предупреждение тестя. И переход Германа из храма Богородицы в святую Софию, и опять и выманивание, и неповиновение [Германа], так как постоянный прихожанин Андрей помешал ему выйти; и волнения в городе, и поджог дома патрикия Константина, которого народ называл Лардисом. Сложное положение Маврикия и его бегство. Как поднявшийся шторм препятствует бегству. И миссия Феодосия к Хозрою и его возвращение из Никеи, когда ему показали перстень [33а] как условный знак от отца сыну.

Автор говорит и как горожане, среди которых был и некий Эдомит, перешли на сторону тирана. И как Герман, готовясь царствовать, терпит провал, так как прасины отказали ему в интронизации из-за его принадлежности, как они сказали, к партии венетов.

Далее коронация Фоки¹ в церкви святого Иоанна в Евдомоне. Кириак держал тогда бразды епископата в столице. Вступление Фоки во дворец и объявление Леонтии, жены Фоки, императрицей.

И спор между димархами за места в процессии [Леонтии]. И Косьма, димарх венетов, получает тумак от Александра; оскорбляют и самого Александра. Тут вспоминают, что Маврикий еще жив, и это подстегивает стремление тирана к убийству василевса. И истребление детей Маврикия на глазах у отца в гавани Евтропия. Философичность василевса [перед лицом смерти] с возблагодарением им Господа и его умерщвление Лилием.

О том, что при василевсе Ираклии было обнаружено завещание императора Маврикия. И как царские тела были брошены в морские волны. И эпитафия Маврикию. И как судом божественного провидения возмездие настигло римские отряды за их преступление против Маврикия, и вскоре [почти] ни один из массы принявших участие в мятеже солдат не оставался в живых, но все погибли кто от чумы, кто от небесного огня, кто от меча, так что, когда василевс Ираклий решил воевать с персом Разатом² и собрал армию, он обнаружил лишь двоих уцелевших из числа приверженцев узурпатора. И вот тогда римское воинство стало брать верх против персов, ибо пока еще дышали те мятежники, победа оставалась за персами.

Царевич Феодосий, сын императора, убит Александром по приказу тирана вместе с Петром, Коментиолом и Константином Лардисом; и слухи о

¹ 28.11.602

² 613 г.

Феодосии, что он не умер. И как в Александрии в округе под названием Тихей статуи сошли со своих мест и объявили о произошедшем в Византии одному каллиграфу, когда тот возвращался домой после ужина. И как Маврикий якобы сложил третью часть налогов с подданных и дал тридцать талантов на ремонт водопроводов; и как блестяще он почитал любителей наук [33b]. И о чудесах в связи с кровавыми потоками на теле мученицы Евфимии, и как Маврикий, расследуя это явление, сперва с недоверием, убедился, что это правда. И как тиран запер в частном доме Константину, вдову василевса Маврикия, и ее дочерей.

Посольство тирана к Хозрою, царю персов, и провал миссии. Хозрой разрывает договор под предлогом священной мести за Маврикия; и так Лилий (ибо он был послом) возвратился ни с чем.

Казнь Александра, сообщника Фоки в мятеже, по подозрению, что тот пощадил Феодосия, сына Маврикия, которого он на самом деле убил. Здесь конец всей Истории.

66. Никифор. Эпитома Истории

Прочитал «Историческую Эпитуму» Никифора, патриарха Константинопольского¹. Он начинает от смерти Маврикия и доходит до бракосочетания Льва и Ирины. Его стиль ясный и лишен излишеств, выбор слов отменный; композиция ни слишком расплывчатая, и ни слишком сжатая, но такая как нужно, и отлично подходит для ораторского применения. Он избегает новизны, но, в то же время, слишком привержен тому, что старомодно и замысловато. Его язык приятен, и не без очарования. Вообще говоря, он затмевает всех историков, что ему предшествовали; его единственный недостаток – чрезмерная краткость, из-за чего некоторым может показаться, что она препятствует его труду быть полностью приятным.

67. Сергей Исповедник. История

Прочитал «Историю» Сергея Исповедника². Она начинается с царствования императора Михаила³, и затем возвращается к беззаконным и скверным деяниям Копронима⁴. Политические и церковные события вплоть

¹ 806-815 гг. Он начал свою карьеру гражданским служащим, и, хотя был мирянином, был выбран патриархом. Его примирительные распоряжения вызвали ненависть к нему крайних. Во время кампании Льва против идолопоклонства он энергично защищал православную точку зрения, и в конце концов был свергнут и изгнан. В дополнение к историческим эпитомам событий 602-769 гг., здесь указанным, он был автором таблиц Всеобщей истории от Адама до смерти Никифора (829), многократно используемой византийцами, и трех *Antirrheticí*, написанных против иконоборцев.

² Труд утрачен. Имя Исповедник и эпитеты, применяемые к деяниям Копронима, показывают, что Сергей был противником иконоборцев и защитником православия. Возможно, это Сергей, сосланный Львом III.

³ Михаил II Бальб, Заика (820-829).

⁴ «Дерьмоименный», Константин V (741-775). Негибкий противник поклонения иконам, он жестоко нападал на православных, но в действительности был наиболее способным правителем.

до восьмого года царствования Михаила изложены по порядку; его военные успехи и его взгляды на религиозные вопросы изложены в деталях.

Стиль особенно ясен и прост, как в отношении значения слов, композиции, так и общего порядка, который создает впечатление спонтанности. Язык, полный природного очарования, не характеризуется заученными изменениями формы [34а], требующими чрезмерной заботы. В соответствии с его замыслом, он сохранил стиль наилучшим образом приспособленным для церковной истории.

68. Кефалион. Эпитомы истории

Читаны «Исторические эпитомы» Кефалиона¹. Они начинаются с господства Нина и Семирамиды² и заканчиваются временем Александра Великого. Вся история включает девять книг, названных в честь девяти муз – Клио, Талия, Полигимния, Мельпомена, Терпсихора, Эвтерпа, Каллиопа, Эрато и Урания, с которой также связаны действия Александра, царя Македонии.

Он пишет на ионическом диалекте. Чрезмерная краткость, с которой он описывает голые факты истории, не оставляет поводов для восхищения или подражания. Он ничего не говорит о своем племени или семье, опуская их молчанием, как Гомер, как сам он и говорит. Однако, по-видимому, он написал работу во время своего изгнания на Сицилию. Не говоря ничего о своем происхождении или семье, хотя он должен был это сделать, он упоминает свое изгнание как признак подлости духа. Его хвастовство перед рядом авторов, с которыми он консультируется в компилировании истории, показывает ум, неспособный к избавлению от мелкой и ребяческой любви к показу. Он говорит, что первая книга его истории была составлена из 570 книг, в 31 из которых он дает имена авторов; вторая книга из 208, с именами авторов в 25; третья из 600, с именами авторов в 26; четвертая из 850, с именами авторов в 36; пятая из 200, с именами авторов в 26, и так далее. Такова История Кефалиона.

69. Гесихий Иллюстрий. История

Читана «История» Гесихия Иллюстрия³, сына Гесихия и Софии, родившегося в Милете. Это – своего рода синопсис Всемирной истории, как показано в названии – «История римлян и Всеобщая история». Она начинается

¹ Процветал в господство Адриана (117-138). Некоторые фрагменты были сохранены Евсевием, а некоторые у византийских летописцев (например, Иоанна Малалы, Синкелла).

² Нин — мифический основатель и создатель Ниневии, Семирамида – легендарная царица Ассирии.

³ Жил во время правления Юстиниана. Он был автором Всемирной истории от смерти Анастасия (518 г.), из которой сохранилась часть, касающаяся ранней истории Константинополя. Работа начинается с Юстина и первых лет правления Юстиниана; включает перечень имен (Onomatologos) известных персонажей из истории литературы, это всеобщая история древней литературы. Illustrius — обозначение его сословного ранга.

с правления Бела, царя Ассирии [34b], и заканчивается смертью Анастасия, императора Рима¹.

Его стиль краток и изящен, язык, ясный, но немного риторичен, а состав сложен в пропорции. Он особенно осторожен в выборе слов. Его способ выражения отличен и решителен, и он очаровывает² читателя фигурами речи, которые, однако, не препятствуют тому, чтобы события были описаны так ясно, словно он не видит смысла в числах, или даже еще более ясно. Он также высказывает свое намерение придерживаться строгой правды.

Работа разделена на шесть частей. Первая часть содержит рассказ о событиях, предшествующих Троянской войне; вторая – события от захвата Трои до основания Рима; третья – события от основания Рима до времени, когда назначение консулов положило конец монархии, во время 68-й Олимпиады³; четвертая – события от правления консулов до 182-й Олимпиады, когда Юлий Цезарь стал единственным императором, и консулы были отменены⁴; пятая – от событий, которые имели место в правление Юлия Цезаря до времени, когда слава Византии достигла своей высоты, в начале 277-й Олимпиады⁵. Шестая начинается со времени, когда Византия к ее удаче имела Константина своим императором, и заканчивается смертью Анастасия, которого автор (я не знаю, почему) хвалит выше других из его предшественников, выделяя его милосердие и мягкость. Его смерть упоминается в 11-м индикте⁶, когда Магн был единственным консулом. Промежуток времени, охваченный его историей, составляет 190 лет⁷.

Также прочитана другая книга того же самого автора, которая содержит события правления императора Юстина. Это имеет важное значение, поскольку после смерти Анастасия Юстин был выбран преемником, как затем за самим Юстином последовал Юстиниан. Различные события произошли в течение первых лет господства последнего. Автору помешала писать далее смерть его сына Иоанна, к которому он был так глубоко привязан, что он был неспособен посвятить себя дальнейшим занятиям литературной работой.

¹ Анастасий правил в Константинополе.

² Чтение в этом месте сомнительно.

³ 508-505 гг. до н.э.

⁴ 52-49 гг. до н.э. Речь идет об исчезновении реальной власти консулов.

⁵ Византий был сделан столицей империи Константином, и его название было изменено на Константинополь в 330 г.

⁶ Индикт — период в 15 лет, установленный Константином Великим в 313 г. в финансовых целях, впоследствии принят как удобный метод хронологии вообще. Чтобы найти год упоминания, надо добавить 3 к любой дате нашей эры, разделить на 15, и остаток — это индикт, или, если нет никакого остатка, индикт = 15.

⁷ Непонятная цифра. Видимо, речь идет о достоверной, по мнению Фотия, истории.

70. Диодор Сицилийский

[35a] Прочитано сорок книг Диодора Сицилийского¹, содержащих своего рода всемирную историю. Он более подробен, чем Кефалион и Гесихий Иллистрий в описании тех же эпох.

Его стиль ясный, бесхитростный и превосходно подходит для истории. Он не подпадает под чрезмерное влияние аттицизма или старинного способа выражаться, но, с другой стороны, он вовсе не опускается до уровня обыденного языка. Он скорее имеет склонность к стилю, промежуточному между этими двумя, избегая фигур речи и тому подобного притворства, и только пользуется языком басни, по обычаю поэтов, там, где он рассказывает легенды о богах и героях.

Он начинает свою историю с мифической эпохи греков и варваров и доходит до начала войны между римлянами и кельтами, в то время, когда Гай Юлий Цезарь (называемый римлянами «божественным» в связи с его великими подвигами) подчинил большинство из этих самых воинственных кельтских народов. Он потратил тридцать лет на историю, как он сам говорит, посетив несколько разных стран, ради получения сведений, и подвергая себя многим опасностям. Он был родом из сицилийского Агирия; от долгого общения с римлянами он стал знатоком этого народа и его языка, и он старательно собрал рассказы обо всех их главных успехах и неудачах.

Вся история состоит из сорока книг. В первых шести описаны события, предшествующие Троянской войне и другие легенды, в следующих одиннадцати – события в мире от взятия Трои до смерти Александра Великого, в остальных двадцати трех – события до времени, когда разразилась война между кельтами и римлянами под руководством Юлия Цезаря. Он подчинил большинство и самых воинственных из этих народов, и расширил Римскую империю до Британских островов, и в этом месте история заканчивается.

71. Кассий Дион. История²

Читано сочинение Кассия Коккиана, или Коккия, Диона [35b] в 80 книгах. Он начинает с прибытия Энея в Италию из Трои и основания города Альбы и Рима, далее следует по порядку, не прерываясь, до убийства Антонина, которого называли Элагабалом, а также из-за его пороков именовали Тиберином и Сарданапалом, Лже-Антонином и Ассирийцем. Кроме того, доходит до правления Александра, который был им усыновлен и являлся соправителем, а после убийства Антонина, избежав опасности, угрожавшей ему от него, стал править один. Автор утверждает, что сей Александр вместе с ним самим принял консульскую власть во второй раз и что

¹ Из Агирия на Сицилии, процветал во времена Августа, и, конечно, дожил до окончания 21 г. до н.э. В его «Исторической библиотеке» в сорока книгах была история мира до Цезаря и Галльских войн. Только книги 1-5 и 11-20 сохранились. Главная ценность работы заключается в использовании сочинений, которые теперь потеряны, сохранении старых традиций историописания, и особенно хронологического материала.

² Перевод А.В. Махлаюка. В кн.: Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV-LXXX. СПб., 2011. С. 370-371.

сам император, желая оказать честь своему коллеге по консулату, взял на себя расходы, связанные с должностью. Этот автор управлял Пергамом и Смирной (должность эту ему поручил император Макрин), потом был наместником Африки, затем управлял Паннонией. После упомянутого вторичного консульства он, страдая болезнью ног, удалился на родину, чтобы, по его словам, провести остаток жизни в Вифинии, как предсказало ему божество, «вне поражения... и крови, и бурной тревоги»¹. Родиной его был город Никея в Вифинии, который с одной стороны омывается озером, именуемым Асканиевым.

Слог его, отличающийся великолепием и тщательностью отделки, соответствует великим деяниям. Его язык насыщен старинными сочетаниями и словами, подобающими величию [описываемых событий], а периоды увеличены за счет вставок и уместного использования инверсий. Ритм и замедления, используемые умело и аккуратно, благодаря общей ясности не бросаются в глаза неискушенному читателю. В речах он превосходит и является подражателем Фукидида, но отличается большей ясностью. Пожалуй, и во всем прочем Фукидид является для него образцом.

72. Ктесий. Персика

История Персии Ктесия Книдского содержит двадцать книг. Первые шесть посвящены истории Ассирии и всему, что предшествовало Персидской державе. В седьмой начинается рассказ об истории этого народа. В этой книге, в восьмой, девятой, десятой, одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой повествуется история Кира, Камбиза, Мага, Дария и Ксеркса. Почти во всех этих книгах он не только противоречил Геродоту, но и назвал его лжецом во многих вещах и изобретателем басен², потому что он жил после него³. Он говорит, что он сам был очевидцем большинства событий, о которых написал, или узнал от персов⁴, но даже он, не будучи свидетелем чего либо, не начинал писать свою историю, не обучившись этому таким образом. Геродот – не единственный историк, которому он противоречил [36а], он также расходится во мнениях с Ксенофонтом, сыном Грилла. Он жил во времена Кира, сына Дария и Парисатиды. Кир был братом Артаксеркса, который стал впоследствии царем Персии.

¹ Ном. II. XI. 164.

² Геродот предупредил часть этой клеветы. Например, он говорит (I, 95), что не игнорирует различные истории о Кире, которые рассказывают, но он стремился к той, которая ему кажется наиболее вероятной.

³ Ктесий был современником Ксенофонта, так как он оказался в экспедиции молодого Кира против своего брата Артаксеркса Мнемона. Будучи взят в плен, он своими познаниями в медицине приобрел большое положение при дворе этого царя.

⁴ Диодор Сицилийский, желающий, без сомнения, вернуть Ктесию благосклонность его читателей, утверждает, что этот историк обращался к царским архивам, но Фотий, правдивее и не упоминает эти архивы, а лишь персов, которые доводили до него факты, прямым свидетелем которых он сам быть не мог.

*Книги VII—XI*¹

1. Он (Ктесий) говорит, что Кир² ни в коей мере не признавал Астиага³ за родителя и называл его Астигасом⁴. И Астигас бежал от Кира в Экбатаны, где был спрятан в подвалах царского дворца своей дочерью Амитис⁵ и ее мужем Спитамом. Кир, придя в этот дворец, приказал Ойбару пытками, не только у Амитис и Спитама, но и у их детей, Спитака и Мегаберна, выведать его местонахождение. Астигас, желая избавить своих детей от пыток, обнаружил себя. Пойманный Ойбаром, он был закован в цепи, но вскоре Кир дал ему свободу и почитал, как отца⁶. Его дочери Амитис он оказывал почести, как своей матери, а затем, взял ее в жены, после того как муж ее, Спитама, был приговорен к смерти за ложь, заявляя, будучи допрашиваемым, что не знал о местонахождении Астигаса.

Это то, что Ктесий говорит о Кире, расходясь с Геродотом.

2. Он добавляет, что Кир воевал в Бактрии, и исход сражения остался не решенным, но, как только бактрийцы узнали, что Астигас является отцом Кира, а Амитис – его мать и жена, они охотно приняли его сторону.

3. Кир во время войны с саками захватил Аморга, царя саков, мужа Спаретры. Та после пленения ее мужа собрала армию в триста тысяч мужчин и двести тысяч женщин и, вступив в сражение, победила Кира, и взяла его в плен со многими другими, среди которых был Пармисис, брат Амитис, со своими тремя сыновьями, которых впоследствии освободили в обмен на Аморга⁷.

4. Затем Кир направился в поход против Креза и города Сарды, имея Аморга в качестве помощника. По совету Ойбара он сделал множество чучел персов [36b], расставив их вдоль стен города, и жители были объаты таким великим страхом, увидев их, что сразу сдались. Так был взят город⁸. Прежде, чем это произошло, сын Креза был дан в заложники, в результате того, что пригрезившееся во сне видение обмануло Креза. С тех пор, Крез, видимо,

¹ Предыдущие части не сохранились.

² Кир II Великий (Куруш) — персидский царь, правил в 559—530 годах до н.э., из династии Ахеменидов. Сын Камбиса I и, возможно, царевны Манданы, дочери царя Мидии Иштувегу (Астиага). Основатель персидской державы Ахеменидов.

³ Астиаг (Ἀστιάγης) — царь Мидии в 585—550 до н.э., последний мидийский царь.

⁴ Кир был его внуком. Астиагу пришло видение, что Кир впоследствии займет его трон. Тогда он приказал верному другу Гарпагу умертвить младенца. Но тот отдал его пастуху, и Кир, повзрослев, стал персидским царем, а затем и сверг деда.

⁵ По другой версии (у Геродота) ее звали Манданой.

⁶ Согласно Геродоту (I, 130): «Кир, между тем, не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины».

⁷ У Геродота царицу саков зовут Томирис. Страбон рассказывает, что побежденный Кир спасся в лагере, где был багаж армии, с большим избытком съестных припасов и вина. Когда его армия там немного отдохнула, он ушел вечером, как если бы он убежал, оставляя палатки, полные припасов. Удалившись на небольшое расстояние, он остановился в ожидании. Саки, ворвавшись в лагерь и, думая, что Кир бежал, принялись грабить и безмерно употреблять вино. Кир неожиданно вернулся, и тогда одни были истреблены во сне, другие взяты безоружными во время танцев у костров. Бежать удалось лишь немногим.

⁸ Согласно Геродоту, Сарды были взяты между октябрём и декабрём 347 г. до н.э.

замышлял обман, но сын был предан смерти у него глазах. Тогда его мать, бывшая свидетельницей казни, покончила с собой, бросившись со стены.

5. Когда город был взят, Крез укрылся в храме Аполлона, где трижды был заключен Киром в цепи, и трижды освобождался, несмотря на то, что храм был заперт и опечатан, а Ойбар находился на страже. Бывшим с Крезом отрубили головы, подозревая их в попытке освобождения Креза. Впоследствии его перевели во дворец и охраняли более строго, но он вновь был освобожден громом и молнией, посланными с небес. Наконец, Кир помиловал Креза и дал ему Барену, большой город близ Экбатаны¹. Гарнизон его составлял пять тысяч всадников и десять тысяч пельтастов², копьеметателей и стрелков из лука.

6. Еще он сообщает, что Кир послал в Персию евнуха Петисака, имевшего большое влияние, с тем, чтобы тот вернул Астиага от барканийцев, так как Амитис, как и ему, хотелось повидаться с отцом. Ойбар посоветовал Петисаку отвезти Астиага в пустынное место и оставить там умирать от голода и жажды. Так и случилось. После того, как преступление было раскрыто, Амитис потребовала доставить ей виновного, и, после того, как Кир отдал ей евнуха, ему выкололи глаза, с живого содрали кожу и распяли.

Ойбар опасался той же участи, хотя Кир заверил, что не допустит подобного, и в течение десяти дней морил себя голодом, пока не умер. Астиаг был похоронен с великолепными почестями; в пустыне было найдено его тело, которое, по словам, охраняли львы, пока Петисак не вернулся, чтобы забрать его.

7. Затем Кир выступил против дербиков³ [37a], когда Аморий царствовал у них. Поставив в засаде слонов, дербики внезапно атаковали ими всадников Кира, которые были разгромлены. Кир упал с лошади и индус, преследовавший его, ударил его дротиком с внутренней стороны бедра, в результате чего тот вскоре умер⁴. Индусы, будучи союзниками дербиков, участвовали в сражении, они же и предоставили слонов.

Сопровождавшие Кира друзья принесли его, еще живого, в персидский лагерь. В этом сражении погибло по десять тысяч персов и дербиков с обеих сторон.

¹ По другой версии (Геродот, Диодор и большинство других историков), Крез был приговорен к сожжению, но, воззвав к своему учителю Солону, заинтересовал этим Кира, и тот его помиловал; по третьей — (древневосточные клинописные источники) казнён.

² Пельтасты (πελταστής) — разновидность лёгкой пехоты в Древней Греции, часто использовались как застрельщики, метавшие дротики. Получили наименование по названию щита — пельты; в сражениях, как правило, играли вспомогательную роль, но известны случаи (битва при Лехее), когда при численном превосходстве разбивали фалангу, лишённую прикрытия из конницы и лёгкой пехоты.

³ Племя, обитавшее у совр. залива Кара-Бугаз, на западе Туркмении.

⁴ Согласно Геродоту (I, 214), Кир в июле 530 г. до н.э. в битве против массагетов, на восточной стороне реки Яксарт, потерпел полное поражение и погиб. «Царица» (то есть женщина-вождь) массагетов Томирис, мстя Киру за смерть сына, приказала найти тело Кира и окунула его голову в бурдюк, наполненный кровью, предлагая ему таким образом утолить ненасытную жажду крови.

Аморг, узнав, что случилось с Киром, собрал двадцать тысяч конных саков и поспешил на помощь персам, и саки, совместно с персами, одержали над дербиками замечательную победу. В этом сражении погиб царь дербиков Аморий со своими двумя сыновьями. Дербики потеряли тридцать тысяч, а персы лишь девять тысяч, и Кир стал хозяином этой земли.

8. Кир, видя приближавшуюся кончину, назвал своим преемником на царском престоле своего старшего сына Камбиза. Что касается Таниоксарха, младшего сына, то его он сделал деспотом¹ Бактрии, Хорезма, Парфии и Кармании, освободив их от уплаты дани. Спитаку, сыну Спитамы, он дал в сатрапии Дербикею, другому сыну, Мегаберну – Барканию, наказав повиноваться своей матери. Кроме того, он повелел хранить дружбу с Аморгом, заставив пожать в знак этого руки. Он пожелал всем процветания, если они будут хранить добрую волю по отношению друг к другу, и напугал проклятием того, кто это нарушит. Завершив эти слова, он умер на третий день после ранения, процарствовав тридцать лет.

Здесь заканчивается одиннадцатая книга Ктесия Книдского.

Книги XII–XIII

9. Двенадцатая книга начинается с царствования Камбиза. Приняв царскую власть, он отправил тело своего отца с евнухом Багапатом в Персию, приказав воздать ему все почести, и стал управлять подобно отцу. Во время его правления гирканин Артасирас обладал наибольшей силой, а среди евнухов – Изабат и Аспадат, которые приобрели большое влияние при отце царя после смерти Петисака².

10. Он отправился походом против Египта и победил египетского царя Амиртея³ благодаря евнуху, что был рядом с египетским царем и оказывал на него большое влияние⁴. Он предал интересы египтян, чтобы стать эпархом

¹ Деспот (δεσπότης, «владыка») — титул, даруемый царями наиболее приближенным лицам.

² Здесь и далее встречаются имена, более ни кем из историков не называемые. Предполагают, что Ктесий их просто выдумал, дабышний раз подтвердить свои более углубленные знания персидской истории.

³ Ктесий явно ошибается. Поход Камбиза в Египет пришелся на 526–521 гг. до н.э. Правил Египтом тогда Амасис II (Яхмос II), который умер с началом военных действий, и отражение захватчиков возглавил его сын Псамметих III. Решающее сражение состоялось весной 525 г. до н.э. под Пелузием, где армия фараона была разгромлена, а оставшаяся часть после битвы отступила вглубь страны. После одержанной победы персидская армия начала вторжение в собственно Египет, она двигалась на юг вдоль берегов Нила и по самой реке. Последнее организованное сопротивление завоевателям египтяне оказали в своей столице городе Мемфисе, потопив здесь корабль с экипажем из греческого города Митилена, который вез парламентаря царя Камбиза. Но здесь на помощь персам пришли изменники из числа местной знати. Амиртей I — номарх V нижнеегипетского нома (сепата) с центром в г. Саис около 462—449 гг. до н.э., один из предводителей антиперсидского восстания в Египте против царя Артаксеркса I.

⁴ По сообщению Геродота (III, 4), большую роль в таком развитии событий сыграло предательство командующего египетской армией грека Фанеса из Галикарнаса — так как ядром войск Египта были греческие наёмники. По совету Фанеса персы заключили союз с

Египта. Так и было: сначала Камбиз заключил с ним соглашение через Изабата, племянника Камбиза, а затем он повторил это обещание лично, в устной форме [37b]. Пленив Амиртея, он не причинил ему вреда, но отправил назад в Сузы с шестью тысячами египтян, по его выбору, в качестве сопровождения, затем покорил весь Египет. В решительном сражении египтян погибло пятьдесят тысяч, а персов – двадцать тысяч.

11. Маг, по имени Сфендадат¹ за совершение проступка был наказан плетью по приказу Таниоксарка². Затаив ненависть, он пошел к Камбизу и заявил, что Таниоксарк злоумышляет против него, а если он хочет проверить правоту его слов, то пусть призовет его ко двору, ибо тот не явится. Тогда Камбиз послал за своим братом, но тот, сославшись на важные дела, не явился. Этот случай придал магу смелости, и он продолжил клевету. Амитас, мать царя и Таниоксарка, проявила некоторые подозрения о тайном умысле сына и воспрепятствовала Камбизу. Он ответил, что не верит ему, но на самом деле желал исполнить свой умысел.

12. Он отправил за своим братом в третий раз. Таниоксарк, наконец, прибыл по его приказу. Царь обнял его, намереваясь убить, но так, чтобы об этом не узнала Амитас. Задуманное было выполнено, так как, будучи в створе с царем, маг придумал следующее: он был очень похож на Таниоксарка и сказал царю, чтобы тот его публично приговорил к отсечению головы, за, якобы, клевету на его брата, а сам Таниоксарк будет убит, маг наденет его одежды, и никто не заподозрит убийство. Приняв этот злой совет, они напоили Таниоксарка напитком с бычьей кровью, и тот умер. Маг, надев его одежды, принял образ Таниоксарка.

13. Никто не знал о подмене, за исключением Артасира, Багапата и Изабата, которые были единственными, кому Камбиз доверился в этом вопросе. Камбиз, призвав Лабиза, первого, среди евнухов, наряду с другими показал им мага, одетого в платья брата, и спросил: «Не считаете ли вы, что это Таниоксарк»? Лабиз, удивившись вопросу, ответил: «Да, мы считаем, что это он». Такое сходство имел маг с его братом. Затем он был отправлен управлять Бактрией под видом Таниоксарка. Спустя пять лет Амитис узнала о тайне от евнуха [38a] Тибефа, жестоко избитого магом. Она попросила, чтобы Камбиз выдал ей Сфенандата. Но тот отказал, и она публично прокляла его, приняла яд и умерла.

14. Тогда Камбиз стал приносить жертвы, но кровь из них не потекла, что его сильно опечалило. Вскоре после того Роксана родила ребенка без головы, что его еще больше удручило и, собрав магов, он спросил их о значении этого события. Они ответили, что это знамение означает то, что у него не будет наследника престола. Затем ему ночью явилась мать и сказала, что ему вскоре воздастся за его деяние, заставив его еще больше пасть духом.

местными кочевыми арабскими племенами. Он также передал Камбизу планы египетских оборонительных укреплений.

¹ Маг Сфендадат — это тот же маг, которого Геродот и другие всегда называют Смердис.

² Брат Камбиза.

Прибыв в Вавилон, проводил время, ради забавы стругая ножом ветку, и неудачно повредил подколенное сухожилие. Он скончался на одиннадцатый день, процарствовав восемнадцать лет.

15. Багапат и Артасирас после того, как умер Камбиз, решили возвести на престол мага, и тот, после смерти последнего, взошел на царство. Изабат отправился в Персию с телом Камбиза. В это время маг взошел на царство, приняв имя Таниаксарк, и Изабат, по возвращению из Персии, распространил эту новость среди армии и, публично опорочив мага, укрылся в храме, где был схвачен и обезглавлен.

16. Семь родовитых персов в едином желании устроили заговор против мага. Ими были Онофас, Идерний, Норондабат, Мардоний, Бариссес, Артафен и Дарий, сын Гидаспа. Дав друг другу клятву, они привлекли на свою сторону Артасираса и даже Багапата, в ведении которого были все ключи от дворцовых помещений; с его помощью эти семеро вошли в царские покои, где нашли мага, возлежавшего с наложницей вавилонянкой. Как только он увидел их, он вскочил с постели и, не найдя вокруг оружия, потому что Багапат, приняв меры предосторожности тайно все удалил, сломал один из золотых стульев¹, взял его ножку, которой и защищался, но его сопротивление длилось недолго.

17. Семеро пронзили его несколькими ударами, от которых он умер, процарствовав семь месяцев.

18. Из этих семерых воцарился Дарий, в соответствии с заключенным между ними соглашением, поскольку его конь первым заржал на восходе солнца². Персы до сих пор отмечают Магофонию в тот день, когда был убит маг Сфендадат³.

19. Дарий приказал выстроить для себя гробницу на горе, имеющей две вершины [38b]. Когда все было окончено, он захотел все осмотреть, но был отговорен халдеями. Тогда его родители, желая удовлетворить свое любопытство, поднялись на гору. Это стоило им жизни. Священники, осуществлявшие подъем на вершину горы, увидев змей, настолько испугались, что бросили веревки, и родители, упав, погибли. Опечаленный этим Дарий обезглавил 40 человек, отвечавших за подъем на гору.

20. Дарий приказал каппадокийскому сатрапу Ариарамну выступить против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись

¹ Вряд ли стул был сделан из золота (сломать так легко его не было бы возможно), скорее, он был изготовлен из дерева и покрыт позолотой.

² Они договорились о том, что, у кого конь первым заржет на восходе солнца, тот и будет царствовать. Конюх Дария перед этим подвел его коня к кобылице, а утром поставил ее в стороне, на пути следования этих семерых. Конь, почуяв, знакомый запах, заржал.

³ Праздник Магофония – «Избиение магов». Геродот рассказывает (III, 79): «...персы узнали о подвиге семерых и об обмане магов, и не захотели отстать [от заговорщиков]: они выхватили свои кинжалы и бросились убивать всех магов, каких только могли найти; и если бы не наступила ночь, то ни одного мага не осталось бы в живых...» Он добавляет: «Этот день все персы считают величайшим праздничным днем и справляют его весьма торжественно. А зовется у персов этот праздник “избиение магов”. Ни одному магу нельзя в то время показаться на улице, и все они сидят дома».

на 30 пентеконтерах¹, взял скифов в плен, причём захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок. Скифарб, царь скифов, в гневе написал Дарию оскорбительное письмо, и это заставило его ответить в том же тоне.

21. Дарий, наконец, собрав армию в 800 000 человек, построив мосты через Боспор и Истр, вступил в землю скифов, в течение 15 дней. Они послали друг другу луки. Скифский лук оказался крепче. Тогда Дарий обратился в бегство. Он перешел через мосты и в спешке их разрушил, прежде, чем, переправилось все войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом. После этого Дарий сжег дома и храмы халкедонцев, потому что они пытались сломать часть моста, когда он переходил на их сторону и потому, что они разрушили построенный алтарь Зевсу, когда Дарий проходил мимо.

22. Датис, командующий мидийским флотом, подошел к греческим островам и материку. Всюду он сеял хаос, но Мильтиад встретился с ним при Марафоне и разбил варваров². Сам Датис погиб в бою³, и персам было отказано в выдаче его тела, несмотря на их настойчивые просьбы.

23. Дарий возвратился в Персию и после принесения жертвы богам был настигнут болезнью, и умер через 30 дней. Ему было 72 года, и он умер, процарствовав 31 год. Артасирас также умер. Что касается Багапата, он жил в течение семи лет, в течение которых всегда находился подле гробницы Дария.

24. Царствовать стал его сын Ксеркс, а Артафан, сын Артасираса, приобрел могущество, возможно, большее, чем в свое время его отец и старый Мардоний, из евнухов же наиболее полезным был Натак. Ксеркс женился на дочери Онофа Аместрис, от которой у него был сын по имени Дарий, а два года спустя родился второй, получивший имя Гистаспа, затем третий, названный Артаксерксом. Кроме того, он имел двух дочерей, одна из которых была названа по имени бабушки, Амитис, а другая Родогуна.

25. Ксеркс предпринял поход против греков [39а], потому что халкедонцы, как я уже сказал выше, пытались снести мост⁴, и свергли алтарь, что воздвиг Дарий, и потому, что афиняне, убив Датиса в битве при Марафоне, отказались вернуть его тело персам.

26. Сначала он отправился в Вавилон, желая увидеть могилу Белитана. Он увидел ее при помощи Мардония, но не смог заполнить гроб маслом, как

¹ Пентеконтера (Πεντηκόντορος) — древнегреческое пятидесятивесельное судно, тип разбойничьего корабля. Имела один ряд весел, по двадцати пяти на каждом борту; поперечных скамей было двадцать пять, на каждой — по два гребца. Самые длинные весла были на середине судна.

² Марафонская битва — одно из крупнейших сухопутных сражений греко-персидских войн, состоявшееся 12 сентября 490 г. до н.э. неподалёку от греческого города Марафон.

³ Геродот утверждает, что он благополучно вернулся в Персию.

⁴ Построенный на Босфоре.

того требовала надпись¹. Затем Ксеркс направился в Экбатаны, когда узнал, что вавилоняне восстали и убили его стратега Зомира.

Таким образом, Ктесий излагает в отличие от Геродота, и рассказывает все эти вещи, и в этом он отходит от Геродота. Ибо за исключением того, что говорит о Зомире, чудесном рождении мулом жеребенка, он приписывает это Мегабизу, женившемуся на Амитис, дочери Ксеркса. Вавилон был взят Мегабизом, и Ксеркс² пожаловал ему множество подарков, среди которых, был золотой мельничный жернов, весивший шесть талантов³, считавшийся среди персов величайшим царским подарком.

27. Ксеркс, подняв армию в 800 000 человек кроме боевых колесниц и оснастив тысячу триер, вторгся в Грецию, построив мост у Абидоса⁴. Именно в это время лакедемонянин Демарат направился ему навстречу, чтобы пресечь нападение на Лакедемон. Ксеркс, прибыв к Фермопильскому проходу, отправил против лакедемонского стратега Леонида⁵ Артафана, командовавшего тысячей персов. Персов погибло великое множество, тогда как лакедемоняне потеряли двоих или троих человек. Тогда в бой было отправлено двадцать тысяч человек, но и они оказались побеждены. В сражение их гнали кнутами, но даже подгоняемые мастигономами⁶, они были разбиты. На следующий день он приказал пятьюдесятью тысячам возобновить сражение, но, ничего не достигнув и этими усилиями, прекратил сражение.

Форакс Фессалиец, Каллиад и Тимаферн, влиятельнейшие из трахинцев, были тогда в персидском лагере со своими войсками. Ксеркс призвал их вместе с Демаратом и Эгием Эфесским к себе и узнал, что сможет победить лакедемонян, окружив их. С двумя этими трахинцами, в качестве проводников персидской армии, 40000 человек прошли через узкий проход и вышли в тыл

¹ Ошибка, скорее всего, Фотия. Ксеркс открыл могилу Бела. Вот, что пишет по этому поводу Элиан (13, 3): «Ксеркс, сын Дария, открыл усыпальницу древнего Бела и увидел стеклянный сосуд, наполненный маслом, в котором лежал труп. Сосуд не был полон: жидкость не доходила до краев примерно на палец (ок. 7 см). Тут же стояла невысокая колонна с надписью: «Не будет блага тому, кто открыл усыпальницу и доверху не наполнил сосуд». Прочитав эти слова, Ксеркс устранился и велел сейчас же добавить масла. Однако сосуд не наполнялся. Царь повторил свой приказ. Ничего не достигнув, после всех стараний, он отказался от напрасных попыток долить сосуд, вновь закрыл усыпальницу и удалился в мрачном состоянии духа. Пророчества, начертанные на колонне, оправдались, так как с войском в семьсот тысяч человек Ксеркс бесславно отступил из Эллады, а по возвращении на родину умер позорнейшей смертью: во сне его умертвил собственный сын».

² Диодор сообщает, что Вавилон был взят Дарием, отцом Ксеркса, а помог ему в этом – Зомир, отец Мегабиза (III, 151–159). Он изуродовал себя и под видом, будто царь жестоко поступает с ним, перешел к вавилонянам и приобрел там доверие жителей, благодаря чему и сдал город царю. Кроме различных знаков благодарности, он получил в пожизненное управление город Вавилон, но, при третьем восстании вавилонян был убит ими.

³ 157 кг.

⁴ Абидос (Ἀβυδός) — древнегреческий город — предшественник Константинополя в качестве торгового моста между Европой и Азией. Был расположен в Мизии, на азиатском берегу Геллеспонта, напротив города Сест.

⁵ Леонид являлся одним из двух спартанских царей.

⁶ Надсмотрщики с бичами.

лакедемонянам; окруженные таким образом, те мужественно сражаясь, все погибли.

28. Затем Ксеркс направил к Платеям [39b] 120 000 человек, под командованием Мардония. Фиванцы по приказу Ксеркса начали атаку при Платеях. Лакедемонянин Павсаний выступил навстречу Мардонию с тремя сотнями спартиатов, тысячей соседей и шестью тысячами из других городов. Персидская армия потерпела сокрушительное поражение, а Мардоний получил ранение и скрылся.

29. Затем Ксеркс отправил Мардония ограбить храм Аполлона, но тот погиб, сраженный большим камнем, чем вызвал печаль Ксеркса.

30. Затем Ксеркс выступил против Афин¹; афиняне снарядили десять триер и бежали на Саламин. Ксеркс, найдя город, оставшийся без жителей, сжег его, за исключением акрополя, так как некоторые оставшиеся там оказывали сопротивление. Но они бежали ночью и акрополь, занятый, наконец, персами, также сгорел².

Затем Ксеркс отправился к самой узкой части пролива на стороне Аттики, месту, именуемому Гераклион, и попытался засыпать его землей, чтобы пройти на остров. Но по совету афинянина Фемистокла и Аристиды с Крита были своевременно доставлены лучники³. Затем произошло морское сражение между персами и греками, в котором персидский флот насчитывал более 1000 кораблей, под командованием Онофа, у греков же было только 700⁴. Греки победили снова, благодаря советам и мастерству Аристиды и Фемистокла, уничтожили пятьсот персидских кораблей и обратили Ксеркса в бегство. Во всех последующих сражениях, персов погибло сто двадцать тысяч.

31. Ксеркс перешел в Азию и на пути в Сарды послал Мегабиза ограбить храм в Дельфах. Но когда тот отказался, он отправил евнуха Матака осквернить храм Аполлона и все разграбить. Он так и сделал, а затем вернулся к Ксерксу.

¹ Афины были захвачены персами дважды, сначала Ксерксом, до сражения при Саламине, затем Мардонием, перед битвой при Платеях.

² Граждане, не бежавшие со всеми, остались охранять крепость. Они забаррикадировали двери и подступы к цитадели, и защищались долго. Персы подожгли баррикады огненными стрелами, но, наконец, персы, обнаружив узкую тропу с противоположной стороны, поднялись вверх и открыли ворота святилища. Когда афиняне увидели врагов наверху, на акрополе, то одни из них ринулись вниз со стены и погибли, другие же нашли убежище внутри святилища. Персы же, поднявшись вверх, прежде всего, направились к воротам святилища и открыли их; затем они умертвили защитников, моливших о спасении. Когда со всеми защитниками акрополя было покончено, персы разграбили святилище и предали огню весь акрополь (Herod., VIII, 52-53).

³ Критские лучники славились своим мастерством, и поэтому многие нанимали их для своих армий.

⁴ Знаменитое Саламинское сражение состоялось перед тем, как персы хотели присоединить Саламин, 28 сентября 480 г. до н.э. Современные исследователи оценивают флот Ксеркса, который принимал участие в морском сражении, в 500—800 кораблей, греческих кораблей было 373.

32. После того, как Ксеркс прибыл из Вавилона в Персию, Мегабиз обвинил в супружеской неверности свою жену Амитис, которая, как было сказано, являлась дочерью Ксеркса. Амитис получила строгое внушение и пообещала отцу вести себя более разумно.

33. Артапан, пользующийся у Ксеркса большим доверием, совместно с евнухом Аспамитрой, имевшим большую силу, решил убить Ксеркса. Совершив это, они убедили его сына [40а]. Артаксеркса, что Дарий, его брат, совершил убийство. Дарий был доставлен Артапаном в дом Артаксеркса, где и был предан смерти, несмотря на заявления, что не является отцеубийцей¹.

Книги XIV–XVII

34. Артаксеркс воцарился происками Артапана, который, в свою очередь, вступил в заговор против него. В сообщники Артапан взял Мегабиза, обезумевшего из-за подозрений своей жены Амитис в измене. Они дали друг другу взаимные обещания и скрепили их клятвой, но Мегабиз, нарушив обещание, выдал своего сообщника; Артапан был арестован и казнен тем же образом, каким собирался убить Артаксеркса. Так был раскрыт заговор Артапана против Ксеркса и Дария, следовательно, Аспамитра, бывший тайным участником убийства Ксеркса и Дария, был подвергнут корытной пытке².

После смерти Артапана произошло жестокое сражение между заговорщиками и прочими персами, в котором трое сыновей Артапана были убиты. Мегабиз сам был тяжело ранен, что сильно огорчило Артаксеркса, Родогуну, Амитис и их мать Аместрис; но он был, наконец, спасен Аполлонидом, врачом из Коса.

35. От Артаксеркса отпали бактрийцы, во главе с сатрапом, другим Артапаном, и в первом сражении преимущества никто не достиг. Но во время

¹ Из персепольских документов нам известно, что в 467 г. до н.э., то есть за 2 года до убийства Ксеркса, в Персии царил голод, царские амбары были пусты, и цены на зерно повысились в семь раз по сравнению с обычными. Чтобы как-то успокоить недовольных, Ксеркс в течение года сместил около ста государственных чиновников, начиная с самых высокопоставленных. В августе 465 г. до н.э. Артабан и Аспамитра, по-видимому, не без происков Артаксеркса, младшего сына Ксеркса, убили царя ночью в его спальне. Точная дата этого заговора зафиксирована в одном астрономическом тексте из Вавилонии. В другом тексте из Египта говорится, что он был убит вместе со своим старшим сыном Дарием. Ксеркс находился у власти 20 лет и 8 месяцев и был убит на 55 году своей жизни.

² Plut. Artaxerx.16: «Казнь эта заключается в следующем. Берут два в точности пригнанных друг к другу корыта и в одно из них навзничь укладывают осужденного, а сверху накрывают вторым корытом, так что наружи остаются голова и ноги, а все туловище скрыто внутри. Потом человеку дают есть, и если он отказывается, колот иглой в глаза и так заставляют глотать. Когда он поест, в рот ему вливают молоко, смешанное с медом, и эту же смесь размазывают по всему лицу. Корыто все время повертывают так, чтобы солнце постоянно светило пытаемому в глаза, и неисчислимое множество мух облепляет ему лицо. А так как сам он делает все то, что неизбежно делать человеку, который ест и пьет, в гниющих нечистотах скоро заводятся черви, которые заползают в кишки и принимаются грызть живое тело. Когда же наконец приходит смерть и верхнее корыто снимают, все мясо оказывается уже съеденным, а внутренности так и кишат этими тварями, неутомимо пожирающими свою добычу».

второго, когда ветер дул в лицо бактрийцев, Артаксеркс победил, воспользовавшись этим, и подчинил себе всю Бактрию.

36. Отпал Египет¹ под руководством ливийца Инара, побудив прочих египтян приготовиться к войне. По его просьбе афиняне отправили 40 кораблей². Артаксеркс желал лично возглавить поход, но, когда его приближенные запротестовали, он отправил своего брата Ахеменида³ с армией из четырехсот тысяч человек и флотом из восьмидесяти судов. Инар вступил с ним в сражение, и египтяне одержали полную победу. Ахеменид был ранен в руку Инаром и вскоре умер от раны. Его тело было возвращено Артаксерксу⁴. Инар также победил на море, где Харитимид, командовавший сорока афинскими кораблями, проявил себя как наварх против пятидесяти персидских судов, двадцать из которых захватил вместе с экипажами, в то время как тридцать были уничтожены.

[40b] 37. Тогда против Инара во главе другой армии был направлен Мегабиз, который должен был соединиться с оставшимися двумястами тысячами пехоты и тридцатью кораблями, по-прежнему остававшимися в Египте под командой Ориска, и, таким образом, без учета флота армия составила пятьсот тысяч человек. Когда Ахеменид пал в бою, 100 000 были изрублены вместе с ним.

Произошло кровавое сражение⁵, в котором много пало с обеих сторон, но египтяне понесли большие потери. Мегабиз ранил Инара в бедро, и персы одержали верх. Инар бежал в Библ, сильно укрепленный город в Египте, а все греки, не погибшие в бою, бежали с Харитимидом⁶. Так весь Египет, за исключением Библа, был возвращен Мегабизом.

38. Поскольку это место казалось неприступным, с Инаром и греками, бывшими там, в числе шести тысяч, был заключен мир с обещанием, что царь им не принесет вреда, и греки получили свободный проход, чтобы вернуться домой, как они этого хотели.

Он назначил Сарсама сатрапом Египта и, взяв с собой Инара с греками, возвратился к Артаксерксу, застав его обозленным на Инара в связи со смертью своего брата Ахеменида⁷. Мегабиз рассказал ему все подробности и добавил, что дал обещание Инару и грекам прежде, чем овладел Библом, и

¹ В 460 г. до н.э.

² Согласно Диодору и Фукидиду, египтяне отправили в помощь 200 триер, включая корабли союзников. Это произошло в 459 г. до н.э., после поражения персидской армии при Папремисе.

³ Это был дядя Артаксеркса, Ахемен.

⁴ Это сражение произошло у Папремиса в 460 г. до н.э.

⁵ Битва при Мемфисе в 456 г. до н.э.

⁶ Мегабиз разгромил египтян и их союзников — ливийцев и греков. Затем он выгнал афинян из Мемфиса и запер их на острове Просопитида. Полтора года осады не дали результата, так как у Мегабиза не было флота. Тогда он осушил канал, соединяющий два рукава Нила, отведя воду в другое место. Греческие триеры оказались на мели. После этого персидские войска вошли на бывший остров и захватили его. См. Thuc, I, 109–110; Diод., XI, 71, 74–75, 77.

⁷ Скорее Ахемена, и это был не брат Артаксеркса, а дядя, о чем говорилось выше.

поэтому просит царя пощадить их и обеспечить спасение. В итоге, он убедительно сообщил армии, что Инару и грекам не будет причинено зла.

39. Амитис, безутешная в связи со смертью ее сына Ахеменида, не переставала призывать о смерти Инара и греков, но царь отверг ее мольбы; тогда она просила Мегабиза, который также отклонил ее просьбы. Тогда она непрерывно досаждала своему сыну, и, в конце концов, пять лет спустя Инар и греки были отданы ей царем; тогда она первого распяла на трех крестах¹, а пятьдесят греков, так как не смогла найти более, обезглавила.

40. Мегабиз, возмущенный этой жестокостью, попросил отпустить его в Сирию, в свои владения, где он тайно принял греков, бежавших от мести. Придя туда, он восстал против царя и собрал армию из ста пятидесяти тысяч человек [41a], как пехоты, так и конницы. Против него выдвинулся Оусирис с двумястами тысячами, и в завязавшемся сражении командующие обеих сторон поразили друг друга. Сначала Оусирис на два пальца вонзил копье Мегабизу, затем Мегабиз нанес ему аналогичную рану в бедро, а затем в плечо. Когда Оусирис упал с лошади, Мегабиз, взяв его, приказал держать, не нанося ему никакого вреда. Тогда пало много персов, и, отважно сражаясь, сыновья Мегабиза – Зопир и Артифий – принесли Мегабизу решительную победу. Оусирису была оказана тщательная забота, и, по его просьбе, он был отправлен к Артаксерксу.

42. Против Мегабиза была отправлена другая армия, под руководством Меностата, сына Артария. Артарий был сатрапом Вавилона и братом Артаксеркса. Произошло сражение, и персидская армия была вновь обращена в бегство. Меностат был ранен Мегабизом в плечо, затем стрелком в голову, но рана не была смертельной, и он бежал, вместе со всеми, предоставив Мегабизу блестящую победу.

Артарий послал к Мегабизу с советом заключить мир с царем. Он ответил, что готов к перемирию при условии, что царь предоставит ему автономию, но сам идти не желает. Когда эти условия были доведены до царя, то евнух Артоксар из Пафлагонии и Аместрис охотно поддержали эти требования. К нему был отправлен Артарий, также жена Амитис, двадцатилетний Артоксар, также Петесас, сын Осирис и отец Спитама. Наконец, после многих разговоров и клятвенных заверений, им удалось, хотя и с трудом, убедить Мегабиза пойти к царю, и, наконец, сам царь послал за ним приехать к нему и получить прощение за свои ошибки.

43. Через некоторое время, когда царь был на охоте, на него напал лев, и, в то время, когда зверь находился в прыжке, Мегабиз убил его, ударив копьем. Артаксеркс пришел в ярость от того, что Мегабиз опередил его и не дал самому убить зверя и поэтому приказал обезглавить Мегабиза. Но, мольбами Амитис, Аместрис и прочих заступников смертная казнь была

¹ Фукидид говорит, что Инар был просто распят. Ктесий, вероятно, лучше был знаком с особенностью пыток персов, раз акцентирует на этом внимание. Плутарх (Artaxerx., 17) об этой пытке говорит так: «И не успел царь заподозрить недоброе, как она уже передала евнуха (Масабата) палачам, приказавши содрать с него живьем кожу и тело приколотить к трем столбам — поперек, — а кожу распялить отдельно».

заменена на изгнание, и он был сослан в город у Красного моря, именуемый Курта. Евнух Артоксар, часто говоривший царю в пользу Мегабиза, был отправлен в Армению.

Проведя пять лет в местах изгнания, Мегабиз бежал под видом писага. Писагами на персидском языке называются прокаженные, и никто к ним не смеет приближаться [41b]. Сбежав, таким образом, он прибыл домой, и Амитис, его жена, с трудом его признала. С трудом его признав, Амистрис совместно с Амитис стали упрашивать за него царя, и тот в очередной раз смягчился и даже призвал, как раньше, к своему столу. В возрасте семидесяти шести лет он умер, вызвав большую печаль у царя.

44. После смерти Мегабиза Амитис нередко вступала в отношения с мужчинами, подобно своей матери Аместрис. Аполлонид, врач из Коса, сказал Амитис, когда та заболела (так как, несмотря на ее болезнь и слабость, испытывал к ней влечение), что ей необходимо вступить в связь с мужчиной, дабы излечить болезнь матки. Достигнув своей цели, но видя, что болезнь прогрессирует, он перестал с ней встречаться. Чувствуя приближение смерти, она попросила мать отомстить Аполлонида, и та рассказала Артаксерксу, как этот врач прелюбодействовал с его дочерью, а затем бросил, обесчестив и, наконец, что дочь просила отомстить. Тогда он позволил матери самой наказать врача. Та арестовала Аполлонида и, после жестоких пыток в течение двух месяцев приказала закопать живьем одновременно со смертью Амитис.

45. Зопир, сын Мегабиза и Амитис, потеряв отца и мать, покинул царя. Он отправился в Афины, где был хорошо принят из-за оказанных его матерью благодеяний афинянам. Оттуда он отправился в Кавн¹, с приданным ему войском и потребовал передать ему город. Кавнцы заявили, что отдадутся ему добровольно при условии, что афиняне, его сопровождавшие, туда не попадут. Когда Зопир поднимался на стену, житель Кавна по имени Алкид бросил камень, тот попал ему в голову и убил его. Аместрис, его бабушка, распяла кавнцев.

46. Аместрис умерла очень старой женщиной, и Артаксеркс умер, процарствовав сорок два года.

Так завершается 18 книга истории и начинается 19.

Книга XVIII

47. Когда Артаксеркс умер, Ксеркс, его сын, стал царем; он был единственным законным ребенком, рожденным от Дамаспии, которая скончалась в день смерти Артаксеркса. Багоразу было поручено перевезти тело отца и матери в Персию.

У Артаксеркса было семнадцать незаконно рожденных детей [42a], среди которых были Секундиан² от вавилонянки Алогуны, Ох и Арситес от Космартидены; Ох впоследствии стал царем. Кроме этих троих сыновей, о которых я только что говорил, у него был Багапас и Парисатида от Андии, еще

¹ Кавн (Καῦνος) — город в Карии, в настоящее время сохранились его руины в провинции Мугла (Турция) недалеко от современного города Дальяна.

² Или Согдиан.

одной вавилонянки. Парисатида была матерью Артаксеркса и Кира. Ох был назначен еще при жизни своего отца сатрапом Гиркании и женат на женщине, которая также звалась Парисатида и была дочерью Ксеркса и его сестрой.

48. Секундиан обманом привлек к себе евнуха Фарнака, бывшего первым после Багоразы, также Меностана и некоторых других; они вошли в царские покои, когда Ксеркс отдыхал пьяным после разгула, и убили его на сорок пятый день после смерти отца¹. Их тела вместе отправили в Персию; мулы, встав в упряжку, где лежал гроб отца, отказались тащить ее, как будто ждали появления сына, и тогда отправились в путь с большой охотой.

49. Секундиан стал царствовать благодаря азабариту² Меностану. По возвращению Багоразы, Секундиан затаил ненависть против него и, под предлогом того, что тот отказался от тела его отца, тот, по приказу царя, был забит камнями. Войска были очень огорчены, он предложил подарки, но его ненавидели за убийство брата Ксеркса и Багоразы.

50. Совершив это, Секундиан отправил за Охом; тот обещал, но не спешил. И так было несколько раз. Наконец Ох собрал достаточную армию, почему и стало ясно его намерение взять царскую власть. Начальник конницы Арбар отпал от Секундиана и перешел на сторону Оха, также и Арksam, сатрап Египта, затем евнух Артоксар прибыл к ним из Армении и [42b], не смотря на возражения Оха, они водрузили китару ему на голову³.

Став царем, Ох принял имя Дария, затем попытался призвать к себе Секундиана, и, по совету Парисатиды, использовал для достижения своей цели всевозможные уловки, даже дав клятвенные заверения. Секундиан, хотя и предупреждаемый Меностаном не доверять этим вероломным людям, все же был убежден. Он был схвачен и брошен в комнату, полную золы, где и погиб⁴, процарствовав в течение шести месяцев и пятнадцать дней.

51. Так стал царствовать Ох, известный под именем Дарий⁵. Ему помогали три самых влиятельных евнуха, из которых первым был Артоксар, вторым – Артибарзан и третьим – Афос. Тем не менее, он часто советовался с женой, которая родила ему двоих детей еще до того времени, как он стал царем, дочь Амистрис и сына Арсака, который впоследствии стал зваться Артаксерксом. Став царицей, она дала ему еще одного сына, по имени Кир, за ним последовал Артостен и, последовательно, другие, общим числом тринадцать, и наш автор⁶ утверждает, что приобрел эти сведения лично от

¹ Июль 424 г. до н.э.

² Поверенный в делах царя.

³ Высокий остроконечный головной убор персидских царей.

⁴ Начало февраля 423 г. до н.э.

⁵ Дарий II (Дараявауш, «Добронравный») — персидский царь, правил в 423—404 гг. до н.э. Для периода правления Дария были характерны: дальнейшее ослабление центральной власти, дворцовые интриги и заговоры, усиление влияния придворной знати. Вдобавок к этому с конца V в. до н.э. сатрапы Малой Азии постоянно вели между собой войны, которым ахеменидские цари не придавали значения и в которые они обычно не вмешивались. Отдельные сатрапы часто восставали против центральной власти и, опираясь на помощь греческих наёмников, стремились добиться полной независимости.

⁶ Ктесий.

Парисатиды¹. Большинство из этих детей не прожили долго, за исключением тех, чьи имена были упомянуты, вместе с четвертым сыном по имени Оксендр.

52. Арситес, брат царя от того же отца и матери, восстал, совместно с Артифионом, сыном Мегабиза. Против них для ведения войны был направлен Артасирас, но в двух произошедших сражениях Артасирас был побежден. Опять вступив бой, он одержал победу над Артифионом, заранее подкупом переманив на свою сторону греческий контингент, из которого оставил на три года милетцев. По завершении всего он дал клятву и вверил себя Артасирасу, затем, не дождавшись Арситеса, сдался на милость царю. Парисатида посоветовала царю не умерщвлять Артифиона, как тот хотел, но использовать его для того, чтобы привлечь Арситеса, и когда тот, будучи обманутым, окажется в его власти, он сможет убить обоих. И, так как ее совет был выполнен, то и Артифион, и Арситес были схвачены и брошены в помещение, набитое золой, хотя царь не хотел смерти Арситеса.

Парисатида, однако, частично путем убеждения, а отчасти по принуждению явилась причиной их гибели. Фарнак, который был соучастником Секундиана в убийстве Ксеркса, был до смерти забит камнями, а Меностан наложил на себя руки, так как, находясь под стражей, ожидал казни.

53. Писсуфн также восстал², и когда Тиссаферн³, Эпитрабат и Пермисес были направлены, чтобы подчинить его, Писсуфн выступил им навстречу с афинянином Ликоном и греками. Тогда царские стратеги подкупили Ликона вместе с греками, и те оставили Писсуфна. Затем после обмена гарантиями его привели к царю [43а], который бросил его в помещение с золой⁴, а сатрапия Писсуфна была отдана Тиссаферну⁵. Ликон же за свое предательство получил город с прилегающей местностью⁶.

54. Евнух Артоксар, имевший большое влияние на царя, устроил заговор против него, намереваясь взойти на царство. Он приказал жене сделать фальшивую бороду и усы, чтобы он мог выступить в качестве обыкновенного человека, но по ее доносу он был схвачен, доставлен к Парисатиде и предан смерти.

55. Арсак, сын царя, позже принявший имя Артаксеркс, женился на дочери Идернея Статире, в свою очередь, на Амистрис, дочери царя, женился

¹ Горделивые деспоты Востока не вели дружеских бесед с врачами, и смотрели, собственно говоря, на них, как на рабов. Ктесий, человек, полный тщеславия, желал, чтобы соотечественники поверили, что он пользовался большой благосклонностью царя. А эти маленькие подробности о количестве детей Дария и их именах легко можно было получить человеку, жившему при царском дворе, и мы не должны верить на предмет использования рассказов царицы.

² Событие произошло около 423 г. до н.э. Писсуфн был сатрапом Лидии. Фукидид говорит, что он был сыном Гистаспа, а Ктесий (24), что Гистасп был сыном Ксеркса и внуком Дария. Получается, что Писсуфн принадлежал к царскому роду.

³ Крупный государственный деятель и выдающийся дипломат.

⁴ По-видимому, небольшая камера, наполненная горячим пеплом.

⁵ Кроме Лидии он получил Карию и ионийские города.

⁶ Город не указывается.

сын Идернея по имени Теритухм, которому после смерти отца была отдана его сатрапия.

У него со стороны отца была сестра Роксана, необычайной красоты, отличавшаяся в стрельбе из лука и метании копья. Воспылав к ней страстью, Теритухм вступил с ней в связь, возненавидев Амистрис, и решил бросить ее в мешок и заколоть с тремя сотнями людей, с которыми задумал мятеж. Но некий Одиаст, имевший на Тертихума сильное влияние, получил от царя письмо, в котором тот обещал большое вознаграждение за спасение его дочери; тогда он напал на Теритухма и убил его, но мятежник мужественно сражался, убив множество; говорят, от его руки погибло до тридцати семи человек.

56. Митридат, сын Одиаста, бывший оруженосцем Тертитухма, отсутствовал при этом. Узнав о происшедшем, он послал множество проклятий на своего отца и, овладев городом Зарис, держал его, чтобы отдать сыну Тертитухма. Схвачены была мать Тертитухма, двое его братьев – Метростес и Еликон и, бывшие у него кроме Статиры две сестры, и они были заживо похоронены. Что касается Роксаны, то она живьем была разрезана на куски. Так было сделано.

Царь сказал Парисатиде, чтобы та наказала подобным образом и Статиру, жену его сына Арсака. Но Арсак, ударя себя в грудь, со слезами, стал умолять мать и отца сменить гнев на милость. Ударяя себя в грудь и издавая страшные стоны, он склоняет гнев отца и матери; тогда Парисатида успокоилась, а Ох, то есть, Дарий, сказал Парисатиде [43b], что она однажды будет сильно сожалеть о своем решении.

Заканчивается XVIII книга истории.

Книги XIX – XX

В XIX книге истории он рассказывает о том, что Ох—Дарий умер от болезни в Вавилоне, процарствовав тридцать пять лет¹.

58. Воцарившись, Арсак, стал именоваться Артаксерксом, и он наказал Одиаста, отрезав ему язык, затем тому выстрелили в спину, от чего он и умер. Его сын Митридат получил отцовскую сатрапию. Это было сделано по наущению Статиры и дабы обуздать Парисатиду.

59. Кир, обвиненный Тиссаферном² перед братом Артаксерксом, прибежал к своей матери Парисатиде, и это помогло снять с него обвинение. Будучи в опале у своего брата, он отправился в свою сатрапию и стал готовиться к восстанию³.

¹ Дарий II умер в марте 404 г. до н.э. после 19 лет правления. Странно, что Ктесий, говоря, что получал информацию лично из уст царицы, допускает такую ошибку.

² Тиссаферн – сатрап Лидии, несколько лет был фактическим правителем всей Малой Азии, но около 407 г. до н.э. в этой должности над ним был поставлен Кир; отсюда их взаимная ненависть.

³ Ктесий не говорит, в чем обвиняли Кира. Ксенофонт (*Anab.*, I, I, 3) говорит, что Тиссаферн наклеветал брату (Артаксерксу), будто Кир злоумышлял против него. Плутарх же (*Artaxerx.*, 3), говорит, что Тиссаферн подвел к Артаксерксу жреца, воспитывавшего

60. Сатибарзан обвинил Оронда в прелюбодеянии с Парисатидой, хотя она и отличалась целомудрием. И Оронд был приговорен к смерти царицей—матерью, раздраженной на царя.

61. Парисатида с помощью яда убила сына Теритухма.

62. Он говорит, что при похоронах отца, если тело предано огню, то это противоречит законам, поэтому и обвиняет во лжи Гелланика¹ и Геродота.

63. Кир восстал против своего брата и собрал смешанную армию из греков и варваров, где стратегом греков был Клеарх. Сиеннесий, царь Киликии, заключил обоюдный союз как с Киром, так и с Артаксерксом². Так же, как и Кир, он придал надлежащее войско и Артаксерксу. Лакедемонянин Клеарх, приведший греков, находился в противоречии с фессалийцем Меноном³, также бывшем при Кире, из-за того, что Кир во всех советах придерживался Клеарха, в то время не воспринимая слова Менона⁴.

Многие бежали от Артаксеркса к Киру, но никто не уходил от Кира к Артаксерксу. Мы видели, как каждый день прибывает в лагерь Кира много перебежчиков, которые покинули партию Артаксеркса, так, Арбарий, желавший переметнуться на сторону Кира, был предан и, в качестве назидания, брошен в помещение с золой.

Кира, и тот заявил, что его ученик собирается убить царя, когда тот будет исполнять обряд в храме, в Пасаргадах.

¹ Гелланик (Митиленский, Лесбосский) из Митилены на Лесбосе, ок. 485 — ок. 400 гг. до н.э., греческий историк, современник Геродота.

² Диодор (XIV, 20, 2-3) об этой его хитрости говорит следующее: «Когда Сиеннесий, царь Киликии узнал о большой численности этой армии, то оказался в большой растерянности, так как был не в состоянии справиться с такой большой силой. (3) Когда он был приглашен Киром, и ему было дано обещание безопасности и раскрыты цели войны, он согласился вступить с ним в союз против Артаксеркса. Он отправил к Киру одного из своих двух сыновей и дал ему также сильный отряд киликийцев для его армии. Сиеннесий, однако, не занял определенной позиции, ведя двойственную политику. Он тайно послал другого своего сына к царю сообщить ему о больших военных силах, собранных против него, с заверениями, что он вынужденно принял участие в союзе с Киром, но все еще остается верным царю и при первой возможности покинет Кира и присоединится к армии царя».

³ Менон — родом из Ларисы в Фессалии, благородного происхождения. Его дочь Фтия была женой Эакида и матерью их сына, Пирра. Помимо рассказа Ксенофонта, он известен нам по диалогу «Менон» Платона и по упоминаниям у некоторых поздних авторов. Уничтожающая характеристика, которую ему дает Ксенофонт (II, VI, 21-29), видимо, пристрастна. Менон был соперником Клеарха и претендовал на первое место среди стратегов греческих наемников Кира. Ксенофонт считал его предателем и виновником смерти четырех других стратегов, в том числе Клеарха и друга Ксенофонта Проксена, и сильно сгустил краски, оценивая Менона как военачальника и человека. По крайней мере, у Платона Менон охарактеризован иначе. Однако дурная слава Менона как предателя укрепились среди эллинов и дожила до Поздней античности.

⁴ Ксенофонт (Anab., I, 5, 11) сообщает, что солдаты Клеарха и Менона поссорились, и разбиравший это дело Клеарх присудил к битью солдата Менона, В результате этого он сам чуть не был побит камнями и не спровоцировал вооруженный конфликт, но Кир примирил спорщиков.

64. Кир атаковал армию царя, одержал победу, но сам Кир погиб в сражении потому, что не следовал советам Клеарха¹. Тело его было обезображено братом Артаксерксом: он отрезал ему голову и руку [44a], которой был ранен Артаксеркс, и взял с собой в качестве знака победы².

65. Лакедемонянин Клеарх отступил с бывшими при нем греками и ночью захватил один из городов, принадлежащих Парисатиде³. Наконец, царь заключил мир с греками⁴.

66. Парисатида отправилась в Вавилон, оплакивая смерть Кира, и найдя, хотя и с большим трудом, его голову и руку, отрубленные, захоронила их в Сузах. Затем Багапат был уничтожен по царскому приказу за то, что отрубил

¹ Плутарх (Artaxerx., 8) говорит об этом так: «Перед самым сражением Клеарх, как сообщают, убеждал Кира оставаться позади бойцов и не подвергать себя опасности, но тот воскликнул в ответ: «Что ты говоришь, Клеарх! Я ищу царства, а ты советуешь мне показать себя недостойным царства»?!

² Фотий передает рассказ Ктесия в очень сокращенном виде. Другое дело Плутарх, (Artaxerx., 11), он дословно приводит, как Динона, так и Ктесия: «Рассказ Ктесия – в сильно сокращенном виде – сводится к следующему. Умертвив Артагерса, Кир погнал коня на царя, а тот – на Кира, и оба хранили молчание. Первым метнул копьё друг Кира Арией и промахнулся. Копьё царя, нацеленное в Кира, тоже пролетело мимо, но угодило в Сатиферна, знатного и преданного Киру человека, и лишило его жизни. Наконец, пустил копьё и сам Кир и ранил царя сквозь панцирь, так что острие вошло в грудь на два пальца. Удар сбросил Артаксеркса с лошади, и в свите его тут же началось смятение и бегство, но царь поднялся на ноги и с немногими провожатыми, среди которых был и сам Ктесий, взошел на соседний холм и там остановился. Тем временем Кира, попавшего в гущу неприятелей, горячий конь уносил все дальше. Было уже темно, и враги не узнавали его, друзья же искали повсюду, а он, гордясь своею победой, полный дерзкого пыла, скакал вперед с криком: «Прочь с дороги, оборванцы!» Много раз выкрикивал он по-персидски эти слова, и все расступались и склонялись ниц. Но внезапно с головы Кира упала тиара, и тут какой-то молодой перс по имени Митридат подбежал сбоку и, не зная, кто перед ним, метнул дротик, который попал Киру в висок, совсем рядом с глазом. Из раны хлынула кровь, и Кир, оглушенный, упал на землю. Конь его прынул в сторону и затерялся во мгле, а залитый кровью чепрак, соскользнувший со спины скакуна, подобрал слуга Митридата. Когда после долгого обморока Кир, наконец, очнулся и пришел в себя, несколько евнухов, которые оказались рядом, хотели посадить его на другого коня и увезти в безопасное место. Но он был не в силах удержаться на коне и захотел идти пешком, и евнухи повели его, поддерживая с обеих сторон. Ноги у него подкашивались, голова падала на грудь, однако он был уверен, что победил, слыша, как бегущие называют Кира царем и молят его о пощаде. Тем временем несколько кавнийцев – убогие бедняки, которые следовали за царским войском, исполняя самую черную и грязную работу, – случайно присоединились к провожатым Кира, сочтя их за своих. Но, в конце концов, они разглядели красные накидки поверх панцирей и, так как все воины царя были в белых плащах, поняли, что перед ними враги. Тогда один из них отважился метнуть сзади дротик в Кира (кто это такой, он не знал) и рассек ему жилу под коленом. Кир снова рухнул наземь, ударился раненым виском о камень и умер. Таков рассказ Ктесия, в котором он убивает Кира медленно и мучительно, словно режет тупым ножом».

³ Ксенофонт (Anab., I, 10, 17) говорит, что греки вернулись в лагерь и принялись совещаться о том, что им делать дальше.

⁴ Это сражение между двумя братьями, Артаксерксом и Киром, произошло при местечке Кунакс, в пятидесяти стадиях от Вавилона, в 401 г. до н.э.

голову Киру. Мать играла в кости с царем, выиграв, она, по условию, получила, качестве приза, Багапата. Когда он оказался в ее власти, она содрала с него кожу и распяла на кресте. Наконец, Парисатида, уступив молитвам Артаксеркса, перестала оплакивать смерть Кира.

67. Царь наградил тех, кто принес тиару его брата, а также и карийца¹, якобы поразившего Кира, затем Артаксеркс отдал его Парисатиде, и та, после долгих мучений, убила его². Артаксеркс отдал Парисатиде и Митридата, хваставшего за столом, что это он убил Кира, и та после жестоких пыток умертвила и его³.

Этим оканчиваются XIX и XX книги истории.

Книги XXI–XXIII

69. Двадцать первая, двадцать вторая и двадцать третья книги завершают историю, и, вкратце, они содержат следующее. Тиссаферн задумал против греков и взял в товарищи фессалийца Менона, с помощью которого хотел одолеть Клеарха и других стратегов обманом и ложными клятвами. Но Клеарх, председательствующий на собрании, раскрыл коварный замысел. Но большинство его людей, обманутых Мнемоном, вынудили его против воли пойти к Тиссаферну, к тому же беотиец Проксен⁴, ранее взятый обманом, рекомендовал так поступить.

69. Клеарх и другие были в кандалах отправлены в Вавилон к Артаксерксу. Посмотреть на Клеарха стеклось много зрителей, и Ктесий, врач Парисатиды, лично приняв участие в судьбе Клеарха, оказал ему много удобств и заботы во время заточения⁵. Парисатида надеялась освободить его из оков, но Статира уговорила Артаксеркса предать его смерти. Клеарх был убит, но свершилось чудо над его телом: поднялся сильный ветер и нанес над

¹ Имя не упоминается также и у Плутарха.

² Плутарх (Artaxerx., 14), черпающий сведения и у Ктесия, передает следующие подробности: «...Парисатида приказала палачам пытаться несчастного десять дней подряд, а потом выколоть ему глаза и вливать в глотку расплавленную медь, пока он не испустит дух».

³ Плутарх (Artaxerx., 16) пишет, что его подвергли корытной пытке.

⁴ Один из стратегов, друг Клеарха, позвавший его принять участие в походе Кира.

⁵ Ктесий не указывает, каких именно, но Плутарх (Artaxerx., 18) пишет следующее: «Клеарх попросил Ктесия раздобыть ему гребень и, когда просьба его была исполнена, и он прибрал волосы, в благодарность за услугу подарил Ктесию перстень – чтобы тот когда-нибудь предъявил это свидетельство дружбы друзьям и родичам Клеарха в Лакедемонии. На перстне был вырезан священный танец в честь Артемиды Карийской. Все это рассказывает сам Ктесий. Пищу, которую посылали Клеарху, отбирали и съедали воины – товарищи по заключению, Клеарху же доставалась лишь самая малость, но Ктесий, по его словам, помог и этой беде, добившись, чтобы Клеарху присылали больше, а остальным назначили особое содержание. Оказать грекам эту помощь ему удалось милостью и заботами Парисатиды. Каждый день, кроме прочей еды, Клеарх получал целый окорок, и он горячо убеждал Ктесия вложить в мясо маленький ножичек и тайно передать ему, не дожидаясь конца, который готовит узнику жестокость Артаксеркса, но Ктесий боялся и не согласился».

его телом большое количество земли, тем самым, похоронив его¹. Вместе с ним были убиты и другие бывшие с ним греки, за исключением Менона².

70. Парисатида, оскорбленная Статирой³, в конце концов, хотя та и была постоянно настороже, боясь такой смерти, убила ее при помощи яда следующим образом [44b]. Будучи с ней за одним столом, она использовала нож, у которого лезвие с одной стороны было смазано ядом. Этим ножом она разрешила птицу, величиной не больше яйца, которую персы называют ринтак. Парисатида взяла и принялась есть ту часть птицы, которой не коснулся яд, Статире же она предложила другую, отравленную, и та, видя, что мать ест, без подозрений сама съела вторую половину и умерла. Царь, рассерженный на поступок матери, приказал арестовать ее евнухов, пытать и предать смерти. Также взяли и Гигию, служанку Парисатиды. Привлеченная к ответственности, она была оправдана, но царь приказал предать ее пыткам⁴. Это вызвало гнев Парисатиды к сыну, который по-прежнему питал неприязнь к своей матери⁵.

71. Через восемь лет курган над телом Клеарха видели в окружении финиковых пальм, которые посадила Парисатида тайно через своих евнухов, когда тот умер⁶.

¹ Плутарх (Artaxerx., 18), сообщает: «...Ктесий сильно преувеличивает, желая почтить память Клеарха» и передает его слова: «...будто после казни трупы остальных начальников растерзали собаки и хищные птицы, а тело Клеарха невесть откуда налетевший вихрь засыпал землей и скрыл под большим курганом, на котором спустя недолгое время из нескольких финиковых косточек поднялась густая пальмовая роща и осенила весь холм тенью своих ветвей, так что даже сам царь горько раскаивался, что погубил Клеарха – угодного богам мужа».

² Ксенофонт (II, 6,1) и Диодор (XIV, 27) сообщают, что Клеарх, совместно со стратегами фессалийцем Меноном, аркадянином Агием, ахейцем Сократом, после того как греки какое-то время провели в отступлении на родину, были приглашены преследующим их с войском Тиссаферном в его шатер на переговоры, и схвачены, а вместе с ними и сопровождавшие их двадцать лохагов и двести солдат, которые ждали снаружи. Стратегов отвезли к Тиссаферну и обезглавили.

³ Скорее всего, Фотий не стал вдаваться в подробности, переписывая Ктесия, Но Плутарх (Artaxerx., 19) счел нужным сообщить читателям подробности: «Парисатида, которая с самого начала была полна ненависти и ревности к Статире, видела, что собственная ее власть покоится лишь на сыновнем уважении царя, тогда как Статира сильна любовью и доверием Артаксеркса. Вот тогда-то, считая, что все главнейшее и основное в ее жизни поставлено под удар, она решилась покончить с невесткой».

⁴ Плутарх (Artaxerx., 19) о наказании Гигии пишет следующее: «Отравителей у персов казнят по закону так. Голову осужденного кладут на плоский камень и давят и бьют другим камнем до тех пор, пока не расплющат и череп, и лицо. Вот какой смертью умерла Гигия».

⁵ Парисатиду Артаксеркс навсегда отослал в Вавилон, заявив, что пока она жива, его глаза Вавилона не увидят.

⁶ Плутарх (Artaxerx., 18), в отличие от Фотия, более подробно цитирует Ктесия, критикуя его отношение к Клеарху.

72. Он называет причину ссоры Эвагора¹, царя Саламина, с царем Артаксерксом. Эвагор передал через Ктесия письма Абулету². Ктесий взял письмо, где тот пишет о примирении с Анаксагором, царем Кипра³. Затем Эвагор отправил послов на Кипр взять письмо, написанное Ктесием.

73. Тем временем Конон говорил с Эвагором о возвращении к царю, но Эвагор вместо этого направил письмо, заявляя, что царь должен считать его равным. Конон, в свою очередь, направил письмо Ктесию, в то время как Эвагор заявил, что готов платить дань царю. Затем письма были отправлены Ктесию, который говорил с царем от имени Конона, прежде, чем послать письмо ему⁴. Эвагор одарил подарками Сатибарзана⁵ и отправил послов на Кипр. В то время Конон обратился с письмом к царю и Ктесию.

74. Лакедемонские послы были направлены к царю. Царь направил письма Конону и лакедемонянам, которые Ктесий доставил лично. Конон был назначен навархом⁶ Фарнабаза.

75. Ктесий рассказывает, что прибыл в Книд, свое отечество, от туда направился в Лакедемон, а из Лакедемона – на Родос.

[45a] 76. Оттуда в Эфес, Бактрию, и далее, в Индию, и он отмечает количество стадиев, дней и парсангов. Затем он представляет каталог царей от Нина и Семирамиды – до Артаксеркса. На этом он заканчивает.

Стиль этого писателя ясен и прост, его слова доставляют большое удовольствие. Он использует ионийский диалект, но не постоянно, как Геродот, а только в некоторых фразах. И он не отклоняется от своего предмета на неподходящее отступление, какие излагает тот. Хотя он и критикует его⁷ за многие басни, он сам не избежал этого недостатка, особенно в своем описании Индии. Основное удовольствие от его истории в том, что он рассказывает о событиях, иногда, удивляя читателя неожиданными рассказами, иногда перемещением страстей и многим другим, с помощью сказочных приукрашиваний. Что касается его рассуждений, они, часто разрозненные, и

¹ Эвагор (Εὐαγόρας) — царь кипрского города Саламина, с 410 по 374 г. до н.э. из рода Тевкридов. Был в дружбе с афинянами и способствовал их сближению с персами против спартанцев. Стремление Эвагора к захвату всего Кипра привело к разрыву его с Персией. После десятилетней войны был вынужден ограничиться властью над Саламином и платить персам дань.

² Должно быть, рекомендательные письма. Скорее всего, Абулет был очень влиятельным персидским вельможей, о нем больше нигде не говорится.

³ Диодор Сицилийский (IV, 68, 4) говорит об Анаксагоре, мифическом царе Аргоса. При нем Мелампод (жрец, знавший язык зверей) исцелил аргосских женщин от безумия, насланного Дионисом, и женился на сестре Анаксагора. Более об Анаксагоре, тем более, царе Кипра, не говорится нигде, кроме как у Ктесия.

⁴ «Рассказывают, что Ктесий, приняв письмо, приписал к просьбам Конона еще одну — чтобы к нему отправили Ктесия, который, дескать, будет полезен в действиях на море; но сам Ктесий утверждает, будто царь дал ему это поручение по собственному почину» (Plut. Artaxerx., 21).

⁵ Евнух, приближенный царя. Он спас своего господина, когда тот умирал от жажды, будучи тяжело ранен во время сражения с Киром.

⁶ Наварх (ναύαρχος) — командующий флотом в Древней Греции.

⁷ Геродота.

он использует простые выражения. И отличается в этом от Геродота, слова которого живы и разнообразны, повествования динамичны и являются каноном ионийского диалекта.

Индика

1. Был прочитан и его [Ктесия] труд в одной книге под названием «Индика», в которой чаще всего употребляются ионические формы.

Рассказывая о реке Инд, он сообщает о том, что самое узкое ее место – 40 стадий, а самое широкое – 200.

По поводу самих индийцев он говорит, что по численности они превосходят всех остальных людей, вместе взятых.

О черве, обитающем в реке [Инд] (*skolex*), он говорит как о единственном живом существе, которое можно там найти.

За ними [индийцами] никакой другой народ не живет.

Мы узнаем также и о том, что в Индии не бывает дождей, и она орошается влагой реки.

2. Ктесий рассказывает о пантарбе: когда сфрагиды и другие дорогие камни, числом 477, принадлежавшие бактрийскому купцу, были брошены в реку, пантарба притянул их к себе, собрав всех их вместе.

3. Он пишет о слонах, сокрушающих стены. Мы узнаем также и о маленьких обезьянах с хвостами длиной в 4 локтя, и об огромных петухах. О птицах, [называемых] «бопугаи», у которых язык и голос как у людей; размером же они с ястреба, голова у них красная, обрамленная черной бородой, а шея по цвету подобна киноvari. Говорят эти птицы, как индийцы; однако, если их выучить, смогут говорить и по-гречески.

4. Пишет он и об источнике, каждый год наполняющемся жидким золотом [45b], из которого ежегодно добывают 100 глиняных кружек [золота]. Глиняные кружки используют потому, что вычерпанное золото твердеет и при необходимости можно разбить сосуд и вынуть из него затвердевший металл. Источник сам по себе имеет квадратную форму, 16 локтей в периметре, глубина же его – сажень. Каждая такая кружка тянет на талант золота. Упоминает он и о железе, находящемся на дне источника. Из него, как говорит Ктесий, изготовлены два принадлежащих ему меча, один из которых он получил в подарок от царя [Персии], а другой, под названием Парисатида, от матери царя. Ктесий утверждает, что, если это железо воткнуть в землю, оно отводит тучи, грады и ураганы; якобы и он сам видел это явление, продемонстрированное царем.

5. По его словам, собаки в Индии настолько велики, что могут бороться со львами.

Пишет он и о высоких горах, в которых добывают сердолики, ониксы и другие камни.

О том, что в Индии очень жарко, и о том, что солнце, светящее там, в десять раз больше, чем в других странах, и многие от жары гибнут.

Море Индии ничем не уступает морю Эллады. Поверхность же его на четыре пальца вглубь горячее, поэтому рыбы обитают в глубинах.

6. В Индии река течет по равнине и через горы, на которых растет так называемый индийский тростник, такой толстый, что двое человек с трудом могут обхватить его стебель. По высоте же он равен мачте корабля *meriophoros*. Встречаются и еще большие экземпляры. Среди этого тростника есть стебли и мужские, и женские. Мужские не имеют сердцевины, и они весьма прочны; женские же имеют сердцевину.

7. Ктесий рассказывает о *мартихоре (martichora)*, животном, что обитает в Индии. Лицо его подобно человеческому. Это животное размером со льва, а цветом красное, как киноварь. У него три ряда зубов, уши как у человека. Хвост скорпионий, на его конце находится жало размером более локтя. По обеим сторонам хвоста расположены боковые жала, и, как у скорпиона, имеется жало и на голове. Итак, любого, кто к нему ни приблизится, он убивает своим смертоносным ядом. Если кто-либо издали угрожает ему, то это животное защищает себя и спереди – поднимает хвост и мечет свои жала подобно стрелам, – и сзади, вытянув хвост. Жала же его летят на расстояние одного плетра, и все, кого оно таким образом ранит, умирают, за исключением слонов. Жало мартихоры длиной около одного фута, а толщиной с тончайшую тростинку.

Мартихора в переводе на греческий означает «антропофаг» (человекоядное), поскольку оно чаще всего убивает и пожирает людей; однако питается оно и другими живыми существами. Сражается мартихора и когтями, и при помощи жал. На месте тех жал, которыми оно выстрелило, вырастают новые [46а]. Эти животные многочисленны в Индии. Убивают же их, метая в них копыя со спин слонов.

8. Ктесий говорит об индийцах как о людях в высшей степени праведных. Пишет о нравах и об обычаях их. О священном участке земли, находящемся в незаселенной области страны, названном в честь Солнца и Луны. До него пятнадцать дней ходу от горы Сард. И тридцать пять дней в году там остывает солнце, давая людям возможность совершить праздник в его честь и возвратиться домой невредимыми.

Утверждает, что в Индии не бывает ни грома, ни молнии, ни дождя, но часты ветры и ураганы, которые сносят все на своем пути. В большинстве мест Индии в первой половине дня прохладно, а во второй невыносимо жарко.

9. Он пишет о том, что индийцы не от солнца черны, а по своей природе. Ибо есть среди них и мужчины, и женщины, как и все в мире, белые, но они в меньшинстве. Видел же он и сам таких индийцев – двух женщин и пятерых мужчин.

10. Желая уверить всех в том, что солнце действительно дает прохладу в течение тридцати пяти дней, Ктесий упоминает огненные потоки Этны, которые, протекая по владениям праведников, не уничтожают их, в то время как остальную землю сжигают; и рыбные родники в Закинфе, где добывают смолу; и источник на Наксосе, из коего иногда течет весьма сладкое вино; также и вечный огонь вблизи Фаселиды, что в Ликийи, постоянно горящий на вершине скалы и ночью и днем, вода его не гасит, а еще больше воспламеняет.

11. Посреди Индии, по его словам, живут темные люди, называемые пигмеи, говорящие на том же языке, что и другие индийцы. Они весьма малы; самые высокие из них два локтя ростом, большинство же – полтора локтя. Волосы у них до колен или даже длиннее, а бороды больше, чем у всех остальных людей. Когда же борода вырастет, они не носят никакой иной одежды, но отпускают волосы гораздо ниже колен, бороды же при этом свисают до самых ступней. После того как волосы покроют все тело, они опоясываются и прикрываются ими вместо одежды [46b]. Гениталии у них такие большие, что касаются лодыжек, и толстые. Также они курносы и безобразны на вид. Овцы у них будто наши ягнята, а ослы и волы размером с барана. В свите царя Индии триста мужей из пигмеев, ибо они искусные стрелки из лука. Они праведны и придерживаются тех же законов, что и остальные индийцы. На зайцев и лисиц они охотятся не с собаками, а с воронами, коршунами и орлами.

Ктесий сообщает о том, что у них есть озеро (восемьсот стадий в периметре), на поверхности которого, когда не дует ветер, устаивается масло. Тогда пигмеи плывут по озеру в небольших лодках и собирают его в корытца. В озере обитают и рыбы. Используют пигмеи и ореховое масло. Но самым лучшим считается озерное.

12. Есть у них [в этой части страны] серебро в большом количестве, и серебряные рудники хоть и неглубокие, но все-таки глубже, чем в Бактрии. В Индии также есть золото. Но его добывают не в реках, промывая песок, как, например, в реке Пактол. Золото находится в многочисленных и высоких горах, на которых обитают грифы – четырехфутовые птицы размером с волков, с лапами и когтями, подобными львиным. Все их тело и крылья покрыты черными перьями, лишь грудь красная. Из-за них золото трудно добывать, несмотря на то что его чрезвычайно много.

13. Овцы и козы в Индии больше, чем ослы. В основном они рожают по четыре или по шесть детенышей зараз. У них длинные хвосты; поэтому у самок их отрубают, чтобы они могли совокупляться. Свиной, ни домашних, ни диких, нет в Индии. Пальмы же там, а также их плоды втрое больше, чем в Вавилоне. Есть и река с медом, текущая из скал.

[47a] 14. Ктесий много рассказывает о правосудии индийцев, их благоговении перед царем и пренебрежительном отношении к смерти.

Он говорит о том, что в Индии существует источник, и если из него зачерпнуть воды, она сворачивается и становится подобной сыру. Стоит только отрезать от свернувшейся массы кусок весом приблизительно в три обола и, предварительно растерев, смешать с водой и дать кому-либо выпить, этот человек расскажет все, что совершил. Ибо сходит с ума и беснуется в течение целого дня. Царь же сам использует это средство, когда желает узнать, виновен или не виновен человек. В случае если вина открывается, преступник обрекается на голодную смерть, невиновные же оправдываются.

15. Индийцы никогда не страдают от головной или зубной боли или болезнью глаз. У них не бывает ни нарывов во рту, ни нагноений на теле.

Живут они в большинстве своем до ста двадцати, ста тридцати и ста пятидесяти, а некоторые и до двухсот лет.

16. В Индии водится змея в пядь длиной, цветом словно прекраснейший пурпур и с белой головой. У нее нет ни единого зуба. Ловят ее в тех знойных горах, в которых добывают сердолик. Эта змея не жалит, однако то место на теле, на которое она срыгнет, начинает гнить.

Если эту змею подвесить за хвост, она даст два вида яда: янтарный и черный. Первый берут у живой змеи, второй – у мертвой. Стоит только кому-нибудь принять дозу янтарного яда величиной с семечко сезама, он тотчас же умирает, так как его мозг вытекает через ноздри. Черный же яд вводит в состояние медленного угасания, и менее чем через год принявший его умирает.

17. Ктесий упоминает птиц, называемых *dikairon*, что соответствует греческому «справедливый». Размером они с яйцо куропатки. Свой помет они зарывают в землю, чтобы никто не мог его найти. Если же, несмотря на это, кто-либо отыщет его и проглотит с семечко сезама, на того с утра нападет сон, и будет он спать, ничего не чувствуя, и умрет на заходе солнца.

18. Упоминает он и растение видом как пень, размером с оливу, называемое *parebon*. Его можно увидеть только в царских садах. Оно не цветет и не приносит плодов. Имеет же пятнадцать корней, вросших в землю, из которых самые мелкие – с руку толщиной. Если взять кусок этого корня длиной в пядь, он притянет к себе все, что окажется возле него: золото, серебро, медь, камень и все остальное, за исключением янтаря [47b]. Если же взять кусок корня длиной в локоть, он притянет и ягнят, и птиц: с помощью этих корней выловлено большинство птиц. И если бы кто-либо пожелал заморозить кружку воды, достаточно было бы бросить в нее часть корня весом в обол, и вода бы замерзла. Тем же самым образом можно было бы и вино сделать твердым, словно воск. Однако на следующий день оно бы расплавилось. Корень дается в качестве лекарства при желудочных расстройствах.

19. Через Индию течет небольшая река в две стадии шириной. Ее название на индийском языке *Hyparkhos*, что на греческом означает «несущий все хорошее». Эта река тридцать дней в году несет янтарь. Ибо течет она среди гор, где растут деревья, которые, подобно миндалю или сосне, проливают в течение тридцати дней слезы. Они падают в воду и застывают. Индийское название этих деревьев – *синтахора*, что по-гречески означает «сладкий». Таким образом, индийцы и получают янтарь. Однако эти деревья также дают и ягоды, растущие гроздьями, как виноград, их семечки размером с понтийские орехи.

20. Говорят, что в тех горах живут люди с собачьими головами. Одеваются они в [шкуры] диких зверей. Они не разговаривают, но воют, подобно псам, и так общаются. Клыки у них больше, чем у собак, а когти длиннее и острее; живут они в горах вплоть до реки Инд. Они черны и очень праведны, как и остальные индусы; они понимают речь индийцев, но не в состоянии разговаривать, а только воют и подают знаки руками и пальцами,

словно глухонемые. Называют же их индийцы «калистры», что по-гречески означает «собакоголовые». Народ этот, между прочим, насчитывает сто двадцать тысяч человек.

21. У истоков этой реки [Инда] произрастает пурпурный цветок, из которого готовят краску, не уступающую греческой, но намного более сочную. Ктесий говорит о том, что в этой стране рождаются красные, как киноварь, животные величиной с жука – насекомые на очень длинных лапках, мягкие, словно земляной червь [48а]. Они обитают на деревьях, дающих янтарь, и губят его плоды, точно так же как долгоносики уничтожают виноград в Греции. Этим насекомым индийцы давят, чтобы окрасить в пурпур свои ткани, хитоны, а также все, что пожелают. И эта краска превосходит персидскую.

22. Ктесий сообщает, что кинокефалы, обитающие в горах, живут охотой и, убив дичь, вялят ее на солнце; они также разводят баранов, коз и ослов. Пьют молоко, делают овечий творог; употребляют в пищу и плоды *сиптахоры*, дающей янтарь, ибо они сладкие. Кинокефалы сушат их и складывают в корзины, точно так же как греки поступают с виноградом. Кинокефалы строят плоты, на которых отвозят эти плоды, пурпурные цветы, а также янтарь на двести шестьдесят четыре таланта в год и на равную сумму пурпурной краски и еще тысячу талантов янтаря; все это они ежегодно посылают царю индийцев. Они привозят и другие продукты, которые обменивают у индийцев на хлеб, муку и одежду из хлопка; они закупают мечи, которые используют на охоте, а заодно луки и стрелы, так как очень в них нуждаются. Кинокефалы неодолимы в войне, поскольку обитают в высоких горах на труднодоступных перевалах. Каждые пять лет их царь дарит им триста тысяч луков, триста тысяч стрел, сто двадцать тысяч кожаных щитов и пятьдесят тысяч мечей.

23. Эти кинокефалы не строят домов и живут в пещерах. Они с луком и стрелами охотятся на зверей и так проворны, что ловят их на ходу. Женщины моются только раз в месяц во время своего периода и ни в какое другое время. Мужчины же не моются, но ополаскивают руки; три раза в месяц они натираются маслом, взбитым из молока, и обтираются кожами. Все кинокефалы, и мужчины и женщины, носят одежду из стриженных шкур, как можно более тонко выделанных. Богатые носят льняную одежду. Но таких немного. У них нет кроватей, но они пользуются подстилками из листвы. Самыми богатыми считаются те, у кого больше овец; прочее же имущество одинаково распределено между всеми. У мужчин и у женщин сзади свисают хвосты, как у собак, но они более длинные и пушистые [48b]. Кинокефалы совокупаются со своими женщинами на четырех лапах, как собаки, сблизиться по-другому [считается] позором. Они праведны и живут дольше, чем люди, по сто шестьдесят два года, а некоторые из них и по две сотни лет.

24. За ними, выше истоков реки, живет другой народ. Эти люди такие же темнокожие, как и другие индийцы. Они не обрабатывают землю, не едят хлеба, не пьют воды. Но разводят в большом количестве овец, коров, коз; пьют только их молоко и ничего другого. Дети у них рождаются без анального

отверстия, и поэтому содержимое их кишок выводится, как моча; оно хотя и негустое, но мутное и напоминает творог. Всякий раз, после того как они попьют молока утром и в середине дня, они заедают его особым, сладким на вкус корешком местного происхождения, который, как утверждают, не дает молоку свернуться у них внутри. К вечеру этот корешок начинает действовать как рвотное, и эти люди довольно легко извергают содержимое своих желудков.

25. Ктесий сообщает о том, что в Индии обитают дикие ослы, размером с лошадей и даже больше. У них белое туловище, а голова красная, глаза же голубые. На лбу у них красуется рог, в один локоть длиной. На расстоянии восьми пальцев от своего основания рог имеет совершенно белый цвет, на острие он багряно-красный, остальная же, средняя, его часть – черная. Из этих рогов изготавливаются кубки. Говорят, что те, кто пьют из них, избавляются и от судорог, и от падучей; и даже яд не действует, если до его принятия или после выпить из такого кубка вина, воды или чего-нибудь другого.

У других ослов, и домашних и диких, и остальных однокопытных животных нет ни астрагала, ни желчи в печени. У этих же [однорогих ослов] есть и астрагалы, и желчь. Астрагал у них самый красивый из тех, которые я когда-либо видел, видом и размером напоминающий бычий. Тяжел он как свинец, а цветом – киноварь, что снаружи, что и внутри [49a]. Эти ослы быстрее и сильнее всех других существ, ни лошадь, никакое другое животное не может одолеть их. Начинают они бег замедленно, но потом бегут все быстрее и быстрее, развивая сверхъестественную скорость.

26. Поймать эти существа можно лишь в тот момент, когда они приводят своих жеребят на пастбище. Даже окруженные большим количеством всадников, они не желают убежать, чтобы не бросать потомство, а отчаянно сражаются, пуская в ход рога, лягаясь и кусаясь, и многих людей и коней так убивают. Но, в конце концов, они все же становятся добычей, сраженные стрелами и копьями; ибо взять их живыми невозможно. Мясо этих ослов по причине горечи не годится в пищу. Охотятся же на них из-за рогов и астрагалов.

27. В реке Инд обитает червь, по виду напоминающий тех, что живут на смоковницах, длиной он около семи локтей; толщина же его такова, что десятилетний мальчик с трудом может обхватить этого червя. На верхней и нижней челюсти у него по зубу, ими он ловит добычу. В дневное время он укрывается в речном иле, ночью же выползает, и, если ему попадается какое-либо животное, будь то бык или верблюд, он хватает его и тащит в реку, где пожирает целиком, оставляя только чрево. Ловят его с помощью большого крюка на железной цепи, привязав к нему козленка или ягненка. После этого червя на тридцать дней подвешивают, предварительно подставив сосуды. За этот срок из него вытекает столько масла, что оно могло бы наполнить десять аттических чаш. По истечении тридцати дней червя выбрасывают, а масло доставляют царю индийцев, и только ему одному, ибо никому другому не дозволено брать ни капли. Это масло сжигает все, на что попадает, будь то

дерево или животное. И невозможно ничем унять этот огонь, лишь только большим количеством глины, причем густой.

28. Мы узнаем о том, что в Индии есть деревья, высокие, словно кедровые или кипарисы, с листьями как у пальмы, но немного более широкими. Их стволы не имеют отростков. Цветы у них – как у мужского лавра, но нет плодов. На индийском языке они называются *karpion*, на греческом «благовонная роза». Это дерево встречается редко. Из него каплями стекает масло. Масло стирают с деревьев шерстью, а затем отжимают в алебастровые сосуды. Оно красноватое и довольно густое. Запах же его наисладчайший из всех, что есть в мире, распространяется он на расстояние пяти стадий. Лишь сам царь и члены его семьи владеют этим маслом. Царь Индии посылал это масло в подарок персидскому царю, и Ктесий якобы видел его собственными глазами [49b] и вдыхал чудесный аромат, но ни описать, ни уподобить чему-либо не смог.

29. Ктесий утверждает, что сыр и вино в Индии самые сладкие в мире. В этом он мог убедиться на собственном опыте, так как пробовал их.

30. Рассказывает он об источнике квадратной формы, который имеет периметр в пять сажений и находится в скале. Расстояние до воды – три локтя, глубина же – три сажени.купаются в источнике самые почтенные из индийцев, мужчины и женщины и их дети. Когда они прыгают туда, их выталкивает на поверхность. Вода выбрасывает на сушу не только людей, но и другие живые существа и вообще все, что туда ни попадает, за исключением железа, серебра, золота и меди: это все уходит ко дну. Вода же в этом источнике совершенно холодная и сладкая на вкус. Она производит большой шум, будто кипящий котел. Водой этой лечат лепру и чесотку. На индийском языке источник называется *Ballade*, на греческом же «полезный».

31. В тех индийских горах, где растет тростник, живет народ, насчитывающий не менее тридцати тысяч человек. Их жены за всю жизнь рожают только однажды. У детей довольно красивые зубы, и верхние, и нижние. Волосы же и брови седые от рождения, как у мальчиков, так и у девочек. До тринадцати лет у них на всем теле белые волосы, с этого возраста они начинают темнеть, и в шестьдесят лет белые волосы исчезают вовсе. Эти люди имеют по восемь пальцев на каждой руке и по восемь пальцев на каждой ноге, это касается и мужчин, и женщин. Народ этот очень воинственный, пять тысяч человек из него с луками и копьями сопровождают царя Индии. Уши же у них, как говорят [50a], настолько велики, что доходят почти до локтей и, соприкасаясь сзади, прикрывают спины, а одно ухо касается другого.

При этих своих баснословных писаниях Ктесий говорит, что он пишет истиннейшую правду, добавляя, что пишет то-то, видев сам, то-то узнав от самих видевших, а многое из этого и другое почудеснее он опустил, чтобы не видевшим не показалось, будто он сочиняет невероятные вещи.

На этом и всё.

[Элиан]: «Ктесий говорит в сочинении об Индии, что так называемые кинамолги вскармливают большое количество собак, величиной не уступающих гирканским, и являются искусными собаководами. Причины

этого Книдиец называет следующие: от летнего солнцеворота до середины зимы у них бродят стада быков, как бы пчелиный рой или шевелящееся осиное гнездо; большая часть этого стада – весьма сильные быки; они дики и необузданны и в ярости ужасно угрожают рогами. Так вот, не умея их оттеснить иначе, люди спускают на них своих выкормленных собак, для того всегда и содержащихся, которые и дерутся с ними, и одолевают их совершенно легко. Затем из мяса выбирают себе то, что считают необходимым для еды, а остальное отделяют собакам и с большим удовольствием пируют вместе с ними, как бы начиная пиршество с жертвы богам-благодетелям. В ту пору, когда быки уже не бродят, этих собак держат как сотоварищей по охоте на остальных животных. Также это племя выдаивает молоко самок, отчего оно и называется „собакодоями“: ведь они его пьют, как мы молоко овец и коз» (Ael. Hist. animal. 16, 31).

73. Гелиодор. Эфиопика

Прочитал «Эфиопику» Гелиодора¹. Труд драматический, и применяемый стиль подходит к теме, будучи исполнен простоты и очарования. Повествование разнообразится событиями, ожидаемыми или неожиданными происшествиями, которые обращаются к чувствам, удивительными спасениями от опасностей, ясной и чистой манерой выражаться. Если, что естественно, есть стремление к использованию фигур речи, они легко понимаются и наглядно иллюстрируют суть предмета. Периоды симметричны, и краткость применяется в целях краткости. Композиция в других отношениях соответствует теме. Это история любви мужчины и женщины и показывает страсти при строгом соблюдении приличий.

Персонажи Феаген и Хариклея, двое целомудренных влюбленных, которые на протяжении всех своих странствий и частых неволь соблюдают свою скромность нетронутой. Даю их имена, а также краткий отчет об их судьбе и страданиях. Афинский праздник, на котором Хариклея является жрицей, а Феаген состязается на стадионе. Как они влюбляются друг в друга с первого взгляда; последующая болезнь Хариклеи; как с ее согласия ее похищают Феаген и Каласирис из дома ее предполагаемого отца Харикла. Путешествие в Закинф, во время которого капитан судна воспылал любовью к Хариклее; Каласирис притворяется, что принимает его предложение о браке. Хариклея и ее свита гостеприимно приняты на берегу, и предупреждены рыбаком, который дал им жилье, что Трахин, главарь банды грабителей, намерен похитить ее.

¹ Гелиодор из Эмесы в Сирии принадлежал семейству жрецов Солнца, жил в III в. Это мнение подтверждается упоминанием Блеммия, следами нео-пифагорейского влияния и акцентом на поклонение солнцу. Церковный историк Сократ ошибочно отождествляет его с епископом из Трикки в царствование Феодосия; последнего, вероятно, путают с Феодосием — отцом автора «Эфиопики». Образцовая работа о греческих писателях-романистах: Rohde K. Der Griechische Roman. 1914. Вся работа Гелиодора сохранилась, без этого было бы трудно понять запутанные наброски извлечения Фотия.

Бегство Каласириса и Хариклеи, преследование и захват корабля Трахином. Он влюбляется в Хариклею, которая делает вид, что готова выйти за него замуж. Каласирис и Феаген, притворившись, что они ее отец и брат, попросили [чтобы они могли оставаться на судне], и их просьба была удовлетворена [50b]. Буря на море; им чудом удалось избежать кораблекрушения и пристать на побережье Египта.

Трахин говорит о своем намерении сочетаться браком с Хараклеей. Хитрость ее мнимого отца Каласириса и приготовления к свадебному пиру. Пелор убеждается Каласирисом, что Хариклея влюблена в него, что приводит к ссоре между Пелором и Трахином из-за нее. Имеет место правильное сражение, в котором многие пираты убиты друг другом¹, и несколько – Хариклеей. Ее горе при виде Феагена, покрытого ранами.

Нападение египетских разбойников. Их изумление при виде Хариклеи, которую вместе с Феагеном уводят к Фиаму, вождю буколиев², так назывались разбойники. Он также был поражен любовью к Хариклее, которая в очередной раз делает вид, что Феаген ее брат. Буколии, в свою очередь, подверглись нападению и разгромлены; бегство Фиама и Гермуфа³, преследуемых Кнемоном⁴ и Феагеном. Хариклея остается в пещере⁵, при входе в которую лежит мертвое тело Фисбы, при виде которой Феагена⁶ охватывает невыносимое горе, пока Хариклея не обращается к нему из пещеры. Тайна смерти Фисбы; горе Гермуфа.

Отъезд Кнемона и Гермуфа, Хариклеи и Феагена. Кнемон, оставив Гермуфа, встречает Каласириса. Они рассказывают друг другу о своих приключениях. Кнемон рассказывает историю Фисбы и Деменеты, своей мачехи, о своем изгнании и других несчастьях; Каларис о Харикле, Хариклее и Феагене. Оба оплакивают свои несчастья. Тогда Кнемон сообщает приятную новость, что Феаген и Хариклея все еще живы, так как он сам был узником с ними у Фиама. Навсиклея, у которой живет Каласир, называет Хараклею именем Фисба. Услышав это имя, Кнемон, зная, что Фисба мертва, озадачен; но его недоумение сменяется на радость по поводу открытия, что Хариклея жива.

Первый поиск Феагена и вступление в брак Кнемона и Навсиклеи. Каласирис отправляется с Хариклеей на поиски Феагена. Старуха скорбит о своем сыне, который пал в бою, и обращается к нему при помощи искусства магии, Каласирис и Хариклея тем временем наблюдают. Старушка умоляет покойника сказать ей, вернется ли ее другой сын [51a]. Сын, проклиная свою мать как виновницу в насильственных и незаконных действиях, сообщает ей,

¹ Некоторые встали на сторону Трахина, другие Пелора, заместителя командира.

² Имя разбойников «народ–пастухи», населяющие с.-з. часть дельты Нила в районе Александрии.

³ Или Термуфа.

⁴ Молодой афинянин, который был захвачен разбойниками.

⁵ В которую она была увезена.

⁶ Думая, что это Хариклея.

что ее сын будет убит, но что она умрет раньше него за то, что оскорбила мертвых. Она умирает от случайного падения на обломок копья.

Фиам, Феаген, и остальная часть разбойничьей шайки отправились в Мемфис, первый названный желал восстановить жречество, которое захватил его младший брат Петосирис. Это вызывало большое волнение в городе. Арсака¹, которая находилась во главе города, стремясь положить конец розни, приказала двум братьям биться в единоборстве, чтобы жречество досталось победителю. Поединок произошел против воли Петосириса, который был несведущим в использовании оружия, в то время как Фиам являлся опытным солдатом. Фиам сразу напугал своего брата, который бросил оружие и обратился в бегство, дважды обежав вокруг городских стен, преследуемый братом. Феаген, с которым Арсака, жена Ороондата, слюбилась и позаботилась о Фиаме. Каласирис и Хариклея появляются на месте действия. Каларис, видя, что его сыновья сошлись в смертельной схватке, подбегает к ним с криком и с трудом останавливает бой, так как они не узнали его. Хариклея падает в объятия Феагена. Братья складывают оружие, и Фиам назначается в жречество отцом, который вскоре после этого умирает.

Заговор Арсаки против Феагена и Хариклеи, в котором ей усердно помогала служанка Кибела, которая пригласила их во дворец. Неконтролируемая любовь Арсаки к Феагену, ее замыслы, методы жестокого обращения, соблазны, и интриги. Кибела, которая намеревалась дать чашу отравленного вина Хариклее, по ошибке выпивает сама и умирает. Феаген и Хариклея подвергнуты жестокому обращению и пыткам потому, что Феаген отвергает ухаживания Арсаки.

Хариклея осуждена к сожжению, но пламя погашено при помощи камня пантарба². Таким образом Хариклея спасена в этот момент, но Арсака в ярости готовится казнить ее на следующий день. Муж Арсаки Ороондат посылает [своего евнуха Багоя] доставить влюбленных ночью в свой лагерь. Сын Кибелы разочаровался [51b] в своем желании жениться на Хариклее, поспешил сообщить своему хозяину о прелюбодеянии его жены.

Нападение эфиопов; Феагена и Хариклею уводят к Гидаспу, царю Эфиопии. Их посвящают для жертвоприношения – Феагена Солнцу, Хариклею Луне. Игры и жертвы в присутствии Сисимфры, главы гимнософистов³, и Персины, жены царя. Хариклея требует, чтобы ей разрешили защититься перед царем. Она требует, чтобы Сисимфр был назначен судьей; показаниями свидетелей подтверждается, что Хариклея в действительности дочь Гидаспа и Персины. Гидасп с трудом убежден в

¹ Ее муж Ороондат отлучился на военную экспедицию.

² Какой она носила на пальце.

³ Индийская секта философов, которые вели крайне аскетический образ жизни. Их учение было своего рода пантеизмом, и они верили в переселение душ. Умерщвляя плоть, они надеялись очистить свою душу. Они не носили одежды, отсюда их название (Gymnos, голый, sophistes, мудрец). Их влияние в восточном (и даже в греческом мире) была велико, и Александр Великий во время своих походов пытался убедить их присоединиться к его свите.

истинности этого, но повинуюсь обычаю страны, по-прежнему полон решимости в том, что она должна быть принесена в жертву.

Соппротивление народа и освобождение Хариклеи на радость всем. Хариклее угрожает другая опасность. Феаген все еще связан для жертвоприношения и, несмотря на ее горячие мольбы и разные просьбы, ее отец отказывается освободить его. Хариклея в сильном душевном расстройстве рассказывает матери все, что произошло с ней и Феагеном. Последний одолел быка к радости народа. Он также побеждает самого сильного силача среди эфиопов под восторженные крики. Тем не менее, он увенчан и приведен к жертвоприношению. Харикл, которому случилось присутствовать здесь, придя из Афин, просит царя вернуть ему его мнимую дочь. Царь обещает сделать это, если тот сможет найти ее, но тот не в состоянии сделать это. Харикл хватает Феагена и бросает его перед царем, восклицая: «Это человек, который украл мою дочь из Афин».

Ведется следствие, Феаген объявлен невиновным с одобрения Сисимифра, который гарантирует отмену человеческих жертвоприношений на будущее среди всеобщего ликования.

Таким образом Феаген и Хариклея, в конце концов, после всех испытаний и опасностей, становятся мужем и женой. Хариклея увенчана митрой священнослужения матерью, а Феаген – тестем. Требуемые жертвоприношения и приготовления для брачных мистических обрядов.

Этот роман был написан Гелиодором, сыном Феодосия, финикийцем из Эмесы. Он говорит, что впоследствии был епископом.

74. Фемистий, Политические речи.

Лесбонакс. Выступления

[52a] Прочитано 36 политических речей Фемистия¹. Некоторые из них обращены к императору Констанцию, другие к Валенту, младшему из Валентинианов, и к Феодосию и содержат панегирик и восхваление этих императоров. Стиль понятный, лишенный излишеств, но немного напыщенный. Язык официозный² с тенденцией к торжественности. Фемистий процветал во времена правления Валента, что является очевидным из его произведений. Он всё ещё был молодым человеком во времена Констанция, который его избрал членом Сената, о чём свидетельствует письмо,

¹ По прозвищу Евфрат («Краснобай»), неоплатоник и софист (ок. 317-390), родился в Пафлогонии, затем житель Константинополя, где поступил на государственную службу, в конце концов стал префектом города. Одна из его особых обязанностей — поставлять императорам, при шести из которых он жил, официальные приветственные речи. В дополнение к речам здесь указанным, он был плодовитым писателем на философские темы. Будучи достаточно молодым человеком, он приобрел репутацию комментатора Аристотеля. Он дружил с известными литераторами, ораторами и философами, как с христианами, так и с язычниками. Григорий Богослов называл его «царем доводов». Из тридцати шести речей, упомянутых Фотием, мы имеем тридцать четыре (одна из них в латинском переводе), и некоторые из его философских работ по Аристотелю.

² Буквально «державно-бумажный».

адресованное самим императором к этому законодательному органу от имени Фемистия. Его отца, который также был философом, звали Евгений. Мы встречаем его комментарии ко всем произведениям Аристотеля, сжатый и весьма успешный парафраз работ: «Аналитика», «Душа», «Физика» и других подобных произведений. Он также внёс некоторый вклад в толкование Платона и действительно, был приверженцем философии.

Также прочитал шестнадцать речей Лесбонакса¹. Этот Лесбонакс...

75. Иоанн Филопон. О Троице против Иоанна Схоластика.

Я прочитал небольшой трактат Иоанна Филопона² против богодухновенного учения о святой и единосущной Троицы, провозглашенный Иоанном Схоластиком, архиепископом Константинополя, в его катехизической речи, произнесенной во время первого обвинения³ во время правления Юстина. Стиль – то, что можно было ожидать от автора, ясный, но, в то же время, лишенный энергии и достоинства. Его аргументы не только кощунственны, но и совершенно необоснованны и слабы, и он показывает себя неспособным придать даже поверхностную окраску истине своим ошибочным аргументам против истинной веры. Изобретая природу, субстанции и богов, он, подобно наглому заиканию, немедленно изливает поток богохульств против христианской веры, подробно останавливаясь на таких вопросах, как «Сколько значений имеет Единое?» Таким образом, в своей изобретательной тщетности, как он ее считает, или, скорее, в своих детских недостатках вкуса, он нагло хвастается своим презрением к мистическим обрядам нашей Церкви. Не только в этих конкретных аргументах он кажется слабым и глупым, но и во всех других написанных им работах, кроме тех, которые он сплгиатил, ложно утверждая, что они оригинальны. Он далек от тех писателей, которые умеют отличать истину от лжи и могут достичь тонкости мысли.

[52b] Что касается сочинений, которые, как он оскорбительно утверждает, являются его собственными, они в целом сохранили личности своих авторов, хотя в некоторых случаях его порочный и изощренный стиль разрушил благородную откровенность первоначальных авторов. Они выглядят как сложные, которые, конечно же, превосходны, благодаря тому, как их выращивают и кормят, имеют признаки дегенерации и специфичности. В этом произведении он привел цитаты из святых отцов, таких как Григорий Богослов, Василий Великий, Афанасий Победитель и святой Кирилл, но они ни в коем случае не могут помочь его нечестивому представлению.

76. Иосиф Флавий. Иудейские древности

Прочитал «Иудейские древности» Флавия Иосифа в двадцати книгах. Он начинает с Моисеевой космогонии, и, хотя его отчет согласен в основном

¹ Возможно Лесбонакс из Митилены, автор трех сохранившихся декламаций. Неясно когда он жил, вероятно, в I веке н.э.

² См. cod. 21.

³ См. прим. к cod. 69.

с общепринятым, он иногда отличается. Труд заканчивается войной между евреями и римлянами, в то время, когда царем Иудейским был Агриппа¹, сын великого Агриппы², который лишил Иисуса, сына Гамалиила, первосвященства и даровал его Маттиасу, сыну Феофила. Антиох³ и его стратег Лисий были первыми, кто ввел смелое новаторство по отношению к владению первосвященством. Они сняли Онию, именуемого Менелаем, с этой должности, предали его смерти, и лишили его сына права наследования, назначив на его место Алкима, прозванного Иаким, из колена Аарона, но принадлежащего другой семье. До этого по закону со времен Аарона первосвященник должен был занимать должность в течение жизни, а сын должен наследовать отцу. Но когда умер Алким, будучи первосвященником в течение трех лет, должность пустовала в течение семи лет. После Маттиаса и его сыновей, семье Асмонеев было поручено руководство еврейским народом и, пойдя войной на македонян, Ионатан был назначен первосвященником. Ибо к этой семье также принадлежал Иуда, которого называли Аристокбулом, который первым возложил диадему на голову, тем самым, совмещая должности первосвященника и царя. Через год он умер и оставил своего брата Александра преемником на царствовании и в первосвященстве, который сохранял эти достоинства в течение двадцати семи лет. От этого времени царствование в сочетании с первосвященством оставались в семье Асмонеев до времени Гиркана, которого Помпей после завоевания Иерусалима лишил царства, но позволил ему занимать должность первосвященника. Через тридцать три года он был взят в плен парфянскими полководцами Барзафарном и Пакором, которые назначили царем Антигона, племянника Аристокбула [53а]. После царствования Антигона в течение трех лет и трех месяцев, римский полководец Созий и Ирод Первый, сын Антипатра, священник Аскалона, и Кипр Арабский, свергли его, и забрали его в Антиохию, где он был приговорен к смерти Антонием. Это был конец династии Асмонеев, и Ирод был царем евреев с согласия римлян. Он даровал первосвященство кому попало без различия, подавая пример для подражания своим преемникам.

Как было сказано выше, автор в своих двадцати книгах, начиная от сотворения мира доходит до начала последней войны между евреями и римлянами, до времени, когда Агриппа, сын Агриппы, римлянами был назначен царем евреев, и Гессий Флор⁴ сменил Альбина, наместника Иудеи. Евреи, не выдержав нечестия и жестокости Флора, восстали, решив, что лучше умирать сразу и свободными, чем постепенно и в рабстве. На второй год наместничества Флора, на двенадцатом году правления Нерона, была та война, на которой заканчивается история Иосифа. О его стиле мы уже говорили.

¹ 27-100 гг. Агриппа, к которому привели св. Павла.

² Внук Ирода Великого. Он прославится тем, что преследовал христиан (44). Он, как говорят, умер от страшной болезни (Деян. XII. 23).

³ Антиох Епифан, царь Сирии 175-164 гг. до н.э. Он был решительным сторонником искоренения иудаизма и эллинизации народа.

⁴ 64-65 гг.

Иосиф был по рождению еврей и священник, принадлежащий к семье, со стороны отца происходящей от длинного ряда священников. Со стороны матери он был царской крови, ибо потомки Асмонея, от которого происходила ее семья, в течение длительного времени удерживали и первосвященство и звание царя. Его отца звали Матфий (Matthias). Он родился в первый год [53b] правления императора Гая¹ и с детства был прилежным учеником. В шестнадцать лет он начал уделять внимание трем сектам евреев и добросовестно исследовал их с тем, чтобы, опробовав их все, он мог бы выбрать лучшее. Это секты фарисеев, саддукеев и ессеев. Пройдя через них, он удалился в пустыню, прожив там в течение трех лет с человеком², который вел одинокую и аскетическую жизнь. Одежду этот человек делал из листвы деревьев, его пища состояла из обычных трав и фруктов, и он часто купался как и ночью, так и днем, чтобы держать себя непорочным. Когда ему было девятнадцать лет, Иосиф вернулся в город и присоединился к секте фарисеев, которая как говорят, напоминает секту стоиков среди греков. На тридцатом году он был послан народом Иерусалима исследовать состояние дел в Галилее, где было большое смятение, и положение было очень неустроенным. Затем он был назначен главнокомандующим Галилеи и показал себя умелым администратором. Он успешно избегал заговоров разного рода, устроенных против него политическими соперниками, и показывая дух умеренности в борьбе со своими врагами, часто привлекал их на свою сторону. Взвзвись за оружие против римлян против своей воли, после храброго сопротивления Иотапаты, он был взят в плен Веспасианом, который обращался с ним любезно в то время, и в еще большей степени после того, как он стал императором. Не только Веспасиан, но и его сыновья и наследники, Тит и Домициан, питали к нему высокое уважение; ему было даровано римское гражданство, и он стал очень богат. Он закончил свою историю на пятьдесят шестом году жизни, в тринадцатый год царствования Домициана.

77. Евнапий. Хроника

Читано Евнапиево продолжение Дексипповой хронологической истории, нового издания, в четырнадцати книгах. Он начинает историю с царствования Клавдия, где оканчивает свою Дексипп. История его заключается царствованием Гонория и Аркадия, сыновей Феодосиевых, и той эпохой, когда Арсакий [54a], по удалении Иоанна Златоуста, был возведен на патриарший престол, а супруга Аркадия, будучи беременной, умерла от родов. Евнапий был уроженец Сард, города лидийского. Нечестивый по вере, ибо он чтит эллинских богов, он всякими средствами и беспощадно порицает и унижает тех царей, которые украсили престол благочестием, в особенности же великого Константина; напротив того, он возвышает нечестивых, а более других – Юлиана-отступника; история Евнапия составлена в его хвалу.

¹ Калигула, император 37-41 гг.

² Согласно Иосифу Флавия, его звали Банус.

Слог его хорош, если исключить слова: λεκτρουονδες, λαφωδέστερον, συωδίστερον, а также еракδεις, коракωδεις, πιθηκώδεις, ποταμδες δάκρυον и подобные (петушье, оленье, свиное свойство; ястребообразный, воронообразный, обезьянообразный, рекообразная слеза). Этими словами он портит благородство слога; он чрезмерно употребляет тропы, что противно правилам исторического слога. Сила и приятность его слога устраняют неприятность этого впечатления. Историческое изложение его ясно; периоды его соразмерны и полны приличия. Только по временам слог его более судебный, нежели исторический. В словосочинение вводит он немало новизны, но он делает это не без приятности и не вредит своим периодам.

Он написал об одном и том же предмете два сочинения. В первом он изрекает хулу на чистую веру христианскую, превозносит эллинское суеверие и порицает благочестивых царей; во втором, которое он называет новым изданием, он отчасти отсекает свои нападения на благочестие и сокращает остальную часть труда; но и в этом труде обнаруживается его неистовство. Мы читали и то, и другое издание в древних книгах; каждое из них помещено в особой тетради. В новом издании [54b] многие места изложены неясно вследствие сделанных отсечений, хотя автор любит ясность. Не знаю, как это случилось, но во втором издании отделенные части нехорошо соединены между собою, а от этого мысли становятся непонятны для читателя.

78. Малх. История

Читано сочинение Малха, софиста, под заглавием Византийские события (Византиака), в семи книгах. Сочинитель начинает с того времени, как император Леонт (Лев) был тяжело болен на семнадцатом году своего царствования; описывает провозглашение Зенона, удаление его от престола, восшествие на престол Василиска, свержение его, возвращение Зенона в столицу, убиение Василиска от меча. По незаконному приговору этой казни подверглись и жена его, и дети. Армат, восстановивший Зенона, получил в награду смерть от руки Онульфа. В книге Малха описано возмущение Февдериha, сына Триариева¹, и союз с Февдерихом, сыном Баламировым², война с первым и новое возмущение его против Зенона; мятеж Маркиана и до этого козни Верины, тещи его; пожизненное заточение ее за эти козни; прежние козни Верины против Илла; занятие изменой Эпидамна Теодерихом, сыном Баламира. Потом он обращается к Риму и оканчивает седьмую книгу смертью Непота, который, лишив царства Гликерия, постриг его и, из царя сделав архиереем, сам овладел верховной властью. Однако Непот был умерщвлен кознями Гликерия.

Эти семь книг «Истории» Малха доказывают, что он писал и другие, предшествующие им, как видно и по началу первой из семи книг. Конец же седьмой свидетельствует, что Малх продолжал бы свои сочинения, если бы жизнь его продлилась. Этот писатель был родом из Филадельфии.

¹ В тексте Фотия ошибка — Отриарий вместо Триария.

² Ошибочно Маламир вместо Баламир.

Историческое изложение его превосходно. Слог его чист, непринужден, ясен, цветущ; выражения употребляет он звучные и важные. Он не презирает новых слов, в которых есть выразительность, звучность и величие как то¹... и тому подобные, вообще это образец исторического сочинения [55а]. Он был званием софист; отличился в риторике. По вере он не был вне христианского общества.

79. Кандид. История

Читаны три книги «Истории» Кандида. Он начинает ее с восшествия на престол Льва, который был родом из Дакии, что в Иллирии, начальствовал над отрядом войск и правил Силимврией². Он достиг царствования стараниями Ардавурия, родом алана, но с молодых лет служил (при римском войске). Ардавурий имел от трех браков трех сыновей: Ардавурия, Патрикия и Эрменариха – и двух дочерей.

Как уже сказано, Кандид начинает «Историю» с восшествия на престол Льва и оканчивает ее возведением на престол Анастасия. Как сам говорит, он был родом из Исаврии Трахеи (Гористой). Он был званием письмоводитель³ при тех, которые имели власть между исаврами. Исповеданием он был христианин православный, ибо он превозносит похвалами четвертый Собор и справедливо осуждает противников его.

Слог Кандида не подходит к истории. Он употребляет поэтические выражения некстати и с юношеской смелостью; то словосложение его жестко и тяжело звучит, как в дифирамбах; то опять впадает он в слабость и небрежность. В словосочинении он вводит новые обороты не для изящества и гладкости слова, как делают другие, но чтоб казаться трудным и не заботящимся о приятности. Однако он иногда становится лучше самого себя, составляя «Историю», смешанную из самых несходных между собой материалов. Он силится доказать, что Исаврия получила свое имя от Исава.

В первой книге повествует он о могуществе Аспара и его сыновей, о возведении на престол Аспаром Льва⁴, о случившемся в городе пожаре⁵ и о том, что Аспаром в этом случае сделано было для пользы общей. Он рассказывает о несогласии императора и Аспара касательно Татиана⁶ и Бибиана⁷ и о том, что они говорили друг другу. Вследствие этого несогласия император привязал к себе исаврский народ через посредство Тарасикодиссы Русумвлдеота⁸, которого он переименовал в Зенона и выдал за него свою

¹ Пропуск в тексте.

² Дакия, что в Иллирии — Дакия по эту сторону Дуная. Леонт, или Лев Макелла, вступивший на престол 457 г. Силимврия расположена на Мраморном море между Константинополем и Ираклией.

³ Ὑπογραφεύς, — письмоводитель, иначе νοτάριος.

⁴ По Приску, Лев обязан был престолом Аспару (Evagr. HE. II, 16).

⁵ Как велик был пожар, описано у Евагрия (HE. II, 13). 461 или 465 г.

⁶ Вульгата — Τίτιανς, Лаббэ — Τάτιανός, на основании Приска. Excerpta Legation. 74.

⁷ Бибиан был консулом 463 г.

⁸ Это странное имя всячески коверкается разными издателями.

дочь, после того как Зенон овдовел; Ардавурий, будучи в несогласии с императором, сам вздумал привязать к себе исавров¹. Мартин, приятель [55b] Авдавурия, объявил Тарасикодиссе о кознях Ардавурия против императора; оттого между царем и Ардавурием усилились подозрения, и царь Лев приказал убить Аспара и сыновей его, Ардавурия и Патрикия-кесаря. Но кесарь, против всякого чаяния, оправился от ран и спасся, и третий сын Аспара, Арменерих, избег также смерти, потому что в то время не находился при отце². Царь Лев, женив Тарасикодиссу на дочери своей Ариадне, переименовал его Зеноном и назначил полководцем востока.

Кандид описывает счастье и бедствие Василиска в Африке. Он говорит, что царь Лев употребил все средства, чтобы объявить царем Зенона, зятя своего, но не мог этого достигнуть, потому что подданные его на то не соглашались; однако до кончины своей он провозгласил царем внука своего, рожденного от брака Зенона с Ариадной. По смерти Льва внук его, Лев [Младший], венчал царем отца своего, Зенона, с согласия Сената.

Следует подробное изложение родословия исавров; Кандид доказывает долго и с большими трудами, что они потомки Исава. Он пишет притом, что Зенон, обманутый Вериной, убежал из столицы и оставил царство вместе с супругой и матерью. Верина, надеясь сочетаться браком с магистром Патрикием и возвести его на престол, употребила хитрость и заставила бежать зятя своего; но и сама была обманута в своих надеждах, ибо сановники провозгласили царем брата ее Василиска. Описывает ужасное избиение исавров в Константинополе.

После римского императора Непота Орест возвел на престол сына своего Августула. Таково содержание первой книги.

Вторая книга гласит, что Патрикий, магистр, любовник Верины, погиб вследствие гнева Василиска. Верина, враждуя за то против своего брата, деньгами помогла Зенону снова получить царство и терпела от брата крайнее притеснение. Если бы Армат не увел ее из храма, то она была бы предана смерти.

Армат достиг великой власти, будучи любовником супруги Василиска³. Когда впоследствии [56a] Василиск поручил Армату вести войну против Зенона, то он при посредстве Илла перешел к Зенону и был при нем в такой силе, что он увидел сына своего Василиска возведенным в достоинство кесаря; но впоследствии он был изрублен в куски, а сын его Василиск из кесаря причислен к чтецам во Влахернах. Еще до того Василиск провозгласил сына своего Марка сначала кесарем, потом царем. Илл, примирившись с Зеноном, старался о возвращении ему царства. Уступая возникшему мятежу, Василиск искал убежища в церкви вместе с супругой Зенонидой и детьми. Он был

¹ Этот Ардавурий, старший сын Аспара, усмирил сарацинов под Дамаском (Приск. Paris, p. 40), в 404 г. добивался престола Западной империи, но изгнан императором Анфемием. Cassiodorus in Chronico.

² Есть множество свидетельств, из которых видно, что Аспар с сыновьями не спаслись, а погибли.

³ Об Армате см. Малх, фр. 9.

выведен оттуда обманами Армата, заточен в Каппадокию и потом умерщвлен со всем семейством. Нечестивый Петр смущал церковь на востоке. Царь Зенон отправил Каландиона в Антиохию на архиерейский престол. Имея нужду в деньгах, он потребовал их и получил от Каландиона. Многие злоумышляли против Зенона, были избличены и наказаны, Илл оказал многие услуги Римской державе храбростью на поле брани, справедливыми и похвальными поступками в городе.

По смерти римского императора Непота и изгнании воцарившегося после него Августула, Одоакр завладел Италией и самим Римом. Против него восстали западные галлы; и Одоакр, и галлы отправили посольство к Зенону. Этот император принял сторону Одоакра. Некий алан хотел убить Илла; поразив его, он объявил, что Эпиникий, домашний человек Верины, побудил его к убиению Илла. Эпиникий был выдан Иллу, и когда ему были обещаны забвение преступления и награда, то он объявил злоумышления Верины против Илла. Зенон выдал Верину Иллу, который послал ее в одну крепость в Киликии и содержал под надзором. Илл, подружившись с нечестивым Пампрепием через Марка, все расстроил. Зенон вел междоусобную войну, которую начали Маркиан и Прокопий, сыновья царствовавшего в Риме Анфемия. Зенон одержал над ними верх через Илла. Маркиан, старший из них, был рукоположен; Прокопий убежал во Фракию к Теодориху. Маркиан, сосланный в Каппадокию, бежал оттуда и произвел беспокойства в Галатии, где Анкира, но был пойман и переведен в Исаврию. Между царем и Иллом возникла и усилилась вражда. Это содержание второй книги.

[56b] Третья книга содержит, между прочим, и то, каким образом Илл явно возмутился против Зенона и провозгласил царем Льва с Вериной. Они не имели успеха, были осаждены, пойманы и обезглавлены. «История» продолжается до кончины Зенона.

[Суда, s.v. $\chi\epsilon\rho\iota\zeta\omega$]: «Историограф Кандид пишет, что Лев Макелла издержал несчетное количество денег в приготовлениях против вандалов. По объявлению тех, которые управляли этими деньгами, и пархами доставлено было сорок семь тысяч золота; комитом казначейства – семнадцать тысяч литр серебра, употреблено семьсот тысяч литр, полученных из описанных в казну имений казненных знатных и от царя Анфемия».

80. Олимпиодор из Фив. История

1. Читаны двадцать две исторические книги Олимпиодора. Он начинает свою историю с седьмого консульства царя римского Гонория и со второго консульства Феодосия и доводит ее до возведения на престол римский Валентиниана, сына Плакидии и Констанция¹.

Олимпиодор – уроженец египетского города Фив. По собственному признанию, он был поэт; верой – эллин. Слог его ясен, но слаб и вял, доходит до самого обыденного просторечия, так что сочинение его не заслуживает названия «Истории». Олимпиодор, может быть, знал это сам и потому говорит,

¹ 407-425 гг., Инд. 5-8, 13 г. Гонория, 18 Феодос. Млад.

что он не «Историю» сочинял, но собирал материалы для истории; ему самому характер его слога казался необработанным и нескладным. В нем нет ни одной из красот (известных) форм речи, что иногда он близок к простоте – вот все, что можно утверждать; однако же он удаляется и от нее, низостью и пошлостью совершенно впадая в площадность. Назвав свое сочинение историческим материалом, он, однако же, разделяет его на книги, силится скрасить предисловиями. Он посвящает его царю Феодосию, племяннику Гонория и Плакидии, и сыну Аркадия.

2. Сочинитель пишет о том, какой силы достиг Стилихон, который самим Феодосием Великим сделан был опекуном над сыновьями его Аркадием и Гонорием¹. Он был женат на Серене, с которой обручил его Феодосий же². Впоследствии Стилихон, женив царя Гонория на дочери своей Ферманции, сделал его своим зятем. Это еще более возвысило его. Он вел успешно войну за римлян со многими народами. По бесчеловечным и злодейским проискам Олимпия, которого сам познакомил с царем, получил он смерть от меча³.

3. Аларих, начальник готов, был вызван Стилихоном для сохранения [57a] Гонорию Иллирика (область эта была уделена ему отцом его Феодосием⁴). Мстя за убийство Стилихона и за то, что не получил обещанного ему, Аларих осадил и взял Рим. Он вывез оттуда несчетное множество денег и взял в плен сестру Гонория Плацидию, которая пребывала в Риме⁵. До взятия этого города Аларих провозгласил в цари одного из знатных римлян, по имени Аттал, который тогда имел звание эпарха. Аларих поступил таким образом как по вышесказанным причинам, так и потому, что римляне приняли в союз Сара, который был с ним во вражде. Аларих после того стал непримиримым врагом римлян. Сар также был гот, начальник небольшой банды; у него было от двух-до трехсот человек, но он был настоящий герой и в сражениях непобедим.

4. Во время осады Рима жители ели друг друга⁶

5. Аларих еще при жизни Стилихона получил сорок кентинариев в награду за свои военные труды⁷.

¹ 395 г.

² Серена была племянницей Феодосия Старшего, дочерью его брата Гонория (Zos. IV, 57; V, 4).

³ О Стилихоне имеется определенная информация у Евнапия. Подробно у Зосима — конец книги IV и V до главы 34-й; также у Sozom. IX; Oros. VII, 37 и 38. См.: Фирсов Г. История Стилихона // ЖМНП. 1855. Окт., нояб., дек.

⁴ Зосим (V. 26) представляет дело иначе. «Стилихон, — говорит этот историк, — видя, что правители императора Аркадия враждебно против него (Стилихона) настроены, задумал в сообществе с Аларихом присоединить все бывшие в Иллирии народы к царству Гонория».

⁵ Об осаде и взятии Рима подробно у Зосима (V. 37—42). Договор Алариха с Римом (V. 41). Жители Рима должны были выдать по договору: 5000 литр (фунтов) золота, 30000 литр серебра, 4000 шелковых хитонов (σῆρικῶς), 3000 штук красных кож (юфть, сафьян?) и 3000 литр перца.

⁶ Zos. (V, 40) утверждает то же. 408 г.

⁷ Zos. V, 26, 3; 29, 14.

6. По смерти Стилихона была задушена его жена Серена, которую считали виновницей нашествия на Рим Алариха. Между смертью Стилихона и убиением Серены был умерщвлен и сын их Эвхерий.

7. Слово «вукелларий» было в употреблении во время Гонория не только у римских воинов, но и у некоторых готов¹, равно как и имя «федераты», под которым понимали пеструю и смешанную толпу².

8. Олимпий, кознями которого погиб Стилихон, был сделан магистром оффикий, потом отрешен от этого звания и опять возведен в него. Он был наконец низложен и повелением Констанция, который женился на Плацидии, по отрезании ушей, палками забит до смерти. Суд (Божий) не оставил злодея не наказанным до конца.

9. Главные готы, бывшие с Радагайсом, назывались оптиматами³; число их простиралось до двенадцати тысяч человек. Стилихон победил их и принял к себе Радагайса⁴.

После Алариха, умершего от болезни, преемником его власти был шурина его Атаульф.

10. Олимпиодор говорит [57b], что сухой хлеб называется «вукеллат»⁵; он смеется над так называемыми вукеллариями, что отсюда получили они свое имя.

11. Константин, похитив верховную власть, отправил посольство к Гонорию. Он оправдывался тем, что принял власть против воли своей, вынужденный к тому воинами. Он просил прощения и принятия его в соправители. Царь, по причине настоящих трудных обстоятельств, с этих пор принял его в участники верховной власти. Этот Константин был провозглашен императором в Британиях и возведен в эту власть возмущившимися там воинами. Еще до седьмого консульства Гонория бывшее в Британиях воинство

¹ Суда вукеллариями называет эллиногаллов, а страной вукеллариев — галльскую Грецию (Южную Галлию, искони населенную греками). Но объяснение Суды относится, кажется, только ко второму значению этого слова. У римлян *buccellarii* была наемная вооруженная стража, содержащаяся знатными господами, от слова *buccella* (*bucsea*, *bucca*) — «кусочек хлеба», потому что стража эта жила на господских хлебах, получала пайки. Не перешло ли это название — *buccellarii* — на некоторых галльских греков вследствие какого-либо обычая или обстоятельства?

² Φοιδεράτοι — от лат. *foederati*, относится, как видно из этого места в сравнении с одним местом Прокопия (кн. 1. Ванд., в начале), ко всем союзникам, а не к одним готам, как утверждает Суда (Φοιδεράτοι ὁτὼ καλοῦσι Ῥωμαῖοι τοὺς ποσπόνδους τῆς Σκυθῆς) (Σκῦθαι в IV и V в. употреблялось вместо Γότθοι).

³ Ὀπτίματα — от лат. *optimati*.

⁴ 406 г. Любопытно отношение числа начальников к числу войска (у Радагайса). По Олимпиодору, начальников 12000; по Зосиму (V, 26, 4) — войска 400 000. Орозий насчитывает этих готов свыше 200 000. Он добавляет о вожде, которого называет *Rhadagaisus*: «Кроме того что у него было такое невероятное множество воинов и необузданная храбрость, он был язычник и скиф; он обещал посвятить богам своим по обычаю этих варваров всю кровь римского народа (*qui, ut mos est barbaris hujusmodi gentibus, omnem Romani generis sanguinem diis suis propinare devoverat*)» (Oros. VII. 37).

⁵ Βουκέλλατον — от лат. *buccellatum* — солдатский или матросский сухарь, сухой хлеб (для пайка), от *buccella* — кусочек, кусочек.

взбунтовалось и возвело в императорское достоинство некоего Марка, которого оно потом умертвило и на место его возвело Гратиана. Но по прошествии четырех месяцев, наскучив и им, и его убило.

12. Затем провозглашен императором Константин. Он назначил полководцами Юстина и Небиогаста¹, оставил Британии, переехал с войском в Вононию, первый приморский город, лежащий на границах Галлий². Пробыв здесь немного времени, он присоединил к своему войску галльского и аквитанского солдата, занял все части Галатии³ до Альп, лежащих между Галатией и Италией. У него было двое сыновей: Констант и Юлиан; первого назначил он кесарем, а второго несколько дней спустя – новеллссимом⁴.

13. Аттал, вступив на престол, предпринял поход в Равенну против Гонория. Царь послал к нему, как царю, Иовиана, эпарха и патрикия, и Валента, полководца обеих сил⁵, Потамия, квестора, и Юлиана, примикирия нотариев⁶. Они объявили Атталу, что посланы Гонорием с предложением управлять государством вместе. Аттал отверг предложение и сказал, что позволит Гонорию жить спокойно и безопасно на каком-нибудь острове или в другом месте, какое изберет сам Гонорий. Иовиан согласился на это с удовольствием и предлагал притом исказить Гонория. Но Аттал выговорил за то Иовиану, сказав, что нет обычая исказить царя, добровольно слагающего с себя власть. Иовиан много раз отправлялся в посольства, но ничего не добился и, наконец, остался у Аттала, получив достоинство патрикия Аттала [58a]. В Равенне вся власть перешла к препозиту⁷ Евсевию. Впоследствии наветами Алловиха и по приговору судебному был он забит палками на глазах царя. Прошло много времени, и Аттал, который не повиновался Алариху, был лишен царского достоинства происками Иовиана, изменившего Гонорию во время посольства, и оставался частным человеком при Аларихе. После некоторого времени он опять воцарился и опять был низложен. Наконец, по

¹ Zos. (VI. 2): Юстиниана и Небиогаста.

² Zos. (VI. 2): «Это первый город (т.е. Βονωνία), лежит у моря, принадлежит к Нижней Германии». Вероятно, древнее название нынешней Булони (Boulogne), лежащей у самого Па-де-Кале.

³ Галатии, т.е. Галлии.

⁴ Νοβελίσσιμος, лат. nobilissimus — титул, даваемый сперва сыновьям императора, а позже и некоторым из ближайших родственников императора; Филосторгий употребляет в этом случае греческое слово πρῶνέστατος.

⁵ 409 г. Στρατηγός κατέρας δυνάμεως = utriusque militiae dux.

⁶ Νοτάριοι — notarii, γραμματεῖς, γραμματικός, υπογραφεῖς были секретари, письмоводители (от nota, νότα — «письмо, письмена»). Πριμικτήριος, primicerius — главное лицо, начальник какого-нибудь ведомства; πρῶτος τάξεως τῆς τοῦβουβης, как говорит Суда; начальники назывались primicerii, потому что «первые начертаны были на воцатой таблице». Итак, πριμικτήριος τῶν νοταρίων, иначе — πρῶτονοταριος, был начальником секретарей по разным ведомствам. Блаженный Августин первомученика Стефана называет primicerius martyrum.

⁷ Слово πρῶνέσιτος употреблено здесь в тесном значении вместо praepositus sacri cubiculi, προεσιττα τῶν βασιλικῶν κοιτώνων, т.е. постельничий.

прибытии в Равенну был он сослан в заточение, после того как были у него отсечены пальцы правой руки¹.

14. Аллових вскоре получил возмездие за поступок его с препозитом Евсевием. По повелению царя он убит на его глазах. Похититель власти Константин, который спешил в Равенну для примирения с Гонорием, получив известие о смерти Алловиха, испугавшись, возвратился.

15. Регий есть главный город Бруттия². Аларих хотел переправиться оттуда в Сицилию, но был удержан, потому что его переправе, говорит наш историк, препятствовал стоящий тут кумир, посвященный древним богам для избавления, как баснословит он, Сицилии от огня Этны и для препятствования варварам переправляться туда морем. У одной ноги кумира был неугасимый огонь, у другой – текущая вода. По низвержении его Сицилия претерпела великий вред как от огня Этны, так и от нашествия варваров. Этот кумир был низвержен Асклепием, управлявшим в Сицилии имуществом Констанция и Плацидии³.

16. Тиран Константин и сын его Констант, сначала возведенный в достоинство кесаря, потом провозглашенный императором, были побеждены и предались бегству. Полководец Геронтий, заключив охотно мир с варварами, провозгласил императором сына своего Максима, бывшего в звании доместиков; потом он преследовал Константа и устроил так, что он был умерщвлен, и за Константином, отцом его, гнался он по пятам. Между тем как это происходило, Гонорий отправил против Константина Ульфилу и Констанция [58b]. Они дошли до Арелата⁴, где находился Константин вместе с сыном Юлианом, и осадили этот город. Константин, после того как была дана ему клятва, что он останется невредим, убежав в молитвенный дом, был рукоположен в пресвитеры⁵. Городские ворота были отворены осаждавшим, Константин отправлен к Гонорию вместе с сыном. Но Гонорий, который не забыл, что Константин убил его племянников, велел, вопреки данной клятве,

¹ У Зосима подробнее: VI. 8. 9. Об Аттале также см. Sozom. IX. 8; Oros. VII, 42. Последний говорит: «Что сказать мне о несчастном Аттале, которому погибнуть между тиранами — и то уж было хорошо!» (*cui occidi inter tyrannos et mori lucrum fuit*).

² Ῥήγιον, Rhegium, ныне Реджио; Βρεττία, Βρετία, Brutii, ныне Калабрия, самая южная область на Апеннинском полуострове.

³ Народ, а вместе с ним и историк Олимпиодор, как язычник, верил, что этот кумир отводил беду. Обратное поверье находим у жителей Константинополя еще в XIII веке, а именно: статуям языческих богов, допущенным в этой христианской столице как украшение, приписывались разные вредные свойства; так, например, одна из них разбита была за то, что обращена была к западу и накликала на столицу с той стороны беду. Никита Хониат, который об этом рассказывает, осуждает императора за то, что он разделял суеверие народа; точно так же, как и Фотий, приводящий здесь рассказ Олимпиодора, называет этот рассказ баснословным.

⁴ Ἀρήλατος, ή, Arelatum, ныне Arles.

⁵ По-видимому, в церкви нашел он право убежища. Если свести разные места у Зосима, увидим, что вход в церковь избавлял человека от судебного преследования (V, 18, 2; V, 45, 7); избавлял бегущих с поля битвы (IV, 40, 8; V, 19,6); прибегающих из опасения погибнуть вместе с мужем или отцом (V, 8, 3). Только некоторые церкви пользовались этим правом (V, 18, 2).

умертвить Константина и Юлиана в тридцати милях от Равенны. Геронтий бежал от Ульфины и Констанция, которые приближались. Так как он управлял войском сурово, то и подвергся их злоумышлениям: они подожгли его дом. Геронтий твердо бился с возмущившимися против него, при содействии одного алана, бывшего в числе его служителей. Наконец он убил алана и свою жену, как они того желали, а над ними заколол и самого себя. Сын его Максим, узнав о смерти его, убежал к союзным варварам.

17. Стараниями алана Гоара и Гинтиария, князя бургундионов¹, Иовин достиг верховной власти в Мундиаке², городе Второй Германии³. По совету Аттала Атаульф отправился к нему вместе с толпой своих людей. Присутствие Атаульфа было неприятно Иовину, который обиняками жаловался Атталу за данный Атаульфу совет. Сар хотел также присоединиться к Иовину, но Атаульф, узнав об этом, выступил с десяти тысячным войском навстречу к Сару, который имел при себе восемнадцать или двадцать человек. Сар совершил подвиги героические и достойные удивления. Неприятели с трудом поймали его живого, закидав грубыми одеждами⁴. Потом умертвили его. Сар отпал от Гонория за то, что, когда был убит Веллерид, его domestик, царь не обратил никакого внимания на это убийство, да и следствия об этом никакого не было сделано.

18. Историк пишет о Донате и о гуннах, и об отличном искусстве их начальников в стрельбе из лука. Олимпиодор был у них и у Доната с посольством. Он описывает в трагических выражениях странствие свое по морю и претерпенные на нем опасности. Он говорит, что Донат, обманутый данной ему клятвой, был злодейски умерщвлен. Харатон, первый из начальников, воспламенился гневом за это убийство, но был смягчен царскими подарками и успокоился [59a]. Вот содержание первого десятисловия его «Истории».

19. Второе начинается следующим: Иовин провозгласил царем своего брата Севастиана вопреки мнению Атаульфа; от этого возникла вражда между ним и Атаульфом. Атаульф посылает к Гонорию поверенных, обещая предать ему головы тиранов и хранить мир⁵. По возвращении поверенных, с данной им клятвой отправлена была к царю голова Севастиана. Иовин, будучи осажден Атаульфом, сдался ему и также отослан к царю. Дардан, епарх, убил его своей рукой. Обе головы выставлены вне Карфагена на том месте, где были

¹ Гунциария, князя или короля бургундов, другие историки называют Gundicarius, Cundicharius.

² Μουνδιακ, Μογυντιακ, Moguntiacum — ныне Майнц. Подобно Олимпиодору, и Птолемей относит этот город к Нижней, или Второй, Германии, хотя принято относить его к Верхней, или Первой (Notit. Dign. II, 483, 484).

³ 412 г. Вторая, или Нижняя, Германия (Germania Secunda sive Inferior) — одна из областей так называемой Diocoesis Septem Provinciarum; главный город Colonia Agrippina, ныне Кёльн (Notit. Dign. II, с. 3, р. 13 et 484).

⁴ Или: мешками (σακκοῖς ζώρησαν). Σάκκος — значит и «мешок», и «власяница», и «саккос», то есть узкая одежда без рукавов у архиереев.

⁵ 413 г.

отрублены прежде головы Константина и Юлиана, также Максима и Евгения, которые при Феодосии Великом захватили верховную власть и кончили таким образом жизнь свою¹.

20. У Атаульфа требовали Плацидии. На этом настаивал особенно Констанций, который впоследствии сочетался с ней браком. Но как данные Атаульфу обещания, особенно в отношении присылки к нему пшеницы, не были исполняемы, то и Атаульф не возвращал Плакидии и уже замыслил о прекращении мира и о начатии войны.

21. Когда у Атаульфа требовали Плакидии, то он взаимно требовал обещанной ему пшеницы. Гонорий и Констанций не были в состоянии исполнить обещание, однако не менее того говорили, что они доставят пшеницу, как скоро получат Плацидию. Атаульф давал им тот же ответ. По прибытии к Массалии², он надеялся взять сей город обманом. Здесь он был ранен стрелой, пущенной знаменитым Бонифацием. Атаульф едва избегл смерти. Он отступил к своим шатрам, оставив город исполненным веселья и прославляющим Бонифация.

22. Атаульф хотел вступить в супружество с Плацидией. Когда Констанций потребовал ее, то Атаульф делал самые тягостные предложения, для того чтобы в случае неудовлетворения иметь благовидный предлог удерживать у себя Плацидию.

23. Констанций, бывший уже давно дисигнатом³, сделан консулом в Равенне. Коллегой его в Константинополе был Констант. Для необходимых при консульском звании расходов найдено было нужное и достаточное количество золота в имении Ираклиана, который был убит за стремление к тирании [59b]. Однако не нашли столько, сколько надеялись: не нашли и двадцати кентинариев. Недвижимое его имение простиралось всего до двух тысяч литр. Все это состояние получил Констанций, испросив его одновременно у Гонория. Этот Констанций был на выездах мрачен и суров; глаза его были большие, шея высокая, голова широкая. Сидя на коне, он совершенно прилегал к его шее и в таком положении бросал туда и сюда косые взгляды, он осуществлял собой для всякого пословицу: «Вид, достойный тирана»⁴. Но за обедом и на пирах он был вежлив и приятен и часто вступал в споры с мимами⁵, игравшими перед столом.

¹ Форма *Καρθαγένης* вместо *Καρχηδνός* затруднительна, ибо, даже предположив, что греческая форма латинизировалась, все-таки из *Carthago*, —inis не выйдет *Καρθαγένη*, особенно еще в V в., когда писал наш автор. *Καρθαγένης* есть описка вместо *Ραβέννης*, что явствует из следующих затем слов Олимпиодора: «Головы их выставлены там же, где прежде головы Константина, тирана, и сына его Юлиана», а в §16 сказано, что головы этих последних выставлены в 30 милях от Равенны.

² *Μασσαλία* — нынешний Марсель.

³ *Δισίγνατος*, *designatus*, то есть назначенный в должность, но еще не вступивший в управление ее, кандидат.

⁴ *Εδος ξιον τυραννίδος*.

⁵ Шутами.

24. Старанием Атаульфа и увещаниями Кандидиана бракосочетание Атаульфа с Плацидией было совершено в январе месяце в Нарбоне¹, в доме Ингения, одного из первых жителей этого города. В чертоге, убранном в римском вкусе, с царским великолепием, сидела Плацидия на первом месте. Атаульф сидел вместе с ней, в плаще и остальной римской одежде. Сверх других брачных даров, Атаульф подарил Плацидии пятьдесят красивых юношей в шелковых одеждах². Каждый из них держал в руках по два больших подноса. Одни из подносов наполнены были золотом, другие – драгоценными или, лучше сказать, бесценными камнями, награбленными в Риме готами во время взятия ими этого города. Потом пропеты были эпиталамии³. Аттал пел их первый, за ним – Рустикий и Фивадий. Брак совершился среди игр и веселья варваров и бывших с ними римлян.

25. После того как Рим, взятый готами, возвратился в прежнее состояние, Альвин, эпарх города, писал к царю, что раздаваемая народу порция недостаточна, потому что число жителей умножилось. Он доносил, что в один день родилось четырнадцать тысяч детей⁴.

26. Когда от Плацидии родился у Атаульфа сын, которого он назвал Феодосием, то он еще более оказывал дружбы римлянам; но так как Констанций вместе с приверженцами своими противился миру, то расположение Атаульфа и Плацидии к римлянам не принесло плодов. По смерти ребенка Атаульф и Плацидия сильно о нем скорбели. Они положили тело в серебряный гроб и похоронили в одном храме, у Барселоны [60a]. Затем был убит и Атаульф, когда, по своему обыкновению, находился в конюшне для осмотра собственных лошадей. Убийство совершил один из домашних готов его, по имени Дувий, найдя удобное время к удовлетворению старой вражды, ибо прежний господин его, начальник части готского народа, был умерщвлен Атаульфом. После того Атаульф принял в свой дом Дувия, который, мстя за первого господина, умертвил второго. Атаульф, умирая, велел своим возвратить Плацидию брату ее и если можно приобрести себе дружбу римлян. Преемником Атаульфа был Сингерих, брат Сара; он достиг этого более происками и насилием, нежели по праву наследства и по закону. Он убил детей, рожденных от первой жены Атаульфа, вырвав их насильно из объятий епископа Сигисара, а царицу Плацидию в поругание Атаульфу заставил идти пешком перед своей лошадейю вместе с другими пленниками. Это шествие продолжалось от города до двенадцатого столба⁵. Сингерих царствовал семь дней и был убит. Повелителем готов избран Валяя.

¹ Narbo и Narbona — ныне Нарбонн.

² δωρεῖται не должно понимать в смысле страдательном: Атаульф дарит юношей и дары невесте, а не наоборот — это morgangabe Григория Турского, то есть Morgengabe. Притом это была добыча, награбленная готами в Риме — стало быть, только гот мог дарить ее римской царевне, своей невесте, а не наоборот.

³ Свадебные песни.

⁴ Это очевидная ошибка.

⁵ Σημεῖον — colonna milliaria, lapis — каменный столб, означавший мили.

27. Историк уверяет, что он слышал от одного из знатных, по имени Валерий, известие о серебряных кумирах, посвященных богам для удержания варваров от нашествия. Во дни царя Константия, говорит он, когда Фракией управлял Валерий, ему было донесено о найденном кладе. Валерий, прийдя к указанному месту, узнал от тамошних жителей, что это место священное, и что тут же посвящены были богам кумиры по древнему обряду. Он донес о том царю и получил от него повеление забрать то, о чем доносил. Когда место было разрыто, то были найдены три кумира, сделанные из цельного серебра. Они лежали по варварскому обычаю, с выдавшимися локтями, были одеты в варварскую пеструю одежду, имели головы косматые и были обращены к северу, то есть, к стороне варваров. Недолго после взятия этих кумиров, спустя лишь несколько дней, первые готы пробежали всю Фракию, а вскоре надлежало и гуннам и сарматам напасть на Иллирик и на саму Фракию, ибо обряды посвящения [60b] совершены были между Фракией и Иллириком. Повидимому, это число три было заговором или заклатьем против всякого варварского народа¹.

28. Историк, описывая свое плавание, говорит, что сильно страдал и бедствовал на море. Он пристал к Афинам и стараниями и усердием своим произвел то, что Леонтий, против воли своей, был посажен на кафедру софистики². Он говорит, что в Афинах никому, а особенно иностранцу, не было позволено носить трибон³, если только это не было предоставлено ему мнением софистов, и если совершаемые по законам софистическим обряды не утверждали за ним этого права. Обряды состояли в следующем: во-первых, приводимы были в общественную баню новоприезжие, и малые, и большие. Между ними были и такие, которые по своим летам были уже способны к ношению трибона. Этим последним приводящие их схоластики ставили на середину; одни забегали спереди и не давали им идти вперед, другие толкали и настаивали. Препятствующие кричали: «стой, стой, не вымоешься», а толкающие будто бы одерживали в этой борьбе победу в честь приводимого схоластика. После долгого спора, происходящего при упомянутых нами обычных словах, приезжего водили в баню, где он мылся, потом одевался и получал позволение носить трибон. Он выходил из бани в трибоне, всеми сопровождаемый, с отличным почетом и церемониалом⁴. Он назначал значительные суммы денег начальникам школы, называемым акромитами⁵.

¹ См. о подобных заговоренных кумирах в § 15.

² Судя по времени, это тот самый Леонтий, философ, которого дочь Афинаида, отличавшаяся умом, образованностью и красотой, была окрещена патриархом Константинопольским Аттіком, наречена Евдокией и выдана замуж за Феодосия Младшего по воле Пульхерии.

³ Трибон (τρίβων) был издревле у афинян внешним признаком философов и их учеников; позже, как видно из этого места, он обратился в студенческую униформу.

⁴ Для Евнапия банный обычай был смягчен.

⁵ Ἀκρομίται — выражение, неизвестное древнейшим лексикографам, происходит, без сомнения, от древнего κρομῖα или κρομῖον — «верх плеча, горы» (κρος и μος), стало быть, κρομῖτης — верхнее, главное, высшее лицо в школе, ректор (или его помощник).

29. Вандалы называют готов трулами, потому что они, терпя некогда голод, покупали у вандалов трулу пшеницы за один золотой. Трула не содержит в себе и третьей доли ксеста¹.

30. При нашествии вандалов на Испанию римляне искали убежища в укрепленных городах. Здесь они терпели такой голод, что были принуждены друг друга есть. Женщина, у которой было четверо детей, съела всех их, при съедении каждого из них оправдывая себя тем, что должна была кормить и сохранять остальных [61a]. По съедении всех она была народом побита камнями.

31. Эвплутий, магистриан², послан был к королю готов Валии для заключения мира и для получения Плацидии. Валия принял охотно предложение Эвплутия, и по отсылке к нему шестисот тысяч (мер) пшеницы³ Плацидия была выдана Эвплутию и отпущена к брату своему Гонорию.

32. В Афинах возник вопрос о склейке книг: желали знать меру клея. Вопрос был разрешен Филтатием, другом историка, человеком, весьма сведущим в словесности. Отличившись таким образом, Филтатий был почтен от граждан статуей⁴.

33. Сочинитель говорит много странного об Оазисе и благорастворенности воздуха в том краю. Не только не бывает там людей, страждущих падучей болезнью, но и приезжающие туда с этой болезнью освобождаются от нее по причине чистого воздуха. Он говорит об известных больших песках, о колодцах, вырываемых до глубины двухсот, трехсот, а иногда и до пятисот локтей и бьющих струю, которая разливается из самого устья колодца⁵. Земледельцы, принявшие участие в этом деле, черпают оттуда воду по очереди и орошают свои поля. На деревьях всегда плоды; пшеница здесь лучше всякой другой и белее снега; иногда ячмень сеется по два раза в год; просо всегда по три. Земледельцы орошают поля свои летом через три дня, зимой через шесть дней; оттого у них происходит хороший урожай. Небо никогда не бывает здесь облачным. Олимпиодор говорит о производимых тут часах⁶. Оазис в древности был островом, но превратился в материк; этот-то

¹ Ксест, ξέστης — измененное лат. sextarius. Τροῦλλα, τροῦλα, лат. trulla — «чашка». Так как ксест, или секстарий, равен полупинте, или полукружке, а трулла в это время была, говорит автор, меньше чем треть полукружки, то, значит, трулла пшеницы есть небольшая чашка пшеницы.

² Μαγιστριανής, magistrianus, agens in rebus, officialis magistri officiorum — офицер, подчиненный магистру официев, принадлежащий к дворцовой роте, страже.

³ Слово «мер» дополнено по смыслу; по-гречески же сказано просто 60 мириад пшеницы (σίτων μυριάσιν ξήκοντα), но какой меры, не видно.

⁴ Станным может показаться с первого взгляда, что в Афинах поставили статую человеку за такую, по-видимому, маловажную услугу. Но задача, о которой говорится, связана с возможностью лучше сохранять древние рукописи; и не удивимся, что в такое время, когда так напирала сила материальная, афиняне наперекор ей заботятся о сохранении древних памятников письменности.

⁵ Замечательна древность артезианских колодцев в начале V века.

⁶ В каком смысле употреблено здесь слово ορολόγια, точно сказать невозможно.

Оазис называет Геродот островом блаженных¹; Геродор, написавший историю Орфея и Мусея, называет его Феакидой². Что Оазис был островом – это доказывает он, во-первых, тем, что к камням горного кряжа, направляющегося из Фиваиды к Оазису, прикреплены морские черепки и устрицы; во-вторых, тем, что тут в великом множестве рассыпаны пески и наполняют три Оазиса. Он также говорит, что есть три Оазиса, из них два больших, один внешний, другой внутренний [61b]. Они лежат один против другого. Пространство, отделяющее их, тянется на сто столбов. Есть и третий малый Оазис, на далеком расстоянии от двух других. В доказательство того, что Оазис был островом, автор говорит, что часто видны птицы, несущие рыб, и иногда остатки рыбы, из чего можно заключить, что море недалеко оттуда. Он же уверяет, что Гомер ведет свой род от близкой к Оазису Фиваиды.

34. В одиннадцатое консульство царя Гонория, когда Константин был консулом вместе с ним, во второй раз, совершено бракосочетание Плацидии с Констанцием³. Она долго отказывалась от брака, и это заставило Констанция гневаться на ее прислужников. Наконец в сам день вступления его в консульство царь и брат ее Гонорий, взяв ее за руку, против воли предали в руки Констанцию. Брак был отпразднован блистательнейшим образом. Плацидия родила от Констанция дочь, которая была названа Гонорией, потом и сына, нареченного Валентинианом, который еще при жизни Гонория был пожалован в новеллссимы. Плацидия вынудила это у брата. По смерти царя и по низложению Иоанна, похитителя верховной власти, Валентиниан был возведен на римский престол. Констанций правил царством вместе с Гонорием, который сам возвел его на престол, но почти против воли. Плацидия была объявлена августой братом и мужем. Возведение Констанция на престол объявлено царствовавшему на востоке племяннику Гонория, Феодосию, но оно не было принято. Констанций занемог; он жалел о том, что принял царское достоинство, потому что не имел по-прежнему свободы выезжать и ходить как и куда вздумается, и ему, как царю, не было уже позволено забавляться играми, как он имел привычку. Он царствовал семь месяцев, как это и во сне было ему предсказано: «Шесть уже кончились, настает седьмой». Он умер от колик в боку. Вместе с ним замер и гнев царя и желание вести войну против востока за то, что там не хотели признать возведение Констанция на престол.

35. По смерти князя готского Валии Теодорих наследовал его власть.

¹ Тот город Оазис, о котором Геродот говорит, что он по-гречески именуется островом блаженных (Μακαρίων νησος), отстоял от Фив на семь дней пути (песками) (Herod. III, 26).

² Этот Геродор, как полагают — не тот, от которого сохранилось 64 отрывка (напечатанные К. Мюллером в Frag. Hist. Gr. II, 27—41). Немудрено, что оазис, как место здоровое и плодородное, обобщено было до какого-то типичного значения, так что греки прозвали его Островом блаженных; с другой стороны, немудрено и то, что в мифах представление об оазисе (острове блаженных) сливалось с представлением о Феакиде, или острове феакийцев, который так прославлен в «Одиссее».

³ 417 г.

[62a] 36. Сочинитель много претерпел на море и едва спас свою жизнь. Он пишет диковинки о звезде, с тяжестью спустившейся на мачту судна, так что мореходы были в опасности утонуть. Моряки называют это явление Уранией¹. Сочинитель говорит и о попугае, который находился при нем двадцать лет и не оставлял без подражания почти ничего из того, что делается людьми. Он плясал, пел, называл людей по имени и так далее.

37. Историк пишет, что во время пребывания своего в Фивах и в Сиене для обозрения тех мест князья и прорицатели живущих при Талмии варваров, то есть блеммиев, желали с ним сойтись, побужденные к тому молвой о нем. Они взяли меня, говорит он, и увели до Талмия (Талмида), для того чтобы я обозрел и те места, отстоящие от Фил на пять дней дороги, до города, называемого Прима, который был прежде первым городом Фиваиды со стороны области варваров². По этой причине римлянами назван он словом Prima, что значит первая; он называется так и ныне, хотя давно уже занят варварами вместе с четырьмя другими городами: Финиконом, Хиридом, Фапидом и Талмием (Талмидом). В этих местах, говорит он, есть изумрудные руды, откуда цари египетские имели изумруды в изобилии. Прорицатели варваров, говорит он, советовали мне осмотреть и рудники, но этого я не мог сделать без царского повеления.

38. Историк пишет диковинки о каком-то Либании, который был родом из Азии и прибыл в Равенну в царствование Гонория и Констанция. Он был весьма сведущ в таинствах. Он обещал действовать против варваров и без военной силы. Потом, когда он доказал на опыте свою силу, и когда слух о нем так распространился, что дошел до царицы Плацидии [62b], то этот чудодей был убит. Плацидия, говорит историк, грозила Констанцию разводом, если бы остался в живых Либаний, колдун и неверный.

39. Констанций был родом иллириец, из дакийского города Наисса³. Со времен Феодосия Великого он участвовал во многих походах и, наконец, как было сказано, возведен и на престол. Он был человек хороший и не поддавался корысти до женитьбы своей с Плацидией. Но сочетавшись с ней, он пристрастился к деньгам. По смерти его жалобы людей, обиженных им деньгами, стекались в Равенну со всех сторон; но легкомыслие Гонория, говорит Олимпиодор, и тесная связь с ним Плацидии делали все просьбы ничтожными и ослабляли силу закона.

40. По смерти мужа ее, Констанция, Гонорий обнаружил такое расположение к сестре, что эта их любовь не в меру и частые в уста поцелуи внушили многим подозрение в преступной связи. Однако кознями Спадусы и Эльпидии, кормилицы Плацидии, которым она была сильно предана, и

¹ Уранией — οὐρανία — матросы называли «Огни св. Эльма». Фотий, как человек просвещенный, не мог также признать справедливость рассказа, почему и говорит об авторе, что он τερατολογεῖ (пишет диковинки). Но если мы сравним этот рассказ с рассказами нынешних греческих моряков, то найдем средство отделить то, что видел Олимпиодор, от того, что ему показалось.

² Это место и в тексте неясно.

³ Наисс — родина Константина Великого, ныне Ниш.

содействием Леонтия, ее куратора¹, возродилась между нею и Гонорием вражда, от которой в Равенне возникли частые мятежи, и дело дошло до драки, ибо и на стороне Плацидии было множество варваров, преданных ей по причине брака ее с Атаульфом и с Констанцием. Наконец, возгоревшаяся вражда и заступившая дружбу ненависть привели к тому, что Плацидия со своими детьми была сослана в Византию, после того как брат ее одержал над ней верх. Один Бонифаций остался верен ей и из Африки, над которой он начальствовал, посылал ей денег, сколько мог, и оказывал к ней уважение [63а]. Впоследствии он всеми мерами содействовал ей к получению царства.

41. Гонорий, одержимый водяной болезнью, умер до шестого дня календ сентябрьских². На восток посланы были грамоты, извещавшие о кончине царя. Тем временем некто Иоанн³ похитил верховную власть. При провозглашении его пущены были в виде прорицания слова: «Падает, не стоит», – а народ воскликнул с перестановкой слов: «Стоит, не падает».

42. Бонифаций был муж доблестный, отличившийся много раз в сражениях с варварами. Он сражался против них то с малым числом, то со значительным; иногда вступал с ними в единоборство. Одним словом, он освободил Африку от многих варварских народов. Он любил правосудие, не был предан корыстолюбию. Вот один из поступков его. Поселянин имел жену, цветущую красотой, которая была в преступной связи с одним из союзных варваров. Поселянин жаловался Бонифацию на оказываемое ему оскорбление. Бонифаций расспросил его, на сколько отстоит и как называется то место, где происходят свидания. Потом, отпустив его, велел ему на другой день возвратиться. Вечером, тайно от всех, Бонифаций пустился верхом в означенное место, которое отстояло на семьдесят стадий, нашел варвара, спящего вместе с женщиной, отрубил ему голову и в ту же ночь возвратился. Когда на другой день пришел к нему оскорбленный муж, согласно с его приказанием, то он отдал ему голову варвара и спросил его: узнает ли ее? Поселянин был изумлен и не знал, что подумать; потом, узнав, чья была голова, благодарил Бонифация за правосудие и удалился с радостью.

43. Олимпиодор говорит, что в каждом большом доме в Риме было все то, что может вмещать в себе средний город, как-то: ристалище, площади, храмы, фонтаны, разные бани; и потому он восклицает: «Дом что город!»; а город заключает в себе тысячу городов. И публичные бани были чрезвычайно обширны. В так называемых Антониновых находилось для моющихся тысяча шестьсот мест из выглаженного мрамора. В Диоклетиановых было почти вдвое больше. По измерению же геометра Аммона, римские стены в то время, как готы впервые напали на этот город, тянулись на двадцать одну милю.

¹ Кртор, curator — не в смысле опекуна или попечителя, а в смысле управляющего именем.

² 423 г.

³ Об этом Иоанне ср. Socrat. Hist. Eccles. I. VII, 23.

44. Многие дома римские получали ежегодно дохода от своих поместьев до сорока кентинариев золота¹, кроме пшеницы, вина и других продуктов, которые стоили бы третью часть получаемого золота, если бы их продать. Вторые дома, после первых, имели доход от десяти до пятнадцати кентинариев. Проб, сын Олимпиев², отправляя претуру во время Иоаннова правления, потратил двенадцать кентинариев золота. Писатель Симмах, принадлежавший к числу сенаторов среднего состояния, потратил до взятия Рима готами двадцать кентинариев, когда сын его Симмах отправлял претуру [63а]. Максим, один из богатых людей, во время претуры своего сына потратил сорок кентинариев. Преторы отправляли торжество по семи дней.

45. Олимпиодор уверяет, что странствие Одиссея происходило не в Сицилии, но на краю Италии³, что сошествие его в ад было у океана, где проходила и большая часть его странствий. Он старается доказать это разными путями. Мы читали и других писателей, которые в этом согласны с Олимпиодором.

46. Плацидия вместе с детьми отправлена была Феодосием из Константинополя против похитителя Иоанна. Она приняла достоинство августы, а сын Валентиниан – достоинство новелиссима. Вместе с ней было отправлено войско и полководец обеих сил Ардавурий вместе с сыном Аспаром, третьим полководцем был Кандидиан. По прибытии их в Фессалонику посланный туда от Феодосия Илион, магистр оффикиев, надел одежду кесаря на Валентиниана, которому было пять лет от роду. По вступлении в Италию Ардавурий был пойман войском похитителя, отправлен к нему и сделался его другом. Сын его и Плакидия были в крайней горести, но Кандидиан, взяв много городов и оказывая отличные подвиги, рассеял их печаль и утешил их. Тиран Иоанн был убит, и Плацидия вместе с кесарем, сыном своим, вступила в Равенну. Илион, магистр и патрикий, занял Рим. Все туда приехали, и семилетний Валентиниан был облечен в царскую одежду. Этим оканчивается «История» Олимпиодора.

81. Феодор из Мопсуэстии. О персидской магии и в чем ее отличия от христианства

Прочитал три коротких трактата Феодора⁴ «О персидской магии и в чем она отличается от христианства»⁵, посвященных Мастибию, армянину и викарному епископу. В первой книге изложена введенная Зарадесом⁶

¹ Κεντινάριον — от лат. centinarium — заключал в себе 100 литр, или фунтов, золота или меди, смотря по тому, какое слово прибавляли к нему — χρυσοῦ или χαλκοῦ.

² Вместо Ὀλυμπίи читают Ὀλυβρίи.

³ Вместо Ἰταλίας должно читать Ἰσπανίας; ибо как себе представить, чтобы Олимпиодор, которому так знакома Италия, что он знал даже доходы всех римских вельмож, мог в то же время не знать, что океан начинается не у Италии?

⁴ Cod. 38.

⁵ Они были направлены против зороастризма, который имел некоторое хождение в то время.

⁶ Зороастр (Заратустра).

отвратительная вера персов в отношении Зуруама¹, которого он делает началом всех вещей и называет Судьбой; как то, предложив возлиянием породить Гормизда², он породил и его, и сатану из смешения крови³. Изложив [64a] эту нечестивую и позорную доктрину простыми словами, он опровергает ее в первой книге.

В двух других книгах он обсуждает христианскую веру, начиная от сотворения мира и, в то же время, быстро доходя до закона благодати⁴.

Этот Феодор, как полагают – Феодор из Мопсуестии, так как он упоминает с одобрением ересь Нестория, особенно в третьей книге. Он также нелепо говорит о восстановлении грешников в их прежнем состоянии.

82. Дексипп. История

Прочитал Дексиппа⁵ Историю событий, которые произошли после смерти Александра Великого в четырех книгах; а также его Историческую эпитому, хронику, доходящую до времени Клавдия⁶. Также читал его Скифику, описывающую войну между скифами⁷ и римлянами, и другие известные вещи.

Его стиль свободен от избыточности, степенный и величавый⁸; его можно назвать вторым Фукидидом, хотя он пишет более четко. Его характеристики, главным образом, выявляются в его последней из упомянутых работ.

В записях событий после смерти Александра он рассказывает, как престол достался его брату Арридею, сыну Филиппа Македонского и Филинны из Лариссы. Еще не родившийся ребенок Роксаны от Александра, если это будет сын, должен был стать его соправителем вместе с Пердиккой, который был выбран македонянами управлять делами империи. Разделение империи Александра. В Азии Птолемей Лаг получил в управление Египет, Ливию и сопредельные страны, пограничные с Египтом, Клеомен, который был назначен Александром сатрапом этой области, был сделан его подчиненным. Лаомедонт из Митилены получил Сирию, Филота – Киликию; Пифон – Мидию; Эвмен – Каппадокию, Пафлагонию и побережье Эвксина до Трапез (Трапезунт); Антигон – Памфилию и Киликию до Фригии; Асандр – Карию; Менандр – Лидию; Леоннат – Фригию Геллеспонтскую [64b]. В

¹ Зерван, принцип бесконечного времени, из которого, как предполагалось, происходили Ормузд и Ариман, добрый и злой духи. Секта зерванистов таким образом пыталась избежать зороастрийского дуализма.

² Ормузд.

³ Предполагается, что это ссылка на гностиков — сторонников зороастризма.

⁴ Христианской эры.

⁵ Публий Геренний Дексипп (254-278 гг.) — ритор, государственный деятель и историк, родом из Афин, которые проявил себя против готов (269 г.), когда они напали на этот город. Как видно из сохранившихся фрагментов обращения к защитникам Афин — командующий обороной города.

⁶ 268 г.

⁷ Готы.

⁸ Или «серьезный» (ὄυκος), «достойный».

Европе Лисимах получил Фракию и Херсонес; Антипатр всю Македонию, Грецию, Иллирию, страну трибаллов и агриан, – весь материк, над которым он был назначен единоличным начальником со времен Александра. Общие заботы о делах и защита царства были поручены Кратеру; Пердикка получил хилиархию¹ Гефестиона – высшее достоинство среди македонян.

Пор и Таксил были правителями Индии, Пору досталась страна между Индом и Гидаспом, остальное – Таксилу. Пифон получил страны соседних народов, за исключением Пара(па)мисад. Области вблизи Кавказских гор, граничащие с Индией, были даны бактрийцу Оксиарту, отцу Роксаны, чей сын, родившийся после смерти отца, также был назван Александром. Сибиртий правил арахозийцами и гедрозийцами; Стасанор – солийцами, ариями и дрангами; Филипп – согдами; Радаферн – гирканцами; Неоптолем – карманийцами; Певкест – персами. Ороп был правителем Согдианы, но не по наследству от своего отца, а по причине благосклонности Александра. Когда в результате восстания он был обвинен, и ему грозила потеря царства, он удержал его сообща с Филиппом. Вавилон был отдан Селевку, Месопотамия – Архелаю. Таковы были страны и их правители, распределенные Пердиккой после смерти Александра. В этой и других частях своего повествования Дексипп, как правило, согласуется с Аррианом².

83. Дионисий Галикарнасский. Истории

Прочитал двадцать книг историй Дионисия из Галикарнаса³. Он начинает с прибытия Энея в Италию после падения Трои, подробно описывает основание Рима, рождение Ромула и Рема и другие события до войны римлян против Пирра, царя Эпира. Книга заканчивается третьим годом 128-й Олимпиады, от которого, как сообщает автор [65a], начитает историю Полибий из Мегалополя. Дионисий жил во времена Августа, как мы уже говорили, он приехал в Италию после окончания гражданской войны между Августом и Антонием, и оставался там двадцать два года. В этот период, узнав язык и римские древности и собрав многочисленные документы, он начал писать свою историю.

Его стиль и слог отмечены новизной, которая выводит повествование с избитых путей, его склонность к деталям придает приятную простоту повествованию, но переходы резкие и слишком слабо подготовлены. Он любит отступления, которые отвлекают и дают отдых уму читателя, подкрепляют и возрождают его интерес. Одним словом, изящество его стиля, смешивая подробности и отступления, смягчает композицию, которая имеет склонность к черствости.

¹ Избранный из кавалерийского корпуса, своего рода телохранитель.

² См. cod. 92.

³ Ритор и историк. Он приехал в Рим в 30 г. до н.э. и оставался там до самой своей смерти (7 г. до н.э.). Он был автором многочисленных риторических работ, некоторые из которых сохранились. Из XX книг историй (Римских древностей) одиннадцать сохранились, доходя до 441 г. до н.э., периода децемвиров.

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СКИФОПОЛЬ (РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ПАЛЕСТИНА)

**Н.Н. Болгов,
А.М. Болгова (Белгород)**

Археологические путешествия – важнейшая часть подготовки антиковеда и византиниста. Памятники совершенно точно нужно смотреть на месте. Старая русская наука в целом обращала на это большое внимание, как и сами ученые в отдельности. Посещение стран восточно-христианской традиции имело именно научный интерес, в отличие от посещения Западной Европы, где шла, главным образом, учеба, работа в библиотеках, общение со специалистами.

Жанру «археологического путешествия» отдали дань с своих книг такие великие историки как Никодим Павлович Кондаков и Гастон Буассье. Встречаются подобные очерки и сегодня, достаточно назвать эссе Збигнева Херберта «Лабиринт у моря».

Ныне возможности посещения памятников античности и Византии вполне реальны, но не носят планового или системного характера. Они зависят от научных интересов, воли и материальных возможностей.

Более 10 лет назад все эти обстоятельства, наконец, совпали и у нас, и мы начали серию поездок по памятникам, используя для этого как официальные, так и частные каналы.

Одной из первых поездок стало путешествие в Святую Землю, во время которого удалось посмотреть несколько городов «нашего» периода.

В августе 2013 г. благодаря приглашению Археологического института Цинмана Университета Хайфы (Израиль) нам предоставилась счастливая возможность посетить Святую Землю и осмотреть ряд памятников римского и ранневизантийского времени.

Одним из наиболее ярких сохранившихся археологических комплексов Израиля является город Скифополь (Бейт-Шеан), город из эллинистического Десятиградья (Декаполиса), столица ранневизантийской провинции Палестина II.

Об основании и истории города немало пишет Иоанн Малала в своей «Хронографии». Первоначальным названием города было Ниса. А скифы здесь были отставными солдатами эллинистических армий. Впрочем, и Малала, и другие авторы передают и иные версии этого экзотического и такого родного для россиян названия этого города. В VI в. здесь родился агиограф и монах Иудейской пустыни Кирилл Скифопольский.

Путь из Хайфы по прекрасным дорогам проходил через всю Галилею. За окном то и дело возникали знакомые названия – Мегиддо (Армагеддон), Назарет, Магдала ... Галилейские холмы в целом произвели впечатление

живописного и плодородного края. По всей видимости, более скромная репутация этой области в древности объясняется историческими потрясениями, войнами, сменами населения. По крайней мере, ухоженность земли, внимание к ней в течение последних десятилетий совершенно очевидны.

Южнее Тивериадского озера стало совсем жарко, особенно в небольшой долине у древнего телля, где расположено городище. На окраине современного городка Бейт-Шеан расположена территория Национального парка.

Эта территория в целом показалась компактной и очень репрезентативной. Уже позднее, получив опыт осмотра других городищ, особенно на широких просторах Малой Азии, создается ощущение, что Скифополь как современная археологическая зона Национального парка в общем-то не очень велик. Но это нынешнее ощущение всецело искупается яркой выразительностью памятников. А ограниченные размеры городища связаны, прежде всего, с его соседством с современным городком.

Осмотр начинается с небольшого музейного здания и внутреннего двора, на котором выставлены модель устройства для перемещения каменных блоков и другие приспособления древней индустрии.

Почти сразу внизу под площадкой музейного двора начинается театральный комплекс с реставрированными рядами и неплохо сохранившейся сценой.

Прямо в направлении телля уходит колонная улица, справа от которой расположен район городских усадеб ранневизантийского времени с многочисленными напольными мозаиками. Слева от улицы кардо (север-юг) расположен комплекс терм с гипокаустом и площадь полукруглого здания («сигма»).

Недалеко от телля расположена вторая главная улица декуманус (запад-восток) с нимфейоном и другими общественными постройками. Здесь сохранились уникальные следы землетрясения VIII века – упавшие колонны выломали плиты, покрывавшие площадь, и их не стали реставрировать для создания эффекта присутствия. В северо-западной части территории, прилегающей к теллю, продолжаются работы, обрисовывающие контуры еще одного археологического комплекса.

Тропа на телль довольно крута, но подъем заслуживает внимания, так как открывающийся вид с лихвой окупает все сложности восхождения под августовским солнцем. Глядя на город (на юг), открывается вся панорама Национального парка. Слева (на востоке) видны горы Иордании. С остальных сторон невидалье видны постройки современного города, небольшие, соразмерные древнему городу и не портящие впечатление от Скифополя.

На самой вершине есть восточные древности доантичного времени, правда, в не столь эффектной форме, и знаменитое «древо Иуды», попавшее в фильм «Иисус Христос – суперзвезда» (1975), который снимался в том числе и на территории Скифополя. Древо, как и положено дереву Иуды, засохло, но выглядит по-прежнему весьма эффектно.

Спустившись с вершины, мы направились в комплекс терм. Если бы не жара, то, возможно, уделили бы немного времени еще византийскому кварталу, но время было ограничено, да и августовская жара была совершенно немилосердной. Так что добравшись до музейного здания с чувством облегчения, можно было приступить к усвоению впечатлений.

Но это еще не всё – с внешней стороны музейного здания, у небольшой парковки, росла небольшая гранатовая рощица. Переспелые плоды уже лопались, и ярко-красные зёрна падали на пыльный асфальт. Время словно остановилось, и на нас дохнуло вечностью.

Знакомство с римско-византийской Палестиной началось. Но далеко еще не закончилось...

Фото – авторов.

1. Колонная улица кардо, упирающаяся в телль

2. Улица кардо, обратная перспектива

3. Восточная часть городища

4. Малая механизация – приспособление для транспортировки каменных блоков

5. Театр. Сцене

6. Театр. Ряды для зрителей

7. Театр. Вид снизу

8. Свидетельство землетрясения VIII века

9. То же самое.

10. Площадь близ декумануса

11. Декуманус

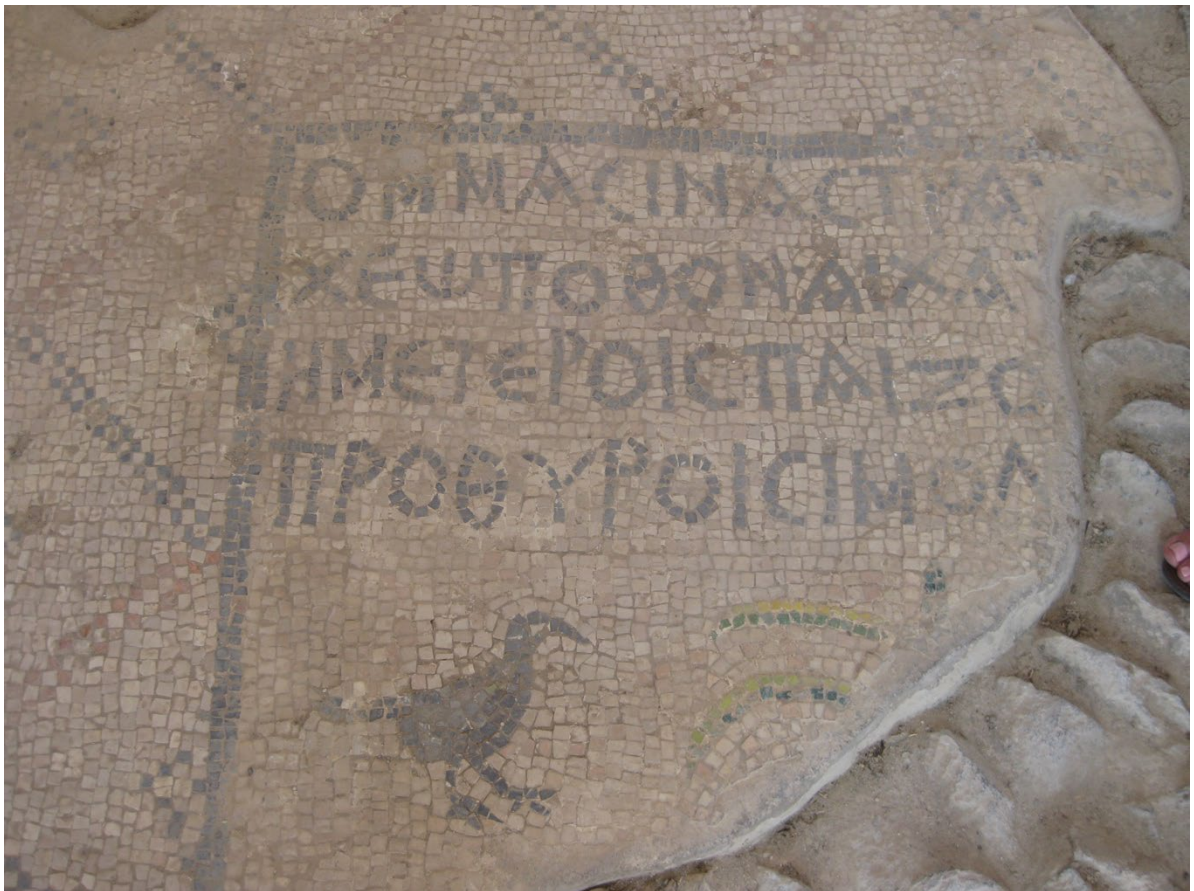
12. Нимфейон и «Врата рая»

13. Телль. «Древо Иуды»

14. Вид с телля на город

15. Мозаичный пол городской усадьбы ранневизантийского времени

16. Термы. Система гипocaustа

17. Термы. Двор

18. Ранневизантийский квартал

19. На улицах Скифополя

20. Тень...

21. На главной улице

22. На память о Скифополе

Продолжение следует...

**РЕЦЕНЗИЯ: МОЛЕВ Е.А., МОЛЕВА Н.В. БОСПОРСКИЙ ГОРОД
КИТЕЙ. ЧАСТЬ III. НИЖНИЙ НОВГОРОД: ННГУ, 2022. 454 С.**

Н.Н. Болгов (Белгород)

В 2022 г. вышла в свет третья часть «Боспорского города Китея» – полной публикации всех материалов раскопок, куда вошли материалы работ 2005-2017 гг.

Первые два тома, вышедшие в 2010 и 2016 гг., охватили 1970-1995 гг.

Таким образом, перед нами – завершение уникального проекта, так как ни один иной город античного Боспора не имеет столь полной публикации каталогизированного материала.

Раскопки этого цикла осуществлялись силами студентов ННГУ и БелГУ в 2005-2012 и 2016-2017 гг. В 2013, 2015 и 2018 гг. работы не велись, но наш отряд студентов и волонтеров приводил в порядок раскопы, убирая сезонную растительность; в 2014 г. наш отряд работал в Приазовье.

Таким образом, этот цикл самими авторами был назван «раскопками Китея XXI века в отличие от работ века XX».

В разгар работы над книгой скоропостижно ушел из жизни бессменный начальник экспедиции Евгений Александрович Молев (16 августа 2021 г.). Книга была завершена Натальей Владимировной Молевой под научной редакцией д.и.н. Александра Валентиновича Махлаюка.

Том не вышел бы в свет без бескорыстной дружеской помощи участников Китейской экспедиции и сочувствующих. Собранных ими средств хватило на треть редакционных и издательских расходов – это очень солидный вклад в наше общее дело.

Книга, как и предшествующие тома, состоит преимущественно из каталогов материалов. Но она может восприниматься и как самостоятельное издание, учитывая хронологию и характер раскопок «второго цикла» (XXI века).

В I части тома (с. 11-144) дана стратиграфия культурных слоев и объекты.

Часть II (с. 145-429) «Артефакты и экофакты» представляет собой каталоги находок и состоит из семи разделов: Керамические изделия; Монеты; Изделия из металла; Архитектурно-строительные фрагменты и каменные артефакты; Изделия из кости; Прочие находки; Экофакты.

В заключении дано памятное слово в адрес Евгения Александровича Молева (1947-2021) за авторством научного редактора тома А.В. Махлаюка (с. 450-453).

Среди прочих находок в томе впервые опубликован второй золотой солид императора Юстиниана с IV раскопа (2017), который имеет особое значение для датировки комплекса на IV раскопе. Да и в целом слой и отдельные находки ранневизантийского времени за этот период раскопок еще раз подтвердили значение Китея как базового памятника этого периода на Боспоре помимо Тиритаки.

Раскопки Китея продолжаются экспедицией Государственного Эрмитажа, в которую наш автономный отряд вошел в 2019 г. В 2021 г. возобновились раскопки на старых «молевских» участках (IV раскоп у восточной крепостной стены).

Китей продолжается. А это значит, что через некоторое время мы сможем увидеть опубликованными новые результаты археологических исследований этого очень интересного, но сурового по своим условиям памятника на самом юго-восточном краю Керченского полуострова – древнего Европейского Боспора. Схема публикации, заданная тремя молевскими томами, получит продолжение.

Научное издание

**КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – VII
Античность – Византия – Древняя Русь**

Материалы VII международной научной конференции

План 2022 г.

Ответственный редактор-составитель
Николай Николаевич Болгов

Подписано в печать 11.11.2022. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 25,81. Тираж 100 экз. Заказ 127.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр».
308023, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис. 40.